

Кирнос С.В.

Во имя порядка
на заре новой эры

2022

Планета Вин. Край Эндерал. Беспокойные и жестокие времена пришли сюда. Святой орден теряет власть, население беднеет, разбойники чаще выходят на большую дорогу, чудовища становятся всё более свирепыми. Континент беззащитен перед множеством угроз, он выгорел из-за беспрестанной войны и кажется, что вот-вот вспыхнут повсеместные восстания и бунты. Пока истерзанный Эндерал обливается кровью, "ужас", подступающий к миру извне, дирижирует апокалипсисом, в котором сгорит весь мир. И те, кто должны спасти Вин от армагеддона, могут стать марионетками в руках inferнальных существ. И некоторые уже говорят, что это конец.

Пока Святой орден занят отражением эфемерных угроз, вопреки всему, горстка людей, вынуждено бежит на север от "братьев" и "сестёр" по оружию. Они, загнанные на край мира, желают мира и покоя в родных краях. Но смогут ли они спасти положение или хотя бы отсрочить конец света?

Пролог

«Раз уж начал — побеждай»

— Велисарий «Светлый».

«Теалор, как... я... у меня просто нет слов. Во имя солнца, Сераф — это же просто титул! Титул! Как это же может быть важным для тебя больше чем ребёнок? О, я просто не могу поверить в это!...»

— Ирлданда — Рождённая светом.

«Неважно, что ты сделаешь, найдутся люди, которые будут презирать тебя за твое решение».

— Калия Закаresh.

«Сражайтесь ради мгновения, и только мгновения... Потому что, в отличие от всего остального, вы можете быть уверены в его истинности».

— Джеспар Даль'Варек.

Пролог

Акт 1

Город Тысячи Разливов. Пирийская Империя.

Мир, на грани исхода и гибели, готовится встретить судный миг, что разнесётся от края до края вселенной. И начало будет ему дано из одного города, столицы могущественной Империи, что ныне захлёбывается в агонии гражданских войн и поставленная к печальному итогу желанием спасти мир... предав его в руки новым инфернальными силами, либо отгородившись от них с помощью могущественной машины. Механизма, чьё имя проклянут в веках... имя которого — «светоч».

По широким ступеням бегут люди, их лица выразили всю глубину ужаса и страха. Вокруг них возвышаются светло-серые постройки и башни, впереди великолепный дворец, осквернённый пламенем и разрушением. Великолепный ансамбль камня, серебра и бронзы, устремляющийся в небеса стал подобен исполину посреди всеобщего хаоса. Город задыхается от смрадной вони ужасающей бойни и горького прогорклого дыма, и гари.

Позади испуганных людей, пытающихся найти спасение в залах просторной цитадели поднимаются воины, облачённые в багряных тонов доспехи и сжимающие окровавленные мечи. Со стен бастиона на них сию секунду обрушился ливень стрел, скосивший часть нападающих, но большая часть продолжает неумолимо двигаться, устилая путь свой телами мирных жителей и немногих защитников крепости. Апофеоз гражданской войны готов разрешиться здесь и сейчас.

— Джакал! — кричат нападавшие и кажется, что истошный вопль наполнил умирающий город от алых улиц до задыхающихся в дыму вершин града. — Слава освобождению! Да прибудет очищение!

Всё утонуло в войне, и никто не заметит незримых участников войны, смотрящих эфирными очами сквозь пространство на происходящее безобразие для одних и великолепие для других. Среди руин, среди войны и пожарищ ступает восхитительного вида латник. Его

тело заковано в золотой доспех изумительной работы, которую никто из живущих ныне мастеров молота не в силах повторить, а на груди неестественно-ярким светом горит символ Грааля. За спиной распахнуты два ослепительно белых крыла, размах коих мог бы закрыть всё тело существа. Лик его светел и прекрасен и тем не менее он отягощён картиной, что взирают его пресветлые очи. Тёплое свечение лазури осияет глаза, что с неистовой скорбью смотрят на происходящее безобразие — они со страшной болью касаются и тел умерших, и с печалью посматривают на бегущих людей и с ещё большим сокрушением сердца на тех, кто преследует их.

— Опять люди пали и снова будет завершён цикл, — словом мерным обозначил всю суть происходящего незримый для зениц плоти воин.

Он медленно прошёл к концу высокой лестницы, уходившей под массивные ворота. Тут небольшая горстка храбрецов готовится встретить наступающие орды, но существу они не интересны. Он проходит мимо них и в одном из закутков крепости находит плачущее, свернувшееся в комочек создание — рыдающий маленький ребёнок в изодранной тунике, закрывший лицо ладонями и зажавшийся в каком-то уголке. Неимоверное сострадание и желание оградить от происходящего охватило светлого воина, коснувшегося своей дланью её щеки, утирая слезу.

— Всё как мы планировали, всё как мы задумывали! — рядом раздался громогласный и до того мерзкий голос, что услышав бы его люди, они бросили оружие и зажали уши.

Возле воина света из потустороннего мрака выползло иное существо. Сияя противно-багровыми пересветами и извергая вокруг себя смердящий туман, оно сделало пару шагов вперёд. Его внешность странна для обитателей подлунного мира — прозрачно, но тем не менее отчётливо видны его очертания — на плечах подобие латного доспеха, только всё помятое, покрыто сажей и копотью, лицо его похоже на исковерканную гримасу ненависти и боли, в глазах же пылает адский огонь неукротимой злобы, смешанной с отвратительным смакованием происходящего.

Прекрасный латник обернулся в сторону омерзительного существа и утвердительно произнёс:

— Проклятый отступник, питающийся гибелями мира, благодаря тебе и подобным твоему чёрному бытию, этот мир сгорит.

— Такова глубинная суть людей, — когтистая ладонь простёрлась и сквозь всякие преграды была дана возможность узреть суть души людей, как нападающих, так и держащих оборону... и картина была не из приятных. «Светлый» узрел, как народ развращается, он увидел в душах картины супружеских измен, насилия, упивания до смерти и то, как сосед вонзал нож в соседа; узрел он и неистовое желание захвата чужого и перед взором светозарного латника предстали картины краж, обманов и гнусной лжи.

— Вот что ведёт людей к гибели, они сами куют меч, который их убивает, — извергнув губы в кривой улыбке заключила тварь и вновь устремила рдьяную длань, указав когтем сквозь материю на одного человека, что со всех несётся к колоссальной монструозной машине, чей пик готов прорезать небеса. — Вот всё подходит к своему финалу.

— И тем не менее, это ты и твои братья разжигали в людях огонь тлена! — обвинил латник, показывая, что порождения infernalного огня нашёптывали роду людскому чёрные слова, возбуждавшие неистовые страсти, а целая свора «алых братьев» вела того, кто должен был стать спасителем сего мира к самой главной ошибке в истории, обрекшей всё население на смерть в огне очищения.

— Цикл должен быть исполнен, — с этими словами из небытия последовал голос и явилась фигура, похожая на женскую — осиная талия, её тело покрыто платьем цвета ночи, украшенным изысканной работы цветочным орнаментом, поверх которого туника, усеянная чёрными бриллиантами и сапфирами, голова покрыта широким капюшоном, а лик закрыт шарфом-палантином от которого исходит лёгкое благоухание.

Её пришествие не вызвало у латника радости, только лишь отторжение, что и выразил пронзительный обвинительный глас:

— Ты заявляешь, что выбрала нейтралитет и роль исполнителя, но твои деяния говорят об ином, — воин простёр руку и явил картину того как люди собирались вокруг женщины под полночной вуалью и отдавали ей поклоны, как богу, верили ей и вверяли жизни, а в конце она просто выжимала их до дна, а души похищала в своё владение. — Ты ради потехи себе, ради удовлетворения свои бездонной гордыни губишь жизни, несёшь боль и разочарование. Ты всего лишь пытаешься стать для людей подобием бога, но не умея созидать — несёшь смерть, — после сих речей воин выпрямился и два сторонника мрака попятнулись назад.

— Я не иду нога в ногу с Тель-Имаатхати, — утвердила «женщина».

— Но дела твои говорят об ином, ибо ты сеешь смерть, ложь, — обвинил латник, прожигая их дух обвинительным взором.

— Пойми, брат, таковы устремления людей, — прильнула к нему «женщина» и показала на город, утопающий в крови и человека, что тянется к светочу. — Вот-вот свершится очищение и это докажет нашу правоту. Так будет и со следующим родом народов земных.

Отведя взгляд от приспешников гибели, взор светлого рыцаря пал на девочку, которая всё ещё жмётся к углу. Он склоняется к ней и даёт увидеть себя. Один вид сияющего латника неведомым сиянием, исторгающим тепло и сладкий аромат чудным образом успокоил рыдающего ребёнка, ужас и оцепенение в глазах сменились отблеском надежды. Воин сделал шаг вперёд и обнял крыльями дитя, даруя ему покой и наслаждение умиротворением, медовый напев зазвучал с губ рыцаря, вселяя в душу ребёнка покой.

Одно мгновение, и он коснулся её души, по произволению Господина своего освободив её от уз плоти и бездыханное тело ребёнка упало на золотые перчатки воина, что вызвало гневливое шипение у красно-чёрного монстра.

— Она не попадёт в твои объятия, — прошептал в его сторону «светлый».

Лучше так, чем если бы её выдернуло очищение, превратив момент расставания с жизнью в мучительный миг, растянувшийся в болезненную вечность.

И пронзил небеса луч светлый, в один миг разрезав грань между миром инфернальным и материальным, в один миг дав все души на растерзания голодным чудовищам, жутким князьям потустороннего царства. Латник, взглянув наверх, расправил крылья и в мановении ока вознёсся над городом. Его очам предстала картина апокалипсиса — тысячи людей, а за пределами стен ещё миллионы рухнули на землю и взвыли неестественным, звериным и истощным голосом. Их тела скрутило и вывернуло, в глазах стала меркнуть жизнь и лишь отблеск безумного света ещё напоминает о жизни в телах. Кожа стала медленно тлеть, сползать кусками чёрного пергамента. Миллионы людей в одну секунду превратились в пепел на могиле истории Пирийской Империи, а их души — жатвой, пиром для инфернальных существ, воющих из эфирного поднебесья, голодной тьмой явившегося из распоротых небес.

— Свершилось, — прошептал чёрный воин. — И снова начнётся заново. Сколько лет пройдёт у новой цивилизации прежде чем её постигнет очищение? — издевательским вопросом закончил речь монстр в доспехах.

Ответом стала короткая фраза, сказанная по воле Великого Господина, заставившая адского воина шелохнуться.

— Это ваш последний триумф.

Акт 2

Спустя несколько тысяч лет. Остров к северу от Эндерала.

Холод и мороз, снег и лёд сковали места далёкого севера. Кусок суши, расположенный в пяти километрах от материка покрыт белой прохладной пеленой, на нём практически нет растительности, кроме нескольких голых кустарников. И посреди острова возвышается высокая одинокая тёмная гора, слегка припорошенная.

Казалось, что на этом ромбовидном скальном участке земли посреди океана, нет жизни. Но это всего лишь иллюзия, рождаемая от невнимательности, на что и был расчёт. Ибо в недрах горы тайное существование ведёт горсть людей, пришедших сюда с юга на хлипком корабле.

Там, внутри скалы, скрытую жизнь ведёт тайный культ, которому бы не обрадовались в Эндерале, поскольку он нарушил один из главных религиозных законов теократии — засомневался в божественности живых богов — Рождённых светом. Древние пирийские руины давнишней неизвестно как сгинувшей цивилизации внутри горы стали отличным местом для тех, кто бежал из страны и сейчас возносит молитвы в глубине храма.

Плавно горящие свечи отбрасывают слабый свет на пол небольшого помещения. Всё оно вырезано в скале и облицовано серыми плитами, лишено изыска, а отдаёт холодной грубостью. Посредине чуточку тлеет костерок, разбитый в небольшом каменном ложе и согревающий присутствующих.

Тут стоит несколько человек, их лица и тела сокрыты под тёмной тканью туник с капюшонами. Только чуть видны шевелящиеся в молитве губы, и слышна тихая речь. В самом конце помещения возвышается небольшой каменный столп на котором поставлена жаровня с красными углями, а возле неё служит высокого роста человек, с перетянутой стихарём — лентой, покрытой письменами, мантии. Он поднял руку — худая белая кисть показалась из-под широкого рукава, которой он осенил присутствующих и раздались слова:

— Благослови вас Творец.

— Да будем имя Его благословенно и славимо! — в одноголосье ответило полдюжины собравшихся.

— Вот мы и вознесли наши молитвы, — на выдохе заговорил глава культа. — Теперь, прошу вас вернуться к делам.

Служба окончена — группа людей разбрелась, кроме одного, который тут же подошёл к тому, кто вёл утренний молебен и с преклонением главы, заговорил:

— Мессир, я не сомневаюсь в воле Творца, не ропщу на то, что мы пришли сюда в бегах от преследования, но хватит ли нам еды? Хлеба практически кончились... а дрова? Мы стопили ещё одну лодку.

— Творец не оставит нас в беде, сын мой. Рыбы у нас полно, есть источник подземный для воды. А тепло... найдём что-нибудь.

— Мессир, позвольте спросить, как вам пришло откровение от Творца?

— Не знаю... но кажется, что это был его посланник, вестник, который пришёл ко мне и передал пергаменты, на которых записана начальная история и заветы Творца. А потом, — дыхание говорившего стало сбивчивое. — Явилась какая-то женщина в роскошных одеждах. Она говорила, что... завершит моё существование, так как это непорядок.

— И что же дальше?

— Кажется... он, посланник Всевышнего, прогнал её... так мне показалось. Я слышал слова, исходившие от его сияющего лица на которое нельзя было посмотреть — «Хватит. Так говорит Вседержитель. На этом народе всё закончится».

— Интересно...

— А потом он сказал мне — идти и искать себе сторонников. И я пошёл проповедовать втайне, чтобы найти тех, кто последует за мной. И вы пошли.

— Да. Мессир, скажите неужто мы часть истории? Падение того тирана-лжебога из аэтерна, от рук Рождённых Светом в начале нашей эры, потом несколько тысячелетий жизни, а теперь мы... вы говорили, что наше прибытие станет чем-то значительным, но так ли это?

— Понимаю, но у Единого Бога всё распланировано так, как необходимо, — уверенно ответил глава таинственного культа. — Если не нам предстоит стать тем, кто изменит ход истории, то может... мы укажем путь тем, кто это сделает?

— Ладно, я слышал, что на юге Нерима тоже... культ Творца? Но там люди приносят людей в жертву.

— Они — еретики раз такое творят, — резко ответил глава культа. — Всевышний не нуждается в человеческих жертвах — это богохульство и грех. Сердце, сокрушённое и смиренное — вот главная жертва для Господа.

— Правильно. Мессир, — тревожно начал послушник, — вы думаете, что Творец, ведший вас в пророчествах, допустит падение мира?

— Пророчества это всего лишь инструмент нас предупредить, — глава культа провёл пальцами по изогнутому лезвию кинжала, который ранее находился у него в ножнах. — Если так угодно Творцу, то может и так и будет. Но если Его слуги настолько сильны, что отгоняют посланников тьмы, то не в его ли силе и власти из самого худшего варианта развития событий сотворить нечто спасительное? — таким вопросом глава общины завершил разговор с послушником и отправился в глубины храма, прихватив с собой кинжал.

Акт 3

Спустя пятьдесят лет. Нерим.

Дождь... идёт сильный ливень — хмурые облака буквально разверзлись холодным плачем, всё заливая «слезами» с тёмных пасмурных небес. И у них есть повод — готовится страшная война, которая станет не просто конфликтом за территорию, ресурсы или власть. Причина куда серьёзнее и то, что будет дальше решит судьбу всего мира.

Женщина среднего роста идёт по лесной дороге — справа и слева от неё пространство сжимают деревья, а в глуши обитают опасные звери — волки и медведи. Но она не боится их, ибо на бедре блестит позолоченный клинок аэтерна — расы желтокожих остроухих обитателей Вина.

Она спешит. Натянув посылнее капюшон, девушка едва не переходит на бег, но не следует это делать. Помимо лесных животных есть твари поопасней — это воины в кольчугах, на которых красуются чёрно-жёлтые табарды — ратники нового порядка. Они

пленают любого, кто слишком подозрителен в своих словах о вере.

Это страна готовится к войне — недавно тут к власти пришёл фанатик, который решил, что только его идея — идея безверья достойна существования и все несогласные должны быть убиты. Но есть те, кому это не нравится, и она одна из них. Преданная другому заморскому государству, её сюда привёл долг и приказ того, кого зовут Велисарием.

Медленно, но верно — девушка подошла к месту назначения, ставшему возможностью предупредить об опасности. Перед ней выросли громоздкие серые ворота, на которых красуется герб — позолоченная булава, окружённая лавровым венком такого же цвета, чуть потускневшая под ливнем. Несмотря на дождь и всеобщую серость золото сияет внутренним светом, вселяя уверенность вместе со стягами, что мерно реют над двухэтажной сторожкой, выстроенной из массивного камня и окрашенной в бежевые цвета. Подле неё стелется брусчатка, а также

Она прильнула к небольшой сетчатой двери, за которой ещё одна, только вытесанная из толстых брёвен. Тонкие пальцы девушки дёрнули за неё.

— Проклятый звонок! — выругалась девушка и со всех сил ударила в железную сетку, да так, что на той стороне услышали её негодование.

Отворилась деревянная дверь и на встречу ей вышел чуть выше среднего роста парень. Светлый стриженный волос чуть приминался чёрным шапероном, на девушку смотрели глаза цвета василька. Одежда вышедшего вторит расцветке его зениц — стёганное, укреплённое кожей, пальто с нашивкой двуглавого орла на плече. Ноги же покрыты высокими сапогами.

— Смотритель ворот, Олесс Агдан де Ольх, — чуть грубым голосом начал парень. — По какому поводу вы сюда явились, извольте уточнить, что привело вас сюда?

— Я к вашему командиру — Герцогу Андерасу Гринхарту, — выпалила девушка и протянула удостоверительную грамоту. — Крисс Амолеж.

— Да... нам доложили, что вас ждут, — Олесс увидел, как она потирает верёвку замка и подметил. — Он не всегда срабатывает. И добро пожаловать в Дом управы четвёртой Неримской армии[1].

Девушка прошла за порог, быстро миновав обе двери. Тут же она нарвалась на парнишку в зеленоватого цвета стёганной куртке с сине-жёлтыми геральдическими орлами, что лихорадочно обратился к Олессу:

— Падре, там проблема... мы пропустили человека из Особого Комитета Содействия Очищению... и не отправили посыльного к Герцогу.

— Проклятье! — выругался Агдан. — Ваш «папа» уже задолбался за вас исправлять косяки. Ещё пара таких и «командор» так нас «отлюбит», что мы потом ходить не сможем, — тяжело выдохнув он посмотрел на пришедшую девушку. — Идите, у меня только что работы прибавилось.

Девушка вышла из другой двери и двинулась вперёд. Вскоре она уже сидела на бархате стула в кабинете Герцога и слушала его тяжёлый бас:

— Итак, что вы хотели? Я получил от вас письмо, что вам нужна помощь и что это дело спасения Нерима. Только поэтому я вас принял.

Она подняла глаза и увидела, что на его куртке цвета ночи такой же символ — двуглавый орёл. Едва загоревшая бронзовая кожа оттенялась тусклым освещением, а в карих глазах мерцал странный блеск. Только серебро седого волоса как-то высветляло его.

— Да, господин Герцог. Только у вас есть птицы, летавшие раньше в Эндерал. Мне

нужна такая одна, чтобы передать послание, — чуть наклонилась дама, доставая маленький кусочек пергамента.

— Зачем мне вам помогать? — смутился Андреас.

— Потому что если вы не сделаете этого, то Коарек победит. Я знаю, что вы всё ещё верны старому порядку, что чтите родные традиции, — девушка указала на кодекс, лежащий под рукой мужчины. — И старому закону.

— Коарек. Этот петух крашенный почти убил мою страну. Он уничтожил старые традиции, он попрал старый закон. Гавнюк.

— Я прошу вас, дайте воспользоваться вашими птицами, — зацепилась за возможность девушка, продолжив убеждать. — Вы же Андреас Гринхарт, который со своими конно-стрелковыми разгромил наёмников под Стоунфилдом. Благодаря вам не пал Ледур от рук сектантов, — дама задержала дыхание и умолкла, выдержав театральную паузу. — Сейчас у вас есть шанс вернуть свою родину.

Герцог поднялся с трона. Он аккуратно взял письмо из рук эндералки, в его глубоком взгляде она увидела уверенность и решимость.

— Ивванилет!!! — прорычал Герцог.

В кабинете влетел чуть выше среднего роста влетел парень. В фиолетовых глазах читалась усталость, филигранно-устроенное лицо с пруженным подбородком и отточенными гранями оттенило усталостью, чуть золотистая кожа молодого аэтерна покрывалась серебристым парчовым дуплетом, на котором также красовался двуглавый пернатый хищник.

— Отправляйся. Нужно отдать это письмо нашему «птичьему», — передал пергамент Герцог и Ивванилет тут же вышел, а Андреас окинул пронзительным взглядом Амолеж. — Теперь вся работа за твоим Велисарием. Посмотрим из какого теста сделан этот мужик.

Глава 1. «Радикальный элемент»

Глава 1. «Радикальный элемент»

«Даже когда путь тернист, мы должны следовать ему не ради своего блага, а ради блага общего»

— Из книги «Благоразумный мальчик и праведный путь».

Храм Творца к северу от Эндерала. Утро.

Я смотрю на морскую гладь, которая стелется предо мной — беспокойные воды мирового океана волнуются, вздымаются волнами и бьются о берег под шипящий шум прибоя. Красное море, омывающее континент Эндерал, сегодня беспокойно. Порывы холодного ветра колют моё тело, несмотря на то, что балахон и сапоги, перчатки и штаны покрыты плотным меховым плащом с широким капюшоном, от которого совсем никого тепла. Над головой плывёт плотный слой облаков — серые, тяжёлые и предвещающие скорый снегопад. Выдох и с полных нешироких губ срывается облачко густого пара, тут же скользящего от меня — ветер погнал дальше на запад и моментально оно растворилось. Мне чувствуется песок и мелкие камни у себя под ногами, которых множество на берегу — этот участок земли освобождён от снега, которого тут много. И пришёл сюда за запасами, и чтобы проверить почву, которая приходит с птицами на короткий столб из привезённой дубовой доски с утеплённым деревянным коробом, где ютится пернатый курьер. Но пока его нет, и я вынужден идти к небольшой «двери» — это несколько сколоченных деревяшек, закрывающих вход в маленькое подземное углубление. Ладонью чувствую, что кольцо, прикреплённое к дереву, изъедено ржавчиной, которая крошится о мою грубую кожу. От одного движения руки мне подчиняется поднятый кусок дерева и спускаюсь по кускам досок, вбитых в землю, которые поставлены за место ступеней.

— Ну вот что за напасть? Я — бывший хранитель должен таскаться в грязный погреб за вином и вяленным мясом, — говорю в досадной обиде от ситуации в которую попал, но нет смысла горевать о том, что случилось, ибо это лучшее.

Взяв бутылку от которой «упорхнули» пылинки, и мясо, завёрнутое в ткань, я поднимаюсь прочь из этого тёмного промёрзлого места, и какое счастье, что всё нужное лежало прямо тут и не нужно лезть за этим далеко.

Поднявшись, снова чувствую морской запах, мне в лицо забил неприятный ветер, и я бы с радостью скрылся в Храме и приступил к своей любимой работе, но нет, мне ещё нужно вытащить сети с рыбой. Действительно, я ведь какой-то рыбак... но с другой стороны оставаться в Арке, где балом правит Арантеаль с его одержимостью циклом, и наплевавшим на всё остальное — ещё хуже. Как можно верить в какой-то конец света, очищение и прочую чушь, когда он может подтвердить это только своими видениями? Он даже не заметит, как город приступом возьмут орды нежити, ибо будет сидеть и размышлять над циклами. Что ж, это одна из причин почему и многие другие оказались здесь — банальное недопонимание и конфликт интересов... тогда ещё никто не знал, к чему может привести обычная ссора между великим магистром и одним из непримечательных хранителей.

Но об этом потом, сейчас я должен достать сети, крепление которых тут — на берегу. Оставив вино и мясо у столба рядом с большой сумкой, которую принёс сюда, лёгким шагом я

подхожу к большому камню — в пол моего роста, который обмотан крепкими путами, тянущимися далеко в море. Крепко обхватив их руками, тяну — море и вес не позволяют мне сделать эту процедуру быстро, но всё же, движение за движениям подтягиваю к себе грузный улов и вижу, что на берегу оказываются сети, только на треть заполненные рыбой. То, чего должно хватить на тридцать килограмм, еле-еле заполнилось на десятку.

— Что ж, смерть от голода и переохлаждения не такая глупая, как от безумных увлечений и грёз великого магистра, — усмехнулся я, с горечью понимая, в каком положении сейчас находится Арк и чувствуя боль у сердца за то, что многим жителям придётся пострадать за его глупость не даёт мне покоя.

Сам родом из этого прекрасного города, двадцать лет жил в нём и видел, как местность вокруг него превращается в кошмар, а Святому ордену, созданному в стародавние времена по заветам Мальфаса для защиты Эндерала, дела не было до этого — они только сдавали позицию за позицией. Потом пять лет прослуживший в статусе хранителя первого сигила и главы корпуса соглядатаев я понял, что и в самом ордене дела обстоят не лучше — он медленно приходил в упадок, а деятельность соглядатаев никому не нужна. Конечно, лучше ведь ударяться в молитвы и махать мечами, да пускать молнии и огненные шары, но вот на «скрытые глаза» всем плевать, они же на так сильно прославляют Орден.

— Идиот, несчастный идиот, — подумал я об Арантеале, который прибыл сюда два года назад и решил всё взять в свои руки, но от этого всё стало только хуже.

Медленно погружаясь в раздумья, присаживаюсь на камень, уставляя взгляд глубоко в море. Нефритово-холодными очами исследую дали, чувствуя некую заворожённость от волнений воды, но всё же вернулся к воспоминаниям.

«Ты — глупец и всех вас ждёт смерть, если не одумаетесь!» — именно с этих слов и так началось то, о чём никто не мог помыслить или предположить, что выбилось из общей колеи событий и стало неожиданным... речь идёт о расколе.

Сначала мы все встретили возвращение великого магистра с радостью, несмотря на то, что он привёл с собой неримских магов... предателей, восстававших ранее против божественного порядка. Да, это породило недоверие, подозрение и лёгкий ступор, но всё же мы чаяли большие надежды, связанные с его возвращением, но совсем скоро стало понятно, что он принёс с собой не только горькие новости, но и заразился какой-то формой безумия, навязчивое состояние о каком-то цикле пленило его рассудок, и он не мог думать не о чём другом.

Его рассказ о гибели Рождённых Светом, живых богах, что правили нами тысячелетия, которым мы воздавали хвалу в молитве, вызвал волну горя в наших рядах, но не сломил нас. Я до сих пор по ночам слышу фантомные рыдания хранителей и гневливые речи неверия, которыми заполнялись залы Храма Солнца, от новости о том, что те, кому мы служили долгие лета, те, кто были божествами и обладали бесконечным могуществом — пали от руки воплощённой тьмы. Но это ли самое трудное? Мы пережили боль утраты наших кумиров, отметили отход их в мир иной почитанием, но беды не ходят по одной. Теалор Арантеаль стал каким-то отчуждённым... возможно года заключения на него так повлияли, а возможно частое общение с неримскими магами сделало его безумным. Вскоре мы узнали о цикле и поняли, что великого магистра перестало волновать что-то кроме него и как его остановить... людей грабили бандиты, дикие маги выжигали имущество торговцев и дома мирных жителей, грабители совершали налёты на фермы и разоряли их, большая часть контента погрузилась в хаос. Эндерал медленно превращается в гниющий ад, но великому

магистру дела не было до этого. А я? Умолял отправить в Нерим, на другой континент, соглядатаев, так как Арантеаль рассказал нам, что там теперь поднимает голову лютый безбожник, который всеми силами души ненавидит Орден и убивает священников, но идущая гражданская война не даст ему быстро получить власть. Я говорил ему, что рано или поздно он пойдёт на нас войной, когда объединит свою страну, что «сокрушённый и уничтоженный оплот теократии» станет триумфом неримской армии. Но меня не услышали. Решили, что сначала они разберутся с циклом, а потом подумают о войне. А как же! Посмотрел бы я не его физиономию, когда корабли Нерима штурмом возьмут порт, а он даже не удосужился проверить состояние городской артиллерии.

И что в итоге? Магистр ордена, пленённый непонятными грёзами, расхлёбанная армия Арка, бунты, бандитизм, грабежи и разбои, всюду плодящееся беззаконие, растущие как на дрожжах секты, орды мертвецов, да ещё и Красное безумие — со всем этим мы должны были бороться, но даже руки не подняли. Пред нами континент, которому ведома лишь война, и его руководство, не желающее с этим ничего не делать.

И в последствии у одного из хранителей не выдержали нервы, лопнуло терпение. Постоянные отказы в операциях, вечное полумолчание, недоверие и помрачённость рассудком — всё это добило Флава Велисария «Светлого». Один из верных последователей Ордена открыто высказал Арантеалю недоверие, назвал его глупцом и призвал дать ему возможность зачистить хотя бы Солнечный берег от бандитов и нежити, чтобы обеспечить спокойствие населения и стабильность. Но последовал отказ. Я помню, как в Обители прозвучало обвинение и скандал, как Велисарий обвесил Арантеаля «любезностями»... там были и неримские маги, следившие за этим — старик Огневспых, Лишари Пегаст и Юслаф Ша'Рим — чернокожий парень с Киры. Но казалось, что седому, таинственной неримке и странному южанину не было до этого дела. В конце концов Велисарий собрал всех, кто был не согласен, кому было не безразлично до судьбы Эндерала и покинул Храм и орден, навечно став для наших братьев и сестёр врагами. Пошёл и я вместе с десятком хранителей. Арантеаль может и неплохой воин, но умирать под руководством бездейственного магистра, который медленно теряет связь с действительностью, не собираюсь. Лучше тут морозить мягкое место и разрабатывать планы по устранению проблем, чем выполнять лишённые здравого смысла приказы и гоняться за иллюзиями.

Велисарий привёл отряд сюда — на далёкий забытый остров, куда не дотянется рука ордена и где можно спокойно строить планы. Он его нашёл давным-давно, во время одной из своих операций, но скрыл его, оставив в неведении Ордена.

Нас называют предателями, клятвопреступниками, сепаратистами, радикалами или мятежниками — мне до этого нет дела. Главное — спасти Арк и Эндерал, но в условиях, когда всем заправляет тронутый магистр — это невозможно. Да ещё он с собой привёл неримцев — наших врагов. Они восстали против Рождённых Светом, а теперь объединились с нами, чтобы отстрочить то, за что виноваты. Да ещё и кто? Заносчивость Константина не знает себе равных. Лихость, буйность и праздность Лишари выводят из себя даже самого сдержанного. А Юслан? Станный и мрачный парень, я бы за ним приставил надзирателей, чтобы он чего-то криминального не учудил. В общем те, кого привёл Арантеаль ещё хуже него.

Но ладно. Посидев и подумав о том, что было, я беру сети с рыбой, делаю глубокий вдох, чувствуя, как лёгкие наполняются солоноватым воздухом. Подойдя к столбу закидываю рыбу, вино и мясо в один большой мешок, как слышу звук. Порхание и хлопот крыльев над

головой отвлекли меня. «Неужто почта!» — радостно подумал и действительно — в «дом» прилетела птица я успел заметить только её коричневое оперение, которое скрылось в коробе. Оставив мешок, открываю птичий «дом» и достаю птицу из него — аккуратно, чтобы её острый изогнутый клюв не пробил мне перчатку и вынимаю бумажный лоскут из крошечного цилиндра, прикреплённого к лапе. Вернув пернатую обратно, я разворачиваю бумагу и читаю сообщение, от которого мне становится не по себе. Рядом с бумагой так же был и небольшой скрученный цветок жёлтого цвета. Буквы на бумаге возвестили мне о приближении бури, которая сметёт Эндерал, а ведь предупреждал великого магистра.

— Зараза! — выругался от вспышки гнева, и чтобы не тратить время на бег к Храму, вынул один из драгоценных свитков телепортации; в моих руках бумага стала светом магии, приятно пронизывающим кисти. Пара взмахов, и я чувствую, как потоки энергии поднимают меня, а спустя миг вспышка света всё затопила перед глазами и образы холодного берега исчезли.

Щекотка и волнение пробежали по телу, секунда дала мне ощутить незабываемое чувство полёта, но оно отступило в том момент, когда магия вернула меня в материальный мир и выбросила на холодный каменный пол. Наш чародей привязал магию свитка к этому месту — Залу Совещаний.

Весь комплекс Храма расположен внутри скалы — древние пирийцы выбили его тут для своих поклонений, но ныне он используется нами. Зал Совещаний — центральное помещение, к которому ведёт узкий коридор от входа. Тут всё освещено масляными фонарями и свечами, отчего отлично видно каменные скамейки и трибуну. От него исходит ещё четыре больших хода в скалу, ведущие в комнаты, где мы разбили молитвенную комнату, хранилище сухих припасов и спуск к источнику воды, мастерскую и палаты магистра. А узких путей около десятка, которые венчаются комнатами братьев и душевыми с туалетами.

Но до мыслей об устройстве бывшего Храма особо нет дела. Я бегу со всех ног через большой зал, где пирийцы проводили свои богослужения и натываюсь на одного из братьев. Он носит всё тот же анатомический доспех хранителей — с блестящим рельефно-телесным нагрудником, наручами и сапогами, только ткань вместо красного цвета Святого ордена стала оттенка светло-синей пастели, а так же спину покрывает утеплённый плащ.

— Эй, ты принёс пищу? — раздаётся его грозный вопрос.

— Да! — кричу и тянусь к сумке, но мои пальцы находят только пустоту. — Проклятье! Я забыл её на берегу!

— Так возвращайся, — холодно приказывает он.

— Некогда! — с гневом отвечаю я и пробегаю мимо. — У меня послание для магистра!

Зараза, столько всего в последнее время, что память начинает сдавать. Понимая, что за оставление скудного припаса меня ждёт наказание, решаюсь это сделать, ибо сообщение важнее.

Пробежав ещё двадцать метров я оказываюсь у арки, с которой начинается высокий широкий коридор, который быстро прохожу. В ногах чувствуется боль, сердце глухо колотится в горле, и отдышка давит на дыхание. Я прохожу ещё немного и оказываюсь в покоях магистра — это просторная квадратная комната, которая так же освещается лампами и свечами, которых магистр вместе с маслом для фонарей... «позаимствовал» вдоволь из хранилищ Арка.

Я захожу внутрь и вижу помимо каменной мебели стол с картой за которым стоит

Велисарий. Это высокого роста эндералец, с карими выразительными глазами, чёрным пышным волосом и неаккуратной смольной бородкой на лице с острыми чертами. Его тело укрыла мантия тёмного цвета и меховая накидка. Он — отрёкшийся от Святого ордена человек, основавший свой Орден храмовников, сменив символику — теперь вместо красного штандарта с золотым оком, мечом — хоругвь с полотном светлого цвета на которой тёмно-алого цвета звезда с шестнадцатью лучами.

— Что ты хотел, Фриджиэн? — оторвав голову от карты вопрошает магистр.

Я делаю робкий шаг вперёд и протягиваю послание, которое переходит в руки командиру, а мне хочется объяснить его содержание:

— Господин Велисарий, — мой голос дрожит от волнения, — наш агент, которого мы отправили год тому назад в Нерим сообщает, что тамошние власти готовы к ведению войны против Эндерала. Последние корабли не так давно оттуда отплыли и Коарек, глава Вольного народа Нерима, начал кампанию против Эндерала.

— А Арантеаль ещё говорил, что разведка — это дело пустое. Ладно, чего вспоминать прошлое — нужно начать предпринимать действия.

— Господин магистр, но что мы можем сделать? — спрашиваю я. — Десяток человек против целой армии?

— Во всяком случае первым пойдёт штурмовой корпус, но с учётом как построена оборона Арка, ему не составит особой сложности слёту пройти по улицам города победным маршем, — грузная речь Велисария не вселяет в меня уверенности. — Нам необходимо сообщить Арантеалу о том, что его грёзы могут быть нарушены самым неприятным образом.

— Но как? Мы для них — радикалы, которых они не послушают. Господин, разве Орден когда-то жаловал предателей вроде наших?

— Понимаю, но Арантеаль должен понимать, что случится с ними, если они не вонмят нашим предупреждениям.

— Ладно, но кто отправится к ним?

— Ты, мой друг, — лёгкая улыбка тронула губы Велисария, — кто ещё из нас хорошо подкован в праве и красноречии? Если я пойду туда, то мы снова поссоримся с Арантеалем, если туда пойдёт наш проповедник, то он уйдёт в вероучение.

— А, ты об Исаиле? Но ведь у нас есть ещё Гаспар? — спрашиваю я, лишь бы не идти в Арк; после ухода как-то дискомфортно туда возвращаться; слишком много было выплеснуто, да и если Арантеаль рассказал об этом страже, то в меня могут полететь стрелы, а мне не хочется этого.

— Ты о том механике? Он конечно хороший учёный, но он слишком замкнутый. Среди нас только воины или делатели науки и веры. Пойдёшь ты, Фриджиэн.

— Хм, смешно, — опускаю голову, я смотрю на ладонь, оттянутую перчаткой. — Теперь только от изгнанников и мятежников зависит судьба целого континента. От «радикалов», которые отреклись от Ордена.

— Ты отправишься вместе с посланием, — Велисарий отдаёт мне бумагу. — Тебе нужно только немного подготовиться.

— Хорошо, господин, — тяжело выдыхаю я, и чтобы хоть как-то переключиться от темы, спрашиваю. — Господин магистр, а что с другими планами? Мы же не зря год морозились здесь?

— Нет, не зря, мой друг. Как видишь, наши связи с Неримом дали свои плоды. К тому

же Гаспар практически доделал конструкцию нового оружия на порохе. Говорит, что им легче обращаться чем с луком. Исаил продолжает изучение Предания и пирийских текстов, которые тут остались.

— А вы? — спрашиваю я. — Мы же пришли сюда не только ради нового оружия и веры? Я до сих пор думаю, что вы выбрали этот Храм только из-за отдалённости.

— Фриджиэн, понимаю. Отчасти это так, но тут я нашёл много интересного, — Велисарий взмахом руки подзывает меня к себе, и я подхожу.

Я гляжу на карту, и он показывает мне карту Эндерала, на которой есть несколько отметок красным цветом. Мне непонятно что это и задаю вопрос:

— Господин, что это?

— Один из культистов, которые были тут полвека назад отметил в своём дневнике несколько тайных мест жительства скараггских воинов.

— Эти дикари? Но зачем они нам? — возмущаюсь я. — Мне кажется, что они нам не нужны.

— Знаю. Это так, для начала. Храм оказался скуден — не пирийской экипировки, не чего-нибудь технического. Только тонны табличек и манускриптов на пирийском языке. Но даже среди этого удалось найти ценное.

— Вы о чём?

— Я говорю о томах магических книг. Судя по всему, жрецы пирийцев тут держали ещё и знания о чарах.

— Неплохая находка.

— Ладно, сейчас нам всем нужно подготовиться, — Велисарий посмотрел на свой щит, который стоит в углу. — Наступают тяжёлые времена и кажется, что вскоре всё примет совершенно страшный оборот.

— Но мы же не отступим перед наступающей тьмой?

— Конечно нет! — воскликнул Велисарий. — Я родился на Эндерале и не дам ему пасть. И мне всё равно, кто против нас пойдёт — мы разметаем всех. Никто не встанет на нашем пути по спасению родного дома.

— А если встанет Орден, и наши братья? — аккуратно спрашиваю я.

Велисарий кинув взгляд на кинжал — изогнутое оружие, найденное тут, на лезвии слабо отсвечивает отражения огоньков свечей и странно мерцает. И вскоре магистр даёт ответ:

— Если придётся, и против них обнажу свой меч.

— Что ж-ж, — затынул я. — Честный ответ. Теперь позвольте идти готовиться к отбытию в Арк?

— Да, не забудь ещё зайти к нашим головастым, и... а где мешок с рыбой, мясом и вином? — неожиданно спросил магистр и от его слов меня пронзает неудобство и смущение. — Или ты нам сегодня предлагаешь сухари жевать?

— Простите, господин. Его оставил на берегу.

— Так, притащи его обратно, а потом можешь начать, — строго приказал Велисарий и махнул рукой, отпуская меня.

Отдав лёгкий поклон, смиряюсь с мыслью, что мне придётся вернуться на берег, и могу только молиться, чтобы чайки не разворотили наши припасы. Выйдя в Зал Совецаний, натыкаюсь на среднего роста смуглого парня, который вечно носит на себе красную мантию храмовых клириков. Я вижу его короткий волос и треугольные черты лица. Со своим

знанием и рвением к вере он отлично выполняет своё призвание священника.

Я вспоминаю, что после пришествия сюда мы обнаружили записи культа, который вёл тут свою жизнь около пятидесяти лет тому назад. Они верили в Единого Бога — Творца, который и создал всё. Оставили после себя Предание, которое Исаил взял на изучение. В бытности своей священником Храма он быстро нашёл в нём истину и скоро весь Орден Храмовников стал носителем новой веры — во Творца. Нам нужно было заполнить ту дыру в душе, возникшую после смерти Рождённых светом, и мы нашли её не в полуправде, но в истине.

И я присоединился к этому. После падения Рождённых Светом ощутил страшный холод в душе, как будто нечто важное вынули, но только после утверждения себя в вере во Творца ощутил покой. Возможно это покой из-за отступившего страха смерти, а может и действительно Его рука укрепила дух мой.

— Исаил! — кричу я поднимаю руку, мне отраднo видеть этого человека; когда мы покинули наших братьев и сестёр по Ордену, даже меня настигла хандра и печаль: странно, но это тяжкое ощущение — печаль и уныние от того, что приходится расставаться с людьми, с которыми я ел и пил, смеялся и работал, делился личным и жил под одной крышей, но наш священник пламенными речами выгнал из меня всю эту гадость.

— Да? — обращается ко мне клирик встаю рядом с ним; чуть по времени мы здороваемся лёгким рукопожатием и приобнявшись.

— Благословите, отче, — прошу я, смотря в тёмные глаза Исаила.

— Благословение Творца да пребудет на тебе, — подняв руку, произнёс мужчина негрубым, но мерным голосом.

— Исаил, наш магистр сказал, что у тебя что-то есть? Что ты обнаружил?

— Да, — клирик сделал шаг назад и показал на скамью. — Ты присаживайся, поговорим немного.

Ощувив под собой холодный камень и наострив внимание, я приготовился слушать друга.

— По милости Творца я расшифровал некоторые из пирийских манускриптов. Похоже Арантеаль оказался прав.

— Ты о чём?

— Я узнал, что они боролись против некого цикла и то, что между ними была война. И то, что так же как у нас среди них ходили богоподобные создания, которые держали власть, пока их не свергли.

— То есть в безумии Арантеаля есть что-то здоровое? — удивился я. — Неприятно ощущать, что мы оказались в чём-то не правы. Но ладно, есть ещё что-то?

— Да. Я изучил тексты книг о Творце, которые тут остались от прежнего культа. Предание, оставленное здесь, это истинное откровение Творца, — вдохновенно заявил Исаил. — В нём говорится, что это оставленные слова Творца аббату Яго.

— О, теперь мы знаем одно из имён тех, кто тут жил. И?

— Это связано с циклами, ибо в Предании говорится, что Творец изначально создал двух особой — мужского и женского пола и оставил их в своих обителях, но они были совращены одним из слуг. И всё понеслось.

— Хм, я подумаю над этим позже, — говорю я, чтобы отстраниться от теологических размышлений, больно они трудны для меня. — Есть что-то практичное. Магистр мне дал задание вернуться в Арк.

— Помилуй Боже, зачем?

— Да есть одно дело... война с Неримом скоро, — печально сообщаю я, предчувствуя, что всё это обернётся страшными последствиями. — Нужно предупредить Арантеаля, но я боюсь, что меня даже к храму не подпустят.

— Ничего, Творец тебе поможет, молись ему, и он не оставит тебя.

— Хорошо. Знаешь, мне кажется, что если мы расскажем Арантеалю о Едином Боге, нас обвинят в ещё большем радикализме и отступничестве.

— На всё воля Творца, Фриджиэн. Ты иди и оставь заботы и переживания Ему. Да тут у меня для тебя есть одна из книг Предания, — протянул мне на старую книгу Исаил.

— Хорошо, — я взял за ветхую обшарпанную обложку толстый, но небольшой, размером с ладонь фолиант.

— Слушай, мне нужно подготовиться к возвращению и ещё необходимо зайти к Гаспару. Ты не мог бы забрать за меня мешок с едой. Я оставил его на берегу у столба.

— Хорошо, как раз собирался подышать воздухом. И, — Исаил распростился со мной прощальной фразой эндераральцев. — Благословляю твой путь.

Немного возвеселённый от того, что мне не придётся возвращаться на берег, я решил зайти к нашему механику, который усердно работает над одним оружием из стали, дерева и пороха. Пройдя к одному из многих проходов оказываюсь спустя несколько минут ходьбы в просторной мастерской, приближение к которой предвозвестил специфический аромат масел, раскалённого металла и пороха.

— Как же тут смердит, — сказал я, когда оказался посреди нескольких верстаков и ящиков с деталями и слитками железа, а также раскалённой кузницей. Тут слабее ощущается запах взрывчатого порошка, бочонки с которым выставлены за пределы этого места, чтобы чуть что комната не полыхнула; за год магистр несколько раз совершал вылазки за всем необходимым для Гаспара, пока не собрал достаточно для нормальной работы.

На моё поздравление крупноватый мужчина, обросший густой бородой, с полным лицом, в тяжёлом фартуке, никак не отреагировал. Вместо этого он продолжит что-то аккуратно колотить молотком какую-то деталь на верстаке.

— Гаспар, здравствуй! — кричу я. — Меня послал магистр. Мне скоро отправляться в Арк, есть что-нибудь для меня?

— Привет, хорошо, — буркнул он и подозвал меня.

Вместе мы встали у его рабочего стола, где он мне показал на странное сумбурное произведение военно-кузнечного искусства. На мгновение я вспомнил, что Гаспар часто упрашивал, чтобы ему дали возможность в Святом ордене заниматься не только ковкой простого оружия, но и дать волю его задумке использовать порох, сталь и дерево в более маленьких и удобных конструкциях, чем пушки. Но в Святом ордене на его просьбы не реагировали, ссылаясь на нецелесообразность, недостаточность времени или ресурсов. Что ж, подойдя я вижу, что на деревянном ложе стоит небольшая толстая металлическая труба.

— Что это? — дивлюсь я. — Как это работает?

— Ручная пушка, — Гаспар показал толстым пальцем на заднюю часть. — Вот это фитиль. Его поджигашь, и она стреляет.

— А как заряжать?

— Как пушку.

— Хорошо, это какое-то... необычное явление инженерной мысли, — мне странно смотреть на это оружие, оно громоздкое и странное; в мире магии зачем уменьшенный

прототип артиллерии? Оно несуразное, чудное и кажется, что в руках оно только отягощать будет. — Но я ведь не смогу взять эту громадину с собой. Она слишком... приметна. Есть что-то меньше?

— Да, — Гаспар залез под стол и вынул ещё одно диво его инженерной мысли — уменьшенный вариант большой несуразицы, только на этот раз фитиль поджигается по действию механизма, приводимого в движение небольшим крючком внизу оружия и у рукоятки.

— Спасибо, — взял я увесистое оружие в руки, как Гаспар положил передо мной на стол десять мешочков с порохом и пятнадцать маленьких стальных шариков вместе с длинной палкой и после этого сказал:

— Заряжать с дула, — повременив пару секунд, он спрашивает. — Ты ведь идёшь в Арк? Может купишь для меня кое-что?

— Ты погодь. Может быть мы ещё вернёмся туда.

— А может и нет, — тяжёлым басом, явно давит на меня Гаспар.

— Ладно, умеешь убедить, давай сюда свой список, — согласился я и забрал небольшой кусок бумаги, приготовленный им явно давно, да только шанса было никому вручить его.

Наконец-то я вернулся в свою комнату, где мирно горит масляная лампа и немного тепло. С радостью бы забрался под одеяло лежанки, да только дела меня отягощают. Небольшой рабочий столик с табуреткой напомнили о моей долгой работе, которую вёл все эти дни. Магистр Велисарий приказал мне писать новый закон для Эндерала. Я не знаю зачем, не знаю для чего, но только могу предположить, что он ждёт того момента, когда откроется, что Рождённые Светом были уничтожены. А как только это станет известно широким массам та книжка «Путь» как источник права и содержатель смысла жизни, станет просто сборищем красивых стихов и текстов. Что ж, отрадно понимать, что Велисарий видит намного дальше, чем все мы.

При Святом ордене я был не только хранителем, связанным с деятельности немногих соглядатаев, но и законником, изучающим право Эндерала. Теократическая система государства практически не оставляет возможности для создания чего-то, что не основывается на Пути, а поэтому любой религиозник ещё и правовед был бы, если бы не Орден и его Трибунал, которые могли выпускать постановления и мелкие установления... что даёт хоть какое-то разнообразие в небогатую систему права Эндерала, которая медленно начинает сдавать. В подтверждение этому я вспоминаю Лишари Пегаст и Огневспыха, и пятьдесят седьмой стих из седьмой книги, а именно отрывки — «Преследуйте этих диких магов, гоните их и вершите над ними суд, ибо они несут угрозу миру в царстве, которые вы постройте с моей помощью!». Если бы в старые времена узнали, что они чародеи вне Ордена, то правосудие ревнителей веры в «Рождённых» настигло бы её самым неприятным образом.

Отстранившись от рассуждений о праве, я подхожу к столу. Теперь мне нужно собрать вещи... смотрю на то, как в углу ютится небольшой рюкзачок, в котором и так всё необходимое, а в столе у меня хранится кошель медяков. В углу, в кожаном чехле, спрятана моя старая броня, которую почти год не одевал.

— Что ж, именно так и таким образом начинается моё путешествие, — говорю себе я. — Посмотрим, что оно мне принесёт.

Глава 2. Посол железной воли

Глава 2. Посол железной воли

«Просите, и получите»

— Из книги «Предание».

Следующий день. Арк.

И снова я здесь. Надо мной простирается голубое полотно, приятный лазурный небосвод, который сияет от того, что солнце торжествует на нём. Тут не холодно, как на севере, нет промёрзлого северного ветра, а приятное лёгкое поветрие, прорывающиеся над стенами. Это Арк, самый защищённый город во всём Эндерале... и единственный город, который остался, благодаря бездействию Святого ордена.

Стража меня не вспомнила. Сегодня утром, взяв самые необходимые вещи, нацепив лёгкий доспех, я телепортировался к границе Сердцеземья, центральных пышущих зеленью земель Эндерала, а оттуда шёл пешком до самого города. И всё бы хорошо, но приятная лесистая местность, где в зелёных густых ветвях поют птицы, а ветер трепещет листья могучих деревьев, буквально кишит бандитами и нежитью — оборванцы в мехах и кольчугах с железными топорами и ржавыми мечами, скелеты и иссушённые тела, именуемые заблудшими, — все они несметными ордами заполонили всё вокруг и только стража ещё как-то отгоняет этих стервятников от путей, чтобы из последних сил поддерживать связь между регионами. Всё эта ситуация — радость для фазмалиста, ибо количество душ, которые он может насобирать — уйма... но с учётом количества кишащих врагов, скорее всего сам присоединится к легиону неупокоенных духов.

Я быстро миновал эти проклятые места. Благо лёгкая одежда — пластины чёрного кожаного доспеха, которые скрыли мой торс и грудь, вместе с плечами, да сапоги, а под ними штаны, и рубаха из светло-синей ткани пастельного тона, позволяют идти быстро. На поясе у меня закреплено несколько мешочков, в которых звенят медяки и покоится порох вместе со свинцовыми шариками. Голову же покрывает тёмный капюшон, отбрасывающий тень на мой чёрный волос и чуть округлое лицо.

И в итоге я в городе. Придя с севера, оказался в квартале чужеземцев, миновав высокие ворота меня ведёт путь по широкая дорога по улицам древнего города. Всюду слышатся голоса — ругань, хохот, разговоры или крики торговцев — всего этого полным-полно здесь. Мне не привычно — год я уже не был в большом граде и от всех этих звуков мне становится неприятно, но всё же продолжаю путь. Слева от меня оказывается таверна, я уже не помню её названия, но вижу, как оттуда выбирается пьяный мужик в неброской одежде.

— В мире творится полный хаос, а они бухают, — возмущаюсь я, но тут же себя успокаиваю, чтобы не привлечь к себе внимание стражников — людей в красно-белых табардах, с изображением льва на груди, под которыми кольчуга.

Ладно, пройдя дальше оказываюсь у ещё одной стены, которая отделяет квартал от квартала и прилагая усилие, приоткрываю под еле слышимый скрип деревянную дверь. И вот передо мной рынок — большая площадь, вокруг которой средней высоты строения, да и торговые лавки, накрытые кусками ткани, за которыми стоят купцы. Я вижу алхимика и колдуна, ведущих бойкую торговлю. Интересно, Полотомолотый ещё куёт мечи? Знавал он мою семью. Лёгкая радость меня посещает от того, что снова зрю знакомый любимый рынок, по которому бегал ещё ребёнком и помогал матери у прилавка, отрадно слышать

пение аэтерн-менестрелей. Отец же помогал Поломатому ковать оружие — всё было прекрасно в те времена, пока не пошёл в Орден. Родители же, подумав, что теперь можно оставить меня одного, собрали вещи и уехали на Киле, чтобы начать новую жизнь. Лара и Тир, мои мать и отец... как же давно от них не получал письма... года два, наверное. Я могу только молить Творца о том, что они сейчас в наиболее безопасном месте на Киле — далёкой южной стране, состоящей из группы островов и контролируемой могущественными торговцами.

Пройдя чуть дальше к центру торговой площади мне открываются ларьки с магическими товарами — книгами и томами с заклинаниями, посохами и сверкающими наложенными заклятиями зачарованными кольцами. Мне вспоминаются первые уроки по магии, где нас учили, что чародейская энергия есть порождение великого «моря возможностей» в котором переплетены бессчётные мириады путей развития событий и каждое заклятие — это воплощение той или иной реальности. Если маг захочет, чтобы человек загорелся, то он в этом «море» найдёт вероятность, где разозливший его враг пылает огнём и реализует её. Но не отнимая взгляда от красивых зданий и шпилей башен я думаю, что всё проще, и магия есть проявление душевной силы, возможность реализовать свою психоволю в материальном плане.

Возвращаясь к задаче, продолжаю путь, как мне встречаемся знакомая голова — седой волос отлично выделяет её на фоне остальных. Я смотрю внимательнее и даюсь диву — на мои глаза попались образы наёмника, который смотрит на то, как некая неустановленная личность перед ним переодевается в пёстрые и золотисто-зелёно-пурпурные одежды.

«Переодеваться? Прямо на рынке? Ну срам в чистом виде», — промелькнула у меня мысль.

У самого колодца, накрытого каменной конструкцией, всё это творится. Я помню этого наёмника — он носился на побегушках у Ордена, а характер его оставляет желать лучшего — наглость и эгоизм его оставляют желать лучшего.

«Зараза», — меня настигает понимание, что этот седовласый парень — мой ключ, и сейчас он мне нужен, ибо его изворотливость может помочь мне попасть в Храм Солонца.

Времени на то, чтобы собраться с духом и придумать, что ему сказать у меня нет, поэтому придётся импровизировать, отчего я тянусь к груди — по всему торсу у меня прошла неприятная щекотка.

— Джеспар! — кричу через полрынка. — Что ты тут устроил, ватир тебя подери!?

Быстрым шагом направляюсь к нему и подоспеваю в тот момент, когда его спутник уже одел мешковатые одежды и скрыл лицо платком, к тому же сдвинув на лоб богатую шапку, отчего я не вижу лица незнакомца. На меня, взглядом насыщенных синих глаз с добродушного светлого лица, взирает наёмник в характерной броне — кожаные сшитые пластины на синей-куртке. В его взгляде я не могу найти-чего-то определённого, но он явно не рад мне, что выдаёт смущение на его лице.

— Ох, кого я вижу. Наш законник и изгнанный хранитель. Как давно я тебя не видел? Год или больше? Ох, честно, я не соскучился, не видел бы ещё год.

— Хм, кто это с тобой? — указываю я на спутника, но есть ли мне до этого дело? — А нет, я не хочу этого знать. Смотрю, ты всё ещё зол на нас?

— Я же для вас «мальчик принеси-подай». Вы сами так меня назвали. Вот что мне мешает тебя сдать страже? Ладно, чего тебе понадобилось от меня?

«Как будто для Ордена, которому ты служишь, всё иначе», — усмехнулся я.

— Хорошо. И где де сейчас вся ваша ко... братия? Я про Константина, Лишари и Юслана.

— Не знаю. Это нужно спросить моего нанимателя. Но ты ведь здесь не чтобы поговорить о них?

— Да, — я аккуратно решил подойти к просьбе. — Это куда вы такие ряженные собрались? Судя по одежде твоего спутника, он явно непростых кровей.

— Есть одна идея у меня, но не для тебя, — усмехнулся Джеспар, что вызвало у меня лёгкий приступ злобы, который я мгновенно подавил и тихим голосом, решил его попросить:

— Судя по всему ты попытаешься его провести в Храм. И мне нужно попасть к Арантеалю.

— С тех пор, как вы ушли о вас особо никто не вспоминал. Даже великий магистр. Мне дела не было, а остальные... работы слишком много, чтобы думать о мятежниках. Реально, не моё дело.

— Я прошу тебя, — мой голос стал более резким. — Это очень важное дело, Джеспар. Если в прошлом я обидел тебя, то прошу простить.

— Слушай, — наёмник чуть приподнял ладонь. — Меня это не касается. Это и так слишком рискованно и я не могу ради тебя ставить под угрозу одно дело.

— Джеспар, — едва ли не рычу я, готовый схватить его за грудки. — Дело касается Нерима.

— А что с Неримом? — встревоженный вопрос слышится от спутника наёмника.

— Ты опять со своей паранойей? — сплюнул светловолосый парень.

— Это не паранойя, Джеспар. На этот раз дело куда серьёзнее, — я стал убеждать давлением. — Если ты не поможешь мне, то всё на этом континенте может сгинуть.

— Не драматизируй, как аэтернский менестрель. Но ладно, ты же от меня не отстанешь, — Джеспар повернулся к своему спутнику, вопрошая. — Ну что, поможем этому... человеку? Как скажешь, так и будет.

В ответ, незнакомое мне лицо только снисходительно кивнуло, и мне показалось, будто Джеспар смутился таким ответом, но всё же спокойно обратился ко мне:

— Просто иди за нами и натяни капюшон, а то Арантеалю хоть и всё равно, но он отдал приказ — если вас увидят, то должны схватить.

— Хорошо, — соглашаюсь я. — Веди.

Мы отправились в сторону возвышения, где устроен квартал знати. Оказавшись за крепкими деревянными воротами каждого путника очарует прекрасный вид ухоженных улочек, вычурные и роскошные одежды и изумительные дома, которые разительно отличаются видом, изыском и размером от тех построек, что ниже. Ступив на первые ступени, Джеспар стал поведывать неизвестному мне лицу о том, что всем, кто проявил магический талант необходимо явиться к Святому ордену.

— Хранитель, ты же тоже проходил испытание и как оно? — неожиданно спрашивает Джеспар. — Оу, точнее, бывший хранитель.

— Терпимо, — обрывисто отвечаю я, не желая вспоминать то, как это происходило.

Проходка через ужасный лес, кишаций разными тварями, а потом тошнотворное зелье и сон, в котором попал в самые глубины подсознания. Тьма, непроглядный мрак окутал меня и сдавил. Только смирившись с неизбежным и разгадав загадки своей души, усмирив страх быть заточённым, я смог проснуться и очутился в лазарете. Не самые приятные

воспоминания, когда тьма обретает вес, силу и остроту.

Мы поднялись дальше по выступу на просторном склоне и вскоре на нас давило монументальное строение — Храм солнца. Белый и с не вмещающим взгляд выступающим и возвышающимся надвратным посещением оказался пред нами. А так же с его стен спадают шумящие водопады. Если незнакомца должно удивление от габаритов строения, то мне и Джаспару уже всё равно, хотя я ощущаю лёгкое благоговение и трепет перед этим местом... как никак посвятил ему часть жизни.

Тут всюду храмовники в крепких блестящих доспехах и красных подроспешных узорчатых одеждах. Я ещё сильнее натягиваю капюшон, чтобы меня не заметили и нахожу путь только по спине Джаспара.

— Стойте мессир, — заговорила хранительница и я услышал её низкий голос. — Гражданским дальше нельзя без особого разрешения. Кто вы и что привело вас в это священное место?

— Дело. Я Джеспар Даль'Верек и я работаю на неримских магов.

— А, верно... наёмник. А кто это с тобой?

— Марийо Де Луна из Остиана, достопочтенный владелец «Империи нежных ароматов Де Луны»... наиболее престижной парфюмерии во всём Вине. Верховный магистр Мерраджиль посылал за ним. Он разве тебе не сказал?

— Нет, это на него похоже, — чувствуя, что показав на меня, спрашивает хранительница, отчего сердце начинает колотиться с новой силой, и руки охватывает лёгкий тремор. — А это кто?

— Это слуга достопочтенного Марийо. Он прислуживает ему выполнением всей грязной работы, а так служит его телохранителем.

— В святом месте достаточно безопасно, но ладно. Хорошо, вы можете пройти. Но прояви подобающее уважение к этому месту, наёмник. И вы тоже мессир Де Луна и телохранитель.

— Даю вам слово, милая леди. Спасибо.

Выдохнув и немного успокоившись, я поднялся по ступеням, ненадолго задержав взгляд на башенке слева. «Как там поживает старик Йеро», — спросил я себя, помня, что он хороший преподаватель и знания его весьма обширны. Эх, если бы не задания прямо сейчас снова бы пошёл к нему, только бы посидеть на его лекциях.

Приложив уйму сил Джеспар, чтобы хоть немного отворить массивные ворота, которые покрыты узорами, сложенными в око.

— Спасибо, — тихо говорю я, как только мы оказались за порогом Храма, сделав шаг на белую плитку и увидев прекрасные зелёные газоны.

— Я мог вообще сказать, что ты шут, но подумал, что не поверят.

— Джеспар...

— Да успокойся ты, всё время нервный. Реально, успокойся, а то кончишь как Йеро.

— Что?! — срывается вопрос. — Как?

— Красное безумие. Он забрал ещё с собой и несколько учеников. Да ты не знал... упс, неприятная новость.

Какая обидная новость. Я хотел бы сейчас прокричать, орать изо всех сил, но не могу. Досада загорелась в груди, и я сдерживаю себя от деяний. Йеро, он был добр ко мне, всё время помогал исследовать науки, а однажды, когда я был в споре с одним магистром и меня думали выкинуть с пути послушника, Йеро заступился за меня и его усилиями я стал

хранителем. Зараза, как же неприятно.

— Ладно, спасибо, что провёл, — тихо говорю Джеспару и иду в сторону Обители, не слыша, как наёмник прощается со мной и остаётся со своим спутником.

Я подхожу к большому зданию, с белым фасадом и отворяю дверь, быстро проникая внутрь, чтобы не задерживать на себе взгляд хранителей и особенно одного из командиров — Джорека, который может придраться к «незнакомцу». Обычно Арантеаль днём занимается планированием у карт и бумаг в большом зале, что ж, оттуда и начнём. Проходя в Обитель я едва ли не бегом забегаю по одной из двух полукруглых лестниц и прохожу большую комнату, где он обыкновенно проводит время.

Долго его искать не пришлось — он разместился на троне в конце длинного стола, рассматривая бумаги. Что ж, время скрытности прошло, и я касаюсь края своего капюшона, откидывая его назад, громко восклицая:

— Арантеаль!

— Кто... ты, — воин, в такой же броне что и хранители, с загорелой кожей, седой коротким волосом и бородой, грузным взглядом оттеснённых очей, встал с трона и посмотрел на меня; от такого холодного взгляда мне стало не по себе; но всё же, продолжая идти и ощущая неуверенность в ногах, я приближаюсь к нему.

— Да это я.

— Проклятый предатель, — речь его запестрила нотками сдерживаемой злобы, — назови хоть одну причину, чтобы я тебя не кинул в темницу.

— В нашем зале предатель! — раздался крик от одного их слуг Ордена, вызвавший сущий переполох.

Я понимаю, что его угрозы не пусты, хранители, которые тут были подходят сюда, ложа ладони на мечи, и слышу шёпот пересудов, и собирая все мысли в единое целое, подбираю слова, которые могли бы вразумить этого идиота:

— Господин великий магистр, наши опасения подтвердились. Год назад я отправил агента в Нерим, чтобы он отслеживал ситуацию с тем, что происходит, — достаю помятый и потёртый клочок бумаги и аккуратно даю Арантеалу, да так, чтобы хранители не накинлись на меня. — Это сообщение от нашего агента пришло недавно.

Быстро пробежавшись глазами по написанному звучат недовольные и полные скепсиса речи:

— И с чего бы мне доверять предателям? Не может быть. Вы могли это подделать, — Арантеаль бросает бумагу на стол. — Вот реально, чтобы вернуться в Орден, ты и твой командир решили дезинформировать нас, отвлечь от борьбы с циклом. Ты не понимаешь, что мы бьёмся с тем, что уничтожит всё человечество?

— Вот, — в моих руках оказывается небольшой цветок, лепестки и стебель которого высохли. — Он с Нерима, и ты знаешь это. Он прибыл вместе с письмом.

На этот раз чувствую, что задел чем-то Арантеала, и он задумался. Великий магистр хоть и помешанный на цикле, но в нём должны же быть проблески здравого смысла, на которые можно надавить:

— Арантеаль, тебе придётся поверить. Иначе ты погубишь Арк.

Со стороны раздаётся глас презрения:

— Не тебе говорить о благе Арка, паскуда! Шёл бы ты отсюда, пока тебя не повесили!

— Нерим давно перестал быть спокойным, и ты это знаешь, — я смотрю направо. — А слухи? Разве ты к ним не прислушиваешься. Рано или поздно Коарек пойдёт войной на

Эндерал, чтобы «освободить» его от влияния религии.

— И всё же, — упорствует великий магистр, — Нерим далеко от нас. Когда я закончу работу над... тем что остановит Цикл, у нас будет достаточно времени для подготовки войны с Неримом.

О, Творец, внемлют молению раба Твоего и помоги мне. Холера! Неужто он совсем ничего не видит кроме своих идеи и мыслей. Он будто не пробиваемый, но если его волнует цикл, то так тому и быть, разыграем эту монету:

— Ты говоришь о цикле... что ж, в библиотеках пирийского храма, где мы расположились, мы нашли литературу о цикле или нечто похожем. Если тебе интересно, то мы можем и поделиться с вами ею.

— Хм, — задумался Арантеаль, приложив руку к подбородку — О цикле говоришь. Но вы ведь предатели, и что мне с вами делать? Скажи, как можно предать Орден, как можно ради своих мелких целей отступить от святого долга?

— Арантеаль, — устало начинаю я. — Мы можем вернуться сюда, дать вам наши знания о цикле, предоставить оружие, помогать вам. Или мы снова продолжим враждовать и это ни к чему хорошему не приведёт Эндерал.

— Что вы хотите взамен?

— Об этом тебе сообщит сам Велисарий. Мы придём сюда и всё обсудим. Как тебе такой вариант Арантеаль?

— А ты зачем здесь?

— Я пришёл сюда за тем, чтобы обо всём договориться. Чтобы, когда Велисарий сюда прибыл, в него не полетели стрелы.

На этот раз великий магистр ещё глубже задумался, и даже не думаю его отвлечь. Сейчас решается судьба целого города или континента, и не дай Боже сказать лишнее слово, ибо оно может стоить нам всего этого предприятия. От волнения я начинаю про себя молиться, чтобы успокоиться:

«Творче, помоги. Убеди этого человека, дабы он внял моим словам, и принял верное решение. Творец, непусти того, чтобы народ Эндерала сгинул».

— Ладно, давай, — соглашается неуверенно и робко Арантеаль. — Только возьми с собой свитки телепортации в Храм. Чем быстрее мы всё это решим, тем лучше.

— Нет! — кричит один из хранителей. — Этого предателя надо было сжечь или повесить!

— Арантеаль, пойми, — раздаётся крепкий голос одной хранительницы из четвертого сигила, которая три десятка лет правила железной рукой Эндералом до возвращению великого магистра. — Мальфас заповедовал нам изгонять отступников. Это — продолжение его дела. И мы, повинуюсь его воле и заповедям, должны их перебить.

— Нет, Натара, мы не можем сейчас разбрасываться помощью, — тяжело сказал великий магистр, повернувшись в их сторону. — Нам сейчас нужна любая помощь, к тому же они... оправдали свои... подозрения насчёт Нерима.

— Арантеаль, маги из Нерима и теперь... приём этих мятежников? Это будет не слишком ли?

— Натара... я понимаю, это трудно принять. Но сейчас, мы должны объединиться перед лицом угрозы цикла.

Я опустил взгляд и увидел, как в серебряной миске покоится насыщенное красное сладкое яблоко. Долго не питавшись, чувствую голод в желудке, урчание и хватаюсь за него,

подтягивая к себе:

— Простите, я не ел со вчерашнего дня. На острове жевали сухари и рыбу.

— Хранители, — осторожно заговорил Арантеаль. — Сегодня наши братья вернулись на путь истины. Не будем их строго смутить за отступничество, ибо в наше время нам нужна любая помощь.

Что могут ответить воины Святого ордена? Они молчаливо соглашались с новой волей Арантеаля... проглотили и неримских магов, проглотят и это. Что ж, теперь мне пора покинуть это место и вернуться на остров, чтобы сообщить «радостную» новость. Но всё же напоследок меня пробирает благодарность, несмотря на то, что мне плохо от новости смерти Йеро.

— Спасибо, — кланяюсь я. — Вы сделали правильный выбор.

— Фриджидиэн, — раздалось грозное обращение, и я смотрю в глаза Великому магистру, находя в них только презрение к себе, — ты не думай, что вам тут будут рады. Наша задача — остановить цикл, а потом...

— Понимаю, — киваю я.

— И у тебя железная воля, если ты сюда пришёл. И, — Арантеаль отмахнулся от меня, — благословляю твой путь.

Я не обращаю внимания на эти слова, а стараюсь как можно быстрее покинуть это место. Выйдя за дверь я ощутил, как ветер бьёт в моё лицо, немного успокаивая. Теперь обратного пути нет, и мы ввязались в это... возможно, даже вопреки предначертанному.

Глава 3. Возвращение

«Святой орден — он защищает и правит с начала времен до сегодняшнего дня, твердо и нерушимо»

— Из книги «Святой орден».

Следующие сутки. Храм Солнца.

И снова стою тут, только ныне не солнечное время, нет... это ночь, не беспроглядные и оттого противные мне потёмки, а освещённые факелами и лампами, приятные для меня сумерки — прохладный ветер бьётся о подножья главного здания Арка, а с неба льётся дождь — ледяная промораживающая вода. Мне нравится эта картина — тяжёлые налитые облака, поливающие землю водой и холодный ветер. Всё это слишком тускло, но не темно, и поэтично, вдохновляет меня чем-то. Не знаю, может я просто расположенный к хмурой погоде человек?

Ладно, оставив мысли я взираю на тяжёлые ворота Храма Солнца и представляю, что с ними будет, если бы неримляне брали штурмом их... вряд ли бы они сумели даже повредить их. Слишком они толстые и массивные и тарану будет тяжело справиться с ними.

Но ничего, надеюсь, что Нерим не станет угрозой для Эндерала, и мы должны поспособствовать этому. Велисарий, когда услышал, что Арантеаль готов их принять, не сказать, что был слишком рад, но всё же доволен результатом. И после того, как я вернулся он отдал приказ собираться в путь — мы возвращаемся, чтобы послужить Эндералу.

Рад ли этому? Да, ибо теперь есть шанс того, что великий магистр к нам прислушается, и мы сможем предотвратить гибель родины. Я ведь не могу её просто так оставить. Мною дана клятва Ордену защищать Эндерал, не оставлять в беде родных и друзей, слабых и нищих, оберегать обычный народ от всякого отребья и нечисти. И мне было тяжело смотреть на то, как Орден предаёт это призвание, превращаясь в группировку противодействия надуманному апокалипсису. Что ж, теперь то он вернётся хоть отчасти к своему истинному предназначению.

Я прохожу дальше и ступаю на первую ступень лестницы, ведающую к воротам, как слышу глас презрения от одного из хранителей:

— О, мятежник. До сих пор не могу поверить, что Арантеаль тебя и твою шайку так легко простил. Вас надо было вздёрнуть.

— И тебя рад видеть, — говорю я, чувствуя, что сейчас в меня может полететь меч, но он остаётся в ножнах, а вместо него только слова, ранящие сердце:

— Ты предал клятву хранителя, ты — паршивый мятежник и нечего тебе делать на Святой земле, как и твоим дружкам.

— Тогда, почему ты меня терпишь?

— Так приказал Арантеаль. Если он считает, что вы нужны, значит так тому и быть... вас не тронут. Но только оступись, и мы будем рядом, чтобы покарать.

Я не обращаю внимания на это и иду дальше. Теперь для Святого ордена мы — собаки, которых можно пнуть. Иронично, мы всего лишь хотели выполнить роль защитников отечества, а нас за это обвиняют, потому что мы не стали слушать мифы и рассказы, а хотели заниматься реальным делом.

И снова опустив голову, приложив максимум усилий отворяю эти ворота и прохожу за них, тут же уткнувшись в высокого роста девушку. Пылающий огонь факелов бросает на её слегка смуглую кожу, показывает из темноты одежду — плотно прилегающее к телу одеяние, состоящее из зелёной короткой обтягивающей куртки, выражающей её грудь, ремень с сумочками, высокие сапоги и несвободные штаны.

Остановившись возле неё, я подумал, что нужно как-то поприветствовать её. По крайней мере это будет культурно. Дрожащим от холода и лёгкого волнения голосом я заговариваю:

— Приветствую. О, как же вас... Лишари Пегаст, — вспоминаю имя девушки проходя мимо дамы, посмотрев в её слегка круглое лицо, обрамлённое чёрным промокшем волосом, — как поживаете?

Тут же услышал язвительное слово неприятности:

— Ох, сначала наёмники в Решенграде, потом вы... что за дерьмо творится вокруг? Кто же дальше к нам явится — чёрный страж? — явно девушка недовольна моим присутствием. — Только вашего возвращения для полной картины..., - я умело проступил нецензурную брань, вставленную под конец речи.

— Знаете, — я осторожно заговорил. — Может быть храмовники могли бы вам помочь. По крайней мере от нашей деятельности может зависеть то, что вас за исследованиями не порешили заморские гости.

— Вот шёл бы ты... к Арантеалу. Или Натаре и прочим религиозникам и мракобесам. Всё равно от вас пользы столько же сколько и от них. Ноль.

Сейчас ни хочу не с кем сориться. Смотря на неё я пытаюсь подобрать слова, чтобы хоть как-то сгладить конфликт, что она конечно язвительно замечает:

— Ты что-то ещё хочешь или просто решил на меня поглазеть?

Мне вспомнилось, что вначале, когда она пришла вместе с Юсланом и Константином в храм негодовал и часто на совместных совещаниях высказывал своё недовольство по поводу их присутствия, называя дикими и противниками порядка, но разве кто-то прислушается к хранителю первого сигила, которого ещё поставили следить за парой агентов? Да и время, проведённое в изгнании за изучением Предания не может не изменить мыслей насчёт некоторых людей и явлений в жизни. Раньше думал, что эндеральцы это какая-то, заслуживающая признания нация, но что в итоге? Арантеаль, как великий магистр тронулся, хранители в его безумии последовали за ним, а люди — «богоизбранные» даже не почесались, чтобы хоть самую малость предотвратить тот ужас, который мягкой поступью приближается к Арку. И присутствие этих неримцев может нам помочь как-то... но это не отменяет того, что они невыносимые.

— Знаете, а я передумал, — выпаливаю я. — Вот теперь вам действительно рад, — то ли от усталости, то ли от ещё чего-то убираю маску серьёзности. — Вот реально. Теперь великий магистр может не трогать нас, а полностью заняться изучением треклятого цикла с вами. А мы уж посмотрим за тем, чтобы вы пока копаетесь в мифах, вас не перемололи прихвостни западного фанатика.

— Как прекрасно. Теперь вы своим недалёким сознанием понимаете, что такая угроза есть. Чудесно, одними недоумками меньше.

— Да ладно вам будет, Лишари. Вы занимаетесь своими исследованиями, а мы своими... военными изысканиями, если вам нет дела до нашей работы. Может всё-таки будем более мирны друг к другу?

— Если только меня трогать не будете.

Девушка на мгновение замолчала, а я продолжал всматриваться в неё. Интересно, подмечаю у неё усталость, в глазах какую-то печаль, у очей цвета светлого шоколада вижу покраснения. Почему-то, у меня рождается сострадание к ней и желание помочь, облегчить тяжесть плохого настроения.

— Лучше, расскажите, что было в Решенграде? Кто-то помешал вашим исследованиям?

— Да, было такое, — с гневом произнесла дама. — Кучка наёмников решила, что могла устроить огненное представление и отжигать артефакты по полной. Но ничего, новый подопечный Ордена из Нерима расправился с ними по самое ни хочу. Только по своей неосторожности этого посланца едва не разметало по пещере.

— Наёмники? Интересно... что ж, если Арантеаль нам позволит со всем разобраться, что у вас будет больше охранников.

— Ох, какой воин нашёлся. А я-то думала, вы придёте и снова станете нас гонять и «дикими» называть. Идиоты.

«Ну почему она не может нормально говорить?» — спрашиваю я себя. — «Что не слово, то упрёк или обвинение. Или так на ней сказалося нашествие наёмников?».

— Нет, уже не думаю, — умерив внутренние возмущение, тихо говорю я. — Год на морозе и в старом пирийском храме избавляет от многих дурных мыслей.

— Если бы посидели ещё бы полгода, то может быть и поверили в угрозу цикла или что-там будет за них. Мороз мозги бы прочистил.

— О-ох, — тяжело выдыхаю я, представляю сколько мне придётся с ней поцапаться, если Великий магистр позволит нам тут остаться и намереваюсь решить эту проблему, лишь бы не слышать от неё упрёка, да и может это подбодрит её. — Я слышал, что ты любишь пирийские предметы? Письмена там, артефакты? — опустив руку в карман нащупываю одно кольцо, которое думал сбыть тут за хорошие деньги, но ладно, отдам его ей; и вынув, говорю. — Протяни ладонь. У меня где-то валяется пирийская побрякушка.

— Надеюсь, ты мне не ядовитую змию положишь, — она в ответ подняла руку, и я положил её в ладонь серебристое кольцо, тут же зажав его её пальцами, ощутив приятную теплоту её чуть шероховатой кожи.

— Давай, это кольцо станет залогом того, что ты нас не трогаешь, не поддеваешь, а мы в свою очередь не трогаем тебя. Хорошо? Да и пересекаться мы будем... очень редко. Так что и усилий прилагать много не придётся.

— Ладно, — гнев девушки несколько развеялся. — Я немного перегнула палку.

Честно признаться, я не ожидал увидеть на лице девушки эфемерной улыбки, которая украсило её лицо, сделала менее отягощённым заботами. Этот подарок у меня вызвал какой-то отклик в сердце... отданный как залог «перемирия», он вызвал у меня иллюзорный интерес к общению с этой девушкой.

— Если принесёшь ещё что-нибудь из пирийских артефактов, то я буду не против пересечься и... да, давай тогда без всего этого, — голос девушки стал более весёлым, она ещё что-то хотела сказать, но её неожиданно хватил зёв, после чего она указала на Обитель и тихо проговорила. — О, а вот и «прорицатель». Только они прошли испытание и стали хранителями с какой-то женщиной.

Я смотрю, что существо, одарённое исключительными способностями по словам Лишари идёт к ней и не думаю больше задерживать девушку.

— Откланяюсь, — с лёгким поклоном говорю и отхожу в сторону, слыша:

— И как говорят здешние — благословляю твой путь.

Они покинули Храм и теперь остаётся только дожидаться моих ребят. Они должны прийти с минуты на минуту... я отпросился раньше, чтобы посмотреть на любимый Арк, вспомнить, чем он живёт и насладиться прекрасными видами Квартала знати. Но они не сравнятся с изумительными и завораживающими образами Храма солнца — тут всё пестрит искусной работой древних мастеров. Пол, уложенный белой плиткой, зелёные газоны, дающие чарующего вида цветы и виртуозные здания в которых сосредоточена власть Святого ордена.

И всё бы ничего, только это омрачается происшествиями — гибель учеников, красное безумие и учитель, которые воплотил в себе две предыдущие проблемы.

— Эх, Йеро, дурак, — тихо шепчу я; периодически ловля презренные взгляды хранителей и недоумение послушников.

Внезапно моему ожиданию приходит конец и на святую землю Святого ордена входит Велисарий в полном боевом облачении, которое ему сделал Гаспар. Голову венчает шлем с тёмно-красным гребнем, торс защищает золотистого цвета доспех, с рельефом мышц, ноги и руки покрыты латной защитой, а на левой руке висит высокий овальный ростовой щит, где на тёмно-лиловом фоне шестнадцатистрельная жёлтая звезда. А за ним в Храм пожаловали и остальные хранители, включая и Исаила, и Гаспара.

— Господин Велисарий, вы задержались, тихо говорю я.

— Были сложности с телепортацией вещей. Веди нас, Фриджиэн.

Я кратко киваю и повернулся в сторону Обители, где наверняка нас ждёт Арантеаль. Пройдя несколько метров под пристальным взглядом хранителей, мы заходим в Обитель и находим в главной зале Великого магистра, который стоит в компании двух человек. Первый — крупный с седым волосом и усами над губой — Джорек, а вторая — средних лет женщина, с загорелым лицом, убравшая волос в шишку на затылке — Натара на должности Тручессы. И я чувствую, что они не рады нам, подтверждением чему становятся их слова:

— Вот, заявили. В былые времена вас бы вздёрнули как разбойников на первом суку, — гневно заявила Натара.

— Сейчас не время множить распри, — охлаждает её Арантеаль. — Потом с этим разберёмся.

— Хорошо сказал, — вперёд выступил Велисарий. — Может займём места и всё обсудим?

После того, как мы расселись по стульям, Арантеаль, окинув всех пристальным холодным взглядом, спрашивает:

— Хорошо, Велисарий, чего ты хочешь от Ордена?

— Ты уже знаешь, что наши агенты сообщают о том, что Нерим готов к войне и выступает на вас? Не так ли?

— И?

— Если ты не хочешь, чтобы твоя беготня с циклом завершилась под оглушительные аккомпанементы штурмовых орудий, то я прошу тебя дать мне подготовить Арк и Эндерал ко вторжению — настолько, насколько это возможно.

— А если вся твоя информация — это дезинформация? Что тогда, Велисарий? Что бы Нериму подготовиться с войной с целым континентом... нужно много времени.

На этот раз слово беру я:

— Арантеаль, если вы думаете, что это так, то вы ошибаетесь. Агенты сообщали нам,

что градус борьбы с религией там возрастал с каждым днём, прошедшим после смерти Рождённых Светом, — мне пришлось залезть в карман и вытащить оттуда потёртые листы, которые передаю Арантеалю. — Эти письма мы получали на протяжении девяти месяцев.

— Я понимаю, но что вы намекаете, но гражданская война там закончилась не так давно.

— У них есть идея, которая заставляет работать, вооружаться и драться, с необычайным рвением. Они ради того, чтобы разрушить «великий оплот поклонения религии», готовы без кораблей переплыть море. Поверьте, если мы не подготовимся, то нас ждёт печальный конец.

— Допустим это так, — вмешался взял Джорек. — Но ты думаешь, что мы и впрямь доверимся тем, кто нас предал однажды? Бха, да я лучше станцую с ватиром, чем повернусь к вам спиной.

— Ватир... не приплетайте сюда бедное животное с козьей мордой в два метра, — усмехнулся я.

— Да они, наверное, уже забыли, какой утренний стих читают хранители и все наши молитвы, — поддержала Джорека Натара. — Да и откуда нам знать, что вы не шпионы Нерима, которые пришли сюда, чтобы разрушить нашу оборону? Вы уже предали Орден и почему под благими намерениями не служить врагу?

Эти доводы можно пытаться оспорить до самого последнего дня существования мира, но стоит ли? Их не переубедить и Арантеаль сейчас явно мечется между теми пирийскими записями, которые мы можем предложить.

Велисарий поднялся со стула, что меня насторожило. Его рука легла на короткую рукоять меча, который он с лязгом вынул. После этого уверенным шагом он пошёл к великому магистру.

— Я говорил, что они предатели! — вскричал Джорек и сам потянулся к оружию, но Арантеаль его остановил в тот момент, когда Велисарий развернул клинок рукоятью к главе Ордена.

— Если ты считаешь, что мы предатели, можешь вонзить мне его в горло прямо сейчас, — Велисарий протянул оружие Арантеалю, отчего напряглись и хранители Святого ордена, и наши храмовники.

«О Господи, вразуми Арантеаля, прошу тебя. Не дай ему совершить глупость от которой пострадает весь Эндерал. Боже, если Ты есть, прошу Тебя, не дай Арантеалю совершить глупость».

И мои молитвы были услышаны. Арантеаль внимательно посмотрел на меч и даже казалось, что его рука дёрнулась, но нет. Он всего лишь кивнул и тихо сказал:

— Хорошо, Велисарий, будем считать, что я поверил тебе. Можешь сесть и прекратить это представление.

— Благодарю за доверие, — магистр убрал меч в ножны и вернулся за свой стул, утерев пот со лба.

— А теперь, расскажите подробно, чего вы хотите от меня. Допустим, я поверил вам и Нерим действительно хочет нас атаковать. Что вы предлагаете?

— Во-первых, — начал Велисарий. — Необходимо подготовить стражу Арка к битве во всех смыслах. Усильте тренировки и дайте кузнецам заказ на ковку оружия и брони. Во-вторых, нам необходим порох и пушки. Много пороха и пушек.

— Так-так. А где мы возьмём столько денег? — спросил Арантеаль. — Городская

казна не резиновая, чтобы тратить её на любые предприятия.

— Понимаю, — Велисарий задумался, чтобы правильно подобрать слова. — Тогда нам придётся надавить на Банк, лендлорда Борека и Золотой Серп, чтобы они выдали нам беспроцентные ссуды.

— Что!?! — возмутилась, ударив ладонью по столу Тручесса. — Такого ещё никогда не было. Чтобы мы, Святой орден, давили наших союзников, выдавливали из них деньги, как разбойники грабят население?

Я не сдержался, глядя на всю эту картину, где двое всё ещё держатся за старые порядки, вцепившись в них зубами.

— А вы им скажите, что если они не дадут нам денег, не поскребут по сусекам, то их золото и акции отлично будут смотреться в карманах неримцев... потому что в гробах всё это им не понадобится. Да и Борека, эта зажавшаяся падаль хоть раз что-то сделает не из-за жажды прибыли.

— Молчи, щенок! — крикнул Джорек.

— Тише. Всем успокойтесь, — призывает всех к спокойствию Арантеаль. — Я поговорю с банком, фермерами, торговцами и промышленниками и расскажу им об угрозе. Посмотрим, что можно сделать. Дальше?

— Да, — продолжил Велисарий. — Нам придётся начать созыв ополчения и отдельных отрядов воинов. Для них так же понадобятся ресурсы.

— Я могу начать призыв, но думаю мало кто откликнется.

— Необходимо начать с Подгорода. Там беднота будет рада выбраться из тьмы пещер на свет и нормально поесть.

— Это ты договаривайся с Ралатой. Мы... формально только контролируем Подгород.

— Хорошо, но тогда я прошу у тебя полномочий на это. На формирование и командование отдельными подразделениями ополчения, — Велисарий от аккуратной речи перешёл в «наступление». — Вы же всё равно не примите нас в Святой орден. Но если у меня не будет полномочий я вряд ли смогу что-либо существенное сделать.

— Арантеаль, — умолительно обратилась Натара.

— Хорошо, — согласился Арантеаль, печально смотря на Тручессу. — Только каждый свой шаг ты согласовываешь со мной. Я приставлю к тебе двух хранителей, чтобы ты не зарвался.

— Что ж, это уже хорошо, — я усмотрел оттенок веселья на лице Велисария. — У нас есть новые технологии, на порохе и стали. Я думаю, вы будете рады с ними познакомиться. Но это я к тому, что нам понадобятся ваши мастерские для проведения исследований над вооружением.

— Об этом поговорите с магистром Мерраджилем, аптекарием и нашим кузнецом. Исследования и материалы — это к ним. Просто скажите им, что мы больше не... враждуем, — оперевшись щекой на кулак, сказал Теалор, которому явно становилось скучно.

— Да и сейчас я бы хотел отправить Фриджиэна вместе с Исалом и отрядом на Солнечный берег.

— Зачем?

Когда Велисарий меня назвал, дрожь коснулась тела. Я не ожидал, что обо мне заговорят или даже назначат на военную операцию.

— В случае вторжения нам понадобится надёжный тыл, где можно будет разместить производства и фермы. Отправлять раненных и перегруппировывать войска. Если ты мне

дашь право, то силами своих ребят я бы зачистил от нежити и бандитов то место и устроил ставку Ордена в замке Златобород, — ответил Велисарий.

— Ты знаешь... сейчас мне все силы нужны тут.

— Арантеаль, я и мои храмовники уже и не из Святого ордена. Мы же — «предатели», так что позволь мы свою кровь прольём за те земли.

— Хорошо, а что дальше? У вас целый кусок земли, которому нужна охрана и солдаты, который нужно поднимать.

На этот раз, решил ответить я, опережая предложение Велисария:

— Я думаю, что эту землю можно использовать для заселения беднотой из Подгорода. Из них же можно и формировать поместное ополчение, — я подтягиваю к себе карту, Эндерала, шаркнув её по столу, и показываю, мой палец ведёт по юго-западному берегу континента. — Если Нерим тут сможет высадить войска, то овладеет Речным и зайдёт к Арку с запада. Нас возьмут в кольцо.

— А на какие деньги вы собираетесь восстанавливать регион? — спросила Натара, сложив руки на груди. — Или дальше пойдёте грабить Банк и торговцев?

— Давайте сначала освободим его и обустроимся в Златобороде, — сказал магистр храмовников, взглянув на Тручессу.

— Ещё что-то, Велисарий? — устало вопрошает Арантеаль.

— Да, и тут ещё кое-что для тебя, — Велисарий оборачивается к сумке, которая у него лежит рядом со стулом и достаёт связанные нитями пергаменты, швырнув их к великому магистру. — На, это пирийские записи, которые мы нашли в старом Храме. Там тоже что-то про цикл.

Тут же в глазах Арантеаля сверкнул блеск, и он привстал с трона, чтобы взять их, просмотреть эти замысловатые символы и изучить.

— Спасибо, вы действительно сотворили благое дело, принеся эти записи, — мне показалось или я услышал эфемерную радость в голосе Арантеаля. — Я не забуду этого.

— Лишь бы всё сработало, — говорю я. — Мы же работаем отдельно? Ваш избранник или избранница вместе с наёмником и неримскими магами занята циклом, а мы — политикой и территориями?

— Откуда вы знаете о прорицателе?

— Лишари рассказала, — ответил я, медленно вставая со стула. — Так что?

— Да, думаю, вы будете мало пересекаться. У вас сильно разные направления деятельности.

— Мессир Арантеаль, — встал Исаил. — Я хочу вам напомнить — Рождённые Светом почили, и теперь нужна новая вера. Вы же понимаете, что количество слухов будет усиливаться, и они уже овладели частью населения Эндерала, которая живёт не в Речном, Дюнном или Арке.

— Ты что хочешь сказать?

— Я бы хотел, чтобы вы дали мне возможность... подготовить народ к смене веры настолько, насколько это возможно.

— Народ сейчас не трогай, — строго приказал Арантеаль. — Нам не нужны волнения. Но поговори об этом с первосвященником. Но ладно, — встал великий магистр, проведя по седым волосам на голове, его голос выдал утомление. — Мне нужно подготовиться к церемонии. Не хотите её посетить?

— Нет, — встал Велисарий. — У нас много дел. Я рад, что ты внял нам, Арантеаль

Честно. Может, когда-нибудь, мы снова сможем подружиться.

— Может быть, но явно не сейчас. Во всяком случае, с возвращением, Велисарий.
Благословляю твой путь.

Глава 4. Зов долга

Глава 4. Зов долга

По соображению совести

«Если кто позабыл о заботе над домашними своими или же отрекается от родины, её защите, тот поступает хуже вора»

— Из книги «Предание».

Следующий день.

Мы уходим. Нам пора выйти в свою первую операцию и Велисарий с передовым отрядом уже выдвинулся к замку Златобород. Утром он и пятеро храмовников решили атаковать его... или занять его руины, и обустроить там ставку Святого ордена в тех землях. Власть над этой территорией позволит нам взять местность под контроль — все земли, к западу от Речного.

Теперь наш выход. Вчера мы обсудили как будем действовать. Судя по донесениям разведки и стражи количество врагов в той местности резко упало, после того, как её прочесал тот, кого зовут прорицателем. Но осталась ещё одна банда — группа разбойников, из которых можно сделать хоть какое-то сносное подразделение... по крайней мере мы надеемся на это.

Пока мои товарищи готовятся к вылазке, решил пройтись по Храму и вспомнить его хоть немного. Приложив усилие и выйдя на улицу из тёмного помещения, я оказываюсь на залитой солнцем главной площадке Храма и делаю пару шагов в сторону насаженных клумб с цветами. Тут на высоте чувствуется порыв холодного ветра, трепещущий мой короткий волос, несмотря на то, что в небесах торжествует яркий солярный диск. На мне мой привычный доспех — кожанка, только на этот раз шею прерывает платок цвета светлой пастели. На поясе покоится изобретение Гаспара, заряженное и не разу не использованное, пару зелий и средней длины обоюдоострый меч с притупленным острием и короткой рукоятью.

Я оказался возле небольшого фонтана, который украшен статуей крылатого существа. В отражении воды увидел своё лицо — чуть округлое и бледное, и взгляд глаз цвета нефрита. Подняв голову я увидел, как в этом же месте бродит и знакомая мне девушка — её тёмный длинный волос и выразительные формы, приятное лицо, почему-то отрадно видеть. Я решил к ней подойти, и за разговором скоротать время, пока Исаил, и храмовники готовятся.

— О, привет Лишари, — говоря я, медленно подхожу. — Как ты? Успокоилась после наёмничьего налёта?

— Да, как-то легче. Я вчера наехала на тебя?

— Ничего страшного. Когда Арантеаль нас выгнал, я думал, что голыми руками готов придушить ватира.

— Он тоже потерял расположение духа. Представь себе старика великого магистра ещё мрачнее.

— Я думаю Константин «Огневспых» был рад.

— О-о, — её губы скрасила улыбка, — он пару раз отшучивался про то, как религиозники стали грызть друг друга.

— Это на него похоже, — я помню этого Константина — хороший учёный, отменный маг и чародей, но он до дрожи неприятен, всюду брызжет кислотой и пропитан ненавистью

к Святому ордену.

— И всё-таки, вы вернулись, — говорит она.

— Да, вернулись, — я решил сменить тему. — Как ты? Справляешься с пирийскими текстами?

— Да, медленно, но верно. Старик Огневспых буйствует в последнее время, работая над сигилом.

Мне кажется, что без остроты её речь стала более тусклая, но всё же это лучше, чем холодная вражда.

— Кстати, всё хотел спросить, а откуда ты родом? Нерим всё же не маленький остров.

— Не думала, что тебе до этого есть дело.

— Просто интересно, — мой взгляд уставился куда-то в сторону. — Не каждый день встретишь человека из Нерима, с не неримскими чертами.

— Я из Остиана. А о чём ты говоришь?

— Даже не подумаешь, что ты оттуда. Есть в тебе немного от... скарагга.

— Вау, ты второй кто осмелился мне это сказать. Да, моя бабушка плыла на скрагтском корабле. Дед в неё влюбился, а потом они осели в Остиане. А почему ты сказал «немного»?

— Да, в тебе много неримских черт.

— Каких?

— Красивых, — говорю я, решив немного подбодрить её, и как только слова покинули губы, я ощутил что-то щекотливое в груди. — Да, несмотря на всё то, что мы проходим, ты неплохо выглядишь.

— Спасибо, — края чуть полноватых губах Лишари поднялись в улыбке. — Кстати, а ты сам откуда?

— Из Арка. Тут я родился, и жил. Мои родители, когда я ушёл в Орден решили уплыть на Киле, а я остался тут.

— Что вообще ты забыл в Святом ордене? Это сборище, — голос девушки стал непорядок тише, — параноидальных религиозников. Больше часть времени из жизни — чтение мифов, цирк ритуалов и правила... ненужные правила, правила, правила.

— Понимаю твоё... разочарование в нас, — я оглянулся, увидев множество хранителей, в которых всё ещё теплится долг, напоминая мне о том, почему и я стал хранителем. — Часто в детстве мне приходилось слышать истории, как бандиты грабили торговцев, как разрасталась тень над Эндералом. Даже мою тётку едва не убили на дорогах, а моих знакомых... завербовали в какой-то жестокий культ, где они и почили. И я дал себе клятву, что пойду в Ордене, благо у меня оказался дар магии. Небольшой, но всё-таки хоть какой-то, благодаря чему меня взяли в его ряды.

— А придя на службу ты столкнулся с ритуалами, бюрократией и приказами, которые ничего общего с долгом не имели.

— Ты... проницательна. Думаю, теперь ты понимаешь, почему мы ушли из Ордена. Этот конфликт с Арантеалем... ты должна понять.

— Да, Фриджиэн, я понимаю тебя. Если у тебя ещё пару товарищей ушли в культ, только у меня брат... отец на него сильно давил с бизнесом, и он ушёл в воины страшного культа, где и сгинул.

— Да... пришлось тебе не очень, — я только сейчас вспомнил, что у меня в кармане валяется ещё что-то из пирийских артефактов не нужный мне, который достаю. — Лишари, держи. Это тебе, ещё одна вещь пирийцев.

— Что это за...?

Она, под радостный мат, с моей ладони взяла монету — круглый бело-перламутровый предмет, с орнаментом, в котором цвета лазури изображения.

— Пирийская монета. Держи. Кстати, я смотрю ты куда-то собираешься?

— Да, мы собрались в Дотульград или как там его, — быстро говорит дама. — Главное, чтобы опять наёмники не набежали, но надеюсь, что Арантеаль нам отправит кого-то в помощь. А то получится, как в Решенграде.

— Нападение, — я вспомнил о недавних событиях и положил девушке руку на плечо. — Лишари, ты главное крепись. Если эта фигня с циклами правда, то твои исследования для нас будут важны.

— Спасибо, что хоть ты ценишь их. А то твои всё носятся со стабильностью в регионе... как будто сейчас это важно.

— Фриджиэн! — раздаётся воззвание, и я уставил взгляд на то, как у Обители собралось воинство — Исаил и храмовники.

— Труба зовёт, — тряхнула в ответ за плечо меня Лишари, отчего и я даже готов разулыбаться как идиот. — Надеюсь, ещё встретимся.

— Не думала, что это скажу, но тоже надеюсь. Бывай.

На секунду я удивился тому, как быстро Лишари сменила гнев против меня на милость. Может быть её настроение испортилось из-за наёмников, а может быть её так развеселил пирийский подарок? Не знаю.

Быстрым бегом я направился к Исаилу и храмовникам, которые уже готовят свитки, чтобы телепортироваться на Золотой берег. Тут же словил холодный взгляд нашего клирика в красной мантии, с посохом и панцирем, и не менее холодное осуждение:

— Фриджиэн, неужто ты купился на чары этой девушки?

— Во-первых, — стал нервно отнекиваться я, — докажи. А во-вторых, скажи, брат Исаил, что об этом говорит Предание? Нет у нас разницы по народам, нет ограничений для общения.

— Прости, я не хотел тебя обидеть. Просто ты так томно общался с этой Лашири, что мне показалось, будто ты решился отказаться от операции ради разговора.

— Её зовут Лишари.

— О, правда, что ли? А Константин её по-иному называл, но ладно, сейчас не до этого. Я изучил Предание с самого начала.

— И что интересного ты мне расскажешь? — спрашиваю я, рыща в карманах свиток телепортации.

— Из Предания нам стало известно, что всё началось с того момента, когда Всевышний или Творец решил создать великое пение, известное как мир и создал себе помощников. Первородные духи, и пели они долго, созидавая духовный мир — небо, пока Творец не задумал создать материю — землю ми населить её несмышлёными тварями, да насадить растения.

— И что дальше?

— Когда всё было готово, один из самых могучих духов — Тель-Имальтхаати взбунтовался против него и пошёл войной на Всевышнего, поведя за собой своё воинство, но они потерпели поражение и пали.

— Ладно, теперь из Предания мы знаем, как оно всё могло начинаться, а теперь давай сконцентрируемся на задании.

В моих руках оказывается свиток, который мгновенно растворил своей силой бумагу,

обратив её в энергию, которая меня поднимает, и я перестаю видеть Храм солнца. Мгновением погода мои глаза затопил свет, растворившийся и показавший картину чудесной природы, которой мне не удаётся насладиться.

— Вот и добыча! — вопль бандита привёл меня в чувство и местность ту же стала смешением зелени всех оттенков — фон для нескольких рослых мужиков в кольчугах, которые несутся на меня.

— Идиоты! — выкрикнув, обнажаю меч и блокирую первый удар — раздался лязг, и я пинаю его в живот, после чего нисходящим ударом разрубаю ему кольчугу на плече.

Мне приходится отпрыгнуть назад, чтобы топор бандита не разбил мне голову. Из воздуха появляется храмовник, который тут же поняв ситуацию хватается за меч и бросается на второго бандита, пока я займусь раненым. Сблизившись с ним пробиваюсь через его блок, но он отчаянно отпрыгивает и защищается железкой, но со всей силы бью его носком под колено, а затем одним поставленным ударом в шею кулаком заставляю его кряхтеть и кататься по траве.

Из куста выпрыгивают ещё враги, но это не разбойники, привлечённые шумом битвы. Гремя костями, лишёнными плоти, на нас, без страха, с inferнальным сиянием в глазницах идут скелетоны. Я оставляю бандита и вместе с тремя храмовниками бросаюсь в бой. Увернувшись от топора совершаю выпад, который разбивает грудь скелета, а вторым рубящим ударом сокрушаю всю кучу костей. Храмовники клинками отогнали немногочисленную нежить на расстояние, а затем её обратили в мусор. Теперь можно вернуться к насущной проблеме.

Как же не могу терпеть бандитов. Эти люди — беззаконники, которые не имеют ни малейшего уважения к праву. Ладно кража из голода, но становится душегубом на дороге только потому, что тебе весело. И меня немного коробит от того, что Велисарий хочет поставить на службу этих людей, но кто я, чтобы с ним спорить? Во всяком случае, пусть получают деньги из казны, чем грабят её. Но больше всего я ненавижу оживших мертвецов — эти твари загробного мира не знают ничего, кроме жажды убийства. Тела, пленённые злыми духами, становятся инкубаторами для концентрированной злобы.

— Что тут произошло? — вопрошает Исаил, последний телепортировавшийся сюда. — И что это там за мужик пытается встать?

— Местность отчищена, — гордо заявляю я. — А это, местный бандит. Нарвался на нас.

— Хм, сможет он знает?

— Сейчас проверим.

Я смотрю на север и вижу, как там далеко высится горный хребет, подле которого раскинулся лес. Судя по всему, мы к западу от Речного и где-то тут рядом должен находиться оплот одной из потаённых банд. До меня доносится скулёж стонущего разбойника, смотрю, что он еле-еле поднялся на обе ноги и пытается уйти, но догнав его, валю его на землю. Он уже подумал, что его сейчас прикончат, но всем сто этого с моих рук ему на шею льётся простенькое заклятье — тёплым приятным потоком оно окутывает его плоть и восстанавливает её. Но милости будет недолго. Сжав кольчугу на нём, дёргая со всей силы его и тащу за собой.

— А-а, шо вам нужно?! — вопит бандит, которого я швыряю под ноги Исаилу. — Кто вы такие, ватир вас дери?

— Послушай, — склонился клирик, — нам нужно, чтобы ты сопровождал нас к своему атаману. Тому, кто тут всем заправляет. Так угодно Творцу. Если приведёшь нас туда, то ты

порадуешь Всевышнего.

— Нету моего главаря. Чудило, которое носилось по лесу, то ли с железками или фейерверками из рук, всю братию и животину подчистую скосило.

— То есть ты, грязный беззаконник, хочешь сказать, что какой-то уникам сократил почти под ноль всю популяцию бандитов и животных? — спрашиваю я.

— Да.

— Так, — я обнажаю меч, потряхивая им, — нам нужен не твой главарь, а Конан «Жестокий». Вроде так зовут того, кто заправляет всем?

— Откуда ты слышал о нём?

— Ещё год назад я допросил лично двух преступников в Речном, чтобы они поведали нам о сети банд у Речного. Жалко, Арантеаль тогда носился с... неважно. Где он?

— Ступайте за мной.

Спрятав меч в ножны, мы двинулись по зелёной траве прямо под сени деревьев. И всё же тут прекрасно — на ветвях поют птицы, светило не палящее и в меру поливает теплом Солнечный берег, ветер же лёгок и освежающ, а растительность — пышет жизнью и насыщенная красками. Как бы хотел переселиться сюда и провести остаток дней, как бы я хотел покоя и тишины с семьёй. Но меня сейчас волнует долг и его выполнение.

Вскоре, мы пришли к горным склонам, где за травой и кустарниками скрыт тайный вход и продравшись за «стену» мелких колючих веток и листьев я с храмовниками оказываюсь в сырой пещере и наш проводник машет рукой, зазывая.

Исаил приготовил посох, на конце деревяшки уже загорается пламя, а мои братья-воины обнажили клинки, что делаю и я. Страшно ли мне? Да, от неизвестности меня берёт тревога.

Мы подошли к какой-то массивной двери, сколоченной из нескольких досок. Ритмичное стучание кулаком принесло плоды — нам открыли дверь и тут же на нас уставились наконечники стрел.

— Ронан, какого чёрного стража!

— Они ищут Конана. Пришли с ним о деле молвить.

— Что, какого? А ладно... нас всё равно больше, — я посмотрел на говорящего бандита, который нацепил лохмотья под низ ржавой кольчуги. — Слыш, вы только не буяньте тут, а то ребята вас всех положат.

Мы молчаливо соглашаемся и проходим дальше, встретившись с целым тайным поселением. «Ветвями» от центрального хода простираются в глубину множество проходов, в которых ютятся бандиты, расположены склады, кухни и арсеналы. Тут и там сне попадаются на глаза люди — высокие и низкие, смуглые и белые, молодые и старые, мужчины и женщины — все они носят старую выцветшую одежду и простенькую броню в виде кожаного панциря или лёгких кольчужных «рубях».

— Откуда тут столько людей? — спросил один из храмовников, и я отвечаю:

— Обедневшие жители, беженцы, те, кто бежал из разрушенных поселений, стражники-дезертиры. Тут много судеб, много всего...

Мне глаза режет множество факелов и ламп, которыми они освещают помещение, мне попадаются ящики и куски древесины. Тут сыро, пахнет чем-то тухлым, всё время что-то бурчит, стелется благой мат.

Нам хватило десяти минут, чтобы пройти через деревянную арку и оказаться в самом конце этого укрытия бандитов. И перед нами привычный бандитский вождь — в шкурах, под которыми я вижу блеск стального панциря, громоздящийся на резном деревянном троне.

Вокруг него расставлено пару столов, набитых простой пищей, есть письменный стол, всё освещается множеством факелов и даже есть три стенда с оружием, где я смотрю на секиру, двуручный меч и топор и всё из золотистого металла звёздников.

— Кого твоя тушка к нам привела? — спросил косматый и с пышной шевелюрой вождь.

— Это люди из Ордена, они хотят молвить с тобой.

— Правда, что ли?! — усмехнулся Конан и махнул бандиту. — Пшёл вон, волчья морда. — После этого он встал с места и шагнул к нам. — Чё вы хотите?

— Мессир Конан, — заговорил клирик. — Мы понимаем, что нас разделяет долгая вражда, но сегодня Творец нас призывает объединиться. Власти Эндерала даруют вам прощение при условии, что вы и ваши войска встанут под знамёна Арка, покаются в содеянном и станут жить по законам Эндерала. А в обмен мы даём вам помилование и землю на Солнечном побережье.

По широким глазам Конана можно понять, что он явно недоволен инициативой Велисария сделать из него слугу Эндерала, что подтверждается в его речи:

— Ага, бегать на побегушках святош из Ордена. Ба! Да лучше жить в нищете и червей жрать, чем лизать пятки Арку!

— Послушай, — срываюсь я. — Твоё скотское существование беззаконник совсем из тебя сделало животное? Мы не просто так пришли сюда — нам, людям Эндерала нужна ваша помощь. Нерим идёт на нас войной, Рождённые Светом... «вознеслись» и покинули нас, орды нежити поднимаются и убивают, в том числе и твоих людей. Подними ты свой зад.

— Ха! Мало кто осмеливался со мной так говорить, — прорычал Конан, задумавшись. — Значит и вправду говорят, что Рождённые Светом больше не боги. Тогда скажи, эндералец, зачем мне вообще вас слушать? Прирежу как свиней и кину собакам. Силы у вас больше нет, власть теряете. Если так дело пойдёт, то я и мои парни тут возьмём лютую власть, в Речное войдём.

«Что б ты стал подопытным для фазмалиста, и он пустит твою душу на амулеты, чтоб ты перешёл дорогу энтрописту, который сотворит из тебя кучу мяса», — выругался я. — «Трибунала на тебя нет. Упёрся как баран. Ох, Арантеаль, хоть ты и помешан, но твоё пристрастие хоть сейчас надеюсь возьмееет что-то полезное»:

— Ты идиот, — с оскорбления я начал, чтобы вызывать эмоциональный отклик у бандита, предощущая, что его парни и бабы уже тянуться к оружию, как и храмовники. — Если ты не поднимешь свой зад и не поможешь нам, то миру наступит конец. Наши учёные обнаружили, что цикл подходит к концу, а неримцы его завершители.

— Шо за цикл? Ты что мне по ушам ездешь?

— Всё сгорит согласно пророчествам. Да и неримцы, когда вас найдут — вырежут под чистую. А мы вам предлагаем экипировку, пищу и признание, — я от волнительной речи перехожу к более спокойному говору. — Неримцы из вас сделают дрова для своих костров. Они идут сюда, чтобы подчистую зачистить континент от всех неугодных.

— А что взамен, если мы свои задницы будем надрывать ради вас?

— Вы получите... помилование, вас снабдят лучшим оружием. Вы сможете спокойно осесть по всему Солнечному берегу.

— Хм-м, — рычащим гортанным звуком затянул Конан. — Ладно, пойдём с тобой потолкуем как мужики. Коли одолеешь, подчинюсь. Покажи, чего ты стоишь.

Я киваю и тяжело выдыхаю, ступаю за бандитом... у меня просто нет выбора, и чтобы

заручиться его поддержкой, придётся драться. Зараза, меня это дико злит, но всё же, ради усиления страны, я готов пойти с ним на бой.

И вот стою на арене. Вокруг, за деревянными «прутьями» улюлюкает бандитская кодла. Они ждут кровавого зрелища, и они его получают, только если что-то пойдёт не так, то меня эффектно размажут по арене. Враг — это двухметровый крупный мужик, который идёт ко мне с секирой наперевес. Её обоюдоострое лезвие переливается отблесками факелов, и трещит электрическим зачарованием, и при виде этого мне становится не по себе, но я вынужден с ним бороться.

Я тоже делаю шаг вперёд, как Конан с рёвом бросился на меня, вложив всю силу в удар плечом. Пропустил этот выпад, моя реакция меня подвела, и тяжёлый воин в меня в печатался со всей силы. Шквальная волна боли разлилась по телу, отозвавшись в каждой кости или мышце, но стою.

В последующие мгновения я принял шквал секиры, от которой могу только уворачиваться, чтобы она прошла по песку. Он бьёт её тыльной стороной, но выставив блок правой рукой, левой кидаюсь на него с кулаком, и удар приходится прямо в челюсть эндеральцу. Тот только расхохотался и самодовольно заявил:

— И это удар? — неожиданно я пропустил, как резкий взмах его руки превратился в оплеуху, которая сокрушила мою щеку, и с дикой болью, звоном в ушах и дезориентированный пячусь назад, подтаскивая за собой клинок, а он самодовольно заявляет. — Вот это удар!

— Ничего, — постанываю я. — Мы ещё поборемся.

Я бросаюсь на него и на этот раз ему приходится пятиться назад, когда мой меч летал возле его лица и Конану только остаётся, что только шагать назад. Улюлюканье толпы нарастает, бандюганы возможно предчувствуют, что бой становится всё более жарким.

Присев и уйдя от секиры, рука свершает выпад, и я царапаю его доспех, после чего отпрыгнул, что секира не ударила меня, и снова бросаюсь в бой. Секира летит ко мне, и я рванул в сторону, но враг словно предугадал это, и пригнулся, но тут же меня опрокинул пинок, и кувырнувшись через спину, загрязнённый песком, поднялся и выпрямился. Я снова продолжаю сверлить взглядом на Конана.

— Ты не хочешь сдаться!?! — с улыбкой на сухих губах, спросил меня бандит.

— Скорее первый ты сдашься.

— Тогда лови! — в мою сторону полетело нечто наэлектризованное, то, что я успел заметить в самом начале, как бумага стала концентрированной энергией, а потом меня охватил лёгкий паралич, заставивший встать на колени.

— Нечестно! — закричал Исаил.

— Да плевать, — Конан вздел руки вверх. — Зато я — победитель!

Я, преодолевая сковывающий эффект, поднимаюсь сначала на колени, а потом подчиняю обратно себе руку. Правой ладонью обхватываю рукоять из дерева и вытаскиваю её, практически не чувствуя древесины. Дрожащей конечностью я направляю устройство в спину, в область ягодицы Конану и со всех сил даю на кусочек металла. Что-то щёлкнуло, ударило и выбило искру, а затем раздался грохот. Такое ощущение, что выстрелила маленькая пушка, сила отдачи выбила оружие из моих рук, которая скрылась в клубах пахучего белоснежного дыма. Следом я слышу вой, редкий и очень неповторимый мат, а Конан, ранее бывший воплощением брутальности и силы, упал на землю и стал держаться за зад, поскуливая и постанывая.

Я же встал на свои двои, покачиваясь и ощущая расслабление по всему телу. Я вижу, что бандиты, ранее улюлюкавшие и вопящие, смотрят на меня с ужасом, не смея даже крика подать, что даёт мне возможность отпустить лёгкую иронию:

— Ну что, друзья... рад приветствовать новых воинов Эндерала. Думаю, вы будете рады отдать долг родине? — после воззвания я решаюсь с пламенной речью обратиться ко всем. — Я понимаю, что кто-то из вас стал таким из-за плохой жизни, кто-то из-за того, что просто не знал, чем заниматься. Знаю, что там, за пределами пещеры на вас будут смотреть, как на зверьё, но я прошу вас не отвернуться от проблемы вашей родины. С запада грядёт буря, которая сметёт всех нас. Братцы, сейчас как никогда нужна ваша помощь, ваш меч и ваша сила. Без вашей помощи Эндералу сначала сметут нас, а потом паршивцы, которые грядут с запада, возьмутся за вас. Я не прошу вас сражаться за напыщенных богатеев или зажавшихся аристократов Арка. Я прошу вас поднять меч за вашу родину, поднять оружие против лютого зверя, против нечисти, которая идёт сюда сжигать всё и всех, — я смотрю на людей, в их глазах я вместо дикого блеска заметил понимание и даже одобрение. — Я не говорю вам, что вас сразу восхвалят, но обещаю, что вы получите свой клочок земли, что вы сможете стать не просто обычными гражданами, но героями грядущей войны, если пойдёте за нами. — Мне приходится успокоиться и взять паузу, чтобы дать людям время подумать. — Я призываю вас сражаться. Не за зажавшуюся знать, не за закон, не за Рождённых светом, но за землю, которая станет вашей, за простой народ, который будет вам благодарен, за будущий лучший мир. Воины, я призываю вас исполнить самый главный ваш долг — защитить родную землю. Так скажите, поднимите ли вы меч ради обычных людей и супротив страшной мерзости?

Друг востока

Следующий день. Дюнное.

— Уважаемый машшира, — на восточный манер исказив обращение «мессир» заговорил воин, — не думаю, что там вы найдёте то, что ищете, — чуть хриплым голосом сказанные, эти слова не поколебали моего настроения. — Впрочем, я надеюсь, что ваше пришествие сможет изменить выгребную яму... Дюнное, оно ведь раньше было жемчужиной востока, а сейчас самая главная клоака, — мужчина с бронзовым загаром сплюнул в песок, потерев о ткань, накрывшую кожаный панцирь.

Солнце... проклятье, как же сильно оно припекает. Нет сил терпеть его и как же люди здешних окрестностей выживают? И всё-таки, я должен находиться здесь, просто обязан идти вперёд, ибо от этого зависит безопасность на южном побережье. Я, да ещё пара человек, заброшенные сюда магией должны жариться под нещадным светилом только потому, что эта идиотка Тручесса не совладала с управлением страной. В её руках были огромные возможности — золото, поддержка аристократии, солдаты, могущество Святого ордена и поддержка церковников. Вместо поддержки окраин, она сконцентрировалась на столице, но единственное на что хватило её «политического гения», так это устраивать показательные казни, грабежи непомерными налогами и насаждать неистовую веру в Рождённых солнцем.

— В конце концов, восток — дело тонкое, а вы уже успели вломиться в Храм Солнца, усмирить бандитов на Солнечном берегу и заткнуть пасть Натаре, — мерный голос местного стражника вывел меня из размышлений.

— Ах, до вас уже дошла молва о наших действиях.

— Слухи летят быстрее ветра, а те, что касаются политики и придворных интриг — быстрее молнии, — «надзиратель» усмехнулся. — Может быть вы сможете изменить происходящее здесь.

— Надеюсь.

— Во всяком случае, добро пожаловать в Дюнное, — местный стражник сделал шаг в сторону, пропуская нас дальше.

Мои плечи утягивает ткань, под которой покоится просторная рубаша цвета алой розы, слегка прикрывающая свободные тёмные брюки, стянутые в голени сапогами. Позади меня шагают два воина, на которых блестит посеребрённая чешуя, левые руки отягощены громоздкими щитами, а на поясах длинные мечи. Рядом держится Исаил, облачённый в чёрные рясы.

Мы прошли по золочённому песку, ветер загоняет его под одежду, у меня в горле страшно першит, хочется кашлять и тереть глаза. Здешний ветер нещадно гоняет песчинки в воздухе, закидывая волнами песчаных бурь Дюнное. Подняв голову вверх, я вижу только тёмное, закрытое песками небо. Подошвы коснулись каменных отёсанных песком ступеней... мне тягостно видеть это, в груди что-то бунтует, отрицая картину упадка и энтропии. Раньше это была величественная лестница, вдоль которой красоту наводили статуи героев востока, магической силой поддерживалась зелёная изгородь из лиан и плющей. Теперь же вокруг нас только голые острые скалы, а под ногами почерневшая тёмно-бежевая лестница, ставшая печальным напоминанием о прошлом сего славного города.

Впереди показалось несколько фигур. Облачённые в красно-золотые пышные одежды, они ведут трёх верблюдов, горба коих отягощены сумками. Я слышу, как из них доносится лёгкое бряцанье, а глаза узрели ещё пару человек — воины в кожаных панцирях.

— Торговцы, — со скорбью тихо сказал Исаил. — Редкое явление для сих мест. Благослови нас Единый, чтобы наша миссия увенчалась успехом.

— Проклятая Натара, — выругался я. — И Арантеаль вторит ей в безумии. Одна сошла с ума от власти в Арке, а другой поехал головой от идеи остановить неведомое «очищение».

— Не будь так строг к ним, ибо они сбились с истинного пути, как и Рождённые светом. Нам должно их пожалеть и обратить сердца на решение проблем насущным. Если мы промедлим, то нас убьёт не «очищение», а мы сами себя. А теперь направим свои силы на будущие переговоры, друг мой.

Мне нравилось, как говорил Исаил. Он, словно вдохновлённый чем-то иным, потусторонним и более величественным, чем всё что могут дать ныне живущие кормчие душ, вселил в наши души новую надежду и веру. Его слово нас укрепило, дало нам силу и повело вперёд, как только он открыл строки Предания.

— Кстати, будь осторожнее с той неримкой. Не спеши с ней, и не трави её традициями нашей родины. Ей это не особо полезно.

— Ты о Лишари?

— Как будто я не вижу, — тяжелое слово заставило моё сердце дрогнуть. — Твой выбор, как жить. Скажу тебе лишь то, что однажды может встать выбор между твоими сердечными стремлениями и родиной.

Я бы с радостью сейчас подумал о девушке, но мою голову занимает иная мысль. Велисарий поставил интересную задачу, я бы даже сказал невыполнимую. Мы должны заручиться поддержкой властителей Дюнного, сделать так, чтобы они встали с нами плечом к плечу в борьбе с западными ордами. Учитывая, что Дюнное, да и весь восток погружены в

кризис, войну с кочевниками на севере и нежитью по всему региону, это будет проблематично. Но раз таков приказ, я не стану перечить и для Эндерала приложу все силы, чтобы он был исполнен.

Мы прошли дальше, и перед нами открылась ещё более удручающая картина. Нас приветствует безумное гулкое завывание ветра, гуляющего на огромной площади, зажатой двумя высоченными утёсами в которые вгрызся город. Тут я не вижу чудесных ярмарок с кудесниками востока, нет здесь таинственных жрецов или изумительной работы украшений на прилавках... это место совсем не похоже на сказку, которой было раньше. Вместо этого я с содроганием и меланхолией вижу только пустую разбитую площадь с перекошенной плиткой, впереди ветер доносит зловоние мутной застоявшейся воды в местном фонтане, а вся жизнь загнана под могучие скальные покровы.

Не зреет мой глаз и стражников востока в золочёной броне, с блестящими наконечниками копий, только небольшие патрули в тёмной броне с мечами на бёдрах, которых коснулась рука ржавчины. Так же я вижу, что на парапетах, и «гнездах» на высоте сидят лучники и застрельщики под тканевыми навесами.

Я уже готов был обидеться, что нас встречают только встрепенувшиеся лучники, лениво достающие стрелы, как на встречу вышел небольшой отряд. Копья и щиты работы времён едва ли моего деда только прибавляют к общему духу ущербности сего места. Но их походка полна уверенности, воины не боятся нас. Медленно обступив нас, вперёд вышел в льняном доспехе поверх которого трепетался жёлто-зелёный плащ.

— Я — Арсит, помощник начальника «надзирателей», — грозно сказал кареокский мужчина в тюрбане. — Представьтесь.

— Фриджидиэн, командор Ордена Храмовников, — столь же уверенно даю я ответ. — Я пришёл сюда для переговоров.

— Да... нам прибывало письмо, — Арсит отступил. — Идите за мной.

И мы пошли. Стражники повели нас вперёд, и мы прошагали по довольно просторной площади, пока не дошли до массивной двери. Четыре воина отошли в сторону и Арсит открыл нам дверь. «Надзиратели», следуя местным традициям политического приличия, отдали лёгкий поклон и прошептали:

— Да сохранит вас пустыня.

Спустя пару мгновений наши ноги уже шли по гнилым доскам настила. В мои ноздри забивается странная вонь — смешение смрада гнилой рыбы, восточных терпких и острых специй и отходов, сливающихся в море. Тут и там я вижу жалкие лачуги, трясущиеся на подпорках. Более массивные брёвна или каменные колонны держат более громоздкие здания, вроде тюрьмы или «Твердыни Власти». Раньше это был оплот торговли юга, через здешний порт проходили фрукты, самоцветы, шелка, жемчуг и ткани. Теперь же я вижу, картину упадка — богатые торговые лавки сменились убогими скамьями, на которых красуются ржавые клинки, множество раз перекованная броня, я зрю, как две южанки матерят друг друга из-за вшивого куска ткани — видимо торговка не желает снижать цену; и видно мне, как местный купец расставляет на прилавке апельсины и виноград, намеренно скрывая от глаз серо-коричневые пятна гниения. А одежды народа — меня едва ли не прошибает слеза от того, что народ нацепил на себя дырявые множество раз штопанные тряпки коричнево-бурого цвета, протёртые и старые. И ходя в таких «нарядах» годами, люди и аэтерна становились частью нищенской атмосферы этой дыры.

— Не самые лучшие времена, словно прочитав мои мысли, загрустил Арсит. — Я

помню, как сюда ещё заходили торговые галеоны из Нерима и гружённые несметными богатствами корабли из Киле. Детство...

Море подходит под гору и притекает прямо сюда, давая торговым судам здесь выгружаться. И раньше так и было, но времена всё измени — юго-востоку Эндерала больше нечего предложить миру, который медленно сходит с ума. Теперь мы вынуждены довольствоваться осколками порядка, пытаемся собрать их в единую картину, что я готов делать.

— А как же торговля жемчугом, порохом и золотом? — вспомнил я, что видел торговые корабли под флагом Дюнного. — Ведь ещё ходит ваш флот.

— Этим промышляет узкая группа торговцев. Они не делятся ни с кем.

— А Святой орден, — наивно я бросаю фразу, уже чувствуя, какой будет ответ. — Он же должен хоть немного держать руку на пульсе.

— Эти торговцы и есть власть, — уныло ответил Арсит. — Впрочем, скоро вы сами всё поймёте.

Арсит остановился на самом краю внутреннего города, у массивных двухметровых ворот из дерева. Я на миг удивился, когда увидел высоких стражей, чьи тела защищены ламеллярным доспехом, украшенным позолотой. Конусные шлема с бармицей закрыли лица, и я не вижу их эмоций. Угрожающе сияют наточенные полотна алебард, скрещенных в знак того, что никто не пройдёт без приказа. За их спинами на воротах изображён герб Дюнного, ставший символом их независимости и свободы — золотом изображён лев с крыльями, над которым довлеет око, пронзённое мечом. Я с больной улыбкой встретил этот символ, как знак беспомощности Святого ордена... вот бы тыкнуть им Арантеаля и Натару, чтобы они поняли — Дюнное лишь формально всё ещё часть единого Эндерала, на деле же я чувствую свободу этого места, знаю, что Дюнное — вольное государство.

— Отворяйте, — тихо приказал Арсит. — Пришёл Фриджикиэн из Арка по приказу Флава Велисария. — Сказав, он поднял голову вверх и увидел, как на надвратном балконе лучники в золотой чешуе уже держат стрелы на тетиве.

Стражи, сохраняя совершенное безмолвие отошли в сторону и врата распахнулись — Твердыня Власти встречает нас с распростёртыми объятиями, и я не собираюсь пренебрегать её радушием. Поведя вперёд храмовников, я вдохнул и выдохнул, развеивая волнения... мне придётся встретиться с одним из самых тёмных порождений человеческой жизни — политикой.

Я надеялся встретить здесь умеренную роскошь, но то, что предстало перед нами породило в моём сердце восхищение и жгучую злобу, странное чувство, которое я испытывал лишь однажды — в аркском Квартале знати. Первое, что нас встретило, так это благоухание роз — в носу что-то щипнуло, мне в груди всё защекотало — я едва не чихнул от сладости, сменившей вонь. Старая традиция востока — посыпать порог богатых домов парой цветков тут стал дурным тоном, издёвкой над состоянием Дюнного. Сводчатый и усеянный тонкими колоннами холл сияет позолоченными канделябрами и подсвечниками, глаз режет свет от серебряных зеркал, и вычурных одежд здешних обитателей — моя голова невольно опускается, только бы не видеть лиловой, золотой и изумрудной парчи и атласа. Ещё пару шагов по коридору и нас окружили танцовщицы, подобные сладкому запретному плоду. Вместе с их духами витает аппетитный запах жаренной баранины, сладкий дух фиников и тортов на пару с приторным амбре вина.

— Пока обычный люд доедает гнилые апельсины, они здесь предаются страстям в

золоте, шелках и вкушая зажаренного барана, — мой голос стал более резким, я сам не заметил, как стал обвинителем. — Неужто, что в Арке, что здесь — знать живёт только мыслью нажитья... неужто им плевать на народ?

— Таков порядок вещей, — ступая на витиеватую лестницу, тихо говорит Исаил, чтобы не привлечь внимание стражников. — Сердца, не просвещённые светом истины, тлеют в разврате и грехе. Нет того, кто бы им указал на Истину, на Тот, Кто способен им помочь, остался в стороне от их взоров.

— Проклятый порядок, — я выругался. — Знать...

— Надеюсь ты не собираешься устраивать революцию. Нам с этой знатью ещё вместе воевать.

— Конечно нет, — подавил я в себе мятежность, оставаясь верным закону обыденности. — Нет...

Мы поднялись мне дано было узреть оплот власти Дюнного, сердце востока. Над большим круглым столом красуется огромная золотая люстра, усеянная жемчугом, слепящая великолепием и светом. На стенах глаз радует и раздражает гряда живописных картин, под ногами поступь смягчает целая куча алых, лиловых и золотых ковров. Неожиданно я ощутил лёгкое удушье — по углам расселись люди и аэтерна, втягивающие дым. Шипение и бульканье кальянов заглушается пением флейт и арф, дарующих сиюсекундный покой.

«Вот это красотища», — мысленно заметил я, когда увидел, что по некоторым углам у песчано-каменисто-бежевых стен потолок держат статуи атлетов, щедро покрытых позолотой и резьбой.

Впереди же передо мной простёрся длинный стол, на зеркально отпарированной крышке которого раскинулась карта. По очертаниям и контурам я подметил, что чернилами там вырисованы очертания восточного Эндерала.

— Я рад приветствовать вас, — встал деревянного трона среднего роста мужчина в золотом атласном халате, поверх которого светло-фиолетовый жилет, а его лицо немного худошаво, в очах же усталость сияет. — Я — Фарсан, саттар Совета владык.

Мой взгляд упал на двадцать пять человек, красующихся пёстрыми вычурными одеждами. Их пальцы блестят кольцами, а на груди массивные медальоны с символом льва. Вот они — держащие власть в Дюнном, крупные торговцы, содержащие всю армию востока и благодаря которым этот край ещё не пал... благодаря которым он в нищете и запустении.

— Так же рад вас приветствовать, — я слегка пригнул голову, фальшь в моих словах почувствовал бы и глухой. — Моё имя — Фриджидиэн. Пришёл из Арка по приказу моего господина.

— Мы знаем, — на этот раз со мной заговорил не торгош, а высокого роста мужчина, на котором кожаный панцирь, голова покрыта тюрбаном, а на поясе блестит кривой ятаган. — Я — Фарнабаз, главный флотоводец Дюнного. Нам приходило письмо от Велисария с его предварительными требованиями.

— Моё почтение, Фарнабаз. Тогда нам будет намного проще вести этот разговор.

— Садитесь, — предложил саттар, указывая на свободные места у стола и мы покорно последовали сему предложению.

В зале установилась тишина. Я с напряжением смотрю в карие очи знати, на то, как они переминают пергаменты и медленно переводят взгляд на саттара. Ему они дали право глаголить от своего имени и к иным я не имею даже права обращаться... как меня уверили. Каждый из них в этом дворце имеет роскошные палаты и защищён могучей стражей. Их обед

— это финики, лучшее мясо и пряное вино, развлечения — пленяющие сердце танцы красивых дев и игра в кости на золото. И всё это пока родина захлёбывается в нищете, болезнях и гражданской войне. Эти люди хуже бандитов, ибо те хоть и грабят народ, но делают это от нищеты и убогости духа, за ними идёт охота, а эти всё творят по закону и по установлению власти. И мне придётся им понравиться.

— Велисарий нам писал, что мы должны прислушаться к нему, — начал саттар. — Мол большое войско с запада грядёт, чтобы уничтожить Эндерал. Но вот скажите, зачем Коареку, этому сыну шакала, это нужно?

— Как бы вам сказать, — я стал подбирать аккуратно слова. — Судя по данным разведки он заболел идеей некого очищения и думает, что с падением Эндерала оно сбудется, а сам он станет. Двадцатитысячный корпус отплыл из Эрофина сюда, чтобы огнём и мечом

— Пойми, сын зелёных лугов, у нас тоже есть разведка, — заговорил Фарнабаз. — Мы тоже знаем, что в Нериме прошла революция, что теперь там у власти некий «Вольный народ». Мои владыки хотят понять какие выгоды ждут его от свершения сего «очищения»? — Фарнабаз примолк, став аккуратно подбирать слова. — Поскольку даже безумец может оказаться правым, а потери выгод неприемлемы.

— Очищение, — тяжело выдохнул я и обратился к воспоминаниям, но за меня ответ взял Исаил.

— Это означает конец всего живого, — встал, пламенную проповедь начал Исаил. — Его ведут духи злобы и тьмы поднебесной, коих вы кличете джинами. Они явились перед ним, дали свой лживый завет о новом мире и чёрно благословили на правление.

— Так почему же нам не примкнуть к нему? — раздался вопрос от одного из владык. — Если с ним благословение джинов высоты, то какая нам выгода быть со Святым орденом? Мы можем встать на сторону нового порядка и иметь великую прибыль в грядущем мире.

— Вы мужи благоразумные, — настаивает Исаил. — Кто вкладывает в предприятия неустойчивые, где всем правит лжец и шельмец? Вы же понимаете, что для Коарека вы станете не более чем средством достижения цели? К тому же, вам придётся отказаться от своей духовной независимости, — Исаил на мгновение остановился, собирая на себе внимание и взгляды и потом вновь заговор, пуще прежнего. — Как сказано в Манифесте «Всем свободным» — «- А на востоке, всех, кто смеет противостать нам в Эндерале, придерживается своей религии и культуры, мы предадим мечу. Касается сие в первую очередь аркчан и дюннийцев, как эндеральцев, имеющих больше всех в силе и власти, а также культуре»

— Но он нам может предложить куда более выгодное, — порыв Исаила встретился с жадностью. — Он не тронет нас, в то время, как ваш Арк сгорит. Мы ничего не потеряем, и как говорят у нас на востокен — бесплатный уксус слаще мёда.

— Сколь же вы падки на золото, владыки, — не унимая порыва разжигает сердца Исаил. — А так же в его Манифесте есть строки такие — «Для дел своих в Эндерале, мы будем использовать богатства всех, кого сможем. Отказавшиеся, будут преданы мечу очищения, как содеятели еретикам».

Для меня пропали все иные, кроме слов спора, звуки в этой зале — ни арфа, ни флейта, ни бурчание кальяна. Он искусно надавил на сердца владык, задев их за самое живое. Сердца, отлитые из золота, питающиеся серебряной кровью, трепетно отнеслись к своим богатствам.

— Ну нет, — усмехнулся кто-то из держателей власти в Дюнном. — И почему же пред нами не прочитаны были сие строки? Скажи Фарнабаз, за что ты получаешь жалованье? Действительно ли это имеет место быть?

— Да... владыки, так и есть. Это сомнительная часть отчёта нашей разведки, которую я пока не стал зачитывать, — оправдывается Фарнабаз. — Причём эти слова подвергаются оспариванию.

— Сейчас нам это важно услышать, — поднимается один из владык и показал на меня. — Теперь же мы готовы выслушать предложение сего мужа. Давай говори и от сладости слов твоих, их весомости мы примем любое решение.

— И что же скажет Святой орден на... любое ваше решение, — я решил убедиться в полной безопасности для своих слов.

— Нам плевать, что станут бухтеть эти святоши, — фыркнул владыка. — Нас интересуют только... интересы Дюнного.

«Свои интересы, точнее», — гневная мысль пробежала у меня в голове, но я быстро её отогнал, перейдя к переговорам:

— Сначала я должен узнать, сколько у вас сил. В обмен я дам информацию о неримской армии.

— Фарнабаз, — твёрдо приказал саттар. — Что у нас с армией?

— Не так радужно, как хотелось бы. — Мужчина с пару секунд промолчал, а затем продолжил. — Тысяча придворного корпуса, три тысячи средней пехоты и стрелков из корпуса «наблюдателей», пять сотен пустынного кавалерийского батальона и три сотни во флоте «Независимость». Ах, — губы Фарнабаза скрасила косая улыбка, намекнувшая на бессилие страны. — Ещё пять тысяч мы получим из союзных племён на севере и ополчения из Дюнного и Сереброграда... если они окажутся достаточно лояльны.

«Восемь восемьсот», — быстро сосчитал я, мои губы слегка дёрнулись в улыбке, ведь мне предстало шокировать их цифрами:

— При Коареке двадцатитысячный общеармейский первый наступательный корпус, а также пять тысяч наёмников из центрального и северного Нерима. Второй флот несёт на себе пятнадцать тысяч из второго наступательного пехотного корпуса, при котором вспомогательные контингенты фанатиков и наёмников из Киры, а также сепаратистов из той страны. В состав их армии входит артиллерия, лёгкая пехота, тяжёлая пехота, лучники и не менее сотни чародеев. Единственное, в чём они имеют недостаток, так это в кавалерии всех видов.

— Восемь тысяч, где больше половины — это неопытные воины, против сорокатысячной армии, прошедшей огонь, кровь и закалённой в горниле тридцатилетней войны, — подвёл итог Фарнабаз, на его лице проступил пот, смутило беспокойство. — С такой армией он может не считаться ни с нами, ни с Арком. Скажи, выходец с севера, как вы собираетесь совладать с такими силами?

— У Велисария есть план... который он желает исполнить, но для этого ему понадобятся все ресурсы. Скажите, чем живёт Дюнное?

— Источники дохода? — улыбнулся саттар. — Что ж, коль владыки дали право, я вам открою это. Наша торговля жемчугом, серебром и золотом с Кирой приносит не менее ста тысяч серебряных дюнников в месяц. Перепродажа шелков, парчи и атласа, специй и ингредиентов в Арк из Киры даёт не менее трёхсот тысяч эндеральских медяков в год.

— Хорошо. Велисарий предлагает вам принять участие в его компании. Поверьте, он

сам говорит, что ваш голос, что ваши интересы не останутся без... внимания. От вас сейчас требуется предварительно дать согласие и прийти на общее собрание, — и чтобы зацепить владык Дюнного мне приходится идти на уловку, дать зацепку им. — Дюнное может стать ещё более могущественным, а его народ... богаче.

— И что же он готов нам предложить?

— Сейчас — совместная оборона от Коарека, не дать его ордам сокрушить нашу страну. А потом — о чём пойдёт договор. Более яркие подробности и детали здесь, — я достал из-за пазухи исписанный пергамент и Фарнабаз тут же взял. — Он не желает

— Будь у него тысяча слепых дочерей — всех замуж выдаст, — сказал о Велисарии саттар. — Владыки, ваше решение?

— То есть ты, принеся нам недобрые вести, предлагаешь вступить в союз с тем, чьи мотивы описываешь только как забота об Эндерале. Ступай, Фриджидиэн из Арка, мы слышали тебя, — встал один из властителей Дюнного. — Мы своим присутствием или отсутствием на вашем собрании дадим знать о решении Дюнного.

В принципе, что ещё можно было ждать от них. Непонятные, окутанные таинственностью и жадностью. Только во взгляде Фарнабаза можно найти что-то похожее на здравость. Для остальных же сейчас главное — выбрать ту сторону, чтобы не потерять власть или деньги.

«Когда их родина в опасности, они продолжают думать о золоте. Они хуже Конана и его своры», — подумал, чувствуя, как меня поглощает ненависть к этим людям.

— Машшира, — к нам подошёл саттар. — Неправильно вы начали. Вы, как истинный сын прямоты, всё выложили. Но нужно было начать с даров и обещаний понятных выгод.

— Извольте, — едва не прорычал я. — Что я прежде всего думаю о родине, о моей земле, не о том, как можно больше всего хапнуть.

— Я понимаю, что для вас наши традиции и культура нечто странное, — саттар испуганным взглядом посмотрел с стороны; в его тёмных очах я заметил ещё что-то... похожее на жажду надежды. — Есть куда более... личная просьба. Храмовники должны поддержать меня и тогда я готов буду поддержать вас. Я могу убедить владык в том, что именно ваша фракция может принести спасение.

— Хм, рука руку моет, — фыркнул я.

— Не совсем, — лицо мужчины совсем стало печальным, мой глаз выхватил лёгкую дрожь его ладоней, которыми он коснулся моих плеч. — Пойдёмте... этот диалог не для всех. Пойдёмте ко мне.

— Хорошо.

Доверившись, мы двинулись вслед за ним, проходя за целую вереницу дверей, следуя по узким коридорам и удаляясь от праздника еды и алкоголя. Мне показалось, что Фарсану не интересны чревоугодие, безумное накопительство и похоть. Он мерно двигается по коридору, обходя и не замечая праздный народ. Спустя пару минут блужданий по пресечениям проходов, мы вышли к небольшой двери, усиленной металлическим плетением.

— Прошу вас, — вынимая латунный ключ, едва ли не взмолился саттар, — то, что вы увидите... никому об этом лучше не знать.

Я прошёл дальше за дверь, и картина стала всё более чётко собираться у меня в мысли — что к чему. Справа и слева бежевые стены, на которых углём намалёвана странная символика — неизвестные мне иероглифы, один вид которых заставил меня встрепенуться. Здесь так холодно, что из наших ртов хлынул пар, но привлекательно даже не это. На

кровати, проминая белоснежные простыни лежит девушка в алом халате. Её смуглое тело покрыто багрово-фиолетовыми сетями, глаза широко распахнуты и на нас смотрит алая бездна. Один взгляд этих глаз пробрал меня до души, ноги дрогнули и всё естество завопило — «беги отсюда», но сжав волю в кулак удерживаю себя.

— Лекари ничего не могли с ней сделать, — утерев слезу, погладил её по руке саттар, став теревить крепкую верёвку на запястьях. — Моя Руфа...

— Красное безумие... не в последней стадии, — увидев, что её рот ещё не окровавлен, пытаюсь сделать предположение, моё лицо обратилось к стене, лишь бы не встретиться со сверлящим мозг багряным взором. — Она как будто одержимая!

— И придут они, и станем править, — словно в подтверждение слов мужа, её уста извергли двоякий, полный безумия глас. — И будет победа их. И вы все сгорите! Сгорите!

— Руфа, — погладил её по щеке Фарсан, но резким движением головы она рванула к нему, разинув рот и сверкнув зубами; саттар одёрнул руку, верёвки не дали ей дальше следовать за чёрной волей, а Фарсан только беспомощно проговорил. — Помогите.

— Но как? — от резкого поворота происходящего, мои мысли разлетелись в беспорядочных вопросах, страхе и сомнениях, даруя лёгкое головокружение. Я — слышал, что лучшие умы Эндерала не смогли ни на йоту приблизиться к решению этой проблемы.

— Это может быть и не безумие, — Исаил сделал шаг вперёд. — У неё нет характерных волдырей и нагноений, и кажется... что она говорит не от себя, а те безумцы... манера речи у них была иная.

— Исаил? — насторожился я, но чёрная фигура обошла меня и склонилась прямо над девушкой.

— Приготовьтесь, — Исаил окинул нас взглядом уверенным и полным всякой решимости.

Тело, плоть, стала изгибаться и вертеться от близкого присутствия Исаила. Он простёр над ней руку и тут же раздалось истошное шипение. Холодный пот выступил у меня на спине, каждую мышцу сковало от неведомого страха, впервые я вижу, что может себя так вести человек. Наш клирик не останавливается и достав маленькую кадилницу и возложив туда ладан, он аккуратно поднёс лучину и нагрел его. Пары секунд хватило, чтобы сладкий запах разнёсся по комнате. Руфа сначала стала истошно кашлять, её грудь высоко и часто вздымалась, а затем она стала как можно больше вдыхать благого аромата. Я же стоял в полном оцепенении, только с восхищением смотря на то, как багрянец уступает живой радужке.

— Ты не властен над этим телом! — громко закричал Исаил. — О, Создатель, прошу милости Твоей безграничной — смилуйся над душой этой девушки и освободи её от уз плена. Да будет на всё воля Твоя!

Я даже не представлял, что может быть дальше. Тело Руфы изогнулось с такой силой, что я едва не упал от противного хруста костей и истошного крика. Устояв и открыв глаза, я удержал себя от вскрика. Перед нами возвышалось двухметровое существо, всё его тело это объятый inferнальным огнём призрачный эфир. Оно похоже на человека, только голова скрыта за львиной маской, спина же несёт четыре огромных кожистых крыла. Ладонь инстинктивно легла на меч и вот уже звенящая сталь выписывает дугу, рассекая воздух, не нанося даже царапины твари.

— Вы, жалкие людишки! — взревел монстр голосом диким, похожим на жалобный вой. — Вы не сможете меня поразить, ибо чтобы меня одолеть. Вы пытаетесь избежать того,

чего ещё не осознали. Что ж, напрасно бегаєте от своей гибели, ибо она вас ждёт на всех путях!

Существо махнуло всеми крыльями и меня унесла волна порывистого ветра, впечатав в стену, как и храмовников ... всех, кроме Исаила — ветер столкнулся о ментальный барьер, выставленный им.

— Ну попробуй меня победить, жалкий человечиска!

— Не я победу одержу, но Тот, Кто создал тебя!

Исаил вступил в бой. Я только пытался встать после резкого удара. В спине раздалась резкая боль, все движения сковало, чего не скажешь про клирика. Он ловко увернулся от когтистой лапы и разжёг в своей руке пламя. Огонь ударил яркой раскалённой струёй в лицо порождения злобы, и оно попятилось назад.

— Изыди из мира сего!

Мотая головой, тварь получила следующий удар. Её живот пропал в вихре ментального пламени. Огонь поразил всё тело неведомого духа, пожирая его и развеивая кусками тлеющего эфира.

Когда всё кончилось, я, поддерживая себя спинкой кровати смотрел на картину умиления и у меня даже что-то шевельнулось в груди. Храмовники стоят у двери, пытаюсь объяснить дворцовым стражам причину грохота, Исаил читает молитвы, а Фарсан держит Руфу близко к себе. Её кожа чиста, в глазах только блеск шоколадного ока, и сама она жмётся к мужу.

— Что это было!? — закричал саттар, не выпуская из объятий жену. — Кто он?!

— Один из младших духов, — ответил Исаил, убрав чётки. — Существо из низших inferнальных царств.

— Но как?

— Вы были в каких-нибудь святилищах, или брали в руки древние артефакты?

— Да... мы с женой поклонялись перед алтарём нашего семейного покровителя — Мальфаса Любящего. Он к северу от...

— Воздержитесь от поклонений, — резко отрезал Исаил. — Сейчас, когда подпространство нестабильно, оттуда могут в ваши тела прорваться духи злобы поднебесной.

— Но ведь Мальфас... он защищает, — настаивает саттар.

Исаил, чтобы не родить недопонимания или конфликтов, не дать рассыпаться стабильности из-за гибели Рождённых светом, только говорит:

— Есть Тот, чья сила бесконечно сильнее. Вот Его духи страшатся.

Фарсан не стал больше что-либо говорить. То, что он увидел, итак подтвердило всё. Я же, решив напомнить о его обещаниях, делаю неуверенный шаг вперёд... сражаться с существами из плоти и крови мне куда проще, чем держать неистовый удар духов.

— Уважаемый мессир, — с хрипотцой начинаю я. — Как насчёт... обговоренного. Родина ждёт. — И тут меня посетила идея, которую я моментально из мысли превращаю в слово. — Коарек, судя по всему поддерживает таких тварей, что пленили вашу жену. Судя по донесениям, он вступил с ними в союз ради достижения своих нечестивых интересов.

— За этим, нарекаю вас — «Другом востока», — навстречу ко мне сделал шаг саттар и взял за меня плечи да так крепко, что по плоти резанула острая боль. — Вы можете рассчитывать по крайней мере на мою поддержку.

— Спасибо, — я склоняю голову в знак почтения. — Во благо Эндерала.

Сыны и дочери простоты

Спустя два дня. Речное

В просторной горнице и дышится свободно. По крайней мере мне так уж точно после знойного востока будет хорошо оказаться в родных широтах. Моё горло греет медовуха, заботливо выставленная слугами по воле здешнего правителя, а глаз услаждает вид крепких деревянных стен у которых уютятся полки с многочисленными книгами, и сервисом. Что-то родное...

Сидя за широким столом передо мной открыта книга, где страница за страницей рассказываются славные истории заселения Эндерала и героизм его воителей, архитекторов, учёных и деятелей искусств. Моя одежда удобна — это алая туника поверх которой кожаный жилет, такого же материала штаны и мягкие сапоги. На поясе всё тот же верный меч, но другим оружием мне дал убедить местного держателя власти командир помочь нам в великом деле спасения родины. Как сказал Велисарий — «ты, как законник, имеешь самый жгучий меч в устах, которым способен сделать больше чем просто острой железякой».

Я ждал минут двадцать с момента прихода, прежде чем мне ко мне спустился человек, которому не столь давно пришло письмо о переговорах, и он охотно ответил согласием. По ступеням отстукивал каблук высоких сапог, потираемый краями светло-коричневого пальто, расшитого мехами и больше напоминающего кафтан. Голова тронута драгоценной сединой, лицо покрыто морщинами, и выражает полное спокойствие, я бы даже сказал смиренность с происходящем.

— Господин мэр, — я встал, склонив голову в почтении, что вызвало резкую неприязнь у мужчины.

— Без «господ», — он махнул рукой и протянул ладонь. — Посмотри, у меня такие же мозоли, что и у большинства речников.

«Ох, удивительно», — подумал я. — «Спустя долгое время я вижу, человека на использующего своё высокое положение как причину возвышаться над другими».

Дальше он мягко похлопал меня по руке и предложил выйти за дверь, на что я дал полное согласие. Там, за порогом я снова рад видеть простую сельскую жизнь. Приземлённые бревенчатые дома стали типичным пейзажем Речного, возле которого торжеством зелени и свежести царствуют леса, между коих голубыми прорезями текут реки и ручьи. Впереди моё ухо ловит звуки живой торговли — на немного суженной площади местные торговцы раскинули лавки с навесами, где ароматом манит душистый хлеб и овощи, свежее мясо, глаз цепляет сверкающиеся бутылки, внутри которых самые различные магические жидкости, а тех, кто ищет приключений ждут оружейники и бронники с богатым выбором брони из кожи и клинков из железа.

— Хорошо у вас, — я тихо выдохнул. — Честно, я бы хотел у вас поселиться когда-нибудь. Наверное, после того, как всё кончится.

— Благодаря вам и одной личности тут всё стало спокойнее, — улыбнулся Югар.

— Кто это?

— Человек с запада, за которым тянется печальная история. Теперь это протеже самого Арантеаля, — я заметил, что на мраморных щеках Югара проступил лёгкий румянец, а лик освежила счастливая улыбка. — Благодаря помощи этой личности, я вернул себе жену.

— Хорошо, — неприязненно пропустил я, подозревая о ком может идти речь. — Давайте вернёмся к тому, что нас ждёт.

Югар ничего не сказал. Его ноги понесли в сторону площади и спустя пять минут были уже на краю ристалища торговцев. Народ приветствовал своего мэра — тут и там раздались бодрые возгласы:

— Благослови вас Мальфас!

— Да будут лета ваши долгими!

— Крепкого вам здравия!

— Вечного союза с Матильдой!

Последнее вызвало у мэра еле заметную оскомину, но сдержав себя он столь же благодушно приветствует людей — его рука поднимается вверх, а на губах улыбка. Я же стою рядом с ним как болванчик, с каменным лицом, не желая хоть как-то участвовать в этом. Да и как бы я сделал?

Мэр без слов идёт дальше, и спустя десять минут, постукивая по запылённой брусчатке каблуками, мы вышли к небольшому спуску вниз. Глаз радуется сколько не от вида множества простых домов, сколько от того, что здесь всё ещё кипит жизнь, что смерть не прибрала это место в свои холодные владения. Я рад зреть и золото пшеницы, растёкшейся на широких полях, и где усердно работают крестьяне. От них зависит — не станет ли ценой золота зерно на рынке Арка или добрые горожане так же продолжают есть и пить.

— Югар, — с волнением начал я.

— Посмотри, — Югар ладонью окинул лежащие перед нами поселения, — обычные люди... они ведь не готовы сражаться, они никогда не видели жестокой войны, не знают, что такое... битва. Они мечей, топоров и копий не держали. Только плуги, лопаты и грабли, — с неопикуемой печалью молвит Югар. — Ими не совладать с армиями запада.

— Но угроза куда будет опаснее, чем вы можете себе представить, — стал я настаивать.

— В письме Велисарий Флав всё отлично расписал. Лишних слов не нужно. Я понимаю, какая угроза идёт к нам и поверьте, с радостью помог бы... но, — замялся Югар и я понял, что к чему.

— Но боюсь, мы слишком близко к Арку, чтобы принимать столь важные решения, завершил я за него.

— Да. Есть конечно ополченцы, которыми руководит Свяослав, но сами понимаете, что такое ополчение, а что... регулярная армия.

— Кто он, — потребовал я.

— Полковник Жак де Даль'Аглен. Он командует здешним полком аркской стражи, — холодно ответил Югар. — Так же есть и воевода ополчения, и тысячник народный.

— И как же я вас смогу убедить их нам помочь?

— Знаешь, приди ты ко мне раньше, я бы нашёл чем тебя занять, но протезе Арантеаля перетянуло народную молву на себя. Тебе придётся сделать то, что сможет убедить народ в том, что дело Велисария — правое.

— Политика...

— Не совсем она. Пойми, мы народ простой и души у нас — простые. Мы любим тех, кто нашу трудную жизнь делает проще, — Югар перевёл взгляд на рынок. — Посмотри. Там всё, что на прилавках выращено и сделано нелёгким трудом. Бандиты, дикие маги и прочие гады... раскиданные по лесам.

— Понимаю-ю, — протянул я. — Скажите, Югар, что можно сделать?

— Помолви со Свяославом, Жаком де Даль'Агленом и Мстиславом. Если поможешь им в решении их дел, или сможешь убедить, то возможно они и согласятся помочь. Завтра я

соберу местный вечевой совет и там всё решим, мэр повернулся и медленно пошёл вперёд, оставляя меня с моими мыслями, как остановился и тихо вымолвил. — Я на вашей стороне.

Что ж, пока командир размышляет на тему, как лучше укрепить Златоброд, куда направить ресурсы и как убедить в своей правоте народ, мне выпала интересная задача — нести его идею и слово. Я говорил с бандитами, убеждал восточную знать... теперь же предо мной обычный народ. Мне придётся воззвать к их долгу, чтобы спасти эту землю. Либо к более низким желаниям.

Вдохнув и выдохнув, я двинулся назад. В первую очередь, стоит обсудить обстановку с представителем столичной власти. От этого нужно будет уже думать дальше.

Пройдя через рынок, я упёрся в серокаменный храм. Массивная часовня Мальфаса при одном только виде внушала холодное отчуждение, ощущение собственной ничтожности перед Рождённым светом. Выполненная в простом и монументальном стиле, немного угловатая, облачённая в неизменную серость, она отталкивает меня одним только видом.

Обойдя её справа, я нахожу небольшую каменную лестницу, уходящую под часовню и как можно быстрее, спускаюсь. Тут, придавленный «религиозным авторитетом» Святого ордена, ставку устроил полковник.

Не отворив двери, меня тут же остановил крупный мужчина. Его одежда — пылающего красного цвета табард, с грозным белоснежным львом поверх кольчуги. Раздался басовитый грубый голос:

— Кто вы и для какой цели сюда прибыли?

— К полковнику.

— По какому праву?

Моим ответом стала грамота, которую Велисарий выпросил у Арантеаля. Там, чёрными строками по веленовой бумаге, написано, что я имею право допуска к любым слугам Святого ордена, кроме высшего командования и главных духовных лиц. И бугай подчинился сим простым словам, проведя меня за дверь.

В холодных казематах меня резко ослепило. Солнечный свет сюда практически не проникал и только тусклое свечение факелов и свеч разгоняло темень.

— Сюда, — повёл меня стражник и я покорно последовал за ним во мрак подземелий.

Тут и там на меня уставились зеницы озлобленных людей. Исхудавшие, скованные цепями и дотирающие старье преступники взирают на меня. Стражники, расставленные по углам, внимательно смотрят, чтобы те не совершили дерзости. С лёгкой отрадой я подметил, что здесь особо толстые прутья — эти отбросы, нарушившие закон, не посмеют больше чинить крамолу. Минуя первую секцию, бугай с неестественной для его веса нырнул за угол, там оказался небольшой коридор.

Спустя ещё пять минут прогулок я стоял перед худощавым, с волнистым кручёным смольным волосом, и мраморным лицом, отражающим благородство. Его одежда немного иная, нежели у остальных воинов — панцирь с геральдическим львом, поверх которого алая накидка с белыми вставками по краям. Окинув меня оценивающим взглядом, заставившим испытать неудобство, он махнул рукой и заговорил, поднявшись со стула:

— Сержант, свободны.

— Есть.

— Я — командир третьего аркского пехотного полка «Заречье», — с лёгким поклоном поприветствовал меня полковник.

— Командор ордена Храмовников, Фриджиэн из Арка, — так же с поклоном ответил

я ему и показал грамоту, заверенную печатями Арантеаля, Натары и Велисария.

— Ага, — полковник сел за стол, став накручивать ус. — И что же вам от меня нужно? Не думаю, что вас привёл сюда обыденный случай.

— Да. Я пришёл, чтобы обсудить одно дело, — я погрузил руку в сумку, и найдя что-то мягкое зацепился за это и протянул бумагу полковнику, которую он с большой осторожностью взял. — Это письмо от Велисария. Там всё изложено.

Он с вниманием смотрел на изложенное, на степень угрозы и цифры, на доводы и убеждение, пока я переглядывался с лейтенантом тюремного управления, заполнявшего бумаги по заключённым.

— Хм, интересное предложение. Только причём здесь я? — полковник отдал мне письмо обратно. — Я служу центральной власти, моё патрон — Командующая Элен, а она Арантеалю. Я вам ничем не смогу помочь.

— Мне нужно, что бы вы дали...

— Ах вот что. Что ж, прекрасный ход, господин мэр. Дайте предположу — он вас ещё погнал испросить благого произволения у Свяослава и Мстислава?

— Да, — смущённо согласился я. — А вы откуда знаете?

— Даже не стоило и напрягать вместилище интеллекта, — полковник приложил руку к виску и поднял одну из своих бумаг, коих на столе — мириад. — Тут, в Речном, несмотря на картину покоя и умиротворения, есть определённая напряжённость. Я послан сюда два года назад не только, чтобы усилить существующий гарнизон, но и... успокоить население.

— Успокоить?

— Да, из-за политики Святого ордена местный народ несколько оказался не готов нести новые обременения и выживать в условиях изменяющегося мира. Чтобы не допустить распространения идей мерзопакостного вольнодумства, нас прислали сюда, — полковник взял в руки бумагу, я только успел прочитать одно слово — «Приказ», и понял, что на основании её они здесь.

— И какие же у нас стороны в этой игре? — я мягко спросил.

— Свяослав — представитель местных... патриотов, выразимся так. Он и его ополчение четыре года мягко настаивает на том, что Речному хорошо было бы Святого ордена, — Жак взял другой лист. — Мстислав. Он придерживается умеренной политики и представляет деловитых горожан.

— А Югар Стенопёрый пытается удержать здесь баланс и не привести к конфликту, — усмехнулся я и т кут же посерьёзней. — Ваша диспозиция?

— Мы пытаемся благим расположением к народу, ему всячески помогая, а иногда силой и угрозой убеждаем народ, что хорошо со Святым орденом.

— И вы даже не проводите силовых акций? — наигранно-театрально удивился.

— Я не дурак как та..., - Жак не стал говорить имя, но я понял о какой женщине идёт речь. — Я понимаю, что сулит для Арка разорение ещё одного поселения. Операция по... усмирению приведёт к такому кризису в Арке, что знать мышей начнёт жрать. Речное — крупнейший поставщик зерна, хлеба, мяса, мёда и дерева в Арк, чтобы не несли золотолубы из «Серпа».

— И какими силами сейчас располагает ваш полк?

— Силы... смешно сказали. У меня в десяти ротах нет ни одной, где бы было хотя бы и сотни человек. Подразделения рассеяны и раскинуты. Только в Речном собраны три роты числом в сто сорок человек, — Даль'Аглен положил руку на стопку бумаг и с тенью

понурусти продолжил. — Тут отчёты о потерях за четыре года. Кто-то погиб в стычке с бандитами, кто-то сам переметнулся к ним, кто-то дезертировал. А подкреплений почти нет.

— Контингенты?

— У меня практически нет тяжёлой пехоты. Большинство — это обычные стрелки и лучники.

— Что ж. Во всяком случае, что мне просто нужно ваше согласие, чтобы мэр нам помог, — я стал аккуратно подводить к делу.

— И вот дам я его тебе, — резко поднял голову Жак. — И вы начнётся сосать ресурсы из тела Речного, а как же мои ребята? Ты же не притащишь с собой из Арка пару тысяч воинов? Такими силами располагает только Свяослав, но он отказывается с нами даже говорить, — тут же Жак смолк, в его очах промелькнула искра, он как будто зацепился за хорошую мысль и от сего у меня дёрнуло край губы и глаз — мне придётся разбирать их политический треугольник с тремя «тупыми» углами. — А ведь тебя Свяослав не знает. У меня идея.

— Я даже знаю какая...

— Если сможете обеспечить, чтобы местное ополчение нам помогло, чтобы Свяослав не направлял норов свой против нас, а мы вместе ловили бандитов, то я поговорю с Югаром. Пойми, — Жак коснулся небольшого сосуда и отпил из него, а я уловил прелестный аромат коньяка, — Югар не просто так тебя гоняет. Если сейчас он даст разрешение, то группировки могут сменить милость на гнев от того, что с ними не посоветовались.

— А что с Мстиславом? Что от него требуется?

— Хорошо, что ты уже согласился помочь, — обрадовался Даль'Аглен. — Хочет, чтобы я отправил воинов на поля. После недавних нападений, болезней и нищеты в Речном не хватает рук. Земли обрабатывать некому.

Проклятье... почему именно мне приходится решать всю это гнусь? Почему... я бы лучше написал какой-нибудь закон или отправился воевать против врага мечом и щитом, а не заниматься политиканством. Но таков приказ, Велисарий ждёт, что я выполню задачу, что приведу властителей к нему, попутно распутывая клубки противоречий. Что ж, да будет так.

— Да, — я даю тяжкое согласие. — Давайте я поговорю с ними, — Жак благословил меня резким взмахом руки, приказывая идти прочь, но напоследок я дал полковнику причину радоваться. — И... мы решили проблему с бандитами.

— Хорошо, теперь я смогу помочь Мстиславу, — радость на лице полковника быстро сменилась сосредоточением. — Капитана Гайа ко мне!

Выйдя из казармы, меня обдал лёгкий бриз и свежесть, которые я даже не заметил. Голова кипела от задач, да и где мне найти этого Свяослава? Что ж, что-то мне подсказывает, что его нужно искать на противоположной стороне оплоту столичной власти, но с другой стороны, уж очень сильно мне захотелось выпить, интересно в «Пчеле» ещё подадут кабана?

Спустя полчаса ходьбы через град, я оказываюсь в приятном месте — справа и слева меня окружают деревянные стены, пропитанные бодрящим ароматом можжевельника и выпивки. В полуденный зной тут особо никого нет, а поэтому я едва ли не единственный посетитель. Бард решил отдохнуть и «утопил» лицо на столе, а рядом с ним стоит недопитая кружка эля.

Я всей грудью вдохнул и ощутил, что на мою радость тут царствует приятный запах

мёда и душистых трав. За пару звенящих монет, на столе уже лежит зажаренная осетрина и вот-вот меня ждёт вкусный отдых от политических дряг. Взявшись за кружку, я поднёс её к себе и уже ощутил дурманящий аромат мёда, его сладкий привкус.

— Мёда нам! Самого лучшего! — раздался ревущий голос, и этот крик оторвал меня от выпивки.

«Неужто!» — вскрикнул я мысленно — «Только стоит отдохнуть!»

Я увидел рослого, почти двухметрового мужика. Крепкого в плечах, с косою саженью. На нём блестит кольчуга, прикрытая пёстрым кафтаном с меховой обшивкой. Его широкое лицо, с большой чёрной бородой, полно жизни, оно багряно и говорит о силе мужика. Рядом с ним плетётся менее крупный мужик, но держащий прямую осанку, на нём более изысканное бардово-чёрное пальто, начищенные чёрные сапоги, а лицо его аккуратное, имеет тонкую вычесанную бородку, а в ухе сверкает серьга.

— Глаголю тебе Мстислав, что нам нужна твоё слово среди народа. Да и когда ты отправишь люд, чтобы ратовали под знаменем вольного Речного?

— У меня нет возможности тебя поддержать, друже. Ты слишком сильно противишься воле Арка, да и народу у меня мало, чтобы дать люду тебе в ополчение

«Смешно... Свяослав просит людей у Мстислава, чтобы те влились в его ополчение против Арка, а Мстислав просит народ у полковника. Приватности политики».

— Ах ты аспид! — оскорбился Свяослав.

Оба мужика подошли к моему столу и мирно сели рядом, хотя Свяослав смотрел на меня далеко не самым приятным взглядом. Похоже для них я — чужак, которого нужно хорошо расспросить и показать кто здесь власть.

— Кто ты бысть? — тяжело спросил крупный мужик.

— Я Фриджиэн из Арка, — даю твёрдый ответ, отодвинув кружку с мёдом.

— Камо грядеши? Или по чью душу сюда нагрязнул?

— Я ищу некого Свяослава и Мстислава.

— Что же, — Свяослав протянул руку мужик и в ответ я сделал тоже самое, — ты нашёл нас. А чего же ты не пьёшь наш мёд, аркчанин? Или он слишком горек для тебя? Можешь тогда катиться к себе и хлестать вино.

Видно, что

— Нет, — мои пальцы ощутили холод металла ручки кружки, и я подтянул к себе мёд, демонстративно отпив половину. — Я сюда пришёл, чтобы говорить с вами. — Взяв всё тоже письмо Велисария, я протягиваю его — Это того, кто жил здесь, и кто сейчас заботиться о родине, об Эндерале.

— Велисарий, — прошептал Свяослав, забирая у меня бумагу. — Хороший молодец, знатно у нас гонял всякую шваль. Последнее, что я слышал о нём, так это то, что он отрядил куда подалеже гавнюков из Ордена. Посмотрим, что он от нас хочет.

Свяослав... его присутствие вызывает у меня смешанные эмоции, странный он. С одной стороны, его ведёт благородная цель — могущество и слава родной земли, но сильно ограничен в мысли, невольно став жертвой идеи узкости. Для меня родина — пространство от гор Фростклифф, до Дюнного, от Тальгарда до Златоброда; для него же она ограничена реками, лесами и горами вблизи Речного. С другой стороны, он разрывает страну, его идея может дать трещину в обороне. И моя задача — нивелировать это любыми способами.

Внимательно смотря, мужик всмотрелся пытался совладать с тем, что Велисарий красиво изложил в письме. И с каждой строчкой его лицо становилось всё мрачнее и

мрачнее. Вскоре он просто откинул письмо, припав к кружке с мёдом, осушив её до дна.

— Хм, эти псы заморские тащатся сюда... и их много. Нужно головой работать, чтобы правильно молвить и зла не чинить.

— Надеюсь, вы не видите в неримлянах шанс на...

— Я имею разумение о войне и делах ратных и голову не терял! — резко перебил меня Свяослав. — И ведомо мне, что сюда идут они для дел чёрных. И потребуют они отказаться нас от нашей культуры, — Свяослав поднял голову и мне стало не по себе от тяжёлого мрачного взгляда. — Что ты хочешь?

— Мне нужно, чтобы вы поддержали Югара Стенопёрого. Он готов дать согласие содействовать Велисарии, только если его поддержат все три человека. А для этого нужно, чтобы... вы со своими дружинниками объединились с третьим пехотным полком из Арка.

— Что?! — проревел Свяослав. — Ни в жизнь! Ни за что в жизни я не восстану недалече с аркским аспидом! Нет уж... лучше ратовать против западников самими.

— И для чего вам это нужно? — я заглянул прямо в глаза Свяославу, став его сверлить злобой. — Зачем вы его сторонитесь, особенно когда вам угрожает тотальная гибель.

— Чтобы Речное живот имело долгий. Нас высосали денежными поборами. У нас нет ничего для нормального бытия. Ты посмотри. Речному нужен сильный властник.

— И вы станете новым правителем свободного Речного?! — вспыхнул я. — И разорвать страну на части ради своих личных интересов? Только потому, что вам показалось — Речное лучше выживет в одиночку.

— Не я...

— Жак, будь он сотню раз неладен, два года сдерживает. Два года они льют кровь, гоняя нечисть по лесам. Два года! И теперь он просит, что вы встали рядом с ним, желает вместе с вами добить тварей леса! Аркчанин, вместе с речниками!

— Тише, вошь столичная! — взревел Свяослав, крышка стола натужно затрещала от хлёсткого удара ладони речника. — Я понял, что ты молвишь. И имею в разумении, что..., — Свяослав поджал губы, — что нужно сейчас едениться. Но народу меня мало, Мстислав вольную не даёт мужикам, чтобы они лютовать шли в ополчение моё.

— Потому что у меня никого нет! — фыркнул рядом сидящий мужчина.

— Жак де Даль'Аглен шлёт вам своё приветствие, — я подтянул кружку к себе и допил мёд. — Он согласился подрядить не меньше роты к вам на помощь, — я перевёл взгляд на Свяослава, давая ему понять, что жду от него утвердительного и чёткого решения. — И решили проблему с бандитами на Солнечном берегу.

— Если бы не неримская угроза, то всё было бы по-иному, — свинцовый дух слов его напряг меня. — Велисарий среди нас слыл мужиком честным, который лишнего не позволит, я верю ему. А посему вот тебе моё слово — сегодня же я нагрюну к полковнику.

— Да будет так, — я встал из-за стола, протягивая осетра Мстиславу, — надеюсь, вы будете верными своему слову.

— Да, ради единого дела, готов я лютовать супротив неримлян, плечом к плечу с Велисарием.

Я спешно покинул Пьяную Пчелу. На сегодня для меня хватит политических ходов, переговоров и попыток убедить лидеров в том, что для спасения Эндерала от загребущих лап Коарека, его спесивых идей и жажды стать мессией нам придётся объединиться.

Вдохнув поглубже, я чувствую, что то, что меня встретили ещё не все «прелести» жизни, ибо бандитские логова, восточные дворцы и сёла не смогут дать всех политических

прелестей придворных интриг, которые способны предоставить аристократы и придворные интриги. Да, теперь мне предстоит окунуться с головой в Квартал знати Арка и убедить аристократов, что они должны встать единым фронтом с оборванцами с Золотого берега, простолюдинами из Речного и многими другими, против которых их благородство могло запротестовать. Осталось только придумать, как попасть в высшее общество.

— Калия, — словом вспомнил я о девушке, которая сможет теперь выбить мне приглашение в обитель носителей благородной крови. Осталось только попросить и надеяться, что письмо Велисария дошло до них.

*Благородная кровь
Спустя два дня. Арк*

Квартал знати в столице как всегда прекрасен, свеж и внушительен. Тут вы не встретите нищих, убогих или калечных — только приятные лица, полные напыщенности и один их вид скажет вам — «как ты здесь оказался, ничтожество»? Над головой расстелилось чудесное лазурное небо, одним видом внушающее умиротворение. Глаз радуют аккуратные и грациозные дома, в два, а то и три этажа. Камень и дерево сплелись в вечном союзе, радуя глаз и даруя надёжные жилища. Под ногами стучит каблук о хорошо положенную брусчатку, ухо ловит трели птиц и журчание кристально прозрачной речки, рассекающей весь квартал.

Наслаждаясь торжеством утончённой роскоши, граничащей между суровостью холодного севера и южной мягкости да помпезности форм, я с неприязнью подмечаю, что здесь живут те, кто мог бы изменить жизнь Эндерала к лучшему всего за пару месяцев. Власть здешних аристократов такова, что они с лёгкостью могли бы свергнуть Святой орден и править самостоятельно. Каждое их поместье — это сосредоточение богатств, власти, на которую приходится по едва ли не тысяч душ ратных и рабочих. Могущественные лорды держат в подчинении рати, фабрики, кузни, шахты и добрую часть торговли. Их власть крови и золота трудно оспорима, а поэтому они стали бы одним из самых нужных союзников. Союзников, которых нет никакого желания привлекать, из-за их устоев.

— Только в этот раз я помогаю тебе Са'Ира, — девушка, идущая рядом со мной, поправила кинжал на поясе, отвлекая меня от мыслей. — Только потому что, что это может помочь Эндералу и простым людям, я иду с тобой.

— Ничего не могу поделать, — я мягко сказал. — Нам ответили, что смогут уделить внимание только на маскараде.

— Ты мог бы меня не уговаривать, — я обратил лицо к девушке — это чуть выше среднего стройная девушка, чей лик обрамлён стриженным до шеи волосом цвета угля, украшен тёмно-сапфировой маской, упирающейся на нос; ветерок слегка трепещет её насыщенно-чёрное платье. — И меня бы не пришлось трогать. Поверь, я не слишком хорошо переношу шумные компании, но ради... народа готова.

— Калия, ты так прекрасно выглядишь в этом платье, я бы и подумать не мог, что атлас и тушь способны из алмаза сделать бриллиант, — подметил я её красоту и то, что мне непривычно видеть её в праздничной одежде и с подведёнными бровями; хотел бы я добавить ещё пару слов о цене в тысячу медяков за него, на которые раскошелся Велисарий, но понял, что если это сделать, то она по гордости своей мечом и огнём разорит все ближайшие пещеры вытаскивая из них добро, уничтожит всех заблудших, лишь бы расплатиться с командиром.

— Прошу тебя, оставь эту лесть аристократам, — раздражённо бросила она. — Платье

неудобное, да и ты ведёшь меня не в самое приятное место. Там обитают люди, которые могли бы накормить тысячу голодающих, но кормят только себя.

— Я полностью согласен, — холодно вторю её позиции, поправив скромный красно-серый камзол. — А теперь нужно собраться, нас ждут.

Мы миновали прекрасные дома и подошли к центру местного веселья, где крутятся истории со всего мира, и которое было арендовано аристократией для праздников. «Толстый леоран», распахнул ворота для тех, кто в списках, его двери, благоухающие прикреплёнными цветами. Впереди выступил крупного телосложения мужчина, на котором филигранной работы доспех, а бедро носит сияющую рапиру, голову прикрывает светло-багровый шаперон.

— Стойте, — остановил он нас. — Кто вы?

— Фриджиэн из Арка, — твёрдо представился я. — Со мной Калия Закареш.

— Да, — подняв пергамент, пробежался по спискам охранник. — Вы есть. Нет приставки «Даль», но по какой-то причине вас внесли сегодня утром. Впрочем, милости прошу, — охранник отступил назад, и мы смогли пройти внутрь.

Аромат цветов и духов овладел моим носом, а ухо пленило чудесное женское пение. Арк всегда отличался любовью к струнным, но здесь самые искусные мастера арфы, которые из углов доносят божественную музыку.

Я не узнал Толстого Леорана. Ныне он выглядит мистически... свечи и приглушённые фонари создают томную мрачноватую атмосферу, столы убраны прочь и перед нами широкое пространство, где между колонн и в залах танцуют люди. Девушки и мужчины в изысканных, багряных, лиловых и чёрных одеждах — кто-то пьёт вино, кто-то слился в аккуратном вальсеватом движении тел, а кто-то предаются праздным разговорам:

— А вы знаете, что сейчас творится в Святом ордене?

— Кстати, есть мнение, что Арантеаля и Натару связывают не только служебные связи...

— А как вы думаете, что будет с Арком, ведь есть мнение, что запад готовит войну против нас...

Люди сюда пришли отдохнуть, предаваясь вину, танцам и разговорам. И каждый похож — глаза сияют из-под масок.

Пойдя чуть дальше мы нарвались на мужчину с подносом, на котором красиво переливаются гранатовыми цветами вина, янтарными — бренди и коньяки. Вежливо отстранившись от него, я продолжил путь, ища тех, к кому мы пришли.

— А Лишари Пегаст, она ничего не скажет? — внезапно спросила Калия. — Я видела как вы вместе гуляли во дворе Храма. Да и она недавно рассказывала, что встретила какого-то парня, с которым ей приятно.

Что-то, похожее на тепло и радость тронуло грудь тёплым прикосновением. Эти слова почему-то вызвали у меня радость, чувство странного торжества, которые тут же были сдвлены:

«А правда ли это?»

— Я был бы рад её сюда позвать, — резко я молвлю. — Но боюсь, с ней ход сюда был бы заказан.

— Почему я?

— Но только с вами, как с хранительницей Святого ордена я могу попасть на их собрание.

— Я ведь не из рода аристократов.

— Но вы из высокой организации, при высоком статусе, — я дал ответ. — Поэтому нас и смогли внести в списки.

Наш разговор прервал молодой аристократ, вышедший из толпы танцующих и ловко обходя людей встал возле нас. Чёрный камзол переливается блеском пуговиц, голова покрыта широкой шляпы с перьями. Я услышал шершавый, чуть грубый голос:

— Рад вас приветствовать здесь, достопочтенный мессир и прекрасная леди, — мужчина чуть поклонился. — Я — Штеппфан Даль'Кир, третий судья Арка. А вы — Фриджидиэн.

— Мессир судья, я ведь тоже немного знаком...

— Я знаю, что вы учились в школе на законника, но позвольте — там недостаточно профессионально преподают право. Закон — мой хлеб и мой меч... моя жизнь, — эти слова укололи мою гордость, он, опьянённый от своего превосходства спокойно это говорит, веря в эту действительность. — Станцуете со мной? — тягостно предложил Штеппфан, посмотрев на Калию.

— Идите, — Закареш отстранилась от меня, но не пошла к судье. — Я — не умею танцевать и не стану.

— Тогда может обсудим...

— Ох, по-другому вы от меня не отстанете, — «шероховатым» голосом оборвала его Калия, — хорошо, лишь бы вы дали спокойно Фриджидиэну выполнить его дело.

Я пошёл дальше, думая, насколько сильна рана в душе судьи о девах, что он зацепился за соломинку, чтобы поговорить с Калией. Впрочем, меня ведёт долг, и я быстро миную знатный народ, чтобы вихрем взлететь на второй этаж. Там же, постукивая каблуками о деревянный настил, взирая с балкона на танцующих, собрались люди и аэтерна в вычурной одежде, обвешанные кольцами и ожерельями, сверкающими рубинами, изумрудами, сапфирами и бриллиантами. Один их вид говорил о всей роскоши и богатстве, коими они обладают, и той силе, что помогает им обладать.

Я, в трепете и почёте склонил голову в приветствии, а они даже не шелохнулись — для них я — жалкая букашка, пришедшая лепетать о каком-то благе для народа. Кто-то из них сделал шаг вперёд и снисходительно заговорил:

— Мы — собрание знати и не побоюсь таких слов — держатели Арка, готовы выслушать тебя о делах, что писал нам Велисарий, Фриджидиэн, — аристократ слегка склонил голову, давая право мне говорить.

— Достопочтенные мессеры, я прошу вас помочь нам. Как вы знаете, с запада идёт огромное войско — два корпуса готовы обрушиться на наши земли и предать всё огню, — я стараюсь убедить их, что в случае неприсоединения, пламя и меч нового порядка пожрут богатые поместья и вытащат всё золото.

— Конечно, — фыркнул кто-то из аристократов. — И чтобы мы были спасены, обязательно должны присоединиться к вам. Послушайте, милостивый мессир, мы наслышаны, что Велисарий вокруг себя собирает всякую рвань — оборванцев-бандюганов, крестьян, пустынных. А теперь вы хотите, чтобы мы встали рядом с ними? Чтобы наша драгоценная кровь лилась с их... багряной мутью?

Я и раньше знал, что знать не слишком трепетно относится к обычному эндеральскому народу, но сейчас я увидел всю глубину падения её в идею «высокородия». Конечно, они из года в год, из века в век, из тысячелетия в тысячелетие передавали привилегии крови. От

времен самого Мальфаса и первых его вассалов, основавших Арк этот порядок стоит нерушимым законом.

— И какие слова вы нам готовы сказать? Что вы принесёте аркской знати? Мы ведь сами способны отбиться от нападения, — продолжает заседать аристократ. — Он не посмеет напасть на нас.

— Едва ли, милостивые мессеры, ибо с ним сорок тысяч воинов.

— Милостивый мессир, под нашей властью находятся лучшие воины — рыцари и кондотьеры. А наш почтенный друг, который отлучился для дел на своём поместье имеет целый полк панцирной пехоты — «Изумрудные знамёна». Латники крови и наёмные контингенты морской пехоты, да ещё и целый флот. Не думаю, что Коареку хватит мужества, чтобы с нами схватиться, — пояснил один из тех, кто носит почётную приставку «Даль» к фамилии. — Если с нами считается Святой орден, то и этому лишенцу с запада придётся.

Кажется, они уверовали в неуязвимость себя. Опять мне приходится иметь дело с человеческой глупостью и упрямством, слепотой, из-за личных амбиций, идей и желаний. Я бы хотел рассыпаться вдохновенной тирадой, но у меня на это уже нет сил. Вместо этого я решаю использовать аристократизм против его же носителей:

— Уважаемые мессеры, Таранор Коарек на всех парусах мчится сюда, чтобы огнём и мечом насадить новую истину. Вам придётся расстаться не только со своими богатствами, которые пойдут на содержание его армии, так ещё и отказаться от своих традиций и устоев, — я стал нагнетать обстановку. — А его «Вольный народ» это собрание всех низших сословий, захвативших власть. Подумайте, если они свергли королей и аристократию у себя, то каков шанс, что они пощадят её здесь? — я задал риторический вопрос, аккуратно взяв вино с рядом стоящего столика.

— Наши традиции, наши ритуалы — это священное! — вспыхнула кто-то из дам. — Он не смеет их нарушить!

— Боюсь, что этому человеку всё равно, — смиренно я вторю своей мысли. — Он идёт сюда, чтобы всё перекроить, чтобы вы уверовали в его идею «Очищения», — я отпил немного из бокала. — Как думаете, кто первый с списков врагов озверевшего народа, свергнувшего аристократии?

Мои слова заставили смолкнуть собравшихся мессеров. Неважно, какие у них были фамилии, не имеет значения, чем они владели — сорок тысяч клинков и ярость двух корпусов сделает всех равными.

— У вас есть выбор, — холодно продолжаю я. — Или встать рядом с обычным человеком или погибнуть от его рук.

— Да, — открывает рот аристократ. — Мы это поняли и знаем, что в случае нашего поражения. Да, риски велики, но скажи, Фриджидиэн, мы прольём крови больше всех, заплатим непомерные деньги и... где...

— Ваши выгоды, — по наитию я подумал завершить фразу.

— Оставь выгоды жалким торгашам! — фыркнул аристократ. — Мы — сыны и дочери благородных кровей и защита родины наша святая обязанность, только мы можем сделать это сами, без черни. Я хотел сказать, что... Велисарий мог бы помочь нам избавиться от одной вехи, что сдерживает нас.

Аристократы Арка, как же они были падки не столько на богатство, сколько на родовую власть и поддержание её. Думается мне, что из всей этой ситуации они увидели шанс,

желанную возможность укрепить собственное властвование.

— Скажу тебе так — Арку пора выйти из тени Святого ордена, — подтвердил мои догадки аристократ.

— Я вас понял, — я же не могу пообещать им независимость — Велисарий меня убьёт, но с другой стороны нужно хоть как-то зацепить этих напыщенных павлинов, чтобы притащить их на собрание. Что ж, если для спасения Эндерала, для блага его народа, предстоит давать самые сумасбродные обещания, и давать самые безумные надежды, то стоит сделать это.

— Я думаю, что Велисариию будет, что вам предложить, — с особой осторожностью я говорю. — Вам стоит только прийти на заседания. Куда и когда указано в письме.

— Мы рады, мессир, что мы смогли прийти к соглашению, — аристократ махнул мне рукой, как собаке. — А теперь ступай, мы наговорились с тобой.

Я поспешил как можно быстрее уйти отсюда — мои ноги пронесли меня на первый этаж, рассекая толпы знати. Как только Калия увидела меня, тут же вынырнула из тёмного угла, оставив Штеппфана.

— И как же тебе благородство их крови? — тихо спросила она.

— Кровь то благородная, а вот цели самые прозаические.

Глава 5. Новая экономическая политика

«Но не осуждай меня, отец, нет... осуждай свою жадность, ибо со временем она заставила тебя продать свою честь»

— Из книги «Жадность и честь».

Спустя день. Арк. Храм Солнца.

— А теперь услышь слово истины, сказанное в Предании, — такой фразой мы завершили общую молитву и перешли к изучению Предания, находясь в одной из комнат жилых помещений; тут помимо меня ещё и Гаспар, который нашёл в молитвенном времени покой и отдых от бесконечной работы.

Исаил открыл толстую книгу, поднеся к ней свечу, чтобы лучше видеть текст и стал читать:

— Предание, чтение Свитков о жизни зарождении. Когда создал Творец тварей земных, и насадил растение, то было решено создать и существ по образу и подобию Его, чтобы так же свободно творили и были крепки волей. И так появились первородные мужчина и женщина и ходили в кущах садового дворца они, не зная ни в чём нужды. Но вот пришёл в Его дворец отступник и мятежник великий — Тель-Имальтхаати и возненавидел творения рук Его. И искусил их через истоки воды, из которых запретил пить Творец, ибо познают тогда они тление и смерть и дадут начало цикличности — проклятию в родах вечных, когда все потомки будут умирать, а их жизненная сила станет «плотью» для духов-мятежных. Но стали противиться первородные мужчина и женщина, говорили — «к чему нам такой Отец, который воспрещает нам делать того, что захотим. Да ты и сам виноват, что сделал нас столь слабыми и дал жену мне — немощную, не способную меня и себя уберечь от искушения». И сказал тогда Творец — ступайте в мир, да будут периодов концы, когда на земле беззаконие переполнится. И станет залогом смерти — дух в вуали, в виде женщины, и будет она началом смерти для родов ваших. Но для исполнения спасения, да будут оставаться мужчина и женщина после вас, которые после того, как предыдущие падут, снова заселят землю и мир.

Прочитав Предание, Исаил закрыл его и потушил свечу, что означало конец маленькой службы. В тёмной комнатке, где мы еле как вмещаемся наступила полная тишина и Исаил решил добавить от себя:

— Благослови вас Всевышний. Ступайте с миром.

Я и Гаспар, чуть поклонившись вышли в коридор, оставив Исаила за личной молитвой.

— Ну, как продвигаются твои дела? Как наработки, Гаспар? — спрашиваю я, пока мы идём из комнат для жилья.

— Да не очень. Магистры не особо жалуют меня, Мерраджилль мало молвит. Да и порошу с железом недостаточно.

— Понимаю. Ничего, надеюсь, пройдёт достаточно времени, и мы снова заслужим их доверие. Пойми, все они служат Ордену, забыв о народе Эндерала. И наш уход все восприняли, как... личное предательство, как не желание противостоять приближающемуся апокалипсису.

— Это так.

— Так что там у тебя с оружием? — спрашиваю замедляя шаг, когда мы практически

подошли к выходу. — Ты вроде собирался создать новый чертёж.

— Собирался. Да только материала не хватает.

— Верно... Орден перетасил столько кусков древнего устройства из пирийских руин, на мираде, огромном крылатом существе, а вот о порохе из Дюнном никто думать и не собирается. Да и металл тебе же нужен?

— Именно.

Гаспар, одетый в белую плотную рубаху, крепкие штаны и фартук, открыл мне дверь, и я вышел из здания, оказавшись на улице. Стоит прекрасная погода — прям радует глаз — светло, чуть тепло и ветрено.

Я, облачённый в тёмного цвета лёгкую рубаху, с сумкой из кожи, кожаные брюки и сапоги под колено, ощутил всю прохладу от порывов воздуха и нежность солнечных лучей. Посмотрев на Гаспара мне стало немного тоскливо на душе. Все знают, что он родом из одного поселения на севере, которые ныне лежит в руинах. Он, минув все этапы до ключевого испытания посвящения в Орден, отказался его проходить, да и магический дар был его слаб. В итоге, он мог протирать скамьи в Храме, но из-за его инженерного таланта, парень быстро сдружился с магистрами. Немного нелюдимый Гаспар был на хорошем счету, несмотря на отстранённость в общении.

Мы никогда его не спрашивали, почему он так сторонится людей, но он сам однажды поведал нам эту историю. Однажды в детстве он вместе с родителями был на рынке, во время одного из праздников, посвящённых Мальфасу — Рождённому Светом. Во время шествия толпа разъединила его с родителями... это была случайность, но Гаспар два часа пробыл без родителей в незнакомом месте, где всё страшно, где всюду незнакомые галдящие и страшные люди. И в итоге, после того, как его нашли, заплаканного и испуганного, он стал обходить стороной большие скопления людей, чувствуя в них не уют, так же как и я чувствую страх, оставаясь в полной кромешной тьме. Для меня это стало... побочным эффектом от испытания.

Испытание... для меня это стало чем-то жутким. Сначала, когда у тебя проявился дар магии, тебя заберут из родного дома, потом станут морить постами и вычиткой молитв, что именуется «хождением по воде»... что ж, стоит сказать, что это снимает крайне неприятный эффект от «дара» магии, когда сознание не справляется с потоками информации о возможностях — чародейскую лихорадку. А потом, чтобы стать хранителем, я прошёл испытание... пара километров ходьбы через шепчущий лес — место, где сама кора деревьев светится удивительным сиянием перламутра, испытание зелья на Посту — постройки, которую возвели первые люди Эндерала, восславив Мальфаса, а затем я испытал погружение во тьму...

— Эй, Фриджиэн, — тряхнув меня, из раздумий вывел Гаспар. — Ты чего задумался?

— Да так... воспоминания. Не могу никак от них отделаться. Скажи, Арк сможет устоять перед Неримом? Эти стены и ворота. Мне кажется, что их ничто не возьмёт, если только на штурм города не бросить десять тысяч солдат.

— Ты прав, но как долго мы просидим так? Вон, вчера Велисарий прошёл по стенам и оружейным.

— И?

— Ох он вчера бесился. Пушек мало, пороха тоже не очень, снарядов — токмо треть.

— Арантеаль... нет чтобы думать об обороне города, он живёт идеей остановки апокалипсиса. А если Нерим возьмёт Арк, как он будет останавливать свой конец света?

Ладно, а куда Тручесса смотрела в своё время?

— Не знаю. Эх, я бы вернулся за работу, только у меня материала нет совсем. Да и кузнецов местных подучил бы, что да как.

— Кстати, эта маленькая ручная пушка... эффективная вещь, я её «громыхатель», зову. Только недалеко стреляет, я второй раз пробовал — не очень.

— Понимаю. Я работаю над вещицей побольше — ручницей назову. А может «огневицею».

— А как твой прошлый проект?

— Ты о том. Почти всё готово. С ним мороки меньше чем с луками. Кстати, я передал его старые чертежи, и местные кузнецы обещаются что будут мастерить его.

— Хорошая это вещь — арбалет, — сказал я, сложив руки на груди и восхищаясь видами Храма Солнца. — Чудесно... надеюсь в Ордене твою работу оценят. Ладно, — протянул руку для пожатия. — Мне нужно идти.

— Удачи. С миром.

Попрощавшись я направился к выходу из Храма, чтобы выполнить приказанное от Велисария. Что ж, стоит сказать, что его план пока выполняется, а главное, Арантеалю всё равно, что мы делаем... а Натара в статусе Тручессы, когда услышав о выросшей стабильности в регионе, перестала на нас смотреть, как костолом на жертву и посыпать проклятьями. Велисарий сначала занял замок «Златоброд», который оказался вычищен от тёмной силы и устроил там ставку Святого ордена и Ордена храмовников, в который магистр стал принимать всех желающих. Затем он отчистил оставшуюся территорию Солнечного берега от бандитов, нежити, ватиров и тварей леса с помощью людей Конана и Свяослава, который теперь ходит с хромотой и клянётся в верности тем, у кого «такие громкие и убойные штуковины», как он сам и говорил. На востоке дюнники принялись наводить порядок — батальоны пустынной кавалерии прочесали окрестности, наводя порядок везде, где можно. Но это ещё не всё, ибо как только местность стала безопасной, Велисарий отдал приказ о восстановлении разрушенных ферм и отправки в шахты экспедиций. Бывшие бандиты могли бы встать в пику, но Конан, которому Велисарий тайно пообещал титул в будущем и владения, пинками и матом направил часть своих ребят на горные и земледельческие работы... они не шахтёры и не фермеры, но это хоть что-то для начала работы на регионом. Да и некоторые «лихие люди», из мужчин и женщин, что образовывали подобие семьи, оценили возможность мирно осесть на земле. Сейчас стоят другие проблемы — обустроить Солнечный берег, возвести там укрепления, а так же снабдить Арк достаточным количеством пороха и стали. И тут вся инициатива столкнулась с суровую реальность, один из самых насущных вопросов этого мира — где взять деньги? Арантеаль согласился на переговоры с представителями родовой знати, фермерами, промышленниками и торговцами на выделение средств, но я не сильно уверен, что они пойдут нам на встречу. Остаётся только молиться, чтобы Всевышний вразумил их и аппетиты держателей экономических потоков не затуманили остатки любви к родине в них.

Я вышел за пределы Храма, протиснувшись через широкие ворота, спустился по ступеням, и оказался перед небольшим полем, где тренируются послушники. Мечи вязнут в манекенах, стрелы вонзаются в ткань — в общем новички тренируются. Помню и я когда-то был послушником... наивным, как щенок и думал, что в рядах Ордена я буду защищать страну... но всё оказалось куда приземлённее. Только собираюсь пойти в Квартал знати, где и намечена встреча, как мне на встречу попадает темноволосая девушка от которой

несёт ароматом резких цветочных духов.

— Лишари! — воскликнул я, уже немного радуясь тому, что перед собой стоит темноволосая девушка с добродушным лицом. — Как ваш поход в тот город пирийцев?

— Всё хорошо, — фыркнула Лишари и мне явно стало понятно. — Ты куда-то шёл? Может и возле меня стоит пройти.

— Чем я тебя обидел? — с опаской спрашиваю я.

— Ничем.

— И всё же.

— Знаешь, как поговорить, так ты рад, а как куда-то пройти, ты сразу тащишь с собой хранительниц из Ордена. Я не против твоих отношений, но если у тебя кто-то есть, то может перейдём исключительно к рабочим моментам? Прости, я не хочу, чтобы в вашей мракобесной стране на меня вылили ушат помоев.

— Лишари, — мои пальцы её коснулись, и я слабо провёл по её ладони, понимая, что от чего-то она не в настроении. — Если бы там не было всё набито высокородными гусями, которые считают себя выше всех остальных, — я сделал речь едва тише. — Лишари, при виде тебя они бы зажглись таким негодованием, что этот костёр можно было бы увидеть в Нериме.

— Что?

— Так приказал Велисарий. Я всего лишь искал для нас союзников, — простой последовал ответ от меня. — Поверь, Калия там была как помощник. Без неё я бы просто туда не попал.

Я увидел, как Лишари изменилась в лице. Прежний оттенок гнева немного рассеялся, уступив эфемерной радости и облегчения, что не может разутешить и меня.

— Так как в Дотульгарде? Нашла, что хотела? — быстро сменяю я тему.

— Да всё пошло..., — с выражениями возмутилась она. — Какое-то оборванцы прорвались через стражу. Благо прорицатель и хранительница, как же её там... Калия, быстро всё разрешили.

— Прорицатель... какое поэтическое название для обычного служителя Ордена.

— Ты не представляешь какие способности у этого создания. Я бы сказала, что оно уникально. Мы даже недавно с прорицателем сидели в таверне.

«Ох, вот это уж и впрямь неримское «чудо», — помыслил я и заговорил:

— Хм, — хмыкнул я и меня даже немного взяло чувство обиды, что Лишари была с этим прототипом Лорама «Водореза» в таверне, но я не знаю, откуда оно. — Понимаю. Кстати, я смотрю вас удалось найти какой-то механизм.

— Да. Пирийцы даже дали ему чудно название. Светоч. Он должен был бороться с циклом.

— С циклом? Значит он не вымысел? — с удивлением спросил я, ибо всё-таки нахожу ещё одно утвердительное подтверждение паранойи Арантеалья. — Да как, так то?

— Да. Теперь надо голову ломать, как справиться со всей этой пакостью. Зараза, как же это всё надоело.

— Расскажи чуть подробнее про этот цикл?

— Я думала старик Арантеаль вас просветил насчёт этого? Тут всё просто — когда наступает момент, какое-то важное ключевое событие, то вся цивилизация просто исчезает. Из текстов пирийцев говорится — они спасались от какого-то долбанного вознесения.

— То есть ты хочешь сказать, что пирийцы, цивилизация перед нашей, так же была

уничтожена? Все люди просто... вознеслись? — мной овладевает удивление; не знаю почему, но слова от этой девушки для меня имеют вес и верю им..., наверное, мне просто не хочется признавать правоту о циклах из уст Арантеаля.

— Да, так и есть. Так же мы знаем, что перед тем, как они отправились ввысь, в их обществе гремела война. Религиозники и учёные сцепились насмерть. Вторые посчитали, что пора избавить мир от влияния мракобесия.

— Понятно. Что ж, печально осознавать, что мы можем закончить так же, — говорю я, припоминая, что нам известно о том, что Нерим два месяца назад стал единым государством и уже ведёт свои армии к Эндералу, чтобы... отчистить его от влияния религии. Какое-то неприятное сходство между историческими событиями; о Боже, как же не хочется верить в то, что все эти истории о циклах, когда мир перерождается, живёт и в один из моментов сходит с ума, а потом «возвышается», правда. Но мне придётся поверить Лишари.

— Эй, — посмотрела на меня Лишари, приложив руку к подбородку, и я вижу, что она надела золотистое пирийское кольцо на указательный палец правой руки. — Ты не хочешь ещё поговорить об этом?

— Да, я бы ещё тебя послушал и поговорил, но мне нужно идти, — с тяжестью говорю; не знаю почему, но мне охота продолжить с Лишари разговор, и я придумываю неожиданный предлог. — Может, как-нибудь обсудим всё это в таверне? Я заплачу за бренди.

— О-о-у, — губы украсила прекрасная улыбка, — если ты платишь, то я не против, — кстати, — девушка коснулась оружия у меня на поясе. — Тебе не стрёмно ходить с этой простой железкой? Давай я тебе хотя бы его зачарую.

— Хорошо, — снимаю я с пояса клинок с ножнами и передаю его Лишари. — На том и решили. Завтра.

— Хорошо. До встречи.

Я киваю в знак прощания и продолжаю движение, пока не спустился по крутому проходу. Там, в самом конце меня уже ждёт Арантеаль — высокого роста мужчина с седым волосом, плащ которого трепещет под порывами сильного ветра. Он делает шаг вперёд и приветствует меня:

— Здравствуй. Ну что, Фриджидиэн, ты готов?

— Пойдёмте. Чем быстрее мы раскошелим их, тем лучше, — я указываю на ворота, и мы проходим за них, а великий магистр не оставляет причитаний:

— Я понимаю ваше рвение, но не могу его разделить. Сейчас главное — справиться с циклом. Ты понимаешь, что до нас были сотни цивилизаций, которые не смогли справиться с ним.

— Да..., - неловко начинаю я. — Лишари рассказала мне про этот цикл. Вынужден признать, что я с ней согласен.

— Фриджидиэн, — на сей раз привычно мерный и монотонный голос Арантеаля дёрнулся. — Ты не соглашался со мной, но после разговоров с ней так быстро признал эту угрозу? — с удивлением спросил великий магистр. — Это хорошо, что хоть она смогла открыть тебе глаза на происходящее. Только вот что за чары?

— Почему цикл? — смотря на водосток, сверкающая поверхность потока, в котором отражает солнце, а сама вода течёт в небольшой пруд, упирающийся в лестницу.

— Потому что основные события, этапы всегда совпадают. Сначала всё хорошо, но потом убивают тех, кого славили как богов. Потом болезнь. И в конце война. А потом и

очищение.

— Болезнь? Вы о красном безумии? Когда меняется цвет глаз и люди становятся... сумасшедшими? Склонными к агрессии и разрушению?

— Да.

— Рождённые светом. «Живые боги»..., - тихо рассуждаю я, чтобы не спровоцировать народ. — Были убиты на другом континенте, Нериме, вашим сыном — Наратзулом. Как так, великий магистр? — меня всегда интересовал этот вопрос, но я его всё не решался никогда задать. — Скажите, почему ваш сын поднял восстание, объединился с протее могущественного тёмного духа и уничтожил тех, кому вы служили? Это какая злоба и ненависть должны были его вести?

— Он обвинял их в том, что они забрали право людей на самоопределение. Он всего лишь хотел избавление от тирании теократии.

— От тирании? Ха, смешно, — усмехаюсь. — Вот нет теперь нет... объектов ненависти для свободолюбцев и как же «прекрасно» стал жить мир. Бунты, мятежи и конец света.

— Ты бы в своё врем это моему сыну сказал. Мне то к чему эти слова?

Я молча соглашаюсь с Арантеалем... ему не к чему подобное. Он уже испил часть своей чаши горя. В конце концов гибель сына, практически проваленный долг и Орден, который на последнем издыхании. Тут меня посещает мысль, что возможно его идея с циклом — способ ухода от проблемы или желание искупления?

Во всяком случае, мне сейчас не до этого. Спустившись по лестницы, с которой открывается прекрасный вид на разделённый рекой квартал, мы приходим к двери таверны «Толстый леоран» и я толкаю скрипучую дверь. За порогом оказывается пол, который выложен плиткой на входе, а затем всё облицовано камнем, моё внимание захватили небольшие толстые колонны, связанные вверху арками. Но мы идём дальше, обходя длинный деревянный стол и проходя туда, где играют барды и пляшет народ в вычурных одеждах на коврах, положенных на доски. И пахнет тут соответствующе — смешались ароматы жаренного мяса, душистого свежеевыпеченного хлеба и сладкие веяния откупоренного вина и мёда.

— Эй, ешь, пей веселись! — кто-то кричит в порыве радости.

Мне кажется, что людям нет дела до того, что творится за пределами города. Знать напивается и предаётся безудержному веселью, пока за стенами города творится полный ужас. Неужто им нет дела до родины?

Ладно, миновав первый этаж, мы подходим к деревянным ступеням и поднимаемся на второй этаж, где за столиком нас уже ждут. Слева от нас стоят вооружённые до зубов наёмники-защитники, облачённые в сталь, а слева представители сливок общества.

— О! Вот и пожаловали! — я слышу надменный голос одного из деловитых мужчин и сдерживаю себя, чтобы не высказать ему то, что он и бедноты в Подгороде не стоит, раз и не чешется ради своей страны.

Мы с Арантеалем садимся за стол, где источают пленяющие ароматы откупоренное молодое вино, поджаренная курица в соусе, тёмные эндеральские хлеба, солонина и яблоки в карамели, как десерт.

Говорить начал Арантеаль.

— Что ж, я вас рад приветствовать. Тут вся... экономическая мощь Эндерала. Я вас созвал по... довольно важной причине.

— Какой же? — со спесью спрашивает мужчина с короткой стрижкой и расшитым

золотом костюме. — Надеюсь, эта причина принесёт нам достаточно медяков. Банк Эндерала не может работать себе в убыток.

— Согласен Маттиас, — в разговор вступил полноватый светловолосый мужик с густой бородой и примеривший на себя тёмный кафтан, но он ему немного мал. — Я от Борека и фермеров тута. Мы снабжаем Арк продуктами, несмотря на то, что стражи плевать на нас. Так что мы тут не для благотворительности. Борек честно делится с вами своими запасами и большего дати за ничто — нема.

«У них и вместо мозгов монеты?» — спросил себя я, чувствуя отторжение к этим людям, но с другой стороны в речах фермера есть зерно истины.

— Золотой Серп не поддерживает вас, — заговорил худой лысоватый мужчина в лиловом пальто из ткани, на котором в левой верхней стороне красуется колос и серп оранжевого цвета, ставший представителем одной из самых важных корпораций торговцев тут в Арке. — Если дело, требующее нашей помощи, и оно достойно, то о какой выгоде тут можно говорить?

— Может, — заговорил я, вмешиваясь в перепалку. — Всё-таки мне стоит рассказать сущность дела?

— А ты кто будешь?

— Фриджиэн. Орден храмовников, — я полез за документами в сумку и вытащил один из жёлтых пергаментов, передавая его знатным людям. — Нас ждёт страшное время. Это отчёт моего магистра. Он приводит данные о подготовке наступления объединённого Нерима на Эндерал. И для того, чтобы подготовить должное сопротивление неримцам, нам понадобятся деньги.

— Хм, деньги, — буркнул седой мужчина в кожаном плаще. — Они всем нужны. А откуда их взять промышленникам? Заказов нет, караваны грабят, да и оружия сейчас полно.

— Мессир Тито, — поворачиваю я своё лицо к мужчине. — У вас, как у представителей кузнецов, оружейников, бронников, алхимиков, заготовителей, владельцев производств и прочих промышленников мы хотели бы просить согласие на снабжение стражи Арка и нашего ополчения оружием, доспехами, зельями и прочим, что нужно для военной машины.

— Заказы, — деловитая радость была слышна в голосе Тито, но он даже не улыбнулся. — Заказы — это хорошо, но где нам взять деньги?

— Теперь же я хочу обратиться к банкиру и представителю «Серпа», — волнение перехватывает горло, мне тревожно называть эту сумму, — нам понадобится триста тысяч медяков под ссуду.

— Что!? — вспыхнул Маттиас. — А может тебе ещё нефритовую муху подарить!? Ишь ты, да за эту сумму можно половину Арка сжечь, отстроить и снова сжечь.

— Мда, — задумался человек от «Серпа». — Мне, Анжуа, пятьдесят лет, а такого предложения я ещё не разу не слышал. Тут я вынужден согласиться и отказать в выдаче такой суммы. Слишком она... большая.

— Хорошо. А что скажет Олаф. Вы вроде как от Борека? — вопрошаю, сдерживая себя, чтобы не обложить этих дельных людей горой оскорблений. — Нам необходимы продукты. Полный список тут, — достав из сумки, я протянул пергамент с цифрами и названиями.

— Коли не будет денег, ничего не поставим. Да и платить надобно по полтора цены.

— Арантеаль? — спрашиваю я. — Может, что-нибудь скажешь?

— Уважаемые, я вас прошу внять голосу разума. Если нам не объединиться, то Нерим сметёт нас. Сейчас нам нужна помощь, нужно единство, — пытается убедить богатеев

Арантеаль, но по их «выразительному» взгляду видно, что им всё равно, и великий магистр приступает к давлению. — Я, как глава Ордена и носитель святой воли Мальфаса, имею право силой списать с вас средства.

— Арантеаль, — судорожно затараторил представитель банковской элиты. — Ваш Орден своими постановлениями может ограничивать нам торговлю, но вы не имеете отобрать у нас наши деньги. Ты можешь расцитироваться тут фразами из Пути, вашей священной книги, но там нет ни одного слова о том, что мы обязаны ходить на побегушках у Ордена, — банкир приложился к бокалу с вином, испив из него половину. — Я, я не могу поверить, но ты говоришь, как обычный разбойник. Ты собрался ограбить честный народ и дельцов Эндерала, что бы решить проблемы? Нет, поймите, мы не против займов, не против помочь, так ведь? — разведя руками и посмотрев в стороны, банкир получил кивания и поддержку. — Только давайте работать честно. Ссуда в триста тысяч медяков? Нет, займ! Под двадцать процентов ежемесячных. Хотите вещей и пищи? Хорошо, я думаю, что если вам отдать её в полтора цены за комплект, то мы договоримся.

— Ты закончил? — грубость и злоба полилась из меня, и я бы швырнул серебряный бокал в харю банкира, если бы не самообладание; разжал руку и убрал ладонь от серебра, сконцентрировав мысль. — Олаф, скажите, что будет с фермами Борека, когда полную меру заработают хозяйства Солнечного берега? Ох, а вам ведь ещё не сообщили — Орден храмовников вычистил ту территорию от враждебного контингента и начал её реколонизацию. Подумайте Олаф, сколько потеряет ваш хозяин, когда из Речного и возрождённых ферм потекут съестные припасы — рекой на рынки Арка. Я понимаю, нужно время, но более дешёвые продукты, транспортировка которых куда более безопасна, явно составит конкуренцию вашему товару.

— Хорошо давите.

— Мессир Тито, — я спокойно продолжаю, обращаясь к мужчине, который только что говорил. — У нас оказалось несколько шахт. Я думаю, цены на руду и оружие быстро упадут, когда из Речного в Арк потечёт дешёвая руда и куски ценностей из пирийских руин в округе.

— Вот это наглость!

— О, мессир Маттиас и мессир Уллик, — перевожу я взгляд на банкира и представителя Серпа. — Скоро Нерим атакует Эндерал, обстановка в городе станет напряжённой и много людей могут... потерять своё дело. И что если сказать им, что они могли бы избежать этого, если бы банк и Золотой Серп, который во всеуслышание заявляет о милосердии и следовании Пути, раскошелились в своё время? — я вижу их лёгкую растерянность, смущение и продолжаю давление. — Скажите, мессир Маттиас, что будет с акциями Борека и Золотого серпа когда неримцы сожгут его урожаи и начнут грабить караваны и торговцев «Серпа»? А когда люди начнут массово снимать деньги, потому что во время осады цены подниматься в несколько раз? Скажите, сколько тогда потеряет банк, — тяжело дыша мне приходится завершить давление, чтобы не перегнуть палку. — Вы не глупые люди и что-то мне подсказывает — ваша мотивация не нажиться... вы просто не верите в угрозу Нерима.

— И это есть, — пробурчал Маттиас, сделавшись угрюмым.

— Хорошо, — я опускаю ладонь в сумку, чтобы вынуть несколько последних пергаментов. — Мессир Арантеаль, уважаемые мессеры, наш магистр Велисарий предлагает создать... корпоративный совет помощи, в центре которого будет оказание экономической и финансовой помощи Ордену и его армии, — я подтягиваю к себе вино и отпиваю его; тут же чувствуя его приятный аромат и вкус. — В центре всего будет выполнение ранее озвученных

договорённостей и тех, которые мы заключим потом, а вы взамен можете получить льготный доступ к Солнечному берегу, и гарантии выполнения наших обещаний по защите и стабильности в лице Святого ордена.

— Это вымогательство, — снова звучит эта фраза, только наиболее тихо и уже неуверенно.

— Это просто..., - слегка улыбнулся я, — деловой подход. Часть ссуды мы можем взять услугами и ресурсами. Так что?

— Необходимо время, чтобы всё обдумать, — сказал Тито.

— Хорошо, всё соглашение со всеми документами мы подпишем завтра, — иду на уступки я, понимая, что сейчас вряд ли удалось что-либо заключить. — Тогда завтра вы встретитесь с Велисарием и с ним всё подпишите. В часов двенадцать. На этом же месте.

— Простите мессеры, — Арантеаль поднялся, — я готов выступать гарантом для этой сделке. Мне теперь нужно подготовить постановление о создании вашего совета при Ордене.

Арантеаль отстранился от нас и наступила минутная тишина, которую никто не хотел нарушить. Всё это время помнил, что Велисарий через посыльного отдал мне тайное распоряжение поговорить об ещё одном предложении для денег имущих... только в тайне от Арантеаля. И, допив вино из бокала, я снова приступаю к переговорам:

— Помимо этого, нам понадобятся наёмники. Много наёмников.

— Мессир Фриджиэн, а вы часом не обнаглели? Может, вам ещё Лорама Водореза воскресить, — озлобленно заговорил банкир. — Взять тебя, шпана ты этакая, да выкинуть куда-нибудь в нецивилизованные земли, где нет порядков Рождённых светом.

— Хм, понимаю ваше негодование. Но только подумайте — а может ли ваш Совет стать чем-то большим, чем просто собрание сильных мира сего. Вы бы хотели стать... вершителями судьбы в Эндерале, — красивыми речами мне приходится искушать этих людей, возбуждать их аппетиты и призывать служить родине через корыстолюбие.

— Вот, а отсюда поинтереснее, — потребовал мягко Уллик.

— Туманное, Пенное, пара поселений в Златолесье, — все эти населённые пункты ныне лежат в руинах, но вот если бы кто-то сумел добраться к ним и восстановить их. Какую прибыль он получил бы в итоге? А контроль? Налоги идут не в казну Святого ордена, а к вам, — я вижу, как у этих торгашей загораются глаза, — ведь если вы их восстановите в короткие сроки и развернёте там производства, то сможете взять под контроль экономику Эндерала и Святому ордену придётся считаться с вами.

Мне противно от того, что приходится иметь дело с этими людьми. За наживу и выгодное дело они готовы расчленив страну по кускам, но если они нужны пока Велисарию, то значит так и будет. Да и в ком из нас нет чего-то тёмного? Вспоминая своё пристрастие к осуждению на скорую руку, я выдохнул и отпустил злобу к ним. Во всяком случае, они пока могут дать нам пользу — у них есть средства, необходимые для войны, а у нас планы и солдаты.

— А вот это, — банкир поднял бокал. — Действительно — деловой подход в котором мы заинтересованы, — с этими словами я понимаю, что началась вторая часть переговоров... неофициальная, о которой Святому ордену не нужно знать.

— Именно так, сударь, — выдавив лёгкую улыбку, мягко я говорю. — Мой господин, Велисарий, предлагает вам стать частью грядущего объединения земель. Конечно, не исключая власти Святого ордена. Мы просто думаем, что для сочетания экономических сил все регионы могут объединиться... в хозяйственном плане.

— Вот оно как, — вина губами коснулся банкир.

— Но это не исключает ваших исключительных политико-экономических прав в дальнейшем. Нам просто нужна ваша лояльность стране и помощь, много помощи в грядущей войне. А затем храмовники вам помогут получить исключительное положение в стране, — убеждаю я собравшихся дать нам сверх намеченной помощи.

— А как же ваш господин нам поможет? — надменно спросил банкир. — К нему приставлены два хранителя, которые смотрят на денно и нощно за каждым телодвижением его.

— Эта информация не совсем достоверна, — говорю я, отпив из бокала с вином. — Слуги Арантеаля довольно вольно к нему относятся. Они проверяют не всю исходящую от него корреспонденцию, да и мы... имеем свои способы тайно обмениваться информацией и вести свои дела. А хранители? — развёл я руками. — Они обычно сидят в старой башне и требуют формальных отчётов от Велисария, который конечно же убедил их в своей преданности Эндералу.

— Хорошо, — банкир сложил руки на груди, вся его прежняя лисья манера отпала, предо мной предстал холодный мужчина, обратившийся чёткой и поставленной речью. — Что именно вы от нас требуете в неофициальном порядке?

«Отлично», — подумал я, ощущая сдержанное ликование от того, что смог убедить их помочь. Но быстро отбросив эмоции радости, тихо и уверенно выкладываю, что нам требуется для победы:

— Военные и хозяйственные мощи Эндерала должны будут готовы к встрече с врагом, а для этого придётся вести новую экономическую политику. Помимо всего прочего понадобится, чтобы Золотой серп и банк обеспечили нам как минимум десять «компаний» наёмников. Борек со своей фермой сократил бы торговлю с частными торговцами и направил бы свою продукцию в арамейские подразделения снабжения и хранилища, — я быстро достал небольшой пергамент, с которого мне проще читать. — Велисарий хочет, чтобы вся беднота, которая выйдет из своих барачков в поисках работы была устроена, а так же, чтобы не допустить инфляции и дабы наши медяки не превратились в пыль, нужно их инвестировать в улучшение обороны и состояние Подгорода, чтобы уменьшить денежную массу. Так же общее уменьшение заработных плат должно сочетаться со снижением цен на все товары. Это высвободит часть средств, которые можно будет направить на другие проекты.

— А как же Арк? Мы не можем оставить его без продуктов питания. Город не должен начать голодать. И мне кажется, что вы слишком много хотите.

— Нет, Арк голодать не будет. Наша цель — когда придёт враг и начнёт грабить, да перерезать линии снабжения, не дать континенту погрузиться в хаос. А взамен мы вам дадим возможность влиять на самые важные решения в Эндерале.

— Вы понимаете, что ваши слова пахивают изменой государству? — въелся банкир. — Вы предлагаете, нет вы утверждаете, что кто-то ещё помимо Святого ордена будет править.

— Да и если вы завтра встретитесь с Велисарием в Златобороде, то даже узнаете в более подробных деталях, что он задумал. Не бойтесь, в это время хранители будут сидеть в своей башне... как обычно, — тихо проговорил я. — Но только так можно спасти Эндерал, — моя ладонь обхватила бокал и перед тем, как мне придётся покинуть это место я лихо изрёк. — Ну что, выпьем за наше общее дело?

— Хорошо, мессир, — свой бокал поднял банкир. — Нам давно пора выйти из тени управления этим местом.

Глава 6. Враг у порога

Глава 6. Враг у порога

«Есть время для войны, а есть и для мира»

— Из книги «Предание».

Следующий день.

Как мне не хочется тут находиться, но приходится. Жарой и маревом окутаны мы все — я, Гаспар и ещё двое храмовников. В этой части континента всё пленило какое-то другое солнце — палящее, и страшно жаркое, отчего мы обливаемся потом в своей стандартной экипировке. На мне всё тот же кожаный доспех, в правой руке новый меч, взятый в отсутствие старого, а левая держит «огневицу» — так я называл маленькую ручную пушечку. Опасности нас подстерегают на каждом шагу — по пути из Дюнного шестилапые чёрные жуки нападали на нас, но в Пороховой пустыне — самом «сухом» регионе Эндерала это ещё не самая жуткая тварь.

Но местность, где солнца не видна из-за пылевых бурь, мы давно миновали и вошли на территорию, где песок соседствует с зелёной насыщенной травой и пальмами. Резкая смена флоры не отменила палящего солнца и мы, под трели тропических птиц углубляемся в сердце территории и вскоре перед нами открывается странная картина — в пышной зелени лежат разбитые строения — руины древнего поместья где нас встречают «связные». Теперь мы на территории кочевого народа.

— Приветствую вас, дети пустошей, — я слегка поклонился. — Мы пришли сюда по великой нужде и для великих дел.

— Что ж, можем и поговорить, — согласился один потомков тех, кто в незапамятные времена скрывался тут от тяжёлой длани Святого ордена.

Я бы их расстрелял, ибо это бандиты и мародёры с кровью кочевников и облачённые в белые мешковатые одежды, защищённые зеркальными доспехами. На их поясах сабли и мечи, глаза же пылают недоверием и злобой.

— Ну шо, ваш агент говорил, что вы несёте нам гостинец.

— Да, — вперёд делаю я шаг, — но у нас должна быть встреча с вашим командиром.

— Идёмте, — махнул кочевник бандит и куда-то нас повёл... и только потом заметил, что мы приближаемся к кованой калитке, выше роста человека, которая ведёт в какое-то ущелье.

Но это была бы не Пороховая пустыня, если бы не опасность, подстерегающая на каждом шагу. Сначала мы услышали дикий рёв, доносящийся сверху. Я нервно поднял оружие и краем глаза заметил, как спускается смерть — костолом — сторбленная чешуйчатая тварь, с длинными передними лапами и мордой рептилии. Он молнией спрыгнул с выси и накинулся на дитя степей — его бритвенноострые когти растерзали бедолагу, разорвав доспех и оросив зелень кровью, после чего он кинулся на нас. Я поднял руку и сжал кусочек металла — запал проткнул и коснулся зачарованной на пламя иглой мешочек с порохом в трубке и раздался оглушительный взрыв. Костолом только собирался перейти в прыжок, как свинцовый шарик угодил ему в грудь и пробил сердце. Существо заскулило и рухнуло на четвереньки... багровая жидкость полилась по траве, тварь ослабла, и кочевые мародёры забили его саблями. Из трёх осталось двое, они только с недоверием посмотрели на меня, и мы двинулись дальше... кажется их не удивило моё оружие, но мне

всё равно до этого.

Идя вместе с кочевниками, задумался о происходящем. Велисарий ведёт свою, тайную игру от глаз Арантеаля. Призвав бандитов на Солнечном берегу, он решил подкупить мародёров кочевого народа в Пороховой пустыни, чтобы обеспечить безопасность региона и вернуть хоть формальный контроль над главной пороховой шахтой и грести оттуда важный ресурс для артиллерии... да и воинов получит. И вместе с этим просто закидал письмами представителей Диких магов и горцев. Несколько дней он слал им бумаги, пока в один момент сам не отправился на север. И сейчас нас двое таких — я изливаюсь потом, а он стынет от холода и всё на благо Эндерала.

Что ж, пока Арантеаль занимается проблемой апокалипсиса, на нас легла задача любой ценой подготовиться ко вторжению Нерима и повысить боеспособность страны. Это отрадно, хоть мне и приходится мириться с мыслью, что все эти люди — беззаконники, которые заслуживают эшафота... но если это нужно для родины, то пусть так и будет.

Пройдя мимо пирийских руин мы подошли к огромной стене, выложенной из серо-зелёного кирпича, зажатой скалами. У надвратного помещения возвышается статуя Мальфаса. Эти кочевники перебили стражу и заняли шахту, и статуя Рождённого светом тут словно насмешка над ситуацией. И оказавшись у самой стены, мы оказались в тени врат, откуда я увидел, что всё место кишит смуглыми людьми, в свободной одежде и зеркальных нагрудниках. Место нашей встречи — небольшая площадка из песка, где пара каменных плит; по левую руку от нас монументальные ворота, закрытые решётками, куда ведут деревянные настилы — вход в шахты, позади и справа высокие укрепления, а впереди продолжается покров золотистого песка и возвышаются пальмы. И тут же вижу разбросанные тела людей — это мужчины в красно-белой броне, бывшая стража Арка, перебитая новыми обладателями шахт. Сглатывая слюну, сдерживаю себя, чтобы не броситься на этих вырожденков с мечами.

«Творче, дай мне сил», — взмолился я.

— Вот вы и пришли, — раздались слова от среднего роста темноватого мужчины с чёрным волосом и квадратными чертами лица. — Ну что, как договаривались?

— Да, — киваю Гаспару, на котором так же доспех храмовника и который единственный может тащить ящик с деньгами, и мужик кидает под ноги кочевнику, и деревянная конструкция разбилась — отлетела крышка и на песок со звоном посыпались медяки, вызвавшие неподдельный интерес в глазах мародёров.

— Ха-хах! — рассмеялся глава кочевников. — А ты, малой хорош. Мудрость твоего патрона для нас непостижима. Он хочет, чтобы мы встали ему в подчинение, занимали старые укрепления и готовили их к хорошей драке. Что ж, за его деньги — любой каприз. Пока он платит, мы будем паиньками на его службе, — оскалился острой ухмылкой бандит. — Скажите, где только записаться в добропорядочные граждане Эндерала?

Мне кажется, что меня трясёт от одного присутствия этого подлеца. Он грабил караваны, уничтожил здешнюю стражу, и мне крайне неприятно стоять здесь.

— Аль-Хаббад, — называю имя кочевника, смотря на его пояс, где закреплён амулет — птица из серебра с распростёртыми крыльями, где на её груди есть углубление, под стеклом. — Вы же понимаете, что вы должны будете подчиняться всем нашим приказам?

— Мальчик, — с рыком начал бандит. — Вы платите, а мы исправно выполняем работу. Из грязи в князи, так сказать.

— Гаспар, — тихо говорю и мой друг молчаливо снимает вторую ношу — стальную

трубку на деревянной подложке и целясь в рядом стоящий обычный ящик, стреляет; хватило полсекунды, чтобы множество маленьких свинцовых шариков ударились в дерево и обратили его в щепки.

После того, как раздались всеобщие охи и вздохи, удивление и тревога, я решил продолжить речь, взяв оружие из рук Гаспара, потрясая им:

— Вот этим мы орудуем, Аль-Хаббад. Если станете ёрничать, то от наших огневиц вас даже маги не спасут, — утвердительно говорю тому, в кого бы сейчас выстрелил из неё, но если Велисарий настаивает из них сделать наёмников ради спасения страны, то так тому и быть.

Но как только их главарь должен был ответить, какой-то паренёк на стене заверещал и его ор разнёсся по всей территории, прилегающей к шахте:

— Тута ворог! Страшные как коровье дерьмо! Наступают с севера! Целая куча!

Бандиты рассеялись разрозненными группами от шахты и до самой стены, создав рыхлую линию. Позади них, на высоком сооружении уже готовятся лучники. Я быстро отдал Гаспару огневицу и резким движением обнажил клинок. Под палящим солнцем будет трудно сражаться, потно и изнурительно. Прежде врага раздался страшный смрад разлагающейся плоти, от которой скрутило желудок.

— Судя по всему нежить к нам идёт, — трудно выговорил я, поднимая широкий овальный щит, который нёс для меня один из храмовников.

— Парень, чую сделка наша срывается, — усмехнулся Аль-Хаббад. — Ты уж тут потрудишься, чтобы мы поняли насколько вы ребята резкие.

Я ничему ему не говорю, только отдаю команду:

— Храмовники, в строй!

Мы втроем встали плотной группой пока Гаспар не приготовил огневицу в ожидании врага. Мой щит, опершись на голень плотно лежит, а за ним поднят меч, скрытый за «укрытием».

Наконец-то враг показался со стороны открытого подхода — это разношёрстная группа восставших из плена смерти — тут и скелеты, лишённые плоти, и воины с недавних похорон в меховой чуть подгнившей броне и полуразложившиеся твари в напрочь ржавых доспехах. Всех их объединяет адский синий огонь в глазах и единая воля — уничтожить живых, а также название, коим их именуют — заблудшие. Бандиты дрогнули от одного вида противника и Аль-Хаббаду пришлось их «подбодрить»:

— Стоять псы безродные, а не то самолично как рыб распотрошу!

Нежить мгновенно сблизилась с нами, и ощутил, как о наши щиты столкнулась груда ходящих мертвяков. Резким движением уколол скелета в область шеи и клинок разбил позвонки и существо осыпалось костями. Вторым движением оттолкнул группу существо и резким выпадом попытался задеть недавно похороненного бандита, но мой меч скользнул мимо. Однако обратным движением приложил лезвие к его бедру и резко заставил осесть тварь.

Бандиты вокруг нас разрозненно встретились с врагом, и кто-то тут же обагрил песок кровью, не совладав с живыми мертвецами с оружием. Лучники спустили поток стрел на нежить, выкосив последние ряды.

Тем временем Гаспар дал залп из огневицы — дуло маленькой пушки на древесном ложе увенчалось ослепительной вспышкой огня и картечь, которой был забит ствол вылетела со страшной скоростью. Крепкие свинцовые шарики со свистом прошили десяток

тел из орды навечно их уложив на багровый песок.

Я и храмовники стоим камнем посреди прилива нежити, колющими выверенными ударами осаждая незваных гостей. Я поднял щит, защитившись от рубящего удара. Тварь прорычала что-то и из её рта на нас дунуло тошнотворное зловоние, от которого мои руки задрожали и колющий удар прошёлся в плечо, а не в сердце. Я чуть отпрыгнул назад и тычковым поперечным ударом нижнего края щита монстру в брюхо заставив его согнуться, а другой храмовник закончил за меня дело, сотворив резким нисходящим движением декапитацию.

Этот враг не знает страха или жалости. Порождения странной напасти — восстания мертвецов, они внушают в меня удивления и страх от вопроса — «почему вам не лежит в могилах». Немного отвлѣкшись заметил, как они повалили одного бандита и группой неумело забили его мечами и топорами. Аль-Хаббад завертелся вокруг них как вихрь — только и успевал замечать, как его изогнутые клинки пляшут по телам существ высекая на них багровые порезы.

Показался самый могучий мертвец — тварь практически в два метра ростом, тяжело несущая боевой молот, закованная в ржавые доспехи хранителей. Залп Гаспара расчистил путь перед ним обратив ещё десяток нежити в грохочущие кости или разлетевшиеся напрочь части восставших из могил. И оно двинулось к нам, вознеся почерневший двуручный клевец.

— Рассеяться! — командую и храмовники разошлись в стороны, уничтожая вокруг нас оставшихся заблудших, а тем временем мародѣры-кочевники пытаются его засыпать стрелами, но все они вязнут в доспехе этого чудовища.

Мне приходится пойти в лобовую атаку, надеясь, что заторможенные рефлексы ожившего воина помогут мне. Его клевец резко опускается и в последний момент отпрыгнул в сторону, тут же ударяя в бок твари. Клинок со скрежетом пробил покрытый оранжевой ржавчиной доспех хранителя, но не убил его. В сантиметрах от головы пролетел острый клюв орудия, и из позиции снизу бью, но мой меч на этот раз только скользнул по нагруднику, оставив заметную царапину. Но обратным движением руки я направил лезвие по пальцам противника и лишил возможности заблудшего держать оружие. Резко выпрямившись и с разворота вгоняют в слабо защищенный пояс ребро щита, слыша хруст костей и звон железа, заставляя его скрючиться.

Но не от моей руки враг нашёл вторую гибель. Подбежавший Аль-Хаббад двумя клинками отправил на вечный покой заблудшего, сплясав возле него последний танец с оружием.

— Фух, — опустив щит, утѣрся я ладонью, стирая пот с лица и осматривая поле битвы — песок стал багровым и чѣрным, а ранее относительно чистая территория перед шахтой завалена телами. — Постройте с севера стену, чтобы... фу-ух... избежать подобных нашествий.

— Такая пакость в первый раз с моими парнями, клянусь, — Аль-Хаббад кулаком ударил меня в плечо довольно и восхищенно говоря. — А ты и твои ребята неплохо сражались. Показали, что вы народ стоящий.

— Кстати, может отдашь свой амулет? — спросил его я, надеясь, что он станет красивым подарком.

— Амулет мой захотел? — спросил грубо бандит. — Ты конечно парень лихой, но что я получу взамен?

— От меня? — я опустил руку в карман и вынул кошелек, полный меди... мои последние

деньги. — Сто пятьдесят медяков.

— Хорошо, — бандит отцепил украшение и положил его в ладонь, с которой смёл кошелёк.

— Гаспар, закончишь тут? — поворачиваюсь к другу, и вынимая свиток, — Велисарий позвал меня на важный совет по зову Арантеалья.

— Хорошо, — согласился Гаспар, и я теперь могу со спокойной душой достать свиток телепортации и применяю его.

Вот оказываюсь у Храма солнца. Усталый, запылённый и немного озлобленный, но радостный от того, что наконец-то мы закончили «переговоры» и обрели нового союзника. Что ж, могу признать, что не только мы успешны — сегодня утром Велисарий договорился с Советом помощи о том, что нам выделяют деньги, представят услуги и товары в половину цены, а в обмен их рынки остаются неприкасаемыми, мы выкупаем часть акций у Банка, Золотого Серпа и Борека, а также условились о дальнейшем сотрудничестве по реколонизации земель Эндерала, где храмовники окажут военную и техническую помощь в восстановлении, а «деловой люд», станет финансово-хозяйственной мощью. Но это только планы, далёкие и пока не важные.

Я сжимаю в руках амулет, подаренный мне кочевником и подхожу в сторону Обители. Прекрасное окружение внутреннего двора Храма настолько мне приелось за эти дни, что уже не замечается. Хранители и послушники больше не смотрят на нас с презрением, не желают смерти, и не клянутся, что когда сотрудничество кончится, то с нас казнят. Успехи на Солнечном берегу, его заселение и договор о поставках обмундирования и пищи в ополчение и армию Арка расположил к нам практически всех членов Святого ордена. Ладно, я прохожу в Обитель — просторное трёхэтажное строение, где на первом этаже красуется всё тот же длинный стол из камня, а над ним нависает балкон, где можно заметить хранителей в доспехах.

Ощувив вместо прохлады приятное тепло, прохожу к самому столу, где вижу уже знакомые лица — Юслан в кольчуге, и стёганке зелёного цвета сидит рядом с Лишари. В сторону стоит старик Огневспых, а у трона расположились Арантеаль и Натара, вместе с Бореком. С противоположной стороны стола, напротив неримских двух магов гордо воссели темноволосый Велисарий без своего привычного доспеха, а в тунике лилового цвета.

— Привет, Лишари, — я сажусь рядом с чародейкой, чувствуя от неё приятный запах розы.

— И тебе не хворать.

— Арантеаль, — заговорил Велисарий, когда я кивнул в его сторону, возвестив об успехе операции. — Почему мне и моим людям не дали кусочки магического сигила? Или ты хочешь, чтобы мы заболели Красным безумием за городом?

— Прости, но на вас не хватает, — в своей манере хмуро отвечает Арантеаль.

— Кусочки сигила? — спрашиваю у Лишари, немного смущённый. — Вот прекрасно, теперь меня ждёт безумие... смерть в порыве сумасшествия — что может быть лучше?

— Подожди, — Лишари достала из кармана что-то — в её пальцах заметил кусочек чего-то, блестящего тёмно-лиловым; она приложила достаточно сил и расколола его, протянув мне получившуюся вторую стекляшку. — Держи.

— О, чудесно. Мы теперь делимся нашей защитой с этими невежами, — вставил своё едкое слово Константин, почесав лысую голову.

— Лишари, — говорю я, положив перед ней ладонь, — дайка мне на пару секунд твой

кусочек.

Девушка без вопросов протянула его, и я подхватив его, достал амулет бандита. Аккуратно отворив стекляшку я положил её осколок сигила, осветившими серебристую поверхность украшения. Тут же закрыл прозрачное стекло и взяв за два конца цепочки зашёл к Лишари сзади; чуть приподняв её шелковистый пышный мягкий каштановый волос аккуратно застегнул ожерелье на шее, в то же время увидев гневный укор Велисария, которому явно не нравится, что я уделил внимание неримке, а не планам о сохранении страны.

— Так будет гораздо лучше, — тихо произнёс я и занял своё место.

— О, как мило, — пробурчал Юслан.

— Может начнём!? — вспыхнула Тручесса, повернув ко мне лик с испепеляющим взором. — Арантеаль, это слишком опасно... независимо от того, что они здесь хотят, если мы пошлём шпионов, и они будут пойманы, то Нерим будет рассматривать это как провокацию.

— Бедные, бедные люди..., - снова слышу минорную речь Юслана, — всё что они сделали — это вторглись в чужую страну, и посмотрите насколько мы безжалостны, посылая шпионов, чтобы узнать, зачем они здесь. Нам должно быть стыдно.

— Оставьте свой сарказм, мы оба знаем, что я имею в виду. Ты знаешь моё мнение Теалор.

— Я учту его, — хмуро произнёс Арантеаль, который отстранился и все заметили, как в Обитель прошла фигура на которой закрытое одеяние, защищающее его невзгод; новый участник занял место рядом с Арантеалем и мне даже не охота смотреть на этого «чудного». — А ты вовремя прорицатель, — Арантеаль повернулся к высокой светловолосой девушке в броне стражи Арка, стоящей возле Тручессы. — Командующий, объясните ситуацию.

— Конечно, великий магистр, — чуть приклонила голову Леора. — Вчера мы получили известие от одной из наших застав в Дюнном... один из рыбаков видел у острова в нескольких милях от берега стоящие на якоре корабли. На них развевался неримский флаг.

— Мы уже послали разведчиков проверить информацию, и это оказалось правдой, — вставил слово Арантеаль.

— А мы предупреждали! — неожиданно заявил о себе Велисарий. — Великий магистр, теперь ты понимаешь, что все наши дела, все наши предупреждения были не напрасны... к сожалению, поздновато немного.

— Да мы поняли, что ты, Велисарий самый умный и продуманный, — заголосил Константин. — Теперь ты можешь заткнуться, чтобы мы продолжили?

— Ты рад, что оказался прав?

— Нет, Арантеаль, но я печален от того, что мы недостаточно подготовились к этому. Эндерал в опасности, наша родина. Теперь наши шансы намного меньше.

— Но... это же акт войны. Зачем они это делают? — грубым и непонятным голосом озвучил вопрос «пророк».

— У нас есть предположение. Я полагаю, ты знаешь, что гражданская война в Нериме закончилась два месяца назад? И кто победил?

— Не знаю. Кто?

— Объединённые силы северного и срединного королевства во главе с Таранором Коареком из Кабаэта. Повстанцы юга и остатки храма творца были уничтожены раз и

навсегда. Сейчас Нерим объединён под знаменем «Вольного народа Нерима», как они любят себя называть. И это может быть причиной появления их кораблей.

— Но зачем? Зачем Нериму рисковать развязыванием ещё одной войны, когда он только что закончил предыдущую? — не унимается в вопросах «прорицатель», что меня начинает раздражать... неужто этому уникаму важны причины, он вроде как пытается остановить цикл и для чего эта ему информация? — спрашиваю я себя.

— Из-за Коарека.

— Утверждают, что он помогал Наратзулу Арантеалу незадолго до того, — подхватил мысль Константин, — как были уничтожены Рождённые Светом. И хотя раньше он был аморалистом, который менял идеалы так же часто чем подштанники, «крестовый», так сказать, «поход», с Наратзулом изменил его. Он стал заклятым врагом религии.

Арантеаль продолжил:

— И для него смерть богов — это первый шаг из многих. И теперь он видит свою задачу в том, чтобы избавить Вин от религии раз и навсегда... «освободить мир от бича веры», — это его слова.

— Стоит отметить, — слово схватил Юслан, повернувшийся к «прорицателю», — что его понимание «освобождения», включает в себя массовые казни и сожжение храмов. Он фанатик, и, что ещё хуже — люди обожают его за это.... Всё что он хочет — это построить новый мир и его «Вольный народ Нерима» должен стать авангардом.

— Что нам ещё нужно знать о Коареке? — спросил «пророк».

— Да в общем больше ничего, хотя... есть ещё кое-что. Он — нарцисс. Я был удивлён, когда услышал, что знамёна «Вольного народа Эндерала» не украшены его изображениями и надписью «Восхваляйте меня».

— И дайте угадаю: вы подозреваете, что Коарек здесь, так как эндеральцы всё ещё верят, что боги живы, правильно?

— Верно.

Угрюмый глас Арантеля снова зазвучал:

— А вот чего Коарек не понимает, так это того, что мы делаем всё, чтобы предотвратить кризис.

— А просто рассказать правду обычному народу. Об этом не может быть и речи?

— Не раньше, чем Высшие будут остановлены. Гражданская война в Нериме, Киле и Аразеале, показывает, к какому хаосу может привести такое откровение... и мы не пойдём на такой риск.

— А что если мы объясним наши мотивы Кореку? Может быть, он даже окажет помощь в борьбе с циклом, — наивность «Пророка» меня немного потрянула, неужто он не понимает, что этот человек пришёл сюда убивать и сжигать... нет блин, он с солдатами и оружием пришёл сюда чтобы помочь.

— Тут есть проблема. Пегаст? — сказав, посмотрел на Лишари Арантеаль.

— Мы полагаем, что Коарек уже знает о цикле и очищении. И он... как бы это сказать... хочет, чтобы это произошло.

— Мы говорим о чём-то, что может означать конец всей жизни, верно? — удивился «прорицатель».

— Боюсь что так, — тяжело выдохнула Лишари. — Я знаю, что это звучит странно, но неким образом это имеет смысл. Для него Эндерал, как дом Святого ордена, является воплощением невежества и застоя... и мы предполагаем, что он даже знает о нашей борьбе с

Высшими. Но в его глазах во всех образчиках Святого ордена, пытающихся предотвратить происходящее, должно быть что-то хорошее. Может быть он даже видит Высших в качестве прорицателей новой эры, кто знает... фанатики непредсказуемы.

— Сейчас это только предположение... но мы должны знать, — сказал великий магистр.

— Иными словами нам необходимо шпионить за неримцами.

— Да, ты знаешь, что такое серебряное блюдо?

Пока Арантеаль рассказывает об этих связанных устройствах «Пророку», я слегка касаюсь ладони Пегаст, обращаясь к ней:

— Лишари, что тут происходит, — с печалью замечаю я, — надеюсь, что после этой военной увертюры со всеми вами всё будет в порядке.

— Всё может быть, не знаю чего ждать от всего этого безумства. Кстати, я управилась с твоим мечом. Давай я тебе его чуть позже передам?

— Хорошо. В таверне. После этого собрания.

— Да, отлично. Кстати, как твоя работа со всяким отребьем? Руки не чешутся никого прибить?

— Чешутся, — усмехнулся я. — Странно всё это... ещё вчера мы были врагами, а теперь за деньги мы покупаем дружбу с торговцами, — шепотом говорю я.

— И вы хотите, чтобы это «размещение» было совершено мной, не так ли? — громкой фразой привлёк к себе внимание «прорицатель».

— Тобой, Огневспыхом и наёмником Даль'Вареком. Однако вы не сможете плыть на остров на корабле — это было бы слишком заметно, — ответил Арантеаль, но ответить решил Константин, сложив руки на груди и иногда почёсывая бороду:

— Мы обнаружили, что у пирийцев была какая-то подземная транспортная система. «Подпоезд», как они её называли. Эти поезда соединили наиболее важные регионы мира друг с другом, и вероятно, также храм на острове, у которого корабли Коарека стоят на якоре. Если нам удастся найти один из этих поездов, мы могли бы использовать его, чтобы получить доступ к лагерю.

Мне наскучила эта шарада с попыткой проникнуть к неримцам. Разве они не понимают, что сейчас нужно готовится к войне, разве Арантеаль всё ещё не верит нам, разве ему недостаточно наших доказательств? О Господи, дай мне сил. Вместо слов я всмотрелся в немного округлое лицо дамы, которая сидит передо мной. Не знаю, почему раньше считал её заносчивой, не ведаю... может потому, что мало общался и не знал её? Теперь же я готов взирать на её очертание лица её, слушать её. Не знаю, откуда эта тяга к человеку... правильно сказал Арантеаль — чары.

— Хорошо, когда выступаем? — это был финальный вопрос «прорицателя», на который, когда был дан ответ, одарённое существо быстро попрощалось и бегом понеслось из Обители.

— Все свободны, — махнув рукой отпускает нас Арантеаль, но тут поднимается Велисарий и говорит мне, как только также поднялся:

— Фриджидиэн, останься.

— Лишари, подождёшь меня в толстом Леоране? — спросил я.

— Хорошо, — сказала дама и покинула это место быстрым шагом, лишь шепнув. — Только будет ещё...

Мы остались вчетвером — я, Велисарий, великий магистр и Тручесса. Мой магистр

первый начал разговор:

— Арантеаль, неужто сейчас ты готов забыть свой главный долг хранителя — сохранить добрых людей и родину от посягательства мерзкого врага? — Велисарий напорист. — Теалор, внемли голосу разума — разве ты не видишь всё «дружелюбие» Нерима? Они пришли сюда с мечами и огнём, а ты всё ещё не можешь уразуметь, для чего они тут? Да открой ты глаза, слепец!

— Следи за языком! — крикнула Натара.

— Я понимаю тебя, Велисарий. Чего ты хочешь?

— Скорее всего они ударят в порт, Арантеаль. Необходимо, что бы ты инициировал перемещение из порта людей и ресурсов. Надо выставить караульных. Подготовить артиллерийские позиции в городе. И ещё — надобно начать запись в ополчение. Военскую повинность, а вместе с тем и собрать всех, кто имеет власть.

— Я не могу принуждать людей Арка к этому, — твердит каменной речью Арантеаль. — Но если хочешь приготовить ополчение из аркчан, то все те, кого ты сможешь взять в Подгороде — все твои. Да и с артиллерией ты сам разберёшься. Разговор окончен.

— Арантеаль, довлеюще продолжает Велисарий, буравя его пристальным взглядом. — Хотя бы приди на Совет. Спусти три дня я соберу всех, кого мне удалось собрать. А теперь — иди.

— Хорошо, я приду на твой совет.

Не такого исхода ждал Велисарий. Он надеялся на содействие Арантеаля, но видимо ему придётся самому всё делать. Однако, сейчас мой командир направился ко мне с устрашающим видом:

— Фриджиэн, — Велисарий встал напротив меня и положил руку на плечо. — Я хочу тебя предупредить, чтобы ты сильно не обольщался. Эта Лишари Пегаст... она ветрена, да и не разделяет нашего стремления по Эндералу... в общем, я не хочу, чтобы, когда встанет вопрос выбора между родиной и этой девушкой, ты выбрал не ту сторону. Пойми, я тебе не хозяин, но все мы сражаемся за отечество и не хочется, чтобы в погоне за... личным и крайне быстротечным чувственным моментом, ты спустил в нужник судьбу континента.

— Я понимаю. «Верен Эндералу до самой смерти», — повторил я девиз Ордена храмовников.

— Вот и молодец, — похлопав по плечу сказал Велисарий и отстранился, чтобы дальше реализовывать свой тактический гений.

Вскоре оказываюсь в самой примечательной таверне всего Арка, где дорогие закуски и выпивка, лучшая музыка и отличная компания из богатеев и знати. Но они меня не интересуют, ибо передо мной, за круглым столиком в глубине заведения, сидит пригожая девушка, которая опрокидывает бокал отменного бренди, от которого исходит приятный тонкий аромат. Когда выпивка оказывается прикончена, она едва-едва захмелёнными глазами посмотрела на меня.

— Бренди ты выбрал хороший, — её рука опускается к кожаной сумке у ног. — Держи, теперь он может и отморозить что-то у идиота, который решит с тобой сразиться.

— Благодарю.

— Скажи, а зачем ты меня сюда притащил? Вот зачем тебе, чистокровному эндеральцу, раскошелиться на меня, полускарагга?

— Мне просто нравятся хорошие люди. Приятные и в чём-то... раскованные, — немного смущённо улыбнулся, отвечая на вопрос.

— Что ж. Интересный ты человек, хоть и немного дурной. Вот что для тебя так сильно значит родина, что ты за неё зубами цепляешься? Что сделал для тебя этот долбаный Орден?

— Лишари, родина для меня много значит. Тут родился я, мои родители. Тут жили твои предки, твоя культура и народ. Это та земля, которая по праву принадлежит тебе... тут люди, с которыми ты связан больше, чем знакомством. Связан кровью. Само присутствие на родной земле придаёт сил.

— Не мои!

— Я имел в виду немного другое.

— Поняла. Ох ладно, у каждого свои тараканы в голове, ничего тут не отнять. Скажи, а ты на какой магии специализируешься?

— Я? Мне предпочтительнее магия света. Не энтропия, не псионика, не элементализм и ментализм, — ответив, я посмотрел на свою руку, где стали мерцать пучки тёплого света. — Мне всегда нравилось лечить, а не калечить. Да и магия света напоминает мне о том, что множество язв можно побороть и развеять темноту в душе.

— Ты что, темноты боишься?

Я немного припустил голову, тяжело подтянув к себе бокал с бренди и коснулся губами к его краю. Посмотрев в скосые глаза Лишари, в которых вижу что-то таинственное, завораживающие, отвечаю:

— Это было во время посвящения. Зелье, которое мне дали... в общем я оказался в полной крошечной тьме, моё сознание оказалось зажато в каком-то месте. Мне нужно было найти способ покинуть то место... холодное, полностью лишённое света, — мой голос задрожал; мне трудно вспоминать произошедшее. — Я не знал, что делать, меня накрыла паника. Обычные заклинания призыва света не работали. В общем, выдавив всю психическую энергию, я смог развеять тьму и найти выход из этого безумия. С тех пор, мне трудно находится в крошечной тьме, — тяжело произнёс я и приговорил ещё один бокал бренди, чтобы успокоиться.

— Понятно. Ещё одно подтверждение всей тупости обрядов Ордена, — привычно возмутилась на любые для неё «несуразные» действия. — Ты же мог погибнуть тогда. Чтоб эти долбанные посвящения и инициации.

— Понимаю тебя Лишари. Понимаю... но мне тогда пришлось его пройти, чтобы стать хранителем. Ладно, что было, то было. Кстати, спасибо тебе за зачарование и... кусочек сигила. Ты уберегла меня от Красного безумия.

— Да не за что, лишь бы воюющих с Неримом было побольше. Кстати, Велисарий, как ты с ним познакомился? Как сдружился? И почему так его поддерживаешь?

— Когда Арантеаль пришёл с вами, то часть хранителей тут же стала требовать от него действий по укреплению Арка. И громче всех звучал голос Велисария, — снова наливаю в бокал бренди. — Я его узнал после испытания, мы с ним вместе выдвигались на те происшествия, которые позволял Орден. Он был ревнителем до порядка, возможно дальше больше чем, Тручесса, и часть хранителей встала на его сторону. А потом... ты знаешь, мы рассорились и разошлись. Мы всего лишь хотели, чтобы Арантеаль больше обращал внимание на землю, чтобы оторвался от... грёз.

— Которые как оказалось совсем не грёзы! — громко заявила Лишари.

— Понимаю, — усмешка слетела с моих губ. — Ты переубедила меня. Скажи, что ты будешь делать, когда всё кончится?

— Ещё не знаю. У меня лежит куча пирийских текстов и артефактов, целая гора информации, которую нужно очень быстро переработать. Знаешь, когда всё кончится, мы хорошо наберёмся в таверне.

Мы ещё долго сидели и живо общались, медленно, бокал за бокалом опустошая полуторалитровую бутылку бренди. Я рассказывал об Эндерале и его истории, о том, как он терял территория за территорией, а Лишари иногда посвящала меня в своё детство и особенности пирийской цивилизации. Не знаю, но с каждой минутой общения, с текучим звучанием её голоса, с каждым маленьким откровением, казалось, что этот человек мне становится ближе. В конце концов, сильно приняв и осмелев, задаю вопрос, который созвучен с тревожным биением сердца:

— Лишари, ты не хочешь завтра вечером прогуляться? Велисарий, — я слегка пригнулся, — планирует встречу с внегородскими магами днём, — я убрал слово «дикие», чтобы не обидеть Лишари. — Что ты об этом думаешь?

— Не знаю, стоит ли, Фриджидиэн...

Внезапно наш диалог прервал светловолосый великорослый мужик в тёмном тканевом пальто, который заголосил, ткнув пальцем на Лишари:

— Среди нас дикарь из диких магов! Ведьма!

— Заткнись! — резко встал со стула я, практически уткнувшись носом в его грудь. — Нашёлся тут, правдоруб. Высокородный.

— Шо, да ты мне тут указывать будешь? — с силой меня пихнул мужик, да так, что едва не сел обратно на стул; немного пьяный, я всё ещё могу себя контролировать, но вот Лишари готова порвать этого человека:

— Ах ты свинья укоромленная! — на кончиках пальцев девушки заплясали зелёные искорки. — Да я тебя по стенам размажу.

— Вот он, дикий маг во всей своей красе! Люди, да в старые времена распяли бы эту, — закричал оскорблениями мужчина.

Какая же это бредятина — считать всех тех, кто не прошёл «хождение по воде», изгоями. Только за то, что они не хотели стоять на учёте у Святого ордена и проходить испытание, а ещё учитывая, что Лишари — неримка, то это только хуже — большинство эндеральцев не особо любят пришлых.

— Стой, — хватаю я её за запястье. — Не нужно.

Вместо магии можно использовать технологию. Я цепляюсь за рукоять устройства и достаю его. Пока шёл из Храма успел его перезарядить, да ещё и пороха положил по больше... и выставив его у уха мужика, тяну за крючок. Громоподобный звук разнёсся по таверне, заставивший вздрогнуть каждого, а сам агрессор теперь валяется на полу, с прижжённым ухом, держась за него и испытывая мучения от оглушительного писка.

— Ох, чувствую влетит мне от Арантеаля за это.

— Но теперь, я согласна с тобой прогуляться, — легко улыбнувшись, ответила Лишари. — Давай через три дня, когда я закончу с работами.

Глава 7. Совет сильных земли сей

Глава 7. Совет сильных земли сей

«Когда страна отступит от закона, тогда много в ней начальников; а при разумном и знающем муже она долговечна»

— Из книги Предание.

Спустя три дня. Арк.

— Почему нас не впустили в Храм солнца? — фыркнул я, созерцая не прекрасные мраморно-белые стены вершинной твердыни, а серые, понурые стены замка Злотоброд.

То, что я увидел здесь, поразило меня. Замок на юге Солнечного берега стал не просто базой для Велисария и местом планирования его операций, а целой крепостью, в которой собирается новая армия. Всюду поставлены стойки с оружием, сверкающие начищенными клинками и копьями, народ тренируется под неусыпным взглядом инструкторов, на стенах и башнях несут службу команды лучников и арбалетчиков, а немногочисленные маги-элементалисты готовы поддержать их волной огня, льда или тока.

Рядом стоящий со мной Велисарий молчит, осматривая внимательно залу для приёмов. Я смотрю по бокам и с радостью встречаю декоративные лианы и зелёные насаждения. У стола, покрытого жемчужного цвета скатертью и уставленного графинами с вином, собрались все те, кого удалось собрать... все, кто может вступить в бой с Неримом и спасти родину, если они сумеют объединиться, откинув противоречия.

— Потому что Теалор Арантеаль столь трепетно относится к своему Светочу, — пояснил Велисарий, смотря на то, как через распахнутую дверь входит высокий мужчина, его тело защищено блестящим ртутно-золотистым атлетическим панцирем; седой волос борода и головы придавал немного к шарму, короткий рдяный атласный шарф вторил широком внушительному плащу.

Мой командир выглядит не менее величественно — на нём панцирь цвета слоновой кости, на груди которого величественно сияет двуглавый орёл, окутанный лиловым мерцающим плащом. Лицо же отражает холод, не ледяное безразличие, а сосредоточение и готовность решить любые проблемы.

Велисарий и Арантеаль — как две противоположности одного мира, как два брата, которые максимально не похожи. У каждого из них столь разные задачи, но цель одна — спасти этот гибнущий мир.

— Малой, — дёрнул меня за плечо Конан. — Нас эти святошки к себе не пригласили, потому что это всё равно, что в доме курильщиков понатыкать всюду бочки с порохом. Рвануть может.

— Понимаю, — прохриплю я, взирая на то, как мужчина в синей мантии, со шкурой волка у воротника, давящей на плечи кольчуги, занимает своё место.

Тут собрались самые сильные представители этого маленького разрозненного континента. Находясь под властью Святого ордена, он был величественен и могущественен, но сейчас его поразила страшная хандра — на севере позиции Арантеаля были отброшены дикими магами и горцами, аристократия не желает его слушать, Дюнное практически вышло из-под контроля центральной власти, а леса, поля и дороги взяты под контроль бандитами и кочевниками... о Подгороде я вообще молчу. Я искренне надеюсь, что сегодня мы сможем договориться о мире, сможем сымитировать хотя бы призрак единства, чтобы

отразить и нападение Коарека и уберечь от смерти обычных людей. Хоть на немного. И Велисарий, как только смог со всеми связаться, как только ему удалось посадить всех кого можно за стол переговоров, не медля созвал это собрание, чтобы не затягивать с обороной.

«Ты дурак, раз веришь, что эти дебилы из власти смогут договориться. У них либо золото, либо книжка, либо дерьмо вместо мозгов. Не надейся на добрый исход», — предупредила меня Лишари сегодня утром, когда я уходил из Арка. Ох, странное чувство мне открылось — без её присутствия мне странно грустно, словно я что-то утратил... нечто важное для моего сердца. Впрочем, мы готовы вести переговоры, о чём сказал сам Велисарий:

— Достопочтенные мессеры, я прошу вас занимать места. Мы начинаем.

Все стали рассаживаться. Повисла немного напряжённая обстановка, рождённая взаимным недоверием — года обирания и грабежей, резкое различие в богатствах и идеях — вот что камень преткновения. Чтобы не вспыхнула искра, чтобы лихое сердце не воззвало к стали — в зале нет ни ножей, не вилок, оружие только у Храмовников, несущих невидимую службу в тёмных углах.

Сел я рядом с тронном Велисария. Мой взгляд внимательно всматривается в напряжённые лица собравшихся. Я тут только для ведения протокола собрания, неважный слуга, а поэтому передо мной быстро появляется лист пергамента и перо.

Велисарий встал. По его броне растекся свет свечей, фонарей и большой хрустальной люстры над столом. Оглядев всех твёрдым взглядом, он чуть кашлянул и открыл заседание совета голосом крепким:

— Прежде чем мы начнём, я бы хотел проверить наличие представителей, заявленных для участия, — Велисарий взял список. — Начнём. Теалор Арантеаль от Святого ордена,

— Я здесь, — ответил мужчина, потирая шарф.

— Даль'Гоус от Аристократии Арка.

— Благородные здесь, — подтвердил своё присутствие черноволосый мужчина, на котором сверкает камнями чёрно-белый камзол, его голову отягощает шаперон, а пальцы поблёскивают золотыми кольцами.

— Шапур Алами от Дюнного.

— Сыны вечного огня пустыни здесь, — тихим голосом представил себя смуглый мужчина, укутанный в золотой кафтан с тюрбаном.

— Свяослав от Речного.

— Затворники лесов юга пришли глаголать, — грубой звонкостью речью явил себя бородатый мужик в алом тканевом кафтане, под которым виднеется вычурная рубаха, а на у рук на столе покоится меховая шапка.

— Корван от Лиги Диких магов и горцев севера.

— Север верен клятве присутствия, — таинственно-безветрино произнёс парень с длинным чёрным волосом, решивший для одежды выбрать серебристо-чёрные свободные одежды, подпоясанные широким поясом.

— Кульканн от Северопустынного каганата.

— Наши луки и сабли внимают твоему слову, — громко объявил воин, укутанный в роскошную просторную одежду бежево-белой расцветки, с золочёной шапкой из козьего меха на голове.

— Жиро от Борека.

— Не посрами сегодня наших полей своими идеями, — грузно проговорил пузатый

крупный мужчина, сверкающий парчовым дуплетом, сильно воспаряющим на животе.

— Конан от Солнечного берега.

— Говори и пусть слова твои будут слаще мёда!

— Брат «Гнев» от Подгорода.

— Подгород будет внимать и говорить сегодня, — вымолвил лысый мужчина, окутанный покрывалом таинственности, защищённый тёмно-фиолетовая куртка над кольчужной рубашкой.

— Хорошо, — завершил перечисление Велисарий и положил лист. — Теперь можно перейти к делу.

Все глаза уставились на Велисария, и я не могу не заметить повисшего тяжёлого напряжения. Он понимает важность сегодняшнего момента, что от его слов, и его действий многое зависит... жизнь целой страны. Он выполнил нелёгкую задачу — собрал вечно враждующий люд здесь, теперь стоит ещё более сложная цель — попытаться заставить их работать вместе.

Я кладу руку на кусок ткани в кармане и вынимаю его. Трясущейся рукой я утираю пот со лба и лица, но его нет. Только прохладная побледневшая кожа выдаёт моё дикое волнение.

— Сегодня, здесь нам удалось собраться, — начал Велисарий, — я рад видеть здесь всех, искренне сердечно признаю, что без участия каждого из вас, нам не удастся победить. Это беспрецедентный совет, такого наша история ещё не знала.

Я заметил, что голос Велисария дрожит, его ладони стали мраморными, лицо утратило былую живость. Мне тоже не по себе от одной мысли, что будет, если мы провалим сегодняшнюю миссию.

— Все мы знаем, против кого нам предстоит встретиться, — Велисарий нервно кинул на стол целую кипу пергаментов и листов. — Тут и отчёт нашей разведчицы, и несколько рапортов разведки Святого ордена, агентов Дюнного и даже торговцев, работающих на аристократов. И даже пара писем, заверенные печатью самого Андреаса Гринхарата, герцога остианландского и...

— Я знаю его, — заговорил Даль'Гоус и поморщил лицо, посмотрев на Конана. — Это наместник Управы. Неужто неримлян предаёт Коарека?

— Он не идиот, — натужно продолжает Велисарий, сложив руки на груди. — Коарек преследует идеи очищения. Он идёт огнём и мечом принудить нас к «очищению». А что такое «очищение»... взгляните на руины пирийской цивилизации и обугленные трупы в них.

— К делу! — призвал Конан. — Давайте молвить о делах ратных.

— Соблюдайте этикет, — фыркнул аристократ. — Мы сюда пришли и встали рядом с вами, дышим одним воздухом с вами, чтобы Арк жил. Не испытывайте наше благородство.

Велисарий поднял руку, как только Конан собирался взорваться, но варвар подчинился Флаву. Видимо доверие Конана моему командиру столь сильно, что он сумел сдержать волну гнева.

— Нам предстоит встретиться с колоссальной наступательной армией, мессеры. И ведёт их фанатик. И она уже у нашего порога.

— Мы понимаем это, — тихо заговорил Даль'Гоус. — И наша лояльность общему делу оценивается в том, что представители аристократии будут вести армии. Если воевать, то только не рядом с чернью.

— Ах ты дрянь знатная! — закричал Конан. — Посадить бы тебя на перо, да скормить

бы потом рыбам.

— Вот чем мзду даёт Арк за верность своих сынов из Речного, — обиделся Свяослав. — Неладен будешь, дворянин.

— Дюнное не может мириться с таким положением дел. К тому же кочевники сильно разорили северные земли. И прежде чем мы сядем говорить, хотелось бы получить компенсацию, — намекнул на истинную цель своего визита дюнниец.

— А как нам было выжить? Аркчане нас прижали, их спесивые традиции заставили нас так поступить! — оправдывается Кульканн.

— Послушайте, нам этого хватило за годы Северной войны, — размахнул руками Корван. — Не думаю, что эта миссия будет успешна.

— Если так будет вестись дело, то думаю, что и Подгороду тут делать нечего.

— Ненадолго вас хватило, — покачал, прищипывая Арантеаль. — Все готовы похвататься за мечи от старых обид. Не далеко вы ушли от собственного эгоизма.

— А ты сам-то, за кого ратуешь? — спросил Свяослав Арантеаля. — Токмо честно глаголь.

— Я здесь для того, чтобы проследить за соглашениями. Они не должны противоречить законам Святого ордена, не должны и чинить вреда работами над Светочем.

— Ха, а этот вообще едениться не собирается! Так зачем мы здесь!?

Хрупкая надежда на то, что мы сегодня чего-то добьёмся стремительно рассеивается. Власть имущие не просто не готовы, они не желают ради страны, ради жизней сотней тысяч людей и аэтерна отринуть ссоры. Мне уже кажется, что мы сгинем в неримской тьме и мраке «очищения». Вот моё ухо слышит то, как Кульканн обвиняет дюнника в том, что они вырезали мирных кочевников и сердце пленяет боль. Глаз зреет, как Свяослав грозит кулаком аркчанам и Арантеалю, говоря, что он не отдаст вольностей Речного. Ха, а тот самый брат «Гнев» только с отстранённым видом выслушивает, что аристократ в ярких красках объясняет, только понуро мотает головой.

Все готовы передрасться, всех взорвали старые обиды и с каждой секундой могила Эндерала становится всё глубже. Это понимает и Велисарий. Его взгляд полон гнева и грусти, которая гроздьями вызрели в сердце, а как известно уста говорят от избытка его:

— Послушайте! — закричал Велисарий и вместе с тем сорвал в поясе металлическую трубку, палец придавил кусок стали и раздался оглушительный залп, мгновенно нос защищало от ароматов пороха, всех перебив, заставив их смолкнуть. — Люди Конана, дикие маги, ралаимы и кочевники пришли сюда, чтобы воевать за Эндерал, — пламенно начал Велисарий. — Они сотни лет умирали за лживые идеалы, за мятежницу из Подгорода, за восставших королей и против чёрных проповедников. Они лили кровь напрасно. Теперь есть шанс унять все обиды, забыть старые долги только потому что на нас наступают сорок тысяч! Даль'Гоус, Шапур, — неодобрительно озирнул их Велисарий, словно осуждая, — варвары, кочевники и дикие маги готовы умереть чтобы ваши дети жили, и жёны радовали вас своей красотой, а культура не сгинула! Конон, Корван, Кульканн, Свяослав и Брат «гнев» те, — осуждающий взор Велисария теперь сверлит их. — Те, кого вы презираете, те, кого вы готовы скинуть, те, кого вы готовы разорвать, готовы здесь и сейчас отступить от вековой вражды, чтобы своей кровью, своими телами вас защищали. Их меч и ятаган готов закрыть вас от западного палаша.

— Но ведь они убивали мирных и добрых граждан Арка.

— Они были преданы. Столетия притеснений, столетий их преследования! — не

унижается Велисарий. — Какие бы были сегодня вы, мессирь, если бы на вас и ваших детей устраивали бы облавы? А теперь у них есть цель, мы можем показать, что, благодаря им вы будете жить, а благодаря вам, их не постигнет гибель. Вы вместе будете лить кровь неримлян ради страны, ради общего дела!

— А ты сам что? — требует Свяослав. — Сам каких целей? Речи твои сладки как мёд, но сам-то ты какой идеи?

— Братья, — Велисарий вдохнул и выдохнул, в его взгляд вмещается весь совет, и в каждом из них он видит того, ради которого готов умереть. — Ради моей земли я ушёл из Ордена, отказался от положения и власти! Вы видите в каком великом бедствии находится государство Эндеральское — наша земля разорена. Все мы понимаем, что может стать с нами — мы обратимся рабами неримлян, либо вовсе сгинем.

— И как же ты это сладишь, — не унижается Свяослав. — У нас нет ничего!

— Да, всякий может сказать — что мы можем сделать без единого войска, без воеводы способного? Но я думаю так — я готов продать всё, что у меня есть — имение, драгоценности, древние книги. Готов отдать всё, на пользу стране и лучше умереть в нищете, чем Эндерал погибнет от рук заморских псов. Не отдам только меча, который мне понадобится, чтобы разить неримлян, — эти слова заставили меня продрогнуть — сие речи принадлежат радетелю земли родной, я вижу похожие эмоции и у собравшихся, зрю решимость хоть ради слабого эфемерного союза на какое-то время преодолеть свою злобу. — И если мы всё намерение своё направим на спасение страны, если всю нашу ревность используем для славы страны, то сможем сначала отстоять независимость страны, а потом и сделать Эндерал великим.

Собравшиеся умолкли. Я по их глазам вижу, что впервые за долгое время они готовы прийти хоть к какому-то соглашению. Я снова берусь за платок и прикладываю ко лбу. Пот быстро впитался в ткань. Опустив глаза на пергамент, я вижу, что между строк легли капли солёной влаги. Неужто настолько сильно было волнение?

— Говори Велисарий, говори о своих планах и... мы выслушаем тебя, — подавленно произнёс аристократ.

— Я понимаю, что вы не готовы мириться с присутствием друг друга, но поймите, что иного выхода у нас просто нет, — Велисарий смолк, теперь, когда достигнуто какое-никакое молчание, можно перейти и к делу. — Сколько у нас в распоряжении воинов? Сколько нам удастся собрать со всей эндеральской земли?

— Что ж, я открою этот счёт, — начал аристократ. — Мы можем выставить на поле боя первый и второй наёмные полки по две тысячи каждый кольчужной пехоты при поддержке сотни латной кавалерии из благородных. Есть ещё «Зелёные знамёна» в две тысячи и три роты морской пехоты.

— Так же, стоит и востоку, — слово подхватил и Шапур. — Как мы объявляли — Тысяча придворного корпуса, три тысячи «наблюдателей», пять сотен кавалерии и три сотни во флоте «Независимость». Ещё пять тысяч из союзных племён на севере вместе с ополчением из Дюнного и Сереброграда.

— Речное может дать четыре тысячи мужиков Дружины, — продолжил Свяослав, допивая графин вина. — Одна тысяча из них конные.

— Под знамёнами севера будет не менее двух сотен чародеев ковен и четыре тысячи горцев, — соглашается с мыслью о сотрудничестве, Корван.

— Мои мужики выставят три тысячи отборных клинков, — даёт число Конан.

— Борец готов поделиться своим полком наёмной охраны на тысячу кольчуг, — покорно делиться информацией Жиро.

— Вас поддержат пять тысяч луков! — яро подтвердил участие Каганата Кульканн.

Остался только некий Брат «Гнев». Я пристально взираю на него, он кажется погрузился в свои мысли и углубился в осознание всей этой ситуации, либо она ему просто не интересна, и он здесь, чтобы выполнить приказ. «Давай же, пророни хоть слово!» и на моё не оглашённое требование даёт утвердительный:

— Две с половиной тысячи воинов Ралаты готовы принять участие в вашей компании.

— Хорошо, подхватывает информацию Велисарий, — мужчина заключил подбородок в ладони, став мыслить. — Тридцать шесть тысяч воинов, из разных армий. Вы знаете, кто против нас идёт. Два корпуса, общей численностью в сорок тысяч человек. Это испытанная в тридцатилетней войне армия, её командиры вымуштровали её до смертоносного механизма. Их не получится ни запугать, ни подкупить. Придётся сражаться до последней капли крови.

— И что же ты предлагаешь? — настаивает на скором ответе аристократ. — Отдать всех воинов под командование тебе?

— Нет, — резко отверг предложенное Велисарий, мой командир проницателен и понимает, что в прямом боестолкновении такое войско просто рассыплется и защищать стране будет просто некому. — Нам нужны чёткие действия, скоординированные и способные нанести максимальный вред противнику.

— И с чего ты предлагаешь начать, сын запада? — аккуратно спросил Шапур.

— Начнём с самого важного — экономики, — Велисарий положил ещё пару бумаг, среди которых я узнал недавно заключённый договор. — Да благослови Единый банки и держателей капитала — нам удалось взять под ссуду в триста тысяч медяков, ещё двести даст развитие предприятий. Представитель производств и мануфактур страны уже принимает массовые заказы на броню, оружие, зелья и свитки, — Велисарий показал на карту страны рядом с собой, осеняя все опустошённые земли. — так же мы договорились о восстановлении ряда поселений. Также на эти деньги ещё будут взяты наёмники, которыми мы насытим армию Борека и Речного.

— Скажи, в чём смысл этих мероприятий. Не проще ли выступить коалиционным войском и раз на раз его разбить?

— Мессир Даль'Гоус, я предлагаю восстановить ряд регионов, чтобы повысить устойчивость армии от её снабжения, — Велисарий быстро метнулся к карте и показал на Дозор Трёх рек, переведя руку по Солнечному Берегу и уходя в Дюнное. — Здесь мы поставим первую линию производств на месте старых. Они будут прикрыты совместными охранными подразделениями, — Далее его рука перемещалась в глубь страны, указывая на Арк, жизненные пространства Порохой пустыни и Фермерский берег. — Сюда же мы сможем переместить вторичные производственные мощности, чтобы они нас оттуда питали всем необходимым. Нам нужно отвести их в глубь страны, и расширить

— Ладен будешь, — в разговор вступил Свяослав, дотянувшийся до ещё одного графина с вином. — Но что с ратями?

— В Златоброе я предлагаю сформировать базу для планирования операций. Отсюда мы станем направлять и координировать все наши действия. А ваши представители, достопочтенные мессеры, сформируют Оборонный Совет Эндерала, — Велисарий с лёгким оттенком улыбки простёр руку в сторону шкафа по правую сторону, полностью забитого кручёной бумагой, пропитанной магией. — Благо свитков телепортации у нас достаточно.

Так же, я предлагаю вам из ваших войск направить мне одну пятую, для формирования единого войска. Первая сводная армия «Эндерал» станет главным элементом наступательно-оборонительных операций.

— И что ты хочешь этим добиться? — спросил Даль'Гоус, наливая вино.

— Наша главная задача — не дать Коареку нанести максимальный ущерб с первых его атак, остановить продвижение, а в нужный момент нанести критический удар и рассеять его армию, — Велисарий показал на карту, обведя Солнечный берег и «столицу» фермеров. — Несомненно он попытается лишить нас провианта, сжигая эти регионы. На севере, — Велисарий показал на всю область гор Фростклифф, — противник попытается сформировать базы на планирования наступательных операций. Там нам понадобится всё мужество горцев и чародеев, чтобы не дать Коареку это сделать.

— А что касается единой армии, — с подозрением спрашивает Жиро. — А с ней что?

— Так же, с разрешения Оборонного Совета Эндерала я бы хотел, чтобы часть ваших войск сформировала воинство под моим личным командованием, — Велисарий немного призадумался, я же заметил, что его кожа приобрела отчасти прежний румянец. — Ваши подразделения сыграют роль в войне на местах и обороне ключевых позиций. А сводная армия должна стать тем ресурсом, который всегда сможет выдвинуться по первому приказу, оперативно и быстро.

— Оборонный Совет Эндерала! — бахвально воскликнул Арантеаль. — Удивительно. И всё это не под контролем Святого ордена!?

— Нет, мессир Арантеаль, — на этот раз голос Велисария потерял осторожность, его сменила горячность и осуждающий напор, а глаза, собравшихся впились в нарастающую борьбу. — Настоящим заверяю, что Оборонный Совет останется верен закону Эндерала. Мы не собираемся делать чего-либо против страны и её законов.

— И чем же по твоей задумке займётся это собрание? — встав, надменно спросил Арантеаль, его руки сложились на груди, а взгляд едва ли не сочтется презрением к собравшимся. — Кажется мне, что вас ведёт только эгоизм.

— По моей задумке, — с возбуждением зазвучала речь Велисария. — Оборонный Совет Эндерала занимается только обороной и восстановлением страны. Завтра к нам придут представители Банка и производств, чтобы вместе думать над проблемами, которые не были решены Святым орденом.

— Потому что Святой орден проливал кровь в войне с нечестью. Он бесконечные годы сдерживал такие угрозы, о которых вы не способны догадаться.

«Да, конечно... Натара, которая занималась лишь своими проблемами, да ты, незнамо почему сгинувший на несколько лет. А может на Кире, где хранители предавались пирам, а когда против вас восстали повстанцы, ничего не смогли сделать. А здесь... вы всё упустили», — со злобой в сердце родилась у меня мысль.

— Всё просто — мы не лезем в дела друг друга. Наша цель — только благо страны, которого можно достичь общим делом, — спокойно говорит Велисарий.

— Пора бы и мне сказать, — уже серьёзно вмешался Арантеаль. — Я понимаю, что Велисарий желает лучшего, блага для Эндерала, но боюсь, что он замкнут только на малых интересах. Я же хочу сказать о спасении мира.

— Теалор, — парирует Велисарий. — Ты предлагаешь людям позабыть про свои дома и семьи и бороться с... «очищением», забыв про Коарека? — Велисарий слегка поморщил лицо. — Но пойми, если Коарек несёт идею того самого «очищения», то наш долг его

остановить. Его поражение — вклад в твоё дело, Арантеаль.

— Это хорошо, но я предлагаю все ресурсы, которые вы можете предоставить. Нужно укрепить Арк, нужно снабдить экспедиции Святого ордена людьми и припасами. Нужно все умы направить на решение проблемы «очищения» в корне, — Арантеаль осмотрел всех тяжёлым взглядом, перейдя к давлению. — Помогать нам ваш долг, ваша законная обязанность, от которой вы не можете отказаться. Я, как правитель Эндерала и глашатай Мальфаса и всего божественного совета в Эндерале призываю вас, заклинаю законом — вы дадите Святому ордену всё, для его работы.

Арантеаль остановился. По его взгляду видно, что он понял — слишком перегнул с речью, давление на этих мужей ничем хорошим не сулило, а поэтому он перешёл к более продуманной речи:

— Вы можете победить марионетку «очищения», вы можете разбить его армии, но непременно найдутся другие. Да и оно рано или поздно наступит. Так подумайте — есть ли смысл сегодня лить кровь, если завтра вы сгорите?

— Тише-тише, — поднял руку аристократ. — Уважаемый мессир, я бы попросил вас при всём вашем положении, подбирать слова. Теалор Арантеаль, все мы чтим Святой орден, мы служим ему, но не забывайте, что там служат наши сыны и дочери. Без крови благородных семей не было бы вашего Ордена! — голос говорившего стал глубже. — И что же мы получили взамен? Разорённые земли.

— Я предлагаю спасти мир! — Арантеаль широко развёл руками. — Подумайте о миллионах людей во всём мире! Неужто ваши привилегии, куски земли и богатства будут стоить дороже... мира?

— Арантеаль, — слово зазвучало от моего командира. — Мы тоже желаем, чтобы Вин не был сожжён, но как мы ему сможем помочь, если падём от неримских мечей?

— Велисарий, я дал тебе право использовать приемлемые ресурсы, но сейчас ты хочешь поставить весь Эндерал на службу себе. Я не дам этого сделать, ибо у нас есть угрозы куда важнее. И мы хотим их решить.

— Полно-полно, — потрясывает ладонью Даль'Гоус. — Мы слышали, что хотели.

— В таком случае, все три полка аркской армии, хранители, наша артиллерия и стрелки останутся в Арке. Мы займёмся нашими проблемами, — Арантеаль резко обернулся, за ним и рванул багряный плащ, массивным куском ткани заевший край стола, по зале рассыпался перезвон разбившегося графина, вино подобно крови хлынуло на пол, словно обозначив восторжествовавший дух вражды между Святым орденом и Оборонным Советом Эндерала, а его уход обозначили громкие, полные надменности слова. — Только я могу вас привести к свету!

Тишина, гробовая тишь встала между нами, когда Арантеаль переступил порог цитадели. Все молчат, понимая, что они невольно стали сторонами противостояния, причём на этот раз не с заморскими захватчиками, а с самим Святым орденом. Всем, кто тут ещё стоит, надоело терпеть железную пяту хранителей у себя на горле, они пресыщены засильем «Большого брата», и теперь просто не желают его больше слушать. Интересно, пока я писал строки в протоколе, меня посетила мысль, что всех прельщает мысль несколько о том, что они разобьют неримлян, а о том, что они с помощью этого объединения смогут урвать ещё больше выгод и вольностей.

— Что ж, теперь всё предельно ясно, — встал для речи Даль'Гоус. — С одной стороны нас ждёт меч неримлян и их... «очистительный» поход, а с другой — Святой орден с

пылающим гневом магистром.

— Согласен, — поддержал аркчанина дюнниец. — уж лучше десятерым волкам вместе против двух львов, чем по одиночке и уповать на милость сытого.

— Лучше слов не слышал, — продолжил Жиро.

Остальные так же заявили, что придерживаются этой мысли. «Ха, вот в чём теперь ваш интерес. Если не против Нерима, так против Святого ордена» — я понял, что ведёт теперь собравшихся. Оборонный Совет Эндерала теперь орган консолидации, то, что сможет спасти их от гнева Арантеаля, то, что уберёжёт их от кары Святого ордена, ибо против всех вместе Теалор не обратит огонь, ибо тогда весь Эндерал восстанет.

— Велисарий, — тихо, едва ли не сдавленным шёпотом обратился Брат «гнев», — у тебя есть конкретные шаги, а не только слова?

— Мы заключим оборонный договор, — твёрдо стал отвечать Велисарий, блеск его доспеха внезапно стал слепить мне глаза, когда он чуть развернулся и отразил сияние факелов, — где пропишем всё — от полномочий Оборонного совета, до целей каждого из нас, — Велисарий показал на карту, обводя линию берега. — Сейчас я же предлагаю нам сформировать первые отряды. Нам нужны передовые подразделения, которые встретили бы противника на берегу. А потом станем вести более глобальные операции.

Все притихли, внимая слову Велисария. Я же чувствую за его речью силу, он смог убедить присутствующих в своей правоте, и в этом многое сыграла слепота Арантеаля. В конце концов, маразм старика привёл бы к этому.

— Далее, я уже направил деньги на восстановление Пенвилля, ряда ферм на Солнечном берегу и пары поселений в Дюнном. Вам нужно будет направить свои войска для лучшего контроля.

Велисарий приостановился, когда встал Даль'Гоус.

— Тогда наши кубки поднимем за это! — резко возгласил аристократ. — За образование Оборонного совета Эндерала. И храни Консула сего Совета!

Глава 8. С трепещущим сердцем

Глава 8. С трепещущим сердцем

*«Когда волны обнимают побережье,
С ревом разбиваясь о скалистый берег,
Я снова вспоминаю, что давно забыто,
Мечты о дальних, чуждых нам мирах»*

— Из книги «Книга поэзии».

Вечер следующих сумерек. У Арка.

Солнце уже прикоснулось до линии горизонта и медленно опускается за заокраинный запад, даруя последние лучики света городу. Мой путь лежит в сторону одинокой башни на подступах к величественному городу — столице всего Эндерала. На этот раз, чтобы выйти прогуляться я выбрал наряд посерьёзнее — рубашка из шёлка чёрного цвета, дорогие брюки и ботинки, начищенные до блеска, а на поясе у меня покоится изобретение Гаспара. Поворачиваюсь назад и вижу монументальное воплощение искусства древних строителей — высоко на самой вершине горы стоит Храм солнца, а его поддерживает статуя Мальфаса, чтобы он не обрушился на головы горожан. Как сказано в «Пути», эта статуя — благословение Рождённого светом. Когда первые люди прибыли на Эндерал, пройдя все испытания, они стали обживать тут и на вершине горы возводили монументальный храм. Он показался многим неустойчивым, способным обломать край скалы упасть на головы людей и народ возроптав, стал селиться как можно дальше, устраивая фермы. Но в одну прекрасную ночь у крутого склона возникла статуя, поддерживающая Храм, а люд, не убоавшийся строительства стал носить почётную приставку «Даль» в фамилиях, что ныне связывает человека с аристократией. Стоя в заливе град так же приобрёл удивительную возможность и обзавестись небольшим портом, куда приходят редкие корабли. Подле скалы раскинулись кварталы, разделённые друг от друга стенами, и каждый с присущей ему характеристикой. В бараках расположился штаб стражи, в квартале чужеземцев принимают путников, знать решили загнать живописное место, что выше всех, подчеркнув своё превосходство. Южный квартал — обычное место жительства горожан. А есть ещё и Подгород — подземные пещеры и целое бедняцкое прогнившее поселение, разросшееся на несколько километров и уходящее в глубины.

Продолжая идти к месту встречи думаю о судьбах этого региона, наслаждаясь вечерней прохладой и томным вечерним светом. Арк... величественный город, а Эндерал — земля благородных людей, которую терзают войны, конфликты и безумие хворей. Но кажется, что этому приходит конец. Мой господин — Велисарий, фанатично чтущий безопасность своего отечества, решил сыграть в тайне от глаз Арантеаля. Пока великий магистр разбирается с угрозой цикла, Велисарий впитал учение из Предания — «нет перед Творцом ни эндеральца, ни скарагга, ни аэтарена, ни чистых, ни диких, ибо пред ликом Его все равны», и решил, что во спасение континента можно объединиться с теми, кого честной народ Арка готов был бы растерзать. Передав нам зашифрованное послание, сегодня утром мы выдвинулись на встречу, которую один из храмовников по тайному распоряжению подготовил ранее. Я улыбнулся, мне стало немного смешно от того, что хранители, которых приставил великий магистр, настолько плохо выполняют свою работу. Что ж, неудивительно тогда, что Эндерал

в таком запустении. Утром мы пришли на север, дальше к горам и как можно отдалённое от таверны Морозный утёс, дабы было меньше свидетелей. Пред нами были люди — в элегантных серо-синих одеждах, с выделанными кожаными перчатками — три представителя ковенных диких магов, которые готовы были к сотрудничеству. Во истину — ранее сказанное слово на Совете они намеревались выполнить. Велисарий после Совета обещал им деньги, признание и почёт, когда всё закончится, гарантировал возможность влиться в эндеральское общество или хотя бы не быть гонимыми. А так же он пообещал им толику магических знаний из Храма, которые можно было предоставить, чтобы не допустить хаоса. Их эта перспектива впечатлила — они приняли решение время от времени помогать Велисарии и участвовать в его планах за медяки и своё будущее. И с того момента Оборонный совет Эндерала стал ещё сильнее — в его силах теперь оказались горцы и маги, готовые сражаться не только за свою землю, но за весь Эндерал.

Я, посмотрев на слабо горящий фонарь на столбе у моста, задумался. Создание Совета, где собрались все те, у кого водится много денег и спустя день явилось на свет собрание властных, поддержка бандитов на Солнечном берегу, которые как несколько дней уже трудятся на благо Эндерала, подкуп мародёров-кочевников в Пустыне, где они предоставили доступ к шахтам, откуда рекой потёк порох в Арк, а теперь и тайное соглашение с дикими магами. Я понимаю, что он собирает все доступные силы перед войной, но неужто у нас не осталось верных сынов и дочерей, благородных честных людей, что мы призываем бывших преступников на службу? Это как Эндерал нужно было довести, чтобы на его стражу становились разбойники и отступники? Что ж, несмотря на то, что я знаю Велисария как открытого и доброго командира, его замысел для меня — тайна.

Да и в Арке сделано не мало. Благодаря его усилиям четверть стражи смогла перевооружиться, сформировано четыре отдельных артиллерийских подразделений с комплектацией в полсотни снарядов на каждую пушку, запасники Арка пополняются вооружением и припасами, а возле города ходят усиленные патрули.

Что ж, будем надеяться, что этого хватит для отражения агрессии со стороны Нерима. Меня сейчас волнует немного другое. Я медленно прохожу к месту встречи о котором мы договорились ранее с Лишари — к одинокой башне на бугре. Уже вечер и становится трудно разглядеть, но вижу её очертание и силуэт — она стоит возле укрепления и озирается по сторонам. Мне отрадно видеть, что она приняла приглашение и пришла, что-то волнительно дрогнуло в области сердца. Я поднимаю руку в приветствии и с приободрённо говорю, мягко ступая по короткой зелёной траве:

— Привет, Лишари. Рад, что ты согласилась пройтись.

— Здравствуй, — слышится её немного грубоватый голос. — На этот раз ты мне не приволок ничего из пирийских побрякушек или текстов? — спросила девушка, потирая кольцо, которое я ей раньше подарил. — Или всё кончилось?

— Да пока не находил ничего нового, — после этих слов я встал возле неё, снова чувствуя слабый аромат приятных духов; подняв руку, указал на дорогу. — Ладно, пойдём, пройдемся.

— Почему именно это место? Не городские прелести, не квартал богатеев, не таверна?

— Тут спокойно... тихо, — отвечаю на выдохе. — Слишком много дел в последнее время. Суета и какое-то беспокойство..., - осмотрелся, приятно видеть вокруг умиротворённые картины природы, вечерняя тишина приводит меня в чувство покоя, а присутствие Лишари, человека которые по неведомому наваждению стал чуть близок, ещё

сильнее отгоняет от меня мрак тревоги. — Я думаю, всем нам нужна безмятежность в последнее время.

— Ты чём-то прав, мой друг. Работа с пирийскими текстами, нервозность этих чудаков религиозных, да и новая неримская угроза. Всё это сильно давит на нервы, — с лёгкой трепетом в речи проговорила Пегаст. — Знаешь, иногда даже бренди не помогает успокоиться.

— Расскажи, а что вы делали в Нериме? — решил поинтересоваться. — Я слышал, что ты состояла в ордене магов Наратзула.

— Нашей целью было свержение проклятого режима поклонения богам. Он боролся против зажавшихся засранцев, хотел показать людям, что они фальшивы и принести им свободу от тирании.

— Так это не то же самое, чем сейчас промышляет Коарек? Я не помню, может этот вопрос уже и звучал.

— Нет-нет, Коарек сражается за уничтожение любого инакомыслия. Он — фанатик, не лучше Рождённых Светом, а Наратзул сражался за самоопределение.

— Не смешно ли всё это?

— Что именно?

— Вы сражались против религии, он воюет против веры, но всё то о чём она говорит, оказалось правдой. Отчасти.

— Так, ты о чём? — смутилась Лишари.

— Я о тех самых Высших, — выдохнув ответил. — Это те, кто вроде как запускают цикл. Ты только послушай — существа духовного мира, которые порождаются общим подсознанием, и рождаются в момент вознесения душ. Вера в них не является ли подтверждением истин о загробии и сверхсуществах без плоти?

— Но в отличии от религиозных сказок — Высшие существуют.

— А где тут расходится ложь и истина? Ты сама видишь, что они подтверждают что-то из размышлений, рождённых светом.

— Но Коарек не болен обрядоверием и прочей чушью. Он просто с ними... как-то контактирует и общается. Тут не веры, есть только его большой расчёт. Этот на голову дурной нарцисс нас всех погубит только потому, что думает будто они реализуют его мечты, — я ощутил, что речь Лишари слегка пронизывалась гневом. — Если бы он не был таким фанатиком, я бы даже подумала — не пойти ли бы за ним.

— Ох.

— Ты понимаешь, мы пытаемся остановить конец света, а нашу работу называют бредом, дуростью. А не идиотизм ли отрицать «Очищение»?! — вспылила Лишари, пнув что-то под ногами. — Не маразм ли изо дня в день называть наш труд ненужным? Идиотичным?

— Ты о Тручессе? Да, она резка на слова. Помню как-то забыл пару слов из «Пути», так она заставила меня вычистить все доспехи до блеска в арсенале, а потом и три дня муштровала. Хотела, чтобы я наизусть зазубрил весь «Путь».

— Все книги? Да их же больше десятка.

— Да. Не самое приятное воспоминание. Но всё же я смирился с этим, хоть с тех пор и не особо люблю Тручессу. Пойми, у неё такой характер. Сейчас она может много говорить, но вряд ли что-то сделает с вашей работой.

— Да просто бесит, — девушка печально взглянула в сторону. — Эти религиозники

только и умеют, что вешать и жечь за инакомыслие.

— Ты подожди с ними. Рождённые светом хоть и мертвы, но всюду горит огонь войны, — усмехнулся я. — Вот блин дрянная ирония — если бы Рождённые светом были бы живы и Наратзул их не трогал, то и цикл мог бы не запуститься... или эти не знаю кто, может смогли бы поделиться знаниями, как его остановить, — повернул голову в сторону Лишари; её лицо оттенило смущение.

— Они превратили мир в тюрьму. Все должны были им поклоняться как богам, исполнять их требования, граничащие с сумасшествием. Поклониться кому? Магам, которые обрели бессмертие? — фраза за фразой её речь становилась всё более порывистая и напряжённая. — Или может нам стоило исполнить ту ... дурость? — «раскрасила» свою речь девушка нецензурщиной, что меня покорило. — По их приказам и во имя их сжигали людей как еретиков, часами молились магам и сотни, сотни ограничений.

— Хм, зато теперь народ режет себе подобных только за одно подозрение. Да, не спорю с тобой, что Рождённые Светом были тиранами и где-то перегибали палку, но всё же их правление, возможно, было меньшим злом. Ладно, теперь после их смерти мы оказались перед угрозой «очищения», да и Нерим лютует.

— Фриджиэн, — слегка посмеялась Лишари. — Наивный ты... не жил в Остиане, где сектанты и культисты превращали жизнь в ад, где они промывали сознание людей, делая из них фанатиков похлеще Коарека. Мой брат... он погиб выполняя один из приказов этих придурков.

— Сожалею, — мой голос стал тише. — Во всяком случае никто не искоренит религию... ибо есть ещё и квазирелигия.

— Чего? Что-то тебя понесло.

— Кто кому служит, тот тому и слуга, — с загадкой решил ответить, вдохнув свежего воздуха. — Сейчас поясню. Взять то же «безрелигиозничество» Коарека. Он вокруг негс возводит культ, призывает людей к этому, утверждая где истина, а всех инакомыслящих — под нож. Или идея «свободы». Каждый волен делать то, что ему хочется... но если в порыве этого «хочется» он окажется в плену заблуждений? Да, а нарушение этой «свободы» будет караться так же как и за ересь?

— Не понимаю тебя.

— Смотри, — собираясь с мыслями огляделся по сторонам. — Взять старика Огневспыха. Что будет, если перед ним вдруг откроется, что есть высшие силы, определяющие суть мира? Он, в порыве свободолюбия и возможно даже, заблуждений которые выстроил, сможет принять истину? Не думаю... скажи, а что было бы с человеком при Наратзуле, если бы кто-то вдруг встал на площади и воззвал к народу с требованием принять истину? Я готов поставить сотню медяков на то, что его бы уpekли в тюрьму, — между нами повисло небольшое молчание. — Каждый сам возводит идолов в своей голове... и пускай они на первый взгляд не кажутся богами, но человек поклоняется им, и готов за идею пойти на самый... отвратительный поступок.

Лишари молчит. Не знаю, обидели её мои слова или заставили задуматься, но она не открывает уст. Всё же, спустя пару мгновений от неё звучит осторожный вопрос:

— А ты сам? Веришь во что-нибудь? — неожиданно спросила девушка и на этот раз её голос был лишён всякого гнева.

— Да, — утвердительно отвечаю я. — Верю в то, что у этого мира был Творец. Исаил изучив Предание рассказывал, что Рождённые светом, или другие могущественные существа,

это посылаемые Им в каждой эре, периоде, посланцы, которые должны установить вечный порядок и приготовить мир для спасения. Но раз за разом люди воспринимают их как богов и сбиваются с истинного пути.

— Знаешь, в Остиане людей приносили в жертву то же во имя... одного бога.

— Нет, я верю не в такого «творца». С учётом того, что происходит в мире, он может быть только любовью, ибо если бы он ею не был, то и наше бытие прекратилось.

— Понятно, — то ли с обидой, то ли с разочарованием бросила Лишари. — Значит для тебя я просто атеистка, борющаяся с проявлением «добра» в мире.

— Нет, — отягощённо ответил я. — Ты для меня приятная девушка, для которой я готов обшарить любые пирийские руины.

— Ох, неожиданно, — обрадовалась Лишари и мне полегчало от того, что этот разговор её не обидел. — Я не думала, что это так.

— Ладно, может закончим этот разговор о религии?

— Хорошая идея, — поддержала она. — Ты не хотел бы переместиться в место... немного поживописнее этого? Я понимаю, что оно успокаивающе действует, но есть места куда по лучше. Так как?

— Куда?

— На западный берег. Идёт слух, что сейчас у замка Златобород всё стало спокойно. Что ты думаешь?

— Согласен.

— Тогда, — чародейка протянула руку. — Возьмись.

Я протянул ей свою ладонь и обхватил её пальцы, аккуратно, не сжимая. Она же тут же крепко заключила их в хватку и приложив уйму психических сил сотворила заклятье. Тут же мы вдвоём поднялись в воздух и потоки магической энергии пронзили наши тела, забирая их в путешествие.

Спустя мгновение мои ноги оказались на новой поверхности — мягком золотистом мокром песке. До ушей достиг приятный шум вечернего прибоя, перемежающийся с криком чаек и шелестом насыщенного влагой солоноватого ветра. А впереди изумительная картина заката — солнце, яркое и пылающее, медленно погружается за горизонт. По водам, что вдалеке, растекается плещущееся золото, море стало отражением огненных красок заката. В небесах облака стали нежно-розовыми, их изумительный окрас сочетается с холодными тонами угасающего неба. И где-то на востоке, откуда наступает ночь уже зажигаются первые звёзды.

— Как же тут прекрасно, — восхитилась Лишари и повернувшись в её сторону я заметил, как её каштановые волосы подхватил ветер, развивая их на игре порыва.

— Ты уже тут бывала?

— Один раз... видела его, когда мы прибыли сюда.

Мы вдвоём нашли небольшой камень на который можно присесть и отдохнуть от всего происходящего... странно, но по близости не одной твари или краба и у меня возникает вопрос — какой лютый деятель меча, лука или магии мог здесь всё вычистить? Мой вопрос, наверное, так и останется без ответа.

— Фриджидиэн, — улыбнулась Лишари. — Можно я буду называть тебя просто Фриджи? А то твоё имя... такое ощущение, что я общаюсь с чиновником или священником. «Мессир Фриджидиэн, не соблаговолите ли вы подписать документ», — сыронизировала дама.

— Хорошо, можешь так называть, — соглашаюсь я, присаживаясь рядом с ней. — А вообще, я люблю документы, работал с ними раньше в Святом ордене.

— Интересно, а какие тут документы? В стране, где всем заправляют религиозники разве может быть развитое право?

— Отчасти ты права, с законами тут туговато. Но есть ещё и постановления Святого ордена, внутренние акты Трибунала, приказы магистров, каноны первосвященника, и уйма договоров в банков, Золотым серпом и торговцами, — меня пробрала ухмылка. — Особенно договора интересны. Такого количества заморочек мало где можно встретить.

— И тебе реально это интересно? Даже больше чем магия и археология?

— Да, отчасти, но покопаться в древних строениях я тоже люблю. В том храме, на севере, были интересные вещицы, отчего мне теперь и интересны немного стали руины. Да, но больше всего мне нравится изучение законов.

— Ох, да ты книжник и законник.

Приятный прохладный ветер бьёт нам в лицо, последние лучи солнца падают на лик Лишари, еле-еле осветляя золотистым её немного смуглую кожу; да и мне в глаза попадает его свет и тепло.

— Фридж, ты всё же прав. Война в Нериме, война на Киле, цикл, хаос в Эндерале.. всем нам нужно немного покоя и тишины. Но заслуживает ли его этот говённый мир?

— В мире много хороших людей, — сложив руки на груди, тихо говорю я. — Может их не видно, из-за кучи подонков, но это так. Есть матери и отцы, заботящиеся о детях, есть добрые властители, есть верные солдаты, есть много хорошего в людях... только в глаза сильнее всего бросается плохое... оно заметнее всего.

— Может ты и прав, Фриджи. Но знаешь, я столько всего навидалась в этой жизни... столько всего. И думала, что орден магов Наратзула это проблеск света в этом мире, но всё пошло в треклятую бездну, — Лишари сердито сказала.

— Чем выше цели, грандиознее задуманное, тем больше соблазна использовать всё в своих, корыстных мотивах. Ты же понимаешь, что революции задумываются романтиками, а их результатами пользуются проходимцы, — я остановился, погрузив подошву ботинка в песок. — А хорошее. Кузнец, с любовью и усердием делающий броню, мать, воспитывающая день и ночь напролёт детей, учитель, отдающий себя полностью работе, воин с честью выполняющий свой долг и погибающий за родину — всего этого мы не замечаем, а оно есть. Да, порой кажется, что в этом мире нет ничего, кроме драмы и предательств, жестокости и похоти, но так ли это? Мне кажется, что нечто доброе, нечто истинное хорошее скрыто не в великих делах, а проявляется в мелочи, в быту. Нам не каждый день приходится это видеть, поэтому забываем.

— Скажи, вот зачем ты мне подарил это ожерелье и кольцо? — неожиданно спросила девушка, зажав в руках амулет с осколком сигила, который носит на себе. — Это тоже из добрых побуждений? Или какой-то расчёт?

— Кольцо пирийское, и я знаю, что тебе нравятся украшения этой сгинувшей цивилизации, а ожерелье... я вижу, что оно тебе просто идёт.

— Понятно, — Лишари всмотрелась вдаль, в самый горизонт, опершись подбородком на ладони, поставленные локтями к коленям. — А вот ваша кампания в Эндерале, это же побуждение к хорошему?

— Ты о чём? О Велисарии и его плане?

— Да.

— Наверное это так, — мельком взглянул на Лишари. — Если ты называешь добром спасение Арка и всего континента.

— Мне такие люди как он... не внушают доверия. Все они сначала — порядочные и желающие добра, а потом, как стукнет время каждый скидывает с себя маску, превращаясь из «отца» в деспота.

— Зря ты так. Велисарий — хороший командир. Я помню как-то мы попали в засаду бандитов, и всё, мне бы настал конец, но тут он ворвался в их ряды.

— Расскажи об этом подробнее.

— Мы тогда были послушниками и нас отправили в помощь страже на патруль. На медяковом тракте, дороги из Арка в Речное, на нас напало не менее двух десятков грязных оборванцев. Нас, трое послушников и пятеро стражников..., - мне стало слегка не по себе когда это вспомнил. — Я думал там и положат, но благо рядом проходил Велисарий, отправленный на одну миссию. Он сразу бросился в бой, поставив наши жизни выше долга. В итоге он смог их оттеснить — магией и клинком. Я благодарен ему за многое... не только за это.

— Ох, тогда в нём опыта должно быть, как у самого знаменитого и великого из хранителей — Лорама Водореза.

— Может так и есть. Он родился в Арке в небогатой семье, но смог пробиться... прямо как Йеро. Только один сошёл с ума, а второй всё ещё держится, — я решил быстро сменить тему, мне неохота вспомнить канувшего учителя. — Скажи, а как случилось, что такая прекрасная девушка как ты, сдружилась с Константином Огневспыхом?

— А что такое?

— Не могу поверить, чтобы рядом с этим стариком были вообще какие-то люди. Он тебя называется Лишуши, Джеспара — Йозеф, хранителей поносит на чём стоит мир, а если обратиться к нему, можно получить порцию оскорблений.

— Имена... да, он от старости уже не запоминает. Я вместе с ним состояла в ордене Наратзула, не более того. Да, у него такой, немного скверный характер.

— Немного? — удивился я ответом. — Да он нас называл мракобесами, Орден — преступной организацией душевнобольных.

— Ладно, — на мгновение девушка перестала говорить, посмотрев на меня. — А что там у тебя с темнотой? Справился?

— Нет... это слишком глубоко сидит в моей душе. До всего этого я не боялся темноты, но испытание, оно изменило меня. Понимаю, что это ненормально, но ничего не могу поделать.

— Знаю, что это. В детстве тоже боялась темноты. Когда охватывает страх, ты попробуй дышать неглубоко. Хотя, — девушка протянула ладонь. — Дай мне руку.

В ответ я сделал то, что она просила. Пальцы обхватили запястье и в плоть полилось лёгкое тепло, отозвавшееся в душе воздушностью и радостью.

— Одно заклятье. Я надеюсь оно немного ослабит твою... проблему.

— Спасибо, — говорю, отнимая руку. — Премного благодарю.

Снова между нами не звучит не единого слова, мы вдвоём смотрим на солнце, которое уже наполовину опустилось за горизонт. Всё больше звёзд начинают зажигаться на вечернем небосводе.

— Скажи, — я услышал, что голос Лишари немного дрогнул. — А у вас, у хранителей было разрешено иметь отношения? Ты когда-нибудь имел отношения?

Я не знаю, зачем Лишари это спрашивает, к чему ей это и почему она не узнала об этом раньше. Но всё же, чувствуя лёгкое волнение, отвечаю:

— До Святого ордена у меня никого не было. А потом... посты, молитвы и тактика чистого разума... сама понимаешь.

— Да. Вот ещё почему я считаю, почему вся эта «духовная» жизнь ордена — чистая муть, — возмутилась девушка. — Ведь нельзя делать, что хочешь, всё, что предаёт жизни вкус — запрещено. Разве отношения — это не хорошо... не приятно для тебя?

— Лишари, скажи, если можно делать, что хочешь, то почему светопыль, сильнейший наркотик под запретом? — осторожно я спросил. — Представь себе ситуацию, один хранитель пал в объятия тёмных сил, а его жена из Ордена всё ещё служит чести. Не станет ли для неё это тяжёлым выбором и душевной травмой? Лишари, пойми, запреты иногда установлены не просто так... что позволено королю, то не позволено крестьянину и наоборот.

— Понимаю, но для меня вся эта фигня — мутная и не понятна, — всё так же продолжает возмущаться Лишари.

Что ж, мне её недовольство понятно, и я не стану её переубеждать или спорить с ней... просто наслажусь временем, проведённым с ней.

— А ты сам не хотел бы найти кого-нибудь? — неожиданно спросила неримка и честно сказать от такого вопроса я вздрогнул, он прозвучал совершенно неожиданно для меня. — Ты сейчас не в Святом ордене... думал ли ты о том, чтобы найти кого-нибудь?

— Знаешь, мне трудно об этом говорить. Годы, проведённые в Ордене налагают свой след в душе. Мне тяжело даже думать о чувствах. Наверное, мне и может понравится девушка, но вряд ли я смогу ей об этом сказать.

— Страх?

— Не думаю. Когда тебя годами учили служить Ордену, то ты потом не можешь делать ничего, кроме исполнения приказов, — сухо отвечаю я, не зная, как ещё подобрать слова, чтобы донести мысль о том, что трудно распознать в себе всякое аморное чувство.

— Но меня ты как-то пригласил, — её губы тронула лёгкая улыбка.

— Это как-то само получилось, — усмехнулся я. — А у тебя самой были отношения?

— У меня самой? Да бывало. Иногда не на долго, а иногда затягивало, как в треклятое болото, — я ощутил, что Лишари стала печальнее. — Был один, из Кабаэта. Я думала, что его можно исправить, но он... эта кобелиная морда изменила мне.

— Жалко... как можно изменить такой девушке? Это какая-то острая разновидность безумия?

— Не знаю. Твои слова, мне приятно, — Лишари загадочно посмотрела на меня, а затем задала поистине неожиданный вопрос. — А какая у тебя была любимая игрушка в детстве?

— Ох..., - смутился я. — Это был красный деревянный кот.

— Хорошо, — улыбнулась девушка.

После ответа девушка поднялась с камня, отряхнула себя от песка и протянула мне руку.

— Спасибо тебе за прогулку, но нам пора возвращаться в Арк. Меня ждут эти несчастные пирийские артефакты и тексты, а тебя... Велисарий.

Лишари встала, но замерла. В её глазах отразилось солнце, на лице промелькнула тень тревоги. Я же встал рядом с ней и посмотрел на прекрасный лик, озолочённый небесным светиллом. Она ещё пару секунд впивалась в рассвет, прежде чем её губы распахнулись и голос донёс новость, пропитанную тревогой:

— У меня будет ещё одно к тебе... не дело. Просьба. Прошу тебя, давай встретимся завтра в Храме солнца. А теперь.... Давай отсюда уходить.

— Ты права, — встаю и я, обхватывая её тёплую приятную на ощупь ладонь и нас двоих поглощает магия, унося с побережья, откуда открывается изумительный вид на то, как солнце практически опустилось за линию горизонта.

Глава 9. Живая драма мёртвого храма

Глава 9. Живая драма мёртвого храма

«Искусство древних поразительно. Пирийцы возводили настолько искусные дворцы и капщица, что им нельзя не отдать дань восхищения. Но тем не менее, это были полуязыческие храмы, где правил балом дух злобный, а значит и суть этих храмов полна черноты»

— Гюнтер Фарис, Эндеральский исследователь.

Спустя три дня. На севере.

Холод и снег властители сих мест, промораживающие ветра сковали ледяным духом всё от далёкого севера и до самой Тёмной долины, неся бесконечные снежные бури, метели и ледяные ураганы. Им нет конца — ветер так и желает впиться в мою светлую кожу, которую я прикрыл тёплой накидкой и хорошей одеждой. Меня согреет утеплённая кожаная куртка с сетью наружных кольчужных колец, штаны из волчьей шкуры, поверх которых мехом пестрят меховые сапоги, пальцы рук прикрыты же толстыми перчатками. За спиной у меня покоится добрый друг для дальних походов, и для исследований подобных храмов древних — посеребрённый длинный меч, на клинке древняя надпись — «Мой меч разрежет тьму, мой свет развеет мрак», а навершие блестит ярким символом крыла. В последнее время усыпальницы древних ломаются от нежити и монстров, тварей и порождений мрака, а поэтому серебро на мече и молитвы Исаила над ним станут идеальным подспорьем в битве с монстрами.

«Что я здесь делаю?», — спросил я себя и тут же нашёл ответ — в воспоминаниях и в человеке, что стоит рядом. Это статный пожилой чародей, его лик обращён к древнему строению, что массивным монолитным каскадом высится к небу, внушает чувство собственной ничтожности от одного исполинского вида. Прямые линии, серый камень и грациозность, слитая с могуществом в потемневшем камне, а образ чудного исполина довершает массивная статуя чародея выше всего. На всё это обращён взгляд старого неримлянина — его бороду и седые волосы треплет ветер, вздымая вместе с тем и насыщенно-зелёные мантии. Тело защищено заклятьем теплоты, и он не чувствует холода, я же в то же время вынужден кутаться в свой плащ с капюшоном, чтобы не околеть. Он стоит у большого камня, подле которого высится на метра три чёрная руина, и его взгляд устремлён вперёд, туда, через далёкую пропасть, где внушительного роста врата хранят бесчисленные тайны Живого Храма.

«Фриджи, прошу тебя, отправляйся с ними, присмотри за Джеспаром, Пророком и особенно Константином», — навеяло мне в памяти звучный голос Лишари, перед лицом промелькнули воспоминания — на необычайно высоком Оке ветров, куда мы вышли прогуляться между её исследованиями и моими операциями, она долго рассказывала о своём пути в Нериме, как выживала, как познакомилась с Константином и как он ей помог, ещё сильнее раскрыл её чародейский потенциал, а потом и обучил таким высотам магии, которые не каждому аэтерна будут доступны. Тут же она мгновенно сменила тему и стала умалывать, чтобы я отправился на север вместе с Джеспаром. Я просто не мог отказать... мне невыносимо было даже подумать, что Лишари будет в надрыве сердца мучиться от одной мысли, что Константин может быть убит. У меня был только один вопрос — почему она так

трептно относится к пророку?

«Это трудно объяснить», — дала тяжкий для меня ответ она, — «Я чувствую... силу, эта личность не может не притягивать, а способности... ты бы видел. Мы не можем потерять эту персону».

«Хорошо», — дал я тогда согласие. — «Я отпрошусь у Велисария. Всё будет хорошо, Лишари», — заверил я её в успехе похода и что никто не пострадает.

Что ж, теперь я здесь — в оковах холода, перед древним храмом, который явно встретит нас древней злобой, упокоенной в нём души, и адским парком защитных механизмов, и холодной ненавистью восставших мертвецов. За моей спиной клинок, а в сумке подарок от Велисария, который дал мне вольную — свиток телепортации в Златоброд, чтобы я смог быстро улизнуть из храма.

Я поворачиваюсь назад. Глаз болит от необычайной красоты — вниз уходит мощёная дорога, что рассекает кристальный лес, её ужимают чудесного вида деревья — листва сверкает брильянтово-розовым и лиловатым цветом, заполняя всё вокруг неестественно-чудесным сиянием. Белоснежные снежные покровы отражают блики света, устремляя их далеко в пространство и кажется, что лес парит в пурпурном ореоле, усиливаемой хаотично разбросанными кристаллами, которые усиливают общий тональный фон.

— Красиво, не правда ли!? — кричу я Константину, но он будто бы не слышит меня, его взор всё также прикован к Храму.

Именно оттуда должны прийти Джеспар и Пророк. Мы ждём их уже не меньше часа... я по крайней мере пришёл сюда ко времени, которое назвал Константин... нехотя и много раз послав меня, но всё же.

— Константин, как вы думаете, когда они придут?! — кричу я сквозь ветер, что всё же привлекло его внимание.

Не отвращая взгляда от храма он мне ответил:

— Ох, я так сожалею, что они не пришли раньше тебя. Я бы даже не ждал тебя, чтобы ты зад отморозил!

Его резкое осуждение нашло отклик возмущения в моём сердце. Откуда в нём столько злобы и язвы? Да, он ненавидит нас, не любит эндеральцев из-за нашей пристрастности к религии, но как же он не поймёт, что мы не враги ему, что не желаем зла. Мы приютили его, не надсмехаемся, но он постоянно нас поносит, называя далёкими мракобесами и шутами.

— И зачем ты порёлся с нами? — продолжает он язвить. — Сидел бы у себя, да и внимал бреду проповедников в Арке.

— Лишари волнуется за вас, — дал я твёрдый ответ. — Я не хочу дать ей повод выкурить мешок сон-травы от того, что она изведётся волнениями по вам, мессир Константин.

— Лушиши... она говорила, что за ней мотается какой-то эндералец, как собачонка эрофинская за своей хозяйкой, — усмехнулся Константин, не продолжая униматься. — Во истину, жалкое зрелище. Поверь мне, ей подошёл бы неримец, наша кровь, а не ты, — Константин провёл рукой и за ней оранжевым роем разлетелись искры. — Найди себе какую-нибудь крестьянскую девку, которая молиться каждый день, чтит идиотские заветы и готова каждый день провести в молитве, как только её мысль коснётся образ красивого мужчины.

Я не знал, что ответить на дерзость Константина, но он оказался страшно проницателен... настолько, что нечто колкое и странно жуткое поселилось у меня в сердце.

Смотря в глаза Константина, я вижу в них усмешку, смешанную с жалостью. От этого мне стало ещё сильнее не по себе — гнев, жажда реваншизма разожглась во мне, но я её быстро подавил. Хотелось доказать обратное, но это не более чем эмоция, от которой нужно избавиться. Если с тьмой в душе войти в сумрачные склепы, то можно стать жертвой inferнальных тварей потустороннего мира и вернуться оттуда не совсем тем же человеком.

— Знаешь, не надейся на что-то с Лишари, — более спокойно стал говорить Константин, его напор ниспал. — Она девушка вольная, да и привлекают её не такие парни.

— Что ж, это уже радует.

Я было хотел потренироваться контроле мысли, как в лесу замерцали две фигуры, что стремительно приближаются к нам. Константин отстранился, снова забыв про остальной мир и внимая лишь красотам храма и не видит их. Моя рука соскальзывает на пояс, где покоится «огневица», а глаза внимательно смотрят на приближаются. Спустя минуту ладонь разжимается, ибо я вижу, что один из них — светловолосый в кожаном панцире поверх синей куртке, а второй — та личность, что возмутила спокойствие, стала надеждой в рядах Святого ордена.

Константин, как только те приблизились, словно «ожил». Он бодро отпрянул от камня и встал на их пути, энергично спрашивая:

— Вы вернулись быстрее, чем ожидалось, вы нашли самоцвет?

— Да, — дал кроткий ответ Прорицатель, вынимая из сумки большой круглый камень, ровной формы и истемнённый, отполированный до идеальной гладкости; только стоило Константину его увидеть, как его взгляд загорелся.

— Покажи мне, — потянулся к нему старик, — Хм... будь я проклят, это то, что нужно. Тогда, полагаю, самое время мне рассказать тебе некоторые вещи об этом храме. — Константин сделал шаг в сторону исполина и восхищённо заговорил. — Может, вы слышали эндеральскую легенду об этом месте: она гласит, что этот храм «живой», и что весь лес представляет собой нечто его «органов чувств», — речь Константина сменилась загорелась неприязнью. — «Слушающий его шёпоты, песни деревьев, боящийся его взгляда». Бла-бла-бла, ну тебе понятна суть. В отличие от большинства народных легенд, эта основана на правде: у храма действительно есть нечто вроде самосознания.

«Мда, старик на старости лет совсем стал с ума сходить», — не озвучивая сих мыслей, говорю я себе. — «Неужто действительно можно говорить о том, что душу живого существа можно поместить в целую крепость?». Я читал эти легенды, знаю взгляд учёных на эту проблему... и все они похожи на нелепость.

— Однако у него куда меньше со всякими суицидальными любовными трагедиями, чем рассказывают, и куда больше с пирийским защитным механизмом... «Каменным сердцем».

— Так значит благодаря этому «Каменному сердцу»... храм оживает, — даже «Пророк» смутился». — Как это работает?

— Он работает, потому как пирийцы нашли способ соединить материальные вещи с человеческой душой. В таких случаях необязательно строить подобное, предметом мог быть и амулет, и меч. Связанные, как называли тех, чьё сознание было перемещено, страдали невыносимыми болями...

Константин продолжил рассказывать о храме, и я надеялся уже не на то, что их разговор перетечёт в русло научным рассуждений, но нет, неримец гордо заключил:

— Верно, это ужасающая судьба. Но, если нести любую чушь и ахинею с достаточно серьёзным лицом, приправляя всё сказанное религиозными бреднями, то можно убедить

людей и не в таком бреде.

— Ну да, — фыркнул я, — бреде. Ведь мы говорим о душах, переносе её в материальные вещи. Говорим о «высших», чья сила равна божественной. Во истину, как говорили древние аэтерна — «*Delasia asiran delassi'i*».

— Религия сменяет религию, — перевёл Константин и тут же «взорвался». — Да как ты смеешь говорить подобное? Пёс прихрамовый? Я тебя взял только потому, что навязала Лушиши, так что из полчтения к ней заткни свою пасть и не раскрывай её до конца похода!

— В этом строении покоиться душа пирийца. Его сознание? — спросил «Пророк», отвлекая от меня гнев Константина.

— Покоиться, думаю тут, неправильное слово, — отвлёкся старик от меня. — Он наблюдал за падением собственной цивилизации. Вряд ли, это как-то положительно сказалось на его рассудке, — зелёные мантии чародея вострепнулись, когда он резко дернулся в сторону, уступая дорогу. — Но посмотрим. Ну вперёд, помести самоцвет вон в то углубление.

«Пророк» быстро пошёл в сторону небольшого холмика, подле которого мы стояли. Я только заметил, как засверкали его пятки, он резко взлетел вверх и скрылся за краем камня, да редкой листвой широкого куста.

Одного мига понадобилось, чтобы всё сделать и вот уже пространство прорезали сияющие лучи неведомого света. Сначала один, а затем ещё пару ослепительных потоков и вот между массивными воротами и куском моста засветилась надёжная опора, сотканная из тонких материй. Магический мост перекинулся через пропасть.

— Прекрасно... идём, — без особого восхищения отнёсся к сему Константину и двинулся вперёд, я же последовал за ним. — И держите оружие наготове. Подпоезд находится на нижнем уровне храма. По крайней мере если Лушиши верна в своих теориях.

— Мессир Огневспых, один вопрос — почему я? — спрашивает Джеспар, потирая рукояти кинжалов.

— Почему что?

— Вы уже в третий раз нанимаете меня, а ведь я стою недёшево. Почему?

— Что ты хочешь услышать, любовную серенаду? Ты — пьяница и попрошайка, но ты делаешь свою работу. И делаешь её хорошо.

Я оказался под сводами огромной арки, и быстро зашагал вперёд, мне присутствие под ней не приносило удовольствия, только подавленность от неразрешимого вопроса — как древние могли это построить? Быстро оставив её позади предо мной расстелился светозарный мост. Пару раз сталкиваясь с подобными чарами, я практически без робости делаю шаг вперёд. Внизу, сквозь свет ещё виднеется пропасть, но страха это не вызывает, только трепет, развеянный словом Константина:

— День, когда я уверую в одного из этих божьих ягнят, будет днём, когда я пропляшу голым по всему Верхнему кварталу, распевая гимны во славу Рождённых светом.

— Я бы на это посмотрел.

— Не сомневаюсь в этом. А теперь... закрой рот, наш вход нельзя назвать искусным, но по крайней мере не нужно кричать в лицо этому храму, где активатор следующей ловушки.

Я аккуратно касаюсь воротины. И она поддаётся, чему я удивился, а за мной последовали все остальные. И вот я миновал ворота вместе с Константином, они захлопнулись за нами без единого скрипа — таково мастерство ишийцев. Перед нами открылось просторное помещение, где встречается буйство природы — хрустящий снег под

ногами разносит весть о нашем прибытии, скалы и камни органично сочетаются с далёкими стенами и монументальной архитектурой и рук творение — вдалеке, в самом конце укрепления, разбитые клетки и лестница, да холодные жаровни. Всё озаряет тусклый свет остро-длинных кристаллов, пробравшихся из-под снега.

Мы двинулись вперёд, ступили на ступени, ведущие вниз, с первого яруса храма, что подобен малому выступу, но едва ли что-то хорошее может случиться в подобном месте. Мёртвый храм, где давно нет жизни встретило нас подобающе — изо мрака древнего собора выступили монстры. Их кожа давно истлела, стала пергаментом, обтягивающим кости, защищённые ржавой бронёй. В тонких пальцах сжаты мечи и топоры, глаза сверкают неестественно-голубым светом мертвенности. Крича и кряхтя не менее дюжины мертвецов бросились на нас.

— Седьмое пекло! — вскрикнул Константин.

Сердце дрогнуло при виде мертвецов, но дух воспламенил гневом от зренья противного — мертвецы должны покоиться. Мой меч с лязгом оказался у меня в руках. Отступив, я делаю восходящий удар, и мертвец с распоротой грудью хрустнул снегом, исторгнув жуткое зловоние. Джеспар штормом кинжалов, кружась и вертясь рассекает серую плоть. Ловко уходя от клинка, он рассекает руку выше локтя, второй же ладонью вгоняет в голову через подбородок кинжал. Труп умирает по второму разу. Константин же, разжав ладони выпускает концентрированный поток электрической энергии, осияя всё светом грозы и заливая врага током — кожа стала чернеть и сползать, три меча так и не достигли зелёной мантии, глухо упав в снег.

Мой меч снова встречается с мертвецом. Ловко отбив его неумелые выпады, я пинаю его в грудь, а затем обрушиваю лезвие на ключицу. Оно рассекает гнилую плоть и трухлявую кость. Враг пошатнулся и снова попытался ударить, но я быстро провожу дугу и вот его голова закуталось в снег, свет из глаз рассеялся, а тело как безвольная кукла — упало.

— Вот это — последний, — сказал Джеспар, пронзая клинком грудь мертвеца.

— Не думаю! — крикнул я, показывая на то, как снизу, где раскинулась малая снежная долина, упирающаяся в гору и монолитные серые стены с чёрными окнами, к нам подтягивается ещё дюжина мертвецов, ведомые трёхметровой тварью, похожей на человека; в руках существа покоится огромный молот, кожа щита-перешита, не имеет доспехов, но огрубела, лицо же представляет перекошенную гримасу ужаса.

— Ну, Фриджи, Лишари говорила, что ты — хороший воин, — усмехнулся Джеспар. — Покажи это.

Я вынимаю «огневицу» и целюсь вперёд. Подняв чуть выше трубку, чем нос рослого монстра, я прижимаю кусочек стали, и даю зачарованной игле проткнуть мешочек с порохом. Громовой выстрел эхом прокатился по пещерам и коридорам, а свинец угодил в лоб гиганта. Кость харкнула, металл прошёл внутрь и вскоре лицо рассекла струя крови. Радуюсь, что изобретение Гаспара серьёзно облегчает жизнь, я убираю его и бодро сжимаю рукоять меча в предвкушении встречи с мертвецами.

Первый покойник не выдержал напора моего клинка, намоленность стали для нежити стала фатальной — лезвие оставляло чёрные обугленные раны. Джеспар с «пророком» вступили в жёсткую рукопашную, не ведая жалости к ним. Один за другим, храмовые трупы падали на снег, шум боя лихо разносился до самых дальних углов залы, говоря, что сюда пожаловали если не лучшие воины Эндерала, то и не самые слабые.

Вскоре, пробившись через необъятную залу храмового притвора, мы пронеслись через

заснеженный покров, выйдя прямо к порогу ещё одного зала. Протиснувшись через два ряда колонн, под массивными сводами малого коридора, мы вышли в странное помещение. Имея полукруглые очертания, выложенное из камня, оно в центре имело высокую плиту, с вырезанными на ней символами. Над холлом за всем смотрит барельеф лика пирийского жреца, с внимаем наблюдающего — какой из трёх путей выберут путешественники.

— Хм.... узел, — нервно сказал Константин, став исследовать помещение глазами, приглядев плиту он немедленно двинулся к ней, став жадно изучать. — Похоже, что мы должны... ох погодите минуту. Здесь, что-то написано. «Чуйра нэм Хйореза нэм Ган'Дила байара». Хм-м... любопытно...

— Да? — спросил Джеспар и пока они рассуждают над ситуацией, я отстранился, чтобы зарядить «огневицу».

— Я перевожу.

— Лишари справилась бы лучше с этим... похоже годы берут своё. Но... хм. Думаю, вот это означает примерно следующее: «Воин, Мудрец и Тёмный вместе завладеют светом». О, и взгляните на таблички над дверьми. Чуйра, Хйореза, Ган'Дила — Воин, Мудрец и Тёмный.

— Сдаётся мне, в конце каждого из этих туннелей есть то, что нам нужно для того, чтобы пройти дальше.... к «свету» чем бы он ни был.

— Превосходная дедукция....

— Мессир Огневспых, — решил я вставить своё слово, убирая «огневицу», — я понимаю, к чему всё клонится. Я пойду с вами.

— Исключено! — вспыхнул Константин, само его лицо выразило злобу и указал на Джеспара. — Иди надоедай Джозефу! Меня даже не смей трогать, мне не нужны службы Ордена.

— Константин, — настаиваю я. — Мне сказала это Лишари сделать. Поверьте, я не отступлюсь. Можете меня хоть молниями гнать.

— Константин, — мягко заговорил Джеспар. — Может всё же уступите? Если его попросила аж Лишари, то и Фриджитдиэн по упрямству с вами поспорит.

— Быстрее, — теперь на мою сторону встал и «пророк». — Мы теряем время.

— Проклятье, вот девку угораздило! — плюнул Константин и воззрел на меня из подобья. — Только делай то, что я тебе скажу. Я не хочу принести Лишари твой пепел в коробочке со словами — «он не туда пальцы сунул и стал горсткой пыли».

Со скрипом согласившись, чародей пошёл влево, углубляясь в коридор. Я же двинулся за ним, и только стоило нам синхронно коснуться плит, как древние механизмы со скрежетом заработали. Решётки перед нами лениво поднялись, а позади стремительно впились в пол, выбив из него остриями щебень.

— Константин, дверь за мной закрылась! — слышится крик Джеспара.

— Надо было с тобой отправить Фриджидиэна, чтобы ты его развлекал этими вопросами!

Старый маг лихо отворил дверь — его морщинистая рука с силой молодого толкнула дерево и перед нами открылся далёкий проход, умощнённый камнем и по которому стелется лиловый ковёр. Меч в моей руке сверкнул наполненным светом серебра, на пальцах Константина заиграли искры молний. Приготовившись, мы пошли вперёд, в объятия холодной голодной тьмы.

Первый кто встал на нашем пути, так это порождение inferнального мира. Дух, вызванный волю храма закрыл нам путь. Но светло-голубое существо, клубящееся ионово-

синим дымом, не атакует... облако подплыло нам и остановилось, в немом изучении. С трепетом в сердце, я сильнее сжал меч, готовясь к стремительной атаке, которой не последовало.

— Уйди! — крикнул маг, «заряжая руки».

— Вы на пути мудреца, меч вам не поможет, только знание спасёт от смерти, — раздались слова будто неоткуда, серый камень мгновенно стал светло-синим, клубов пара стало больше, а слова обрели более вдохновенный оттенок. — Я — Айтанар, мастер загадок. И не ответив, вы не пройдёте, — без единого шевеления «губ» говорило существо, меня поразило удивление — оно хоть и пирийского происхождения, но мы отлично понимаем его слова, будто бы оно с нами общается ментальным языком смыслов.

— И что же ты хочешь! — фыркнул Константин, опуская руки, чувствуя, что магия здесь бессильна.

— Ответьте! — призвал дух. — Ответьте на слово о тайном!

— И мы должны это делать?! — возмутился старик. — Да мне проще стереть тебя с лица земли! — но Константин тут же охолол, я заметил, что он чуть потупился и почёсывая бороду пригнулся ко мне. — Хотя в этом нет смысла... один из защитных механизмов храма.

— Я уже мёртв, — проскрипел дух. — Ваши железки ничего не сделают.

— Хорошо, — быстро соглашаюсь я. — Говори свою загадку.

— Ты, опрометчивый идиот! — закричал маг, стянув мантию дор такой степени, что парчовая зелень едва с треском не разодралась. — Нельзя так просто играть с механизмами храма!

— И души, и жизни — живота я лишился, — заговорил дух, и никто не посмел его перебить, — сгубил меня убийца и в бучило бросил. Утопил меня, а после на солнцепёке положил сушиться, и шерсти не стало, совсем облысел я, усердно лезвие меня разрезало, грязь соскоблило, а пальцы — сгибали, а перья, птичья радость, каплями истекая, ткань мою рвали, как пахарь на поле — глотнёт на водопое, красильного соку и сеет снова, чёрным дорогу обозначая. Заключение меня в обложку, деревом одели, обделали кожей, золотом узорным, кузнец-создатель тонкой стугой, витой украсил. Да буду я славой науки, а не мукой для неуча, и станет смертный, меня постигший, душой совершенней. Сокровище не златным, я стал. Так же имя моё?

— Ну, думай теперь! — я ощутил, как Константин колко пихнул меня в плечо. — Вот нашла же Лишари мне помощника! Идиота!

Я остался наедине со своими мыслями, ибо Константин предпочёл мудрствованию, осторожное созерцание духа. По истине трудные строки, заключившие мудрость пирийского народа, но... «заключили меня в обложку, перья... слава науки». Цепляясь за эти слова, я тут же даю ответ, лежавший на поверхности:

— Это книга! — предположил я. — Она самая!

— Верно, — согласился дух; сию секунду отплыл назад, иссиня-светлые клубы inferнальные клубы призрачного пара стали отходить, и вскоре их совсем не стало, только приятный запах прошедшего дождя.

— Ну, не совсем идиота, — усмехнулся Константин, — пошли дальше.

Маг зашагал вперёд, я же последовал за ним, не опуская меча. Что-то мне подсказывает, что он ещё понадобится, ибо каков не был бы изыскан путь мудреца, на нём могут встретиться мёртвые стражи этого места.

Быстро поднявшись по лестнице, мы оказались под серокаменными сводами широкого помещения. Там, вдалеке виднеется алтарь, сверкающие золотом, возле него горят жаровни с магическим неиссякаемым пламенем.

— Что это за место? — вставая на ветхий коврик, стеснённый линией колонн, до золотого монолита, я спросил.

— Место ритуалов, — ответил Константин и указал на алтарь. — Там пирийцы приносили жертвы, — из тёмных углов донёсся скрип и рычание, сверкнули голодные кроваво-алые и ледяно-синие пары глаз.

Без страха и сомнения я ринулся в бой, противопоставляя орде мертвецов напор и мастерство. Мой меч сверкнул в широкой дуге, рассекая грудь мертвеца, высвобождая колющий нос смрад. Константин высвободил из рук массив раскалённой энергии, отбросивший трёх мертвецов, испепеляя их золотистые стихари.

— Седьмое пекло! Да когда это закончится!

— Живой храм..., - усмехнулся я, парируя неловкий замах мертвеца, — да он мёртвый! — направив удар, я попытался рассечь его нагрудник, но тот оказался куда крепче.

Отступив я снова отбиваюсь, только на этот раз меня решили достать копьями — заточенные острия оцарапали грудь, тупая боль вспыхнула у груди, и я снова отошёл. Рука извернулась, выбивая меч из тонких пальцев нежити. Выпад и на острие вошла гнилая плоть. Перейдя в наступление, я атаковал нежить, встретившись с ней глаза в глаза. На близкой дистанции эти пыльные мешки с костями довольно неуклюжи и легко преодолев их защиту, лезвие меча рассекает шею первой твари. Второй удар пришёлся на незащищённое плечо жреца, выбив из него ложную жизнь.

Константин же борется силой чистой энергии из моря возможностей. На нежить обрушивается гроза, испепеляющая их тонкую плоть, затем огонь выжигает нечистый дух из мёртвых сосудов. Не без восхищения я наблюдал мельком, как он огнём и молнией косил волну мертвецов. Ловко уходя от ржавых мечей и топоров, он заставлял врага платить за эту опрометчивость, усеивая пол мертвецами.

Я бросился вперёд, в темноту. Над ухом просвистела стрела, затем ещё одна — лучники стали бить более метко, тело вспоминает навыки. Что мне остаётся? Руки потёрли шершавую поверхность на поясе, с силой я срываю цилиндр и провожу пальцами возле него, передавая частицу ментальной энергии фитилю. Огонь зашипел, а рука отправила бомбу в полёт. Лучники испарились в огне взрыва, осветившим всю залу ритуалов, раскидав трупы кусками мяса и железа

Я остановился, лихорадочно осматриваясь вокруг и тяжело дыша. Услышав, что вместо нежити теперь царствует пустота, я пошёл прочь из тьмы и смело зашагал вперёд, куда уже подходил Константин,

— Неплохо-неплохо. Не думал, что ты начнёшь колдовать.

— Всё, лишь бы вас не дать в обиду, — отшутился я.

— Мальчишка! — вспыхнул старик. — Я сам могу за себя постоять!

Я пропустил его вспышку гнева, стараясь ничего не говорить. Он сам по себе — я сам и моя задача сделать так, чтобы он вернулся живым в Арк, ибо так просила Лишари.

Дальше нас ждал маленький коридор, уходящий в витую лестницу, и быстро зашуршав обувью, мы углубились ещё сильнее внутрь Храма. Источники света — светло-лиловые кристаллы слепят глаза яркими точками в темноте, но благодаря ним мы видим дорогу без факелов, по которой следуем, аккуратно ступая по каменной плитке... я не хочу обрести

вечный покой по глупости и здесь. Смешно будет — пошёл защищать старика, а он притацит моё тело Пегаст со словами — «он был так хорош в помощи, что ему самому пришлось помочь, но это его не спасло».

Прогулка нас привела к большой железной двери, дающей знать символиккой ока на фоне книги, что там храниться нечто важное. Втянув спёртого воздуха и подавив волнение, я протянул руку к ручке.

— Нет! — ударил по ладони меня Константин и провёл пальцами у двери, она только отразила свет алого заклятья, никак не отреагировав на него. — Нет защитного заклятья. Дурак, тебе минимум могло бы руку оторвать, а как самое изумительное в этих местах — вывернуло бы как кабаэтскую варезку.

Я уже приготовился пройти за порог залы, как снова чародей меня останавливает, только мягче — не бьёт, а просто хватает за запястье.

— Подожди, — маг протянул руку и сжал её в кулак... чтобы моментально разжать и выпустить с неё шар света, приятно и чудесно всё осиявший лунно-голубым светом, — не думаю, что там есть факелы.

Ощувив холод металлической двери, я с силой толкаю кусок древнего железа, что со скрипом отворяется. Шаг вперёд и стопой я почувствовал нечто мягкое и приятное, а нос пленил сладкий аромат пирийских благовоний. Пройдя по выцветше-багряному ковру, мои глаза смогли различить массивные стеллажи, вырезанные из мрамора и дерева. На них пылятся бессчётные армии свитков и книг, на которые падает лунный свет магического светильника. Впереди из тьмы веков выступила большая плита, метром в высоту, выполненная из базальта и покрытая золотыми символами всевидящего ока. В его центре мне стало видно углубление, отделанное начищенным серебром.

— Алтарь чтения, — благоговейно обозначил находку Константин, — на нём читали самые важные тексты ишийцев в собрании высшего жречества.

Но его благоговение и моё временное спокойствие разлетелись на осколки прошлого, когда пространство прорезал яркий разрыв света, а по ушам ударил сверхчеловеческий вопль. Я схватился за меч, выставив лезвие перед собой, Константин же сверкнул огнями в кулаках... нам предстояло обратить сталь и магию против призрака, второго духа, явившегося у подножья алтаря.

— Я — Карахдон, повелитель пирийских библиотек, и хранитель истории моей Империи! — завил фантом, сквозь которого я видел проход, но узнаю и человеческие очертания — сузив взгляд мне открылся образ чёрных пластин латного доспеха, с широкими наплечниками и лентами на них... металл же поело время. — Почему вы нарушили мой покой?

— Мы и-идём сквозь Храм, — стал говорить я, сбиваемый бешеным ритмом сердца... ещё один дух, ещё одно препятствие. — Н-нам нужно спасти этот мир.

— Вы уже ничего не сделаете, — обрэк на поражение призрака и минорно продолжил. — Маховик гнева Его запущен. Он сотрёт всех нечестивых с лика земного, коли не будут остановлены князья злобы поднебесной.

— Дух просто спятил, — фыркнул Константин. — Как из-за ублюдков может страдать мир? Разве все достойны смерти из-за горстки тварей?

— Мир сам себя обрекает. Если не найдётся в нём народа, хоть горсти, смерти смертей противостоящего, ко греху склонного, то всё древо народа гниение подвержено. А потом и гибели, — мертвенно-пространно объясняет фантом, его мертвенное лицо не дрожит не

единой мускулой и это вселяет тревогу в сердце, — Гибель всенародная есть кульминация греха. Ибо только до полной смерти души доведя народ, можно дать «высшим» такую силу над собой, чтобы они гибель материальную принесли.

— Опять этот религиозный бред! — стал плевать Костин, сморщив лик в ярости и презрении, потрясывая руками. — Неужто и после смерти он не оставляет души!?

— Гибели? — встрепелся я. — Ты говоришь об очищении?

— Да-а, я помню... очищение, — забвенно произнёс призрак. — Но я умер незадолго до того, как светоч был построен и попал в страну ссорой тьмы.

— Я...

— Ладно, нам нужно попасть дальше! — нагло перебил меня старик, суровый взгляд его выдавал жуткое нетерпение. — Что нужно сделать?

— Вы ответите о Пире, иначе вам хода нет! Так я определю достойных, Призрак, на котором тёмным бугрятся чёрными пластинами доспехи, непреклонен. Не стоит и пытаться его уговорить, это заставляет мага согласиться:

— Задавай, — проскрипел Константин.

— Скажи, мудрец, к какой касте ты принадлежишь?

— Маг пустоты, — ответил Константин. — Ведь именно они могли общаться с мертвецами.

— Верно. Скажите, кто защищает народы Пиры?

— Воины, — отвечаю я, и даю понять старику, что культура Пиры мне тоже знакома, что дало мне увидеть тень удивления.

— За кем последнее слово при имперском совете?

— Жрецы, — быстро он ответил.

— Без кого невозможна мудрость?

Это поставило в ступор Константина, он сжал конец бороды и стал икать ответы в памяти и пирийских легендах. Он бы мог так ещё долго думать, если бы мне на память не пришла утренняя служба в пристанище изгнания, где клирик вселял в нас новую идею жизни?

— Без Единого, — я вспомнил строки древнего пирийского манускрипта, найденного в северном храме и прочтённого Исаилом.

— Проходите, — чуть поклонилась душа, и отступила в иной мир, уступая нам дорогу, чем мы непременно воспользовались.

Оказавшись за пределами библиотеки, мы вышли в каменный коридор, который часто имел свойство поворчать из стороны в сторону и углубляться ещё сильнее вглубь. Здесь, в окружении холодного камня и магического пучка света, Константин обратился ко мне без презрения, впервые я услышал в нём что-то отдалённо

— Значит, религия?

— Да. Вера, — просто я ответил. — Но не в Рождённых светом. В Единого Бога.

— Не пойму я вас, — маг посмотрел вперёд.

— Зато мы тебя поймём, — я стал аккуратнее подбирать слова, чтобы не породить обиды. — Вы увидели то, что делают люди и аэтерна, прикрывающиеся религией. Они убивают, насилуют, и оправдывают это благорасположением своим «божественных» повелителей. Но таков ли истинный Бог, — стал я уверять Константина в том, о чём нам глаголил Исаил. — Разве Вышнему нужны блага этой земли? Разве он похож на нас в наших страстях? Мы верим в Единого, который невообразимо выше и бесконечно совершенней этого.

— Знаешь, если бы я в молодости услышал эти слова, а не фанатичные призывы убивать, увидел, как храмовые жрецы дают милостыню и помогают нуждающимся, а не ряды трупов на брёвнах, то может и взгляд у меня был бы иной. А так, — Константин на меня печально посмотрел, — я не отступлюсь от своего.

— Лишари даже не против моих взглядов.

— Если и дальше будешь придерживаться веры, то не сможешь завоевать сердце Лишари, — дал совет Константин и словно по-отечески хлопнул моё плечо. — У неё тяжёлая история, касательно этого.

Наш путь вскоре вывел нас в небольшое предвратное помещение, которое тонким тоннелем выводит в ещё более царственное помещение, откуда тайной манят образы странной статуи. Тут ещё три выхода и осмотревшись, я кроме тусклого камня, нахожу излишнюю скудность сего места, если не считать порослей кустарников в углах.

— Пошли, — махнул Константин, уходя в тоннель.

— Подождите, мы должны ждать остальных.

— Нет времени! Если промедлим, — я же упёрся, на меня из темноты уставилась злобная ухмылка. — А-а-а! Плевать на тебя, если хочешь, оставайся!

Я буквально ринулся за зелёной мантией, не поспевая за быстрым дедом. Меня не заинтересовали ни массивные колонны, ни роскошный ковёр, расстеленный над толстыми прутьями решётки, ни закутки Храма, только внезапный порыв Константина. Но вот он остановился у ступеней, которые метрами тридцати тянутся к подножью исполинского изваяния.

— Это! Это! — задыхаясь от восхищения и показывая на златокаменный образ твердит Константин. — Это либо их верховный жрец, либо изображение божества, — маг быстро оказался у скрещенных ног статуи, обтирая рукой каменные глыбы и марая широкий рукав мантии о пыль; сближался с массивной бронзовой чашей, внутри которой горел неугасимый огонь. — Именно тут мог быть принесён в жертву пириец, ставший душой храма.

В золотистой статуи, метров десять высотой, скрестившей ноги в позе лотоса и грозно простёршей левой рукой факел, а правой сжимая массивную табличку я не нашёл ничего примечательного. Меня не покидает чувство тревоги, что-то тут не так... не может быть всё так радужно.

— Мы в сердце Храма! — торжественно воскликнул поклонник пирийской культуры, за долгое время я не видел на его лице улыбки, а в глазах столько радости — Фриджидиэн, разве я мог наедаться на то, что увижу святая святых пирийцев? Эх, даже засранца Арантеалея после этого хочется расцеловать!

Константин только сделал шаг ко мне, но злой рок спустился на слепящих крыльях разрыва на теле реальности, выпуская между нами странное существо. Нечто похожее на человеческую женщину, окутанное в мешковатые мантии цвета индиго, переливающиеся блеском тысячи сапфиров, скрытая капюшоном шагнула к нам навстречу из неведомого мира. Её мягкая поступь совершенно бесшумна, походка мягка и ловка, будто бы она плывёт над землёй, а всё тело заключает аура еле приметного света.

— Огневспых! — крикнул я и бросился к магу, памятуя о Лишари; меч сверкнул в блеске фиолетовых огней, занесённый для филигранного удара.

— Какая храбрость, — тихо прошептала женщина и одним движением руки остановила меня — колени в безвольности подкосились, а тело скрутила слабость — плоть просто рухнула, паника накрыла меня с головой, сердце едва ли не выламывает рёбра от чувства

беспомощности. — Понимаю, но с тобой позже.

— Уйди! — крикнул маг и швырнул в неё раскалённый прут энергии, который она игривым взмахом отразила. — Что тебе нужно!?

— Увидь и узри, что вас ждёт, — неимоверным усилием воли, сквозь боль в шее, подняв голову я увидел, как старик пятиться от неё, как пытается спастись, но она плавно сблизилась с ним и осенила ладонью.

— А-а-а! — закричал Константин и ужас его агонии такой болью отразился в груди, что дух едва не покинул моё тело. — Не-е-ет! Хватит! Прошу!

— Ты увидишь, что вас ждёт, — мерно продолжает она. — Узри высших, узри свою беспомощность.

— Не-е-е-т! — в слезах полухрипом вопит Константин, по-видимому вбитая в его сознание картина жути и апокалипсиса настолько катастрофична, что здравомыслие не выдерживает такого удара, оно ломается, уступая место безумию.

Только на секунду я увидел взгляд Константина... это глаза сломленного человека, поломанной души — его разум подобен слабо трепещемся огоньку во тьме... за секунду могущественный чародей стал ничем, бьющимся о пол подобием буйного ребёнка. Он развернулся в сторону статуи и протянул к ней руки, но не смог ничего сделать. Забившись в клубок, он только истошно рыдал и хныкал, что-то лепеча.

Женщина же плавно идёт ко мне и чем ближе её адская фигура, тем больше страх сковывает меня. Неужто она и из меня сделает полоумного безумца? И мне предстоит узнать касание безумия? Нет!

— А теперь я избавлю этот мир от тех, кто может помешать нам, — с этими словами она приблизилась ко мне, и простёрла руки, будто бы в материнских объятиях, но всем телом я почувствовал странную, скрючивающую боль, каждая мышца заревела саднею.

— Что... ты... сделаешь? — сквозь зубы выдавил я.

— Я всего лишь хочу, чтобы человечество однажды получило смысл, преодолело барьер собственной бессмысленности. Вы — люди и аэтерна слишком предсказуемы и способны построить мир застоя. Я же... не желаю этого, — женщина опустилась передо мной на колени, я же ощутил странный аромат фиалки и розы, вместе с горечью на языке и пыхнувшим от неё жаром. — А вы не вписываетесь в мои планы, а значит ты — умрёшь.

Ощущение, что моё тело разрывают на десятки кусков слишком мягкое, чтобы описать жуткие ощущения, подаренные inferнальным существом. Она будто смаковала мою злобу и предсмертный конец. О да, в то, что меня сейчас настигнет гибель, я уверен... это конец и хуже судороги во всём теле, полного оцепенения то, что я не смог помочь ни Лишари, ни родине. Несчастная девушка во мановение ока лишилась близкого человека, едва ли не заменившего отца, я же надежды с ней быть. Это конец...

Но явилось спасение — всем телом и всей душой я ощутил неведомое торжество жизни, словно тысячи праздничных труб возгласили о прибытии нечто сильного, и некто славного. Все болезненные ощущения исчезли, я даже не смог заметить, как и оцепенение ниспало, за пару секунд не осталось и тени прошлых чувств, только бесконечный праздник духа, ликование неведомое, заставившее меня подняться. Позади женщины врата света, изливающего поток тепла, откуда я учуял приятный сладкий аромат, явился воин, латник, чей доспех точно сияет небесным совершенством. Пылая золотом, поверх небесно-голубого стихаря, внушая священный трепет, гордо и крепко, шагает подобие мужчины. Волос, вторящий прекрасному цвету брони, ниспускается до плеч, обрамляя лицо неведомого

совершенства. В правой руке его пылает посеребрённый меч, распеваящий вихрям о будущих сражениях за души, в левой слабо колышется кадила, возвещающая о самом достойном служении, а на груди сверкающий символ Грааля. Один образ его, один вид даёт такое количество сил, что я с лёгкостью отмахиваюсь от жалких попыток женщины снова поставить меня на колени.

— Да не будет так, — властно приказало светозарное существо, — на нём произволение Господина господ, и ты его не тронешь.

— Я не та, против кого они воюют, — фыркнула женщина. — Я всего лишь помогаю мир сделать чище.

— Ты исполняешь прихоти первого мятежника. Ибо он и духи поднебесного зла желают только разрушения, страданий и гибели. Ты же помогаешь им в этом деле.

— Я не несу людям смысл, — словно оправдываясь, твердит дама.

— Ложь стала твоей сутью. То, что произошло в Ишмартепе, обличает тебя. Плоды дел твоих, говорят, что ты от начала начал присягнула делу гибели. И ты не тронешь их, ибо так говорит Господин.

— Я буду преследовать его! — женщина попыталась сделать шаг,

— Он одолеет тебя символом слова Великого, и ты более не посмеешь приблизиться к нему! — светлосияющий латник приблизился ко мне, его пальцы коснулись меча, надпись на нём просияла словно обрела истинный смысл; он голосом полным могущества и славы жизни призвал меня. — Победи её! Покажи, что достоин остаться без её внимания.

Мои лёгкие наполнил прохладный воздух подземелий, в руках крепко жмётся рукоять, а сталь готова петь. Делая шаг вперёд, становясь на ступени, я почувствовал свежесть, как будто в лицо задул северный горный ветер, а в груди всё распевало гимны вечной победе. Я готов сразиться с неведомым существом, одарившим безумием Константина.

Клинок восходящим ударом рванул к подбородку Женщины, но та ловко и легко смеясь отпрыгнула. В её тонких и аккуратных пальцах сверкнуло что-то плоское и длинное, пылающая магическим алым пламенем и говорящем о нематериальном происхождении клинка. На этот раз мне пришлось блокировать удары, посыпавшиеся градом. Лезвие тонкого меча тут и здесь, оно летает, не имея веса, и только на грани неестественной реакции я его отбиваю.

— Тебе меня не победить!

В полном молчании я атаковал, противопоставляя её скорости и жестокости, благословение и веру. Меч рассёк воздух, я крутанулся со скоростью молнии, но сталь столкнулась о призрачный меч. Яростный укол рассёк край её одежды, а потом мне резко пришло отсечь её выпад. А затем ещё один и ещё один. Неистовый напор отогнал меня к колоннам, а затем женщина прыгнула в пустоту.

«— Сзади», — услышал я слово благое и развернулся настолько быстро, насколько это возможно.

Лезвие выбило сноп искр, поцеловавшись с призрачным слегка изогнутым мечом, я надавил на него, вкладывая всю силу, и враг легко отскочила, давая мне рухнуть. Сила толкнула меня вперёд, нога неудачно нашла камень и вот я лечу на землю. Перчатки погрузились в песок, клинок улетел едва-едва вперёд.

Сию секунду Женщина вылетела из пустоты словно бешенная и разрубила воздух, оставляя рваную линию, подобную ране. Я потянул болезненное тело и в сантиметре меч ударил, песок зашипел и оплавился.

Тяжело поднявшись и найдя меч, я снова нанёшу удары, вкладываю в них всю свою и не свою силу и скорость, но нахожу только края её одежды. Она, закружившись и заплясав, решила биться не только оружием, но и магией. Искры молний засверкали повсюду, а затем разряды электричества потянулись ко мне — их я отразил мечом и принялся отступать.

Спрятавшись за колонной, я ушёл от магического разрядного кулака и сжав ладонь на рукояти «огневицы» выпрыгнул из-за неё. Гром выстрела сотряс главную залу — пуля за секунду подлетела к Женщине, но та успела скрыться в пустоте, чтобы потом вынырнуть у меня за спиной.

Она не стала кромсать мечом, вместо этого выставила руку перед собой и выпустила волну рокочущего пламени. Инстинктивно я выкидываю заклятье перед собой и огонь рассеивается, в сантиметрах от меня, опалив брови и волосы. Она играючи вкладывает толику ментального усилия и огонь превращается в ветер — порывистый ураган, нагоняя на меня стену песка, кулаков воздушного потока сносит прочь моё тело. Я приземляюсь на ступенях, хруст позвонка и страшная пульсирующая боль в нём отвлекли от боя.

Я не сумел резко встать... всё поплыло перед глазами, на губах и языке заиграл железный привкус крови, а мышцы так и тянуло скручивающей болью.

— Мой меч разрежет тьму! — с рыком я заставил себя встать. — Мой свет развеет мрак! — обратив взгляд на горящую вечным фиолетовым пламенем жаровню, у меня родился план.

Отступив выше, оказавшись у подножья величественного изваяния, я стал ждать Женщины, и она не оставляет меня без него. Желая, как можно быстрее покончить со мной, её тело пропадает в пустоте и сейчас вынырнет из неё, чтобы нанести решающий удар, но этого не будет!

Прежде чем она явила бы своё величие из подпространства, я, вобрав остатки магических сил, высвобождаю их ударом ветра в жаровню. Огонь, разожжённый мистическими искусствами, и исстари пожирающий вечные угли, разлетелся светло-лиловым салютом, осветив всё удивительным раскрасим света. Фигура женщины материализовалась в тот самый момент, когда пламя вихрем кружилось повсюду и оказалась в плену стихии. Её нежно-тонкое одеяние приняло не менее десятка углей, а лицо «поцеловало» пламя — прожжённая ткань осела рассечёнными кусками, сапфиры посыпались в песок. Моя же толстая одежда выдержала этот удар стихии, и потушив загоревшиеся куски меха всплеском магической воды, я наконец-то атаковал.

Хлёсткий удар моего меча положил бою конец — лезвие впилося в её ключицу, пока она металась взглядом, я надавил и вложил всю праведную ярость в удар, пытаюсь рассечь и дальше её нереальную плоть. Крови не хлынуло, только странное облако в месте удара, словно сдули огромное количество пыли.

Противница опустила руки и клинок во вспышке света пропал из её рук. Она отступила в сторону хнычущего старика и возложила руку на его голову, нежно поглаживая.

— Что ж, ты показал, что способен биться со злом и по произволению Врага, я отступлюсь, — в кристально чёрных глазах противницы я нашёл огонь неуголимого зла, дыры на одежде стали самозавязываться, восстанавливая прежнее величие мантии.

— Не своими силами я одержал победу.

— Мы всё равно свершим наш великий план. Овцы, что верны пути гибели скоро сюда явятся, — она склонилась над Константином и провела по его щеке, прочесав бороду. — Один уже в наших руках.

После этих слов, она растаяла, больше не желая задерживаться. Вместо неё снова сияет пустота, но теперь она не будет больше поднимать руки против меня. Успокоившись и выдохнув, дав волне боли прокатиться по телу, я, не имея сил вложить меч в ножны, опираюсь на него, как на трость.

Скоро сюда явятся Джеспар, и «пророк» и что же мне им сказать? Смотря на щенячепотерянный, полный безумия и сломленности взгляд Константина, я задаю себе страшный вопрос — что она ему показала? Что сломило его волю настолько, что он в кровь разбивает колени и лоб, поклоняясь образу пирийского божества.

Я потянулся к Константину, чтобы ему помочь, но раздалась столь знакомые слова власти:

— В Арк! Оставь их, тебе предначертан путь иной!

Глава 10. Душелекарь и вино

Глава 10. Душелекарь и вино

«Всё страдание за чёрные дела наши, за зло в душе и сотворённое нами. И ложится оно в дело нашего высветления».

— Из книги Предание.

Следующий день.

Там, за стенами тёплой таверны льётся дождь, вторя моему внутреннему чувству хмурости и печали. Я ведь всего лишь не уберёг кого-то старика... но для Лишари он был наставником, дядей и учителем, вплётшимся в её душу годами жизни. Кая я могу вернуться к ней с новостью, что бросил старика одного в храме? Как скажу, что кинул несчастного на произвол судьбы? Я ведь исполнил приказ куда более могущественного существа... и прибыв в Арк не выдержав всего, зайдя в таверну.

— Я не помощник тебе в душевных разговорах, — с такими словами за мой столик присела прекрасная дама, чьё тело покрыто светло-синей кофтой из шёлка, поверх кожаных брюк; она пришла без широкого пояса и меча.

— Я не знаю, что мне делать, — наливая очередную кружку, стал я изливать душу перед той, кому не страшусь доверить тайну. — Это полный кавардак. Велисарий... он молодец, — подношу себе стакан и начинаю заливать в охмелевшее тело вино. — Собрал сначала, потом заручился дружбой с денежными мешками, три дня их раскручивая на монету, а потом и созвал аж целый Совет. Но остановило ли это его? — я помахал пальцем в знак отрицания. — Не-е-ет, он продолжил умащать народец. Но он не помощник мне в этой проблеме.

— Са'Ира, ты привёл меня в этот кабак, чтобы обсудить политику? — девушка с угольно-тёмным чуть растрёпанным волосом повертела по сторонам, во взгляд её шоколадных очей попали, и квадратная стойка за которой держатель таверны разливает пиво, и ряды столов, и пляшущая публика, чей танец отбрасывает на стены причудливые быстро меняющиеся тени. — И ты уже успел напиться.

— Ты опоздала на полчаса! — заверил я, не зная зачем и чем убедить её в своей правоте.

— А ты уже успел надраться за это время бутылкой вина. Тебе видимо мало, и ты решил ещё одну прикончить, — тихо и мирно, словно шуршащий килейский песок, Калия изливает свою речь. — Если ты так продолжишь, я оттащу твоё пьяное тело Лишари и кину на стол, чтобы она вытрезвляла тебя.

— Не-не-не, к ней не нужно! — запротестовал я и потянулся за бутылкой, но Закараеш оказалась ловчее — быстрым движением руки она схватила её за горлышко и оттянула, мои пальцы только и успели сжать пустоту.

— Нет, Са'Ира, я не дам тебе превратить себя в свинью.

— Только не говори ей.

— Ах, дело касается Лишари? — чуть улыбнулась Калия. — Говори, что тебя волнует. Говори, и ничего не утаивай.

Я не знаю, почему, наверное, смерть или потеря Константина так смутила меня. Разве он был дорог мне? Разве я его хорошо знаю? Всё это — нет. Но я дико страшусь идти к

Лишари и объявлять ей о смерти того, кто, наверное, деда или отца. Я не знаю, кто он ей, но сам факт того, что она просила помочь, что возложила на меня столь важную миссию. А я за ним не уследил... не просто упустил, а он пал в когтях безумия. Как я ей скажу об этом? Как донесу до её ушей столь скорбные новости. Как я к ней вернусь, проваливший задачу? Она погонит меня же не просто метлой, а молниями и магическим огнём. Но идти придётся, вот и решил немного выпить для смелости.

— Я, я, — мой язык стал заплетаться, а душой овладели сомнения. — Она попросила меня о чём-то важном, а я не исполнил её просьбу.

— И что тут страшного? — недоумевающе посмотрела на меня.

— Я не сберёг ей любимого человека, — раскрыл я всё, сбодроённый двумя литрами аркского полусладкого.

— Подожди, кого ты мог не сберечь? — смутилась Калия и тут же её всё поняла. — Вроде, ты, Джеспар и Константин. Неужели..., - и снова я вижу тот самый испуг, его я раньше видел на лицах своих друзей, когда те теряли любимых и друзей, видел и у Лишари, когда она провожала нас.

— Да. Тот... «пророк» отправился с Джеспаром дальше, — моим словом эта тень рассеялась. — Она просила Константина сберечь, но он...

Воспоминания, череда образов в памяти, встали перед глазами. Настолько сильная боль коснулась сердца, в груди поселилась такая тяжесть, что мне стало не по себе. Руки упали на стол вы бессилии и Калия увидела это. Она ослабила хватку, и я смог взять из её тёплых ладоней бутылку. Губы впились в горлышко и по горлу потекла приятная тёплая жидкость, пока все полтора литра не были испиты.

Я вижу на себе пристальный взгляд Калии. Оценивающий... понимающий. Кажется, ей знакомо это чувство, это состояние — раздвоенность, поражение. Дикий стыд разразил мою душу, он пожирает мою душу подобно ржавчине. В желании ещё сильнее унять боль я собираюсь встать, чтобы купить уже водки.

— Стой, — остановила она меня Калия, узнавшая моё намерение; она с силой сдвинула мою руку — её чуть длинноватые ногти прорезали кожу, на стол закапала алая кровь... это заставило её быстро одёрнуть. — Прости, я не хотела. Я просто... не хочу, чтобы ты стал пьянью. — Закаresh подняла взгляд, её глаза, там я увидел страшную боль, борьбу и надежду, словно подавленным пламенем она заглянула мне в душу, всё тело продрогло, ясности стало больше, а она продолжает. — Скажи, Лишари тебе нравится? Как девушка?

— Я не знаю. Буду честен, она нравится мне, я бы хотел бы с ней быть. Но сейчас... родина... страна... Эндерал. Я не могу оставить его. Искренне хотел бы, что бы не было так, чтобы я смог просто пригласить её.

— Тогда послушай меня, — Калия отстранилась, остановила махом местного разносчика в жёлтой рубашке и кинув ему тридцать медяков, отпустила. — Фриджиэн, послушай, что для тебя важнее — любовь к девушке или любовь к родине?

— Я не знаю. Мне и без Лишари будет трудно, но я бы хотел, чтобы и ей со мной было приятно. Однако... Эндерал, моя земля в опасности и оставить её без защиты — нарушить священные клятвы.

Желание и долг. Впервые за недолгую жизнь передо мной встаёт этот вопрос, но кажется, что и Калии — это известно, что и её молодое сердце ощутило этот не совсем приятный и болезненный выбор. Прошедший разносчик поставил возле Закаresh бутылку белого лёгкого вина, которым она немедля наполнила кружку. И услышал я от неё слова,

которые ей будто не присущи:

— Тогда, скажу тебе так, Са'Ира — Эндерал — он никуда не денется. Есть Велисарий со своим Советом и половиной страны, есть Арантеаль со Святым орденом. В конце концов, Са'Ира, есть ещё и мы. И вся эта гурьба не приглядит за страной? Кажется, ты берёшь на себя слишком много, ты думаешь, что от тебя многое зависит, но разве это так? — Калия слегка коснулась вина, у меня создалось такое ощущение, что Калия говорит это скорее себе, чем мне.

— А вы? — спрашиваю я.

— «Пророк» — избранный. Без нас он не справится — вот и всё.

— Ладно, — выдохнул я, — посмотрим, что нам принесёт день грядущий.

Можно было бы ещё сидеть с Калией, ещё бы обсудить пару тем, как в таверну входит воин, отличный от аркской стражи. На нём лиловый плащ, шлем с пёстрым гребнем и чешуйчатая броня, сверкающая в пересвете факельного огня. Он быстро нашёл меня среди застольщиков и быстрым шагом направился к столу.

— Фриджиэн. Велисарий ждёт тебя сейчас, — раздалось суровые слова, а затем ещё более тяжкие, распалюющие пламя выбора. — Это касается страны.

Глава 11. Скорбный день

Глава 11. Скорбный день

«Горе мне в моём сокрушении; мучительна рана моя, но я говорю сам в себе: «подлинно, это — моя скорбь, и я буду нести её»

— Из книги «Предание».

На следующий день. Арк.

Если Арк это воплощение достоинства, чести и силы, то Подгород это его полное отражение. Огромная сеть пещер и выработок, уходящих на многие метры под землю, стала олицетворением разгуля, ненависти, жестокости и гноящегося общества. Это вам не приятные улочки Арка, и даже не умиротворённые дороги в Речном, нет... это иной мир — отражение всего хорошего, где балом правит секта таинственных людей, во главе которой стоит некий «Отец».

Я едва сдерживаю себя, чтобы мой завтрак не покинул желудок — сегодня мы пришли чтобы обсудить сотрудничество с теми, кого можно назвать властью в этом регионе. Ралаимы и представители нищих, бандиты и воры — вся эта шваль сегодня должна с нами встретиться. К тому же мне не даёт покоя утренний «разгром», который мне устроил мой командир за то, что вчера пил в таверне, лишив меня части жалования. Но ладно, сейчас стоит задача куда важнее, чем просто деньги.

Честно, я бы подумал, что Велисарий с ума сошёл, раз отправил нас сюда, если бы не постепенная эскалация ситуации. Прорицатель и Джеспар всё ещё не вернулись и нас начинает охватывать волнение. И чтобы получить ещё больше поддержки в живой силе, Велисарий пошёл на то, чтобы мы не просто сотрудничали с Ралаимами... а привлекли массы бедноты и нищеты. Арантеалу всё равно на это... для него Подгород место на которое он обратит внимание только лишь в случае мятежа.

Идя по прелым доскам, в убогом факельно-ламповом освещении нам тут и там попадаются тела бедняков во рванье, изгрызенные изнутри мясными червями. Множество народа в старой ветхой одежде, побитые и искоцанные бродят туда-сюда и бормочут что-то, причитают и с недовольством смотрят на нас. Вонь, страшный смрад отходов заполняет каждую улочку этих мест... гнилые продукты и нечистоты, сливаемые сверху, смрад умерших и результаты жизнедеятельности — всё это смешалось в единый невыносимый запах помоев от которого сжимается что-то выше желудка, готового отдать еду. И в это же время жительницы Подгорода бродят по его улочкам, натянув старьё, оборвав его на лоскуты, и сделав глубокое декольте, чтобы отдаться за сотню другую медяков прохожему.

Кажется, что свет справедливости, мир и добро покинули это место навсегда, но насмешка ли — преступники-сектанты в виде Ралаты стали жалким подобием стражей порядка, а их правила — мерзким отражением закона.

Мы миновали одну из центральных улиц. Я, облачённый в свой привычный кожаный доспех, сам Велисарий и ещё трое храмовников, а также с нами ещё двое хранителей — тех самых, что приставлены Арантеалем. У каждого из нас на левой руке ростовые овальные щиты, а в правой меч с округлым лезвием... мой клинок издаёт слабое веяние холода облаком инея, что не может не заметить мой командир:

— Фриджиэн, ты где уже успел меч зачаровать?

— Да-а, одна знакомая чародейка помогла.

— А, Пегаст... я подметил, ты с ней очень сдружился. Не пойми, я не против, но главное, чтобы ваша с ней дружба не помешала исполнению долга, — вдохновенно говорит Велисарий; с каждым его шагом гребень на шлеме подёргивается. — Мы довольно многого добились, и сделать ещё предстоит не мало.

— Господин, ладно ещё ралаимы, но вы и впрямь считаете, что люди Подгорода могут стать... достойными воинами? — спрашиваю я, указав мечом на бедняков, рассаженных в углах и зыркающих на нас. — Их ткни, они рассыпятся.

— Нам нужны все силы, Фриджиэн. Если мы где-то покажем слабость, привлечём недостаточно сил, то Нерим из нас сделает дрова для костра, можешь не сомневаться.

— Понимаю, господин. И вы ради победы готовы работать даже с наркоманами, убийцами, насильниками и беднотой? Разве нам недостаточно безумцев из Ралаты? Велисарий, я слышал, что их «папаша» думает о том, как перейти в мир духов.

— Эндерал — моя родина и я предприму все средства, чтобы её защитить... пусть мне придётся и работать со всяким преступником и сбродом. Мы потом, когда всё закончится, разберёмся что да как, — уверенно и твёрдо ответил Велисарий. — Я родом из Речного. У меня было нелёгкое детство, мой друг. Мать всё время на полях, отец столярничает, и я понял одно — если ты сам о себе не позаботишься, о своей безопасности или пропитании, никто не позаботится. Пускай Арантеаль и заботится о спасении мира, наши цели куда приземленнее.

— Понимаю. Господин Велисарий, после того, как мы договоримся с Ралатой вы отпустите меня на совет? Я понимаю, сейчас вам нужен как красноречивая поддержка, но после..., - пытаюсь упросить Велисария на то, чтобы как можно оказаться в Храме солнца.

— Что ты там захочешь, друг?

— Сегодня будет совет по поводу военной обстановки, — пытаюсь придумать отмазку. — Может быть, узнаю что-то новое.

— А не потому, что там будет Лишари? — к моему удивлению командир оказался проницателен. — Ладно, ты можешь быть свободен, как только мы завершим все дела.

Мы прошли ещё несколько метров по гнилым доскам, пока вместо них не остался сырой песок и камни вокруг. Мы прошли в один из редко используемых проходов, чтобы выйти к месту встречи с представителями подземного народа.

— Атаковать! — раздался крик о стороны и из-за камней на нас бросились бандиты — отморозки в нескольких выцветших драных одеждах, нацепившие на себя панцири из кожи и железа, с ржавыми топорами и мечами наперевес.

Мы подняли щиты, чтобы защититься от первого удара. Для нас подобный выпад не неожиданность... мы были к этому готовы. Один из разбойников прыгнул прямо на мой щит, но не смог обойти его широкой защиты. Я, ощутив удар, тут же совершил выпад и мой меч слегка скользнул ему по горлу, затем ногой оттолкнул его и словно топор обрушил на ключицу второго противника клинок. Он прошёл сквозь кольчугу и ледяным касанием выморозил плоть и сковал движения бандита, но не убил его, а только парализовал всю правую часть.

Позади меня раздалась вопли, и резко обернулся, инстинктивно закрывшись щитом, чтобы топор меня не полосонул. Со вспыхнувшим гневом я пошёл вперёд, превратившись в живой таран, который повалил на землю врага. Затем острием ткнул его, но меч столкнулся о панцирь, однако магия паралитической волной заставила его мышцы конвульсивно

вздрагнуть от наплыва магического холода.

— Прорываемся! — а приказал Велисарий, и мы пошли вперёд, у нас нет особо времени на этих оборванцев.

Я снова блокирую удар — эти огромные ростовые щиты что надо при обороне — мечи и топоры просто бьются об них, только оставляя царапины на жёлтых шестнадцатистрельных звёздах. Запахло жареным — кто-то из хранителей стал использовать магию — во врагов полетели огненные шары, поджигающие рваньё и обугляющие плоть.

Что-то мелькнуло впереди меня, и только успел спрятаться за щит — вражеская стрела едва не прилетела мне в глаз. Вражеские стрелки заняли огневой рубеж впереди и теперь в нас со свистом летят ржавые наконечники стрел. Парировав удар и восходящим ударом покалечив лицо бандиту и быстро десантировав его пинком, вонзаю меч в землю и берусь за один из двух подарков Гаспара. Ощувив прохладу дерева, прицелившись я давлю на крючок и из дула вырывается огонь вместе со всполохами дыма, которые заволок всё непроницаемой пеленой.

Лучник впереди падает как подкошенный, а остальные бандиты, услышав, что у нас в руках столь громкое и разрушительное оружие, бросились наутёк. Отбившись от этого отребья, мы продолжили путь, пока не пришли в установленное место встречи.

Это большая пещера, освещённая холодным светом кристаллов, несколькими факелами и лампами, у «стен» её валяются камни, на которых расселась «стража» представителей, а сами переговорщики нас уже ждут в центре всего этого — на влажном песке, у небольшого гнилого стола. Первый попадает на глаза человек среднего роста, окутанные в таинственность, покрытый бронёй сиреневого цвета из выделанной кожи — жилет, широкий пояс, тонкие псевдокольчужные рукава, прилегающие перчатки и короткие сапоги. Второй — высокий аэтерна в рваном кафтане какого-то богатея, с несколькими шрамами. И третий — суровая женщина, с коротким стриженным волосом, защищающая себя полным комплектом стального доспеха, на поверхности которого переливаются блики от факелов и кристаллов.

Велисарий, сняв шлем и щит и передав их храмовнику, убрав меч в ножны, показывая, что он настроен по-доброму.

— Приветствую вас, добрые господа и дама, — после этих слов мы подошли к столу и приготовились к переговорам.

— Говори, зачем посылал за нами и нашими подчинёнными? — устало и тихо спросил представитель Ралаты. — У нас не так много времени, как думаешь, дитя солнца, — презрительно завершил мужчина, назвав Велисария прозвищем, которое цепляют на всех жителей не Подгорода.

— Давай, — Велисарий кивнул мне, чтобы начал говорить. — Расскажи им.

— Хорошо, — я опустил щит, и сложил руки на груди. — Понимаем, что между нами было всё время напряжение, понимаем, что ваша жизнь здесь не соль, но сейчас нам нужна ваша помощь... не без компенсаций, конечно.

— Вам нужна наша помощь? — заявила женщина, представительница одной из банд. — Интересно, какая угроза вас там припёрла, что вас аж сюда покатило.

— Давай его выслушаем, — тихо проговорил ралаим и девушке ничего не остаётся, как согласиться, ибо практически каждый ходит под Ралатой в этом месте, повинуется её воле.

— Спасибо, — чуть поклонился я. — Стоит начать сначала. Два месяца назад в Нериме закончилась гражданская война и теперь они отправили свои войска на покорение Эндерала.

Вражеские силы стоит у наших границ, и мы пришли к вам за помощью.

— И что же вам нужно?! — вспыхнул золотокожий аэтерна в кафтане. — Медяки пришли с нас просить!? У нас нет ничего, мы — бедняки, и нечего нам дать вам. Ни продуктов, ни денег и оружия. Так что шёл бы ты отсюда куда подальше, дитя света.

— Нет, мы пришли сюда совсем не за вашими деньгами или пищей, — продолжаю я, коснувшись пальцами своего кисета и доставая кошель, забитый медяками и кинул его на стол. — Мы сами готовы вам предложить вам деньги, броню, пищу и даже землю для ваших бедняков. Нам нужно только одно — ваша помощь, люди в Единую Эндеральскую Армию.

— Вы хотите забрать наших людей в свои армии. Годами вам было плевать на то, что тут умирают люди, расцветает преступность. — выступил в роли обличителя ралаим. — Вы не защищали нас от бедности, голода и жажды, и хотите, чтобы мы встали с вами в один строй? А неженки с верхнего города не поморщат напудренные носики от того, что рядом с ними сбудет воевать беднота?

— Мессир, — заговорил Велисарий. — Разве вы не видите, что наша родина в опасности. Неужто вы не приложите усилий, чтобы люд из Арка не приизирал вас, а гордился вами. Грядёт страшная война и неужто вы оставите родину в опасности? Разве вы будете сидеть сложа руки, пока неримцы станут убивать женщин и детей наверху.

— Да, — дал суровый, но честный ответ ралаим. — Мы здесь можем держать оборону годами — только стоит завалить главный вход и ни один неримец не прорвётся к нам. А через тайные входы и выходы мы можем делать вылазки, пополнять запасы и медленно грызть Нерим, — его голос стал холоднее. — Мы и так стоим в Совете, итак дали вам людей для дел тeneвых. Но вы хотите нас поставить себе на службу едва ли не весь Подгород. Не забываете, что благодаря вашему бездействию мы тут прозябаем в грязи.

Я посмотрел на Велисария, который готов взорваться от такого поведения ралаима, но сдерживает себя. В холодном свете кристаллов видно, что кожа его лица стала слабо-красноватого оттенка. Чтобы не допустить тут побоища, мне приходится продолжить разговор:

— Мессир, — осторожно я заговорил, приложив руку к подбородку, — забыл вам сказать, что глава неримцев — Коарек из Кабаэта, как бы так сказать... он жутко ненавидит религию. Ненавидит настолько, что в Нерима убил всех священников и монахов, а также сжёг каждый храм и монастырь.

— Ох, я понимаю, к чему вы клоните.

— Не понимаете. Это — фанатики, они готовы изничтожить каждого, кто по их мнению... «бредит религией», — я заметил, что мой собеседник немного опешил. — Вы сами говорили, что готовы встретить их мечами. Вам честно говорю о том, что мы сожалеем — всё, что стало с этим местом, наша вина. Но дайте нам исправить это, — я быстрым движением достал карту из второго кисета и разместил её на столе, указав на Солнечный берег. — Эти земли могут стать для ваших бедняков новым домом. Мессир, — осмотрел я всех. — Если мы не объединимся, то Нерим всех нас возведёт на эшафот и все станут жертвами безумия Коарека, — я взглянул на ралаима, и он в ответ глянул на меня, отчего мне показалось, что бездна посмотрела на меня в ответ. — Мессир, вы же не хотите, чтобы здесь каждый ребёнок или женщина, что бы ваши родные и идеи — всё это сгорело в огне очистительного похода Коарека?

— И что же вы готовы нам предоставить, достопочтенный!? — крикливо спросил аэтерна с длинным светлым волосом.

— Для бедняков мы готовы предоставить медяки и пищу, а также землю на Солнечном берегу, для воителей хорошее оружие и броню, а для ралаимов... в будущем гарантию того, что их идеи не будут преследоваться, — понимаю, что этого мало, а поэтому мне приходится включить политикана и потеряв ладони, я распалюсь обещаниями. — Орден храмовников, после победы в войне, станет помогать вам, в виде благоустройства Подгорода.

— Да что ты говоришь, — сухо усмехнулся ралаим. — Слова, слова и слова. Только обещания, кроме денег сейчас.

— Мессир, вас прошу понять, что идеи вашего «отца» находятся под угрозой. Когда Нерим вторгнется в ваши пределы, то своё «очищение от религии» он начнёт именно с Ралаты, — я сделал свой голос грубее и порывистее. — Так что вы предпочтёте? Умереть здесь, как крысы в норах или дать захватчикам и агрессорам честный бой в полях, тем самым прославив Ралату, «отца» и его веру!?

Видно было, что я поставил его в замешательство. Он, как представитель секты обладает широкими полномочиями от «отца», но всё же не может говорить за всю Ралату.

— Мы заинтересованы в вашем предложении, — ответил наконец-то ралаим. — Но мне нужно узнать волю «отца» на это. Если он даст добро, то наши мечи и люди к вашим услугам, — ралаим отстранился от стола. — Я буду через пару часов.

Когда этот воин промелькнул быстрой тенью возле меня, я вопросительно посмотрел на Велисария, который всё понял и снисходительно сказал:

— Иди уже, мы и без тебя справимся. Только щит тут не оставь.

— Спасибо господин. — с поклоном ответил Велисарии и закинув щит за спину, достал свиток телепортации в Храм солнца.

Вздвев руки и проведя пару взмахов я позволил магии поглотить меня, поднять и перенести в нужную точку. Испытав щекотливое чувство, меня мгновенно перенесло за огромное пространство, и выбросило в Храме, где я под ногами ощутил твёрдую плитку... и тут же на меня «упал» вопрос от одного из послушников:

— Почему от тебя прёт как от нищего?

— Потому что я был в Подгороде, идиот! — нервно ответил я, поспешая в Обитель, и пробежав пару метров усилием руки отворил тяжёлую дверь, быстро пройдя внутрь здания.

Моё появление вызвало определённую реакцию у большинства хранителей — все они стали помахивать ладонями перед носом — я только что был в помойной яме, и действительно, почему бы от меня и не пахло, как от последнего пьяницы. Быстро пробежав в главную залу обители оказался перед неприятной картиной ссоры — Джорек, Натара и Арантеаль сцепились в словестной перепалке у трона и карты, Юслан расселся за столом, а Лишари стоит в сторонке, облокотившись на кафедру и слушает их речи, а мне остаётся только тихо пройти, под тревожно-вопросительный взгляд дамы в зелёном.

Только я её увидел, только узрел эти глаза, на меня навалился шквал воспоминаний, пульс забил в ушах. Я было хотел раскрыть рот и всё выложить Лишари и мне плевать на Арантеаля и его собрание, но язык словно завяз, налился металлом.

— Мы должны по крайней мере договориться! — возмутился Джорек.

— Вам известны его требования. Для договора нет условий, — сдержанно парирует Арантеаль.

— Он видел то, что видели мы. Писания... воспоминания прорицателя. Если бы он только понял...

— Мадам, мессеры, — я не заметил, как мимо меня прошёл пепельноволосый наёмник

в синей куртке, который отпустил в мою сторону иронию. — Оу, Фриджиэн как ты свалил от нас? И тебе бы помыться, а то несёт, как от тролля.

— Дерьмо, — вставила своё слово Лишари, её голос стал обеспокоенным. — Почему ты так долго. И где Константин?

— Лишари, — я потянулся к не

— Фриджи! — вскрикнула она. — Где Константин!?

— Я... в том храме, — с тяжестью я стал из себя вытягивать. — Мне пришлось уйти. Я там встретил...

Я так и не смог выдать ни слова, сколько бы не пытался. Ещё усилие и моя попытка рассеивается о расстроенный и злобный взгляд Лишари. Повертев головой, я всё же смог собраться

— Существо... та Женщина, то ли дух злобы, то ли порождение храма... оно меня столкнуло с пути, — с чувством липкого, гадкого стыда я лгу, лишь бы не вызвать презрения Лишари.

— Это долгая история, — после этих слов Джеспара я увидел, как в комнате появилось ещё одно лицо, которое называют избранным и кличут «пророком»... что ж, мне до него дела нет, хочет кичить из себя гуся, то пожалуйста.

Несколько минут Джеспар нам рассказывал про их путешествие. Как они вломились в храм пирийцев и как Константин там сошёл с ума... но не о том, как я был там. Он рассказывали что-то о его несвязном бреде и то, что потом пришлось его навечно упокоить в храме. Что ж, вот ирония — один из борцов с религией не справился с проявлениями духовного мира... либо всё-таки старость ослабила его ментальную броню. А потом нам Джеспар поведал как они на поезде добрались до острова и их схватили. «Горе-шпионы, блин», — подумал я. — «Слава Господу, что тут нет Велисария, он бы обложил всеми ругательствами наёмника и чудное порождение из Нерима, которые провалили всё».

Когда же печальный сказ окончился в Обители повисла тишина. Я кинул взгляд на Лишари и мне самом у стало печально от того, что в её очах потух прежний задор. Её уста с дрожью открылись, и услышал слова горше антидота от чародейской лихорадки — амброзии, что сварено из таких трав, которые могут вывернуть желудок:

— И это были его последние слова? Я... я не могу в это поверить.

— Просто ещё одна жертва Высших. Если мы быстро не активируем светоч, он не будет последним, — склонившись над столом, сказал великий магистр, вновь вспоминая о демонах.

— Ах, верно, «светоч», — по зале прокатился звук раздражённой речи Натары. — Если его активировать, мы, надо полагать, просто засветим Красное безумие? Или, может быть, мы могли бы на этот раз, сделать что-то, что на самом деле имеет смысл и сосредоточить свои ресурсы на поиске алхимического или чудотворного решения, а не доверяясь куче металлолома.

Лишари, которая в шоке от смерти Константина, которой надело слушать постоянные причитания о том, что её работа — бред, которой снова говорят, что дело, столь важное для неё — куча старого железа, не смогла совладать с собой и с уст её слетели слова гнева:

— Ох, клянусь жопой прорицателя, ты можешь заткнуться хоть на минуту? Весь день ты только и делаешь, что только ноешь, действуешь нам на нервы, и ничего из сказанного тобой не помогает найти долбанное решение. Почему бы тебе не пойти в купальню и не мучить там прачек своими нескончаемыми причитаниями? Это будет полезно для разнообразия.

Натара же ответила холодным требованием с оттенком угрозы, чуть подавшись вперёд:
— Ты возьмёшь эти слова назад.

— Неужели? — обнажая черностальной меч, огрызлась Лишари. — Пойди и заставь меня. Буду рада.

— Придержи язык дикий маг, или..., - задыхаясь от злобы приказывает Джорек.

Чувствуя, что обстановка накаляется, что резкий характер Лишари и вспыльчивость хранителей, которые также на взводе не доведут до добра, я, руководствуясь желанием защитить Лишари, хватаюсь за ручную пушечку и срываю её с пояса, уставляя в сторону хранителя... мне плевать на них, есть только желание оградить её от беды.

— Джорек! — кричу я. — Давай успокоимся.

— Или что? Убьёте меня? — продолжает возмущаться Лишари. — Это вы делаете лучше всего. Вы и ваш долбаный орден.

— Тихо! — хлопнув по столу, крикнул Арантеаль и услышав ор человека, который раньше тихо говорил, я продрог. — Ты злишься, Лишари Пегаст, и я знаю почему. Но в момент, когда ты своей злобе разрушишь этот союз, жертва Огневспыха станет напрасной. Это то, чего ты хочешь?

— Я...

— Это то, чего ты хочешь? — давит Арантеаль.

— Нет. Нет, это не так, — убрав меч в ножны, отчасти успокоилась Лишари.

— Фриджиэн, — грозно обратился ко мне великий магистр. — Может и ты уберёшь свою трубку?

— Да, — согласился я и прицепил к поясу оружие.

— Хорошо. Я устал от этой бесконечной ссоры. Мы несём ответственность, и мы исполним её.

«Её? Может Наш долг?» — подумал я смущённо, думая, как можно выполнить ответственность. Неужто великий магистр настолько устал, что язык его стал заплетаться?

Тут всем напомнил о себе Юслан:

— Хорошо сказано, Арантеаль. И как именно это сделать? Без источников светоч не полезнее груды ржавого металла.

— Хронисты этим занимаются. Они найдут ответ. Послушник, пригласи командующего Эрен присоединиться к нам, — потребовал Арантеаль. — Нам нужно спланировать оборону на местности. И найди этого Велисария... сейчас нам его помощь как нельзя кстати.

После этого Арантеаль заговорил с «избранным лицом», сказав, чтобы оно, когда отдохнуло, присоединилось к ним. После этого все разошлись, кто куда. Арантеаль сцепился языком с Натарой в каком-то жарком споре. Я поднялся со стула и пошёл прочь из этого места, но увидел уходящую фигуру девушку и нагнал её.

— Лишари! — останавливаю её криком у выхода и когда она обернулась ко мне, я увидел перед собой крайне расстроенную и озлобленную девушку. — Я... я сожалею о твоей утрате. Константин...

— Понимаю. Спасибо, что заступился, — скорбно твердит дама. — Я не знаю, что там случилось в хаме, не знаю, что тебя выкинуло оттуда. Но его поразили Высшие, что ты мог сделать против этого? Я не держу зла на тебя. Если ты говоришь правду, то тебе повезло, что ты вообще стоишь здесь. Почему ты сразу не пришёл?

Эти слова могучей рукой смахнули с меня чугунную плиту вины, гора с плеч рухнула, и я снова мог вздохнуть полной грудью.

— Прости меня, — я повинно опустил голову. — Мне было не себе. Я решил набраться сил, чтобы сказать... и набрался.

— Что за мир говёный — ты пьёшь, мою работу тем временем матерят

— Я считаю, что твоя работа — это важно, — решил поддержать я её, смотря на печаль, которая пленила девушку. — И чтобы не говорила Тручесса.

— Спасибо... как же меня достала эта дрянь, — вспыхнула Лишари и тут же пришла в покой, когда увидела «пророческое лицо»; мягким прикосновением она взяла меня за плечо, оттягивая. — Прости Фриджидиэн, у меня важное дело. Потом поговорим, — устал улыбнувшись. — И... тебе стоит помыться.

Странное чувство обиды... мне так хочется пальнуть в сторону «прорицателя», но это только мысль. «А что если она с этим уникамом в отношениях» — родилась у меня в сознании проклятая и навязчивая мысль, которая одновременно вызывала озлобление, печаль и сжатие в области груди. Почему меня почертило столь... неприятное чувство? Лишари — свободная девушка, она может делать, что хочет, но только одна мысль о том, что у неё может быть кто-то вводит меня в уныние и обречённость. Я только успел выхватить из её фразы «Танцующий кочевник», название таверны в квартале чужеземцев, куда она и пошла, судя по всему.

Мимо меня бредёт наёмник, которого я окликаю:

— Джеспар, я рад, что вы выбрались оттуда. Честно. Нам не хватает хороших людей.

— Ох, ты расщедрился на слова, что я хороший, — устало выдавил усмешку наёмник, став демонстративно махать рукой перед носом. — Тебе что-то нужно?

— Да. Ты не знаешь, у Лишари есть кто-то?

— Оу, да вроде нет. Если честно не могу я этого знать. А что ты захотел? Положил глаз на неримку?

— М-м-м, — затянул, не желая отвечать на этот вопрос и положив руку на плечо Джеспару, тихо говорю. — Я рад, что вы вернулись. Честно. Может быть когда-нибудь мы с тобой пропустим по кружке другой.

— Несомненно, — холодно ответил на мои предположения наёмник, который продолжил путь.

Я быстрым шагом направился в таверну, скинув щит где-то в Обители. Пусть там пока остаётся, потом его заберу. Для себя решил, что только подслушаю их разговор с «удивительным лицом» и всё. Только подтверждаю для себя свои мысли... или к своей радости их опровергну.

«Чем же важна для меня Лишари?», — спросил себя, пока мои ноги лихорадочно перебирают ступени Храма и несутся в таверну. Я вспоминаю, как она зачаровала мне меч, помню её подарок в виде осколка и как она всё же перестала в нашу сторону пускать язвительные фразы. Мне просто рядом с ней приятно и хорошо, весело и светло. Я вспоминаю, что забыл даже про Велисария и его идеи, забыл даже про родину и то, что она в опасности.

Быстро пробежав по кварталам города, быстро очутился у таверны. Оказавшись внутри сильным движением отпихнул пьяницу, который решил ко мне пристать и прильнул к барной стойке.

— К вам заходила девушка в зелёной обтягивающей одежде? — спросил я у мужчины, который стоит вместо держателя таверны.

— Да, ступайте дальше на второй этаж, — ответил мне мужик в фартуке. — Эх,

паштают тут всякие.

— Ещё кто-то был?

— Да, туда недавно и подозрительный люд ходил. Токмо на так же на второй этаж попёрлись.

Я побежал туда и заметил, как у двери мелькнул ещё кто-то, какая-то тёмная фигура, а за ней раздавались всхлипы и странный шум. Меня это насторожило, сердце ёкнуло в груди и в воздухе завитали нотки железа. Что-то тут нечисто и взяв кружку с ближайшего стола, я швырнул в стену у комнаты, чтобы вызвать хоть кукую-то реакцию. Это глупо, но если там творятся тёмные дела, то чёрных дельцов это должно хотя бы напугать. В ушах зазвенел высокий перезвон и раздался странный шум.

— Какого! — крикнул я на лестнице, даже не успев что-либо ещё взять в руки, и дверь моментально распахнулась. На меня вылетело два человека, мелькнувшие словно тени, что чуть не снесли меня с лестницы, благо отпрыгнул к её подножью.

Переведя взгляд на распахнутые двери, мне приходится оставить выбежавших, буквально взлетая по ступеням.

Я прорвался в комнату и пред взглядом очей моих предстала ужасная картина, от которой дыхание перехватило, словно на грудь стиснул камень. Предо мной на кровати, устланной шкурами, лежит полуобнажённая Лишари, захлёбывающаяся кровью. Тёмные фигуры, что прокрались в таверну, уже выбежали отсюда из узкой двери — след их простыл и меня объял гнев от того, что я не могу придушить их собственными руками, но сейчас не это важно.

Из живота торчит длинный пирийский меч, её руки судорожно тянутся к месту ранения, откуда бежит кровь, которая стекает потоком по темноватой коже и марает пол с кроватью. Во рту так же на зубах «играет» блеск бордовой жидкости. Все пальцы замараны кровью, а ладони конвульсивно пытаются дотянуться до оружия.

— Стражу! Что б, вас зовите стражу! — заорал я во всё горло вниз таверны, а сам приблизился: её кожа побледнела, рана сильно оттеняет синим — неужто её отравили?

Что ж, останется только один вариант действий. Я судорожно хватаюсь за рукоять меча и тяну его со всей силы и как только железка вышла из плоти, кровь хлынула вдвойне. Призвав всё могущество, что есть во мне, взмолившись к Господу о помощи поднимаю свои ладони, которые пропали в потоки лучезарного тёплого солнечного света. Вобрав всю магическую силу, направляю поток чар на Лишари в место ранения без остатка её выпуская, истрачивая все силы. Нас учили исцелять других, но это было так давно, что я уже не помню всего, что нужно искать в море энергий и вероятности, полностью отдаваясь интуиции.

Неожиданно мою левую руку свела судорога — неприятное ощущение скручивания и дрожи — мышцы запротестовали против такого количества энергии, которая через них проходит, но я не убрал конечность. Магия, которая течёт из моей руки, изливаясь теплым потоком на Лишари и медленно заживляя рану, оказалась слишком обильной и пронизывая мышцы, заставила деградировать ткани, высасывая из них и жизнь... мою жизнь. Ощущение неприязненного огня пришло, когда судорога в моей руке отошла и уступила место адской боли, которая настолько сильно зажала мою плоть, что даже выбило искры из глаз. Но даже в этот раз я не отнимаю рук, магия продолжает проистекать живительным потоком в её тело, пока наконец-то она не иссякла во мне и ладони сами не потухли.

Свет... приятное свечение ниспало, и увидел, что мне удалось затянуть ранение на животе, но она всё ещё не приходит в себя, её очи закрыты, а кожа приобрела оттенок

бледности.

«Неужто я не смог?» — рождается убийственная мысль в голове, от которой в глазах потемнело ещё сильнее.

Я же поднимаю руки и вижу, что мои ладони — они стали мраморно-белыми, вены на них вздулись синюшными лентами, пальцы сводит в судорогах и треморе, лихорадкой дёргающей конечности. С одним поворотом назад до меня дошло понимание, что ноги стали ватными — пытаюсь сделать шаг, но не могу — они сами покачиваются, и падаю на крепкие руки какому-то завсегдатаю таверну.

— Стр-стражу, — пытаюсь выдавить гортанью и языком, которые перестали меня слушаться; пробую подняться, но всё внезапно поплыло — голоса, люди, окружение передо мной — всё превратилось в одно непонятное месиво — сочетание из звуков, которые я практически не различаю, образов, которые словно закрыты пеленой воды... магия взяла слишком много сил.

Снова пытаюсь пойти я рухнул окончательно. Мои руки и ноги практически переставали подчиняться, и смог только перевернуть себя, чтобы увидеть потолок. Тут же в комнату прошли стражники Арка, которые первым делом бросились к Лишари и их я распознал как большие красные пятна.

— Она всё ещё жива! — кричит прибывший стражник. — Тащите её в лазарет!

Эта новость... она у меня вызывала радость... облегчение, которое заставило меня отдаться во власть тьме. Прежде чем я провалился в бессознательный плен, на моих сухих губах расцвела улыбка, а затем мир окончательно потемнел.

Глава 12. В погоне за надеждой: "следствие вели"

«Вся жизнь испарилась

Из этого места,

Блуждала одна лишь

Больная душа»

— Из книги «Книга поэзии».

По следу

Следующий день. Арк. Лазарет в Храме солнца.

Страшные картины ночного кошмара отступили — изображениям всепожирающего огня развеялись перед самым концом. Я увидел, что воин в блистающих доспехах разогнав шквал адского пожара, встал против него и отогнал. Наконец-то сон отпускает меня, и могу бодрствовать... первое, что пришло с пробуждением стала боль в левой руке — сворачивающая и жуткая, пульсирующая и прокалывающая каждую мышцу, она цепью скрутила конечность.

— А-а-а! — сорвался с моих уст крик, когда попытался встать и возле глаз у меня заиграла бьющаяся темнота. — Ка-кк же... бол-больно.

В стороне раздалась речь полная удивления:

— Странно, что ты вообще жив, — я смог подтянуть ноги и упираясь здоровой рукой о постель, занять полусидячее положение; через расплывчатые круги перед глазами увидел, что напротив меня стоит высокий парень в жёлтом плотном одеянии, его лицо скрыто капюшоном, а на груди блестит ромбовый амулет. — Такое количество магии должно было тебя прикончить.

В нём я признал члена ордена аптекариев — тех, кто самоотверженно борется с болезнями и чумой, кто самозабвенно лечит больных и следит за здоровьем населения, а также варит большинство зелий.

— Но, — собираясь с силами, формирую мысли в уме. — Я жив.

— И это удивительно.

Я смог спустить ноги на пол и еле как повернулся. Вытянув перед собой левую руку, попытался сжать пальцы, но плоть в конечности сильно ослабла, что они только немножко согнулись, а затем резь в ладони только усилилась.

— Ты не сможешь ей ничего делать, — отметил парень. — У тебя слишком сильно пострадали ткани при передачи магической энергии. Я могу только дать тебе обезболивающее.

— Было бы... хорошо, — вытягиваю я из себя фразы, осмотревшись.

На мне обычная туника алого цвета и лёгкие штаны из чёрной ткани. Стопы же ощущают холод серокаменных плиток, которыми устлан пол лазарета. Повертев головой вижу ещё одного человека, лежащего на соседней кровати — это девушка с каштановым волосом, облачённая в длинную домотканую рубаху. На её теле — бледных руках, у горла множественные примочки. Её лицо... ранее такое живое и прекрасное сейчас являет только мрачную тень былого великолепия. Горечь и боль охватили моё сердце... я ведь не успел, совсем немного. Ох, если бы поспешил, то остановил бы убийц, но моя нерасторопность, как

мне кажется, привела к столь печальным последствиям. Что же я за... Почему такой вид этой девушки, только мысль об её утрате рвёт мне душу?

— Лиш-Лишари, — перебирая языком, сквозь усилия произношу я, потянувшись к ней рукой, но аптекарий пресёк это.

— Даже не думай. Хоть ты и приложил сверхвозможные усилия и повернул вспять некоторые биологические процессы, всё равно смертельное равнение и яд в организме практически убили её, — пояснил аптекарий. — Знаешь, ей помимо твоей магии помогло и одно пирийское колечко, которое мы с неё сняли. Оно было зачаровано на укрепление жизненных сил.

Услышав, что моё кольцо помогло ей, я немного обрадовался от того, что хоть чем-то смог ей помочь, когда даже сам не подозревал, к чему может привести тот дар за примирение.

— И что сейчас с ней?

Вместо ответа аптекарий протянул мне лист пергамента, на котором сверху стоит печать Лиги, а внизу текст, который читаю:

«Карточка пациента Лишари Пегаст.

Причина поступления — потеря крови по причине ранения холодным оружием в брюшную полость, отравление организма.

Состояние — стабильно тяжёлое. Введена в кому для сохранения жизненных функций.

Описание проблемы — доставлена с ранением брюшной полости, кожные покровы в районе нанесения раны были успешно заживлены магией по локации происшествия, но магический анализ показал повреждения мышечных тканей и внутренних органов, что вызывало сильную потерю крови. Ржавчина на оружии и повреждение органов спровоцировала заражение крови. А так же был обнаружен нервнопаралитический яд. Ранение холодным оружием, большая потеря крови и отравление вызвало шок в организме.

Принятые меры — Посредством введения антидота, и восстановительно-хирургических предприятий в виде операции и магического усиленного заживления удалось восстановить целостность тканей, вылечить заражение крови и устранить воздействие яда. Чтобы избежать воздействия шока и возможности внутреннего кровотечения, Лишари Пегаст введена в кому.

План лечения — применять магическое восстановление, вводить зелья для укрепления жизненных показателей».

— А если простым языком? — попросил я, отложив бумажку.

— Мы провели много операций, как и магических, так и на теле, нейтрализовали яд, но организм претерпел колоссальный шок. Проще говоря, она сейчас в коме. И ей нужен покой.

— Проклятье, — выругался я.

— Благодаря тебе она в таком состоянии, а не отправилась в загробный мир, — успокаивает меня аптекарий, положив ладонь на плечо и протянув какой-то бутылёк красного, который я тут же выхватил и приложился губами к краю сосуда, опустошив его; в мгновение ока по моей глотке протекла горькая жидкость, от которой у меня перехватило горло и возникла тошнота.

— Сп-спасибо, — сказал я, чувствуя, что левая рука медленно «прощается» с болью, но всё ещё не могу ей нормально шевелить, она ослабла, и чтобы хотя бы согнуть её в локте, мне приходится приложить невероятные усилия. — И что же будет теперь?

— А что? Мы займёмся ей. Можешь не беспокоиться, — успокаивает меня

аптекарий. — Молись, за её здоровье.

«Ох, Лишари, как же печально... как же всё вышло по-идиотски», — горестно подумал я и при виде такой беспомощной, со сокрытыми веками и беспомощной дамы у меня готовы слёзы на глаза навернуться, но держу себя. Как мне бы хотелось сделать что-то, что выведет её из этого состояния, однако пока у меня нет ни единой возможности. Накатившее чувство беспомощности неприятной змеей свернулось у сердца.

Сглотнув, я убрал от неё свой взгляд, только сотворив короткую молитву шёпотом:

— Всевышний, помоги ей. Прошу тебя, прошу... пускай я и погибну, но пусть она живёт.

Я покинул комнату, где тихо раздаётся сухой треск от камина, у стен расставлены кровати с зелёной постелью и иду в сторону выхода. Оказавшись в непросторном проходе я иду по тёмному коридору, пока не достиг лестницы, ведущей вниз. Спустившись я оказался в Святилище, где меня уже ждут. Я оказался у огромной статуи одного из Рождённых Светом — Мальфаса, который представлен высоким воином в доспехах и плащом, держащим левой рукой цепь, а правую простерев вперёд. Дальше я вижу скамьи и ковры красно-золотистой расцветки.

Ностальгическая мысль возникла в голове. Тут меня посвящали, тут я говорил клятву, которую ранее предал. Но какое сейчас до этого дела? До моих ушей донёсся тяжёлый голос Арантеалья, который что-то пытается донести:

— Он сейчас мне нужен, как свидетель, Велисарий. Ты не можешь его забрать.

— Арантеаль, хочу напомнить тебе, что у нас сейчас война началась. Солнечный берег отбил все высадки, а вот в пустыне у нас оборона просела. Мне нужны все бойцы, — громко и грозно говорит Велисарий. — К тому же, это мой воин.

— Пусть он сам и решит, — показав на меня сказал Великий магистр.

Как же хотел бы присоединиться к войне с Неримом, если бы не нападение на Лишари и рука. Я подхожу и зрю, что Велисарий со снисхождением и негодованием смотрит на меня, нахмутив брови.

— Фриджиэн, ты нам нужен, — на меня взглянул Арантеаль, взывая к надеждам в душе воей. — Ты как свидетель нападения, должен дать показания.

— Фриджиэн, вспомни о главном долге перед родиной, — оппонирует Велисарий, так и не снимавший свой доспех, внимая к моему долгу об эндеральской войне, — Нерим наступает по всем фронтам. Нам нужен каждый боец.

Какая ирония. Моим делом стала война за будущее родного края. Я даже последовал за Велисарием, чтобы защитить дом. И по возвращении я приложил все усилия, чтобы оградить землю Эндерала от наступающего ужаса. Таков был мой долг и цель. Но потом какое-то пленительное чувство, ощущение призрачной связи отстранило моё внимание, привлекло к другому интересу. «Что же выбрать?» — рождается в голове вопрос, но тут же разрешается.

— Господин Велисарий, — еле как поднял левую руку, которая осунулась и похудела, попытался сжать пальцы в кулак, но не смог — конечность практически не слушается меня. — Друг, ты видишь. Я ничем не могу помочь.

— Понимаю, — печально выдохнул Велисарий и положил мягко мне руку на плечо. — Ладно, ты поправляйся. Как только станет лучше, я жду тебя у себя.

— Господин Арантеаль, — обернулся к седовласому хранителю. — Но свидетелем я тоже не буду..., - я подготовился, чтобы выдать задуманное. — Дайте мне принять участие в расследовании нападения. Прошу вас, — взмолился я. — В Ордене завёлся предатель,

которого необходимо найти.

— Предатель... ты прав. Я уже распорядился поставить стражу для Лишари. Мы никого к ней не пропустим без согласования со мной.

— Хорошо, что вы так поступаете, — нервно говорю я. — Но что со следствием? Я прошу вас дать мне участвовать в расследовании.

— Нужно ли, — задумался Арантеаль. — Сейчас и так достаточно стражников поставлено на поиски убийц.

— Прошу вас, — я буквально требую. — Арантеаль, это необходимо сделать.

— А я согласен с Фриджидиэном, — сказал Велисарий. — Пока мои ребята занимаются обороной и подготовкой солдат, он бы порыскал по городу.

— Хорошо, — согласился Арантеаль, — я постановлю о создании оперативной группы. Только во главе её встанет бывший глава розыска преступников — Аксандер Далль'Кин. Всё, у нас так мало времени. Встретьтесь с ним на месте происшествия.

«Что ж, сейчас это единственное, что могу сделать», — хоть немного успокоил я себя... но чувство вины и безысходности продолжает меня съедать. Я, пустым взглядом смотрю в пятки Арантеаля и Велисария — один уходит, чтобы остановить апокалипсис, а второй на войну; вижу, что меня с жалостью буравят взором послушники и некоторые магистры, пришедшие сюда помолиться.

— О, Си'Ира, Фриджидиэн, — я откликнулся на своё имя, слева от меня стоит чуть выше среднего худая девушка, с чёрным стриженным волосом, овальными чертами лица и немного загорелая — это Калия, бывшая послушница Ордена, а ныне — хранитель... и недавняя спутница. — Я сочувствую. То, что произошло с Лишари это очень горько.

— Спасибо, — от сожаления моя глава опустилась. — Мне не хватило сил её спасти.

— Это без сомнения, хороший поступок, — сдавленно отвердит Калия. — Знаешь, говорят, на месте преступления была найдена светопыль.

— Ох... она ведь не могла принадлежать Лишари.

— Понимаю. Просто большинство торговли светопылью держит Ралата. Они иногда оставляют свои посылки вдалеке от города, чтобы не было конфликтов со стражей. Я помню даже видела какой-то ящик в Шепчущем лесу.

— Спасибо, Калия, — в благодарности немного поклонился. — Я у тебя в долгу.

После этого мы попрощались, и отправился на следствие, только прихватив из своих вещей меч, сумку с документами и «громыхатель» или малую «огневицу», как я называю иногда изобретение Гаспара. Спустя полчаса оказался на месте преступления — в таверне Танцующий кочевник. Пройдя за её порог, моё сердце запеленали тернии, боль в груди напомнила мне о произошедшем. Пройдя чуть дальше, выхватываю слова протяжно текущей бардовской песни:

— Для мира обыденностью стало, в порядке вещей,
что содрогнётся сильный и колыхнётся великий,
когда услышит её голос, симфонию сладких речей,
и отойдёт на второй план мир тёмный безликий.
Но настанет момент, придёт страшный день,
когда смолкнет музыка её чудного гласа,
и поймёшь ты, узнаешь, что воплотился ты в тень,
и сердце станет хладно-ледяного окраса.

Я тряхнул головой выбросив эти колющие дух слова и продолжил движение в

помещение, где меня уже ждёт стражник в комнате, которую снимала Лишари, — облачённый в привычный для здешней армии табард красного цвета с белым львом на груди, чуть полноватый мужчина среднего роста. Округлое лицо обросло седой щетиной, на носу имеется царапина, а в голубых глазах до сих пор можно увидеть блеск попристрастию к делу. Так же с ним ещё двое стражников Арка, присланных в помощь.

— Ну здравствуй, — протянул он мне ладонь, которой заключил мою в крепкое рукопожатие. — Это ты рвался нам помогать?

— Да, мессир. Дело возбудили?

— Да. Арантеаль постановил о начале преследования. У нас от Святого ордена полный карт-бланш действий. Как звать-то тебя?

— Фриджиэн, мессир Аксандер.

— Хорошо, — он показал мне рукой на тех двух стражников. — Они уже провели опрос посетителей таверны. Всё как всегда, пьяный люд особо ничего не видел и не слышал. Только зафиксировали, что как только сюда ворвался эндералец, спасший ту девушку, из комнаты вышли две подозрительные фигуры.

— И даже держатель таверны ничего дельного не рассказал?

— Да говорил, какой-то смуглый парень... не более того.

— Хм, как обычно, — фыркнул я. — С каких следственных действий начнём? Осмотр?

— Да, а с чего ты ещё хочешь? — усмехнулся Аксандер. — Доставай бумажки, будем записи вести.

Я правой рукой открыл сумку и достал из неё несколько листов пергамента. Быстро разлиновал и приготовился писать, положив лист на стол, внимательно смотря за всеми действиями Аксандера, описывая место совершения преступления и фиксируя его каждую деталь.

Аксандер подошёл к кровати, измазанной в крови и склонился над ней. Затем он приблизился к выкинутому мной клинку и разглядел его,

— Меч... пирийский, — он махнул рукой. — Стража, возьмите его, как улику. Сравнить бы его с порезом на теле, но один герой всё заживил на коже жертвы.

Ребята подсуетились и быстро упаковали его в такой-то тканевый мешок. Затем Аксандер переместился в смежную комнату, мгновенно припав к столику с двумя бокалами и едой, тут же став комментировать:

— Зафиксируй в протоколе, что тут есть стол, накрытый для двух персон. Видимо, она встречалась здесь ещё с кем-то, — он снова зовёт стражников и приказывает им, чтобы они убрали продукты в тканевые мешки. — Скорее всего, её отравили тут, а потом она пошла в ту комнату... её попытались убить с помощью меча. Но зачем с неё сняли одежду?

— Такие шмотки, как у неё хорошо торгуются, — заявил один из стражников. — Если торговать ими, то можно хорошо заработать.

— Или кто-то хотел скрыть следы преступления, — добавил я. — Улики. А может чтобы запутать будущее расследование.

— Ладно, в любом случае обе версии имеют место быть. — Заявил Аксандер и перешёл к осмотру вещей. — Посмотрите, — указал он на перевёрнутую лавку и пару предметов. — Мебель повёрнута. Возможно она пыталась покинуть это место, но не смогла далеко уйти... яд подействовал быстрее. Определённо. Я узнавал у аптекариев. У неё в крови был яд, сильный паралитик и снотворное.

Я всё внимательно зафиксировал, в то же время понимая, что единственно полезная

информация для нас — о светопыли, одежде, которая может всплыть на рынке и яде, которые если более точно определяют апотекарии, можно будет говорить более подробнее. Что ж, это хоть что-то.

— Ага, а преступников было двое. Видимо, один заманивал и травил, а второй покушался на убийство, — Аксандер отдал указание одному из стражников. — Необходимо узнать с кем могла встретиться Лишари здесь. Опросите Джеспара, этого прорицателя и Юслана.

— Их сейчас нет в городе, мессир, — доложил стражник. — А Юслан после покушения куда-то пропал, но говорят, что он уже в Храме солнца.

— Хорошо. Тогда, нужно выяснить, чем она занималась и у кого мог возникнуть интерес в её гибели. Мотив главное сейчас выяснить.

— Это можно узнать у Арантеалья, — говорю я. — Наверняка она общалась с ним перед покушением. Может быть даже узнаем что-то о мотивах.

— Хорошо, — согласился Аксандер. — готовьтесь, мы уходим. Осмотр места преступления окончен.

Через полчаса мы уже были в Обители, где у каменного стола взирает на карты Арантеаль. Я вытащил бумагу, чтобы вести записи, а Аксандер принялся задавать вопросы:

— Мессир Арантеаль, простите, что мы вас отвлекаем от дел. Это касается Лишари Пегаст.

— А, — отвлёкся от карт великий магистр. — Что вы хотите от меня узнать?

— Нам необходимо узнать, — начал Аксандер. — Что могла делать Лишари Пегаст, что могло бы спровоцировать кого-нибудь совершить покушение на убийство?

— Не знаю, — задумался Арантеаль. — Она вроде особо не с кем не конфликтовала, только накануне поссорилась с Натарой и Джореком.

— Ага.

— Вы их в чём-то обвиняете? — спросил магистр.

— Нет, мессир. Мы отрабатываем все версии.

После ответа Аксандера я записал в акте опроса то, что возможными организаторами покушениями могут быть Натара, либо Джорек, которым не понравилось, что какая-то девчонка смеет поднимать на них голос или вообще перечить. А оскорбление, которое было нанесено Натаре, для Тручессы могло стать личным мотивом.

— Насколько помню, Лишари Пегаст ещё занималась расследованием того, кто мог бы стоять за наёмниками в Старом Решенграде.

— Что за событие?

— Она изучала артефакты, связанные с пирийцами и необходимыми для нашего исследования. Пирийские руины были атакованы наёмниками, которые пытались уничтожить реликвии, — пояснил Арантеаль, сложив руки на груди. — Она пыталась найти тех или того, кто мог бы послать наёмников.

— То есть вам уже мешали в ваших исследованиях?

— Да. Но как это связано с Лишари?

— Всё может быть, — задумался Аксандер. — Может быть с ней расправились из-за её маленького расследования. Во всяком случае, мы всё ещё формируем версии. И как одна из них — на почве личных неприязненных отношений, а другая — с целью помешать вашим исследованиям. Она же была один из ведущих магов, я ведь не ошибаюсь?

— Именно, — ответил Арантеаль, отстранившись к одному из стендов. — Теперь вся

работа без неё пойдёт медленнее.

— И сейчас можно ещё говорить о том, что её попытались устранить из-за её маленького следствия, — чётко проговорил Аксандер. — Нам понадобится больше людей, чтобы провести более тщательное расследование, а так же документы, Арантеаль.

— Проклятье, у меня и так мало солдат, — вознегодовал великий магистр. — Вам двух стражников что ли не хватает?

— Я могу вам выделить пару своих храмовников в помощь, — внезапно позади раздался голос Велисария, который в полном боевом облачении зашёл. — Только если Арантеаль наделит их соответствующими полномочиями.

— Хорошо, — согласился великий магистр и подтянул какие-то бумажки и пером оставил на них строчки — административное повеление о подчинении храмовникам.

— Чудесно, — улыбнулся Велисарий. — Арантеаль, я пришёл, чтобы обсудить с тобой определённые моменты обороны и контрнаступления.

— Мессире, — поклонился Аксандер, подбирая бумаги. — Мы оставляем вас. Спасибо за сотрудничество.

Мне интересен мотив сотрудничества Велисария со следствием. Мне кажется, что он пытается показать себя человеком деятельным, но зачем? Как он это дальше будет использовать?

Ладно, я поплёлся за стражником, который немного прихрамывая дошёл до выхода и предъявил бумаги воинам в анатомических доспехах и шлемом с лиловым гребнем. Я только сейчас вспомнил, что когда стало известно о вторжении Нерима, Велисарий и часть храмовников переместилась в Храм солнца, где разместили небольшой гарнизон из полуроты тех, кто раньше был ополченцами и двадцатки — гвардейского подразделения. Интересно, но Велисарий всё больше отходит от идеалов временного войска, переходя к регулярным воинским формированиям, переименовав ополчение в Единую Армию.

«Я долгие дни не видел Гаспара и Исаила», — опечалился я, помня, что Гаспар полностью ушёл в труды по созданию «огневиц» и надзором за работами по артиллерии, а Исаил и первосвященник изучают Предание, продумывая возможность переориентировать население на «рельсы» новой веры.

Выйдя за дверь мы оказались на просторно помещении. Проклятое воспоминание, что именно здесь общался и сдружился с Лишари, «ударило» по душе тяжким молотом хвори.

— Господин Аксандер, — решил я задать вопрос, ощущая прохладу ветра и дивясь тому, как быстро успели нахмуриться облака. — Что мы будем делать дальше?

— Для начала мы проведём опрос Джорека и Натары... у них конечно есть мотив, но я не думаю, что они могли бы заказать Лишари... да и мешать исследованиям? — смутился Аксандер. — Возможно только, чтобы затормозить исследования, но с какой целью?

— Натара на совете говорила, что светоч — это трата времени и нужно сконцентрироваться на решении вопроса с Красным безумием.

— Ага, а смерть Лишари позволила бы ей надавить на Арантеаля и заставить его отвлечь внимание от светоча. Но ведь есть ещё магистр Мерраджиль, который тоже занят светочем.

— Да. И судя по всему, покушение не остановило работу над этой штукой.

— Хорошо, — Аксандер взмахом руки подозвал одного из храмовников. — Ты отправившись к Натаре и проведёшь опрос составлением акта. Узнаешь, что необходимо — где была, что делала после совета.

— Есть, — приложив руку к сердцу согласился воин и пошёл выполнять задание.

— Эх, вызвать бы их на допрос, — посмаковал я. — Да надавить чутка.

— Вот ты дурень, — посмеялся Аксандер. — Ты собираешься хранителю обвинение выдвинуть? Без постановления Арантеаля или решения Трибунала — это равносильно самоубийству, законник блин.

— Да я так, — махнул рукой. — Просто хотелось бы побыстрее найти этих тварей и... задержать с особым пристрастием.

— Понимаю. Ладно, хватит языком трепать. Что у нас есть ещё по материалам дела? Мы осмотрели место преступления, поговорили насчёт опроса. Я уже отправил пару стражников исследовать место, куда ушли преступники.

— Кстати, ещё могу сказать, что Юслан Ша'Рим оказался у места преступления, — от радости, что я вспомнил деталь, прихлопнул в ладоши. — Это неримский маг. Я слышал, что он там неподалёку ходил. Странно, он ведь обычно в Храме солнца безвылазно сидит. А тут решил до «Кочевника» прогуляться?

— Юслан-Юслан... а что ты можешь о нём рассказать?

— Юслан... говорят, что он прибыл с Нерима, но его имя и цвет кожи... явно не неримской национальности парень, — задумался я. — Так же он хороший энтропист. Если захочет, может от человека оставить кучу костей оставить.

— Ага. Но ведь у него нет мотива убивать Лишари. Я бы посмотрел его прошлое, только это нужно его опрашивать... если он замешан, то быстро из хранителя или храмовника суповой набор сделает. Нет... с ним будем работать, если наберём достаточно доказательств.

— Меня беспокоит светопыль, — подумал я, сложив руки на груди. — Сильнейший наркотик, и вдруг здесь. Это прерогатива Подгорода.

— И что ты предлагаешь?

— Всё просто — нам нужно связаться с Ралатой и спросить у них, нет ли в их «клиентах» скупщиков для нас знакомых. Или хотя бы из тех, кто имеет доступ к Храму солнца.

— Ты хочешь обратиться к Ралате за помощью? Я прав, или мне сейчас это послышалось?

— Да! Мы непременно должны найти этих гнид! — сорвался я. — И заставить их ответить за содеянное.

— Знаешь, если бы аптекарии не проверили её кровь на содержание светопыли, то одной из первых версий было то, что Лишари сцепилась за дозу, — сказал Аксандер, что вызвало у меня бурю негодований. — Ты меня уж прости. Я вижу, что ты... заинтересованное пристрастное лицо, и имею право тебя отстранить от дела, но я этого не стану делать, если ты свои эмоции запрячешь куда подальше!

— Но...

— Никаких «но». Ты думаешь, что Ралата нам станет помогать? Да им всё равно, что тут творится. Пришили и пришили, не их дело, — Аксандер пошёл в сторону врат. — Нужно сконцентрироваться на том, что мы уже имеем.

— Ты отчасти прав... но всё-таки, — я вспоминаю слова Калии. — Одна хранительница говорила, что Ралата использует Шепчущий лес для своих поставок. Она сказала, что ей попался ящик от Ралаты. Я предполагаю, что это было вовремя испытания.

— Ты помнишь дорогу?

— Идёмте! — махнул я устремился в сторону выхода из Храма солнца.

Спустя два часа мы оказываемся в лесу — тёмном месте, где подле деревьев клубится негустой туман, деревья стали сухими и скрюченными, лишёнными жизни и посеревшими. Станный запах гниения и смрада тянется отовсюду. Мы идём по каменной дороге, и осматриваю практически каждый куст, впопыхах, чтобы найти что-нибудь важное. В стороне раздалось какое-то копошение, на которое я слабо обратил внимание, увлечённый поисками чего-нибудь, что укажет нам след.

— Гнойный жук! — обнажив клинки, крикнули стражники.

Я только лишь схватился за «громыхатель» и одним выверенным движением сдёрнул его с пояса, уставив на тварь и надавил на крючок. Пуля с громopodobным звуком вылетела из дула и попала твари в голову, без замедления на сухую траву хлынул тёмный икор, а тварь буквально снесло силой выстрела.

— И что ты тут хочешь найти? — спросил Аксандер, который плетётся за мной, пока я исследую каждый куст здесь в поисках нужных улик или намёка на них. Сегодня мы немного поработали, узнали слишком мало и хотелось бы, чтобы ещё что-то всплыло. Но кажется, что этому не бывать и куст за кустом — всё оказывается напрасно. Моя правая рука лезет в очередные ветки, отодвигает их и получает острыми обломками по коже. Ладонь, вся исцарапанная и окровавленная словно не чувствует боли, бросает это дело, когда я снова ничего не вижу. Всё вокруг серое, монохромное и трудно выделяемое, отчего можно сойти с ума.

— Парень! — закричал Аксандер. — Ты это ищешь!?

Я вихрем к нему подбежал, посыпая голову пеплом от того, что не смог разглядеть так мне нужной закладки с наркотиком. У самой дороги под невысокими тонкоствольными деревьями, слегка прикрытый сухими кустами, красуется ящик, а возле него раскинуто пара мешков и есть бочонок. Один из стражников коснулся мешка и провёл по нему — тут же на его пальцах появилось что-то, мерцающее перламутром. А на самом ящике надпись светлой краской — «Ша'Рим Ралата!»

— Светопыль, — произнёс стражник, который ощупал мешки.

— Вот подонок! — закричал я. — На колбасу пуцу его!

— Остынь парень, — с силой тряхнул меня за плечо Аксандер и посмотрел в глаза, пытаюсь убедить; его голос надрывист и напорист. — Мы не знаем точно, светопыль это или нет. А если так, то нам ещё необходимо установить множество деталей.

— Нужно его хотя бы допросить! — кричу я. — Тут прямо на ящике написано, кто закупается светопылью в Подгороде!

— Мы перетащим его к нам, изучим, — продолжает гнать свою линию Аксандер. — Это ещё не доказательство того, что он организатор или убийца. Или ты собираешься вломиться к мастеру-энтрописту? Да от тебя и мокрого места не останется!

— Но...

— Отдохни, — убеждает меня Аксандер, но кажется злоба настолько мной охватила, что не слышу его, и он переходит к последнему механизму. — Я отстраняю на время тебя от следствия. Если начнёшь что-то сам делать, тебя в камеру посажу, чтобы ты дров не наломал.

— Я ведь, — пытаюсь жестиковать, но левая рука не повинуется, и только правая что-то выдаёт.

— Мессир, — ложиться мне сзади на плечо рука стражника. — Вам реально нужно отдохнуть.

— Хорошо, — выдыхая соглашаюсь я и отстраняюсь от этого места, полностью приняв точку зрения Аксандера, видя в ней правду — если сейчас галопом погнаться за догадками, то можно наломать немало дров.

Спустя полчаса снова оказываюсь в лазарете... моя боль в руке усилилась, да я пришёл, чтобы проведать Лишари. Тем временем аптекарий отошёл за ещё одной порцией зелья, сел напротив поверженной чародейки. Пока наш «одарённый» друг носится по всему Эндералу, девушка на грани жизни и смерти. Она, как говорят, спасла его от чародейской лихорадки, а это существо бегаёт на побегушках у Арантеаля, который полностью погряз в идее остановки цикла. Это хорошо, они пытаются спасти мир... но кто исцелит Лишари, ту, которая избавила от «лихорадки» потенциального защитника Эндерала?

Я аккуратно касаюсь ладони Лишари, заключаю в свои объятия. О Господи, да она прохладная. Мне так хочется сделать что-нибудь, что бы хоть немного помогло её выздоровлению, но я не могу... всё отдано теперь во волю Всевышнего и мастерству аптекариев. Мои уста тихим шёпотом дают какое-то обещание, а сам я чуть подымаю её руку..., наверное, пытаюсь сделать хоть что-то:

— Эх, Лишари, если ты поднимешься, то обещаю, я помогу тебе с этим светочем.

Орден во мне погубил чувственность, но я ощущаю желание быть рядом с Лишари. Если это и есть Красное безумие, то пускай оно таким и будет. Да, пусть я сойду с ума, только бы она жила.

— Ах, это вы, — в лазарет прошёл аптекарий и сел возле камина, потирая руки у огня. — Её состояние без изменений. Всё так же. Я конечно нашёл рецепт одного лекарства, которое может разогнать в ней жизненные силы... но мне нужен один редкий ингредиент. И ещё пара других.

— Проклятье! — крикнул я. — И где его, их, найти? Что это за гадость?

Аптекарий поднялся со стула и неспешным шагом подошёл ко мне. Его рука протянулась ко мне с распахнутой ладонью в жесте приветствия.

— Будем знакомы. Я — О'Брайенн, — а затем он вытянул из кармана что-то белое и спрессованное в виде маленького квадратика, говоря. — Держи.

— Что это?

— Экстракт сон-травы, успокоительных трав и ещё нескольких веществ. Помогает... успокоиться.

— Фриджиэн, — я услышал своё имя и увидел хранителя, который вбежал в лазарет. — Велисарий призывает нас на бой. Неримцы атакуют. Нам нужна любая помощь.

Какая неприятная ситуация — я снова перед выбором. С одной стороны, аптекарий и его план, а с другой безопасность родины... как же бы не хотел, чтобы этого было. От меня не будет толку и Велисарий это знает, что и решил донести до хранителя. Приложив губы к ладони Лишари и опустив её руку, я киваю в сторону О'Брайенна:

— Готовьте список, — поворачиваюсь к вошедшему воину. — Прости, но не сейчас.

Особый отдел

Спустя два часа.

Я сижу в небольшом помещении, где есть старый письменный стол, заваленный бумагами, чугунный безурчатый сейф, пара шкафов и стульев, да диван. Свет же проникает сюда через единственное окно, усиливая освещение от ламп. Старые обшарпанные стены не внушают жизнерадостности. Я присел у стола, вызванный в одно из помещений стражи и

слушаю грубую речь:

— Парень и всё же ты был не прав насчёт Ша'Рима, — сказал сидящий напротив меня седоватый стражник. — Мы узнали насчёт их надписей. Ралата происходит из Киры, а там надпись Ш... Р... то есть «Шэрам» переводится как «восстать из пепла». Это их лозунг, парень.

— Мы?

— Под постановление Арантеаля собрали группу людей для расследования покушения. Обычно этими ребятами собираемся на такое негласно, но сейчас у нас есть официальный повод.

— Хорошо, — я тяжело выдохнул, ощутив, что был глубоко неправ, о чём, с жалостью говорю. — Понимаю, ошибся. Эмоции взяли верх.

— Я вынужден тебя спросить, у тебя — тебя что-то связывает с Лишари Пегаст? Есть любовно-родственные отношения? Трудовые или коммерческие?

— Нет. Ничего с ней у меня нет.

— Хорошо, — Аксандер подтянул к себе одну бумажку. — Это протокол допроса одного лица, который оказался на месте преступления. Я не буду его читать, просто скажу, что согласно допросу на месте преступления оказались лица похожие на тебя, Юслана и протеже Арантеаля.

— Да. Лишари Пегаст должна была встретиться с тем протеже, а мне было интересно, с чём бы они говорили.

— Ладно, у нас сейчас полным-полно работы, и главное, чтобы Леора всё нам не пустила под гузно коровы.

— А что не так с командующей?

— Мы расходимся в методах, — Аксандер поднялся с места, подойдя к окну. — Она не думает, что можно в расследовании использовать кого-то помимо стражи.

— А вы?

— Я не гнушаюсь никаких методов. У меня есть даже пара осведомителей из Ралаты и торговцев светопылью. До них мы всё равно не доберёмся, но вот использовать их в обмен на медяки, можно.

«Сотрудничество с преступниками... если только это поможет раскрыть всё это», — гневно подумал я, а стражник продолжил:

— Ладно, помимо всего, я нарыл ещё много чего. Ладно ты и протеже, но что же с Юсланом. Тебе не показалось это странным? — спросив, стражник вернулся на место.

— Его Лишари так же могла позвать поговорить с ним. Она же вроде как проводила расследование.

— И то правда, — и подтянул ещё пару листков. — Но ладно. Я изучил акты опроса Джорека и Натары — эти оба всё время по их словам провели в Храме Солнца. Однако, они могут и соврать нам... жалко, что их статус запрещает нам их допросить.

— А что там по уликам? Что с мечом? Удалось отследить его путь или появление? — интересуюсь я, желая найти что-то важное.

Аксандер зацепился пальцами за кусочек пергамента, став с него зачитывать информацию:

— Заключение эксперта-кузнеца по холодному оружию. Экспертиза номер двадцать три. На экспертизу был отдан предмет — белая рукоять с овальным кольцом на навершии и длинным ржавым лезвием на котором имеется засохшая кровь. Предположительно — это

меч древней культуры пирийцев. Существенные отличительные черты установить не представляется возможным за исключением разводов грязи на ручке, — страж отбросил листок уставившись на меня. — Ну, что скажешь?

— Меч пирийский. Значит покушениц как-то связан с руинами пирийцев — археолог, либо может наёмник, как-то ограбивший их, — я немного поднатужился, вытаскивая все клочки знаний о пирийцах. — У обычного кузнеца или торговца такое оружие не купить. Рождённые Светом установили запрет на исследование пирийских руин.

— Хорошо, а ты знаешь, что за разводы грязи?

— Нет, а что?

— На, почитай, — протянул мне небольшой клочок пергамента Аксандер, и я тут же принялся исследовать на нём строчки:

«Исследование Апотекария.

Предмет — сухая грязь.

В составе грязи были обнаружены биологические отходы, частички белка мясных личинок, светопыль».

— Подгород, — понял я, откуда могли взяться эти разводы. — Вы хотите сказать, что кто-то из Подгорода мог завладеть пирийским мечом?

На мой вопрос не поступило ответа. Раздался стук в дверь и в кабинет прошла темноволосая низкого роста девушка в броне стражи.

— Господин сержант розыска и следствия, — крепкой поставленной речью обратилась дама. — Разрешите?

— Да, что там у тебя?

— Это результаты исследования смывов с тела Лишари Пегаст, а также нескольких образцов хитиновых волосков. Вам доложить или вы предпочтёте прочитать? — спросила дама, тряхнув несколькими пергаменами.

— Лучше доложи, — Аксандер протянул руку. — И дай мне их.

— На смывах обнаружена грязь, состав которой идентичен грязи, обнаруженной на пирийском мече в комнате таверны, где на её покушались. А так же тот волосок на её теле — это органический волос, принадлежащий паукам из рода ползунов.

— Хм, — Аксандер убрал пергаменты. — Подгород и пауки, дело набирает скверный характер. А одежду скорее всего забрали, чтобы скрыть место, где она побывала.

— Господин, собрать весь наш отдел. Десяток наших ждёт вашего приказа.

— Нет, мы отправимся туда втроём. Я, Фриджиэн и позови Берна, — Аксандер поднялся с места и прицепил к поясу ножны с коротким мечом. — Остальные пускай займутся опросами остальных причастных, или тех кто мог что-то видеть, — после этого он протянул женщине клочок пергамента и она быстро выхватила его. — Это постановление трибунала о разрешении на обыск жилого помещения. Отправь пару ребят к Шариму, пусть обшманают его. Всё, работаем.

Спустя сорок минут мы уже вдыхали смрадный аромат Подгорода — тухлятину и отбросы. Сырость и плохое освещение готовы измотать любого жителя поверхности, но стражникам не привыкать. Аксандер и огромный лысый бугай — Берн, сняли табарды стражи Арка и накинули плащи на кольчугу, чтобы не вызывать агрессии или хотя бы косых взглядов со стороны местного населения. Наш план прост — найти пару людей, которые могли бы что-то видеть и выпросить у них всю информацию, а из некоторых возможно её и выбить.

Мои глаза рябит от холодного тусклого света ламп и редких факелов. Хлюпая сапогами по грязи и доламывая гнилые доски мы вышли к небольшому сухому дереву, к ветвям которого привязаны какие-то то ли ленты, то ли бумажки. Прохлюпав ещё три метра, Аксандер обратился к какому-то нищему в лохмотьях:

— Эй, парень, ты не видел, тут несколько дней тому назад не пробежала темноволосая девушка в зелёной одежде?

— А шо? — к нам повернулся нищий и к нему не стоит подходить близко, а то обдаст помойным ароматом изо рта. — Девочек много пробегает. Вы лучше обратитесь к Хонну. Он лучше моего знает, кто тут шастает.

— Хорошо, — Аксандер повернулся к нам. — Это мой осведомитель здесь. Пойдёмте.

Пройдя ещё пару «рукавов» в Подгороде, в темноте и нюхая смрад от множественных нищих, которыми кишит это место, только и мелькают лохмотья, мы находим нужного человека — он стоит у прилавка и что-то уже попивает. Судя по виду это какое-то алкогольное варево.

— Ты видел девушку, в зелёной одежде, тёмный волос, со скараггскими чертами лица?

— Надобно уплатить сотню медяков, чтобы вам что-то перепало по информации. А ещё пятьдесят сверху, — усмехнулся Хонн, лица которого я не различаю из-за капюшона.

— А ты случаем не обнаглел!? — возмутился Аксандер. — Я тебе и так даю деньги.

— Времена сейчас такие. Кошель побольше всем нужен, — эта фраза вывела сержанта, и он только молча указал Берну на наглеца, и мужик быстро исполнил безмолвный приказ.

Сначала Берн резким движением руки выдернул пьющего со стула, потрянув как котёнка, а затем мощным ударом в лицо «уронил» его на грязную землю и тот рухнул лицом прямо в нечистую лужу.

— Послушай, у меня нет настроения, — стал угрожать Аксандер, озираясь на толпу, которая медленно собирается, чтобы посмотреть на происходящее. — Если ты не скажешь, что видел, то я, — Аксандер припал к уху Хонна. — Солью Ралате, что ты приторговываешь светопылью втайне от них.

— Не нужно больше! — поднимаясь и держась за челюсть, застонал житель Подгорода. — Да, пробежала тут такая. В сторону старого театра, вроде.

Получив адрес, мы направились в путь. Я же немного был смущён от этой картины — стражник Арка и сотрудничество с такими отбросами, всё это шло вразрез с тем, что я видел ранее, но мирюсь с этим, ибо цель нашего расследования в этом случае оправдывает часть средств. Ещё через полчаса блужданий по тёмному вонючему месту, набитому нищими, мы смогли проникнуть в старый театр, который ныне стал ужасным тёмным местом. Широкое пространство захламлено перевёрнутыми стульями, истлевшими коврами и столами, на котором Аксандер находит что-то.

— Хлеб, плесневелый, — сказал он, зажегши лампу над столом. — Тут кто-то был, несколько дней тому назад. — Давайте продолжим.

Я воодушевлён от того, что мы вышли на какой-то след. Мы продолжили блуждание по просторному месту, то и дело натываясь на кости под ногами, пока не обнаружили боковой ход. Уйдя туда мы прошли в какие-то тоннели — неширокие коридоры, выложенные из тёмного камня, которые блестят в свете лампы от влаги. Снова мы встречаем какие-то ящики, идя по лужам воды, а затем попадаем в вырубленные в породе проход, который вывел нас в скальные пустоты. И всюду по пути нам попадались обожжённые или зарубленные тела больших крыс, или тоннельных пауков. Спустившись по деревянным настилам и

строительным «лесам» мы оказались в тупике. Осмотревшись, мы нашли новый путь.

Всюду валяются изуродованные тела огромных пауков — выжженные и пронзённые мечом. На сырой земле в темноте несколько больших металлических конструкций, а впереди подобие жилого места. Мы, обходя кучи тел, взобрались по куску дереву и перед нами открылась самая настоящая укрытие — здесь в шкафах пред нами предстали алхимические ингредиенты, лаборатория, кучи пергаментов и бумаг, элементы брони и несколько пустых бутылок, от которых веет алкоголем, а так же в углу какой-то странный посох.

— Вы думаете, Лишари была тут? — спросил я. — И тут она узнала то, за что её могли попытаться прибить.

— Ты посмотри на характер ран на телах пауков и крыс. Это касание магии разрушило из кожные покровы и убило. К тому же грязь Подгорода и та паучья волосинка. Хм, — Аксандер подошёл к странной палке, которая положена на тумбу. — Судя по всему это посох энтрописта.

— Энтрописта. Интересно, — задумался я.

— Я понимаю, о чём ты сейчас мыслишь, но оставь это. Мы нашли пару зацепок, но этого мало. Ты говоришь, что было два человека. И мы до сих пор не установили их личности.

— И что же дальше мы будем делать? Вот нашли мы это логово, а дальше?

— Берн, опиши тут всё и возвращаемся. Нужно будет отправить сюда наших ребят, чтобы они всё собрали и подготовили к экспертизам.

— О, море возможностей, что же творится!

— Море возможностей? — усмехнулся Аксандер. — Красивая теория про то, что магия — это способность чародея заглянуть в «мириад вероятностей» и преобразовать одну из них в действительность. Ага, конечно.

— Вы не верите в него?

— Скажи, если это так, то почему маги не видят свою смерть или негативных исходов? Вот почему? — Аксандер посмотрел на меня, сложив руки на груди. — А если оно работает на возможностях настоящего, то почему сильные маги не избегают... смерти, ведь должны её предвидеть? Скажи, почему все ваши маги не найдут ту вероятность, при которой Лишари не получала ран и сейчас жива? Почему мертвых так не возвращают к жизни? Вот скажи мне, ты знаешь о живых пирийских храмах?

— Это когда души самых великих пирийцев привязывали к храмам?

— Да, вот ответ, в какой из вероятностей, человеческая душа могла стать одним целым с камнем, железом, стеклом и деревом?

— Эм, — задумался я.

— Мне кажется, что это не море возможностей, а море... энергии, которую маг через себя преобразует настолько, насколько у него хватит его магических сил. А те, возможности, которые он видит не более чем его желания. Представь себе — смотреть в вероятности, которых больше чем звёзд на небе... чьё сознание это выдержит и сколько времени понадобится? — Аксандер направился к выходу. — Ладно, как закончим здесь, возвращаемся в отдел. Работаем.

И спустя полтора часа я снова сижу в отделе, только на этот раз у стола рядом со мной несколько человек и все в броне стражи, а на стуле за столом расположился сам Аксандер. Он взял перо, обмоченное в чернила и приготовился что-то записывать на листе пергамента.

— Докладывайте, что там у вас всех, — потребовал Аксандер.

— Господин, мы опросили лиц, которые были в тот день в таверне или её пределах. Люди видели мужчину в неримской одежде — зелёная стёганка с кольчугой и открытым воротом и эмблемами на груди. Вместе они проследовали в комнату с девушкой, которую мы идентифицируем как Лишари Пегаст. Потом к ним присоединился ещё один человек, судя по описанию — мужчина в накидке тёмного цвета. — доложил страж. — А затем они быстро покинули таверну, когда там оказалось ещё одно лицо.

— Хорошо. Кстати, а что за пойло мы нашли в Подгороде?

— Неримский бренди, господин.

— Хорошо, а что там по результатам обысков в комнате Шарима? Удалось найти что-нибудь?

— Да, — ответила девушка. — Наши ребята всё осмотрели там, но всё чисто за исключением разводов грязи на полу. Апотекарии её исследовали и так же обнаружили сходство с грязью из Подгорода.

— Ага, — записав что-то на бумаге, радостно сказал Аксандер. — Картинка начинает складываться. Пирийский меч, Подгород, посох энтрописта...

— И что сейчас будем делать? — спрашиваю я, ожидая следующего действия.

— Ты — иди отдыхай, — резко сказал мне Аксандер, сунув короткую ленту пергамента. — Это сообщение от Велисария. У тебя завтра трудный день, так что иди и набирайся сил. А я постараюсь вызывать Юслана на допрос.

Только благодарственно кивнул и быстрым шагом направился к выхода. Теперь, с лёгкой радостью на душе, могу надеяться, что справедливость восторжествует. А меня ждёт Нерим и его мечи.

Глава 13. Эндеральская война: операция «Баррикада»

Глава 13. Эндеральская война: операция «Баррикада»

«Чтобы победить, мы должны воевать дважды — сначала на бумажных картах, а затем и на поле боя».

— Ирриан Келлий — Командующий Армией Эндерала двухсотлетней давности.

По зову долга

Спустя два дня. Златоброд.

Я уныло прошагал по деревянному полу и каблук отстукал чёткие удары о доски, разнося звон до самых дальних углов залы. Пройдя через небольшой арочный свод, я прохожу в просторную комнату второго этажа.

«Лишари... что теперь с ней будет?» — спросил я себя, волнуясь за даму... точнее испытывая столь подавленное чувство, столь поганое и мерзкое, что меня непременно свалило бы на пол, если бы не зелья апотекария. Средства О'Брайенна хоть и созданы, чтобы обезболить мою поражённую плоть, но они отлично и немеют нервы, делая из меня подобие пирийского автомата. Подавив думы о здоровье девушки и успокоив себя мыслью, что она в руках лучших лекарей, я иду вперёд.

Сегодня я призван по важному поводу самим Велисарием, но вот то, что я услышал, далеко от обсуждения проблем животрепещущих:

— Знаешь, лучше всего — это наш коньяк, — уверенно и с гордостью заявил мужчина в элегантно-синих одеждах. — Выдержанный в северных бочках, он может свалить с ног даже тролля.

— Мессир Корван, — накручивая бородку, говорит мужчина в ало-золотистом камзоле и высоких сапогах. — Вы ещё не пробовали красного полусладкого из Арка.

— Не скажи, бардовый. Ничего не будет лучше доброй кружки эля или пива, — заявил о своей позиции Конан, укутанный в шкуры и простые одежды.

— А вот здесь буду ладен с тобой, — согласился Свяслав в привычной одежде. — Нет ничего лучше хорошей кружки мёда.

— И чтобы с ней шёл отличный кусок оленины, — в светло-синем пальто поверх жакета бодро сказал представитель Борека, который не столь давно подписал с фермерами пожизненные договора аренды, медленно становясь сюзереном всего Фермерского берега.

— Наш браток! — хлопнул его по плечу Конан.

— Или же отлично прожаренная курица. Самое то к вину! — радостно воскликнул аристократ.

— Или «тёмная», — тихо предложил ралаим, к которому темень так и цепляется. — Её настаивают из того, что растёт в Подгороде. Сильнее неё разве что удар молотом.

— Эх, когда-нибудь мы её изопьём, — потёр руки Конан. — Вместе с нашим элем. Вот это будет пьянка! Да-а, выпьем на погибель неримцам и во имя лучших времён.

— С нашей победой, открою бутылки в своём погребе, — потёр ладони аристократ. — Вас унесёт на небо от такого вина. А ещё и с трубочкой сон-травы...

— Когда разобьём войска Коарека, всех зову к себе в Речное. Там будем пить и

пировать. На три дня ставлю бочки с мёдом и пивом! — пообещал Свяослав и его слова не могли не вызвать у меня улыбки.

— Так, если пошла такая жара, то после тебя всех зову к себе. Поверьте, такой пьянки вы больше нигде не увидите, — стал обещать Конан.

Прекрасно... те, кто недавно были готовы загрызть друг друга, столь мирно и живо обсуждают алкоголь. Что ж, начало для крепкой дружбы между членами Совета — положено.

— А ещё нам нужен новый флаг, — выдвинул идею представитель аристократии. — А то как мы можем ходить под знаменем Святого ордена? Он ведь даже не собирается участвовать в наших баталиях.

— Ба! — возмутился Конан. — Вел говорил, что эта чума, по имени Арантеаль, не желает собирать народ, не хочет вставать с нашим братом. Арантхил брехал, что его полк в Речном, полк связи и парни в городе будут лютовать за некий светоч.

— Ему плевать на народ, — не выходя из тени сказал ралаим.

— Долой тогда знамёна святоорденские! — воскликнул Свяослав, вздев кулак. — Под своим стягом ходить будем.

— Это должна быть птица, как символ нашей свободы и гордости, — предложил Кульканн, потирая амулет с символом орла на груди.

— Тогда пусть это будет орёл... смотрящий на запад и восток.

Раздались ещё шаги. Гулкое эхо замка приносит к нам стук каблуков и вскоре мы увидели, как между нами встал ещё один мужчина. Его атлетический белый доспех не теряет в красоте, затянутый шарф у его шеи предаёт статности, чёрный волос зачёсан назад, усиливая вольные черты лица. Единственное, что не полно торжества — тёмные круги и мешки под глазами. Его потрескавшиеся с сухие губы распахнулись:

— Я смотрю, что вы всё-таки нашли общие темы для разговора, кроме политики, — голос донёс хандру. — Но сейчас не до этого.

Солнце слепит мне глаза — проникая через широкие новые витражные окна оно освещает всю громоздкую залу. Мраморный стол, на котором карта всей страны, буквально светится купаясь в дневном свете. Мой нос втягивает сладкий запах, приносящий бодрость и торжество — жаровницы с ладаном расставлены по углам и веют клубами ароматного дыма. Тут же я вижу и людей в дорогих костюмах, плащах и кафтанах, их пальцы поблёскивают от колец с гранатами, сапфирами и изумрудами.

Всё имеет лёгкий оттенок празднества, но я не думаю и даже обманываться по этому поводу. Повод, приведший нас сюда самый серьёзный, не терпящий и толики легкомыслия. Замок Златоброд готов принять всех, кто готовился к войне и её момент настал.

— Вот и наступил этот день, — голосом, звенящим подобно медному кимвалу, заговорил Велисарий. — По сообщениям разведки, второй пехотный корпус неримской армии начал активные действия по всему побережью. Наши охранные заставы были атакованы. В это же время, — Велисарий указал на места, где расставлены башни мирадов. — Был атакован и аркский связной полк «Крыло мирада». Они пытаются перерезать пути сообщения. За этим, и я созвал Оборонный Совет. Пора приступить к тому, ради чего мы и создали всё.

— Проклятье, — фыркнул Конан. — Сучьи потроха. Скажи, Вел и мы порубим их в труху.

— Не стоит горячиться, Конан, — Велисарий показал на карту и провёл пальцем по

бумаге, указывая на Фермерский берег. — Противник высаживает и концентрирует войска здесь, — переведя палец на юг, под Фоамвилль, — здесь и тут. — Закончил он показывать. — Пятнадцатитысячный корпус разделился на трое и пытается отрезать Арк от западных территорий и проредить пустыню. Их пехотные контингенты пока оккупируют берега и готовят плацдармы.

— Почему мы ещё не выбили этих лишенцев? — Возмутился Свяослав. — У нас тридцать тысяч Союзной армии и ещё пять из Единой эндеральской!

— Да, под моим командованием не более пяти тысяч солдат «Единого войска», но этого мало, — Велисарий указал на карту. — Основные силы Союзной армии рассеяны по центральным гарнизонам, как вы понимаете. В Арке стоят аристократы, в Дюнном — дюнники и так далее.

— А почему бы не отдать приказ собрать всех воедино? — спросил аристократ. — Мы так разобьём силы врага по одиночке.

— Если отдать такой приказ, то мы ослабим один из ключевых регионов. Мы не знаем, где двадцатипятитысячный корпус, и он может нанести стремительный удар по ряду регионов, — продумал Велисарий. — Придётся закрываться от них малыми силами.

— А где самая большая банда этих засранцев? — почёсывая бороду, спросил Конан.

— Первый корпус в двадцать пять тысяч пока не показался, — ответил Велисарий и хладно продолжил. — Видимо, ждёт решающего момента. Сейчас займёмся планированием оборонительных операций.

Я чувствую, что под маской холода у командира кроется беспокойство. Он ждал этого момента, готовился, но вот он пришёл и теперь всё прежнее планирование отошло на второй план. Реальная война — это совсем другое.

— Скажи, Велисарий, что тебя смущает? — понял ситуацию представитель знати. — Есть то, что может нарушить наши планы?

— Противник судя по всему разбил силы на три части, но неравномерно. Он концентрируется на фермерском берегу и уже захватил ряд маяков на побережье. Там не меньше десяти тысяч профессиональных бойцов — но нет копейщиков тяжёлого ряда, ни топорников прорыва и спешенных рыцарей народа. Но тем не менее, с ними мы не совладаем даже с двухчисленным превосходством, — Велисарий перешёл к исследованию пустыни и взор его пал на Дюнное. — На юге, как сообщает разведка, не менее полка. Ведёт его сама Альма. Здесь сконцентрированы мечники и стрелки, — палец командира уткнулся в зелёные рощи у Речного. — Здесь были замечены оставшиеся силы, которые вбирают в себя лёгкую пехоту из фанатиков, кирийских наёмников и радикалов. Они уже высадились у Фоамвилля, но были контратакованы нашим гарнизоном там.

— Что ж, стандартная тактика охвата. А учитывая, что это только один из корпусов, то они просто ведут выравнивание позиций и создание плацдармов, — аристократ стал внимательно всматриваться в карту. — Хорошо было бы разбить все войска Нерима, но нам придётся дробить свои силы.

— Что сообщает разведка по национальному составу врагов? — то ли шепчет, то ли говорит ралаим. — Кто там?

— Норманнские и алеманнские компании и полки в составе первого пехотного корпуса, — Велисарий дотянулся до тканного серого мешочка и опрокинул его, со звоном высыпая эмблемы. — Их добыли ваши братья-ралаимы. Здесь есть знак и Норманнской третьей штурмовой бригады, и пятнадцатой эрофинской гвардейской роты, и шестого

наступательного стоунфилдского полка. Много кто.

— Понятно. Весь Нерим выступил против нас, — констатирую я.

— Мессеры, каковы ваши предложения? — учтиво спросил Велисарий и выпрямился в полный рост, скрестив руки на груди. — Только совместными усилиями, мы можем дать отпор.

— Хорошо, — начал Конан. — Мои парни могут проредить тех, кто рискнул мордой и высадился у Речного.

— Поддерживаю, — заявил Свяослав. — Воинство Конана, и моя дружина могут лютовать супротив тех отщепенцев. Токмо выстроимся, сразу падут.

— Хорошо, а как решим проблему с Альмой?

— Мои конные стрелки могут осаждать тех, кто зайдёт на территорию кочевого народа, — предложил Кульканн. — У них же нет кавалерии?

— Её контингент очень сильно ограничен, — дал ответ аристократ. — Это лёгкие всадники в первом корпусе.

— Тогда при поддержке нашего пустынного кавалерийского батальона «Буря», конные лучники Кульканна смогут начать разгром группировки Альмы, — предложил дюнниец, подёргивая своё золотистое одеяние.

— Хорошо будет, — поддержал Кульканн, сняв свою высокую шапку. — Мы истребим их до последнего.

— Контрудар мы нанесём, прежде всего, по фланговым полкам, — Велисарий показал на юг и Золотой берег. Я думаю, ваши предложения касательно этого, отлично сработают, — палец мужчины снова обвёл побережье к северу от Арка. — А тот, что на Фермерском берегу будет блокировать и планомерно уничтожать.

— Здесь хорошо было бы дать бой силами аркчан и ралаимов, — сделал предложение Корван.

— Нет. Ралаимы хорошо для тайных операций, — отмахнул идею Велисарий. — Пятитысячная Единая армия стоит у Арка и готова для его обороны. Ещё тысяча рассредоточена по ключевым гарнизонам всей страны.

— Ваше предложение? — спросил аристократ. — Наши воины готовы дать бой.

— Армия аристократии встанет второй линией, защищая Арк, — Велисарий показал на город. — Мы усилим Фермерский берег контингентами ландскнехтов и прочих наёмников. Так же, за поместьем Борека предлагаю сформировать артиллерийский рубеж. Сколько у нас пушек в наличии?

Я на секунду задумался. Тишина и всеобщий сверлящий взгляд с колкостью в груди дал мне понять, что вопрос обращён ко мне, и я мгновенно дал ответ:

— У нас пять полных батарей по три пушки в каждой, мессир. Ещё двадцать пушек наготове.

— Хорошо. Надеюсь, Гаспар поднажмёт в Речном и будут ещё. Пока что, десять ставим у Борека.

— Что по войску бедноты? — спросил ралаим. — Мы же не зря столь недавно дали вправо Совету его использовать.

— Ралаимы подойдут для тайных операций в тылу противника. К тому же, пока выходцы из Подгорода не готовы к встрече с неримлянами, — Велисарий посмотрел на ралаима, чей тёмный глубокий взгляд казалось смотрит прямо в душу. — Если сейчас их бросим в бой, то они попадут в мясорубку.

— Хорошо, — согласился представитель таинственного культа.

— Речное, вы готовы разместить у себя плавильни и кузни?

— Что? — смутился Свяослав.

— В ходе операции «Баррикада» я хочу переместить часть производства в безопасное место. Медленно, но верно мы вывезем из Арка и его округа часть мощностей в Речное, там окопаемся и начнём выпускать пороховое оружие вместе с арбалетами, — Велисарий тяжело выдохнул. — Что-то мне подсказывает, что первый корпус не зря затаился.

— Скажите, что говорят мастера золота и пера? — спросил дюнниец. — Они благоволят нам?

— Корпоративный совет предоставил финансовый карт-бланш. Деньги у нас, поддержка векселями и акциями, — Велисарий потянулся к основанию стола и на его крышку сие мгновение хлопнулась пачка бумаги.

— Мда, теперь осталось решить — куда деть голимую гору денег, — ухмыльнулся мужчина в синем. — Предлагаю

— Все расходы указаны здесь, — Велисарий швырнул на стол скреплённую пачку пергаментов на листы пятьдесят. — Добрые мессеры, чтобы наш финансовый план заработал в полную меру, его нужно заверить вашими подписями и печатями, чтобы я мог его начать реализовывать.

— Ага, — подобрал его аристократ и стал шумно листать. — А если вкратце, то о чём тут?

— Первые деньги уйдут на заказы и жалованье. Мы в короткое время обеспечим армию провиантом, амуницией и деньгами, что даст нам тактическое преимущество. Армия Коарека ещё не развернула штабов, только передовые склады, — Велисарий стал ходить из стороны в сторону. — Вторая волна направится на восстановление части поселений, добычу ресурсов и поддержку нищеты, чтобы сделать из них экономически активный слой населения.

— Хотите решить две проблемы разом? — спросил Конан, опершись на стол.

— Если не укрепить тылы, то вскоре нам нечем будет снабжать армию.

— Пусть подразделения Борека готовятся к позиционной войне, — стал говорить Корван. — Если враг станет заходить на территорию севера Тёмной долины, наши горцы сокрушат его.

— Фриджиэн, — Велисарий повернулся ко мне и строго осмотрел, — твоей задачей станет отразить ряд нападений. Ты возглавишь сотню воинов, что стоят в Пороховом ущелье. Так же, примешь участие в компаниях союзников. Делай что хочешь, но не допусти продвижение врага вглубь страны.

— Есть, мой командир.

Дальше я стал безмолвным наблюдателем переговоров. Вскоре у всех в руках появились перья, слуги поднесли чашу жидкого сургуча. Подписи и печати быстро заверили волю Совета сначала на финансовом плане, а потом и на приказах. Теперь я вижу перед собой Эндерал, способный выступить единым фронтом.

Кровавый проход

Следующий день. На северном входе в Пороховую пустыню.

Впервые за долгое время я готовлюсь к сражению — большая группа неримлян вторглась глубоко в наши пределы. Моя левая рука, слабая, отягощена щитом и взбодрена зельями, которые укрепили её. Дух был бы взволнован по Лишари, но у меня такое чувство,

что я мёртв. Планы Велисария, который пытается выстроить оборону, и перенаправить ресурсы в целях укрепления позиций среди населения Арка, идеи Арантеала — всё это теряет свой смысл. И даже расследование Аксандера практически потеряло важность и кажется, что только лекарство для Лишари всё ещё имеет смысл, вместе с войной против Нерима.

Мы стоим в большом ущелье, где растёт трава и колышутся кустарники, где раньше обитали костоломы, но теперь они перебиты кем-то очень сильным. Нам нет дела до этого, ибо главная цель — уничтожить втянувшиеся две «компании» противников по двести воинов. На нашей стороне полдесятка храмовников, сотня воинов Единой Армии с кольчугами и лиловыми табардами поверх, латными поножами, вооружённые кольями и мечами. В поддержку три десятка воинов с арбалетами и ещё десяток с изобретениями Гаспара. Но на нашей стороны преимущество — артиллерия в виде пяти пушек позади и местность.

Я вспоминаю, что давно не видел Исаила и Гаспара. Они полностью втянулись в свою работу и остался на фронте только я. Печально, если больше их не увижу. Сжимая меч, думаю о себе — куда пропали все мои чувства. Наглотившись зелий для оживлений руки и «лекарств от душевных терзаний» от О'Брайенна, я думаю, что вещества лишили меня всех ощущений. Что ж, так даже лучше, ибо предо мной остаётся только мой долг и понимание того, что сам медленно умираю духом. Я был жив, когда вступал в Орден, жив, когда сражался с бандитами и всяким сбродом, жил, в момент «раскола» и ещё сильнее ощутил вкус жизни встретив ту неримку. Со знакомством с ней жизнь обрела новые краски, и насыщенность звуков. Но кажется, что с её уходом что-то важное в моей жизни пропало, словно вырвали что-то существенное и нужное.

Моя броня, сделанная из спрессованной кожи слабо давит на плечи и тело, но это не беспокоит меня. Я продолжаю наблюдать за ущельем, готовясь отдать команду, когда появятся первые враги. Как мертвец, облачённый в чёрно-блистающую броню, может командовать войсками? Но Велисарий был непреклонен — он послал меня руководить обороной, и выполню приказ, ибо делать пока нечего. Если враг втянется дальше на север, то сможет беспрепятственно разорять Фермерский берег и Златолесье, но мы не допустим этого, хоть нам и придётся тут всем полечь.

Я думаю, почему начинаются войны и расцветают предательства... неужто виной всему эгоизм людей, или фанатизм идей? Если бы мы поняли, что в душе толкает людей на такое безумие, то, наверное, могли бы предотвратить в дальнейшем этих ошибок.

Кажется, миг отвлечённости подходит к концу. Движение впереди выводит меня из полусонного состояния, и я поднимаю меч. Кажись, нужно что-то сказать... что-то подбадривающее и вдохновляющее.

— Воины, — полурьком обратился к горстке солдат, вздев меч. — Сегодня вы покажете, что такое встретиться с избранными ратниками Эндерала. Вы — защитники родины. Рвите и мечите, но не дайте этим подонкам осквернить вашу землю!

Враги подходят всё ближе. Я вижу их броню — длинные кольчуги, на которых тряпье, раскрашенное в чёрный и жёлтый, знаменосцы несут изображение одноглавого геральдического орла, под которым два перекрещённых топора.

— Сарнорская компания, — опознаёт символ один из воинов. — Вона, даже все светловолосые. Истинные северяне.

— Артиллерия! — я отдал команду. — Обрушьте на них гнев!

Батарея позади меня «ахнула» в один голос. Пять стволов оглушительной канонадой, выдав пламя и одеяло дыма отправили пять бомб в стан врага. Мгновенно среди чёрно-жёлтого потока одежд понялись кроваво-грязные фонтаны, крики и агония слились в одну печальную музыку смерти. Но враг не отступает, он тем паче усилил скорость движения. Пока пушки перезаряжаются, я снова командую:

— Арбалетчики! Бей! Стрельба по готовности!

Воины подняли арбалеты и в небеса устремился свистящий поток болтов, мгновенно осевший на головы противника редким «дождём». Снова стрелки кладут острые снаряды на ложа орудий и готовятся к очередному выстрелу. Неримляне не отступают и продолжают бежать. Чуть меньше двух сотен врагов бурным потоком заполнили ущелье, и чувствую, что пелена действия лекарства отступила. Моё дыхание участилось, а сердце забилося сильнее в предвкушении битвы.

Несущие ручницы — маленькие пушки огневицы на древесных «лафетах» по моей команде выставили их и когда неримляне подошли достаточно близко открыли огонь. Кусочки стали, шарики и осколки золотистого металла звёздников — поток всего этого вырвался из десяти дул и «душем» смерти окатил наступающие ряды. Три или четыре первых шеренги упало замертво — убойная сила оружия отправила снаряды с такой мощью, что они вспороли доспехи и окропили местность кровью.

Я приготовился, подняв щит и прижавшись к нему, спрятав меч за ним. Стрелки отступили назад и пушки снова порадовали меня залпом, который отдаётся в ушах звоном. Часть неримцев разлетелась в стороны, разорванные и покалеченные.

— За свободу человечества! — до нас доносится клич Нерима.

В ответ я и мои солдаты кричат свой девиз:

— За Эндерал стоим до конца!

Широкие щиты воинов Единой армии и храмовников поднялись, чтобы встретить волну противников, образовав непреодолимую стену дерева и стали, о которую разобьётся сближающийся враг. Первое, что я ощутил, так это сумасшедший натиск, такое ощущение, что в щит въехал таран, но мои ноги остались на месте. Тут же я уколол из защиты и ощутил, что мой меч морозным лезвием пробил вражескую кольчугу. Арбалеты опять напевают скорбную плачевную песнь, а стрелки с ручницами поднялись выше и опять их орудия окатили неримцев дождём из осколков металла, который прошёл доспехи, разодрал лица и опрокинули часть вражеского строя.

— Держаться! — кричу я, отбивая вражеские выпады. — Не посраим Эндерала и его предков!

Враг пытается нас взять напором — массы солдат стараются опрокинуть строй. По щитам стучит оружие, но вместо этого натываются на острые наконечники мечей и копий, но мы спрятались за большими овальными кусками дерева и стали, как за укрытием. Неримцы — это самая настоящая чума, которая сулит только смерть, а поэтому каждый захватчик будет искоренён. Закрывшись щитом я снова колю, а потом опять и так до тех пор, пока чёрно-жёлтая ткань на кольчуге врага не стала пропитана красным. Тут же его место занимают ещё двое, и защищаясь щитом, отбиваю мечом выпад второго. Приложив титанические усилия я отталкиваю одного и широким взмахом меча отправляю в забвение второго через порез на шее.

— Человечество будет свободным! — кричит один из противников и врезается в меня, но вовремя едва-едва присел, чтобы не быть скошенным, а затем из позиции резко встаю с

колющим ударом, загоняя врагу отупленное острие меча в подборок.

Враг закричал и упал на землю, пытаясь уползти, но какая-то «добрая» душа из моих парней прекратила его мучения, вогнав копьё в спину. Крики и вопли, выстрелы и канонада пушек — всё это стало для меня единым.

Нас медленно оттесняют назад, я вижу, как кого-то из моих солдат опрокидывают, выдёргивают из стройного ряда и забивают мечами. Тактика Велисария — сражаться плотным строем «стена» с широкими щитами эффективна, но всё же у нас очень мало солдат для такого. И место раненного занимает воин из второго ряда, не давая противнику прорваться.

Арбалетки стали пристреливаться всё ближе к нам, как и стрелки с ручницами — чтобы у нас появилось место для маневра, но насколько это эффективно, когда враг, прикрываясь редкими треугольными щитами и толпой прёт на нас не знаю. Болты вязнут в защите, а доспехи сглаживают удары, однако тел у наших ног неримлян становится всё больше.

— На поле боя чародей-офицер! — кто-то диким криком обозначил обнаружение вражеского командира.

Я посмотрел и увидел, что этот маг в одеждах светло-жёлтого цвета стоит посреди вражеского потока. Он выпускает в нас магический болид. Огненный шар пролетел над нашими головами и ударил по позиции батареи. Одна из пушек мгновенно «подпрыгнула» и приземлившись, охваченная огнём разлетелась на части.

— Уничтожьте чародея! — приказываю я; немедленно единый огонь пушек и стрелков с ручницами переместился на его позицию, но успел переместиться и десяток неримцев, стоящих там, превратились в противно-кровавые брызги на траве.

Но и маг совершил фатальную ошибку — в порыве поспешной телепортации он выбрал не самую удачную позицию. Я воткнул меч в землю и упёрся двумя руками в щит, раскидывая врагов, а когда предо мной освободилось место одним поставленным движением вытащил «громыхатель» с пояса и протянул его в сторону мага, который стоит напротив меня. Громовой выстрел оглушил близко стоящих противников и свинцовый шарик быстро пролетел десять метров до врага. Из шеи брызнула кровь, маг тотчас повалился на землю и стал биться в конвульсиях. Пуля из второго оружия заставила его упокоиться навсегда.

Но врагов едва ли становится меньше — они прут словно крысы. Ступая по окровавленным и разорванным телам товарищей, наступая через пороховые и дурно пахнущие облака дыма, под град болтов и картечи, они неумолимо прут, а солдат Единой Армии дух падает, когда они видят, как их товарищей выдёргивают из строя и пронзают ударами десятков мечей. Я уже думаю, что все мы тут и поляжем. В мой доспех воткнулось что-то — неримский меч обошёл меня, но завяз в броне. Я одёргиваю врага и нисходящим ударом погружаю клинок в броню врага, рассекая табард и кольчугу, а затем ещё одним ударом ломаю ему ключицу.

Едва ли это что-то поменяет... врагов всё равно больше. Подняв на секунду голову к хмурым небесам взмолился о помощи, и она пришла... краем глаза я заметил, как на вершинах, которые образуют пики ущелья наверху, кто-то пробирается в мешковатых одеждах и зеркальных доспехах, двигаясь на быстроходных конях. Спустя пару секунд на неримлян обрушился дождь стрел — сверху открыли огонь кочевники.

— Отлично! — крикнул я. — Вот и подкрепление!

Стрелы сосвистом, подобно дождю обрушились на голову наших врагов. Пушки снова

«ахнули»), снося бомбами ряды противников, арбалетчики и стрелки с ручницами практически отстреляли боезапас, но всё ещё продолжают посылать ливень смерти в противника.

Я чувствую, что враг дрогнул — они глядят по сторонам и видят, что большинство их товарищей лежат мёртвые или умирающие, стонут и кричат, а ущелье ранее тёмно-зелёное от количества растительности стало мерзко-красным, вместо травы всё завалено телами их сослуживцев, оторванными конечности и грудями разверченной плоти, а запах цветов сменился железным ароматом крови, горьким амбре пороха и вонью смерти.

Неримцы не ожидали подмоги, их сердца одолел страх и немногие выжившее стали бросать оружие, а затем и все оставшиеся полсотни противников бросились в паническое бегство... что стало смертельной ошибкой. Лучники не знают пощады — теперь стрелы летят в спину врагам, а пушки бьют по удирающей толпе. Встретив врагов лицом к лицу, я отворачиваю лик, чтобы не видеть, как при попадании бомб мелкие осколки железа отрывают руки и ноги от тел, как тела, брызжут кровью и разлетаются кусками плоти и костей при попадании.

Вскоре всё закончилось... я понял это, когда перестал в ушах звучать свист стрел, и батарея умолкла. Мне придётся обернуться, чтобы увидеть, чем всё кончилось и заверить окончание боевых действий и, пересиливая себя, шевелю ногами. Картина ужасная — тела, всюду мертвецы или умирающие, стонущие и протягивающие руки; знамёна Нерима лежат изорванные в клочья и обagrённые, всё поле теперь стало противно-красным... до такой степени, что тошнота подкатывает к горлу.

— Вот мы и победили, — говорит один из воинов, вытирая меч от крови о лиловую ткань. — Не думал, что так легко будет бить эту падаль.

— Не радуйтесь, — решил я его спустить с небес на землю, убирая свой меч в ножны, — у нас здесь было тактическое преимущество в виде позиции на высоте. У врага не было лучников и артиллерии. Скорее всего это были две разведывательные компании... а так же нас поддержали, — я поднял руку вверх и заметил, что один из кочевников ответил мне поднятой рукой вверх, со сжатым кулаком. — Что ж, союзники сегодня удачно подоспели, чтобы спасти нас — с моей руки слетает щит, который я подхватил и вручил одному из воинов.

— Какие ваши приказы, командор? — спрашивает второй после меня по званию и символом его отличия стала полоска на плече синего цвета.

Я вспомнил, что меня Велисарий наградил этим званием после, что позволяет мне командовать небольшим отрядом. Так, обычная должность, чтобы кто-то из друзей Велисария мог руководить солдатами.

— Трибун, закрепитесь в лагере у Добростража. А здесь оставьте тут пятерых воинов и стрелков с ручницами, — я показал рукой в сторону поля. — И сожгите тела, чтобы они не поднялись. А то сейчас в Эндерале мертвые любят вставать. Если врагов пойдёт много, то отступайте.

— Так точно, командор. А вы куда собрались?

— Меня ждут на другом театре боевых действий. — сурово я ответил, доставая свиток телепортации.

Я передал полномочия по управлению трибуну и отправился выполнять одно поручение. Одному приступу неримской чумы мы отдали противодействие, теперь его нужно отразить в другом месте.

Берег

Следующий день. Фермерский берег.

Закинув щит за спину, где второй меч, я стараюсь как можно быстрее занять положение впереди строя. Правой рукой я ловко вынимаю зелье и выпиваю его до дна, пока ноги несут меня сквозь строй.

— Дорогу командиру! — расступаются солдаты с широкими овальными вогнутыми щитами и гребневыми шлемами, поверх их тел пластинчатые панцири, а ноги и руки защищают латные поножи.

Я быстро оказался перед воинами, сняв щит. Ноги омочились в мокрой зелёной траве, ласкающей сталь наколенных щитков. Над головой пасмурное небо, тяжёлое и свинцово-серое, с которого на голову уже упала морось начинающегося дождя. Ветер бьёт прямо в лицо, освежая и бодря. Впереди светло-зелёная поросль травы, позади же бескрайние поля, многочисленные фермерские угодья, среди которых бессчётные простенькие дома и каменные массивные башни, ставшие пристанищем лордов. Если напрямчь взгляд, до далеко-далеко впереди можно увидеть тонкий золотистый край — намёк на золотистый берег. Именно оттуда сюда хлынули полчища неримлян.

— Мессир, наши отряды поддержки выстроены, — заявил подъехавший всадник, отличный от пеших воинов кольчужным доспехом поверх которого светло-голубой табард. — Пять лордов со своими воинами готовы обрушиться на врага.

— Хорошо, — я вынул меч — в руках засиял клинок с короткой рукоятью, длиной ладонь и длинным лезвием. — Держите правый фланг.

— Я готов вам дать коня.

— Нет, я со своими в пешем строю! — кричу я сквозь нарастающий шум битвы.

Всадник кивнул и ускакал прочь, вставая на правой оконечности строя, где начищенными щитами и копьями засияла тяжёлая кавалерия.

— Ишь, что выдумал Борек, — подметил сзади стоящий воин.

— Чего только в кризисные времена не происходит, — тихо я проговорил, поворачиваясь вперёд.

Борек придумал новую систему управления. Теперь он раздаёт земли наиболее могущественным фермерам, а те сдают их в поднаём другим, а те ещё более мелким, которых обеспечивает целая орава крестьян. Наёмники были распределены по бесчисленным подворьям и хозяйствам, превращая каждое поместье в подобие крепости со своим малым феодалом. Святой орден не особо волнует, как Борек будет управляться с землёй, главное, чтобы не нарушались законы, Рождённые светом, также чтились и бесперебойно поступал хоть какой-нибудь провиант. Грандмастера совершенно нет дела до того, что у него зарождается новая монархия под боком.

Мы наступаем прямой линией, перед нами выстраиваются ровные ряды противника. Со мной пять сотен бравых молодцов из Единой армии, которые формируя стену широких щитов, создают живую преграду. И ещё сотня всадников, готовых яростно смять порядки врага. Это совсем немного, ибо против нас по сведениям разведки выдвинуто две тысячи пеших.

— Центрос, — воззвал ко мне воин сзади, обратившись по должности. — Какие будут приказания? С утра мы только и стоим здесь.

Я вспомнил, как утром меня вздёрнули с кровати, как я со всех ног нёсся к Велисарии и

как он, всучив свиток телепортации, приказ остановить продвижение врага любой ценой. Пять сотен солдат передового воинства уже тогда перешли реку и встали возле западных ферм, дожидаясь командира.

— Кто против нас выступил? — обращаюсь я к воину. — Что за части?

— Там замечены большой чёрный волк на фоне крыльев, красный орёл да меч за орлом.

— А-а-а, пятый пехотный кабаэтский полк, вместе с сильдренской батальоном лёгкой пехоты и фурцанденскими стрелками.

— Именно.

— Что по положению? — спрашиваю я.

— Противник начал стремительное наступление по всему Фермерскому берегу. Три группировки пытаются нас раздавить. Первая наступает у замка Аль'Батор, вторая по широкой дороге слева от залива и собирается отрезать нас от моста у Клиффвотча, а третья прорывается по фермам. Они уже уничтожили передовые отряды, — горестно завершил доклад воин.

— Тогда не дадим им пробиться к мосту и отрезать Фермерский берег от Арка! — приказал я и двинул воинство вперёд. — Всем приготовиться, к бою!

Воины Эндеральской Армии двинулись ровным рядом за мной, выставив щиты перед собой. Сию же секунду на нас обрушился ливень стрел... но я, подняв щит бодро его отражаю, как и солдаты за мной. В ответ нечего дать — лучников нет.

Трезвон брони усилился, ибо мы перешли на бег. С левого фланга врага стала смещаться линия копейщиков, брошенная перед строем. Единственное наше преимущество — кавалерия, которой не столь много, и враг понял это, раз бросил мастеров древка.

Я уже вижу лица врагов, омрачённые злобой, как они создают свою стену из капельных и треугольных щитов. Вот-вот и мы врубимся в них. Но я слишком поздно понял замысел врага... перед мгновением, как мы прихлещись бы во фланг копейщиков, они мигом повернулись и перешли в неистовое наступление. Панцири со звоном лопнули, когда их пронзили листовидные лезвия. Сделав шаг назад середина линии отступила и моментально неистойой лавиной вперёд бросились копейщики, пробиваясь сквозь строй. Отовсюду донеслись крики и вопли, смешанные со звоном металла, хрустом дерева и костей.

Клинок пришёлся в грудь неримлянина, рассекая кольчугу. Шаг назад и меч второго ударился в щит. Ещё шаг назад, и я парирую точный выпад — острие меча засело в моём щите и одёргивая его назад, я высвободил место для маневра. Ударив краем щита в живот, я смог встретить мощный удар второго неримлянина — его топор полосонул щит. Три шага назад вместе со мной делает и вся шеренга, медленно проминаясь под напором копейщиков.

Я попытался надавить вперёд, рассекая мечом пространство. Клинок летает подобно молнии, высекая на щитах полосы, а на броне прорези. Вместе со мной встали и другие солдаты, отчаянно пытающиеся сомкнуть срой. Только мельком взглянув направо я увидел, что враг там убивает наших воинов — топорники и мечники купают в эндеральской крови свои клинки. Разбивая щиты, обступая фланг, они прореживают строй — молодые парни один за другим ложатся на зелёно-багровый блестящий ковер. Вскоре я уже насчитал десятки раненных и убитых.

Но ещё хуже — мой глаз замечает, что там, где я ожидал поддержки кавалерии, её не было... лорды просто стоят и ждут неведомого момента. Их кони так и не пошли в атаку. Это вызвало настолько сильный приступ гнева, что в бессильной злобе я пробиваюсь вперёд, нанося беспорядочный град ударов. Разнеся секиру топорнику, отбив его удар, мне удалось

словить его бочину клинком. Брызнув кровью, он попятился от меня, но острие настигло его. Мои парни поднажали, прикрываясь щитами от бесчисленных ударов и стрел, они держат строй рядом со мной. Я отхожу и тут же щит подставляет солдат. Взмах мечом и лезвие пронеслось по неримлянину — панцирь топорника получил царапину, а сам он рассверипел. Норманн со светлым густым волосом, в цветах угля и солнца кинулся на мой ряд и размахивая громоздким топором попытался искромсать нас. Воин Эндерала закрывается щитом и топор, едва не ломая ему кости входит в щит. Двое других выскакивают и молниеносными ударами в бок отправляют того в небытие. Окрасив сталь в багровое, они отстраняются, закрываясь щитами, как за стеной.

— Хорошо! — я поднял окровавленный меч острием вверх. — Усилить давление! — клинок опустил и рассёк вражеский табард; под ним оказалась только фуфайка, которая с лёгкостью поддалась и на животе врага проступила багровая влага.

Воины Эндерала встали стеной, лишь бы не пропустить неримлян, но всё же противника больше и это дало свои чёрные плоды:

— Центрос! — вызывает ко мне воин с перепуганным лицом, одёргивая и указывая пальцем, сквозь мельтешащийся ряд сражающихся. — Противник нас окружает! Нас перебарывают!

Враг рассёк линию наступления — неримляне прорвались строй и хлынули в тыл. В это же время с нерадостными воплями до меня дошло — противник опрокинул правый фланг и берёт нас в кольцо. Десятки людей и аэтерна в один момент оказались беззащитными. Ряды смяло и ухо слышало предсмертный стон народа многие пали под напором мечей, копий и топоров. Ряды стиснулись возле меня — грудь сдавило, повернуться некому, мы скользим между друг другом, мокрые от крови и дождя... нас стягивают со всех сторон!

Молния ударила рядом со мной, испепелив бойца, затем ещё одна — вражеский чародей заработал из тыла — мы же для него как мишени на блюде. Мельком пронёсшийся топор должен был сразить меня, но молодой паренёк с силой оттянул мой шиворот и сталь яркой лентой пронеслась возле глаз. Он сам попытался вступить в бой с топорником, но неудачно — грубое лезвие впилося ему в шею и вскоре он оказался в объятиях мягкой травы.

С яростью в душе я направил меч вперёд, но удар был парирован, а затем только стальные пересветы лезвия были видны — настолько быстро закрутился его топор. Я выставил щит, пытаюсь прикрыть тело... удар-хруст, удар-хруст и ещё один удар — край щита просто отлетел. Швырнув в его голову обломок, моя спата выписала дугу и оцарапала его панцирь, высекая хорошую царапину. Звон разнёсся, когда щит пришёлся прямо в лоб врагу, он покачнулся, но не потерял в смертоносности, и я метая меч. На этот раз лезвие пробивается у горла и проходит в зазор у самого доспеха. Словно не веря в произошедшее, воин хватается за воздух, сжимая его у рукояти меча. Он делает шаг и тут его силы покидают — топор глухо пал на землю, а затем и его тело зашуршало у ног.

— За очищение! — вопят неримляне. — Смерть религии!

Со звоном прощается с ножнами второй меч. Полуторный клинок, коим я орудовал в том проклятом храме теперь тяжелит мне руки. Врагов немереное количество, и они повсюду. Вздв меч, я отразил первый выпад и мгновенно перехожу в ловкий пирует. Меня прикрывает десятка воинов, щитами и мечами отгоняющая нападающих неримлян. Клинок в моей руке быстро пляшет — отражает удары и наносит их. Я ставлю блок и носок сапога быстрым ударом погружаю под коленку какого-то темнокожего коринфянина. Он взвыл и согнулся, попытался присесть, но получил второй удар — сапог разбил ему нос и он,

заливаясь кровью рухнул на спину. Тут же его прикрыли свои с гербовыми орлами на защите, который сошлись щит в щит с эндеральцами и ощутили их яростную атаку.

Но как бы не бились — нас теснят и окружают... всюду кровь, под ногами тела и наших и врагов, а позиции отброшены почти к мосту — повернув голову я вижу его всего в десятке километров. Мы рассечены, я чувствую, что правый фланг окружён и ему скоро придёт конец... но надежда приходит неожиданно, радуя и придавая сил:

— Лорды! В атаку! — услышал я принесённые ветром слова и почувствовал, как дрожит земля.

Выставив длинные пики перед собой, сотня всадников тремя рядами двинулась к нам на встречу. И теперь уже охвативший нас фланг неримлян оказался в окружении. Я краем глаза увидел, как кавалерия, быстро преодолев зелёное поле на полном скаку врезалась в полуразвернувшуюся пехоту. Пики насквозь прошли кольчуги и фуфайки, кони сшибали топорников и панцирников, раздались болезненные крики агонии, хлюпанье и треск... я не знаю, сколько неримлян погибло в этой атаке, но не меньше сотни были просто вмяты в траву. Погрузившись во вражеский строй, лорды обнажили клинки и рассекли неримские ряды хлесткими ударами широким мечей.

Враг попытался развернуться, но и тут его ожидал сюрприз. Сквозь вопль битвы моё ухо приласкал тонкий свист, который с каждой секундой становился сильнее. Над головой небо разрезали точки — разрозненный поток стрел обрушился на головы неримлян. Они в изумлении встали, пытаясь защититься, подразделения сковала ещё одна лавина залповой стрельбы лучников, давая теперь нам возможность маневрировать.

Вывавшись из когтей неминуемого поражения, я двинул войска вперёд. Прорубая себе путь через жёлто-чёрные ряды, эндеральцы стали выравнивать линии и порядки. Мои руки, крепко держа рукоять, вели клинок, опускали лезвие на врага, сокрушая его щиты, кольчуги и тела.

Всадники, истребив оконечность правого фланга Нерима стали рваться к центру неримского построения, медленно опрокидывая строй и заставляя их отступать. Высвободившийся, обескровленный и практический уничтоженный правый фланг Эндеральской армии стал отходить назад, уступая место кавалерии, не унимающей бешеного напора. Доспехи всадников, их нежно-синие табарды стали бордовыми и скользкими мечи затупились, но они продолжают вести коней и кромсать врага, отталкивая его.

Лучники хороши — сеют смерть среди противников, но заговорили «голоса» посерьёзнее. На головы врага упали тяжелые камни, сносящие по два-три человека. Пара катапульта фермеров заработала по тылу противника, сметая относительно свежие отряды.

— Отходим! — был дан приказ и неримляне стали откатываться.

Враг, закрываясь щитами, прикрывая подразделения своих же, организованно пошёл обратно, на исходные позиции. Чародей же закрывает неримлянон всполохами огня и молний, выжигаящих эндеральцев до тошнотворной вони горелого мяса.

— Стоять! — я приказываю и моё слово разнеслось по всей единой армии — воины встали единым рядом, образуя ровную линию и подняв щиты, чтобы шальная стрела не оборвала нить жизни.

Двадцатка всадников прорвалась через вражеские ряды и ринулась прямо к чародею. Тому оставалась только лишь размахнуть руками и направить поток жаркого огня в сторону конников. По ушам с неопишумой болью ударил звук конского жалобного ржания и нечеловеческого вопля, я смотрел на то как люди заживо превращались в уголь, как их

доспехи стали для них сковородкой и в сердце вызревал цветок гнева.

На поле боя появился ещё один колдун — облачённый во всё голубое, в сверкающем нагруднике он стал выставлять ментальные щиты, отражая молнии и огненные шары.

— Испепели его! — я обратился к чародею, — или перенеси меня к нему!

Я бы уговорил ошарашенного мага, но нас окружило полсотни кавалеристов. Рыцари, с жутким видом, не терпели промедления и тут же один из них огласил:

— Противник прорывается у Клиффвотча! — взывает конник. — Он у самой крепости! Фриджидиэн, с нами!

Я лишь взглянул на вражеского мага, который уносит ноги. Желание возмездия за павших отступило перед ужасом неминуемой катастрофы — Нерим может пробить центр нашей обороны и прорваться к самому Арку. С печалью осознавая, что там контрудар нанести некому, я отступился от гнева и быстро взобрался на предоставленную лошадь, выдавив:

— Хорошо.

— Маг! — призвали всадники. — Давай!

Взмах ладонями, пара секунд и нас перенесло на десятки километров западнее, там, где стоит ещё один телепортационный маяк.

На широкой дороге творится полный хаос и беспорядок. Слева над мощёным трактом громоздятся озеленённая мхом и слоем земли скала, в которой над которой величаво высится башня Клиффвотч, возле которой эндеральцы разбили целую сеть укреплений — баррикады, окопы и площадки, куда только предстоит стать пушкам. Лучники арбалетчики без усталости посыпают широченную дорогу снарядами, пропадающим в серой мгле. Справа же крутой склон, уходящий под морскую воду и составляющий залив.

Впереди, в клубях дыма и гари, под стеной проливного дождя, наступают неримляне. По окровавленным мечам, истерзанным щитам и злобным лицам, я понимаю, что они встретили стрелковую роту — арбалетчиков из Эндеральской армии и расправились с ними. Также мой глаз выхватывает наёмников, фанатиков из Киры — укутанных в широкие одежды чернокожих воинов, с ятаганами наперевес.

— Всадники! — воззвал я. — Встретим их лицом!

Конный ряд двинулся вперёд, мы стали медленно разгоняться, по краям зелень замелькала, превращаясь в единую изумрудную полосу. Конники позади меня опустили пики, угрожающе сверкнувшие в огнях. Я же поднял свой меч и внимая холоду ветра, приготовился опустить его.

Въехав в ряд неримлян всадники опрокинули первые отряды противника, я же искупал меч в крови кирийских подонков. Пики пронзали пехотинцев, как шампура мясо, мечи нанесли глубокие раны, а мой клинок настолько сильно приходился в тела, что рассекал мясо до кости. И снова вокруг нас летают крики, вопли и стоны боли. Лёгкая пехота врага бессмысленно пытается достать всадников кривыми мечами, палашами и короткими копьями, но напор лордов сметает полчища неримлян. Я опускаю меч направо, колю влево и погружаю его в тех тварей, что посмели осквернить мою родину. С пылающим сердцем моя рука без усталости орудует подарком Исаила, награждая врагов вечным покоем.

Вскоре врагов стало так много, что напор кавалерии остановился. Вокруг меня выются неримцы, пытаются достать клинками, но доспехи держат удар, а меч всё ещё высекает глубочайшие порезы на неримцах.

— Давай! — донёс ветер.

Лучники и арбалетчики смогли перегруппироваться, встать по отделениям и единым залпом залить неримлян стрелами и болтами. Незащищённые люди запада десятками осели на землю, дорога вымазалась кровью. Стеная и падая, ползая по каменной брусчатке, неримцы стали отползать. Лёгкие чёрно-жёлтой расцветки и сетчатые щиты стали хоть какой-то защитой под напором стального дождя.

— Отходим! — приказал я оттянул поводья. — Дальше нас могут окружить.

Хватит на сегодня. Это был тяжёлый бой — береговые отряды уничтожили, враг продвинулся до самого моста и края ферм. Берег теперь в руках Нерима, и нанести контрудар нам просто нечем. Усталый, с мышцами, налитыми железом, я увожу коня как можно дальше от поля боя, но тут и там я вижу тела — мы прошли довольно далеко, и теперь часть дороги — это просто ковёр из тел. Велисарий надеялся, что мы нанесём мощный удар по береговым позициям... получилось обратное — противник просто разрезал наши позиции. Теперь у Фермерского берега мы можем только окапываться.

Смерть шевоше

Спустя два дня. У Речного.

Стремительное наступление неримлян по побережью привело меня магическими перебросами на Солнечный берег, где я готов встретить орды людей запада и познакомить их с моим мечом и моей яростью. Нерим огнём и мечом отвечает на стратегию Велисария, заливая побережье кровью. Мы понесли страшные потери в первых боях — сотни сынов Эндерала легли в землю, чтобы сдержать врага на подступах к ключевым территориям, но ещё тысячи клинков готовы его встретить. И сейчас мы покажем Нериму, что Эндерал всё ещё жив и будет биться до последнего вздоха!

Моя кровь закипает от гнева — двухтысячный неримский конный полк стремительным наступлением прорвался сквозь редуты у горного склона Фоамвилля и двинулся огненным маршем в сторону Речного, превращая всё вокруг в пепел и руины. Шахты, лесопилки, фермы, новые селения — никто не смог уйти от гнева народов запада, которые идут подобно ветру, оставляя за собой трупы и развалины. И вот, пройдя разорительным походом, всадники ушли резко на север, не доходя до Речного и склоняясь к западу, как сообщила разведка. Если так пойдёт и дальше, то кавалерия Нерима пройдёт через снежный проход и быстрым маршем возвратится к Фоамвиллю, сделав кольцо и превратит добрые земли Эндерала в выжженные пустыни. Мы не можем этого допустить.

У медовой фермы, в гуще леса под кронами высоких деревьев мы готовы встретить врага, что вскоре выйдет сюда. За мной уже строится косой багрово-лиловый порядок солдат из Эндеральской армии, позади которых линия лучников. Дорога далее блокирована, враг упрётся в три сотни копейщиков, но разве этого хватит, чтобы удержать гнев Нерима? Конечно нет, а поэтому сюда вскоре подтянутся силы коалиции.

Внимая шёпотам крон, чувствуя свежий воздух и аромат травы, я готовлюсь к бою, мысля все возможные варианты схватки. Мы в лесу, под ногами мох и трава, мягкость, переходящая твёрдость дороги, рассекающей изумрудную чащобу. Впереди я вижу развали медовой фермы — следствие политики Тручессы. Тут мы думали разбить малое селение, но шевоше неримских всадников оборвало эти планы.

— Как думаешь сколько народу убили? — спрашивает один воин другого.

— Тыщи две сгубили.

— А их скокма?

— Да тоже тыщи две.

— Свирепые гниды! Ничего, сегодня мы их положим!!

Эти разговоры не были беспочвенны. Следование неримской армии сопровождалось убийствами, поджогами и разорениями — единственные части кавалерии Нерима принесли за первые дни войны столько потерь, сколько это не сделали ни одни их пехотные части. При одной мысли, что враг продолжит беспрепятственное следование вглубь страны, сердце закипает от боли и гнева. Над Лишари всё ещё реет знамя смертельного рока, моё сердце болит по ней, и единственная возможность унять это чувство — забыться в битвах. Апотекарии, О'Брайенн ей помогут... я надеюсь на это.

Касаясь меча, я медленно его вынимаю, ибо мои глаза выцепили образы наступающих теней, что плетутся далеко впереди. Зелёные массивы преобразились разноцветными контрастными линиями, которые с особой быстротой подбираются к нам. Они идут ровно, выдерживая ряд и придерживаются основной дороге, не углубляясь в лес и обтекая деревья, будто это стены. Затем, прищурив взгляд, я вижу, что людей несут кони, а впереди знаменосец несёт полотнище с символом одноглавого орла, окружённого молниями — символ неримской лёгкой кавалерии. Враг!

— Приготовиться к бою! — отдал я команду, поднимая широкий овальный щит. — Сомкнуть строй! Копья во фронт! Не посрамите своей родины и отомстите за убитых!

Посреди леса вырос ещё один — копьё единого строя, где народ стиснулся плечом к плечу, выставили плотной стеной копьё. Я же встал перед ними, высоко вздев меч и громко крича:

— Лучники!

Стрелки положили стрелы на тетиву, стянули древка и выпустили смертоносный дождь, от которого враг не имел защиты. Часть всадников первого ряда спала, кони жалобно заржали от боли, а неримляне поняли, что их ждёт схватка.

Всадники Нерима осознали, что впереди их уже готовы встретить, и решили атаковать, думая, что их ждёт лёгкая победа. Ноги ощутили по земле лёгкую трясь, когда враг стал разгонять коней — его направление атаки — широкая дорога, в чащобе леса особо не разгонишь коней, поэтому самый сильный удар придётся на центр.

Закрывшись щитом, я сумел отразить первый удар — палаш кавалериста рассёк верх укрытия, силы хватило, чтобы я едва не упал, а потом в наш строй врубилась остальные всадники. Копейщики радостно встретили неримлян — длинные древка тут же стали непроходимым лесом — эндеральцы легко доставали всадников, сталкивали их, или пронзали, не давая себя достать. По уху уже привычно режет крик боли и предсмертные хрипы, смешанное с конским ржанием и топотом копыт. Сверкнувшие грозным блеском и брызнувшие кровью шиловидные наконечники стали мелькать в быстрых движениях, делая свою мрачную работу. Противнику же остаётся ответить боевыми кличами:

— Да спалит свет очищения!

— За Эндерал! — ответили мои бойцы.

— Покарать религиозников!

— Смерть захватчикам!

Отбив щитом хлёткий удар, я колю, что есть сил и мой длинный меч забирается под жёлтый халат врага, изливая противный багрянец. Вскрикнув, неримец роняет меч и заваливается на бок. Копейщик жёстким ударом в грудь добивает молодого алемана, сваливая его с коня. Подавив приступ тошноты, я резко поворачиваюсь за секунду, как по

груди пришёлся бы восходящий удар. Всадник мгновенно повернул коня и повернул его на меня, но пара длиннющих копий остановили его, выпады в щит и в кольчугу. Я, подбежав к нему, рассекаю ногу, заставляя его скрючиться, остальное за меня доделывают копейщики. Поворачиваясь, я вливаюсь в строй, чтобы меня попросту не растоптали.

Дорога за первые минуты десять боя обрела противны жёлто-багряный покров тел, среди которых валяются и кони, под кронами леса витают звуки сражения. Враг напирает и всаднический удар становится всё сильнее, к тому же не менее тысячи конников в тылу уже успели спешиться. Пешим строем лёгкая пехота бредёт сквозь лес, прикрываясь щитами от стрел. Всадники вдавили центр и продолжают переть, испытывая нашу стойкость и умирая от копий, не имея возможности защититься. Но вот им на помощь уже спешит широкий строй пехоты.

За поредевшим строем всадников я увидел надвигающуюся волну лёгких неримских воинов. С мечами на голо, они решительным наступлением готовятся обойти нас и взять в окружение.

— Фланги! Фланги! — хрипло кричу я офицеры неистово попытались передать мой приказ, но весьма поздно...

Эндеральцы вступили в бой и тут же понесли страшные потери — не сумев спрятать фланг, бока нашего построения оказались охвачены и окружены. Одним стремительным наступлением враг сковал все наши движения. Хуже того, до уха донёсся сотрясающий душу звук битвы в тылу — лучники дали жестокий бой обошедшим быстрым неримлянам. Пытаясь биться против них, они тут же стали падать в объятия леса, ставшего их кладбищем. Нас обступили и методично истребляют.

— Трубите! — дал я приказ медленно отходящему орущему строю в надежде, что его кто-то услышит.

Пара боевых горном криком помощи пронзили зелёные дали, призывая неведомого союзника. Казалось, что мы пытаемся призвать призраков леса, неведомых и злобных духов, что были малой толикой правды.

Лес разразился сотней стрел, а затем ещё одним залпом, а потом и ещё одним и так за первую минуту на врага обрушился ошеломительный дождь из не менее тысячи стрел. А затем, отбросив маскировку и укрытия, выступили разрозненные ряды новых воинов — несущие кольчуги и лёгкие кожаные доспехи, с луками, топорами и щитами-каплями на которых символ славного народа, символ их воли, новое знамя Речного — тёмно-лиловый лев на синем полотнище.

— Люди Свяослава! — радостно я обозначил появление союзника, который не промедлил и бросился в бой.

Речники накинудись на неримлян с неописуемой яростью и жестокостью. Расписав их ряды кровью, они кровавой просекой прошли в их порядки. Топоры заблестели, рассекая чёрно-жёлтые массы, лучники осыпали фланги противника, люди стали оттеснять неприятеля к медовой ферме.

Эндеральцы слева усилили отпор и вынудили врага встать. Неустанно коля копьями, и прикрываясь щитами, противопоставляя мужество мастерству, мои братья окрасили ряды врага в цвета рубина и граната, не делая и шагу назад. И тут на радость моих очей на остававшегося врага бросились речники с топорами на перевес, вгоня сталь в плоть тыла врага.

— Вперёд! — я призвал людей к атаке, к продвижению и наступлению на конную массу

и увидев возможность высвободившегося левого фланга, дерзнул использовать её. — Перебросьте солдат с лево на право!

Воины поспешили исполнить этот приказ и отходя организованными, но изорванными и сильно опустевшими порядками, меньше сорока эндеральцев отважно бросились спасать правый фланг. Нерим не устоял по иступлённым давлением копейщиков, и стал откатываться. Оставшиеся в живых лучники смогли высвободить накопленную злобу и за первые три секунды боя на головы ошеломлённых неримлян упал бешенный дождь стали — в отмщение за павших братьев по оружию стрелки клали стрелы особо метко, наконечники ранили горла и лица, удачно вспарывали кольца кольчуг и находили зазоры между пластинами доспехов. Ряды врага колыхнулись.

Но и Нериму нашлось чем ответить. В арьергарде врага появились новые бойцы — укутанные в кольчуги, следующие пешими, высокорослые воины, чьи руки отяжеляют длинные мечи и широкие двуручные топоры. Не менее двухсот воинов веером расступились среди деревьев и врезались в речников и насытили обескровленные ряды.

— Топорники прорыва и рыцари народного гнева, — мрачно я распознал новоприбывших, а это заставляет меня отдать новые команды. — Сомкнуть строй! Лучники, новая цель!

И они не замедлили принять бой. Речники за первые минуты боя понесли существенные потери — с холодным потом я узрел, как широкими мазками двуручных мечей и секир расписалась картина войны. Воины Речного устлали собой подножье деревьев, не оставаясь в долгу — хлёткими ударами топориков и градами стрел они отправляли на встречу смерти одного ратника за другим.

Я же, выровняв строй, стал отводить левый фланг к речникам, чтобы сформировать единый фронт и обхватить неримлян. Но вот зараза — противник понял наш ход и стал отходить на юг, именно там нет наших сил и свободное пространство он решил использовать для манёвра и перегруппировки, обступая медовую ферму. Если они сумеют свершить свой манёвр, то общим наступлением нас раздавят...

Но и мы припасли подарок. За спинами неримлян, за их стягами к небу вознёсся звон труб и рёв боевых кличей. Огибая скалистые возвышения, выливаясь из леса, на людей запада устремились воины под стягом чёрного креста на синем «холсте». Зловеще сверкая грубыми мечами и топорами, секирами и молотами, изрыгая брань и лютые возгласы, на поле боя объявились люди Конана. Врубившись в покосившиеся ряды Нерима, варвары Солнечного берега погрузили во врага сталь и железо. Четыре сотни воинов захлопнули ловушку, выкрашивая подножья деревьев зловещим багрецом и стеля подле них кучи тел.

Рыча и улюлюкая, они вселили в сердца противника ужас, но этого мало. Я вижу, как неримляне разворачиваются — кавалерия стремглав несётся к варварам, а тяжёлая пехота рвётся к нам. Я смотрю в гущу битвы, сдавленный строем и всё ещё держащий исполосованный щит. Усеянные стрелами щиты и доспехи сделали людей подобием ежей, в глазах мелькает гнев и страх, сталь стала красной от рек крови, железный смрад битвы позирует живот и распаляет дух, но себя сдерживаю. Противник окружён и теперь лучники весёлой песней стрелы стали его истреблять.

На поле боя царит кровавый ближний бой, но тот, кто пришёл с пехотой решил внести новинку. Сквозь кроны деревьев ударили молнии, испепеляя моих бойцов. Затем полетели огненные шары, обвивающие плоть и жарящие её изнутри. По полю бою скоро разлетелся тошнотворный запах горелой плоти, и поплыл синевато-смрадный дым, источающиеся

скрюченными почерневшими трупами.

— Проклятье! — кричу я от злобы и слабости — маг слишком далеко, чтобы его достать, он закрыт яростными воинами народного гнева. И, впрочем, я нашёл выход.

Оставив строй на волю младшего офицера, у которого моя рука выхватила копьё, я подлетаю к неримскому чёрном жеребцу и седлаю его. Взобравшись на коня, мой глаз выхватил образы мага, укутанного в золотисто-жёлтые мантии и рисующего кистями новое заклинание.

— Братья! В атаку!

На полном скаку и поднимая копьё, я направил коня в самую гущу неримского строя. В окружении трёх деревьев и латников стоит чародей, снова и снова выжигающий ряды эндеральцев. Проносясь ветром в ряду неримлян, поражая их копьём направо и лево, сшибая людей вскоре я оказался у тех самых дров, где меня встретила магия — ледяной ветер бурей морозных острозаточенных осколков поднёсся ко мне, но подняв щит я дал изморозить его. Извернувшись, я швыряю копьё, чародей в ту же секунду отвёл его ветром, тут же ухмыльнувшись — «И что же ты ещё сделаешь?». Но что есть магия против прогресса? Я опускаю руку на пояс и мигом её выпрямляю, сжимая одновременно металл указательным пальцем. Грохот выстрела прокатился по всему лесу, возвещая о применении нового оружия. Маг же, цепляясь за грудь и сжимая кроваво-жёлтую мантию всё ещё не верил, что его достали. Он попытался исцелить себя, на его пальцах даже заиграл свет лечащего заклятья, но силы покинули его, и он шлёпнулся лицом в траву.

Наступление речников, копейный бой, превративший атаку кавалерии в жуткое воспоминание, и атака варваров, обратившая край неримского построения в жаркую рдяную баню и беспрестанный свист стрел — всё это вселило такой страх в противника, что он дрогнул — шеваше остановлено. Я же, уставший и желавший минуты покоя отвёл коня от бегущего прочь врага... впереди ещё много битв.

Флотоводец

Спустя три дня. Вблизи Дюнного.

— Как та дама? Я слышал, что к ней приставлены лучшие лекари запада?

— Да, но всё тщетно, — вспомнил я, уже не обращая внимания на качку, как О'Брайенн рассказывал, что изменений никаких в её самочувствии не предвидится. — Надеюсь, вскоре она поправится, Фарнабаз.

— И я..., - в кисете я пальцами нахожу полированную склянку и подношу ко рту — секунда и зелье аптекаря наполняет меня силой, левая рука крепнет, слабость в ней постепенно пропадает, боль нисходит.

— Я смотрю, теперь вы готовы сразиться, — чутко подметил Фарнабаз, носивший из доспехов разве что кожаный толстый панцирь и сапоги, предпочитая в остальном свободные белые штаны, рубаху и тюрбан. — Только, о четыре ветра, не впадите в страсть упоения сия питья.

— Да, — грубо отвечаю я, чувствуя, что онемение эмоций сталкивается с огненным порывом гнева, рука касается спаты на поясе, — пора готовится к битве.

Моё облачение не меняется, но кажется, что оно мне стало больше. Всё тот же чешуйчатый панцирь, сверкающий ласкаемый морским солнцем, но он висит на плечах и в животе... неужто скоробь по Лишари, от которой я пытаюсь забыться, настолько

выматывает?

— Вы сами готовы? — аккуратно спросил я. — Нас в три раза меньше, сможем ли совладать? Или это станет красивым самоубийством, которое поэты воспоют в веках?

— Я знаю, что мы сегодня сделаем, — муж востока потёр рукоять ятагана. — У них на кораблях куча магов и это для нас проблема. Я надеюсь, наши мастера тонких энергий выдержат достаточно.

— Мы раскошелились на наёмников-магов порядочно, — посмотрел назад и заметил людей и аэтерн в серых робах. — К тому же с искусством «Плетущих бурю» и личных магов знати Арка мало кто совладеет.

— Хочу напомнить вам, что нам противостоит враг, чья армия закалилась в тридцатилетней войне. К тому же, — Фарнабаз простёр руки. — Сынов запада слишком мало.

— Но они в первый раз воюют флотом, в отличие от эндеральцев, — настаиваю я. — Сегодня нам понадобится только расстояние.

— Что ж, будем молить Всевышнего о победе. Если нас покинули Рождённые светом, то будем иметь надежду только на Того, Кто выше и сильнее их.

Стоя на карме судна, я вглядываюсь в морские дали и вижу, что нас уже ждут — не менее полусотни кораблей, с чёрной парусиной и орлом жёлтого цвета. Внимая прохладному бризу, чудесному солнцу на бирюзово-лучезарном полотне небес, я оглядываюсь. Здесь, в один строй встали все, у кого есть флот. Мой глаз радуется и багряный лев на белой ткани аристократии Арка над десятью галерами и десятью коггами, и крылатый золотой хищник Дюнного развивается над палубами одиннадцати триер, красующихся восточным утончённым стилем, и чёрный крест, несомый девятью широкими полуплоскодонными лодками с просторной линованной парусиной. Все, кто может, все, кто желает спасения Эндерала выставили корабли, ибо сегодня мы пустим на дно флот Нерима и освободим морские пути в Киру. Только нет массивных галеонов Святого ордена, оставшихся в Арке по приказу грандмастера, что не может не печалить.

Смакуя солоноватую свежесть морского ветра, я сжимаю пальцы на «огневице», в предвкушении тяжёлого боя. Велисарий приказал собрать воедино все морские силы и ударить по наступательной эскадре Нерима, ибо она перерезала торговые поставки из Киры. Там правит Золотая королева, оставшаяся верная старому порядку, а значит для Коарека она враг и грабёж её флота только обрадует предводителя Вольного народа. И вверив все силы Фарнабазу, как наиопытнейшему флотоводцу Эндерала, мы отправились в морской бой.

К нам подошёл чуть ниже среднего роста мужчина, не похожий на остальных. Его одежда — тёмно-синие пальто, укреплённое выкрашенными в тот же свет пластинами мифрила. На ногах высокие сапоги, начищенные до зеркального блеска. Его лицо — отражение добродушия, кристально-чистые голубые глаза пронзают пристальным взором дух, короткий светлый волос золотится на солнце, а уши имеют острое устремление. Я, слегка обернувшись к нему и склонил голову в эфемерном поклоне.

— Мессир, вы должны быть на рубке, рядом с магами, — предостерег Фарнабаз. — Тут не безопасно. Люди вас потеряют, не нарушайте порядок.

— Это прекрасно, что вы соблюдаете порядок, но всё нормально, — мужчина чуть приподнял худую, с двумя серебряными кольцами на длиннотонких пальцах, ладонь. — Я провёл в войсках десять лет и знаю

— Что вы хотели?

— Вы участвовали в битвах у Киры, за песчаное наследство, и с пиратами, мастер-Фернабаз. Что вы можете сказать о сегодняшнем сражении? — звёздник посмотрел на пушки и людей, подметив. — Маловато будет для победы.

— Мессир Ха'Риаким, — повернулся в сторону звёздника Фарнабаз. — Да, это будет трудно. У врага не менее шестидесяти нефов и сорока каррак. Но благодаря вашему подарку, думаю у нас есть решающее преимущество.

— О благие шестерни, только не спустите в нужник эту возможность. А то на кой я сюда пришёл?

— Вы же сюда зачем пришли?

— Я здесь, потому что так приказал Андреас Гринхарт. Остальное — меня вал волнует.

— Машшира Фарнабаз, — я повернулся к флотоводцу и поинтересовался о его личной гвардии, прошедшей через огонь и кровь десятилетий воин. — Ваши готовы?

— Пятьдесят лучших воинов востока готовы пустить кровь неримлянам.

Неримские корабли занимают позиции — размещая впереди посудины, забитые мечниками и копейщиками, позади них становятся парусники, где мастера лука и арбалета готовятся обрушить град стали на нас, ну а третьим рядом встала корабельная артиллерия.

Фарнабаз заметил, что Нерим к встрече готов, и теперь наш ход — мы покажем ему всё наше мастерство.

— Всем готовиться к сражению! Маги-элементалисты на изготовку! — разнёсся сначала по кораблю, а затем по всей эскадре приказ флотоводца. — Маги-менталисты, занимайте позиции.

На кораблях сей момент началась беготня, воздух наполнили перекрикивания команд и топот сапог. Повелители тонких искусств встали в середине кораблей, поднимая руки кверху, начиная ткать с пальцев щит магической энергии. Другие чародеи, прикрытые лёгкими кожаными панцирями поверх роб, накаляют жар огня и электричества у бортов, желая обрушить на врага тонны пламени и чистого тока.

— Дайте сигнал пушкам готовиться к огню!

В этот же момент по ушам саданул резкий звон труб, и передняя часть галерного флота подкатила орудия к бортам, раздался перезвон ядер, царапающих дула и шипение тлеющего огня.

— Поднять флаги Совета!

На этот раз над кораблями взвился ещё один флаг, возвещающий о едином Эндерале. Новая знамя, противопоставленное одноглавому геральдическому орлу Нерима и всевидящему оку Святого ордена. Золотая гордая хищная птица на светло-фиолетовом фоне вселила прилив храбрости и бодрости в сердца защитников, взбодрив души порывистым ветром храбрости и желания защитить родную землю.

Корабли выстроились в единую линию, тем самым мы сравнялись своим фронтом с фронтом неримского строя. Они плывут к нам на всех возможных скоростях, выстроив флот в три линии. Сотня неримских посудин против тридцатки наших. Это будет тяжёлое сражение, но цена велика — враг рискует потерять всё своё превосходство на море.

Первыми решили открыть сражение наши судна — галеры Арка. Я всем телом ощутил, как флагманская галера двинулся с ускоренным темпом, постепенно превращая строй в острый клин. Мы идём на острие нападения, мы рассежём вражеские порядки! И от этого становится только радостнее.

На палубах кораблей противника засверкали вспышки магических светов, гром

прозвучал среди ясного неба, неся вести о том, что маги врага открыли эту дуэль. Горло завершило от резкого запаха серы, в голове засвербило от возмущения мира магии, а затем на наши головы упал дождь... огненный ливень из поредевших небес поспешил сожрать наши корабли. В инстинктивном порыве защиты смерти и страха я закрываю лицо, внутри посмеиваясь над тщетностью этого деяния. Пламя, секунды беспрепятственно летя, в паре метров от мачт столкнулось о невидимую стену ментальной энергии, вспыхнув синезёлтыми взрывами и рассеявшись. Секунд десять я с осторожностью смотрел на то, как чародеи-менталисты удерживали чары врага. Что ж, теперь наш ход.

— Огонь! — отдал приказ Фарнабаз.

Пушки ахнули и плюнули тяжёлым свинцом. Я ощутил, как качнулись галеры от работы носовых батарей, увидел, как отсалютовали щепками неримские корабли. Два ядра разбили борт первой каракки. А затем к пушечному хоралу присоединились остальные галеры — деревянные «стены» первого ряда посыпались кусками бортов неримских кораблей, те же отчаянно пытались ответить магическими залпами, но те только безрезультатно фонтаном искр сталкивались о щиты менталистов.

Враг тоже выстраивал барьеры мистической энергии, но только никакими силами они не могли выдержать свинцовый ураган. Никакая магия не может противостоять невообразимо быстро летящему снаряду.

— Стоять! — отдал приказ Фарнабаз и галеры подняли вёсла, матросы поспешили стянуть паруса и клин из эндеральских суден встал.

Сотрясательный гром десяти галер, построенных отдельным клином, усладили мой слух смертельной канонадой, выбивающий кровь из ушей. Я вижу это... взираю на то, как подбиваются мачты, как флаги с орлом плюхаются в море и как первые карраки кусками распадаются. Вижу и как неримская артиллерия пытается достать нас — длинные болты скорпионов и баллист погружаются в море, огненные камни с шипением падали в пучины морские. От непрерывного шума мои кости трясутся, борта качаются

— Давайте ребята! — я призвал носовым батареям вести прицельный огонь. — Отправьте их на дно!

Пока галеры вели прицельный жестокий огонь, когги аристократии составили второй клин и присоединились к артиллерийской дробе, только их оружие не просто пушки, а гений Гаспара. Смотрящие чёрными дулами в небо, короткие, но пузатые и широкие пушки плюнули огнём, выталкивая тяжеленные ядра. Десять батарей по два орудия заголосили, осыпав задние ряды вражеского флота. Маги Нерима выставили отличные фронтовые щиты, ещё способные отбить атаку бомбард, но вот третий ряд — он не прикрыт и на него обрушилась вся ярость и гнев нашего мастерства. Один за другим палубы жалобно хрустнули, катапульты и баллисты взмыли осколками к небу, людей ударной волной сбросило за борта.

Неримлянам пришлось атаковать, они двинули единым кулаком все две ряда, весь фронт, стремясь обхватить галеры и уничтожить их.

— Вперёд! — приказал Фарнабаз, и двинул на врага двадцать кораблей острым клином.

Я посмотрел на обелившие от напряжения костяшки и пальцы. Меч сжат настолько крепко, что в ладони селится боль. В предвкушении скорой битвы, моё сердце глухо колотится, пот холодит шею и спину. Я уже вижу внушительные борта неримских кораблей, избитые, с пылающими дырами и воинами, мечущимися в приготовлениях к схватке. Кровь выкрасила края суден, трупы, разорванные тела и куски мяса устрашающе свисают.

— К бою! — приказал Фарнабаз, сверкая обнажённым ятаганом. — На абордаж!

Галеры вклинились в рассечённый центр построения неримского строя и теперь пришло молвить слово бортовым батареям. Несколько каррак не выдержали напора нового оружия и истошно прохрустев, жалостно вопя «криком» ломающегося дерева, падающих мачт, рвущейся парусины, и лопающихся канатов, пошли ко дну. Ещё залп и ещё несколько кораблей стали трястись, не способные к действиям и манёврам.

Трап крюком впился в палубу вражеской карраки, и я ступил на него, смотря в острый свет битвы. Выбежав вперёд, я врезаюсь вместе с остальными в слабый и измотанный страхом строй врага. Высекая сверкающую дугу, я погрузил лезвие в кольчугу неримца, и резко оттягиваю меч... чтобы затем его резко выкинуть вперёд и пробить кольца. Мои собратья нерушимым строем кинулись в бой под прикрытием стрел и болтов. Лучники Фарнабаза залповым огнём смели остатки сопротивления на этом судне — я поразился их непревзойдённому мастерству, каждая стрела находила свою цель, острая сталь проникала в тела, даруя вечный покой.

Защитившись от топора, я вывернул клинок и разрезал руку неримца и отошёл, отдав его под бойню клевцов аркских морпехов. И приготовив меч для новой схватки, я учуял, что железный запах сменяется серным... В бой вступили чародеи. Обернувшись, мне в моих очах отозвалась борьба буйного ревущего пламени, ласкающего дерево бортов и сметающего моряков. В этом успевали как наши маги, так и неримские. Борты чернели и падали кусками угля в море, люди носились с криком и всё расписали реки пламени, взметающие куски опалённой парусины и золы, поднимая их в небо чёрным снегом.

Артиллерия Нерима, невзирая на корабли своих же дала огневой бой и рядом с нами посыпали объятые огнём камни, палубы треснули и покрылись почерневшими пробоинами. Дальняя галера просела под ударами десятков камней и пошла ко дну, а затем ещё одна.

— Проклятье! — я вспылел, одновременно нанося нисходящий удар, разнося лёгкий щит моряка в щепки. — Нас берут в клещи!

Я отступил, сливаясь с рядом щитов аркских морпехов. Вооружённые клевцами и широкими павезами они мощными ударами изукрашили палубы в рдяные пятна и мазки, устилая путь тропинками тел. С ужасом я видел, как крючья выдирали мясо, как молоты до противного хруста крушили черепа и рёбра. Эти воины жалости не знают.

Я бросился вперёд, — куда хлынула подмога на вычищенный корабль и встретил неримлян лихой песней меча. Один пал от утончённого укола спаты, второй рухнула за борт, когда я оттолкнул его, третий же попал на самое острие не сумев увернуться. Пятого и шестого возле меня молотами, овитыми всполохами молний избили в куски мяса морпехи, идущие потным строем. Я уже потянулся к седьмому, как сюда полился губительный дождь. Враг с ужасом в глазах попытался спрятаться за малыми щитками, но аркские арбалетчики залили его, смели с палубы ураганом болтов. Кровь рекой хлынула по палубам, стрелки же противника ничего не могли сделать против крепких повез, увязая в них или отскакивая.

Галеры впилась в центр неримского флота подобно зубу в плоть и огнём батарей стали вычищать. Вокруг метелью летали щепки, трещало дерева и лопались канаты, но мы проигрывали. Корабли стали медленно окружать нас, изрыгая на палубы оставшихся галер сотни воинов. Морпехи стиснулись щитами, чтобы не дать разорвать ряды и не пропустить врага на корабли. Теперь уже нас теснили и мои глаза всё чаще видели мрачную картину того, как неримские клинки отплясывали смертоносный танец на телах наших моряков.

В атаку вплыли дюннийцы. Восточный флот стал разворачиваться бортами к

окружающему нас флангу. Быстрые парусники вскоре заняли положение и стали работать по краю неримского строя пушками, оттягивая на себя его внимание. Флот Дюнного не собирался идти в рукопашную, только выманивал корабли, расстраивая строй.

В это же время кнарры стали медленно и тихо подходить к иному краю флота врага. Они несли на себе подарок от Ха'Риакима — запасы зелёной смеси, вкуче с порохом и литрами масла. Рассеянными рядами, не привлекая внимания, ведомые мастерами строительства межпространственных мостов, они незримо сближались с флотом Нерима.

Мечом расписав впереди стоящих противников алым, уподобив кисти меч и отошёл назад, едва не поскользнувшись на мокрой от крови палубе. Десятки искривлённых в гневе рож мелькают перед нашим рядом, одичавшие от боли и бесчеловечных приказов люди пытаются достать нас прямыми короткими мечами, но находят только непреодолимую стену павез. Высвободившись, я вторю ударам морпехов. Мой меч запел вместе с клевцами, их доспехи не выдерживали ударов, сталь проникала в тела и клала их и проливала гранатового цвета влагу. Воющие и стенающие моряки и воины хлынули лавиной на нас, но прикрыв себя стеной щитов, они только наталкиваются на дерево и металл.

Взрыв... нет, расцвет второго солнца накрыл меня и приближённых с такой силой, что корабли словно игрушки швырнуло ударной волной, а людей разметало подобно куклам. Слепший и сбитый с толку я пытаюсь поднять себя как можно быстрее и пытаюсь прозреть... я... не знаю. Мне кажется или план Фарнабаза сработал. Правая оконечность неримской эскадры... она исчезла, как военный строй. Сквозь лес мачт, паутину канатов я увидел, что кнарры сделали своё дело. Ныне же там плескающаяся мутная вода сверкающей ковром пляшущего огня, на которой раскинуты почерневшие остова кораблей, палёные паруса и выжженные жертвы. Чародеи-менталисты, закрыв щитами корабли провели настолько, насколько это возможно вглубь неримского строя и подпалили адскую смесь, учтиво свалив оттуда. С тяжестью в руках я поднимаю меч, вынимаю «огневицу» и прорезаю плотную тишину выстрелом — свинец пробил горло высокого ратника с панцирем поверх вычурной рубашки. Видимо, капитан одного из кораблей упал на ошарашенных людей, зыркающих на меня глазами, взгляд которых явил нам животный ужас. Один за другим они стали приходить в себя и не веря в произошедшее, отчаявшись, бросились наутёк, лишь бы спастись... летя безжизненными на палубы, их спины стали отличной мишенью для арбалетчиков.

— Что ж, теперь мы можем отойти и расстреливать их из пушек, — с мрачным смакованием обозначил командир морпехов, стоя по колено в трупах.

И снова мы останавливаем врага. Военной хитростью и превосходством техники, не щадя клинка, мы отгоняем, становясь для него преградой. Наш флот вырвал победу, но моё сердце отзывается радостью при виде того, как в замешательстве враг бежит, пытаюсь повернуть остатки флота, ибо только одно может вдохнуть в меня былое веселье.

Милосердие

Спустя два дня. Горы Фростклифф. Селение горцев.

За эти дни операции «Баррикада» противник смог продвинуться по всему Фермерскому и Солнечным берегам, вклинился в наши порядки на востоке Пороховой пустыни и стал планомерно разорять север Сердцеземья. Вместе с этим и по западу Солнечного берега стали расползаться малые отряды. Сколоченные из наёмников и выходцев Киры, эти малые компании с необычайной скоростью вклинивались в нашу защиту и прошивали её,

наслаждаясь грабежами, насилием и блокируясь в руинах, пещерах, не подпуская к себе никого. Они уподобились острым иглоподобным зубам арпа, что впиваются в плоть нашей страны и льют кровь. Мы несём тяжёлые потери, несмотря на победы, каждое сражение окупается кровью нашего народа. Это не может не ввергать сердце в хандру, но сегодня я пришёл не для неё. Сегодня

На мне нет доспеха, на поясе я не ощущаю тяжести меча, только болтающийся кинжал стучит наверху о пряжку. Мне в лицо не дует горячие дыхание битвы, только холодный северный ветер, колющий лицо морозной остротой. Несмотря на тёплый меховой плащ поверх одежд из шкур, я не могу избавиться от чувства, что холод ласкает мою кожу. Над головой тёмное суровое небо, укутавшееся в массивную пелену облаков и посыпающее нас снегом.

Я иду сквозь маленькое селение древнего народа, что приютилось в горной расщелине и скрылось от глаз всего мира. Справа и слева от меня палаточные домики из шкур, высященные чёрными надолбами, оттеняя белый притоптанный полог. Где-то у домиков поставлены стойки с оружием, разбросаны ящики, положены шкуры и прочие предметы обихода. Меж них копошатся люди — дети и взрослые, отличные от нас крепким телом, особой белизной кожи и немыслимо чистыми глазами. Их одежда — явление скудное для богатого жителя юга — шкуры, да кожа зверей, обращённая в грубые прикрытия для тел.

Я, останавливая свой взор на дамах, мужчинах и ребятам тут же его пытаюсь убрать, ибо ответом мне становится зеркалом такой чистоты, что душу обуяет стыд. Святой орден долгие года воевал с ними, жестоко громя и уничтожая, преследуя и убивая. Силами хранителей было выжжено несколько деревень, проданы в рабство не менее тысячи женщин и детей и всё во имя заветов Мальфаса, которые эти люди отказались чтить. «И что же такого они сделали? Живут здесь, никого не трогают. Любят друг друга, ни на кого не нападают и не грабят, вступив в союз с Дикими магами только по нужде. И что же с ними сделал Святой орден?» — спросил я себя, находя ответы на страницах истории и вспоминая, что любовь тогдашнего грандмастера к своему народу удивительно сочеталась с пристрастием к насилию и пыткам. В те дни, Святой орден опорочил себя, ибо в бесконечной войне за хрупкий порядок, он всё залил кровью и сжёг огнём.

Эти воспоминания вызвали у меня приступ тревоги и стыда, захотелось провалиться под землю и закрыться, лишь бы не видеть этих взглядов. Ведь они видят во мне потомка тех, кто мечом и полымем косил их предков. В необычайно сильном порыве избавиться от этого мерзкого чувства, я начинаю шептать, вкладывая оледеневший огонь моего сердца в моление:

— О, Всевышний, помилуй народ сей.

Со мной рядом идёт высокого роста кучерявый чернявый парень. Его чёрную мантию ветер колышет подобно стягу на флагштоке, но его совершенно не волнует хлад. Он с тенью улыбки смотрит на окружающих его жителей, шепча что-то о них... возносит молитвы об их благе к Единому.

Как же я рад видеть Исаила... я взираю на его заснеженную бородку, на терзаемые ветром волосы и заметил, что его лицо, гордое и просветлённое, всё же тяжелится усталостью. Я не могу вспомнить, или подсчитать, сколько часов Исаил потратил на проповеди в храмах, и общению с Первосвященником. Он словом и молитвой, делом и праведной верой вдохновляет людей в эти тяжёлые времена. Люди и аэтерна Арка живут не только хлебом из Речного, и защищены мечом Велисария, но питаемы и словом молодого

истинного пророка, и ограждены его заботой, ибо в эти тёмные времена, когда столица в кольце монстров, нежити и терзаема неримлянами народу нужна воистину божественная помощь. Но сейчас долг принёс его далеко на север, в расщелины гор, по тайным тропам и витееватым дорогам, туда, куда ни одному сердцеземцу или дюннийцу не удавалось зайти. И он идёт, не имея сомнения, не выказывая усталости, словно ведомый Кем-то более сильным. Он — мой старый друг, он тот, кто выдернул меня из хандры после хождения-по-воде, он тот, кто словом поднял дух мой, когда в Святом ордене поли слухи о смерти Магистра, он вырвал меня и полордена из когтей смертельной бессмысленности бытия после смерти Рождённых смерти. Его слово нас вело, им я жил и оно меня привело к Истине. Теперь же я готов сопроводить его хоть на край света, что бы он нёс глагол в самое сердце севера.

— Исаил, а ведь о том, как живут горцы мы и даже помыслить не могли, — вырывается с моих уст. — Как же здесь красиво, — я посмотрел на левую руку, которая лишь вполовину могла подняться, и без зелья О'Брайенна даже не могла сжаться в кулак; и опустив её восхитился. — Как же здесь красиво. Никогда не думал, что удастся побывать здесь.

— Коли же они допустили нас к тайнам своим, то нас стоит быть учтивыми, — Исаил гордо продолжил идти, но его пути появился мальчуган, в меховой обелённой ломтями прилипшего снега шубке; он пристал к его мантии и игриво одёрнул её, Исаил же одарил его ласковой улыбкой и нырнул под рясу, секундой позже в руках мальчугана блестит игрушка и шоколад, завёрнутый в ткань.

Картина необычного милосердия вызвала пленяющий ступор в среде горцев, я заметил их не то что удивление — отказ верить в милосердие аркчанина. Мать ребёнка быстро пристала к Исаилу, схватив мальчика за руку, и оттянула его, скрывшись в толпе северян. Исаила, впрочем, это не смутило, и гордо вытянувшись, он пошёл дальше в сторону большого чёрного шатра в конце селения. Горцы взрослые... они не знакомы с милостью аркчан, только со сталью из Сердцеземья, они не знают, что такое доброта жителей юга, только ведают, что есть гнев и ярость Святого ордена. И Исаил, он может стать маяком, среди моря черноты и указать путь ещё не присоединившимся.

Мы идём дальше, нас окружают и стесняют в шкурах и грубой одежде, которым в диковинку видеть нас. Мужчины и женщины стеной встали, создавая коридор, и всё чаще я стал видеть, как в рядах сверкает оружие — копья и длинными наконечниками, тонкие мечи и топоры. Инстинктивно моя рука ложится на кинжал, но их глаза... чистые и вопящие о безвинности, лишают длань мою силы, а дух больше трепещет, чем пламенеет.

— Не нужно, — коснулся моей ладони Исаил. — Не оружием, но всяким милосердием мы можем сегодня победу получить.

Я ускорил шаг, пытаясь как можно скорее преодолеть эту стену народа, но вот Исаил шагает размеренно, величаво, не чувствуя беспокойства. И на пути мы натываемся на ещё одну реальность жизни горцев, помимо странной одежды и суровых лиц. На лежанке из шкур, прикрытый одеялом, лежит человек... точнее доживает последние дни. Я разглядел язвы, гнойные сети и желтоватую гадость на губах и глазах мужчины; ладонь показалась из-под чёрных волос, и я ужаснулся увиденному, знакомый спазм сдавил живот. Кожа... она пузырится и готова к тому, чтобы слезть с прогнивших мышц, ногти покрылись трещинами и вот-вот свалиться; воздух вокруг больного спёрт и несёт зловоние настолько противное, что создаёт ореол пустоты вокруг больного.

Тут нет апотекариев, нет врачей и страшная чума разила одного за другим. Этот мужчина только один из многих, кого сразила болезнь. Остальные либо получили вечный

дом телом под землёй, а душой в царстве духа, а другие доживают последние в отдельных палатах. Этот мужчина... мне показалось, что его специально вынесли, чтобы испытать нас, чтобы показать — «посмотрите, неженки из Арка, как мы страдаем. Не станет ли для вас это позорным? Не побрезгуете с такими породниться?»

Пока меня от смрада и вида штормило так, что я еле шевелил ногами и на грани возможного не давал себе рухнуть в снег, Исаил остановился. Через заплывающие пеленой образы народа и больного, я увидел, что, покачиваясь, проповедник зашатался к нему, протягивая охваченные тёплым светом ладони.

«Исаил, не стой возле него, пойдём же!» — кричу я в себе, но почему-то сам испытал жалость к лежащему, раздавив ею презрение.

Исаил же упал на колени возле горца, измазав мантию в белом снегу и зажал его ладонь в своих. Гнойники лопнули, и по коже Исаила заструился зелёно-белый ихор, язвы брызнули кровью, источая неведомое зловоние. Горцы рассеялись прочь, меня покачнуло и вселилось в голову ощущение, как будто я выпил бочку пива. Но Исаил держится — его руки продолжают лить магию, исцеляя ею и духовною силой, он заживлял раны, затягивал язвы и врачевал гнойники, являя нормальную кожу. Мужчина распахнул рот и оттуда, сквозь чёрно-белеющее зубы вырвался влажный бурлящий хрип вместе со смрадом. Я увидел, как мой друг буквально побледнел, его глаза закатываются, но он держится. Как человек может такое выдержать? Горцы, позатыкавшие носы отошли на десятки метров, но Исаил там, где находится невозможно.

Процесс лекарства окончился — Исаил отнял одну ладонь, а другой в крепком хвате взял горца и потянул на себя. И он поднялся, одеяло, пропитанное гноем и вонючее, откинулось, и мужчина встал, на удивление и великий страх сельчанам.

— Целительная сила Державного подняла тебя, — выжал из себя слово Исаил.

— *Thugothuu buaidahsa aeri bassa*, — нормально, не захлёбываясь гноем сказал исцелённый на своём языке.

— Не я способен одержать над смертью победу, но Тот, Кому она противна, — дал ответ Исаил и продолжил идти к цели.

Тряхнув головами и с минуту подышав, я смог сделать шаг. Мы продолжили идти, всё увереннее и быстрее подходя к шатрам вождя, у которого стала попадаться более экипированная стража. Утеплённые и защищённые меховыми доспехами люди, держа топоры и копья, покрытые шлемами с торчащими шкурными волосами подкладками, несут бдительную стражу

Тут я разглядел и больше стоек с клинками, и примитивные кузни, от которых разносится гулкий тяжёлый звон кузнечной работы — плотные мужики куют оружие для своей великой армии.

Наши персона оказались на небольшой площади перед великим шатром и только сейчас я заметил, что палаты и убежища поменьше составили нечто стены для него, убаюканные в низинах остроконечных седых скал. Не успели мы сделать и шага, как нам готовят ещё одно испытание.

Перед нами вывели настоящее произведение человеческой красоты — создание непревзойдённой красоты, несущее на себе лёгкий плащ и вздрагивающее под напевами горного ветра. Её чёрные густые волосы аккуратно ложатся завитками и спиральями на плечи, лицо, будто вышедшее из мастерской великого «Небесного Ювелира» вселяет умиление, а тёмно-зелёные глаза напоминают мне о столь родных краях Сердцеземья. Но

сколь бы красива она не была, моё сердце рядом с другой. И всю картину женского великолепия нарушает цепь на шее её, и кандалы, столь несуразно смотрящиеся на её нежных запястьях, что так и тянет их сорвать.

— Daen ana coires a tha ooieere? — спросил Исаил на языке горцев смысл вины её.

— Dho'fhalbha Ibhom chreideeamh a sinnsearanat avigus cha crhom Id'kar diathan, — объяснил вперёд вышедший седой жрец, опирающихся на посох и украшенный бусами, что она виновата своей дерзостью — не поклонялась тем богам, которым дают поклоны они.

— Avgusde ammo reannasis a th'anno? — спросил о наказании Исаил.

— Bassa! — воскликнул жрец, говоря, что ей за это полагается гибель, и предложил показать верность законам гор Исаилу — на протянутой руке он хотел предложить меч пророку, но мой друг покачал головой в знак решительного отказа.

И они решили казнить её самостоятельно — жрец махнул и девушка, зная, что лучше поступить так, сбрасывает с себя плащ, оставляя лёгкий тканевую накидку, что показался филигранно-аккуратные черты её тела. Моё сердце дрогнуло при виде сего — мороз убьёт её более мучительно, более медленно, но неумолимо. Можно не сомневаться в этом.

Исаил сделал то, что, что не вкладывалось в их представления — зацепившись за замочек, он быстрым движением руки расстёгивает его и срывает с себя плащ. Куском тёплого меха он укутывает женщину, не давая ей умереть.

— Надеюсь, ты знаешь, что делаешь, — говорю я Исаилу.

Подставить тело, защищённое только тонкой мантией, в этом краю всё равно, что отдастся добровольно ласке огня. Ветер, морозный и невероятно колкий жадно впился в тело Исаила и с такой силой, что я услышал, как скрипят его зубы, сжатые в чудовищной боли. От силы морозного порыва Исаила скрючилось, но выпрямившись, он пошёл вперёд, таща скованное тело в шатёр вождя. За нами пошла и девушка, и стража не думала останавливать нас, расступаясь и осторожно смотря на нас с удивлением и осторожностью.

Взобравшись, Исаил буквально ввалился в шатёр. Руками, что покрыты корками гноя, он опёрся на дощаный пол... я поспешил поднять его и хватая за руку держу Исаила, обессиленного, но всё ещё пылающего верой и решимостью.

Тут, в просторном шатре я заметил много примечательного — у стен поставлены не просто стойки с мечами, но... массивные стеллажи, на которые ложатся секиры и широкие двуручные мечи. Под ногами скрипят доски, вместо факелов здесь магические кристаллические светильники — на чёрных подставках светоносные кристаллы, заливающие всё холодным лунным светом. В самом конце, на высоком деревянном резном троне восседает приземистый, но крупный и широкий черноволосый мужик, на его плечи ложится тяжёлая шкура ватира. Ноги же прикрывает широкая сине-чёрная клетчатая юбка. От одного вида вождя веет горской холодностью и суровостью, и возле него соответствующего вида советники — рослые мужики, также несущие символы горской власти — шкуры ватиров и клейморы.

— Bannachdan, sar chennard! — торжественно поприветствовал Исаил вождя, простирая руки в его сторону.

— Давайте сегодня поговорим на языке цивилизованных, — предложил вождь на инале, переминаясь с бока на бок и почёсывая небритую щёку — Итак, зачем вы пришли?

— Вы знаете... господин Корван должен был вас известить, что мы...

— Молчи, — указал в мою сторону вождь, перебив. — Я буду говорить только с пророком.

— Вождь, ты знаешь, какие времена пришли. Мы впервые воюем с такой ратью, — отлипая куски прилипшей льдом ткани балахона, говорил Исаил.

— Да, Корван говорил, чтобы я бился бок о бок с вами в войне с Неримом. И я не могу ему отказать. Маги нам помогали много, — горец почесал свою бороду. — Но скажи, почему я должен это делать?

— Понимаю, — крепко говорит Исаил. — Наши предки долго изводили вас, долго лили вашу кровь, долго... вы и сами знаете и я не собираюсь отрицать этого или оправдывать. Сегодня, я пришёл, чтобы попросить вас о помощи... и предложить нашу.

— Я не поверю Святому ордену! — возгласил горец, едва привстав, опираясь на клеймор. — Собаки Арантеаля нас кусали, обманывали и знают только язык стали!

— Мы не Святой орден! — крикнул Исаил, но не со злобой, а с чувством справедливости. — Мы не представляем интересов Арантеаля! Мы не хранители. Мы сражаемся только за Эндерал! За всех людей и аэтерна его, за будущее и против Нерима.

— Хорошо ты говоришь и даже Корван за тобой пошёл. Скажи, — прищурился вождь, — что за вера заставила тебя проявить неведомое милосердие к нашему народу? В то время, как твои братья не желают видеть нас живыми, ты лечишь и спасаешь? Пока ты шёл, ты сделал три дела — помог мальчику, исцелил больного и «спас» мою дочь, — после минувшей фразы Исаил покосился, и горец пояснил. — Ею тебя испытали. Насколько ты жаждешь крови и до какой степени хватит твоего милосердия? Оказалось, что довольно ты крепок в деле милости. Ответь, Исаил, что тебя повело на это?

Я взглянул на друга. Этот вопрос не поставил в ступор его, а только вызвал подъём духа, лицо словно просияло, в глазах сверкнул огонь души, вложивший пламя и в глагол:

— Не Рождённые Светом, дали мне это, но от Того, Кто послал их свершить божественную миссию, но они отпали от истинного предназначения, — пламенно начал Исаил. — Так как они отступились, то нет от них ни спасения, ни правды.

— За эти слова тебя на твоей родине могут повесить, — хрипло и с улыбкой заметил горец. — Рождённые светом суровы.

— Они — мертвы, — без всякой осторожности, прямо и честно сказал Исаил, столкнувшись твёрдым взглядом с суровым воззрением горца. — Ибо всякий, отступивший от Истины, ходит под знаменем смерти. Но вверив и сердце, и душу Создателю, он разобьёт на них оковы гордыни и злобы.

— А наши боги, что ты о них скажешь? — осторожно спросил вождь.

— Не обидься, но они только камень и дерево, железо и золото, но не более того, а порой и хуже! — Исаил сделал шаг вперёд, мужественно противопоставляя свою веру, растущему гневу советников, чьё воззрение оскорбилось. — Вождь, я был свидетелем того, как женщины и мужчины падали жертвами злобных духов, поклоняясь истуканам земным, ибо они обитали духов злобы! Аркчане бесновались после жертв перед Мальфасом, дюнницы болели служений Мараффе, речники неистовствовали, когда общались с жертвами Тируна. И среди вас, знаю, что ходит бушевание чумы неистовства.

— Да, есть такое, — горец приподнялся. — Но ты сейчас говоришь против наших божеств. Разве ты не уважаешь нашу культуру? Пришёл просить союза, но без уважения относишься к нам? — поморщился вождь.

— Истина важнее, — твёрдо вымолвил Исаил, не опуская лица, в голосе его нет ни тени дрожи, я же стал уже бояться за нашу миссию. — И я не имею неуважения к вам, только провозвещаю о Том, Кто тронул сердце моё и без кого невозможна ни одна победа.

— Да, хорошо ты говоришь, — улыбнулся вождь и губы обнажили крупные зубы, — ответь, как мы можем одержать верх, когда нам придётся сражаться против врага, которого мы раньше не видели.

— Только укрепив сердце верой, только приобщившись к Истине, можно одержать победу, — Исаил сделал два шага вперёд, показывая незащищённую грудь, будто веря свою жизнь в их руки, сжимающие рукояти клейморов, чьё лезвие остро так же как и душа проповедника. — Ибо без Него — всё тщетно. Удалив беззаконием своим от наших сердец и жизни, мы позволили великому архипредателю поразить народы Вина.

— Вот ты говоришь о некоем Едином, но разве есть его святилища, есть его статуи или изваяния? Как можно поклониться, Тому, Кто не имеет выражения? — удивлённо, с желанием поймать Исаила на слове, спросил вождь.

— Как ты можешь выразить Его? Как может материя выразить полное величие Того, Кто создал её? Золотильщик и столяр способны сделать статую, но Он не она. Он куда бесконечное величественнее, и нельзя спосодобить Его — статуе.

— За что ты борешься, Исаил? — неожиданно сменивший тему вождь опрокинулся на трон, приказав одному из советников наполнить кружку вином со стола. — Ты горишь верой, помогаешь тем, к кому даже сородичи не подходят... но за что ты сражаешься?

— Мы боремся за новый мир, где горец и кочевник, аркчанин и дюнниец могут мирно ходить и иметь общение достойное между собой. Да, нам не жить в полном единстве, но мы сражаемся за то, чтобы больше не лилось крови безвинной, — ответил Исаил, приподняв голову.

— А как же Святой орден?

— Святой орден глух к народам под его властью, так и говорить ему нет права в делах грядущих, — весьма загадочно, но в тоже временно предельно понятно ответил Исаил и мне стало — мы готовы оставить Святой орден, как могли плюнуть на то, что скрепляло Эндерал? Мы уже заменили его багрячно-золотое знамя с оком на лилово-золотое с орлом... что же дальше? на это может ответить только Велисарий; а Исаил продолжает. — Наше дело, дело братства.

На этот раз вождь не стал ничего спрашивать, он только встал, и подозвал резким движением к себе советников. С придыханием и биением сердца я ожидал решающего момента. Но долго не пришлось стоять, ибо скорые на решения и слова души горцы, дали свой ответ, который огласил вождь:

— Что ж, Исаил, проповедник неведомого Единого, я готов сразиться за такое будущее и ни за какое иное. Твой командир, Велисарий, получит нужное. Наши сыны и дочери встанут на защиту страны, ярость их обратит неримлян в бегство. Только дочь моя отправится с тобой и составит служение Неведомому.

Исаил кивнул, отдал поклон и повернулся. Девушка сбросила с плеч меховой плащ, передавая его проповеднику, который тот цепкой хваткой притянул к себе и накинул. Перед тем как мы покинули шатёр, друг остановился и вынул из кармана балахона нечто маленькое и юркое, но в тоже время, веющее неведомой теплотой воспоминаний из детства.

— Что это? — недоумевающе спросил я. — Откуда это у тебя? Их же больше не выпускают? Больше нет этого. Это же, — я взял в руки деревянного красного кота с ладони размером... игрушка моего детства, согревавшая меня, и дарящая ранее радость... снова у меня. Откуда?

— До своей... комы, — едва подавлено заговорил Исаил, — ко мне подошла Лишари.

Она передала это со словами: «Ты знаешь Фриджи. Я хотела подарить это ему лично, но у меня нет времени... я в работе. Отдай это ему, прошу тебя. Мастер из Речного оказался хорошим мужиком», — Исаил зажал в моей ладони дорогую игрушку, и как только я зажал её, ощутил гладкость дерева, понял, что операция «баррикада» для меня закончилась. Что ж, пора отвлечься от войны, настал момент обратить внимание на ту, по которой плачет душа... но что же Эндерал?

Глава 14. В погоне за надеждой: верой и наукой

Глава 14. В погоне за надеждой: верой и наукой

«И сказал Он — возлюби ближнего своего»

— Из книги «Предание».

В объятиях безумия

Следующий день.

Я не могу больше терпеть, сама душа взывает — «иди и помоги ей». О'Брайенн носился как сумасшедший с больными и Лишари, не находя времени на лекарство для неё. И в этот мрачный час явился я — освобождённый на скоротечные мгновения от военного долга, я решаю бросить все силы на спасение неримки. Так требует моя душа и я не могу поступить иначе. Вымолив день отдыха, я использую его, чтобы пуститься в путешествие и схватиться с ещё одними смертельными врагами — болезнью и смертью.

Операция «Баррикада» продолжится и без моего участия. Пока полководцы Велисария выстраивают совершенную оборону, опрокидывают неримлян и теряют воинов, я иду на другой фронт. Накачавшись зельями от аптекаря, заделывающими меня подобием железа, мне не страшен ни один враг... либо мне просто всё равно.

На моём поясе покоится небольшая сумочка с набором для сбора образцов. По поручению О'Брайенна я должен собрать несколько... материалов с тел заражённых, чтобы он смог продолжить свои исследования над лекарством. А взамен этот аптекарь послал нескольких наёмников за ингредиентами для лекарства, так необходимого Лишари. Что ж, ради этого можно и покопаться в кишках заражённых. Кажется, что действие «успокоительных», которые мне прописал аптекарь не то что прошло... сама мысль, что я смогу помочь ей, вдохновляют меня.

Я помню о том, что Велисарий может мне выписать далеко не самых приятных наказаний, если я задержусь... однако я всё понимаю, и осознаю тяжесть решения. Чем дальше углубляюсь в Золотой лес, тем больше меня волнуют заражённые, а не Велисарий, который засел в Златоброе и полностью погрузился в выработку плана обороны. Что ж, это отрандно, что он занят действительно важным делом, в отличие от Арантеаля, который ограничился парой приказов... мне порой кажется, что это Велисарий занят обороной, а не Великий магистр Святого ордена.

Оставив размышления, я прохожу в Золотой лес. Это место во истину изумительно — куда не кинь взгляд всюду возвышаются высокие деревья, чьи кроны украшены золотом сухих листьев. Тут тихо, обстановка возвышенная и кажется, что среди таких деревьев просто обязан жить какой-нибудь утончённый и мудрый народ. Но нет... тут только в глубине леса бродят монстры, страх наводят живые мертвецы, и деревья, высокие и радующие око драгоценным золотом, во время ветра напевают печальные песни одиночества и разорения.

Спустя полчаса ходьбы через это чудное место я подхожу к месту, о котором мне говорил аптекарь. В какой-то скале, верно прикрытое кустарниками цвета поздней осени, оказывается небольшая пещерка. Склоняясь над землёй, вижу, что трава притоптана, а ветви кустов надломаны.

— Сюда кто-то недавно входил, — тихо констатирую и обнажаю клинок.

Пройдя в пещеру, достаю небольшой сосуд и трясу его, заставляя светиться магическим светом, который разогнал тьму. Тут сыро и мне в лицо ударил противный запах отходов, как

в Подгороде. Но собравшись и сглотив, продолжаю путь.

Клинок слабо замерцал зачарованием холода, а свет разгоняет мрак, который ранее густой вуалью здесь лежал. Магией я не пользуюсь после случая в «Кочевнике»... слишком болезненные воспоминания, поэтому приходится надеяться, чтобы фонарь не потух.

Пройдя достаточно в пещеру ничего не могу заметить, кроме сырости и вони. Но стоп... что это? Я склоняюсь над землёй и вижу какой-то кусок ткани и здесь понеслось.

— Плоть! У него её нет! — раздались безумные крики и из тьмы ко мне прыгнула тварь с такой быстротой, что я даже не успел отреагировать.

Меня опрокинуло костлявое существо... вскоре я ощутил прохладный землистый пол пещеры, его пальцы тянутся до моих глаз, но пытаюсь перехватить жилистые руки, а страшная вонь от немытого тела, измазанного отходами жизнедеятельности исторгает режет глаза, которые стали заливаться слезами. Ко мне тянутся его жёлтые зубы, которые я замечаю в распахнутом рту, вокруг которого всё замарано застывшей крови, обдувая меня зловонием. А его глаза — два адских угля в которых огнём полыхает безумие.

— Зараза! Зараза! — кричу пытаюсь нащупать меч, но не могу... чтобы не дать разодрать себе шею я подставляю руку под зубы этого безумца и зубы впились в стальные наручи, пытаюсь их разгрызть. Освободив вторую руку и хватаюсь за голову сумасшедшего и резким движением пытаюсь его скинуть с себя, одновременно подтягивая себя.

Он, ослабевший от голода, в тряпье и грязный, не удержался и рухнул, а я быстро поднявшись достал огневицу и выстрелил. Всполох огня осветил пещеру, пуля вошла в грудь заражённому и поразила его сердце. Не зря перезарядил её по пути. На мгновение мне стало жаль безумца, но до тех пор, пока я не услышал вой из глубины пещеры.

— О, Господи, снова бой! — в досаде кричу, и с лязгом поднимаю меч, готовясь встретить обезумевших.

Я стою в небольшом проходе, где сзади вход, а впереди ещё дальше углубление, ведущее в логово заражённых. Мои руки немного трясутся, в ушах глухо колотится сердце от одних только воплей и криков безумцев. Но я укрепил свой дух мыслью, что моя победа над ними поможет не только Лишари, но и населению Эндерала. У тела хранится подарок, который защитит меня от Красного безумия.

— Хрустящего мяса! — раздаются вопли из мрака впереди. — Ещё хрустящего мяса! Пло-о-оть!

И тут показались они — с дикими лицами, безумные и в лохмотьях, тянущиеся ко мне пальцами с отращёнными ногтями. Первого, кто выбежал я встретил насколько возможно широким ударом в живот и пинком, второй попытался накинуться на меня, но его рваная одежда на защитила от колющего удара.

— Уйдите в мрак! — кричу я, оттесняя мечом нападающих и вздымая меч, чтобы опустить его на плечо заражённого.

Третий прорвался через двух убитых и тянется к моей шее, но скосыми рубящими ударами я лишаю его кистей рук и отталкиваю, напоследок загоняя меч в сердце. Четвёртый и пятый попытались протиснуться в один узкий проход и застряли там, что дало мне отличную возможность колющими ударами закончить их существование, но это ещё не конец.

— Плоть! — прорвался последний; это казался высокий мужик... видимо он был раньше упитанным, поэтому сейчас выглядит живее всех и такого я не ожидал; эта махина в два метра ростом снесла меня и схватила за шею, как котёнка.

Блистающее в глазах безумие внушает ужас, но дух мой будет крепче железа... чего не скажешь о шее, которую он пытается сломать. Я чувствую, как мои позвонки захрустели, и дышать стало намного тяжелее. Вот снова ощутил прохладу пещерного пола — эта тварь пытается меня прибить здесь. Пары секунд хватило ему, дабы настолько сильно сдавить мою шею, чтобы у меня в глазах появилась пульсирующая тьма. Придавленный я лихорадочно пытаюсь нащупать меч, но только понимаю, что он куда-то запропастился и меня объяла тревога. Я здесь умру, народ Эндерала лишится лекарства от Красного безумия... какой бесславный конец.

Но отчаянно тянусь к своим штанам, используя любую возможность, чтобы выжить. Опустив руку в карман и достаю подарок Лишари — кусочек сигила и острой стороной провожу по лицу сумасшедшего, заставляя его подчиниться боли и ослабить хватку. Поднявшись, я покачиваясь нашёл меч и когда этот боров на меня снова прыгнул вогнал оружие в него по самую рукоять.

Всё кончилось. У меня до сих пор сердце бьётся подобно барабанам войны, и даже глубоко вдохнуть не могу... вонь этого места заставит меня вернуть завтрак обратно. Пора выполнить задание, и я касаюсь небольшой сумочки и открываю её, видя, как под слабым светом лампы на поясе сверкнули лезвия ножей и несколько шприцов. Собравшись с духом и посмотрев на тела заражённых сдавленно говорю:

— Приступим.

Спустя несколько часов после сбора образцов я доковылял до порта, применив пару свитков телепортации, где и была назначена встреча с О'Брайенном. Порт Арка единственная интересная и красивая гавань на весь Эндерал. Он распложен в дне езды от города и для его охраны помню, что Велисарий отправил отдельный отряд. Справа и слева меня окружают аккуратные дома, среди которых снуют по пояс одетые батраки. Под ногами чувствую твёрдую плитку, впереди вижу пару кораблей, на которые загружают различные товары. Тут и там слышатся голоса торгующих, недовольные речи моряков и приказы их начальников, выдаваемые уже хриплым голосом.

Я подхожу к аптекарию, который стоит у самого края перед водой и уставился на далёкое море, на самый горизонт, где хмурое тяжёлое небо касается водной глади.

— О'Брайенн! — кричу, касаясь парня.

— Ух ты, напугал меня! — с дрогнувшим голосом повернулся парень ко мне... его лица я всё так же не могу видеть из-за капюшона. — Ты всё принёс?

— Да, — протянул небольшую сумочку из коричневой кожи. — Всё собрано.

— Отлично, — взял он сумку. — Наёмники собрали все ингредиенты, но остался ещё один. Он в одном месте, где ещё образец заражённого. Заберёшь? Это необходимо.

— О'Брайенн, — я повернулся к аптекарию, чья жёлтая одежда выделяется на фоне холодных стен, покрытых мраком. — Говори, что искать и где. У нас очень мало времени.

— Это не такой заражённый, как другие, — О'Брайенн взял в руки кусок пергамента и стал зачитывать. — Сильный и безумный. Судя по собранным данным он давно потерял рассудок, но сохраняет отчасти нужное здравомыслие. Все физические характеристики в три или четыре раза превосходят силу, скорость и ловкость крупного мужчины.

— Понял, — выдохнув, смиряюсь с тем, что придётся бороться против воплощения безумия и смерти. — Придётся подготовиться.

— Подожди, сейчас я тебе скажу, куда нужно идти.

Я внимательно выслушал его и отправился в дорогу. Слабость в моём теле

нивелировалась новыми порциями зелий, на этот раз более безопасными, чтобы я не рухнул от бессилия на полпути. На этот раз мой путь лежал на север от Арка, где в последний раз видели необычного заражённого. Там же, в тех пещерах есть и особый редкий гриб, экстракт которого может нейтрализовать яд, а также повысить тонус тела и разогнать сердце с мозгом. Посмотрим, насколько это так.

Мне пришлось миновать сторожевую башню, чтобы пройти в нужный регион и начать искать его укрытия. Как рассказал О'Брайенн, эта сволочь намного ловчее и быстрее остальных заражённых, которых они видели раньше. Если остальные больные теряют самообладание, могут терять концентрацию и часть навыков, то этот довольно... социален. Апотекарии хотели бы получить его живьём и пару раз они пытались это делать, но после долгого разговора он всех посланцев превращал в удобрение.

Перед операцией я зашёл к Гаспару, пока он заглянул в город, чтобы забрать несколько вещей у него для этой вылазки. Мы даже не поздоровались — он полностью ушёл в работу, проводя всё время над новой разработкой. Я не стал его беспокоить, только взял нужное и отправился в путь.

Я осмотрелся — всюду зелень, справа от меня высятся горы. Тут кажется не так плохо, как у Арка, намного спокойнее и приятнее и даже пахнет свежестью, а не кровью и порохом. Проходя в сторону скал я натываюсь на какое-то неприметное укрытие — опять пещера и уже готовлюсь зажечь лампу, как мне на бок ложится рука.

Я обернулся и увидел перед собой странного человека, при этом опрятно одетого — на нём дорогие ботинки, рубаха с камзолом, расшитым серебром и штанами из оленьей кожи, а на голове шляпа-цилиндр со вставленным сломанным вороньим пером.

— Вы ко мне? — спросило низким хриплым голосом существо, немного облысевшее с иссушёнными чертами лица, а в глазах его я увидел два пылающих inferнальным пламенем угля.

У меня мурашки пробежали по спине, когда увидел это. Я думал сейчас оно набросится на меня, но нет... по виду это мужчина и он улыбчиво ожидает от меня ответа.

— А вы... хозяин этой пещеры? — растерялся я.

— Да-да-да! — обрадовался мужчина. — Пройдёмте, я вас чаем угощу. Выпьём, попьём, напьёмся.

— Хорошо, очень хорошо.

Мне ничего не остаётся, как согласиться и пройти за ним. У входа в пещеру я заметил, что тут крайне хрупкое положение камней и сильное потрясение может заставить их обрушиться. Пока мужчина идёт вперёд незаметно положил один из пороховых зарядов у основания входа и продолжил двигаться.

Мы прошли вглубь пещеры и тут оказалось довольно уютно, что меня сильно поразило. Посредине «комнаты» стоят два затёртых кресла и небольшой квадратный столик, справа от меня большой стол и несколько кухонных сервантов с ящиками, в которых хранятся продукты и посуда. А слева я взираю на картину, прибитую гвоздями. Всё помещение тускло освещается факелами и несколькими лампами.

— Откуда у вас столько мебели? — удивлённо спрашиваю я.

— Я притащил из поселений, которые побросали людишки. Да-да, именно оттуда. Оттуда, — существо неестественно длинными пальцами, увенчанными когтями, показало мне на кресло, пока хлопотало на «кухне» и заботливо заговорило. — Ты пока располагайся, а я чаёк заварю.

Подавив всякое удивление и страх, я решил полностью сконцентрироваться на задании. Грибов тут не вижу — только укреплённую дверь в конце пещеры. Интересно, что там за ней?

— Вот и готов, — заражённый поставил две посуды, и увидел, как в белой кружке плещется что-то мутное и кажется, что там всплыл кроличий глаз. От одного вида этой бурды мне стало плохо, но взяв всю свою волю в кулак я собрался, а существо всё продолжает, указав окровавленными пальцами на месиво. — Ты, пей.

— Спасибо, — вежливо отвечаю я, чувствуя трясучку в пальцах. — Я ужепил.

— Ха-хах, — обдало меня существо безумным хохотом, повернувшись в сторону и словно с кем-то говоря. — Ты слышала, Алиса, он ужепил.

«Безумец в шляпе», — подумал я, всматриваясь в большое свечение очей этого существа.

— Ответь мне на вопросы! — неожиданно закричало порождение болезни. — Только честно, а то я тебя убью и скормлю волкам, а из костей твоих сделаю свирель. Я, мы, нет — я. В общем, умею распознать ваши лживые словечки.

— Хорошо, — моя рука осторожно легла на рукоять «громыхателя», но понимаю, что если заражённый слишком быстрый, то вряд ли удастся мне от него отбиться.

— Ко мне уже приходили и говорили. Но они ввали мне, и мы с ними сыграли в охотника и жертву, а потом в краски. Картина... красный из крови... пальцами как кистями рисовали!

«Вот это уродец...» — гневно подумал я, пытаюсь сдержать волну омерзения, напавшую на меня. С силой собравшись мои уста открываются:

— Спрашивай, — аккуратно требую я, чтобы не спровоцировать это существо на нападение.

— Зачем ты приволок сюда своё тельце? Скажи мне, нам с Алисой, нет мне. В общем, говори!

Напряжение во мне выросло. Я слышу, как колотится моё сердце, чувствую пульс в пальцах, но беру себя в руки и убираю ладонь от оружия, став вертеть в руках небольшой гвоздик, лежавший на столе.

— Меня послал сюда Святой орден, — честно стал отвечать я. — Он хочет получить образец твоей крови. А так же мне нужен теневой гриб. Говорят, он растёт в этих местах.

— Оу, а зачем ему моя кровушка? И зачем тебе гриб?

— Святой орден ищет лекарство от Красного безумия, и твоя кровь поможет ему его разработать. А гриб. Чтобы спасти одну хорошую чародейку.

— Ты врёшь! — я даже не заметил, как заражённый оказался рядом со мной и приложил свои когти к моей шее; он только сидел предо мной и улыбался, а теперь чувствую, как сзади к моей кожи приложен острый коготь, и я даже не замечу, как он рассечёт мою шею.

— Не вру, — честно и приглушенно ответил я.

— Верю, — тварь успокоилась и села на место, улыбаясь как ни в чём не бывало и взирая на меня пламенным взором больных очей.

— А что за чародейка? Спасти от чего? Оборотни? Чума? Депрессия? А нет, дай угадк — от чахотки?

— Нет. Она была смертельно ранена, — тихо поясняю я, продолжая вертеть гвоздь в руках, чувствуя, что он всё ещё острый. — И отравлена.

— Она дорога тебе? — раздался будоражащий вопрос

— Да, — с усиливающимся волнением я отвечаю.

— Ты влюблён в её? — энтузиазмом спрашивает безумец, и широкой улыбкой.

— Да что ты спрашиваешь, демон? — усмехнулся я, смотря на то, как он облизывает свои когти и понимая, что я круто попал; мне ничего не остаётся как правдиво и дрожащим голосом ответить. — Да, влюблён.

— Ох, кто тут перед нами! — подскочив словно игривый ребёнок, «обрадовался» сумасшедший. — Герой, спаситель человечества и кавалер! Но скажи, что ты предпочтёшь — жизнь любимой или человечество?

— Что ты имеешь в виду? — смутился я.

— Сначала ответь на мою загадку. Мы с Алисой не выпустим тебя, пока не ответишь, — взбудоражено твердит монстр.

«Кто эта... Алиса?» — спрашиваю я себя. — «Неужто этот безумец придумал себе подружку?».

— А у меня есть выбор?

— Нет, — безумец поднялся и обратился ко мне. — Всего одна загадка и мы продолжим. Ты же откажешь нам... нет, просто не можешь. А теперь скажи, что это за существо — носит броню, но её нет, ходит на двух ногах, но бегает на четырёх, не курица, не ящерица, но откладывает яйца, не собака, но грызёт кости? Отвечай!

Я задумался. «Откладывает яйца... на двух ногах... может его завалить?», — я стал обдумывать самый отчаянный план действий, но только что вспомнил, что зачарование иглы на огонь, поджигающей порох, иссякло и «громыхатель» это просто красивое оружие. Как я мог забыть? Придётся думать, но ответ я нахожу в последних словах загадки и с энтузиазмом ответил:

— Костегрыз.

— Правильно! Я хотел бы у тебя спросить, чем похожи ворон и письменный стол, но не стану... это моя и только моя загадка. Плетись за мной, — сказал безумец и это же продолжил песней. — Плетись со мной, пле-е-етись за мной.

Я встаю и иду за ним. Безумец подводит меня к той самой двери дёргая головой вправо-влево говорит:

— Вот тебе моё обещание, клятва верная и предложение щедрейшей души — я дам тебе либо крови своей, либо гриба, который за этой дверью. Аха-хах-ха! Крови или гриба! Что ты выберешь, герой!? Хах-хах! Любовь или долг?

Я опешил от такого «щедрого» предложения. Что же выбрать... сотни и тысячи жизней или одну-единственную, с которой я успел сдружиться за столь короткое время. Чувствуя сзади холодное дыхание безумца, мне понятно, что любая попытка его атаковать будет бесполезной — он быстрее вгонит в меня свои когти. Да и что-то подсказывает мне, что оно не выпустит меня отсюда. Короткий взгляд на запястья позволяет мне увидеть блеск стали. И только гвоздь у меня в руках подсказывает единственное решение. Многие или одна... я решаюсь.

— Выбираю... открывай.

— Хорошо, — существо отворило дверь и увидел, что предо мной сплошная темнота, которая веет сырой прохладой... и страхом.

Во тьму с головой опускаюсь за грибом, вспоминая ужас испытания, но слегка отгоняю его приёмом. Этот лишенец даже лампы мне не дал, и проваливаюсь во власть темноты. Всего сковало от того, что я не вижу света, но если бы не магия Лишари, было бы ещё хуже,

что блуждаю в полной темноте. Мне кажется, что снова как в испытании она начинает давить на меня. По коже заиграли иглы, такое чувство, что мышцы перетянули цепи, а дыхание... такое ощущение, что сейчас задохнусь. Сердце стало биться бешеной птицей и мне кажется, что сейчас оно вырвется из груди. Паника накрыла меня с головой, но я продолжаю трясущимися руками методично водить по скале и под ногами, но всё тщетно.

Что-то мягкое нащупала моя рука и со всех сил я потянул это на себя. Выдернув, резким движением отбросил себя в свет, сжав в руках растение подобно трофею. Мои пальцы держат серый гриб, немного влажный, на шляпке которого чёрная крестовина... всё как описывал О'Брайенн. Немедленно убрал гриб в сумку, атакуемый чувством вины — ведь я не выбрал человечество, что мне попытался привить и этот безумец, пляшущий в ладони:

— Выбрал любовь! Выбрал любовь! А людишки — бедные жёны и их изменщики-мужья, несчастные детишки будут исходить с ума и умирать.

Как бы мне хочется загнить в чёрное сердце этой твари меч, но я не могу. Оно слишком быстрое и ловкое, но всё же решаюсь выполнить задуманное. Тревога третьей волной охватывает меня, только на этот раз она пришла с лёгким давлением в голове, но меня это не остановит.

— У меня для тебя подарок, — я цепляюсь за пояс и достаю небольшой круглый предмет — бумага с фитилём и касаюсь им огня от лампы, протягивая его монстру, одновременно отворачиваясь и закрывая глаза.

На этот раз реакция существа оказалась недостаточна... я понимал, что оно не возьмёт бомбу, поэтому подставил её прямо под лицо заражённого, когда фитиль практически догорел. Раздался хлопок.

Мою левую руку объяла боль, когда взорвался пакет с ослепляющим веществом, но я стерпел, сжав зубы. Через писк услышал, как орёт и верещит заражённый, а его ладони приставлены к глазам, и он беспорядочно носится по комнате.

Мысленно поблагодарив Гаспара за это изобретение, схватив гвоздь я вонзаю его в ладонь твари, которая закрыла глаз, попадая прямо в вену. Густая и тёмная жидкость алого цвета щедро залила металл вместе с моей одеждой, я только и успел подставить руки и ладони, вместе с платком, чтобы их щедро залила кровь существа... использовать бутылёк из сумки не успеваю.

Я стоял всего пару секунд, а потом дал дёру, что было сил, прихватив с собой факел. Мои ноги болели от усталости, левая рука возныла, но я несусь, что есть сил и на выходе из пещеры касаюсь ткани с зарядом. Взрывной волной меня отбрасывает вперёд, в траву, где я перевернулся и увидел, как с хрустящим шумом падающих камней, пещера «закрылась», а вместо входа только куча осколков скалы. Боль разлилась по всему телу, выдавливая искры из глаз, руки и ноги еле двигаются, а левая верхняя конечность теперь не только слабая, но и обгоревшая, но смог, с свободной улыбкой выдохнуть и сказать:

— Неужто это кончилось.

К середине ночи я сумел добраться до Храма солнца на своих двоих по причине того, что у меня закончились свитки. Если раньше хранители и стража Арка смотрели на меня и храмовников, как на предателей, то теперь я замечаю в их глазах почёт и уважение.

— Мессир, — один из хранителей в Храме в почтительном приложил руку к сердцу, когда увидел меня.

Я, грязный и вонючий, усталый и ломающийся от боли и тяжести доспеха только кивнул ему и продолжил брести по белой плитке Храма. Ища утомленными глазами, я

нахожу О'Брайенна, который выходит ко мне на встречу.

— Фриджиэн, ты нашёл его? Собрал образец? — аптекарий меня осмотрел и чуть ужаснулся. — Что с тобой случилось?

В ответ я безмолвно протягиваю платок и гвоздь на нём, но аптекарий не понимающе смотрит на меня и складывается впечатление, что он молчаливо требует объяснение.

— Это его кровь, — я ложу это в руку аптекария и одновременно срываю сумку со своего пояса и вкладываю в руки О'Брайенна. — А это для... Лишари.

— Хорошо, — тихим голосом произнёс парень. — А как... заражённый?

— Когда закончите... найдёте. Он всё ещё у себя. Пригласит вас на чай.

— Хорошо, — аптекарий только развернулся, чтобы уйти как остановился и заговорил со мной. — И ещё одно. Велисарий тебя искал. Он хочет с тобой встретиться в квартале чужеземцев. Да... тебе Арантеаль разрешил посетить лазарет.

— Хорошо, — моё черномазое лицо расписала натужная улыбка.

— Только помойся и смени одежду. Такого грязного я тебя туда не пушу.

Прикосновение к Небу

Её кожа стала жутко-бурого, землистого цвета, покрывшись целой вереницей бардово-красных «цветков». Пятна, похожие на символ красивого растения стали провозвестником скорой смерти, мучительной гибели, которой она, впрочем, не почувствует. У губ собралась пугающая синева, щёки впали, на ладонь ещё сильнее проступили костяшки... её тело, укрытое сорочкой оно показывает насколько слаба плоть. Мужчина в серой жёлтой свободной мантии откидывает с неё одежду, показывая насколько сильна болезнь и человеческая жестокость. Коварный яд заставил организм чахнуть — на груди проступили зловещим кольцеватым узором рёбра, внизу, на животе где зияет рана, тонкой струёй течёт кровь и собирается корка сверкающего гноя, с чернотой около раны. Моя рука хочет прикоснуться к её похолодевшей ладони, но звучит запрет от смотрящего за лазаретом, и я оттягиваю ладонь.

— Чт-что с ней, О'Брайенн? — держа себя на ногах из последних сил, спрашиваю я.

— Она... умирает, — ответил аптекарий. — Яд, он... поразил слишком много живых тканей. Сутки назад... начал энтропия. Я не знаю, как её остановить. Она поражает организм слишком быстро.

— А м-магия, — осторожно я стал молвить.

— Три мастера школы магии света пытались её исцелить, но... яд, заражение, они упорно сопротивляются. Тот, кто делал отраву, вложил в неё мощное заклятье разложения. По-видимому, это был могущественный маг-энтропист, — О'Брайенн показал на место живота, где меч отправил её в небытие и ткнул прямо в кожу, слезающую чёрными тонким слоем, подобно бумаге. — Видишь, здесь сильнее всего поражение, — палец переметнулся на шею и у паха, где крупным вычурно-синими полосами проступили артерии. — Тут воспаление, и здесь, — аптекарий переместил указательный палец на ладони, приподнял их и меланхолично сказал. — Конечности уже стали остывать сильнее прежнего, сюда приток крови практически не поступает.

— Да, вижу, — ком подкатил к моему горлу, дыхание перехватило настолько сильно, что... я теряю способность говорить; помимо дурноты плоти, адского головокружения, готового меня повалить на пол, меня терзает ещё иная боль, на душе.

Что-то у сердца, берущее исток в мире духа, мысли и чувств, терновым венцом сжимает

мне грудь. Опустив голову, я вижу, что до белизны костяшек сжал стенку кровати. Приподняв, моё дыхание опять перехватывает.

— Тебе плохо? Может тебе воды?

— Сделай, что-нибудь, — уже не кричу как раньше, а молитвенно прошу. — Для неё.

— Те образцы, которые ты принёс мне. На их обработку уйдёт время, — О'Брайенн положил мне руку на плечо. — Прости, я бы хотел её спасти, но... возможности.

— А ей сколько осталось? — спрашиваю я, но натыкаюсь на стену молчания, что прорывает мой гнев, — О'Брайенн, не молчи!

— Сорок восемь часов. Плюс минус пять. — Аптекарий смолк, сложил руки на груди и тут же выдал фразу, зацепившую во мне гнев. — Зачем она тебе такая? Нашёл бы себе новую даму.

— О'Брайенн, заткнись, если тебе зубы дороги.

В тёмной серокаменной комнате лазарета пронеслось моё тяжкое вздыхание. Операция «баррикада» нам не подарила утвердительного преимущества — враг сковал наши силы, корабли пришлось разоружить и пушки переместить в Арк, а многотысячные потери восполнять выходцами из Подгорода. Пищи на передовых рубежах не хватает еды, противник перезаезжает пути поставки и грабит караваны. Наше положение — тяжёлое. А теперь ещё и Лишари... что может быть хуже? Гибель страны, растянутая на недели или же смерть человека, который дорог в скором времени?

Я пришёл сюда за надеждой, пришёл для новым лучом света в жизни, но получил ещё одну порцию разочарования. Горького, как водка и едкого, как кислота. Что же это такое!? Почему всё именно так? Почему всё в одно время!? В один момент!? Кто мне поможет!?

От наплыва эмоций, меня пошатнуло. Сделав пару шагов назад, я не заметил, ни пылающего камина, ни слабого лунного света из окна... пол будто ватным стал и ноги в нём проваливаются.

— Фриджидидэн, — протянул руку аптекарий и не дал мне упасть, схватив за шиворот. — Тебе нужен отдых. Иди и проспись. Или напейся. Всё что угодно, но не здесь. И... тебе завтра тебе понадобятся все силы.

— Что это? — протянув слова, словно пьяный я говорю.

— Велисарий, — О'Брайенн вынул из кармана сложенную в четверо бумагу. — Это его приказ. Он знал, что ты можешь появиться у меня, поэтому приказывает тебе принять командование центурией Единой армии и возглавить наступление на....

— Да... да... да пошёл он, — отмахнулся я, не веря сказанному.

Мои ноги понесли меня как можно дальше из апатекариона. Я не могу видеть такую Лишари, не могу больше слышать о приказах Велисария. Важности мира сего потеряли для меня существенность, моя душа внимает только бездонной ледяной пустоте.

Она... умирает. Какая тварь её решила убить? Юслан? Неримский шпион? Просто недоброжелатель или отвергнутый вздыхатель? Почему Аксандер ничего не делает!? Почему он не перевернёт весь Арк верх дном!? Будь проклят он за бездействие! Будь проклят Юслан!

— Будьте все прокляты! — крикнул я на крыльце хроникума, но прохладный ветер быстро меня привел в чувство и осушил солёную влагу на глазах.

Осмотревшись, я не нахожу никакого. Только холодные звёзды над головой бесстрастно взирают над моим горем. Мне ничего не остаётся, как обратиться к единственной возможности, единственному спасению. Собравшись с силами, я тяну обессиленное днём

войны тело в сторону, куда тянет обескровленная горем душа.

Минуя массивные ворота, второпях шагая по крутому спуску и проходя через Квартал знати, я привожу себя, туда, где должна коваться сила и доблесть Святого ордена... но вместо неё только память о прежнем могуществе, в виде исполинских толстых и монументальных бастионов. Воинов в Квартале Стражи практически не сыщешь, только молодые юнцы у высоченных казарм под надзором сержантов отрабатывают удары в ночном бою и несут караул. Но мне не это сейчас важно... в моём взгляде пылает огнём надежды лишь невзрачное строение, уютящееся к стене, пеленаемое пышными ветвями берёз и утопающее в приливе изумрудной зелени.

Позади меня маленькими беломраморными и каменными плитами выросло кладбище, по бокам всё укрывает трава. С робостью, и гложимый сомнениями я всё же толкаю дверь, и та со скрипом отворяется. Я сделал, наверное, первый шаг за долгие годы в церковь... только сейчас я захожу уже не в Храм Мальфаса, а в Церковь Единого, переименованную и вновь освящённую по благословию Первосвященника.

Шаг вперёд, и я попал в комнату, где всё залито томным, приглушённым светом. В гранитово-плиточном полу вычищенным до зеркального блеска отражаются точки огня, подобные звёздам. В небольшом зале у стен тепло струится от подсвечников, где наткано по пять и шесть восковых палочек, поедаемых мерным пламенем. Я иду дальше, и мрак храма окутывает меня, но он не пугает, не страшит, скорее подчёркивает мистичность и таинственность этого места. На стенах, среди недавно нарисованных картин из Предания насыщено-чёрным сияют фразы из книги книг, органично окутывая большие витражные окна. Мерно ступая по полу и отбивая стук каблуком сапога, я встал посередине храма и смотрю дальше, где за ступенчатым возвышением, образующим второй ярус, стоит алтарь. Красивый, украшенный резными письменами на посеребрённых тисовых стенках, величественный и внушительный, он символом чаши вселяет покой и уверенность. А за ним, за алтарём, у ворот в скрытую часть храма царственно мостится статуя ангела. Моя самогоризня о Лишари странным образом отошла на второй план, при виде этого существа, я вспомнил необычайный прилив светлого духа, когда бился в храме пирийцев с той Женщиной. Это ведь был ангел, он мне помог.

Здесь всё изменилось, как начал проповедовать Исаил. Старое убранство вынесено напрочь, теперь тут балом правит праздник новой веры, на которую Арантеаль даже не обращает внимания. Я сделал пару шагов к алтарю, и всей грудью, насколько это возможно, вдохнул клубящийся потоками густого дыма аромат ладана и приятно ощутил накрывший меня покой. Тлеющий ладан на двух золотых кадилах медленно восходит под своды храма.

Ангел смотрел на меня... казалось, что камень ожил и его глаза, столь живые и проникновенные. Как же мне хочется помочь того, кто помог мне там, в мёртвом капище. Ноги сами ломились, тело тянуло, и я подчинился захлестнувшему порыву души и поклонился. Я рухнул на колени, и голова моя повисла на груди.

— Ты мне помоги мольбой перед Тем, Кто сильнее, Кто глава твой, — залепетал я, по щекам обожгли две струи слёз. — Попроси Того, Кто твой Царь, чтобы он исцелил её. Попроси о Лишари, прошу тебя. Я же слишком гадок, слишком черен, чтобы просить Его. Ты же снисходил до меня. Помоги мне.

Пока я молитвенно сокрушался из тени вышла фигура, которую я, впрочем, быстро заметил и признал. Я узнаю его, этот тот, кто раньше был главой всей религиозной жизни

Эндерала:

— Мессир Первосвященник Мэльсхедек, — я встал и поклонился перед внушительной фигурой мужчины, который ещё не снял церемониальное одеяние — на торс тяжёлой тканью лёг хитон, поверх которого рифлёный панцирь, с прикрепленными печатями; ноги стягивают высокие сапоги и штаны, а руки покрыты чёрными перчатками, — вы поздно служите здесь.

— Сын мой, время не важно, когда на предстоит службу сослужить великую, — Мэльсхедек тяжело прошагал и встал напротив алтаря, отдав лёгкий поклон. — Я же вижу, что тебе сюда привела нужда.

— Да, я бы хотел встретиться с Исаилом. Он мой друг, и в последнее время проповедует здесь.

— А, Фриджиэн, — твёрдо предположил Первосвященник, поглаживая прикрепленную книжку на поясе. — Исаил много о вас рассказывал. Говорил, что вы очень мужественный и светлый человек.

— Благодарю, — я сделал шаг назад, оставляя солидную фигуру Мэльсхедека, ощутив, словно я вышел из-под тени скалы.

Фигура Первосвященника столь загадочно, как и мистерии, которые он раньше исполнял. Его мыслью управлялись все храмы Эндерала, его канонами закреплялись моральные нормы жизни, он заседал при Грандмастере и общался с ним, направляя его волю на правильные деяния.

— Как удивительно, — я вновь наслаждался красотами храма. — История первосвященничества настолько сильно связана с Семерыми, что всё это..., - моя рука показала на алтарь, ангела и росписи. — Я словно во сне.

— Служение моего сана длится очень давно. Ты знаешь официальную версию?

Когда Первые вассалы приплыли на этот континент, из их среды явился некий Шартру, который настолько сильно уверовал в Семерых, что проник к их учению всем сердцем, всей душой, что глаголом мог обжигать сердца людей. О нём ничего не сообщают книги «Путь» — главного писания Эндеральского культа, но его персоной обильно заполнены свитки историй, окутывающих историю моей родины.

— Да, всё началось с Шартру, который крепко верил в Рождённых светом, что стал их главным священником в Эндерале.

— С самого начала, всё было иначе, — Мэльсхедек снял толстую книгу с пояса и раскрыл недалеко от начала, став глубоким голосом зачитывать. — Во времена же тёмные, когда народ шёл на народ, не было тех, кто мог бы нести служение истинное среди горсти верных. И перед тем, как пала десница Его на семерых, выбрал Он из среды людатого, на кого возложил великое священничество, чтобы служениями и жертвами он окормлял народ духовной благодатью. И служил он Единому, и воздавал жертву, и было дано ему нареkanie — «Первосвященник», за достоинство среди других священников, избранников для службы Господней, — Первосвященник захлопнул книгу. — Рассказы Бытия, глава пятая, стих тринадцатый. Есть ещё подробная история в Истории Бытия, но короче будет так.

— Это из Предания?

— Да, из Предания. А потом, этот «Первосвященник» вёл народ верный до Звездопада ограждая его от зла, противостоя Асатароновым догмам о поклонении себе, как богу.

— Предание. Я всегда забываю, сколько там книг...

— Рассказы Бытия повествуют о рождении мира, о первых шагах народов, и как

появился царь Азатарон, которому Он дал возможность править, но тот пал. Описывает она как народ для несения истины был избран и как он жил. Книга Пророков же описывает как сбивался род верный и множество пророков, посылаемых Им, наставляли его и возвращали на путь истинный. Почти четыре тысячи лет посылались последователи Его, возглашающие об ошибках народа и возвращении его на путь верный, — поучительно ответил Мэльсхедек.

— Я помню строки оттуда, — вспомнил я чтение Предания в холодных комнатах пирийского убежища.

— Род верного народа никогда не прекращался, — грозно молвил Первосвященник. — Шартру изначально был верен Единому, но отступился, поклонившись твари, выставившей себя богами, а не Творцу. С тех же пор начинается Книга Верных, где описывается долгая история горсти людей, выживающих в изгнании, нищете, но верных Ему.

— И ты хочешь сказать, что тот, кто поклонялся Единому в том пирийском храме был из них?

— Да, тот, кому явилось ведение, был тайно верен Единому. Последний, кого мать наставила в истинной вере.

Интересно, насколько могут меняться люди — тот, кто раньше был светильником веры в Рождённых светом, поднялся на ступень служения невообразимо выше, оставив преклонение твари, сменив его на поклон Творцу. Я внимательно посматриваю на Мэльсхедека, на его голубую ризу поверх хитона и нагрудник с печатями и вижу перед собой не сломленного человека, в лихорадке ищущего нового смысла жизни, а просвещённого и чувствующего истину в новом пути. Я вижу человека, который прикоснулся к чему-то большему, чем просто мудрость.

— Как народ отнёсся к смене веры? — сменяю я тему.

— Добрые люди и аэтерна внимают слову новому, живому, — светлое лицо Первосвященника помрачнело. — Но честно признаться, не каждый готов отказаться от старых верований. Святой орден всё ещё поддерживает религию Рождённых светом.

— Как отнеслись власти к новой вере? Мы ведь..., - голос дрогнул от осознания странности происходящего, — утверждаем, что Рождённые светом лишены божественности. Утверждаем, что есть только один Бог, а не семь и Он непознаваем, в отличие от тех.

— Святому ордену нет дела до нас, что странно. Меня даже не извергли из сана Первосвященника, а Арантеаль сказал — «можете делать, что угодно, только удержите народ в узде покоя, не покушайтесь на нашу власть и не мешайте строить светоч. Иначе сомнём».

— Вы ещё не сказали, что Рождённые светом пали в бою с неведомым существом? — мой взгляд коснулся окна, в котором отразился красно-синей россыпью лунный свет. — Бунта не было?

— Пока нет. Народ не готов принять полную истину. Сначала, словом и делом мы убедим людей и аэтерна в том, что их боги не боги, и что сейчас нужно направить все силы против неримлян.

— И как же «Не убей», в заповедях, данных одному из великих пророков древности... до прихода Рождённых светом, если верить Преданию? — задал я вопрос, размышлявший на эту тему, прочитавший ещё в первый раз некоторые строки книги.

— Да, Господь призывает нас не убивать, но Он же сказал в Книге Дистиции — «когда колесницы вражды в количестве огромных, когда воины врага строятся супротив тебя, то не бойся, ибо Господин царств идёт вместе с тобой, чтобы сразиться за народ твой», —

Первосвященник глубоко вздохнул и посмотрел на меня проникновенно. — Когда враг угрожает тебе лично, можешь и стерпеть. Но когда смерть угрожает твоим близким, возьми оружие и иди на бой.

Я умолк. С Первосвященником я бы ещё поговорил о многом, но вот меня привела меня сюда не мания философских размышлений, а нужда, которая напомнила о себе резким приливом меланхолии и тревоги. Мэльсхедек видимо заметил, что я изменился в лице и озвучил это тяжёлым басовитым голосом:

— Тебя что-то тревожит...

— Фриджиэн! — крик пронёсся у меня за спиной, и я увидел, как из распахнутых ворот закрытой части храма навстречу несётся кучерявый парень в чёрной рясе, раскинувший руки.

— Исаил! — признал я друга и кинулся к нему в объятия.

Приобнявшись, я отпустил его.

— Фриджиэн, что в столь поздний час привело тебя сюда?

— Исаил, мне нужна твоя помощь. Точнее даже... не совсем твоя. Как бы тебе объяснить... ты можешь помолиться о Лишари? — наконец-то смог сказать я. — Она умирает, Исаил. Мы должны помочь. Ты только взмолись и ей лучше станет.

— Я понимаю, что ты хочешь, — стал искать отговорки мой друг. — Но оно так работает. Вера — это не магия, чьи потоки мы подчиняем, а помощь Его невозможно поймать.

— Но... Исаил..., - я весь продрогнул от возможного исхода. — Она же... умирает. Даже лучшие аптекарии не способны помочь ей.

— Есть ещё причины, — железно молвит Мэльсхедек. — И не самые маленькие.

— Какие?

— Ты знаешь, каков мир по Преданию? — неожиданно спросил Исаил, и с блеском страха и вдохновения в очах продолжил. — Это самая великая история, когда-либо рассказанная, в которой есть сюжет о великом предательстве. Ты его знаешь.

— Тель-Ильм...

— Не произноси его скверного имени, — неприязненно пресёк Мэльсхедек. — Суть в том, что народ смертный проклял себя тысячелетиями поклонений мерзким идолищам, погрязая в ереси и безумии и дошёл до того, что власть их принял над собой. Мы находимся в городе, где всё завалено истуканами. И власть inferнальных держателей безумия велика.

— Не трудно начать молиться, — подхватил Исаил. — Куда труднее одолеть искушения в её время. Учítывая, что мир медленно начинает тлеть, искушения... могут принять материальную форму.

— Ты хочешь сказать

— Вполне возможно, — Исаил перестал говорить, сосредоточенно о чём-то думая; простояв с полминуты в полно. — Я общался с тем «пророком». Он говорил, что некие «высшие» есть создания духа. Они хотят убить всё живое, утверждая, что люди сами куют меч своей гибели. Они скорее всего не то, чтобы питаются душами по очищению, а смакуют момент смерти цивилизации, приводя в активное действие ещё одну подобную тварь. И их сильно привлекает горе смертных.

— И? А как...

— Вас это касается тем, — понял мой вопрос Первосвященник, — что те духи могут удивиться — а как же пропал источник их сладкого питания. И при этом, посредством иного

мира. И могут... навестить нас, — Мэльсхедек остановился, он понял, что сердце моё не просто болит, его разрывает и положил тяжёлую руку на плечо, тихо твердя. — Сын мой, глупо говорить — «я не боюсь встретиться с преисподней», но если Исаил скажет, то мы... обратимся к Небу.

— Исаил, — мой голос охватила ещё большая дрожь; я просто не знаю, что ещё говорить и трепетно хватаюсь за единственную надежду, — прошу тебя. Прощу, давай помолимся.

Я уставился в глаза моего друга, который молча оценивающе смотрит на меня. Я знаю, что в моих глазах он видит мольбу, а я в нём созерцаю напряжённое противоборство. Он понимает, куда мы можем сунуться, и какие твари зла поднебесного могут явиться на зов к Небу.

— Ты готов ради неё потревожить тонкий мир зла ми пожертвовать своим покоем? — твёрдо спрашивает меня Исаил.

— Да, — звучит мой твёрдый ответ.

— Ты ради неё готов окунуться в безумие и пожертвовать здравием?

— Да.

— Ты ради неё готов своё здравомыслие принести в жертву?

— Да, — вспоминая о том, что стало с Константином в том проклятом храме при встрече с инфернальным духом, отвечаю я.

Исаил лишь кратко кивнул, в его глазах теперь же я увидел решимость, которую он увидел и во мне. Он обернулся и зазвучал его голос звонкий:

— Мэльсхедек, готовь кадило и жертву.

Прошло не менее десяти минут, как всё было готово для службы и Мэльсхедек с Исаилом, облачённые в хитоны цвета золота и серебра готовы сослужить службу добрую. Вещи глубоких символов — жертвенная хлебная лепёшка с килейскими травами справа на алтаре, массивная бронзовая чаша с водой слева, жаровня с тихо горящим огнём посередине. Исаил встал у чаши с водой, перебирая цепи камильницы, а у хлеба Первосвященник. Я смотрю за приготовленным — лепёшка настолько дорога из-за трав, что не каждый торговец или мелкий аристократ будет на неё готов раскошелиться, вода кристальная и чистая, как горный хрусталь.

Исаил кивнул Мэльсхедеку, и они начали служение. Первосвященник серебряным ножом рассёк плоть хлеба, став его нарезать на части. Исаил в это время погрузил уголь, и ладан в кадило, разжигая благовоние, вскоре часть алтаря скрылась за клубами дыма.

— Тебе, Единый, возносим молитвы наши, — вознеся чашу с благовониями начал Исаил. — Тебе и никому больше, ибо нет Бога кроме тебя.

— Тебе жертвы наши, жертвы в искупление за грех приносим, — Мэльсхедек положил правую ладонь на разрезанный хлеб. — Ибо нет больше Того, Кто смог бы очистить души наши от тяжести болезни смерти. Нет Того, к Кому мы можем обратиться за исцелением, — Мэльсхедек взял хлеб и рассыпал его по жаровни, сию секунду к потолку храма вознеслись струйки дыма, уподобившись благим молитвам верных, возданных во хвалу. — Жертву, установленную Тобой для искупления греха и сказанную первым пророкам ещё до времён Звездопада мы приносим Тебе.

Эта лепёшка символизирует жертву, готовность отдать то небольшое, но дорогое нашему сердцу и тленной плоти ради нечто большего, ради пребывания с Тем, Кто больше всего, ради единения с полнотой бытия. Но я чувствую, что за ней есть что-то иное, ведь хлеб не

более чем символ, материальное выражение истины. Я понимаю, что Ему жертвы не нужны, ибо как можно что-то отдать, если всё — Его? Древнему народу, горстке тех, кто готов был вместить истину, по несовершенству их и требованию больших душ, даны были жертвы, что, отдавая ценное, притягивающее к мирскому, они шли к Единому. Их дал Он от того, что требовала души их.

Я же готов пожертвовать, отдать ради неё своё здоровье, если он позволит. Медленно шевеля губами, я начал шептать слова молитвы:

— Единый, помоги ей. Я прошу Тебя, как сын молит отца. Пусть горе не трогает её даже если мне придётся принять на себя её болезнь.

— Благословен Единый, благи Его дела и Его произволение на нас! — взмолился Исаил кадя алтарь.

Враг же, слуги великого предателя не заставили себя ждать. Грудь сжалась от окутывающего внешнего холода, тьма стала собираться и клубиться по углам, разрастаясь и становясь червоточинами, из которых поползли сущности, изнутри горящие ярким алым огнём. Тени заплясали по стенам церкви, окружая алтарь, но не приближаясь к нему, сторонясь. Молитвенники не обратили внимания, а если и сделали это, то подавили страх и удивление от увиденного, вдвоём запев:

— Пастырь народа верного! обрати ухо своё к овцам немощным. Перед царями народа, поклоняющегося тебе, воздвигнул силу, приди и спаси на, да воссияет лице Твое и спасёмся!

Я покачнулся, когда увидел, что к нам на встречу шагают не просто порождения мира духа, а воплощения холодной черноты и бессердечия подобия снаружи и пламенной, непогасшими ярости снаружи. Мои глаза не распознают в них ни людей, ни атерна, это какие-то тени.

— Вы не сможете свершить намеренного, — мои ладони хлопнули по ушам, зажимая их, лишь бы не слышать этого мерзкого скрипучего голоса. — Оставьте ваши молитвы, как бесплодные, оставьте надежду, ибо она тщетна.

— Оставьте веру! — теней становилось всё больше и голос их превращался в адское крещендо. — Ибо не найдёшь ты в ней избавление.

— Оставь любовь! — на сей раз омерзительно-ласково выплеснули звуки духи. — Ибо в ней нет покоя и бесстрашия!

От головокружительной карусели света и теней, голова пошла кругом. Я делаю два шага к алтарю и духи настолько сильно завывали, что стёкла пошли сетью трещин, а я и подавно размягчал, и рухнул на одно колено.

— Фриджиэн! — на лбу Мэльсхедека проступил град капель пота, сам он сжал чашу с водой до белизны костяшек. — Держись!

Исаил, подняв голову продолжил идти, кадя алтарь, словно не было всего этого представления. Три раза, под истошное протяжное улюлюканье и вопли обойдя алтарь, он остановился у воды.

— О, Единый, прими жертву нашу. Мы недостойные отдаём тебе всё, что есть у нас, вверяем души, только помилуй нас.

— Тебе, Царю Небесному, хвалу воздаём за всё, что мы имеем, и просим тебя о помощи, — Мэльсхедек остановился и медленно повернулся на Исаила, окружённого зубастыми, пламенеющими тенями, когти и языки касаются его мантии, по коже расплзлась голодная тьма, остроконечными пальцами поглаживая; он же измученным взором окинул Первосвященника и кивнул и тот с ответным кивком продолжил. — Единый,

мы просим Тебя — пошли исцеление, пошли отторжение от уз болезней и чумы у Лишари, даруй ей помощь Твою благодатную.

Мэльсхедек достал горсть ладана и кинул его в большую жаровню, сладкий запах тут же окутал нас, вместе с дымом, от которого отступили и тени. Я осмотрелся, и увидел, что они стали кружить, как стая голодных волков, выжидая момента, когда можно напасть.

Исаил теперь продолжил молитвенное служение — кадило с лязгом легло на алтарь, а к Небу устремились слова молитв:

— Что мы попросим у Тебя? Ты, разрушил, Ты оградил народ, просвещённый от рук злодеев в пустыни Хашан, Ты освободил народ Свой от уз града Осс'Тианн, Мы, немощные и слабые, просим исцеления не для себя, но для Лишари, избави её от уз болезней и чумы.

Чёрные сущности снова ринулись на нас. Холодной цепью на моём горле сжалась ментальная лапа одного из монстров, я пытаюсь вдохнуть, но воздух с трудом проходит в лёгкие. Теперь паника нахлынула на меня, не давая и встать с колена. Глаза уставлены в зеркальный пол, в котором я вижу только своё измученное лицо и круговорот кривых нечеловеческих рож. С невероятным трудом я поднимаю голову, но вижу только расплывающуюся черноту, загордившую даже свет свечей.

— Ты посмотри, как они пытаются, как молятся и как взывают к Небу, что глухо! — верещит из тьмы существо.

— Это забавно, когда в тщетной надежде смертные твари пытаются найти избавление от своих переживаний и тревог!

— Фриджиэн, — с ласковым воззванием прильнула одна из теней, вонзая в мою плоть острые когти ледяного ужаса. — Не слушай их. Обратись к нам за помощью, и мы исцелим её. Сделай что угодно, что исцели её — это не нанесёт нам поражения! Поверь, тебе не победить.

Сладкие слова этих мерзопакостных духов ничего не стоят, и я знаю это. С твёрдой решимостью, напряжением духа я отмахиваюсь от их предложения.

— Благий Господь! — воскликнул Мэльсхедек и погрузил в воду черное крапило и богатырским взмахом всё залил водой. — Благослови нас водою очищения! Очисти молящихся Тебе благодатью, изливаемую Тобой на нас и просвещающую душу и плоть!

Я ощутил, как капли влаги упали на моё тело, как рубаха стала мокрой и как живительная влага растекается прохладными струйками по коже. Ощутил, как она передаёт мне сил, как кости мои крепнут и плоть исторгает власть духов злобы. Это чувство такое же, что я испытал в том мёртвом храме, при явлении ангела. И как тогда — я снова могу встать, что и делаю, грозно возглашая:

— Не будет победы вашей!

— Можете пробовать, цивилизация до вас уже попытала удачу и проиграла! И теперь все их души — наши!

— Вы — высшие, — даю я им имя, услышанное мной ранее.

— Можете нас звать так. Овцы, покорно идущие путями гибели, именно так нас и прозвали. Но какое нам дело до наречий, коими кличут нас? Вы все сгорите в огне, ваши души — наши! — с визгом стала отступать тьма от области, куда рассеялась вода с кропила.

— Вы лжёте и сбиваете нас с пути! Мы остановим вас! — криком я пытаюсь бороться с их пронзительно-едкими речами.

— Вы всё равно проиграете. Не интригами, но мечом мы возьмём своё! — настаивают тени. — Авадд-Адонн! Он поведёт наши легионы в бой и сокрушит вас! Аввадд-Адонн!

пойдёт огнём по всем землям и сожжёт всё пламенем очищения! Аввадд-Аддон! Он пришёл!

Из чрева пустоты вышла более чёрная, намного выше и страшнее сущность, явившая для очей плоти материальное подобие — латник в чёрных готических доспехах, в лице, сотканном из огня, а глаза подобны сверкающим рубинам. Его пасть распахнулась, и со словами вырвались языки пламени:

— Маленький человек пытается нам противостоять. Но его противостояние ничего не стоит, ибо мы грядём на землю во плоти, если не будет победы интригой.

— Единый вас сокрушит, ибо Он и создал вас и Господин ваш навсегда!

— Маленький человек, склонись перед нами! — могущественный «высший» протянул ко мне огненную десницу, явив картину нестерпимого ужаса — весь мир иссыхает, души с охваченные адским огнём вырываются из тел, а среди них и Лишари, и Калия — все; боль, странное чувство уныния и страха проникло в каждую клетку моего тела.

— Нет! — твёрдо отвечу я, понимая, что ныне последует удар.

— Маленький человек! — взревел дух и изо рта его пыхнуло такое зловоние, что можно было бы умереть от удушья, если бы не ладан. — Пади же и отдай свою душу нам!

— Господин Неба и земли, вонми плачу нашему, призри на скорбь и боль нашу и помощи, ибо милость твоя бесконечна! — я сделал единственное, что сейчас мог — сам обратился Единому.

И ответ пришёл — от алтаря явился свет, настолько яркий, и всепроникающий, что всё здание буквально засияло. Тьма... она загорелась нежно-светлым пламенем и практически не стало больше ни духов, ни их чёрного покрывала. Смрад, страх и слабость отступили, уступив место приятному аромату и вечного торжествующего света, а душа. Я поднялся, без страха смотря в оставшихся слуг первого архипредателя. Теперь пришло их время терпеть трепет, я вижу, что всей своей сущностью они испытали такую боль, такую боязнь, что будь они в плоти, немедленно бы умерли. Но они — духи и с глазами, исполненными безумия, гнева и боли, исторгаются во тьму внешнюю, откуда и пришли. Пары мгновений хватило, что в церкви торжествовал только свет... нераздельный и торжественный, просиявший изнутри надписи и картины на стенах изнутри, обволокши каждый угол, каждую свечу, каждую душу.

— Благословен Единый! — поют Мэльсхедек и Исаил, по их щекам потекли слёзы от избавления и радости, что Небо ответило им, что Он с ними. — Приди и порази тьму! Пошли Свои силы небесные и наполни всё сияние чистым, небесным!

— Благословен и славен ты Господи! — пою и я, сердце моё расцвело, скинув оковы морозного ужаса, просияв светом духовным, мне кажется, что всё живое возносит хвалу Творцу. — Слава Тебе за спасение! Слава Тебе за всё данное! Молю тебя,

Во свете явилось нам зрелище иное, несущее такое ликование, несравнимое ни с чем — это мир, наш. Есть победа жизни и нет ползущей огнём смерти. Есть проникающий в души свет и вымывающий их от нечистоты и нет лживого очищения. Я обратил голову вверх и плотные глаза встретились с мириадами глаз служителей Истинного Света, принявших обличие существ совершенной красоты. С Неба изливается пение от которого перехватывает дух, тело наливается необычайной силой:

— Свят! Свят! Свят! Вседержитель Воинств небесных Предводитель! Свят! Свят! Свят Победитель смерти! Земля полниться славой Его!

Я готов вечно созерцать великолепный хор певчих, блещущих светотканными ризами, и

внимать их чудесному пению, окружённых горящим небесным серебром облаками. Но голос, что сильнее грома, и повелительней, чем у всех Рождённых светом, звучит от алтаря, где свет сильнее всего, окутывая фигуру, приковывая внимание:

— Единый позволил вам испытаться силами мятежника, и вы узрели их. И поняли, кому противостоите! Воззвав к Небу, вы потревожили и муть злобы, обратившую на вас внимание. Но благ Единый и Его волей бегут от вас слуги звезды зари! — провозгласил вестник Единого, и я узнаю его... то самый, что помог мне в битве с женщиной. — Благословите Вседержителя.

Одного, самого краткого прикосновения к Свету, к Небу хватило мне, чтобы не просто взбодриться... я ощутил себя новым и готовым к наивеличайшим свершениям. Купаясь в свете, мне кажется, что весь мир предельно ясен, что нет славы, более славы Единого, и дивлюсь вопросу — как Рождённые светом могли предать?

— Фриджиэн, — звучит слово из света. — Ты действительно желаешь исцеления для Лишари? Ты хочешь этого, даже если это тебе в дальнейшем принесёт тебе великую боль?

— Да, пусть Он исцелит её, — без тени сомнений даю я ответ.

— Да будет по слову твоему.

В противопоставлении многословию, шипению и коварству высших, это светозарное существу, посланник Великого Господина благословенно немногословен в вопросах и ответах. И дальше, вестник Истины дал наставление непреложное:

— Единый покроет вас от тьмы, что нависает над мнимыми спасителями мира сего, что возводят маяк гибели. Верой же спасайтесь и благославляйте Единого во всех делах и на всех путях своих. И помните, что малое благое дело, лучше великого, в котором нет опоры на истину!

С этими словами вестник Единого, вознёсся к Пославшему его и небесное торжество мигом исчезло. Ниспало пение, оставив лейтмотив в душе, ушли образы, но в глазах горит тот огонь. Раз прикоснувшись к Небу, забыть это невозможно, сама душа будет взывать к этому!

Сейчас всё так же, как и прежде — свечи мирно горят, отсвечивая огни в полу, Исаил и Мэльсхедек кадят алтарь по кругу и только трещины на окнах напоминают о буйстве нематериального мира.

— Благодарим Тебя, Единый, что не оставил молитву нашу без внимания, — я продолжаю смотреть за службой. — Благослови нас Единый, ибо нет Бога кроме Тебя. и чтить будем тебя мы вечно.

Остановившись, Мэльсхедек и Первосвященник поклонились друг другу, чем окончили службу. В пропитанных потом и истемневших рясах и хитонах, они позволили усталости немного взять верх... и упали у ступеней. Плоть изнемогла от борьбы с иным миром, и теперь нужно дать ей отдохнуть. Немного подсобравшись, они переместились на ступени, где, лёгши на выступы, предались отдыху.

Мысли... их практически нети. Лёжа на полу, ощущая приятную прохладу гранита, я смотрю в белый потолок, где недавно пел небесный хор. В том, что произошло, я не сомневаюсь, только думаю, как теперь жить дальше. Определённо есть «высшие» и они хотят уничтожить этот мир... похоже, что разрушение стало их сутью и они не могут существовать иначе — эта эмоция пропитала их души. И есть Тот, Кто сильнее всего этого и властен не просто сорвать колесо истории, но изменить нас изнутри с нашей же воли... иначе было бы невозможно. Уверовав на севере, я утвердился сейчас, и понял, что наши

сердца самое настоящее поле боя... и кому отдать победу, выбор делаем мы сами.

Только я собрался сомкнуть отяжелённые веки, как до меня доносится страшно знакомый голос... я его уже сегодня слышал, и он уже приносил недобрые вести:

— Фриджидиэн! Фриджидиэн!

В церковь влетел мужчина в жёлто-серых мантиях, с сумкой наперевес. Даже сквозь пелену на очах я разглядел страх и трепет в его глазах, губы аптекаря побелели, а сам он летел, словно за ним гнался чёрный мирад.

— Что случилось? — минорно звучит мой вопрос с пола, я даже не могут встать — усталость пригвоздила меня к граниту.

— Лишари! Она! О-ох! Она! Лишари! Ух-х!

О'Брайенн одновременно пытался и продышаться, и сообщить мне нечто важное. Согнутый, опёршийся ладонями на колени и капающий потом на пол, тяжело дышащий, он дал мне время ему задать вопрос:

— Как ты меня нашёл?

— Мысль... непонятное наваждение... мне показалось, что только здесь ты можешь быть.

Выдавил О'Брайенн, всё ещё пытаюсь продишаться, но по глазам и блеску в них, я чувствую, что он желает сообщить нечто неопишное важное.

— Говори.

— Лишари Пегаст. Она... жива. Жизненные функции восстановлены до стабильных. Я не знаю...

— Как это было? — с волной надежды, звучит мой вопрос.

Душа вновь ликует, так свежо и приятно духу, что тянет танцевать и петь, несмотря на полное изнеможение плоти. Пока аптекарий собирает с мыслями, я воззвал к горсти оставшихся сил и выдавил эфемерную улыбку — мне настолько приятно и радостно, что даже усталость не заставит моё лицо пребывать во мраке.

— Как всегда, я готовился дать больным лекарства, как услышал пение в лазарете и пошёл туда. Но там меня встретило то... что я не могу объяснить словами науки. Я — учёный, но... это необъяснимо?

— Что? — улыбнулся я пуще прежнего, зная в чём дело.

— Я видел странное явление. Подобие сияющего воина... с кадилом. Он поднёс к ней благовоние, и раны, пятна... они исчезли. Она не ожила... нет... но... яд, его больше нет. — О'Брайенн остановился, прыгая широко распахнутыми глазами по церкви и остановил взгляд на скульптуре ангела, видимо найдя в ней мистически знакомое. — Фриджидиэн, мы можем спасти её! У меня есть время!

— Хорошо, — выдохнул я и закатил глаза, веки сами опустились и последнее, прежде чем я уступил власть над своим телом сну, было слово. — Ступай.

Глава 15. Пришествие орла

Глава 15. Пришествие орла

«Важнее преимущества численного — превосходство в тактике и стратегии. Но численность тоже важна, кто бы чтобы не говорил.»

— Силл Ваил — Командующий Аркским городовым полком, трёхвековой давности.

Следующий день. Порт Арка.

— Прекрасный вечер, не правда ли? — спросила девушка рядом со мной.

И вправду — на небе всё ясно и чисто, от горизонта до горизонта всё усеяно серебряными звёздами на тёмно-синем полотне, твердь воздушная величию и могуществом, гармонично смешанным с торжественностью и миром, внушают мне покой. Он нужен мне после стольких дней беспрестанных сражений за родную землю и за жизнь дорого человека. Не одними зельями апотекаря я буду спасаться, а ещё и миром, и верой. После произошедшего в церкви, я не только перестал бояться тени, но и понял, что наше мироздание куда глубже, чем может показаться. Но сейчас я не хочу рассуждать об этом, ибо оставив Эндерал на попечение Велисария, а Лишари на заботу О'Брайенна, я надеюсь выцепить спокойную минуточку.

Рядом со мной идёт высокого роста, стройная, и златолицая дама, с каштановыми густыми волосами, облачённая в светлое длинное платье, на котором красиво легла кожаная куртка.

— Эшра Мирайа, — вспоминаю я имя девушки, с лёгкой улыбкой. — Вы удивительная девушка. И вправду, почему бы вам не отправиться в Киру?

Вокруг нас строения. Похожие на аркские — такие же аккуратные, но с тенью хладности, отдают серостью. Большая широкая гряда домов и зданий, растянувшаяся от восточной заводи до самых гор, упираясь в скалы. Сквозь узкие улицы гуляет ночной прохладный ветер, отрезвляя напившихся или даруя силы уставшим. В немногих окнах всё ещё горит свет, но большинство зияют темнотой — склады почивают в пустоте, немногие дома спят и только портовые кабаки работают.

— Я вас попросила сказать мне, когда приплывёт корабль из Киле, — с призраком обиды вымолвила дама. — Ну да и сказала, что сегодня прекрасный вечер.

— Да я помню, — опустив голову и став разглядывать маленькое четырёхное пузатое существо, с мраморно-белой кожей, и большими рогами, я ответил. — Через три часа должен прибыть корабль. Кстати, как зовут вашего малыша-леорана?

— Эльфрида её зовут, — девушка потрогала пышный волос, — а вы добрый мессир, а вас как зовут? Вы так и не представились.

— Я — Фриджидиэн из Арка, — отвечаю я даме, понимая, что она хочет продолжить знакомство.

— А чем вы занимаетесь в свободное время?

— Работаю, — с этим словом я вспомнил промахнувшие недели... как часты они словно пришли и в них я нахожу только веру, политику, кровь и гарь войны; я не хочу смущать девушку, не желаю давать ей ещё один повод бояться; в Арке сейчас спокойнее чем на фронтах в сотнях и тысячах километрах от города.

— Так кем же?!

— Работаю художником. Иногда помогаю в городской галерее картин и историческом

музее, — придумал я, что ответить.

— Может тогда сходим и выпьем? — с энтузиазмом сказала девушка-аэтерна. — Как раз часа три есть. Обсудим картины и... политику. Я слышала, что на Фермерском берегу сражаются с Неримом. Не знаю, так ли это.

«Ещё как так», — подумал я, вспоминая то, что сейчас там творится.

Тишина и покой, ночь и прохлада так и говорят — иди с ней, напейся в стельку и забудь о всём, что пережил. Я бы так и сделал, если не б не лицезрел того, что произошло со мной — ангела всё что с ним связано, если бы не знал ту неримку. Я бы пошёл и напился до смерти, чтобы потом какой-нибудь стражник оттащил меня в камеру до утра трезветь. Но я не хочу этого. И сколько бы я не бежал от войны — она преследует меня даже в моих мыслях — и вот мне кажется, что где-то вдалеке свистит снаряд катапульты... Нет, не кажется!

Резким прыжком я поваливаю аэтерна на прохладную брусчатку, а через секунду рядом раздаётся взрыв. Снаряд, набитый порохом, с трещащим гулом раскалывается, высвобождая огонь и ударную волну, разнося часть стенки и выбивая стёкла.

— Что это!?

— Беги к извозчику! Живо! — приказываю я и она вырывается, вскинув леорана на плечо, дав такого дёру, что не каждый мужчина-марафонец за ней угонится. — В город!

Я тяжело поднимаюсь с брусчатки... на мне простая бардовая рубашка и штаны с сапогами, у меня нет оружия, кроме «громыхателя». Повертев головой, я замечаю, как возле меня проносится отряд стражи, а затем справа и слева по барабанным перепонкам ударили громopodobные взрывы. А вскоре небо рассекла ещё дюжина снарядов, смертоносным пламенем дождём осевшая между домами на улицах.

У меня нет доспехов и клинка, как я буду сражаться?! И всё же я должен знать, кто посмел на нас напасть, хотя я и сам понимаю это. Пробежав в сторону верфей, минуя дома, бегущих в страхе людей и садясь, при взрывах снарядов. И то, что я увидел спустя минуты, ввергло меня в панику. Огромные трёхпалубные корабли, среди которых тащатся судна поменьше, большие и пузатые, малые и удлинённые — оказались вблизи порта да так неожиданно, что стало страшно... как они подобрались так незаметно? От одного края моря до другого края моря я не вижу ничего, кроме кораблей, над которыми реет стяг с орлом. Я же ещё полчаса назад не видел ни одного судёнышка на горизонте, а теперь они подбираются всё ближе и ближе.

Отчаянный бой им пытаются дать корабли Святого ордена — выстраиваясь кривой линией, они вскоре станут огненным напоминанием о себе. Баллисты и катапульты с неримских кораблей ударили по суднам Арантеаля, пробивая им борта... те недолго продержатся.

— Первый общеармейский корпус, — обозначил я вторженцев.

Наше положение, хуже, чем безнадежное — противников двадцать пять тысяч, а в гавани едва ли наберётся горстка храбрецов. Кто им даст отпор? Кто встанет стеной между безбожным зверьём и добрыми людьми Арка?

— Командор! — узнаёт меня один из один воинов в тёмно-лиловом покрове поверх кольчуги. — Что будем делать?

— Сколько у нас в распоряжении воинов? — сходу спрашиваю я.

— Три сотни из Единой Эндеральской Армии, две сотни с Конаном прибыли сюда, тысяча воинов аркской аристократии и да пять сотен лучников и арбалетчиков.

— А что с Городской стражей?

— Портовые подразделения в панике! — ответил воин и показал на то, как объято огнём некое трёхэтажное здание. — Их командный пункт уничтожен работой палубных батарей.

И тут же я вижу подтверждение этих слов — люди и аэтерна в красно-белых тканевинах поверх брони носятся, не зная, что делать — противоречивые приказы, паника и уничтоженное командование — всё это парализовало не менее полутора тысячи стражников. Растерявшаяся стража Арка не сообразила, что необходимо делать, а только беспомощно металась по порту в ожидании услышать приказ от вышестоящего командования. Жалкое зрелище... остатки некогда великой армии превратились в подобие перепуганных крестьян.

— Фриджидиэн! — слышится приветственный рык за спиной, и я оборачиваюсь, чтобы увидеть рослого воина, в шкурах и броне. — Как хорошо, что ты здесь!

— Господин Конан! — радостно я приветствую мужика. — Я тоже рад тебя видеть здесь!

— Только пришёл встретить новую партию хорошего вина, как здесь появились эти твари! — разозлился варварский король и тут же успокоился. — Скажи, что будем делать? — мужик ткнул секирой в сторону моря. — Больно их много.

— Принимай командование всеми войсками... кроме тебя, тут больше некому, — я осмотрелся, видя, что клубы дыма захватывают квартал за кварталом. — Ты самый опытный вояка.

— Нужно эвакуировать гражданских в город, — Конан стал водить секирой, рассекая порт на части. — Справа поставим аркчан, пусть прикрываются статуей Мальфаса. Слева встанут мои братки, а в центре армейцы.

— Король Конан! — коленопреклонённо обратился воин в синих одеждах. — Жду приказов.

— Уже король, — прошептал я, удивляясь насколько быстро вышедшие из тени, обретают власть.

— Выводи народ, Меровинг. Бери полсотни воинов к себе и шевели задницей!

— Да Арка день пути... долго будет, — говорю я. — Сможем ли мы столько продержаться?

— Мы выдержим, — он тряхнул меня за плечо, крепко сжав его. — Только дадим тебе панцирь и меч хороший, чтобы ты лютовал с нами.

Я слышу гром — это две оставшиеся пушки «работают» по кораблям — их ядра прошивают борта, крушат осадные орудия на палубах и стали хоть какой-то угрозой для неримского флота. Спрятанные в глубине порта, они пока недостижимая цель для наступающего врага, его артиллерии.

На спине сомкнулись застёжки и грудь прикрыла лёгкая пластина спрессованной кожи, усиленная тонкими пластинками чёрной стали. В правой руке изогнутый аэтернский меч, похожий на саблю, а в левой массивный щит, закрывающий меня от голени до плеча. Голову зажал тяжёлый шлем, чей гребень хлестает ветер.

Медленно, но верно, в гавани появляется подобие организованной обороны. Пока корабли Святого ордена жертвуют собой, даруя нам время, мы готовимся встретить неримлян и уже самим отдать жизни, лишь бы гражданские добрались до крепких крепостных стен.

— Первая центрия, — командует Конан, порыв ветра поднял его бороду и растрепал на

волосинки. — Занять позицию у верфей! Мои побратимы, на левый фланг!

Моментально пронеслась вереница воинов, с топорами и широкими круглыми щитами. За ними подбежали и десяток ратников с кожаными панцирями поверх кольчужных рубах, с люцернскими молотами, свернув во двор, образованный стыковкой двухэтажных зданий, где встали и мы.

— Милатарий Аристократии — Косс Даль'Лорэ, — представился воин. — Я слышал, что вы господин Конан теперь командуете.

— Да! — прорычал варвар, и указал на огромную статую Мальфаса, воздвигнутую на маяке, словно сам Рождённый свет готовится свершить суд над врагом. — Выдвигайтесь.

Тут же подбегает воин городской стражи, чьей отметкой отличия стали три полоски на плече:

— Лейтенант Салливан! — представился стражник. — Командующий вторым пехотным полком.

— Лейтенант командует полком? — смутился и тут же был пристыжён:

— Полковник мёртв.

— Ладно. Становитесь второй линией, за нами! Лучников из среды вашей, смешайте с нашими и на возвышения к ним же!

Конан, отдав поручения всем, кому можно и распределив армии, приготовившись к обороне, посмотрел на меня. И снова я вижу столь знакомую мне эмоцию — надежду на грани отчаяния.

— Тот, кто победил меня однажды, отдаёт командование в мои руки, — Конан хлопнул по плечу. — Хороший ты малый.

— Конан, прозванный среди своего народа королём, — я натужно улыбнулся, вспомнив столь величественный титул и то, что он у бывшего бандита, — ты единственный знаешь, как гонять своих людей. И все боятся тебя больше, чем меня.

— Бери командование Единой Армией, — в ключицу ударил Конан. — И постарайся держаться как можно дольше.

— Будет исполнено... король.

Я кивнул и побежал прочь из двора. Витая между узкими улочками, я вышел к морю, оставив позади многочисленные постройки гавани и улицы, по которым уже поплыл смог. Мы приготовились встретить врага, выстроившись неровными линиями, среди домов, грузов, портовых нагромождений, кранов и складов. Корабли Святого ордена практически полностью ушли под воду, их красная парусина с золотым оком чёрными опалёнными кусками ткани поднялась к небу, взимаемая ветром, а корпуса суден отправились ко дну. Они отдали свой долг — их матросы стояли до последнего... теперь пришёл наш черёд отдать долг.

Гавань Арка — самый большой порт во всём Эндерале, растянувшийся на километры, он мог принимать в день целые торговые флотилии во время своего рассвета. Мне снова горько, только на этот раз от того, что столь живописное место станет ристалищем. Но такова наша судьба — защищать родину, всеми возможными силами и средствами, отважно встречая врага.

Вздвигая щит, я смотрю направо и влево и вижу, что маяк со статей Мальфаса стал отличной позицией для аркских арбалетчиков. Снова гремят орудия, и пушки разбивают в щепки прибывающие корабли, но как бы интенсивно они не работали, им не удастся потопить орду деревянных посудин. Устремив взгляд к флагам, я вижу орла... всё тот же

неримский, в сердце которого алым сияет цифра «1»; в одной лапе зажат меч, а во второй свиток — символ первого общеоармейского экспедиционного корпуса. В противовес двадцати пяти тысячам три с половиной, где я стою посреди лилово-серебристой линии, чьи щиты украшены двуглавыми орлами, или буквой «Р».

— Воины, — громогласно я обращаюсь к солдатам. — Не ради Ордена или богатств вы сражаетесь, но за родину, её добрых граждан! Держитесь мужественно, держитесь ради всего святого!

Корабли пристали к верфям и выкинули трапы, глухо ударившиеся о камень. Мгновением позже по ним затопала солдатня в больно знакомых табардах и тут же легла. Лучники и арбалетчики стали вести обстрел по навесной, затмив звёзды дождём болтов и стрел. Сталь пробилась кольчуги, и первые противники плюхнулись в море. Баллисты и катапульты попытались сместить огонь к нам, но встретились с ментальными барьерами, выстроенными нашими армейскими чародеями.

Боевые маги Нерима решили ввязаться в борьбу с коллегами и с бортов кораблей наши щиты испытались потоками пламени и зелёной некротической энергии. Барьеры вспыхнули от напряжения ментальной энергии и воздух между нами и врагами засиял жёлто-красными цветами.

— Стену щитов! — скомандовал я и мы сомкнулись.

Орудия перевели огонь, кладя ядра у маяка и пытаясь потопить огромные карраки, решившие охватить левый фланг. И те приостановили продвижение, не желая лезть на огневой рожон.

Пехота врага стала собираться на краю верфей и как только их стало достаточно — ломанулись в атаку. Необузданной кучей, превозмогая бешенный обстрел, неся знамёна они идут, вопя и крича.

— Коарек — наш свет! — кричат неримляне, противопоставляя старой эндеральской присказке свою. — Очищение — наше причастие!

— Вы не пройдёте! — кричу я, подняв щит, чтобы меня не сразил вражеский меч.

Вот сталь и блеском пересветом заплясала в столичной гавани, и Первая битва за Арк началась и как её можно обозначить? Орёл сцепился с орлом, пока око в блаженном сне спит. Оттолкнув врага, я парирую удар, и совершаю быстрый выпад — моя спата пронзает кожаный панцирь. Враг отпрыгивает назад, и его место занимают трое алеманн, рассекая воздух широкими размахами топоров. Щит стал единственной преградой между мной и лезвиями топориков, что неистовыми ударами владельцев выбивают щепки из моего щита.

Братья по оружию рядом со мной держат строй, удерживают врага, не уступая ни йоты брусчатки. Сердцеземцы, солнцезбережцы и аркчане встали вместе против норманнов и алеманнов из Нерима. Сохраняя строй, короткими колющими ударами мы заставляем истекать неримлян кровью, пока они бесполезно пытаются достать нас.

Рука, из которой ушла жизнь, держится лишь на зельях и воле и ей я держу щит, спасающий меня. Теперь перед нами всё заполнено неримлянами, которых с каждой минутой всё больше и больше. Чёрно-жёлтой массой, преодолевая дождь стали, с исковерканными в безумии рожами, они напирают на нас, оттесняя от линии

— Архгх! — воют враги.

Я отвечаю сосредоточенностью. Чувствуя панцири товарищей, стиснутый ими, я могу лишь колоть спатой. Меч носится туда и сюда, как шило, находя слабые места в броне врага и кропя брусчатку кровью. Над головами всё залило магическое пламя и холод, навесом

ментального шатра, простёршегося над нами и осветившего поля боя с неестественной яркостью.

Наши лучники промедлили только для того, чтобы обрушить на врага залповый дождь из тысячи стрел, осевший практически рядом с нами.

— Вражеские лучники! — кричу я, заметив, что к нам подплыли корабли, несущие на бортах целые компании народа, вооружённого луками. — Приготовиться!

Теперь нам приходится скрываться от железного дождя — последующие ряды вздели щиты, и мы стали похожи на черепаху, закрытую со всех сторон. Стрелы увязли в дереве, не причинив вреда.

— Раздавить этих червей! — кричат из строя неримлян, и мужики усилили давление, нам пришлось отходить, уступая драгоценные метры; но мы оставляем и край гавани, устланный чёрно-жёлтыми телами, среди которых очень мало наших.

Случилось неожиданное — щиты не просто вспыхнули, они взорвались. Магия, столкнувшись с магией накалилась настолько и вобрало такое количество энергии, что это вызвало вспышку. Разлетевшись разноцветным салютом, барьеры исчезли и теперь мы беззащитны перед вражескими магами. Вздогнув, я понимаю страшное — теперь чары упадут на нас.

На поле боя вышли воины поопытнее и могущественнее. Рыцари народного гнева, закованные в блестящие латы металлической стеной двинулись на нас. Их эспадоны выписали прекрасную дугу и подобно топорам обрушились на щиты. Укрытия жалостно хрустнули, руками они вырывали людей из строя и отдавали на растерзание обычной солдатне. Теперь мы стали несли ощутимые потери и волной в прорехи кинулся враг, сверкая острозаточенной сталью.

Пушки, будто бы стремясь воздать возмездие за погибших, стали работать в устрашающей близости к нам — ядра проредили ряды неримлян, выметая их, как это делает веник с грязью.

— Отступаем на второй рубеж обороны! — под артиллерийскую канонаду приказываю я и народ дисциплинированно стал откатываться назад, уступая просторные верфи, заваленные трупами.

Теперь наши позиции пролегли у зданий, в улочках и у складов. В последний раз, прежде чем скрыться за стенами домов, я увидел, что возле маяка в море всё покрыто деревянными островами — работа пушек отлично останавливала врагов, но теперь им придётся переместить огонь на другие рубежи.

Скрывшись в тени домов от стрел и баллист, мы встали новой стеной — здесь нет численного преимущества, только мастерство решит, кто сильнее. И вот появились первые враги — подобно воде они хлынули в улочки и зазоры между строениями, всё заполняя, но встретились с неожиданным. Немногие чародеи в алых мантиях простёрли руки и с них сорвались струи ревущего всё освещающего огня, изжарившие нападающих. Стрелы и болты упали на тех, кто высаживается с кораблей, заставляя их идти под щитами. Я ликую при виде того, что у неримлян ничего не получается, радуюсь, что враг, пришедший убивать ради ложных идеалов, падает. Нет, я не желаю их смерти, не хочу им зла, но и не стану сидеть сложа руки, пока они разоряют нашу землю.

Чародей отошли, отступая от дымки, несущей запах прожаренной плоти и раскалённого металла. Щиты снова сомкнулись и через тела павших товарищей на нас рванулись рассвирепевшие и светловолосые норманны. Мы со звонким стуком столкнулись щит в щит,

мечи лязгнули друг о друга, выбивая искры. Крики и агония снова обрели лавры песни среди домов.

Я не учувствую в битве, лишь издали направляя действия солдат и внимательно наблюдаю, чтобы они в приступе героизма не покидали позиции:

— Россию, не опускай щит! — я перехожу на следующих. — Третья контубра, не отступать, выше щиты! Не давайте себя перебороть! Колите мечами и используйте щит, как стену!

— Есть, господин!

— Маги, где вас носит!?

В ответ тишина, и чтобы проверить, как себя чувствуют наши элементалисты, я поворачиваю голову и вижу, как те обессиленные придерживают друг друга и помогают пить зелья цвета лепестков мечтосвета.

Противников слишком много и несмотря на то, что все переходы завалены неримлянами, они не просто не снижают давления, а только усиливают его, будто подстёгиваемые некой неведомой яростью. Они как необузданный поток могут выдавить нас в таком случае.

Аркские стражники выручили нас — обойдя гряду зданий, они высыпались перед нами на широких улицах и дорогах. Лучники стянули тетиву и отпустили её, посылая во врага дождь стрел, заставляя его либо умирать, либо прятаться за щитами, а затем к ним присоединились и отдохнувшие маги. Выйдя вперёд, они направили руки в стороны проходов и выпустили всю магическую энергию в тот момент, когда на горизонте замаячили рыцари народного гнева.

— Братья! — бодро кричу я, размахивая клинком. — Давайте!

Не огонь в сей раз, а электричество растеклось по переулкам. Трещащие и шипящие потоки хлынули сквозь плоть, поражая до черноты и повергая на землю в конвульсиях и дёрганьях поборников Вольного Народа. Десяток противника легли моментально, остальные выстояли, став трястись от пробирающего электричества. Но как только ток достиг рыцарей народа, его кончики со снопом искр ударили по неведомым щитам ментальной энергии. Я понял в чём дело, как только увидел чародеев в жёлто-чёрных мантиях, плетущих колдовство барьера.

— Отставить! — приказываю я и маги опускают руки. — Поберегите силы.

Величественный столичный порт... теперь он полностью укутан в одеяло дыма, корона его — огненные языки пламени, а царственный плащ — удушливый смог. Я напрягаю глаз и изо всех сил пытаюсь понять обстановку. Вражеские катапульты смещают огонь, пытаюсь поразить лучников на дальней линии в гавани, а стрелки на маяке вступили в плотную перестрелку с неримскими подразделениями.

Но мою оценку обстановки прерывает боец, в чёрном от сажи и грязи табарде, с помятым шлемом и обломанным кинжалом на поясе.

— Сержант-майор Алдлен, — представился мужчина.

— А где лейтенант? — смущённо спрашиваю я.

— Он погиб, — опустил голову сержант-майор. — Мы вступили в бой с неримлянами, зашедшими в тыл.

— Как? — поразило меня удивление.

— Противник высадился не только в порту. Часть корпуса ударила по всему побережью от гавани до столицы. Они одним ударом перезаают дорогу. И как нам говорят — начался

штурм Арка. По крайней мере с той стороны видны дымы пожарищ.

— Зараза! Какие твари нас обыграли!?

— Судя по эмблемам крысы, а также двух молнеподобных стрел это отдельная эрофинская особая рота лазутчиков при поддержке десятой штурмовой бригады «Стрела», — ответил Алдлен.

— Дело плохо, — печально я начинаю. — Пока мы здесь сдерживаем основные силы, эти два подразделения нас окружают и завершают разгром столичных частей.

— Что будем делать!?

— Отступаем, — нахожу я единственный выход и со скрипом в сердце сам начинаю отдавать приказы. — Мы передислоцируемся к Конану! А вы, — я взял сержант-майора за руку, — отправляйтесь к аркским пехотинцам на другом фланге и организованно отходите к нам!

— Есть!

Приказ стал исполняться и медленно, один за другим подразделения, удерживавшие тесные проёмы, постепенно стали отходить, пропуская врагов. Лучники также стали уходить к дальним левым рубежам, оттесняясь к скалам и ускользя от прямого удара неримских отрядов. Враг хлынул как яд в рану, став быстро захватывать двор за двором, улицу за улицей, пока большая часть гавани не оказалась в его власти.

Я же прорубаю себе путь клинком, пламенея духом. Мой меч ложится на немногочисленных противников, посмевших преградить путь. Подле меня ступают братья по оружию, так же сметая каждого, кто окажется впереди. Сверкающей в пламене сталью спаты я наношу удар за ударом, заставляя жёлтый цвет одежды явить рдяные мазки. Щитами братья по оружию прикрывают меня, стрелы вихрем взвиваются над головами, но не наносят вреда — все вязнут в дереве. И вскоре, через полчаса боя мы оказались возле Конана и его людей, вступивших в отчаянный бой с врагом.

Я подбегаю со своими к королю варваров, что размахивает секирой и сносит врагов. Подле него уже лежит не менее сотни тел, которые были истерзаны им и его воинами. На узком перешейке от домов до края гавани расхаживают вояки с крупными круглыми щитами, суровыми лицами и орудующие смертоубийственными топорами.

— Конан! Там...

— Нет времени! — кричит Конан, завидев нас. — Это поскуды опять идут в наступление! Вставай рядом с нами!

Я подчинился ему и быстро раздал приказы. Вскоре мы выстроились неровными рядами в восточной гавани — воины в тёмно-лиловых табардах, что ложатся на кольчуги, с широкими ростовыми щитами, копьями и мечами вместе с варварами, которые прикрываются огромными щитами и воюют топориками; а так же с нами отделение лучников. Я занял место рядом с Конаном — высоким воином, бывшим бандитом, но сейчас доблестным ратником, в шкурах и стальной броне, сжимающий обоюдоострую секиру.

Я стою рядом с ним и с чувством тревоги наблюдаю за тем, как новые корабли вот-вот пристанут к гавани. Да, одно из суден, дырявое как решето встало из-за работы артеллерии и не плывёт, но ещё несколько наступают. Осмотревшись, вижу, что весь порт освещён огнями факелов и ламп, отгоняющих ночной мрак.

— Всем стоять, собаки! — рассвирепел Конан, когда увидел, что часть солдат дрогнула. — Покажем этим безродным тварям, чья это земля! Смешайте их внутренности с портовой пылью!

— Да! — ответили хором бойцы.

— Они пришли, чтобы отобрать у нас наше! Так заставим их пожалеть, что они не потонули или не сдохли в море!

— Да!

— Парень, — схватил меня за плечо Конан. — Запомни, это миг нашей славы! Это кровавый миг!

Корабли под знаменем геральдического орла пристали к порту и выплеснули в него поток солдат в кольчугах и неримском чёрно-жёлтом табарде. Я вижу, как Конан первый вступил в бой, с диким рёвом врезающийся в толпу неримлян, окружив себя дымкой крови и шматами отрубленных конечностей. Ополченцы Конана присоединились первыми, покинув строй — бывшие бандиты и разбойники, наспех натренированные храмовниками приняли неравный бой... но их слабая подготовка с лихвой компенсируется яростью и убийственным натиском.

В бой вступил и я — мой меч рассёк губу неримцу, а потом и пронзил, но не смертельно. По телу полилось нездоровое ощущение, что зелье перестаёт действовать, и левая рука постепенно слабеет, но сейчас сконцентрирован только на бое.

Отбив выпад, парирую атаку щитом и перехожу в наступление. Широким ударом я рассекаю кожу неримца на шее, но не глубоко... однако ледяное зачарование сковало его горло и он, задыхаясь и слабый отступил назад.

— За свободу за человечества! — раздались крики во вражеском строю. — Смерть религии! Смерть тирании!

Нашим ответом стала яростная контратака — мечи и копья, луки и стрелы обратились против неримлян. Ополченцы с неописуемым напором выдавливают с позиции врага, отбрасывая их в воду, пушки превращают борта кораблей в щепки, вместе с тем уничтожая и пехоту вместе с трапами, по которым она наступает.

Мой меч встретился с булавой врага. Я неумело отпихнул его ногой в живот и поскользнулся на мокрой от крови плитке. Враг в мгновение ока оказался возле меня и занёс оружие, чтобы размозжить голову, как вихрем сюда подлетел Конан и мощным ударом вбил секиру в неримца с такой силой, что она едва не отсекла плечо.

— Что разлётся!? — ретиво кричит Конан, разбивая щит несчастного врага сокрушительными ударами секиры, а затем и познакомив лицо неримлянина с лезвием своего оружия. — Ещё столько ратовать!

Он быстро поставил меня на ноги одним движением, вздев словно щенка и вернув в бой. Вновь отразив пару ударов, молниеносным движением ухожу от выпада в сторону и резким вихревым движением загоняю врагу лезвие в живот, которое рассекло табард, но не кольчугу. А затем только быстрой работой руки я подвёл оружие к себе и «уколот» им противника. Стон и крик оборвались, когда ему в горло прилетела стрела.

Огонь пролетел над нами — катапульти с кораблей Нерима начали обстрел города и пушкам надо было сосредоточить залпы на штурмовых судах врага, что бы они смолкли. Видимо другие цели.

Казалось, мы бы удержали порт, но врагов в несколько раз больше. Мне видно, как ополченцы сдают — их начинают крошить и резать, когда обходят с нескольких сторон и разрушают стену щитов, в которой тренировали воинов. Только Конан не спешит отдать приказ об отступлении.

Я встречаю противника градом яростных ударов, заставляя его отступить, но он опёрся

спиной на своих товарищей, которые его снова толкают на бой. Я отошёл назад, оказавшись у стены щитов своих бойцов, которые прикрыли меня ударами копий в живот неримца и отправили его в забвение.

— Командор! Командор! — я слышу воззвание и отступаю за «стену», чтобы встретить того, кто зовёт меня; перед собой увидел молодого парнишку в красно-белой броне Арка, который сообщил мне весьма печальные известия. — Противник нас обходит!

— Конан, — я стал пробиваться к варвару, от которого теперь неримляне не просто отходят, а бегут. — Конан!

— Говори, что пришёл! — прорычал Конан. — У нас мало времени.

— Меньше, чем ты можешь себе представить, — хмуро произнёс я. — Разведка сообщает, что Коарек выдвинул передовые части прямо к городу. Начались как минимум бои за ворота.

— Гражданские ещё не уехали? — Конан поправил растрёпанную бороду.

— Нет, они только отправились в город. Наверное, только вышли за пределы гавани.

— Разворачивай. Мы постараемся увести их в более безопасное место.

— Куда? Некуда больше вести народ. Есть только единственное место — город.

— Ты слабо знаешь местность, хоть и вырос здесь, мой юный друг, — Конан показал на скалистую гряду. — Один ралаим показывал, что здесь, совсем недалеко есть тайная тропа в горы, ведущая в Подгород.

— Я тебя понял, — мой меч описывает широкую дугу в сторону центра порта, где малыми вереницами большого потока движутся люди, держащие зловещие стяги. — Вот эти господа нам не дадут этого сделать. Нужно их отвлечь.

— Есть идея, — Конан сунул руку за пазуху и спустя мгновение в его ладони появился свёрток ткани, откинув которую я увидел свиток бумаги, с вплетёнными в него чарами, а сам варвар зловеще сказал, указывая на укутанный ледяной дымкой свиток. — Устроим им север. Это от чародеев Лиги... сила их родины, их суть и мощь в этой бумажонке. Сорок магов три и три ночи колдовали над ним.

— Я тебя понял, — снова, только на этот раз с улыбкой твержу я и сжимаю вместилище магической энергии, чувствуя, как мои пальцы немеют от еле сдерживаемой морозной магии. — Ты ведь мог продать его за баснословные деньги. Или же использовать его в защите города.

— Аркчан стены защитят и планы Велисария. А сих смердов — некому, кроме нас!

— Я тебя понял, — мои пальцы окончательно сомкнулись

— Только не оплошай! — по-дружески ударил по плечу король, оттесняя меня. — Лучники, прикрыть его!

Вдохнув глубоко и выдохнув, я подбежал к ближайшему коню, которого не запрягли в телегу и резко вскочил на него, поведя в клубы дыма. Над головой просвистели стрелы, упавшие дождём среди улиц и домов, а затем ещё один залп, хоть на немного, но замедляющий продвижение врага.

Пролетев между домами, я вывел лошадь за пределы порта, пролетел через последние строения и вышел к зелёному травянистому пятчку, рассечённому мощёной дорогой, до которой ещё далеко. Мне нужно туда и лучше я сделаю крюк, чем понесусь сквозь захваченный порт. Погнав коня, я едва не слетел от того, что рядом ударила молния — электрический прут поднял зелёно-грязную массу. Неримские маги воззвали к элементарным силам и обрушили на последних защитников энергии небесного огня и

молнии посыпались.

Я увернулся, потом резко дёрнул за поводья и ток вспахал землю передо мной. От страха лошадь заржала и встала на дыбы, затем попятившись.

— Ну же, вперёд! — кричу я, и пытаюсь её заставить бежать.

Всё затрещало вокруг от количества тока, на языке заиграла неприятная колкость, а глаза заболели от света молний. Разрывы и треск донесли отовсюду, а потом вместе с ароматом горелого дерева пыхнула вонь прожаренного мяса. Сдержав тошноту и сжав поводья, чтобы не свалиться с лошади изворотью в желудке, я продолжил вести коня к дороге, откуда эффект заклятья окажется сильнее всего.

Вскоре я пришёл туда, куда нужно, за моей спиной только дорога, трава и деревья с кустарниками, укрытыми покрывалом ночи. А впереди те, кто пришёл утверждать новые истины, хоть мы их и не просили этого делать.

Оказавшись перед ровным выверенным строем неримлян, выходящих из гавани, я остановил лошадь. Порт их и это без всякого сомнения истина — корабли корпуса с каждой минутой выплёскивают всё больше и больше солдат, те, планомерно занимают каждый участок, вычищая его от любого сопротивления. Вижу озверевших от насилия и жестокости солдат, на чьи сверкающие клинки так и желают напиться крови. Вижу опьяневших от несуразных, но столь манящих идей Коарека, которые он насаживает подобно опиумной мании.

Из их строя вышел высокий и статный офицер неримской армии, чей шлем укршен тремя чёрными перьями. Он протянул в мою сторону руку, указав обагрённым эстоком в мою грудь:

— Храбрый эндералец! Ты хорошо сражался, но мы всё равно победили! Ваши войска рассеяны, гавань наша, а скоро и Арк падёт! Твои старания напрасны, так к чему же сражаться!?

— Потому что таков долг! — кричу я в ответ. — Такова наша миссия — оградить мир от зверья, подобного вам!

— Ты считаешь нас зверьями, но за что? За то, что мы несём эпоху просвещения и лучшего существования? — неримский капитан опустил эсток и стал театрально расхаживать, размахивая оружием. — Тебе, наверное, не говорили, что наша цель, смысл нашего похода — как можно быстрее покончить с вашим религиозным мракобесием! Вы упрямо сопротивляетесь прогрессу, вы не хотите покинуть плоть и стать большим. Вы останавливаете прогресс, которого так желают наши астральные учителя.

— Прогресс!? в приступе гнева негодования рычу подобно Конану. — Вы убиваете невинных, разоряете селение и желаете смерти моему народу. Это и есть тот самый прогресс? Так вот как утверждаются новые «прогрессивные» идеалы? На острие меча? Нет, это не свет, но тьма.

— Это часть «очищения»! — оправдательно заявил неримец. — Просвещение должно очищаться от мракобесных. И как ты вообще можешь рассуждать о том, на что способен только наш пророк «высших»?

— Потому что я видел то, что несёт ваше «очищение». Я говорил с вашими ложными учителями. И знаю, что желают они только вашей и нашей смерти.

— Этого не может быть! — фыркнул капитан. — Чтобы они снизошли своим озарением до какого-то религиозного! Не может быть!

— Думай как хочешь, но эти твари не такие, как вы считаете.

— Ты всего лишь лжец, желающий сбить нас с пути истинного! — фанатичен неримец в своих суждениях. — Если вы не откажитесь от религии, то во исполнение скорейшего «очищения» мы уничтожим вас без колебаний, — он поднял меч, указав на меня.

— Что ж, тогда и у нас не остаётся иного выбора.

Без больших слов я вынимаю свиток, и вытягиваю его, несмотря на то, что когти холода впились в мою плоть, сжимая её. А затем, раскрыв второй рукой, высвобождаю заключённую в нём магическую энергию. Я изначально ощутил пальцами страшное онемение и обледенение — их в одну секунду покрыла корка льда. А затем, разрастаясь и разрастаясь, появился ослепительный белый шар. Битва прекратилась — все ждали, чем кончится заклятье, даже вражеские чародеи в исступлении замерли, взирая на магическую сферу. И только один из них догадался в чём дело и закричал, что есть сил, но было поздно:

— Метель! Он вызывает метель!

Взрыв. Вот как это можно себе представить — магическая сфера попросту взорвалась в моих руках, только вместо огня или мороза она разлетелась всплеском сиятельного-белоснежной волны. А затем... небеса мгновенно скрыли серебряные звёзды за одеялом непонять откуда взявшихся облаков, отпросившись сильнейшую темень на гавань, пожравшую дома и деревья, улицы и людей. Тут же подул сильнейший, сногшибательный ветер, настолько холодный, что на щеках у многих появился румянец, пальцы на ногах и руках сжал мороз, и глаза залили слёзы, через которые мир представлялся мутным пятном.

— Снег, — сказали воины нерима, на стремительно немеющую кожу которых стала падать белая стена.

Ветер ударил пуще прежнего, мне показалось, словно меня в спину боднул леоран, а вот неримцы, ставя руки перед собой попытались закрыться от холодного порыва и снега. Мне оставалось только с заворожением смотреть на то, как враг пятится, как неримские маги в тылах отчаянно пытаются спасти положение и выстраивают ментальные щиты. Всё вокруг сожрала метель, сквозь которую ничего не видно дальше вытянутой руки — всё остальное только образы, о которых приходится сомневаться.

— Прорывайтесь! — приказывают офицеры. — Вперёд, за Нерим!

— Куда идти!?! — отвечают солдаты. — Ничего не видно!

— Я тебе глазу протру!

— Я ничего не вижу!

— Что не видишь!?! Глаза свои нарисованные!

Враг остановился... неримское войско — этот гаванский исполин встал и будто бы мало на него беды — появились те, кого считали погибшими. Прорезая путь через снежную стену, зная местность лучше, чем неримляне, вышли покалеченные и израненные, но всё ещё смертельно опасные воины аристократии. Стрелы легли среди рядов неримлян, а мечники и копейщики врубались в их ряды, посеяв смерть. На смущённого врага, растерянного и рассыпавшего, вылетели аркчане. Озлобленные и ожесточённые, отчаянные возможностью попасть в окружение, они явились подобно лавине. И снова заплясала сталь и понеслись крики агонии, и вновь металл закрипел и закипел бой.

Ухмыльнувшись, я отвожу коня и по памяти направляю, его сквозь бурю. Копыта стали вязнуть в быстро набирающемся снеге, лошадь поскакала через первые сугробы. Позади я оставляю страсть битвы и звуки всё чаще перевывает жалобная песнь метели. Мне нет дела до исхода... тем более он предельно ясен — что значит сотни против тысячей?

— Фриджиэн! — вскоре стало доноситься сквозь метель. — Подери тебя ватир!

Фриджидиэн!

— Конан!

— Ах ты маленький гавнюк! У тебя всё-таки получилось!

Я подвёл коня к варварскому королю и быстро слез с него... но вот наступил в замершую лужу, и нога легко подлетела. В затылке, спине и пояснице всё неприятно жжалось, я приготовился телом ощутить боль, но за шиворот меня схватил мужик.

— Стой на ногах! — дёрнул меня солнцебережец. — У Мы отправляемся к воротам! — крикнул Конан сквозь вой. — Гражданские будут уведены в горы тайными тропами, а метель задержит этих засранцев. Их не нагонят!

— Как? — спросил я. — До Арка не менее дня пути.

Ответом Конана стали только два свитка, в которых я чувствую затягивающее пространство ощущение.

— Телепортация, — понял я. — А как мы прорвёмся через врагов? Нас двое, а их сотни.

— Не дрейф! — крикнул Конан и точно впечатал мне его мощным ударом в грудь... я не мог не принять его, а он продолжил. — Все наши отошли к ущельям и тропам. А мы проверим, как там у ворот и полютуем, если что!

— А если их там тысячи? — спрашиваю я, но мои слова находят лишь пустоту — Конан уже применил свиток и исчез.

В ответ мне остаётся сделать тоже самое — я развожу руками, расщепляя пергамент и окутывая себя небесно-голубой дымкой и когда материя совершенно растворилась из ладоней, выплеснув всю магию, меня подхватывает стремительный поток и втягивает в тонкие подпространства. За одну секунду картинка перед глазами смешалась, превратившись в водоворот красок, лишь чтобы через секунду снова стать вменяемым изображением — лес, могучие стены и мощёная дорога. И среди пышных деревьев покрытых чудесной зеленью и по мокрой траве на нас напирают разрозненные группы чёрных фигур замедляя наше продвижение.

— А-а-а! — прорычал Конан и со зловещей улыбкой врезался в разряженный строй перед нами, снова купая секиру в крови.

Я же следую за ним, врываясь в бой — что мне терять? Нас двое, а врагов — тысячи, да и с Конаном будет достойнее помереть. Разогнавшись я впечатываюсь в неримлянина боком и опрокидываю его, а потом прокалываю колено, чтобы он не смог подняться и оставляю его на растерзание ополченцам. Слева на меня вылетело трое фигур, которые с криками — «за свободу!» решили покончить со мной. Отпрыгнув, я левой рукой касаюсь «громыхателя» и жму на крючок. Ослабевшие пальцы перестают чётко повиноваться и выстрел происходит с задержкой, но всё же достаточно вовремя. Пуля рассекла врагу грудь, и он рухнул на землю. Двое других в ступоре остановились, никогда не видев такого оружия, что стало для них смертельным.

Мы могли биться с врагом до бесконечности — всё сильнее он стягивает солдат, которых мы рубим и колем, которые как пьяные из ночной тьмы прут на нас. Я предаюсь бою скорее из отчаяния — мы столько всего сделали, столько сражения и всё ради того, что сейчас всё сдать? Да тьфу!

Но здесь из леса послышались крики отчаянного сопротивления. Аркские стражники, оторванные от ворот, вступили в последний бой с врагом. Я прищурил взор и увидел, что травой предлеска навечно упокоено не менее полутысячи стражников Арка, вступивших в отчаянную схватку, а между ними валяются трупы неримлян, столь гениально свершившие

военный ход.

— К нам! — ревёт Конан и они отвечают — оставшиеся солдаты, обессиленные и окровавленные с изодранными кольчугами стали к нам пробиваться; я видел и ужаснулся — загнанные в угол ответили таким импульсом отчаяния, что в ход пошли кулаки и зубы, аркчане прокусывали шеи неримлян, выдавливали глаза, обломками мечей забивали пехотинцев.

Конан направился к ним, орудия секирой, будто танцуя ей, к нему присоединился и я, отсекая врагов спатой. Но не пришлось и лить кровь... неримляне просто бояться подходить к Конану.

— Вперёд! — командует король, потрясывая по плечу окровавленного аркчанина, который смотрит на варвара, как на ангела. — К Арку!

Уже, являя себя через вуаль мороси, виднеются ворота Арка и двадцатка оставшихся воинов ободрилась, поднажав, выдавливая последние силы. Слева ударил дождь стрел — вражеские стрелки обрушили на нас концентрированный залп и если бы не широкие щиты аркчан — многие тут же пали бы наземь, но прикрывшись ими мы идём. Я, укрывшись под рукой какого-то бойца, продолжаю движение, смотря, чтобы мы не попали в окружение. Всё бы хорошо, только ночной дождь сильно портит обзор и всё представляется тёмными пляшущими фигурками.

Быстрее всех бежит король, сокрушающий секирой врагов. Его рёв и сила внушают ужас в неримлян, отпугивают и страшат. А вид, как его секира разрывает тела, словно они тряпичные куклы — сковывает паникой дух врагов.

— Мы прорвали блокаду! — кричит Конан, разможивши череп неримца о таран, которым они выбили ворота и оглянулся, дабы проконтролировать отступление.

Все спасённые стражники прорвались за ворота Арка, протиснувшись за таран и оказались в безопасности. Пробежал и я, видя, как иная стража в красно-белой экипировке выталкивает его. Во внутреннем дворе с наклоном к воротам, стесняемой стеной, сторожкой и ещё несколькими строениями, всюду валяются отмеченные войной тела — неримлян и стражи Арка, замаранные кровью и грязью. Я пробегаю дальше них и тут мои ноги словно сами подкашиваются, лишившись силы, и рухнул в лужу, где смешалось мало, грязца и пахнувшая железом жидкость. На удивление нет сил, и переворачиваю себя руками, подтянувшись к стене, оставив происходящее.

— Нужна ваша помощь на рынке! — кричит стражник и Конан, посмотрев на то, как я бессильно сижу у стены, подбежал ко мне:

— Иди, — говорю Конану, не в силах подняться, отмахнувшись от него; в моих ногах пульсирует усталость, левая рука снова ослабла настолько, что я с трудом собираю пальцы в кулак; Конан увидел, что зелья и день меня сильно вымотали и оставляет, продолжив бой без меня.

Не знаю почему, но как только оказался за стеной города и расслабился — меня мгновенно одолела усталость и хворь... настолько, что даже не смог совладать с ней и рухнул возле стены. Я только, сидя и чувствуя холод камня продолжаю безмолвно наблюдать за всем тем, что происходит. Судя по звукам, таран всё же удалось оттащить, тут же появляются Арантеаль и то самое «чудо», с которым все носятся, которые в моих глазах не более чем два сияющих пятна. Тут слабо проглядываю фигуру Шарима, на которого я бы прямо сейчас мог бы кинуться, если бы не бессилие.

— Так, а вот ты где, — рядом со мной оказался аптекарий, который достал бутылку с

зельем и протянул её мне. — Я не думал, что у стимулятора для мышц будет такой негативный эффект.

О'Брайенн помог мне приподнять голову и залил в горло ещё одно зелье, которое совсем скоро сняло с меня весь побочный эффект от того, что он же мне и выдал с утра.

Прояснившись разумом, и снова ощутив силу в ногах и руках, смог подняться и подойти к воротам... теперь там не было этого «чуда», оно стоит чуть дальше, а вместе с решёткой ворот проход в город закрыт каким-то мерцающим зелёным барьером. Отовсюду доносятся крики и вопли людей. Кожу слегка ласкает прохлада. Тут же я гляжу на Арантеалья, его доспех и меч вымаран в крови, а само его лицо обозначает нечто схожее с тревогой.

— Арантеаль, — тихо обращаюсь к нему я. — Как это случилось? Мы были в порту, а потом словно из ниоткуда появлялись их долбаные корабли! Нас чуть не перебили в этом долбанном порту! И почему у меня так сильно трещит голова?

— Видимо они наложили магию невидимости, — сдержанно ответил великий магистр. — Нам тут тоже досталось порядочно. Враг повредил ворота здесь, и мы их восстанавливали. А насчёт головной боли... не беспокойся это от заклинания блокировки. Мы запечатываем ворота, что бы враг не просочился в город.

Я смотрю, что за зелёным магическим щитом показалась статная фигура. Вижу чёрный волос, аккуратно убранный назад, подстриженную бородку и глаза с коварным прищуром. Он идёт вольно и властно, будто он король Арка и всех земель окрестных. На латах воина возлежит промокшее подпоясанное одеяние цвета угля, на котором ярко вырисовывается одноглавый геральдический орёл. Он подошёл к решётке, обступая то, что осталось от стражников Арка, злорадно ответив:

— Теалор Арантеаль на поле боя... должен признаться, я удивлён.

— Таранор Коарек, — узнаёт неримца Велисарий.

— Господи, ты только посмотри на этих несчастных дураков..., - показывает палашом на разорванные кусками мяса тела Коарек, — верили тебе до конца. Похоже, ты до сих пор ценишь человеческую жизнь ничуть не больше, чем, когда служил на Кире, — предводитель вольного народа поднял лицо, и взглянул в очи Грандмастера. — Сколько там было человек, Арантеаль? Я забыл.

— Это кто был? — спрашиваю я у Арантеалья, показывая на плоть у врат.

— А, это те, кто остался... за барьером, чтобы выполнить святой долг.

— Мудрые слова из уст того, кто разжигает войны, — в своей манере «свинцово» молвит Арантеаль.

— Ох, так вот кем ты меня считаешь? — обиделся Коарек, став эмоционально жестикулировать. — Если я правильно помню, это ты отказался от переговоров. Можешь не верить, но мне всё это доставляет не больше удовольствия чем тебе. А потому, ещё раз, Арантеаль: сдавайся. Твоя так называемая «армия» смехотворна в сравнении с моей, а проникнуть в город для нас лишь вопрос времени. Поэтому раз в жизни сделай правильный выбор и закончи конфликт прежде, чем прольётся ещё больше крови.

— Зато наша армия сможет тебя остановить, — вперёд шагнул Велисарий, вставая плечом к плечу с Арантеалем. — Отступишь, и сбереги тысячи жизней!

— Ах, некий Велисарий, — ехидно улыбнулся Коарек. — И чего вы добились за эти дни? Я внимательно следил за ходом этой войны! Фермерский берег почти наш! Весь юг вскоре попадёт в наши руки. Твои армии ещё более смехотворны — вы попытались нас остановить всерьёз, но потерпели крах.

— Поверь, ещё не все битвы пройдены.

— Вы можете сражаться, сколько вам вздумает. Против правды мира вам не выстоять!

— Хорошо сказано, Коарек..., - просипел рядом стоящий Юслан. — И чего же ты от нас ждёшь теперь? Преклонение перед твоей мудростью?

— Юслан Ша'Рим... Как печально видеть тебя здесь. Всю жизнь ты боролся с религией и её лапами, а теперь сражаешься за неё.

— Я сражаюсь за то, что называется здравым смыслом. Попробуй как-нибудь.

— ... Как сказал Арантеаль: «последний шанс», — Коарек, подняв меч, обвёл широкой дугой нас и остановил острие на Грандмастере. — Прекрати работать над светочем, и никто не пострадает. Очищение должно произойти, и ты его не остановишь.

— Поверь мне, остановлю. Это всё? — стеной стоит за свои идеалы Арантеаль.

— Да..., Коарек сжал пальцы до побеления, — Альма, выстроить пленных... я хочу, чтобы последний из них был распят до заката. Потом проинформируй войска — эндеральцев убивать на месте.

— Господин, — вперёд шаг сделала светловолосая девушка, на её поясе болтается позолочённый топор, а прекрасное лицо напоминает о норманнских красотах. — В порту у нас проблема. Ни удалось взять пленных.

— Почему? -

— Действия войск так называемого Оборонного Совета нам помешали.

— Хорошо, — нервно высказал Коарек. — Тогда просто казните всех эндеральцев, которых встретите!

— Есть.

Коарек не стал уходит после приказа, чего-то выжидая. Он подобен капризному ребёнку — все вокруг должны плясать возле него, а коли его воля не исполнена, то мало кому может поздоровиться. Вместо криков, соплей и воплей он изъясляет своё глубоко недовольство кровавыми расправами, грабежами и тотальным опустошением.

— Что? — спросил Арантеаль, подмечая внутреннее настроение врага и смотря на предводителя Вольного народа, в котором так и зреет целая речь, которую он не может не сказать:

— Религия — это болезнь, Арантеаль! — напыщенно и гордо, словно проповедник заявил Коарекк и стал нести горячее слово... то ли для нас, то ли для солдат, позади себя. — И в ней причина того зла, что случилось в этом мире за прошедшие тысячелетия. Твой сын так же это видел в отличие от тебя, но допустил фатальную ошибку. Он верил, что смерть Рождённых светом всё изменит... однако они были лишь симптомом болезни, а не её причиной.

— Нет, — ввязался мой командир. — Зло свершается потому, что оно может совершаться — будь то разбойником на тракте или же Рождённым светом, в своей спеси уничтожившим город. Всё — просто. Причина зла, в отсутствии добра.

— Причина — религиозность как таковая... сам тип мышления, — настаивает Коарек.

— Даже если это было бы правдой, казнить народ только за то, что они родились не в той стране, никому не поможет, — на этот раз заговорил и «пророк».

— Я казню не из-за страны, а потому, что мышление извращено. И вопреки тому, что ты можешь думать, это не доставляет мне удовольствия, — распаляется Коарек, активно разводя руками. — Религиозные люди предпочитают иррациональность здравому смыслу, а догмы — свободному мышлению. Они сами себя превращают в марионеток, а значит,

ответственность лежит и на них. А твоё, поведение, Арантеаль, служит последним доказательством. Поверь, я бы хотел иной путь, но ты мне показал, что его нет.

— Ага, конечно, — сейчас я начал говорить, вкладывая обвинение в каждое слово. — То есть ваше свободное мышление это — убей верующего, уничтожь храм и сожги дом молящихся? Нет это больше напоминает на догмы... отступившись от которых, попадаешь под меч закона. Ты — искореняешь людей тысячами, только потому, что они думают не так как другие. И это — свобода? То есть слепое повиновение inferнальным существам, призывающим лить кровь невинных, которые не представляют для вас опасности, ради не понять чего — это свобода?

— Ты не понимаешь нашей борьбы, парень! Ты — идиот, раз не понимаешь замыслов «высших»! — обиженно кинул в мою сторону Коарек.

— И что же хотят эти «высшие»? — спросил Велисарий.

— Высшие не вознесут нас до тех пор, пока язва религиозности не будет вырвана из каждого отдельного ума в этом мире... я пытался пойти мирным путём, но похоже он ни к чему. Так прими же последствия. — Коарек повернулся в сторону «пророка», мне показалось, что его губы дёрнулись в подобии улыбки. — Кстати, приятно видеть, что тебе удалось выжить.

— То есть вы верите в своё вознесение и уничтожаете тех, кто верит в иное? — продолжил Велисарий. — Чем вы отливаетесь от религиозного народа? Так же верите в нечто... вера — столп вашей мысли, «высшие» ваши боги, а все убитые — жертвы им.

— То, что скоро случится, будет на твоей совести, Арантеаль. Даже не пытайся убедить себя в обратном! — кричит Коарек, пропуская мимо ушей доводы моего командира и лишь фыркнув в его сторону. — Ты можешь сражаться сколько тебе влезет, но наш орёл уже развивается под стенами вашей столицы!

— Я не оставлю над ним работу, — твёрдо заявил Арантеаль. — Он — единственное, что может остановить очищение, — великий магистр немного повременил с продолжением речи и на этот раз обратился к нам. — Спасибо вам за то, что сделали в порту. Вы сегодня спасли много жизней.

— Но это недостаточно! — раздался крик моего командира.

— Велисарий, — Арантеаль грузно твердит имя.

— Мы проигрываем врагу в численности! — гневно заявил магистр храмовников. — Враг занял порт, разоряет окрестности. Единственное, что я сейчас могу, так это отправить наёмников на Фермерский берег.

— Что ты хочешь?

— Мои требования всё те же — начни мобилизацию, дай мне под командование отряды стражников и всю артиллерию Арка. Давай сведём твои и мои силы и вдвоём освободим Эндерал от врагов, — вдохновенно заявил Велисарий.

— Нет, — спокойно ответил великий магистр. — Светоч — вот, что сейчас самое главное. И большинство своих ресурсов я направлю на то, чтобы мы все не сгорели в очищении. Справляйся своими силами.

— Господин Арантеаль, — теперь к разговору подключился и О'Брайенн. — Нам нужно искать лекарства от Красного безумия. Того, что достал Фроиджидиэн, недостаточно и мне нужны ещё люди для задач.

— Фриджидиэн? — спросил Велисарий. — Ты мне нужен. Враг атакует по всем фронтам. Необходим командир воинов и стрелков. Возглавь отряды и проведи зачистку

местности к северу от Арка от патрулей неримлян.

— Фриджидиэн, — на этот раз звучит обращение со стороны Арантеалья. — Добрые люди Эндерала сходят с ума от Красного безумия. Если не найти лекарство, то количество родителей и детей, женщин и мужчин, которые стали жертвами этого жуткого заболевания, только увеличится. Ты же не дашь чуме распространиться.

И вот я перед выбором. С одной стороны, меня сковал строгим взором Велисарий и ждёт, что я приму участие в его миссиях по уничтожению неримских контингентов, а с другой стороны буравящим взглядом Арантеаль давит на меня и ждёт ответа. Я — служу родине, готов отдать за неё жизнь и снова обратить свою ярость против неримлян. Мы столько времени предупреждали Арантеалья об угрозе со стороны Нерима, столько убеждали его в нашей правоте, но что сейчас? Мне страшно хочется согласиться с Арантеалем... но только потому, что это задание связано с другим лекарством.

«Если сейчас не поднять меч супротив врага, то никакого лекарства впредь не соберёшь... не для кого будет!» — огнём загорелась мысль и её я нахожу столь весомой, что не могу не согласиться с ней.

— Господин Арантеаль, — с дрожью в голосе начинаю. — Простите, но я не смогу принять участие в вашем задании, — в подтверждение поднял левую руку. — У меня плохо с пальцами. Да и верен я прежде всего стране, а её сейчас нужно защищать от того, что губит сильнее и быстрее, чем любая чума.

— Хорошо, понимаю тебя, — поклонился Арантеаль, — не смею тебя более отягощать.

— Благослови ваш путь, — я чуть поклонился, когда он это сказал и через секунду смотрел только ему в пятки.

— Спасибо, ты спасёшь этим много жизней, — удовлетворённо проговорил Велисарий. — Сегодня мы хорошо сражались, — его рука похлопала по моему плечу, мараясь в крови и саже. — Неримского орла нужно будет гнать как можно дальше.

— Я это делаю прежде всего... ты и сам понимаешь, — я показал на орла Нерима, что красуется чёрной птицей на валяющемся щите убитого воина под нашими ногами. — Символ её родины я разотру в пыль ради того, чтобы она жила.

— А-а, — выдохнул Велисарий и произнёс смысл фамилию, отозвавшуюся уколом неприятной эмоциональной боли. — Пегаст.

Глава 16. Эндеральская война: операция «Союзная решимость»

Глава 16. Эндеральская война: операция «Союзная решимость»

«Единый силён в брани. Возьмите своё оружие дабы защитить ближних, страну свою и Творец не оставит вас»

— Из книги «Предание».

Даль 'Галарский договор

Спустя два дня. Замок Даль 'Галар.

В холодных сумрачных залах, под сводами величественной цитадели собрались те, кто считает себя последними защитниками Эндерала. Синий, даже не лунный, а по истине ледяной свет изливается на серый камень, внушая одним сиянием холод. Моё кольчужное облачение, обшитое мехами, не спасает от всепроникающего хлада, даже несмотря на помощь множественных каминов.

Во истину — это прекрасный и грандиозный замок, настоящая твердыня, достойная могущественных императоров Арктвенда, и ставшая домом для Ковенов Диких магов севера. Чувствительные к тонким материям, ощутили, что древнее зло, окутывавшее барьером это место спало, и сюда можно выдвигаться. И они пришли — маги, огромное количество изгнанных и вновь признанных умельцев чар, наводнили Даль 'Галар, огнём и молнией вычищая остатки нечисти и заклятиями школы ментализма отстраивая его. А за ними потянулись и толпы горцев, желавшие защититься не теснинами гор и стенами снежных барханов, а мощными толстыми стенами и под дланью колдунов.

И я видел новый Даль 'Галар, возрождённый в славе и блеске, ставший истинной твердыней севера, готовой принять самих Рождённых светом, будь те живы. Я слышал истории о том, что раньше здесь жил некий сумасшедший маг — Самуэль, ведший затворническую жизнь; слышал и о жутких некромантских экспериментах. И если так и было, то сейчас от этого не осталось и следа — дороги и площади за стенами вычищены от снега до чёрной плиты, создавая огромный простор между бастионами. На зубчатых стенах неусыпный дозор ведут горцы, обвешанные доспехами и оружием с самыми сильными зачарованиями.

Снаружи у врат на белых равнинах стали появляться палатки, небольшие одноэтажные постройки, наспех возведённые чародеями. Они — удобное жилище для горцев, и предтеча будущего города. За мощными укреплениями, по всему замку рассеялась верхушка семи Ковенов, поделивших территорию гор Фростклифф, и составивших новых хозяев Даль 'Галар. На ограждённых платформах громоздятся баллисты, подаренные аристократами Арка, чьи смертоносные снаряды несут силу магического заряда.

Ступив в тень массивных башен и бастионов, минуя врата с железной обшивкой и ступив в пространные прохладные залы, я был поражён внутренним убранством. От бывшего мрачного некромантского духа не осталось и следа, кроме светильников синего света. На стенах глаз радуют живописные картины, охотничьи трофеи, стеллажи со множеством свитков и книг, остеклённые стенды с рецептами и магическими формулами. Меня вместе с Велисарием провели через широкие залы, мрачные коридоры, торжественные приёмные мастеров Лиг, и вывели туда, где вновь решаются наиважнейшие вопросы.

В зале, почти на самом верху замка, где разносится гулким многоголосьем звонкое эхо, вновь стоят те, кому небезразлична судьба родной земли. Среди них и я, созерцающий красоту и великолепие залы. Между множественным колоннами, на которых держатся балконы и террасы второго яруса, собрались стражники цитадели, вместе с солдатами Единой Армии. Наконечники их копий слабо блещут в свете холодного огня, а щиты стражей Даль'Галар вычищены до такой степени что, смотря в них, можно стричься. Огромный прямоугольный стол мостится на плитках мрамора, постеленного на чугунную решётку, отделявшую нижний этаж. Позади меня у подножья широкой лестницы, окружённой грозными гипсовыми львами, громоздятся обшитые латунью ворота, за которой раскинулись палаты Великого Ковена — собрания представителей всех Лиг.

У просторного зеркального стола тисового дерева, собралось не менее полусотни разного народа, смотрящих взглядом, ожидающим на того, кто стал предводителем, организатором и исполнителем всех деяний последних недель. В белом атлетическом доспехе, у правого края карты Эндерала, с лиловым плащом на плечах стоит Велисарий, на бедре его повязка из алого бархата, а от плеча до таза проходит золотая лента Консула Совета, как его нарекли стороны, вверив управление Единой Армией.

Он пока не глаголил речей, готовясь к собиранию и перебирая бумаги. Я же смотрю по сторонам, и нахожу будущий совет интересным. Здесь, во всеобщем общении утонули аристократы с дюннийцами и горцами, представители Борека рассуждают о судьбах мира с варварами из Солнечного берега и речниками. Моё ухо ловит самые разные диалоги сегодняшнего дня:

— Мессир, — обратился светлоодежий дюнниец к аркчанину в алом камзоле, — скажите, сколько вы выручили от монетных дел с Кирой? Нам были бы интересны дела золота.

— Машшира, всяко меньше чем вы. Только пятьдесят тысяч медяков у моего дома. У остальных благородных больше будет. У вас же...

— О, не желаю вас оскорбить, но значительно больше, — деловито потёр руки житель востока. — Недавно я планировал даже купить домик в Аль-Рашиме.

— Мы больше получаем от торговли с вами, — кивнул аристократ.

— Надеюсь, что и дальше наша торговля будет плодотворна, — улыбнулся дюнниец. — И дела будут расти в гору.

— Для этого нам нужно сокрушить полчища неримлян. Эти собаки уже разграбили три моих торговых экспедиции.

— О, это великая потеря для нас, — послышались слова печали. — Ведь вы нам везли партию отменных яблок и картофеля, который так нужен Кире.

Пройдя несколько шагов между нарядными фигурами, я нашёл новую тему разговора — златокожий аэтерна, чародей Лиги, мирно общается с лордом Борека:

— Господин, я восхищён вашей отвагой. Вы один своим мечом зарубили костолома в том ущелье. И спасли наших товарищей.

— Теперь мы в одной лодке, маг севера и должны помогать друг другу. Кстати, мой барон, шлёт вам помощь и для ваших горцев в размере трёхсот мешков с мукой.

— Спасибо, — поклонился маг, — и мы вам тогда поможем — тридцать свитков огненного дождя в вашем распоряжении.

Смотря в другую сторону, я нахожу ещё более интересный диалог между кочевником и речником:

— Лошадей хорошо сейчас выводить в поля. Если бы не эта война, можно было бы новых жеребцов в Арк продать. Эх, а теперь... у нас и корму им не хватает.

— Понимаю. У нас тоже беда с поставками. Кучу заготовленных дров попросту некуда деть, брёвна гниют под дождями. Неримцы атакуют наши повозки. Благо, часть из них мы сплавили плавильням Гаспара.

Мне радостно от того, что теперь не разглагольствования о винах мира сего, а хозяйственные проблемы скрепляют народы Эндерала. Страдая от неримского вторжения, что варвары, что нищие Подгорода, что аристократы — все испытали убытки, и все пролили кровь. А вместе пролитая кровь ещё больший фактор скрепления, нежели алкоголь или монета.

— Парень, как твоя дама? — с вопросом на плечо легла тяжёлая ладонь.

— Лучше, чем могло быть, Конан, — обернувшись, я увидел высокого рослого черноволосого мужика, который укутан в шкуры поверх меховых одежд. — Сейчас... трудно с ней.

— Понимаю. Только, ты главное не падай духом, сейчас нам нужен каждый ретивый мужик. — Почесав бороду, он переменял тему на политическую. — Как там Арантеаль? Говорят, что он со своей шайкой совсем с ума сошёл и помешался на каком-то светоче. Тронулся рассудком.

— Его интересуется только... Арантеаль, — тихо ответил я, внутренне дивясь тому, что речь варварского короля стала выправляться. — Они заняты остановкой «апокалипсиса». Думают, что, построив светоч, спасут нас от чёрных духов. Но у меня такое ощущение, что их знатно дурят, и они всё больше напоминают секту.

Я бы и дальше продолжил разговор, но вот гул труб и звук распахивающихся воротин оборвали меня. Латунные ворота открылись, предоставив дорогу новым хозяевам сего места.

И вышел он — мужчина, с вычесанным длинным волосом цвета вороньего крыла, лежащего на плечи, окутанные чёрной мантией. Его одежда не просто кусок ткани, а воплощение изящества — тёмный шёлк образует изумительный покров, на котором до пояса, и смыкаясь у него в виде буквы «V», обтягивая плечи, две толстые клёпаные ленты, сверкающие золотистым растительным орнаментом. На тускло-серебряном поясе закреплён пульсирующий внутренним светом сапфир.

— Корван «Теневои»! — объявили глашатаи. — Великий арканист Лиги Ковенов, владыка Даль'Галар, и держатель земель окрестных.

«А про Святой орден, впрочем, никто и не вспомнит», — подумал, понимая, что власть Ордена давным-давно ограничена только Храмом Солнца, ибо за его порогом город давно в руках банкиров и аристократов. За могучими стенами града Арка власть взяли же разрозненные группировки и фракции, не так давно ставшие в один строй ради мира на родной земле.

Корван, вместе со свитой в нарядах красных и синих, белых и зелёных, жёлтых и фиолетовых, голубых, спустилась по лестнице, к самому столу, заняв край у которого стою и я. Вместе с ними прошёл человек, которого я уже ранее видел — со шкурой вернфольфа на спине, с клетчатой юбкой поверх штанов, идёт вождь горцев, гордо взирая на собравшуюся толпу.

— Корван, — с лёгким поклоном обратился король варваров. — Мы признательны твоему гостеприимству, и выражаем восхищение твоему замку.

— Конан, все собравшиеся, — громко обратился Великий арканист. — Я рад, что

сегодня вы собрались в новом доме свободных магов, искренне ликую, что теперь это столица Лиги и самый большой город от Тёмной долины и до побережья льдов на севере. Но меня совсем не радует повод, приведший нас сюда, — чародей обратил лицо к Велисарии и тот уверенно кивнул. — Господин Консул, я слышал, что у Арка произошли тяжёлые бои и что враг пустил в бой все силы.

Мой командир сделал вперёд уверенный шаг, отдал неглубокий поклон, приветствуя Корвана и дал короткий ответ.

— Да, вы правы.

— Велисарий, вы созвали Оборонный Совет. Начинайте доклад.

Все притихли и в зале установилась гробовая тишина. Консул Совета прошагал в сторону большой карты и сжал в руках дерево указки. Повременив, он осмотрел каждого, оценивая готовность, решимость и состояние советников. Он понимает, что то, что он сейчас скажет, может несколько шокировать народ. И выдержав секунд десять, он начинает с самой сути:

— Противник высадил двадцатипяти тысячный корпус у Арка. В ходе тяжёлых боёв нас оттеснили в город. Их войска теперь контролируют на юге всё устье до стен столицы и старой пограничной сердцеземской крепости, от ущелий Драконьего насеста до Гавани контрабандистов, — Велисарий перевёл широким восходящим движением руку к середине карты. — Неримские подразделения активировались и на Фермерском берегу. Составляя единый фронт с северо-сердцеземскими отрядами, они десятью тысячами воинов давят на нас. К тому же, отдельные отряды высаживаются на севере, пытаются прорезать нашу оборону в районе гор Фростклифф.

— А как обстоят дела на других театрах боевых действий? — спросил мужчина в синем сюртуке.

— Враг нивелировал активность на других фронтах. Видимо они попытались захватить плацдармы для широкого наступления, взять нас в клещи с четырёх сторон, но эта затея провалилась, — Велисарий показал на восток. — Силы пустынной экспедиции под началом Альмы были рассеяны совместными действиями конных лучников кочевников и пустынной кавалерии дюннийцев, — командир переместил руку в сторону Солнечного берега. — Здесь дружина Свяослава и рать Конана смогли разбить шевоше и уничтожить все проникшие диверсионные отряды лазутчиков, — Велисарий с тяжестью отметил. — Только двум группам удалось нас потеснить.

— Что ж, теперь высвобожденные ресурсы мы сможем использовать на других фронтах, — продолжил логическую мысль ралаим. — переброска армии займёт недели.

— Я слышал, что на севере были замечены корабли, — подвёл к новой теме Корван.

— У врага — подкрепление. Десять тысяч наёмников высадились на Фермерском берегу и севере Сердцеземья.

— Откуда они вообще взялись!?! — возмутился аристократ.

— Это отдельная Армия поддержки, сключенная из воинов удачи кирийского, килейского и аразеальского происхождения. Они недавно появились на театре военных действий.

— И теперь эти наёмники примут участие в войне? Их кинут в самое пекло? — спросила дама из Арка.

— Нет. Судя по данным разведки, они перебрасывают наймитов на позиции, где раньше стояли национальные неримские войска, а те передислоцируются в район медоварни и

башни мирада.

— А как же наши отряды там? — спросил речник.

— Две когорты, крестьянскую армию Борека в две тысячи душ отбросили к югу Фермерского берега, где, смешавшись с наёмниками и лордами, они стали готовиться к обороне.

— А пушки? — удивлённо спросил мужик из Речного.

— Только сейчас туда пришли три батареи по два орудия и создали артиллерийский рубеж. К тому же, по нашим позициям работают требуше и баллисты неримлян.

Велисарий, перед тем, как зачитать финальную часть доклада, его суть, вновь всмотрелся в глаза собравшегося народа. Ожидание сменилось тревогой, страх пробежал по советникам, и теперь они уже не столь обнадёженно смотрят на ситуацию.

— Потери? Вы можете назвать потери, Консул?

— Силы врага поредели почти на десять тысяч. Мы же утратили семь тысяч воинов, — железно отчеканил устрашающий факт Консул.

Несмотря ни на что — мы проигрываем. Нас — двадцать девять тысяч, силы противника, с учётом подкреплений, практически не изменились. Рекрутские резервы из Подгорода пока ещё рано бросать в бой, и они висят только бездеятельным грузом.

— Судя по данным разведки, — опасно начал Велисарий, — противник начал собирать силы для решающего удара. Группировка с севера, вместе с южным корпусом решительным ударом рассекут нашу оборону в Сердцеземье, и замкнут кольцо вокруг Арка. Мы можем остаться в окружении, господа, — подвёл печальный итог Велисарий.

Я увидел, что в зале теперь всем правит не просто возмущение и лёгкий страх, а самый настоящий ужас. Пришествие двадцати пяти тысяч неримлян, среди которых не только мечники, но и жуткие топорники, и рыцари народа, кардинально переменили ситуацию. Советникам остаётся только надеяться на военное чудо и причитать:

— А в чём успех «Баррикады»?

— Операция «Баррикада» заставила врага отказаться от четырёхстороннего удара. И восстанавливать постепенно города, — указкой Велисарий показал на ряд точек карты. — Фоамвилль, Пенвилль, Добростраж, Дозор Трёх Рек и многие другие теперь стали заселёнными и поставляют в армии местные ресурсы.

— Господин, что вы хотите предложить, чтобы мы вышли из этой из этой... не слишком приятной ситуации? — спросил представитель аристократии.

— Я бы изначально хотел услышать ваши предложения, господа, — мой командир убрал указку, полностью обратив лицо к Совету, и словно требуя — «давайте».

— Нам нужно не дать врагу замкнуть кольцо, — начал лорд из Фермерства. — Противник попытается прорваться через наши земли, и главное сейчас остановить его ударные отряды. Не дать им объединиться с южными контингентами.

— И как вы собираетесь это сделать? — скептически спросил дюнниец.

— Что с Единой армией? — спросил лорд.

— От неё осталось не более половины состава. Теперь вся надежда на ваши армии, — ответил Велисарий, подводя видимо к своей идее.

— Тогда мы выстроим оборону на южной границе Фермерского берега, у самых позиций пушечной артиллерии. Там мы объединимся с оставшимися подразделениями Единой армии.

— Тогда можно будет подогнать подкрепление из пустынь и степей, — предложение

прозвучало от мужика в кафтане. — Всадников прогнать через Последний дозор Арка, и вывести их во фланг неримской армии.

— А может сразу в тыл? — предложил аристократ. — Собрать конную армию и прорвавшись через Золотой лес, сразу вывести её в тыл? На пляже и кавалерия сможет получить простор для манёвров.

— Нет, — отрезал Велисарий. — В Золотом лесу полно всякой нечисти, а ворота в негс на севере, охраняются отрядами копейщиков. Мы не сможем застать врага врасплох, а пока наша конница проскачет несколько десятков километров по пляжу, неримляне уже развернут порядки.

— Милостивые судари, — обратился аристократ к держателям востока. — Сколько у вас в распоряжении конных отрядов?

— Тысяча всадников лёгкой кавалерии и ещё три сотни тяжелобронированных, — ответил визирь-посланник из Дюнного.

— Две тысячи конных лучников готовы к марш-броску, — ответил кочевник в бежевом халате.

— Чтобы переправить три тысячи всадников через Последний дозор Арка, понадобится не меньше недели, — стал рассуждать Велисарий. — Но это ладно, что делать с мелкими отрядами? Небольшие отряды разорения действуют во Фростклифф и Золотом берегу?

— Ими могут заняться мои люди, — твёрдо заявил вождь. — Горцы готовы сбросить неримских щенков в море и утопить их там.

— С неримскими ублюдками на своей территории я разберусь лично! — рычанием поддержал Корван.

— Хорошо, — тяжело выдохнул Велисарий. — Пятнадцать тысяч на Фермерском берегу против восьми тысяч Союзной армии. Нехорошо. А пушек мало будет.

— Я могу послать не менее тысячи пикенеров и ещё трёх сотен секирщиков, — предложил помощь Конан.

— Мои отряды могут встать во главе западного полка, — сказал воин из Речного. — Полторы тысячи дружинников выступят единым фронтом.

— Сотня лучших магов готова выступить с севера и вычистить землю от неримских захватчиков, — на этот раз говорит Корван.

Союзная решимость выступить всем вместе против Неримлян и выручить товарищей, не может не радовать. Губы слегка дёрнулись в улыбке, в душе стала реять надежда на то, что мы ещё можем вырвать уходящую победу.

— Да! — крикнул Конан. — Мы здесь стоим, чтобы лютовать супротив Нерима! Вместе! Плечом к плечу. Так дадим им решимый бой, и двинем все силы!

— В этом есть смысл, — стал рассуждать дюнниец. — Мы можем взять их самих в кольцо. Выставив все силы, мы можем получить преимущество.

— Тогда, давайте подготовим план последней битвы!

— Нет, — развеивает всеобщую радость, понимая тактическую необходимость настаивает Велисарий. — В случае поражения в битве за Арк, необходимо оставить оборонеспособные центры сопротивления, — Велисарий вновь взялся за указку и стал водить по карте. — Я планирую их создать в Дюнном, Речном, Златоброеде и здесь.

— Огласи свой план, Велисарий! — недовольно фыркнул речник. — Раз тебе наш не нравится!

— Во-первых, враг имеет численное преимущество, — Велисарий стал водить у

Арка. — Во-вторых, мы не можем изначально взять противника в кольцо. Армии запада и востока рассекаются заливом и нас разобьют по одному. Ничем потом будет воевать.

— Что мы выставим против двадцати пяти тысяч у стен Арка? — спрашивают из зала.

— Мой план таков, — мой командир отвернулся от карты к залу. — Принять ранее высказанные предложения, только с поправками, что мы будем атаковать противника малыми группами, не давая ему отдыха или возможности пополнить припасы.

Внимательно выслушав, аристократ, посмотрев направо и лево, получив одобрительные кивки, озвучил даже не предложение, а самый настоящий приказ:

— И всё же, Велисарий, Совет настаивает на том, чтобы вы разработали операцию по окружению неримских войск.

Мой командир горестным вздохом обозначил шаткость своего положения и что судьба страны может зависеть от сиюминутной слабости — пламенного стремления разбить поскорее врага. Согласно прежним соглашениям, он не имел права им перечить. И всё же, он находит выход:

— Медленно, не привлекая внимания в Речном должна собраться совместная армия из воинов Свяослава, Конана и тамошнего полковника. Вместе с артиллерией Гаспара они составят костяк западной группировки.

— А мы? — поднял голову кочевник.

— На востоке, у Последнего дозора Арка, должны собраться вместе кавалерийские отряды из Дюнного и Нового Аксамана. Мне нужно не меньше пяти тысяч всадников, которые по приказу способны оказаться у северных ворот Арка за неделю максимум.

— Что ж, начинаем тогда операцию «Союзная решимость», — вместе с названием обозначил Конан. — И вместе сокрушим противника!

— Есть ещё одно, — Велисарий отложил указку. — Сегодня, мы заключим новый договор. Златобродские соглашения слишком слабы, чтобы дать нам все оперативные возможности нашей армии. В договоре отразим и наши совместные действия, оговоренные сейчас, и закрепим принципы сотрудничества на долгие года.

— О чём ты говоришь, Велисарий? — спросил Корван. — Подробнее.

— В состав Оборонного Совета войдёт Корпоративный Совет. Консул Совета получит право отдавать приказы и Союзной Армии, с получением разрешения Совета, — Велисарий показал на небольшую стопку листов на столе, ранее не привлекавшую ничьего внимания. — Вот все предлагаемые правки. Здесь всё, что нам нужно — от беспошлинной торговли между нами, до создания отдельных единых судов, которые бы рассуждали о том, кто прав, кто неправ в отношениях между нами, минуя Святой орден. К тому же, большую часть там займут положения взаимопомощи, которую мы обсудили сейчас.

— Велисарий, не проще ли всё это провести приказом? — спросил Корван. — Слишком много мороки — подписи, печати и согласования.

— Я хочу расширить полномочия Совета, ввести в Договор новых лиц и то, что выходит за рамки Златобродских соглашений, — Велисарий на секунду остановился, давая понять, что дальше будет фраза важная. — В конце концов, когда война закончится, мы останемся один на один со Святым орденом, и он явно не будет рад нашим возможностям.

Велисарий долго подводил к этому — я знаю. Скрепив всех не просто узами сотрудничества, но серебром и кровью, он создал альянс, который не уместится в рамки прошлых оборонительных соглашений. Всё больше на земле эндеральской чувствуется власть тех, кто начинал, либо как развращённая верхушка, либо как изгои и преступники, и

всё слабее рука тех, кто правил раньше, кто должен сиять славой и блеском силы. Влияние слуг Арантеалья расплзается лишь на Арк и его окрестности, а также на башни мирадов, которые удерживает стремительно сокращающийся полк. Время Святого ордена уходит — я чувствую это... но кто займёт его место?

— Даль'Галарский договор, значит, — Корван взял первый лист и поднёс его на свет, став читать преамбулу. — «Мужи эндеральские, для защиты от угроз внешних и внутренних, для освобождения родины и сохранения вольностей достигнутых, намерение имеют создать Союз крепкий, нерушимый».

Я и дальше продолжил смотреть на то, как читая по очереди, советники внимательно разбирают договор. Всё началось именно с того, о чём и была суть доклада Велисария — стороны, входящие в Совет, обязаны отвечать помощью и совместными оборонительными действиями для защиты участника договора. Также указывается, что нападение на одного участника, означает объявление войны и другим. А потом пошли вопросы материальные — торговля между участниками, лишённая процентов и пошлин, защищённость торговых сторон, взаимопомощь финансов, почти нулевые проценты у банка и многое другое.

— Что ж, господа, — обратился ко всем Корван, — сдаётся мне, что сегодня мы сделаем долгоиграющий шаг.

— Именно так, — подтвердил Велисарий. — Много сделано, но ещё большее — впереди.

На крыльях молнии

Полдень следующих суток.

Под хмурыми небесами я иду по широкой дороге, вымощенной камнем, справа и слева от меня пышут зеленью деревья и трава, лёгкий холодный ветер обдувает моё лицо, но меня это не беспокоит. Даже небольшие охранения солдат Фермерского берега и барона тут и там не привлекают моего внимания, ибо полностью ушёл в размышления о том, что происходит с моей родиной. Святой орден тысячелетия поддерживал тут мир, он правил железной рукой, а теперь его мятежный сын решил покончить с этим. Старая система, ветхий мир сгорят в огне обновления? Да и кто будет противиться этому, если большинство тех, кто встал под знамя Велисария — прошлые бандиты, дикие маги и кочевники-мародёры? Он хотел привлечь ещё скараггских воинов, но те были кем-то методично уничтожены, так что его инициатива отпала. В глубине души я понимаю, что Святой орден изжил себя, что он больше не может править страной, которую превратил в воплощение ночных кошмаров, но всё же, какая-то спёртость и страх перед неизвестностью не даёт мне до конца согласиться с его мыслями. И теперь на Фермерском берегу правление постепенно берёт лендлорд, заручившийся такой сильной поддержкой и армиями, что стал величать себя бароном обширных земель. Что ж, как я говорил ранее — если стране от этого станет лучше — то пусть, так и будет.

Арантеаль не шибко посвящал его в свои планы по обороне и поэтому Велисарий разработал свою операцию «Союзная решимость», которая должна измотать противника. Десятки малых групп воинов обязаны вступить в небольшие сражения с неримской армией, обескровливая её и замедляя продвижение, пока Нерим не совершит главную ошибку в своей жизни. Я тоже получил свою роль во всём этом и первой моей задачей было разведать обстановку на Фермерском берегу.

Я вышел на просторное подворье, где гуляют куры, крестьянские мужики в грязных

идут на поля, а так же громоздятся свежестроенные амбары и усадьба. Хороший вид, только его портят палатки солдат, расставленные тут и там, баррикады, собранные из кусков дерева и арбалетчики, патрулирующие тропы, окопы и траншеи. Особо не разглядывая условия, прохожу чуть дальше, где меня уже ждут — трое воинов в невзрачных кожаных доспехах с голубыми табардами поверху, держащих железные мечи наголо. На мне самом только бордовая рубаха, покрытая стальным панцирем, поножи на штанах и сапоги. Я иду без щита — левая рука хоть и восстанавливается, но всё ещё слаба для него. Быстро сблизившись с ними я потребовал:

— Солдат... Фермерского баронства, рапортуй.

— Мессир Фриджиэн, в последние три дня участились случаи налётов на фермы, но держим этих паскуд подальше, но они попались резкие, — воин упёр руки в бока. — Основные силы держаться подальше. Но мелкие. Они откуда-то всё равно норовятся залезть. Пытаются грабить караваны, но мы отбиваемся. Крестьянское ополчение так себе — мужики крепкие, но только тяпкой махать могут. Мы их гоняем, учим ратному делу, ниче, скоро они будут бить этих тварей.

— Есть ещё что-то? От города Велисарии поступила жалоба, что в округе закрепились шайка, которая методично обрывает поставки продовольствия в город.

— Да, мы тут пленного взяли. Он ещё живой.

Я прошёл за воином, увидев, как на ящиках с продуктами заваленный кортизонами и пустыми мешками, лежит связанный человек. Убрав с него весь хлам, наёмники мне показали воина, который обвязан верёвками по рукам и ногам, лицо его покрыто ссадинами, кровоподтёками и ранами, а на теле он носит цвета Нерима. Склонившись над ним я строго требую:

— Ты скажешь, где у вас есть тайное укрытие, откуда вы совершаете набеги?

— Катись в Мальфасу! Катись к своему мёртвому богу, эндералец! — после этих слов он поднатужился и плюнул в меня кровью, растекшейся по панцирю, но я не стал дальше его просить; вместо этого достал небольшой кинжал и пронзил им ладонь неримца, став выковыривать кости.

— У меня сегодня плохое настроение, — с чувством подступившей тошноты и отвращения от своих же действий, под его оглушительно-пронзительные вопли, продолжил я. — Если ты всё мне расскажешь, то тебя ждёт конец мучений. А если нет, то эти добрые господа, — я показал на солдат, — вынут из тебя косточку за косточкой.

— К югу! На побережье у устья реки! Там... сокрыт... пещера! — взвыл враг, по его израненному лицу побежали слёзы, отчего мне стало ещё противнее.

— Вот и хорошо, — я вытер кровь об одежду пленника, обрадовавшись тому, что больше его пытаться не придётся и подошёл к воинам, с требованием обратившись. — Собирайте мужиков и солдат.

— Вы собираетесь атаковать врага, засевшего в пещере? Без разведки?

— Да, — грубо ответил я. — Если не прервать их налётов, то группировка, которая там засела продолжить попытку грабить фермы и разорвёт наши линии снабжения в Арк. Вы хотите, чтобы люди и армия в городе голодали? — после упрёка я перешёл к размышлению. — Но вы правы... скажите мужикам, пусть берут поленья, солому, много соломы, тряпьё и масло. Запасайтесь луками и стрелами. Мы выдвигаемся.

Всё было выполнено в предельно короткие сроки и скоро мой командир не будет беспокоиться о том, почему так много караванов атакуются, а на фермы совершаются

нападения. Я вспомнил, что в это же самое время, группа наёмников продельвает то же самое, начав штурм небольшого заброшенного форта на Солнечном берегу, откуда закрепившийся неримский гарнизон совершает налёты на только выстроенные фермы. Эти сволочи попытались рассеять наши силы, и мы ответили интенсивными контратаками. Я задумался, насколько хватит этой акции, когда двадцать тысяч стоят под Арком? Возможно на место мелких неримских групп придут другие супостаты, но это потом, а сейчас мы должны заняться делом.

Обнаружив в какой-то скальном образовании на юге прикрытую кустами и высокой травой пещерку, мы, не скрываясь стали идти к ней по открытой местности, заполненной травой и прекрасной освещаемой солнцем. Мой глаз заприметил, как что-то колыхнулось посреди осоки и колосинки травушки стали шевелиться. Вздв руку остановил группу и выхватив у солдата арбалет пустил болт в заросли. Ощувив боль в плече, я с торможением выхватил клинок, когда раздался визг воина.

— Воины барона! — командую я. — Прикрыть крестьян, — солдаты рассредоточились и рассеянной группой подошли к неприметной пещере, утопая в зелени.

Я, рассекая траву, обнаружил бойца в неримской униформе, который держится за пробитое болтом колено и рыдает.

— В плен его взять, — я продолжаю командовать. — Крестьяне, обложить проход. Выкурим их.

Противника увели прочь, команда мужиков сработала быстро — у прохода появилась целая куча соломы, политой прогорклым маслом от одного запаха которого на языке чувствуется горький привкус, и закидали всё поленьями с тряпьем. Я, сдерживающий эмоции ярости о враге и человеческого сожаления об его участии, отдаю приказ:

— Поджигай!

Крестьянские мужики, наспех обученные колоть копьями и десяток наёмников с луками образовали замкнутый полукруг. Вот уже факел подпаливает солому и всепожирающее пламя быстро охватило всю кучу, а от неё нас обдало жаром, а внутрь просочился дым, едкий поток, который вскоре охватит все внутреннее пространство.

Крики раздались откуда-то из глубины пещеры, а затем сквозь пелену огня и дыма на нас вырывался опалённый неримец, которого быстро искололи копьями, оставив лежать на земле кучей горячей плоти.

— Ещё соломы! — кричит какой-то крестьянин, а мне становится противно от побоища — вообще все войны — это дело мерзкое, если ты не сражаешься за свою родину против агрессора, и неримляне, пойдя за Коарекком на бойню, наверное, заслужили такого, но тем не менее это не убавляет ужаса войны.

Снова из пещеры вырываются воины, и на этот раз солдаты положили их групповым выстрелом — неримляне, словно загнанные в угол крысы, чтобы не помереть от удушья должны выбегать из пещеры, где их ждёт смерть. Затем ещё прозвучало три напева тетивы — луки и арбалет исполняют последнюю свистящую симфонию для засевших здесь врагов.

Я вижу, как мерцают летящие наконечники копий, слышу, как «поют» тетивы и оперения стрел. Оружие втыкается в каждого неримца, оставляя его валяться на земле, в горячей соломе и дровах, которые кидают прямо на них. Сталь проникает сквозь кольчуги и вскоре у входа в пещеру образовалась куча обгорелых тел, от которых потянула такая вонь, что стало непосильно здесь стоять, и я отвернулся зашагав прочь.

— Приказы?! — крикнул мне воин.

— Когда перестреляете и переколете всех выбегающих, проверьте и зачистите пещеру, а потом возвращайтесь на посты. Постарайтесь взять как можно больше пленников.

Я же достал один из свитков телепортации. Теперь меня ждёт битва на совсем другом участке континента. Меня в воздух подняли завитки энергии, и я пропал в магическом потоке.

Спустя два часа.

Мороз. На землю падают хлопья белого снега, который мягким покровом настигает высокие скалы, дорогу, лес без листьев и наше укрытие. За камнями укреплений — башни на отвесном склоне и платформа, откуда мы смотрим на тракт, по которому скоро пойдут вражеские воины. На севере оказалась группировка в три сотни воинов, которые несут с собой припасы для тех, кто высадился на юге и если мы остановим эту группу, то подорвём деятельность неримлян на севере.

В это же самое время Исаил возглавил отряд дюнныйцев и кочевников в Пороховой пустыне, чтобы выбить закрепившихся на берегу Неримлян. Там, в ответ на наши действия, противник решил поставить укрепления, но с магией моего знакомого и оружием, созданным Гаспаром, которым вооружат отряд пустыни, берег станет огненным и вскоре неримцы сами прыгнут на корабли, лишь бы не быть убитыми в страшной жаркой битве.

В лесу, за стенами башни и в кустах свой удар готовит засада — делатели магии и зелий, бежавшие от ока Святого ордена, готовые отморозить врагов до смерти, а совсем недавно ставшие признанной властью всего севера! В накидках оливкового цвета, тёплых плащах и рубахах они ждут, но я не могу приметить никого в лесу и это хорошо. Если бы мог разглядеть, то засада оказалась провальной.

— Ты думаешь, что все эти победы, все наши потуги хоть как-то заставят изменить мнение жителей Арка? — возле меня шепчет мужчина, с бледным лицом, окаймлённым длинным чёрным волосом. — Мы же для них «дикие» — те, кто отбросил свет Мальфаса, ради свободы.

— Не знаю, Корван, — ответил я, сжимая в руке «громыхатель», — давай лучше подумаем об операции. Да и ты сам видел, что аркчане уже готовы едва ли не целовать вас.

— Не верю я им...

— И всё же... нас ждёт операция.

— Пока есть время поговорить, — настаивает тот, кто был выбран ковенами диких магов для руководства ими. — Когда Велисарий к нас отправил своих послов, я думал, что пошлю его куда подальше, но его речи о мире будущего, где не будет притеснений... это заставило нас задуматься.

— Ты сражаешься не за медяки? — спросил я, скрываясь за стеной башни у самого выхода из неё.

— Нет. Меня интересует только мой народ... его благо. Знаешь, я думаю Велисарий многих купил рассказами свободе для всех, но что будет после Нерима? Когда люди Арка и Речного вынуждены будут посмотреть на реальность, где они уже не пупы земли, где рядом с ними, такими важными и напыщенными ходят люди, которые отказались от их идеального мира?

— Корван, вспомни, что вы грабили караваны и поселения, что вы нападали на путников, разоряли фермы. Люди вас не любят больше за это.

— Мы делали это, чтобы выжить. Или ты хочешь, чтобы мы камнями питались? Во всяком случае, моя борьба только за права моих людей — тех, кто хочет жить вольно от всяких постановлений святош из Ордена.

— Понимаю. — Соглашаюсь я и моментально сменяю тему. — Интересно, чем сейчас заняты горцы? Хотел бы я с ними сражаться бок о бок.

— Они топят в крови и море врага. Три огромных воинства насмерть сцепились с наступательными отрядами, — Корван потёр пальцы, а затем стряхнул снег с полевой формы. — Поверь, они заняты делом. Операция «Союзная решимость» смогла даже их мобилизовать и теперь они прикончат их наступление.

— Что ж, тогда будем надеяться, что мы сможем выиграть эту часть войны.

— Тише, враг идёт.

Мы утихли и спустя какое-то время слышались шаги и звуки громких приказаний. Сначала отдалённо, а затем всё ближе и ближе, пока мы не увидели, как в дорогу втягивается большая колонна солдат. Кто-то из воинов сжимает стяг Нерима — чёрного геральдического орла на жёлтом фоне, только окружённого змеей.

— Тринадцатая отдельная штурмовая рота «Гадюка», — узнаю я символику, которую ранее видел в книгах.

— Ждать, — тихо шепчет мне Корван, — пусть втянутся подальше.

Я на один миг задумался о войне. Ведь там идут обычные люди, только с промытым сознанием. Крестьяне и горожане перемешаны с бывшими пехотинцами и тяжёлыми воинами, войдя в штурмовой корпус Коарека. У какой-то части из них наверняка есть жёны, дети, но все они пошли за безумцем, который приказывает сжигать храмы и убивать верующих. «И что же отличает свободного человека от раба?» — подумал. Они считают, что вера делает из человека слугу предрассудков, но сами они не стали ли рабами иллюзий Коарека? Все они оказались жестоко обмануты и позваны на бойню, но если им сказать или доказать, что их идеи ошибочны — покинут ли они Коарека или как покорные и слепые невольники продолжают за ним влачиться?

— В атаку! — звучит призыв и я выхожу вместе с Корваном.

Маги, два десятка чародеев покинули укрытия и обдали противника потоком ледяного ветра, огненного шторма и множеством разрядов молний. Предо мной предстала страшная картина того, как часть неримцев стала пеплом, осевшим на землю, а другую впечатало в скалу штормом изо льда.

Я же прицеливаюсь и стреляю — пуля скосила какого-то врага, и убрав «громыхатель», лезу за новым, чтобы поразить другую цель. На поле боя быстро стало жарко — выжившие неримцы бросились на нас, но попали во вторую ловушку. Прикрытые снегом и сухой листвой пылевые кристаллы с Киры, которые Корван давненько нашёл у одного из ограбленных торговцев, сработали. Неримляне ступили ногами на территорию активации и раздалась череда ослепительных взрывов. Открыв глаза я увидел, что наступающие ряды врагов исчезли, а вместо них кроваво-красный снег и разбросанные куски тел.

Ковенские маги усилили напор — они образовали шторм из огня, льда и электричества, прижав неримлян к скале. Я же, обнажив клинок, ринулся вперёд, чтобы отбросить тех, кто решился попытать удачу. Первым мой клинок рассёк руку неримца, затем я подхватил его и защитился им как щитом от стрел, которые пробили его плечи. Откинув раненного я продолжил путь, обрушив град ударов на воина с щитом, но оружие только проскользило по его защите, не причиняя вреда и мне пришлось выпустить пулю из «громыхателя», чтобы его

успокоить.

Маги же вышли из леса, решив вконец разметав остатки отряда, который в отчаянии бросился на них с девизами и воплями.

— За вольное человечество! — закричали неримцы, но вновь столкнулись о стену магии, отбросившей их назад.

Затем, подняв щит и нацепив его на слабую руку, решил покончить с их офицером — высоким ратником в неполной металлической броне — только кираса и шлем. Пробежав я оказался на самой дороге, заваленной телами, чем привлёк их главаря, который незамедлительно бросился на меня.

Выставив щит укрылся от пары стрел, пока лучника не снесло огнём и отпрыгнул назад, чтобы меня не прибило фламбергом неримца. Волнистое лезвие меча снова занеслось и тогда я бросился вперёд, резко ударив краем щита офицера в живот, а затем ногой в пах, с радостью поняв, что он не одел защиты для ног и талии, ограничившись штанами и юбкой чёрно-жёлтого цвета. Затем я попытался вогнать меч в шею врагу, но не стал этого делать и вместо этого сильным ударом щита по голове оглушил офицера.

Тот, пошатнувшись упал у моих ног без чувств, я же стал осматриваться в поисках врагов, но никого не нашёл. Только маги выходят из леса на дорогу, рассматривая то, что осталось от отряда и ковыряясь в вещах неримцев, ища себе побрякушки.

— А ты не плохо дерёшься, — сказал подошедший сзади Корван, указав мне на лежащего ещё живого неримлянина. — Чё с этим будем делать? Вывернем как варезку на устрашение Нерима?

— Побойся милосердия, — сплюнул я. — повяжите и доставьте в замок Златобород. Он — ценный источник информации.

— Понятно, печально что нам не отдадут его для устрашения, — «разогорчился» Корван. — А сам, куда сейчас?

Я, доставая новый телепортационный свиток, и подготавливая себе к магическому вихрю, ответил:

— У меня осталось ещё пара дел, — напоследок я бросил Корвану. — И передайте, чтобы горцы усилили давление на этих засранцев. Нам нужен чистый север!

Спустя два часа. Крепость «Старый дозор трёх рек».

Не ожидал я, что помимо наступлений, мелких вылазок и коротких стычек с неримлянами нас будет ждать что-то крупное и захватывающее. В этот самый момент Корван отправил полсотни магов на засады, Исаил направил гнев свой против северных разведотрядов, а Велисарий с помощью Ралаты незаметно дотянулся до лагеря Нерима в порту и взорвал три корабля с катапультами, попутно уничтожив развёрнутые передовые штабы с офицерами. Это не сильно повредило двадцатитысячной армии врага, но всё же доставило неприятность Коареку.

И враг решил ответить на все наши выпады. Его решение принято в гневе, но продуманно — отряд в две роты высадился на западном побережье и должен занять давно заброшенную крепость — «Старый дозор трёх рек», чтобы там обустроить плацдарм для наступления с запада. Крепость расположилась на небольшом островке в устье реки, защищённая с востока, севера и запада скалистым возвышением и стеной, да соединена с большой землёй одним мостом. На юго-востоке камнем выложена тропа в тени деревьев и

образована небольшая более-менее ровная территория по которой можно наступать на укрепления. Сама «твердыня» — большая высокая башня, сложенная из серого камня от которой исходят стены, на которых устроены донжоны поменьше, и круговым валом образуют внутренний двор.

Только оказавшись в Златобороде, чтобы доложить об успешном выполнении задач, меня сразу же отправили на рубеж обороны, чтобы удержать его до прихода основных войск из замка. Разведчики доложили о кораблях, а шпионы рассказали о возможном направлении удара, и я побежал туда, прихватив пару «подарков» от Гаспара.

Стоя на стене слышу, как завывает ветер и колышется наше звёздное знамя, и как во внутреннем дворе, заросшем травой, два десятка наёмников готовятся принять бой, натачивая клинки и молясь. По моим щекам стекают капли влаги — пошёл мелкий дождик, ниспадающий с серых угрюмых небес. В поле обзора попадаются два корабля — большие пузатые галеоны в полтора раза длиннее крепости, которые встали у берега и с них на сушу большой земли хлынули вражеские войны.

— Строиться! Строиться! — команду я вниз и медленно схожу со стены, и моё место занимают три десятка лучников из Единой армии.

Ох, как бы я сейчас хотел пальнуть из пушки наверху высокой башни, но у нас только один снаряд на самый крайний случай. Солдаты вброд добрались до острова, и я уже сжимаю меч в предвкушении битвы как вижу, что они не идут на штурм крепости, а мирно пробираются к посту, который выводит на дорогу к Златоброду. С ужасом я понимаю, что они и не собирались нас брать, разведка ошиблась. Их цель — продвижение на юг, чтобы с севера ворваться на Солнечный берег и ударить по нему с самой слабой части.

Здесь у нас преимущество — в узком проходе теряется ощущение численности, но в поле чаша весов резко качнётся в обратную сторону. И всё-таки, если их не остановить, то последствия могут быть страшные — сотни убитых и разорённые хозяйства.

Я оглядел наёмников и получил от них одобрительные кивки, что позволяет мне уверенно сформулировать команду:

— Лучники, прикройте нас! Отделение первое, остаться здесь для защиты крепости, а остальные за мной. Встанем у них на пути! — крикнул я и поднял меч, по которому моментально стекли капли воды.

Мы вырвались из ворот замка и устремились вниз по наклонной местности подобно блестящим кометам. В окружении тяжёлых воинов, закованных в стальные латы я врезался в головную часть колонны неримлян. В моей руке меч описал восьмёрку изрезав противника перед лицом. Они не успели вовремя отреагировать на нападение, наёмники клинками и топорами, щитами и булавами опрокинули первую часть колонны под крики и вопли.

Я резко обернулся и заблокировал удар, затем присел и подсел под щит неримца, резко погрузив клинок в подмышку и выдернув его, оставив вопящего парня. Лучники окатили рассеявшегося врага, упокоив его под кронами деревьев. Зацепив флакон я дёргаю его с пояса, ломаю горлышко, и швыряю в толпу воющих подонков. Среди неровного строя разбитой колонны воссияла яркая вспышка, от которой закрылся ладонью. Солдаты Нерима завывли, их глаза накрыла пелена, из-за которой они не увидели второго ливня стрел и легли наземь, утыканные сталью.

Это только начало — вместо павших становятся новые отряды, защитив себя поднятыми щитами, пробирающиеся в брод.

— Мир без религии! Человечество будет свободным! — кричат солдаты неримской

армии, перед наступлением. — Прославим безбожие и безверие!

— Братья! — кричу я. — Отправим их в небытие о котором они так и мечтают!

Мы встали небольшой линией возле моста, что на юго-западе острова. Блестящие от влаги щиты и доспехи наёмников отразили серое небо, как и мой панцирь. За мной стоит восемнадцать крепких ребят, готовых встретить смерть, ставших непреодолимой баррикадой.

Неприятель снова бежит в нашу сторону теряя людей под хлещущий слева дождь стрел. Я беру в руки второй флакон и ломаю его горлышко и швыряю в ряды жёлто-черных табардов. Неримляне замедлили шаг, когда часть наступающих исчезла в волне пламени, сквозь который побежали полтора десятка, охваченных жарким пожаром солдат, вопящих и стенающих, шипящих под дождём.

Прежде чем мы встретились с неримцами до нас донеслась вонь горелой плоти, от которой мне поплохело. Я шагнул назад пропустив топор, тут же мечом перерубив древко оружия. Резким дуговым движением высек на щите врага полосу, затем бью его в колено носком сапога и загоню меч ему в доспех, сильно поранив.

Наёмники так же приняли бой. Мечами и топорами они крушат щиты и доспехи врага, а своими пластинами стали с разной символикой закрываются от вражеских ударов и выпадов. Трава и земля окропились тускло блестящим багрянцем, под ногами всё больше тел в двуцветных одеждах. Насмерть сцепившиеся за небольшую территорию, мы её не отдадим.

Пара моих ребят упали, когда многочисленными ударами булав и мечей их доспехи были повреждены и прорезаны, а по начищенной стали побежали струйки крови. Лучники снова дали залп, осыпавший наступающих и скосив пару приближающихся рядов, но не унявший общего наступления.

— За свободу! — несётся клич над линиями врага.

— Стоим до конца! — в ответ кричу я, подбадривая своих людей, которых осталось одиннадцать. — Не отступать!

Мы собрались возле прохода в мост небольшой группой, продолжая бой. Зелья, укреплявшие моё тело, начинают выветриваться и каждый удар становится всё слабее. Мечом я рублю по плечу неримца, но не могу и кольчуги рассечь, вместо этого резким движением оттягиваю клинок к себе, ранив шею неприятеля.

В моих руках третий предпоследний тёмный флакон и вот он с надломленным горлышком оказывается в толпе противника, мгновенно выплеснув на воинов поток огня, что выжег не меняя десятка супостатов. Затем мечом я тяжело парирую изогнутый клинок и подсечным движением рассёк плоть у колена неримлянина и тут же приложил ногой в его брюхо, а третьим ударом выбил его из сознания приложив рукоятью о голову.

— Давайте! — злюсь я, когда копьё скользнуло по моей руке. — Всех положу! — а после этих слов вражеский меч быстротечным движением оставил царапину на панцире и поранил руку.

Я отошёл назад, встав в один ряд с наёмниками. Перезвон мечей смолк, наступила хрупкая тишина и враг перестал напирать на нас, хотя ещё секунду назад его оружие клало по нашей броне. Оборачиваясь, предо мной развернулась картина, как не менее полусотни воинов с широкими щитами наступают с юга, а ведёт их крупный бородатый мужик с обоюдоострой секирой, орущий:

— Держись, братки! А вот и мои парни!

При виде подкрепления, мы воспряли духом, а вот в очах неримцев я увидел испуг, их

перекошенные от злобы лица отметила тень страха. Наёмники расступились и Конан вместе с ополченцами Солнечного берега, страшным «молотом» врезался в строй, став махать секирой разные стороны, разбрасывая врагов словно тряпки, что окровавленные и разодранные полетели от него. И ополчение Золотого берега вступило в бой став выдавливать неримлян с этой земли.

Я только хочу расслабиться, смотря на то, как секира Конана в кровавом блестящем налёте отражает ужас противника, но слышу воззвание:

— Фриджиэн! Корабль! Он идёт на таран к мосту! Они хотят нас отрезать!

Я ринулся что было сил на возвышение, откуда увидел, что в устье реки заходит небольшой одномачтовый кораблик, доверху набитый обмасленными бочками, в котором стоит воин с факелом. «Дурак, готовый пожертвовать собой ради идиотизма Коарека» — злуюсь я, вынимая «громыхатель» и целясь.

Небольшая мушка перекрыла вражеского солдата. Пуля тяжёлая и я поднимаю оружие выше. Ощущение ветра и движение корабля заставляют меня отвести «громыхатель» в сторону и выдыхая весь воздух, я мягко и нежно давлу на крючок. По местности пронёсся хлопок и огонь выдавил пулю. Свинец за считанные секунды пролетел путь и пробил руку неримцу, его поразив. Я расвирепел и бросился бы вплавь до него, но только пуля угодила в ладонь с факелом и палка, увенчанная огнём выпада из рук, окунувшись в лужу с маслом у бочки.

Крайне эффектное зрелище наблюдаю — сначала огонь пожрал палубу, откуда неримец сиганул в воду, объев бочки и мачту, а затем посудина пропала — её салютом разнесло на щепки, так и не доплыв до моста. По водной глади разлетелись десятки горящих головёшек.

— Вот и всё, — тихо говорю я себе, оборачиваясь и радуясь — Конан со своими людьми сбросили противника в воду, усеяв весь остров телами и потеряв половину воинов в жесточайшей схватке, корабли же стали отходить в море, оставив собратьев на верную гибель и плен.

Группировка «Запад»

Спустя три дня. Сердцеземье.

Когда-то это были таможенные руины — былое напоминание о прошлом величии и богатстве континента. Товара было так много, что Святой орден поставил здесь таможеню, чтобы она брала деньги с торговцев проходящих с запада, иначе рынок Арка бы обесценился и рухнул. Тут хранились самые большие сундуки с золотом и серебром, склады ломались от изъятых в пользу страны излишка, а службу несли могущественные армии. Но время шло и Эндерал накрывали тучи, а потом по приказу Тручессы вся торговля была сильно порезана и таможенный пост оказался никому не нужен — больше не шло никакого товара, предприятия закрывались и в стране вспыхнул кризис, превративший это место в руины. Кризис, бушевавший до начала деятельности Велисария.

«Но всё меняется, не так ли?» — объявилась мысль в душе. — «И даже самые безнадежные ночи не кажутся столь мрачными, когда в этой темноте видится рассветный свет наступающего дня».

Теперь, медленно ступая среди палаток, обступая часовых, и взирая на отстроенные крепостные стены. Стиснутая между огромными скалами стена и утопающая в зелени, она стала ограждением от врага, а за ней появились баррикады, палаты, башенные нагромождения и караульные посты, среди которых рассеяны разожжённые костры,

наполняющие лагерь светом.

И здесь вижу не просто армию, а целое собрание войск. Поставив щиты у палаток, выказав из темноты символы льва и крестов, расселись у костров воины, отличные друг от друга. Одни пьют эль и пиво, другие согреваются мёдом, одни отращивают бороды и завязывают их в косы, другие держат их распущено, одни колют татуировки и пишут инальско-руническим письмом, другие держат тело в чистоте и используют буквицу. Но сколько бы различий между ними не было, их объединила, объединяет и во веки веков скрепит ярость и огонь в сердце, храбрость и любовь к родной земле.

Под ночным летним небом, усеянным бесконечными мириадами звёзд, сидят воины, присланные из дружин Свяослава и воинств Конана. Вместе они готовы отдать жизни, но не отдать западное побережье врагу.

— Сдюжим их, как думаешь, Ролаф? — спрашивает мужик возле костра, у которого я прохожу. — Ворогов тьма, супостатов немерено. В бою-то мы вступим за землю родную, но вот главное, чтобы супостат не сдюжил над нами.

— Не знаю, Димитрий. Я не боюсь их числа, пусть они боятся меня! — солнцеберезел схватился за рукоять топора. — И моего оружия! Конан заставит заткнуть глотки неримцев.

— Ролаф, ты храбрый мужик. Когда закончим со всем этим, давай ко мне в Речное! — речник хлопнул по плечу воина. — У меня там жёнка. Угощу тебя в нашей таверне лососем. А перед этим мы полютуем. И с такими воинами, как ты мы сдюжим.

— Может ты ко мне!? А!? Выпьём нашего чёрного эля?

— Разберёмся, — Димитрий швырнул в костёр сена кусок и огонь взвился к небу, резко всё осветив. — А сейчас нам нужно готовиться к сече.

По всему лагерю подобные разговоры и пересуды, смешанные с конским ржанием, лязга затачиваемых клинков и редких приказов командиров, а всё дополняет военное «амбре» — сочетание ароматов капусты, нужников и раскалённого металла. Воины готовятся к сражению, которое должно состояться с недели на неделю и собирают все возможные силы в единый кулак.

— Как тебе воевать-то против Коарека? — снова звучит солдатский вопрос.

— Да нормально. Токмо сучьи дети расплодились и много их.

— Говорят-то, шо в Нериме есть такие животные. Огромные, лысые и с клыками у длинного носа.

— Клыками? Да не слухай всяких речей шуточных. Такое привидеться может только от передоза светопылью.

— Ой, да ладно тебе. Может такое и есть, токмо нужно будет туда съездить и проверить. И ответить за то, что они тут делают.

— Давай о приятном. Щас бы медку. Чтобы согреться.

— Или элю приятного. И потанцевать, и к моей любимой. Какие она готовит отбивные.

Обойдя кострища и мелкие палатки, я нахожу то, что мне нужно — широкий пёстрый шатёр, простёршийся подле крестных ворот, ведущих внутрь таможи. Полевой штаб полковника встретил меня воинами, несущих длинные алебарды и закрывшими мне путь внутрь.

— Я — Фриджидиэн из Арка, прибыл к полковнику Даль'Алглену.

Алебарды раздвинулись, и я смог пройти внутрь. За покровами ало-белой ткани меня уже ждал высокорослый черноволосый кучерявый мужчина с пронзительным взглядом и аристократическими чертами лица. Он склонён над картой, простёртой на столе, а возле

него пара сундуков, бочка для умываний и кровать.

— Мессир Даль'Алглен, — приветствую я полковника, в алом камзоле поклоном.

— Господин Фриджиэн, — приветствует он меня ответным поклоном и отбросив ненужный официоз, мы заключаем ладони в рукопожатии.

— Вас не впустили? Почему?

— Нет, господин. Воевода Эрсмарк посчитал, что мы можем встретиться и здесь, а целый полковник Стражи Арка может подождать и за пределами старой таможни.

— Что ж, — я решил найти этому объяснение. — Весьма понятно с его стороны, учитывая, что сейчас безопасность превыше всего.

— Безопасность? Да кто сунется в лагерь с тремя тысячами воинов?

— Ладно, давайте вернёмся к делам войны, резко я перехожу на другую тему. — Сколько у Арка осталось воинов?

— У нас слишком мало сил. Из пяти полков аркской армии осталось только два... мой и городской. Башни мирадов захвачены и «Крыло мирада» перестал существовать. Портовый полк также был рассеян, а подразделения сердцеземского были полностью разбиты ещё в начале войны и отчасти пополнили мои соединения.

— Печально. Старая армия Эндерала практически уничтожена, а Арантеалу на всё — плевать.

— Но вместо неё вы выковали другую, — аристократ погладил маленькую бородку. — Я всё ещё помню, как вы приходили ко мне, чтобы усадить за стол переговоров трёх мужиков, а сейчас они громят врага на всём западном побережье. Ваш командир сделал невозможное — помирил непримиримых, восстановил не возрождаемое. Теперь неримляне бояться его, не решаются на столь резкие действия. Если бы не он, то враг давным-давно разорял бы север, восток и окружил Арк.

— Мне лестно слышать это, но всё-таки я прибыл сюда, чтобы вас просить о большем, чем просто окружения и манёвры, — мой голос стал глубже. — Всё близиться к концу. Эта война неумолимо катиться к своему пику. Штурм Арка близок.

— Я прибыл тоже просить, — Даль'Алглен дотянулся до бутылки и налил в фужер белое вино. — Вас о помощи, но думаю, что наши цели расходятся.

— И что же вы хотите? — я чуть приподнял лицо. — Чтобы мы отдали наши войска под ваше распоряжение? Или иного повода я просто не вижу.

— Не совсем, — аристократ стал водить пальцем по карте. — Враг рано или поздно прорвётся к северным частям, а север к югу. Вы уже остановили их попытку во время «Баррикады» пробиться, а ты лично разбил диверсионную команду, которая разоряла юг Фермерского берега.

— Откуда вы знаете?

— У Арка отличная разведка, но вот удовольствие этим пользоваться имею я один, поскольку Арантеаль не видит в этом интереса... он полностью занят неким светочем.

— Так что же вы хотите, мессир полковник? — спрашиваю я сурово.

Он ничего не отвечает Его пальцы «обняли» стекло фужера, а затем он поднял его к губам и испил вина. Я почувствовал тонкий страх, трепет и волнение, поселившиеся в полковнике. Аристократ допил вино, и снова наполнил фужер. Через пару десятков секунд я стал свидетелем, как вся бутылка оказалась в полковнике, давая алкоголю побороть тень страха.

— Я хотел бы вас попросить... чтобы, когда вы добьётесь успеха... когда всё завершится

и над Храмом солнца будет реять двуглавый орёл... когда Нерим уйдёт. Короче, в новой стране, я был при хорошей должности! Чтобы меня не трогали, чтобы, когда свершится суд над хранителями, я был бы свободен ото всех обвинений!

Слова его отпечатались шоком. Я даже и не думал, что может зайти всё далеко. Постоянно сражаясь или проводя время у постели Лишари, сам высыпаясь на армейских подстилках, питаюсь галетами и вином, я пропустил тот момент, когда люди и аэтерна стали смотреть на Велисария с Оборонным советом, как на новую силу, существующие в противовес Святому ордену. Но это видит полковник и понимая, что дни Ордена сочтены он решил выбить место под солнцем в будущем Эндерале.

— Что простите... я не понимаю о чём вы говорите, мессир полковник! — честно признаюсь я.

— А куда тебе... просто дай мне гарантию, что, когда всё кончится и Стража Арка будет распущена, меня не выкинут на улицу, как отработку.

— Боюсь, что не в моей компетенции давать такие гарантии.

— Говори зачем ты пришёл.

— Я прислан Велисарием, чтобы сделать вам предложение. Вы вольётесь в состав западной группировки и примите участие в битве за Арк.

— У меня есть командующая — Альма. Я не могу пойти против её приказа, который строго предписывает мне держать позиции в Речном, — гордо заявил полковник. — Но я могу отступить от приказов Альмы, ведь если вы выиграете Нерим, то Оборонный совет станет единственной значимой силой.

— Я понимаю и знаю, чего вы хотите, — допустив, что Велисарий может что-то делать, явно несвязанное с государственным переворотом и изменой, я отчасти соглашаюсь с Даль'Агленом. — Но как я, обычный эмиссар Совета могу вам что-то гарантировать?

— Держи, — полковник шлепком ладони «положил» бумагу на стол, тот жалобно скрипнул. — Это приказательная грамота, в которой чёрным по белому написано, что «эмиссары Оборонного Совета наделяются полномочиями заключать договоры в пользу и на благо Эндерала». Ты понимаешь, что ваш Совет становится больше похож на орган власти, чем на кружок по интересам.

Бутылку вина выпил полковник, но вот голова закружилась у меня. Ох, как же трудно принять это, принять мысль, что времена прошлые минули, что вскоре страна станет совершенно иной и я, наверное, уже воюю не за родину, а нахожусь на острие политических интриг. Я это понял ещё в тот момент, когда Велисарий призвал под свои стяги ралаимов и бандитов, обещая им свободу и землю, но надеялся до последнего, что всё это будет проходить в лоне старых порядков. Как же я ошибался.

Неужто операция «Союзная решимость», начавшаяся с подписания договора в Даль'Галар станет отправной точкой для ещё большего скрепления отношений внутри союза и осмысления себя ничем иным, как политической силой, в руках которой армии, экономика и народ? Но ради чего всё это делает Велисарий? Своё утешение я обнаруживаю в мысли, что всё это для блага страны, для её спасения и улучшения. Что ж, если это так, если Велисарий видит в новой стране единственный шанс на выживание, то я пойду на шаг, граничащий с изменой:

— Мессир, какова боеспособность вашего полка?

На этот вопрос он взбодрился и захмелённо стал молвить:

— Мои регулярные части всё ещё держат Речное. Две тысячи солдат против вашего в

три, но мои — более подготовленные. В составе полка единственная эндеральская аркская кавалерия, и дофига лучников.

— Вы нам угрожаете?

— Нет-нет... ты погоди. Я говорил о наших способностях. Не более того.

— Здесь, если вы присоединитесь, будет пять тысяч солдат, — теперь я стал водить по карте пальцем. — Западная группировка войск, состоящих из Дружины Свяослава, Воинства Солнечного Берега и вашего полка сможет в течении полутра дней достичь западного побережья.

— Артиллерия?

— Пушки... мы не успели подогнать артиллерию на Фермерский берег, слишком опасно стало и вся она осела в Арке. Другая часть батарей из Речного идёт к вам.

— А как насчёт... гарантий?

И опять этот вопрос. Он что — издевается надо мной?

— Да, я даю вам гарантию, что, когда всё узаконится в политическом плане, вы не окажитесь брошенными на произвол судьбы. Полковник Даль'Алглен, вот вам слово эмиссара Совета, я дал время поразмыслить ему пьянцеватой мыслью, осознать, что теперь он в безопасности, и продолжил. — А теперь, пожалуйста, вы ответьте нам взаимностью. Как вы точно сказали — противник наступает, скоро начнётся решающее сражение, и без вашей поддержки мы не сможем тут справиться.

— И какая цель у «Запада»? Вы здесь соберёте пять тысяч мужиков для чего?

— Цель группировки — прийти на помощь тогда, когда это будет необходимо... тогда, когда призовет Велисарий! В случае стремительного наступления противника, его попытки отрезать Арк от Речного и Солнечного берега, мы нанесём контрудар.

— Не думаю, что у вас что-то получится, даже с моей помощью, — Даль'Алглен поставил на стол новую бутылку и только собирался её откупорить, как я вспомнить урок Калии и схватил её, не дав даже и фужера налить.

— Говори, что ты знаешь, — требую я.

— Вы нанесли отличные контрудары в районах гор Фростклифф, добив сопротивление противника в тех местах и полностью лишив его возможности действовать на других направлениях, — полковник указывал на карту и перевёл палец в сторону Фермерского берега. — Но здесь к марш-броску собираются десять тысяч воинов второго корпуса. Вы не удержите их там и они прорвутся в Сердцеземье, а там на подхвате и первый корпус. Вас попросту окружат, но уже в двое-трое превосходящими силами.

— Как такое возможно? — я стал вглядываться в карту в поисках ответов. — Десять т

— Пять тысяч поддержат тех, кто ушёл с северных сердцеземских побережий, — Даль'Алглен жадно взглянул на бутылку и потянул к ней руку, но тут же опустил. — Ладно... противник планирует наступление, — полковник показал на местность возле местечка «каменное укрытие». — Здесь Нерим возводит передовой лагерь. Там, как сообщает разведка, небольшой отряд, но полным-полно припасов, складов и денег для оплаты жалованья.

— Выставляют всё нужное для армии так дерзко? На передовую? — меня объяли сомнения насчёт достоверности этого.

— Видимо, они не ждут вашего нападения. Скажи мне, Фриджиэн и кто ударит по нему?

— Ничего нет, — я вспомнил, что армия Аристократии Арка у столицы прикрывает его

от ударов с севера, Единая армия изнеможена ещё операцией «Баррикада», группировка «Запад» ждёт момента для удара; ничего нет, чтобы ударить даже по передовому лагерю.

— Вот именно, — пальцем он погладил бумагу, выводя дугу от маяка к Золотого леса до южного устья. — Всё остальное, что было — чистая пыль, неважность, которую Нерим выкинул на растерзание вам. Всё решится здесь, — палец остановился к западу от Арка.

— А как же вражеские отряды под «Тремя реками» и Дюнным? — на этот раз от неожиданной информации моё горло засушило, а душа так и требует испить бутылку вина, что так искушающе вертится в руках.

— Да. Это были не просто отвлекающие манёвры. Солдаты, сколоченные из остатков первого удара и небольших подкреплений, должны были сыграть роль необходимой жертвы.

— И чего же Коарек ждал от них?

— Они хотели рассеять ваши силы, но ты, мальчик со своими друзьями, смог нейтрализовать их до того, как они нанесли бы какой-либо ощутимый вред, — полковник сложил руки на груди. — Теперь сам решай, что делать. Ваши силы скованны, а десять тысяч неримлян вскоре пройдут маршем прямо под стены Арка.

Полк Даль'Алглена поможет нам, это ясно и закреплено. Группировка «Запад» собрана, но что делать с новой угрозой? Операция «Союзная решимость» прикрыла Арк с севера армиями аристократии, а всадники из Дюнного и кочевого народа всё ещё в пути и не смогут принять участие в бою. К тому же мы не учитывали, что враг начнёт прорываться к побережью столицы, теперь это самая уязвимая зона. Удар вражеского молота там может оказаться сильнее всего.

Эндерал... истерзанный войной и кризисом, готовится встретить последние битвы. Интересно, чтобы на всё это сказал Арантеаль Теалор, Натара'Даль Верам, Джеспар или Калия, когда увидели? Вряд ли они знают о тех судьбоносных битвах, что гремят над их родиной, вряд ли слышали имена героев, которые отдали жизни, чтобы Коарек не сплясал на их костях. Вместо этого они предпочитают бороться с «высшими», не понимая, что вещами материальными их — не победить, ибо как можно куском металла и источниками энергии изгнать тех, кого мы сами привлекаем своими чёрными мыслями и поступками. Я видел этих тварей и знаю, что они из себя представляют. О, как же важно знать имена героев, и битвы за страну, чтобы не заниматься пустым делом, не искать врага там, где его нет и не придумывать ложные поводы для героизма. Арантеаль же ищет чего-то что словно оправдает его... объяснит весь смысл его службы и долга.

— Так что будем делать? — спросил полковник и проникновенно взглянул на меня.

— Значит следующий удар будет нанесён по передовому лагерю, — с лёгкой улыбкой, звучит мой ответ.

— Какими силами? Кого ты призовёшь в этот бой? Больше некого, — так уверенно твердит полковник,

— У нас есть те, кто как раз подходит для таких операций, — вспомнил я о самой неприглядной стороне жизни Арка. — Кто, кто рождён, чтобы наносить удары из тени. Кто сам, как тень.

С тишиной гибели

Спустя два дня. Сердцеземье.

Мы наступаем из мрака леса подобно смертоносным теням, и врагу, который устроил себе лагерь на опушке несдобровать. Я иду вместе с жестокими фанатиками на которых

кожаная тёмно-фиолетовая броня и маски, скрывающие меланхоличные лики. Пока наши братья и сестры отражают мелкие атаки на востоке, мы несём кару здесь. В моей руке меч, но едва ли он мне понадобится, когда рядом со мной идут воины мрака и фанатики.

Наступая сквозь холодный мрачный подлесок, мы вышли на опушку, с которой открывается прекрасный вид на неримский лагерь. В тени деревьев, за мокрыми ветвями кустарников и пригибаясь к влажной насыщенно-зелёной траве, мы хищным взором смотрим на четырёхугольное строение, разбитое прямо на изумрудной полянке. Столь дерзко и столь опрометчиво, у них должны иметься веские основания и козырь в рукаве, чтобы так выставлять не более трёхсот воинов. Это не может быть «Экспедиционная гвардия» — элитный отряд лучших воинов из всех подразделений, что прибывал с Коарекон на дальнем острове. Это нечто иное. Возведя укрепления на виду, они подают себя как лакомое блюдо, на зелёном блюде и явно что-то тут не так.

Движение впереди. Мы погрузились ещё глубже в спасительную зелень, уподобившись хищникам перед атакой. Я махнул рукой, и правая оконечность рассеянного отряда пришла в движение, создавая удобный коридор... удобный для засады, ибо кто-то идёт сюда, гремя щитами и лязгая мечами. Под моим началом две сотни полноправных братьев и сестёр из Ралаты, которые есть суть мастера тени и скрытности, и искусные лучники, что мне сегодня и нужно.

Вот показался враг — отряд неримских солдат, чьё вооружение — это простые копья и массивные щиты, а ведёт их офицер запада — высокий латник с плюмажем из перьев на шлеме. Патруль, вышедший прямо к нам, ничего не подозревает. Ещё бы!? Армии тут и подавно не было, Сердцеземский полк был разбит севернее в неизвестном нам сражении и теперь всё тут должно быть чистым, как раз готовым для вторжения и быстрого продвижения войск. Но только не в мою смену!

Неримляне аккуратно стали втягиваться в лес. Офицер предусмотрительно сдёрнул массивный цвайхандер, а солдаты подняли щиты. Но чтобы они не делали, они уже прошли в лес, попали под тени деревьев, минули первых ралаимов и оказались в наших руках.

— Давай, — шепчу я и рядом прильнувший к земле ралаим поднялся, держа в руках лук.

За ним последовали и остальные пять десятков воинов мрачного дела. Из травянистого подлеска встали приглушённые размывающей их очертания магией фигуры, одетые все как один — тёмно-фиолетовый кожаный панцирь поверх кольчужной рубахи, уходящей в плотные штаны и крепкие сапоги. Это лучники, которые с невообразимой скоростью возложили стрелы и спустили их. Метательные снаряды со свистом слетели с тетивы, означив начало стремительного боя.

— К бою! — приказал латник и его солдаты попытались сформировать стену щитов, но часть из них даже не успела и щита поднять — их свалил шквал стали.

Пять других солдат дрогнули при виде призраков из Подгорода, и собрались бежать. С ужасом в глазах они ринулись прочь из тени леса, но их настиг ещё один вал стрел, оставив навечно лежать тела под покровом зелени.

— Твари! — воет от отчаяния офицер. — Всё равно вас всех сожрёт очищение!

Луки в унисон единого движения дрогнули и стрелы осыпали латника, но большая часть из них со звоном отскочила под стопы врага, но немного пронзили ноги и руки в местах сочленения, лишив его возможности биться. Мой ход.

Встав из травы, я поднимаю тяжёлый арбалет и возвожу его. Сильная отдача в плечо стала предтечей противного свиста. С гулким звуком болт пробил лату у горла, и офицер

покачулся. Из-под шлема раздался протяжный хрип, руки попытались найти опору, но не смогли... окружившие ралаимы ещё парой стрел прикончили его, опрокинув наземь.

— С патрулём разобрались, — обозначил я положение, опуская арбалет. — Но скоро они поймут, что что-то не так... когда не увидят его скорого возвращения.

Со всех кустарников и травяного полога ко мне стали стекаться малыми ручейками воины Ралаты в ожидании плана. Действительно, призванные для защиты страны, скреплённые узами договора, они не имеют права не откликнуться на зов и перед собой я вижу щедрость Подгорода. Двести умелых лучников, последователей фанатичного культа, они пришли, чтобы исполнить свой долг и показать Нериму, что нам есть ещё кого поставить на поле боя.

Вдохнув полной грудью свежего едва прохладного лесного воздуха, отвратив глаза от хмурых небес, я готов пойти в бой этой войны. В ещё одно сражение.

— Нужно незаметно атаковать стены, чтобы снять охрану и устроить в лагере кошмар, — тихо, едва ли не шёпотом молвит ралаим, потирая татуировку на лбу. — Тогда мы закончим всё быстро и эффективно. Но у нас это едва ли получится.

— Почему проблема? — спрашиваю я, понимая, что именно незаметность — главное их оружие, ибо они не чета ни хранителям в ближнем личном бою, ни солдатам в строю.

— Присмотрись, — ралаим показал на башни и у ворот, где позиции вместе с обычными солдатами, заняли и мастера моря возможностей в длинных мантиях. — Судя по всему они сделали ставку на магов.

Теперь понятна уловка врага, его ход, который и обеспечивает преимущество. Пролив множество бесценной чародейской крови при потере первого флота, в боях за Фермерский берег и в порту, Нерим выдвинул большую часть оставшегося отряда колдунов сюда. Их присутствие сильно перевешивает чашу весов в их сторону, обеспечивая им преимущество. Нужно что-то с этим делать.

— Вот это... с этим будет тяжело.

— Учитывайте, что они могут взирать, — ралаим вытянул руку, защищённую длинной перчаткой с обрезанными пальцами, став показывать на деревянные стены. — Скорее всего маги ведут отсюда наблюдение, просматривают всё своими магическими глазами.

— Нас в таком случае должны были уже заметить! — кричу я от негодования. — Зараза, как же хреново началось нападение!

— Не думаю, — воин Ралаты склонился над поверженным латником, ища на нём магические амулеты, поправив кожаную маску. — Если бы они и тут проглядывали. Здесь предел их чародейских способностей.

— Хорошо, — я показал на мертвого офицера. — Что с ним? Он под заклятьем обнаружения жизни?

— Нет. Он не прослеживался, амулетов нет, — ралаим быстро поднялся и собрал вокруг себя таких же таинственных воинов, чьи лица скрыты за масками, а глаза пылают холодным огнём.

Как же я хотел бы, чтобы пушки были с нами, чтобы лагерь окружили батареи из катапульта, требуше и мортир, но у меня ничего этого нет. Вместо этого только двести ралаимов, хоть и безупречных во владении луком, но даже они не способны справиться с несколькими десятками элиты среди чародейского слоя Нерима. В ответ на наш град стрел они могли ответить огненным дождём, грозой с испепеляющей нас молнией, или же морозной бурей, которая за секунды острым льдом снимет с нас кожу. Придётся

импровизировать...

— Мы не можем окружить их и атаковать с четырёх сторон? — предложил кто-то из ралаимов. — Застанем их врасплох.

— Нет. Сколько бы нас не было, но маги есть суть сила. Мы даже можем атаковать много раз, но что им стоит выставить ментальные щиты? Что им стоит окопаться магией и сидеть до прихода основных сил? — отверг план предводитель ралаимов. — Нам нужна внезапность, нужно застать их врасплох. Что ж, — он взглянул на меня и от его бездушного взора я вздрогнул. — Тогда... остаётся лишь один вариант.

Я не мог не согласиться с предложенным им планом. Что ещё остаётся применить в этом случае, как не тактическую хитрость, основанную на жажде неримлян поквитаться, получить важное преимущество, перед решающей битвой. Позволив исполнить задуманное, я завожу запястья за спину и даю из обмотать верёвкой, накинуть на себя плащ. Теперь он... решил меня сдать, как пленнику!

Подчинившись, ралаим скрутил меня и повёл вперёд, к лагерю. Выйдя из леса и явившись на просторном поле, у лагеря сразу поднялась мешкотня. Стрелки на стенах стали стекаться к воротам, всё внимание под козырьками башен направлено на нас.

— Скажи, ралаим, во имя чего ты сражаешься? — согнутый, я спрашиваю у моего «конвоира». — Вам ведь всегда было плевать на «детей солнца».

— Так и есть, но дети солнца нам пообещали и дают то, от чего мы не способны дать отказ, — едва ли не шепчет ралаим. — Ты борешься за свою родину. И я тоже. И за то, чтобы служить Отцу и по приказу его. Чтобы то, что создали мы, просуществовало вечно, а Нерим желает это разрушить.

— Что ж, достойная цель. Но те, кого вы режете, тоже сражаются за родину и по приказу её... недопророка.

— Я не нахожу разницы в называние цели у нас и у него, но суть... у нас разная и мне плевать, какими высокими идеями они оправдывают свои действия. Как говорил наш новый Отец — «облекитесь в броню вашей праведности, ибо вы идёте на встречу с врагом во имя Ралаты». А теперь молчи, иначе нас могут раскрыть.

Подойдя к примитивным, сколоченным из досок, воротам мы вышли к охранению их. Четыре солдата, с алебардами на плечах, облачённые в привычные цвета Нерима и возглавляемые магом, с жёлтой накидкой, которая скрыла его лицо под капюшоном.

— Эй! Стой! — крикнул солдат с волосами и усами цвета пшена, изготовив алебарду; его оттенявшее добротой лицо стало озлобленным. — Чего идешь? И кто этот вязанный с тобой?

— Я пленил вражеского командира! — стал бахвалиться ралаим и театрально ударил в рёбра. — Сдам его за награду вашему начальству.

— Подожди, — солдат приблизился ко мне на столько, что я ощутил его зловонное дыхание и смрад от одежды; ненависть к эндеральцам и религии его переполнила настолько, что он не выдерживает — плевок в лица размазался по щеке неприятной жижей, а затем последовал быстрый и больночий удар под дых, у меня же перехватило дыхание, стало трудно дышать, а он излил «серенаду» гнева. — Вот так с этими суками-то надо обращаться. Они моего брата-то положили в гавани Арка. И друга моего — Ронольда, а у него жонушка да дети в Вавероке. И он был единственный их кормилец.

«Не нужно было идти сюда. Сидели бы дома, растили детей и жили бы радостно, а не пёрлись на войну. Но раз пришли на нашу землю, так получите последствие», — хотел бы

ответить, но молчу.

— Хорошо, — на этот раз слово взял доселе молчавший чародей; он встал напротив меня, ощупал по старинке, промяв ноги, руки, бёдра, и проведя скорую руку осмотр он закончил его. — Хорошо, вы можете пройти в лагерь. Только без шуток и всяких выходов.

— Хорошо, — кивнул ралаим.

Перед нами распахнули ворота и ралаим спешно повёл меня вперёд. Идти стало труднее — боль от ударов мешала двигать ногами и не позволяла в полную меру осмотреться. И всё же я поднимаю голову, чтобы заметить ровный ряд палаток, башни и стойки с оружием, у которых курсируют солдаты и множество чародеев. Тут и там среди цветастых навесов работу ведут маги — кого-то поучая, наставляя, работая с тонкими энергиями или же отдыхая. Лагерь, помимо вони нужников и запаха столовой дарит ещё тонкие ароматы трав и зелий. Тут и там разожжены кострища, от которых исходит горький дым сожжённых дров.

— Вот, скоро в бой, — сетует солдат. — Ох, как же достала эта война.

— Ты что-то имеешь против нашего славного пророка Коарека? — с подозрением спросил другой воин. — Что-то мыслишь против его праведного правления, так сказать.

— Да нет. Он наш пророк новой эры, и это я не оспариваю. Но мне охота домой, охота поцеловать Верону, да и маленьких понячить.

— Да. И я хочу вернуться в Эрофин. Там меня родня уже похоронила, наверное.

— Война — это зло, — шепчет ралаим. — В начале люди озверели от крови, потом пришли Рождённые светом, ставшие тиранами и установили шаткий, но порядок. А потом они умерли... и люди снова взялись за старое. Не уж то, чтобы между родом смертным мир был, нужны деспоты?

— Надеюсь, что скоро всё это закончится.

— Это может кончиться только если нас всех озарит слишком большая любовь, либо мы вновь попадём под власть тиранов, либо если мы истребим друг друга, — сказал ралаим, возведя суть вопроса в мировой абсолют и мысля только так.

Три ряда палаток тянутся от начала лагеря к его окантовке, где на небольшом искусственном возвышении стоит командирская — вся чёрная, как уголь, со знаменем своей страны у входа. Там стоят два латника, скрестившие вход массивными глефами, и несущие службу столь долго, что оба часто переминаются с ноги на ногу и опираются на частенько оружие.

— Пора, — шепнул ралаим.

— А-а-а-а! — прокричал я и упал, став театрально орать. — Проклятые неримляне! Будь вы все сожжены и дери вас за ногу! Сдохните! Сдохните! Мы уже мертвецы!

— Заткните эту поскоду кто-нибудь! — закричал неримец.

Это то, что нужно было — те, кто смотрел вовне обратили внимание на нас, все воззрели на сцену моего безумства, что просто чудесно. Они как минимум на секунды десять отвлеклись, чего уже достаточно, чтобы мы исполнили задуманное.

— Вставай! — ралаим пнул меня по спине до хруста костей. — Будь хоть в последние минуты жизни мужиком! — ещё один удар стал предтечей речи. — Знаете, я его схватил его, когда он вымогал у народа простого денег. Говорил, что ему на нужды культа Мальфаса, и если они не расстанутся со своими кошельками в его славу, то расстанутся с жизнями. Я и повязал его.

— Веди его давай, — указал неримец на меня.

Подняв меня, мы двинулись дальше. Латники уже раздвинули три глефы, им рассказали,

что сюда привели пленного командира и спустя пару минут я и ралаим взирали на здешнего повелителя.

У большого стола высится фигура, защищённая черного цвета рясой, на груди его сияет панцирь, красующийся сияющей гравировкой разных символов и букв. Справа от него кровать, тумба и пару стульев, вместе со столом, на котором раскиданы тёмно-сиреневые пирийские камни и начертана пентаграмма. Слева пространство загораживают кованые сундуки с деньгами и пара клетей в которых мне предстает зрелище не из приятных — пара молодых девушек, на которых из одежды только рваные куски серой ткани. Их лица, какими бы красивыми и милыми не были, неприятны, ибо осквернены побоями, а кожа тела являет следы истязаний — кровавые порезы, гематомы и высеченные символы тёмной магии, которыми их про клеймили. Завидев нас они лишь жалобно простанали и пустили слёзы, ибо больше им делать ничего не остаётся.

— Изверг, — выпалил я, смотря на то, что маг делает с пленными. — Большой ублюдок и урод.

— О, ты называешь меня тираном, но за что? — «оживился» командир лагеря, доселе пребывавший в подобии безразличия. — За то, что моими усилиями моя родина стала свободной от религиозного мракобесия? За то, что я исполняю приказы моего пророка Коарека, что общается с сущностями высшего порядка? Ты смеешь обвинять меня в том, что я следую продиктованной свыше истине? — лицо неримлянина покривилось от неприязни.

— Кто ты? — спрашивает ралаим.

— Позволь представиться, я — Ашир ан Баэр, гранд-чародей неримской армии и по совместительству архимагистр магического круга, — маг задрал лицо в аристократической повадке, словно говоря, что он не пальцем деланный. — Проще говоря, главный маг в ставке Коарека.

— Откуда у вас эти девушки? — хладно спрашивает ралаим.

— Да мы захватили их. Они отлично подошли для моих экспериментов по вытягиванию жизни и изучению мелкоэнтропийных заклинаний, — и колдун в подтверждение гнусных слов протянул в их сторону ладонь и обжог зелёной молнией, тут же запахло гнилостью, а дамы взвизгнули от боли, их плечи покрылись ещё парой синяков. — Они из часовни Мальфаса, а значит, служат религии, а значит банальный мусор, живущий догмами. Ничего, сегодня я закончу с ними и отдам солдатне на развлечение, — маг коварно улыбнулся. — Вот этого, они точно не переживут.

От одних слов этого мерзкого существа, под маской человека, меня захлестнул приступ злобы. Если бы не пути и план, я уделал бы его голыми руками.

— Вы, видимо ждёте награды? — маг поправил длинные светлые волосы и взглянул на ралаима. — Кто это, чтобы я мог его оценить?

— Фриджиэн из Арка, — раскрыл моё имя слуга Ралаты, да и в его сокрытии нет смысла.

— Ах, — хлопнул в ладоши от радости маг. — Он пойдёт в три тысячи ваших медяков. А именно тридцать монет золотом.

В шатёр вбежал какой-то паренёк и скоротечно доложил:

— Патруль вернулся!

— Что-то они быстро..., - впал в подозрения маг.

В этот миг мы поняли, что момент для действий настал, ибо все ход скрытных перемещений завершены. То есть не патруль, а переодетые ралаимы, изучившие искусство

мастерски перевоплощаться и дурить народ. Я надеюсь, что всё, что мы задумывали, ныне исполнено и псевдопатруль достиг самого ценного для нас — вражеских арсеналов и казарм.

— Что ж, — было хотел что-то сказать Ашир, но зрелище того, как ралаим рассекает мои пути скрытым до этой секунды кинжалом, повергло его в лёгкий ступор, которого хватило для действий.

Быстрым движением мне дан нож, и ощутив его холодную костлявую рукоять, я сжимаю. Кривое лезвие сверкнуло в свете масляных ламп, прежде чем я пробил им грудь первого охранника, не понявшего в чём дело.

Ралаим закружился вокруг меня с непередаваемой скоростью, во истину став адептом смерти. Кинжалы только и сверкали в его руках, проносясь у лиц и горлес охранников внутри, окропляя всё багрянцем запаха железа. Он ловко ушёл от удара глефы вбежавшего латника, зацепил её и слегка отвёл, давая себе пространство для удара, которым и воспользовался — клинок вошёл в горло, на блестящий панцирь полилась алая кровь.

Я же бросился на мага, который уже приготовился меня обдать огнём. Струя адски горячего ментального пламени проревела у меня над головой, я ощутил весь жар его ярости, явленный в реальность. Он перевёл огонь ниже, и я кинулся под стол, а затем дёрнув его за ножки перевернулся. Волна пожара окатила доски, превращая их в уголь, я понял, что у меня времени не так много и нужно хоть что-то сделать. Обхватив ножку, я дёрнул её, что было силы, и та с хрустом поддалась, я потянул и у меня в руках оказался длинный кусок опалённого дерева.

Пока я занимался магом, ралаим умело расплавлялся с латником — перехватив древко он «подрезал» его руку контрвыпадом в подмышку, а затем полосонул по горлу. Тут же он отступил от двойного выпада глеф, прибежавших воинов в кольчугах, а затем опять отпрыгнул от наступления кольчужников, уже разметавшими на дрова пару стульев. Ралаим хватает табуретку и прикрывается ей как щитом, сближая дистанцию, а затем метает кинжал. Но тот лишь безвредно ударяет о доспех и тогда ралаим сокрушил о голову воина табуретку, вырубив того и осыпав кучей ломанного дерева.

— Ах ты поскуда! — рычит маг, когда почти сжёг стол и единственная защита между мной и им кусок угля, а единственная причина, что он применил заклятье посолидней — страх я понимаю, что ... и это его погубит.

Руками и ногами я отталкиваю себя и выхожу в кувырок, после которого резко выпрямляюсь и швыряю дерево. Ножка стула глухо ударилась о лоб Ашира, который вскрикнул и приложил ладони ко лбу.

Пара секунд... этого достаточно, по крайней мере должно хватить, и я несусь к нему, мне кажется, что это настолько быстро, что я бы обогнал ветер. Вот он, потрясая головой, снова выставляет ладони в боевое положение, и вот-вот обдаст меня пламенем. Я ускоряюсь и прыгаю. Ударом плеча в панцирь я сношу его с ног, перехватываю руки и приставляю нож к горлу. Он пересаливает его и цепляет меня за запястье нагревает пальцы. Больно! Я инстинктивно тряхнул рукой, выронив оружие, но не собираюсь отпускать его. Началась драка не на жизнь, а на смерть... не драка, возня. Он бьёт кулаком, обнесённым кусками льда, я опустил голову и её использую как оружие. Лбом до хруста я бью ему нос, потом ещё раз и ещё, пока кровь не скрыла нижнюю часть лица. Он хватается за жизнь и пытается ударить меня заклятьем в бок, но я перебарщиваю его ладонь и тычу ей ему в голову. Зелёный поток энтропийной магии хлестанул ему в лицо, кожа покрылась зеленоватыми и багряно-фиолетовыми гнойными сетями, запузырилась, а волосы выбелились противной

сединой.

— А-а-ах ты! — меня оглушил вопль боли.

Он же ответит мне чем-то серьёзнее, что я не смогу отразить. Я понимаю это, но что я могу ему противопоставить? В отчаянии из-за скрой гибели я хватаю первое попавшееся и наношу удар. Ножка стола глухо шмякнула лоб, затем ещё раз и ещё. Потом я узрел сверкнувшее острие гвоздя, перевернул её и завершил этот бой одним нисходящим ударом, что ознаменовал приглушённое звучание и хлюпанье крови.

Тяжело дыша, я поднимаюсь и вижу перед собой тело мага, чье лицо пропало в крови и накрыто куском дерева, по панцирю везде и всюду рдяные мазки. От картины и совершенного я покачнулся, но удержался. Этот колдун творил лютые зверства, пришёл, чтобы вырезать жителей моей страны, за что и поплатился.

Шаг в сторону и с поворотом главы я увидел жестокую картину побоища, где ралаим сверкающими лезвиями рассекает плоть пятого врага, разрубая нить жизни неримского солдата. Тот с хрипом пал у его ног, так и не выронив топора.

Что ж... это война и никакой другой в своей глубинной сути она быть не может. Подняв с земли полуторный неримский меч, отличный зауженным лезвием, я выхожу из палатки, чтобы узреть ристалище — по всему лагерю кипит битва и неримляне явно оказались застигнуты врасплох.

Я наступаю, отбивая мечом ряд ударов и отталкиваю солдата. Нас поддержали стрелами ралаимы с башен и стен лагеря, которые были ими заняты ещё в начале всей свистопляски. Подобравшись во время моего представления, они встали настолько близко к лагерю, что зона магическим зрением не просматривалась.

Отогнав противника, я лихо отбиваю ещё один выпад, парирую ещё один и перевожу взмах к его запястью. Взвизгнув он роняет меч и отходит, держась за кровоточащую руку, а я потер слезящиеся глаза и прокашлялся. Казармы объяты огнём, вместе с арсеналами. Псевдопатруль ценой жизни сжёг оплоты управления и вооружения солдат врага и теперь большинство солдат без командования мечутся в поисках спасения из дымного плена. Маги пытаются что-то колдовать, но их засыпает дождь стрел, создающий противный ореол свиста.

Неримляне, устроившие здесь небольшую стоянку на целую компанию, думая, что они здесь смогут разбить место для плацдарма, смертельно ошиблись. Лучники из Ралаты спустили вновь тетиву и с тихим свистом отравленные стрелы впились в чужую плоть, оставив солдат лежать у палаток, что не защищены стенами. Так я увидел, как десяток немцев легли, даже не успев крикнуть.

Ралаимы идут мягкой поступью смертельного рока — справа от меня три десятка теневых воинов, которые атаквали с убийственной неожиданностью только сформировавшийся строй неримлян.

Другие отряды Ралаты достали бомбы, подготовленные Гаспаром и швырнули их за палатки. Раздалась череда взрывов, которая затопила весь лагерь, а я же испытал дискомфорт, ибо знаю, что эти снаряды не только ослепляют, но и набитые острыми элементами, жестоко ранят каждого. Этот бой будет очень быстрым.

Ворвавшись между палаток, ралаимы вошли дальше в лагерь и их клинки заплясали по плоти ошеломлённых неримлян. Я же стреляю из «громыхателя», уложив кого-то у самой палатки, а затем мечом блокирую удар. Неримца тут же изрезали клинки ловкого ралаима, который моментально бросился на другую цель.

Это был не бой, это резня — враг не ожидал, многие даже до оружия не успели добраться. Я перевожу взгляд и вижу, как на меня летит воин с огромным топором, но он останавливается, когда его грудь пронзило три стрелы.

Второй ралаим промелькнув возле меня, кинулся на неримца, но тот отпихнул его ногой и разбил голову мощным ударом молота. Я же остановил его броском ножа, который со звоном отскочил от шлема, ошеломив его, но не я отправил его на тот свет, а воин Ралаты, который познакомил его с холодом своих кинжалов.

Крики агонии, вопли и смрад смерти — всё это теперь торжествует в лагере. Ралаимы врываются в палатки и отправляют там всех на тот свет, мелкими группами уничтожая небольшие скопления растерявшихся врагов, а вскоре и начался пожар — огонь стал поглощать лагерь, что только прибавило к панике. Стоянка передового отряда, которой Коарек думал остановить действия Велисарий в Сердцеземье сейчас доживает последние секунды.

Я, отправленный сюда только для контроля, поспешил покинуть это место, за моей спиной продолжали раздаваться крики и вопли агонии на пару вместе с немногими кличами к бою, которые тут же умолкали в булькающих горловых всхлипах. То тут, то там в лагере раздались взрывы, снова слепящие врага и дававшие преимущество Ралате, которая с холодной фанатичностью решила зачистить это место.

Спустя двадцать минут всё было кончено — это место превратилось в тлеющий стан мертвецов. Я не стал долго в нём сражаться, отдав это Ралате, которая превратила его в кучу пепла.

— Этот лагерь обрёл вечный покой, — с мрачным хладнокровием доложил ралаим, что только сулит для меня одно — отдых, ибо моё участие в операции «Союзная решимость» окончено; конечно, множество боёв ещё продолжаться, будут победы и поражения, битвы прокатятся по всему континенту, но мне до этого дела нет.

— Господин, тут есть на что... посмотреть, — подошёл другой ралаим, и я последовал за ним.

Пройдя через разорённый лагерь, я оказался у крайне широкой палатки, которая в отличие остальных чёрных выкрашены в полутона алого и серого. Уже у входа мой живот свернуло от запаха человеческого мускуса, жаренной плати, и предчувствия недоброго. Я касаюсь её лёгкого покрывав и отодвигаю. В палатке... там... спустя секунду как мои глаза увидели, плоть дрогнула, меня покачнуло, и я спустя секунду чуть не падаю, благо меня поддержал Ралаим.

Я делаю робкий шаг вперёд и всё же нахожу силы посмотреть на картину абсолютного ужаса и бесчеловечия. Я видел многое — разорение и смерть, но исполнение приказов Коарека поражает сильнее всего... оно показывает всё его жестокость и безумие командиров проклятой армии Нерима! Справа и слева от меня выставлены столбы из железа, вкопанные в землю и продетые сквозь жаровни. Пламя мерно горит и накаляет их до состояния лёгкого багрянца... и всё бы ничего, но вот на них я вижу людей. Сквозь ладони и ноги продеты штыри, приковывая тела к металлу, а спины... они изжарены неугасимым пламенем, лишившим и жизнью. Крови на столбах нет, она высушена, а на груди каждого висит табличка — «Вина его — Он вера в Семерых», прибитая гвоздями к телу.

Ралаимы спокойно ходят среди мертвецов, они — жители Подгорода могли видеть и не такое. А мне... я не могу видеть, что здесь не менее двадцати человек и пяти аэтерна. Молодые девушки и здоровые парни, беззащитные старики и даже пара человек, похожих на

детей... уж слишком они малы. Сама мысль, что неримляне могли пойти на такое — отторгается, принимается за невозможную. Я пытаюсь найти опору и ралаим видит это — он подаёт крупную руку, которую я обхватываю как поручень.

— А это из приюта у Ад'Балор, — опознаёт детей ралаим. — Там был маленький домик с их нянькой. Но видимо до них неримское племя раньше добралось.

— Что!?! — выкрикнул я. — Как!?! У них совсем нет милосердия!?

— Да, это передовая база, — не слыша моих причитаний продолжает ралаим, копаясь в бумажках на дальнем столе. — Они должны были подготовить плацдарм для более крупных сил, — и находит нужную. — Ага, тут говорится, что тут планируется разместить десять тысяч воинов из северной группировки, а это передовой лагерь.

Я, набравшись сил, сумел поднять себя и оттолкнуться от руки ралаима. То, что я увидел здесь, влилось в мою душу и сердце горькой печалью и грозным предостережением. Я понял, что это ждёт мой народ... едва ли не каждого женщина или ребёнка, если мы проявим слабость. И теперь я знаю, что сделаю следующим и какой удар будет нанесён.

— Вы куда? — спросил ралаим, когда я резко повернулся и зашагал к выходу.

— Сделаю операцию «Союзная решимость» эффективнее!

Красная ярость голубой крови

Спустя четыре дня.

Как только принесённые мною вести о том, что я нашёл у неримлян в передовом посту, разнеслись по лагерю армии аркской аристократии, тут же вспыхнул пожар неистовства и такой доблести, что даже сам бы Мальфас не смог бы удержать их порыв. Как только слово о том, что произошло в приюте у Ад'Балор и что сотворил Коарек с беззащитными, пёстрый помпезный лагерь вблизи Арка сию секунду был оставлен, и вся армия благородных лавиной двинулась на север, где в последний раз видели большую группу противника. Каждый с неопишуемой жадой возжелал мести за безвинные души, за сожжённую надежду, за тех, кто не мог за себя постоять. Коарек отдал столь бесчеловечный приказ только потому, что там отдавали молитвы Рождённым светом... там не было воинов, не было оружия, только мирные старики и дети, но лидера Вольного народа это не остановило. Теперь же число врагов не остановит знать, что единой линией, в одном порыве стеной наступает вперёд.

Впереди нас ждал противник, численность которого на глаз по истине трудно сосчитать. С аристократами только один полк в две тысячи кольчужной пехоты и три сотни арбалетчиков из стрелкового батальона прикрытия. Впереди же я вижу линию жёлто-чёрной пехоты, от края до края просторного поля, тускло сверкающие шлема и клинки, стемнённые серыми облаками, но осиянные влагой дождя. По данным разведки впереди нас ждёт не меньше десятитысячного корпуса, который должен завершить окружение Арка и отрезать его от западных территорий... который решил отомстить за разорённый лагерь. Там я вижу только мечи и копья лёгкой да средней пехоты. Ни одного рыцаря народа, ни топорника, ни даже копейщика тяжёлого ряда. Что ж, тогда наша самоубийственная атака продлится намного дольше.

Велисарий даже не успел отдать приказа по этому поводу... мне тоже всё равно. Руки так и тянутся к клинку, чтобы свершить месть за беззащитных и безвинных.

Тяжёлая латная кавалерия идёт в центре — пять сотен воинов, закованных в броню вместе с лошадьми, несущих длиннющие массивные убийственные пики. Над головами реют штандарты белого сияния, на коих гордо устроен багряный лев. Я же занял положение в

самой середине построения, предпочитая доспехам зачарования и магические панцири. Позади сильно растянутым строем выступает пехота, также рьяно требующая боя и мести за случившееся.

Моё самочувствие после того, что глаза зрели в том лагере подобно лихорадке и безумию. Мысли также объят гнев, даже думы о Лишари отступили далеко назад. Ничего, сегодня мы поквитаемся, сегодня я дам напиток клинку в крови убийц невинных.

Битва началась — вражеские лучники сделали первый залп. Мгновенно небо закрыло две тысячи стрел. Тут же ответили наши арбалетчики — три сотни болтов смертоносным приливом опрокинули не менее сотни вражеских бойцов. Залп противника даже вреда не нанёс — всё со звоном отскочило от лат всадников и щитов пехотинцев.

Первым в бой ринулась тяжёлая кавалерия, возглавляемая Болеславом Аркским, за которым последовал и я. Опустив широкие длинные пики, латники пустили коней во весь ход, превращая их в живой таран. За нами, держа строй, наступает и пехота, закрываясь повезами от стрел. Позади, не жалея сил, невообразимо быстро стегают вражеские ряды «арбалеты».

— В бой! — от боли сердца кричит аристократ, завывающий в мясорубку. — Покараем неримских блядей! Они не пощадили никого, так и мы не будем её знать!

Кони стали набирать скорость и вскоре мне показалось, что сама земля затряслась от их бега. Стремительно сокращая расстояние, я затаил дыхание. У меня отсутствует пика, но в ней нет и надобности. Зажимая полторный меч, я заношу его для смертоносного удара.

И вот мы столкнулись — я едва не слетел с коня от удара о живую стену. Застонала сталь, захрустело дерево и кости, а по ушам ударил противный рык и стоны. Пики латников прошибли насквозь первых солдат противника, а за ними насадили и второй ряд. Латы коней попросту смели ряды неримской пехоты, уши... мои бедные уши слышали неистовые крики, как копыта мозжат черепа, как люди превращаются в мясо для «шампуров».

Хлёсткий удар направо, и я рассекаю врагу ключицу, колющий влево и клинок, уходит глубоко под плечо. Я орудую мечом во все стороны, и кажется, что нет такого доспеха, который бы выдержал варварский удар. Многие мои товарищи всё ещё держат пики, и кони несут их вперёд, прошибая ряд за рядом, сметая всё на своём пути, а те, кто их потерял, обнажили клинки и стали кровавыми мазками рисовать на картине побоища.

Отбив удар меча, я продолжаю вести коня в гущу вражеского построения. Меня не интересуют перекошенные гримасы боли у неримлян, только то, что по моему мечу льётся их кровь. Латники возле меня за первые минуты боя покрыли себя ореолом крови и штурмом изуродованных тел, доспехи людей и коней вымазаны противным багрянцем. Оглядевшись, я вижу страшную картину — ударная кавалерия оставила за собой ковёр уродованных тел, в неримском строю зияет знатная дыра, а трава... она теперь вся алая и блестит от влаги подобно рубину.

Теперь к бою присоединилась и наша пехота. Кольчужные воины обхватили неримский строй, став его теснить неистовым напором. Короткие мечи и клевцы залязгали о треугольные щиты и кольчуги врага. Арбалетчики выискивали в гуще противников самые незащищённые цели и истребляли их.

Всё тяжелее становилось пробиваться сквозь их ряды. Кони всё труднее несли всадников и проходили сквозь кучи тел. Латники давно отбросили пики и схватились за мечи, сверкнув наточенной сталью посреди обгаренных неримских солдат.

— Прорвём их строй! — призывает Болеслав, занося широкий меч.

Но его призыв никто не слышит и вряд ли будет исполнять. Всадники остановились, увязнув посреди моря врагов, что захлопнулось за нами, а пехота погрязла в сдерживании фронта противника. Так бодро начинавшаяся атака, принёсшая врагу чудовищные потери, превратилась в статичный бой, но не менее жестокий.

Мой меч стал проводником неугасимой ярости и вплеснувшегося гнева. Он опускается и поднимается, опускается и поднимается, в руке не чувствуется усталость, она стала красной. Магический щит мерцает от попыток за него пробиться, и враг ничего не может сделать. Рядом конники не менее яростны — с криками и кличами они обрушивают могучие удары на головы неримлян, сокрушая их кости и плоть, будто упиваясь побоищем.

Напитанный магией меч описывает дугу и кажется, словно даже сталь полыхает гневом. Он погружается в тело, со скрежетом пробивая броню, и враг падает на землю, заливая всё кровью. Пехота сзади поддерживает кавалерию, их тоже поддерживает ярость. Аркский лев погрузил когти в неримского орла, заставляя его кричать от боли.

Противник всё же превосходит нас числом. Копьями, десятками заострённых наконечниками, солдаты скидывают латников и добивают на земле. Один за другим всадники, над которыми постепенно стала брать власть усталость, стали сбрасываться с коней.

Я отвожу коня, но натываюсь на живую стену, откуда в лицо мне тычут копьями. В другую сторону рывок и такая же картина — тысячи обозлённых неримлян. Закрывшись ещё одним магическим щитом, я двинул коня вперёд, вместе с остальными латниками и вновь даю мечу испытать вражий крови.

— Болеслав! — взывает один из аристократов в измятом и рваном доспехе, с поломанном плюмажем.

— Бьёмся до последней капли крови! — приказал Болеслав, вздымая обагрённый клинок.

Неримляне и их тысячи. Я вижу это, вижу неизбежную гибель от рук одного из них, но несмотря на полностью безнадежное положение мы продолжаем бой. И выхватив новую цель, я направляю туда коня. В гуще солдат на меня вновь и вновь уставляются клинки, со всех сторон пытаются достать, но всё тщетно — пока что магия держит напорю. Я же веду коня сквозь море врагов, опуская в его гладь острие и всхлёстывая алое море. Удар за ударом — лезвие тупится о кольчуги и панцири, сталь и кожу, превращая меч просто в металлическую палку, которой, впрочем, ещё можно крушить кости.

Латники рядом с Болеславом образовали круг, вытягивающийся в клин. Видно, что они попытаются вернуться обратно и атаковать второй раз, но практически остановленных лошадей мгновенно стеснили непроходимым строем пехотинцы, не давая отряду маневрировать. Плата за плотный строй — гибель, ибо лучшие воины благородных кровей теперь могут бить в любую сторону и не промахнуться.

Мой меч вошёл в широкий щит неримского капитана, тот же ответил градом копеечных выпадов, испытывая магическую защиту. Я повёл коня прямо на него и потеснил офицера, переходя в жёсткую дугу, лишившую того копья. Он вынул меч и стал пытаться прикончить лошадь, но ничего не смог ей сделать, ибо чародейские доспехи отразили удар с такой же эффективностью, что и сталь. Я ещё долго могу выкуривать его из-за укрытия и решаю упростить задачу — в руках появилась «огневица» и её дуло сию секунду засияло вспышкой пламени. Свинцовая пуля насквозь пробила нагрудник. В глазах, окружающих его подчинённых сверкнул страх, и они попятились назад.

Болеслав тем временем с горсткой латников вступил в неравный бой с вражеским командиром и его свитой. Шесть десятков рослых светловолосых мужиков, с крупными чёрно-жёлтыми щитами и топориками, против двадцати всадников. Норманнская дружина насмерть сцепилась с аркской кавалерии, встав стеной щитов и мощными залихвацкими мясницкими ударами пробивая латы коней. Ещё десять минут боя и падёт сам Болеслав.

Я схватил ближайшее копьё, выдернув его из рук умирающего неримлянина и ударил коня в бока. Он стал разгоняться, и места ему хватит, ибо часть врагов дрогнула от залпа «огневицы». Подобно ветру пролетев двести метров мой верный конь привёл меня к цели — я буквально снёс фланг дружины и врезался в плотную массу мужиков. Командир резко обернулся ко мне и получил в грудь острый кусок стали. Брошенное с несоизмеримой силой копьё, рассекло железные кольца и разбило его сосуд души.

Командир этой части фронта сражён, его бойцы в беспокойстве и теперь латники могут отводить коней к пещам... чтобы вместе с ними попасть в окружение.

Наша пехота не просто не выдержала массы давления — её тонкий строй прорвали и теперь арбалетчики, похваставшиеся за клинки, вступили в отчаянный бой, скрестив мечи. Рваные линии фронта медленно, но верно пропадали в окружение оставшейся неримской армии.

Мой конь медленно продвигается к ряду ошетилившейся квадратными щитами кольчужной пехоты, а с него я осыпаю врагов уже не столь смертельными ударами клинка. Латники вокруг меня теперь носят цвета своего города — на белом красное, а арбалетчики давно вступили в рукопашную. Стоны и крики, лязг и вой непросто окутали нас, а вознеслись к небу. Ударяя по неримским щитам до треска, и затупляя ещё сильнее меч, который уже не режет, я с мрачной решимостью соглашаюсь — нам отсюда не выйти, врагов слишком много... я не увижу Лишари, только эти перекошенные рожи станут последними лицами в моей жизни, не ощушу тепло её рук, лишь холод стали поцелует меня в последний раз. И я соглашаюсь с этим, ибо после того лагеря, моим духом правит больше злоба, которая прежде поразила не врагов, а меня.

— Нет больше надежды на победу! — кричу я в боевом раже и отчаянии я воплю. — Продадим себя подороже!

— Ещё есть! — воскликнул один из аристократов и показал на север лезвием, с которого стекла кровь, откуда подоспела неожиданная и вдохновляющая помощь. — Они пришли.

Не меньше двух тысяч кавалеристов — в сияющих доспехах, под небесно-голубым флагом с изображением серпа, они строятся для решающей атаки. Пришедшие от Борека лорды, смешанные с сержантской конницей, они готовы проявить всю свою дружескую решимость в этой битве.

Загудели боевые трубы и часть неримского строя стала оттягиваться назад, чтобы перестроиться, но внезапно с юга послышался топот множественных копыт и замаячили блеском золота и аметиста знамёна с двуглавым орлом.

— Ещё! — раздаётся радостный вопль

С юга клещи сжимают плотные ряды всадников Единой армии — высокие конники, с убийственными контосами наперевес, на их шлемах пляшут фиолетовые плюмажи, тело сияет чешуйчатым панцирем. Неримляне, пытаясь ответить на такой поворот событий, пытается развернуть смешанные отряды, но просто не успевает.

И началась совместная атака. Всем телом я ощутил, как затряслась земля, как всадники

стремительно сближались и как снова пролетел этот проклятый звук. Одновременно с двух сторон всадники вмялись в ряды неримлян, и первые подобия линий перестали существовать. Я же стал пробиваться к воинам Единой армии, рассекая море врагов мечом и медленно проступая через окровавленные чёрно-желтые табарды. Враг стал биться ещё отчаяннее — вся его армия в окружении, переживает агонию, но от этого стала ещё опаснее. Конники впились в неримский корпус, словно пируя его остатками. Четырёхметровые контосы проредили вражеский строй, оставив после себя покровов врытых в землю врагов, а сержанты и лорды клинками потеснили неримлян. Активизировались и аристократы Арка — собравшв остатки своего достоинства в сто пятьдесят конников они двинулись на юг подобно тарану. Высвобожденные остатки кольчужной пехоты слились в единый кулак и атаковали в самом центре, прорываясь к своим повелителям и грозя разбить уже неримлян на две части.

Враг не выдержал... стремительное истребление его армии, падение везде и всюду товарищей, и кровавые ад битвы — всё это проникло в его сердце и принудило отречься от идей Коарека одним пронзительным криком:

— Мы сдаёмся! — один за другим стали сдаваться солдаты, затем целые отделения и компании, а после них и всё оставшееся войско.

Вскоре бой стих. Я слез с коня и взглянул на меч. На удивление, он был чист, на нём всё также проглядывается старинная надпись. Не в силах поднять голову и узреть ужас боя, его суть и последствия я подставляю лицо дождю, взирая на серые облака. Вот так ярость одних, вызвала помощь других. И мы покончили с северной группировкой, прежде чем она успела бы уничтожить нас. Странно, я чувствую колкую живучесть в левой руке, чувствую, что гнев пропал и теперь пришло время уйти на покой, забуриться куда-нибудь в Подгород и там скрыться от битв. И словно слыша мои мысли, мир даёт мне секундную надежду:

— Вы больше не станете участвовать в войне! — подлетел с радостным известием ко мне всадник, и я уже поспешил обрадоваться, но тут же дал повод стать совершенно серьёзным. — Велисарий вызывает вас к себе. На этот раз нечто невероятно важное!

Глава 17. В погоне за надеждой: замыслы о великом

Глава 17. В погоне за надеждой: замыслы о великом

«Представьте себе, что может случиться с нашим любимым королевством. Что мы могли бы создать. Чего мы могли бы достичь, если бы каждый из вас внес свою скромную долю?»

— Из книги «Слова Авензина».

Спустя день.

— Прости, это всё, что я могу сейчас для неё сделать, — сказал аптекарий в жёлтой одежде. — Спасибо тебе за образцы от заражённых и за то, что притащил для неё тот ингредиент. Я займусь лекарством... но это будет нескоро. Ох, я бы уже использовал один из Чёрных камней для её оживления.

Вновь я оказался у постели Лишари. На мне колется лёгкая свежая рубаша, штаны стали более свободными, как и сапоги. После всего, что сделал — ничего не получается. Пока «излюбленная игрушка Ордена» пытается остановить апокалипсис, отдав исцеление девушки на попечение аптекариям, Лишари медленно... умирает. Это новость вызвала у приступ горя, шквал неприятных эмоций... злобу, которую я решаю выплеснуть на ближнем:

— Ты недостаточно делаешь! — выкрикнул я, удивляясь, что у меня на это ещё остались силы. — Разве нельзя работать лучше!? Она один из лучших аптекариев, так сделай что-нибудь!

— Что!? — вспыхнул в ответ О'Брайенн. — Это я её считай реанимировал, когда её притащили сюда! Это я её спас, когда у неё началось поражение тканей! Это я ввёл её в кому, чтобы она не умерла, — аптекарий успокоился и подошёл, похлопывая меня по плечу. — Так что прошу тебя, заткнись. Я понимаю тебя... ты не единственный, кто теряет дорогих сердцу людей, и прошу тебя — не кричи, а то позову хранителей.

— Прости, — тихо я проговорил; у меня нет сил... Нерим сковал наши силы, Арантеалю кажется стало на всё плевать, а «то чудо», которым восхищалась Лишари, сейчас где-то бродит и охотится за тем, что едва ли остановит весь этот ужас.

Единственное, что я могу сделать, так это склониться на Лишари и медленно начать шептать молитву... короткую, но рождённую от сердца и изливаемую с чувством кручины:

— Боже, помоги ей.

Взяв её за руку я всё ещё чувствую, что в ней теплится жизнь, что она всё ещё борется за бытие, но ничего не могу сделать. Ладно, необходимо готовиться к самому худшему и уже смиряюсь с тем, что её душа вскоре может отправиться в последнее путешествие.

— Нет... это не может так закончиться. Это какая-то усмешка... ирония судьбы.

— Понимаю, — пытается меня поддержать аптекарий. — Прости, сейчас, единственное, что мы можем поделаться, так это приготовить зелье. А теперь, тебе нужно идти.

Я встаю с кровати и кидаю последний взгляд на Лишари прежде чем покинуть её. Видно, что её лицо сильно исхудало, что её рука, которую я держал, так же потеряла в плоти. Оторвав взор, направился прочь, туда, куда меня звали вчера.

Город в осаде. Мы столько готовились к войне и из-за предательства в Ордене всё прогадали, как мне поведал один из хранителей. Иронично — но не мы, а тот, кто сильнее всего бахвалился верностью — предал родную землю. Недавно мы выяснили, что из-за

Джорека мы проморгали неримцев в порту. Но Велисарий не оставляет шансов навредить врагу в гавани — уже этой ночью патрули и лагеря врага терзают налётчики Ралаты и бедноты, их штурмовые корабли с катапультами под шквальным обстрелом наших пушек и отогнаны этим подальше от града, а порт сам оказался в осаде нашей артиллерии. Но этого мало — в заливе появляется всё больше посудин, их передовой лагерь на верфях расширяется. А ответные налёты и контрбатарейный огонь уничтожил пять наших батарей. Благо, что благодаря ресурсам Пороховой пустыни и Солнечного берега, рекрутам из Подгорода, всё ещё удаётся поддерживать подобие обороны на юге, но врагов больше, и они лучше подготовлены.

Арантеаль практически не занят обороной и Велисарий решил действовать. Дни подготовки — всё это не зря. И чтобы работать сообща и скоординировано, чтобы взять на себя призвание защищать Эндерал вместо Святого ордена он созвал секретный совет вдали от глаз великого магистра, чтобы обсудить все элементы грядущего плана.

Выйдя из штаба Святого ордена своё горло и нос я наполнил прохладой ночи. Вздев лик наверх мой взгляд уставился на тёмное полотно, усеянное сверкающими точками. Ночная твердь небес — она так прекрасна, так обворожительна, и так статична и умиротворительна. Напоминает о тех временах, когда всё было спокойно, когда не гремели войны, люди не шли друг на друга войной ради безумных идей и всюду царил мир. Как же я скучаю по тем моментам, которые стали заканчиваться ещё в моём детстве, и я бы всё отдал, чтобы этой войны не случилось, чтобы Коарек не повёл своё воинство и Наратзул не восставал бы, а Лишари была бы в порядке. Ох, что было бы с Константином, Джеспаром, Калией и прочими знакомыми, коли бы люди жили мирно, не поднимая клинка против друг друга? Ох, я бы хотел увидеть тот мир, где Джеспар не циничный наёмник, Калия вне рядов Святого ордена, а где-нибудь за торговым прилавком, Константин мирный профессор, а Велисарий за пахотой земли. Каков был бы этот мир, если бы люди не поднимали бы друг против друг оружия ради мимолётной славы завоевателя, ради сумасбродных идей или корысти ради? К сожалению, я этого никогда не узнаю. Вынужденный держать в руке меч ради спасения слабых мне предстоит воевать и мир пока может только сниться.

В моих руках оказался свиток телепортации. Очередной, и не последний. Интересно, сколько их было в своё время сотворено? И сколько их ещё сделают? Магия телепортации не относится ни к школе элементализма, света, энтропии, ментализма или псионики. Пространственное искусство чародейства немного сложнее, ибо привязать точку и свиток дело не из простых — координата может съехать под влиянием переменчивых потоков эмпирического ветра, либо материал окажется недостаточно качественным и заклятье попросту выветрится из него.

Повертев свиток белой бумаги, я думаю, какой мастер его сделал? Это же нужно было быть искусным дельцом, чтобы такое сотворить. Иные говорят, что в былые времена Святой Орден, когда ещё заботился о народе, вместе с Вольными магами, создал не менее десяти тысяч свитков перемещения по всему Эндералу и раздал их торговцам и странникам. Я не знаю, какова истинная причина появления их, но искренне благодарен их создателям, ибо с ними путешествовать по Эндералу куда проще.

Я возношу ладони и свиток начинает растворяться, распадаться на лучи света, окутывающие меня в кокон. Ещё взмах, ещё один и ещё одно ритмичное движение руками и бумага полностью превратилась в светло-голубой свет, захвативший меня и унёсший прочь из столицы.

Спустя секунду щекотливого путешествия передо мной нет образов могучего города, чей век уходит. Вместо него один из оплотов нового мира, новая столица нового, ещё не явленного государства. Глазам открывается высокое деревянное строение, похожее на терем, но на самом деле ставшее перестроенным домом Борека и превратившим его в настоящий дворец. Высокие башни из дерева, стесняющие центральное строение, так же стремящееся к выси и повторяющее в очертаниях исполинскую часовню. Больше я ничего не могу увидеть, поскольку путь преградила деревянная стена.

Я подхожу ближе, где дозор и охрану несут стражники новой монархии, а на стенах расположилось не менее двадцати арбалетчиков, не считая укрепленных башен, где разместили баллисты и скорпионы.

— Подожди! — остановил меня воин, — опустив копьё. — Назовись.

— Я — Фриджиэн из Арка

— Виват барону! — крикнул стражник; ещё вчера это наёмник, сражающийся за деньги, а сегодня это доблестный воин баронства, носящие сине-голубые цвета своего государя.

— Виват ему! — отвечаю я хмуро и прохожу за ворота, зная, что они предупреждены о моём приходе сюда, на тайную встречу, которая по-видимому должна стать судьбоносной.

Со скрипом, но облистованные металлом ворота распахнулись, и я простучал сапогами по брусчатке, заходя туда, откуда Барон правит рукой сильной и могучей. После уничтожения десятитысячного корпуса, объединённые войска Баронства и Аристократии отвоевали часть Фермерского берега, освободив Дайри, фермерский трон, а также выбив врага из Ад'Балор. Противник удерживает только прибрежную линию и Файрок, откуда стал наносить малые, но интенсивные удары, сковав наши силы там. Но по крайней мере, проблема северной угрозы решена.

Возле меня кипит жизнь — тут и там выстроены не лачуги, а крепкие деревянные избы и дома, в которых живут крестьяне и немногочисленные торговцы. Так же мне открываются и купеческие лавки, и несколько маленьких часовен, и административных зданий, отличных от остальных суровым штольным стилем и флагами на крышах. Строений столь много, что они образуют улицы, перекрёстки, закоулки и коридоры, какие только могут быть в бурно растущем посёлке городского типа.

Там, где раньше было место встречи дорог, где рядом добавляли красоты бочки с мёдом, теперь торговый пост, заставленные прилавками, палатками, ящиками и сундуками. Пройдя мимо монохромных тканевых настилов, я выхожу к серокаменным строениям, у которых усиленную стражу несут воины баронства. Раньше здесь были медоварни, теперь же центр варения слабого алкоголя к северу от Арка, которые напоминают своих предшественников лишь серым цветом кладки. Теперь это красивые строения в стиле аркских богатых домов, с вытянутыми окнами с вихревыми решётками, кованными дверями, и крышами из черепицы.

Но и это не моя цель. Так же, как и дом славного барона, подле которого я вижу солдат с арбалетами. Я углубился в город, проходя чуть левее дворца Борека и минуя перипетию улиц с деревянными настилами, выхожу на небольшую площадь, устроенную между местной двухэтажной ратушей крестьянского представительства и рыцарским домом. Я медленно выхожу из узкой улочки, минуя два одноэтажных терема и начинаю ступать по каменной плитке. По бокам от меня прилавки, сейчас пустые, но днём переполненные, впереди же у широкого прямоугольного стола меня уже ждут.

Тут, под пространным сине-белым покровом ткани собрались сильные мира сего, только без официоза, без популизма. Тайно и скрытно... в принципе, как и следует тем, кто

задумал нечто радикальное, идущее вразрез с установленным порядком. Напряжение чувствуется в воздухе, я по глазам собравшихся понял, что сегодня будет обсуждение куда более важного, чем всё остальное.

Здесь стоит сам Велисарий в полном боевом облачении и плаще с капюшоном, представитель Ралаты, Конан и мужчина в одежде, подходящей больше для пустынного жителя, вместе с Бореком и аристократом в алом камзоле. К моему удивлению тут же и два хранителя, что раньше приглядывали за Велисарием, но ныне они здесь, рядом с нами, что вызывает у меня смешанное чувство гордости и растерянности.

— Спасибо, что пришёл, — кивнул в мою сторону Велисарий, сидящий в центре собравшихся.

Я занял своё место у угла стола, на кортом по традиции развёрнута карта. Как бы мне вновь хотелось собраться полностью на войне с Неримом, выполнить свой долг, но не могу выбросить своих мыслей о Лишари. Её жизнь и возможная смерть засели у меня в голове и не хотят покидать разум, что весьма неприятно. Я сконцентрировал взгляд на Велисарии, который приготовился говорить:

— Спасибо, что собрались, — чуть хрипловатым голосом начал он. — Я вынужден признать, что наше положение — довольно сносно, но не так оптимистично.

— И какого же? — тихо спросил ралаим. — Наши братья и сестры атакуют этих неверных, но их меньше не становится. Мы вырезаем патрули, режем как псов лагерную шваль. Но корабли... они выплескивают их снова и снова.

— Этот мужик прав, — заявил Конан, облачённый в шкуры и железный доспех. — Мои ребята хоть и резкие, но они не проф солдатня. Если этих ушлёпков попрёт больше, то они надерут нам зад, но мои парни пока держаться. Велисарий, что ещё ты можешь сделать?

— Мудрость этого мужа мне ясна, — решил высказаться, и представитель дюнныйцев. — Неримцев больше и нам нужно хорошее решение, что разобраться с этой проблемой.

— Понимаю. Да, врагов больше, они лучше экипированы, но всё-таки они — фанатики и этим мы и воспользуемся. Есть возможность покончить с этим раз и навсегда, — Велисарий немного повременил, оглядев всех. — Я понимаю, вам это решение явно не понравится, вы будете против, но сейчас это единственный шанс быстро покончить со всем этим, — мой командир замер, собираясь с силами и спустя пять секунд с тяжёлым выдохом объявил о своём решении. — Нужно сдать врагу Арк.

Меня пронзило странное смутное чувство и появилась мысль — чего он несёт? Неужто всё настолько плохо, что он готов отдать город? И это Велисарий? Нет, этого не может быть. Я прикладываю ладонь к голове, думая — «Это, наверное, действие зелий и усталость. Да, это всё оно. Мне явно показались эти слова».

— Как так? — тихо спросил ралаим. — Всё напрасно?

— Мы согласны с мессиром Велисарием, — тяжёлое словцо вставил один из хранителей, и я с ужасом понял, что это не игра воображения. — Он убедил нас, что это единственное решение.

— О, хранители, — удивился Конан. — Каким ветром вас сюда принесло? Вас не поругают за отсутствие на постах?

— Мы здесь ради спасения Эндерала, — грозно выдал хранитель. — Часть хранителей уже не верят своему магистру. Он плевать хотел на Эндерал, часами проводя в своих исследованиях. Угрозу со стороны Коарека он будто бы не замечает. И нам надоело это.

Лучше под знаменем Велисария, чем в бездействии ожидать, что нас порешат, как свиней.

— Хранитель, — рыкнул Конан. — Сейчас вам предлагают вообще принять поражение.

— Нет, я не говорю о признании поражения. Враг сконцентрировал большинство сил в порту, а после битвы у Фермерского берега, это единственные способный на штурм части. И рано или поздно он прорвётся через ворота, — Велисарий показал на карту, которую разложил на столе и позвал всех посмотреть. — Моей гвардии я отдам приказ переместиться в Храм солнца. Также пусть Ралата готовится к скорому вторжению, — ладонь Велисария скользнула по карте. — Затем я отдам приказ о формировании огневого рубежа в Квартале знати, а далее сформирую второй рубеж от Храма солнца до бывшей башни Йеро и выставлю там надёжное охранение. А потом контратакую, когда он подойдёт к стенам Храма, а подразделения с запада и севера зажмут его.

— А что на это скажет наша генеральша? — спросил аристократ, повертев кольцо с рубином.

— Теперь же, давайте послушаем Леору Эрен, Командующую войсками Аркской стражи, — предложил Велисарий, приглашая к столу участницу. — Генерала Армии Эндерала.

Из тени позади нас вышла девушка, и встала между Велисарием и Конаном. Родом из столицы, тем не менее она имеет сердцеземские черты своей матери — низкий рост, приятное чуть округлое лицо и густой чёрный волос, немного подкрученный.

— Леора Эрен, как нас заверил ваш связной, вы имели что-то сказать Оборонному Совету? — немедленно спрашивает представитель знати.

— Да, — девушка умолкла, её лицо стало бледнее мрамора, глаза сделались стеклянными, всем видом своим она показывает, что ей нехорошо от того, что она задумала сказать. — Я хотела до вас довести... Арантеаль, Великий магистр... он... даже не знаю, как это..., - Леора не может собраться с мыслями, я вижу, как её руки трясутся, а губы потеряли прежнюю насыщенность алым, приобретя заглушённо-розоватый оттенок; она не в силах держать взгляд под натиском мнимого стыда, опускает взгляд и замечаю мрачное сияние её слезы, которую она моментально отирает утончённым пальцем, слегка растирая тушь. — Арантеаль Теалор, Великий магистр Святого ордена полностью отрёкся от дел страны... отрёкся от его жителей. Его не заботит больше не единая душа.

— Как это выражается? — спросил Велисарий.

— Недавно нам пришло письмо от неримского командира. Он писал, что под его рукой сотни пленных. И что он поставил лагерь в Сердцеземье и готов выдать всех, если Арантеаль согласится передать ему магические фолианты из наших библиотек, — голос Эрен дрогнул, она вцепилась в стол до такой степени, что ногтями промяла древесину. — Но Теалор отказал, мотивировав это тем, что это может дать Нериму преимущество. Но, её голос рванул навзрыд. — Я лично видела эти книжки и поверьте, помимо истории магии, они не содержат ничего. Но он что случилось потом... он продал эти книги купцам из Киле, а деньги пустил на работу со светочем.

— А что с неримским лагерем? — наигранно спрашивает Велисарий, вертя в руках серебряную монету.

— Я не знаю, что с ними случилось, но мы видели столбы дыма в неримском лагере, — Эрен сглотнула, пытаясь избавиться от кома в горле, засевавший горькой злобой и обидой на Теалора за столь неразумные действия.

— Это всё? — выдержанно спросил Борек.

— Тем более он снял защиту с Речного, остатков сил там не хватит, чтобы удержать город в случае серьёзного наступления, — Леора указала на карте город. — Все воины, ранее защищавшие малые поселения и немногочисленные шахты с лесопильнями, призваны в Арк. Его приказы... безумны. Он издал Указ, чтобы все финансы Святого ордена и его казна шла на восстановление светоча, не взирая на остальные нужды страны.

— Святой Орден в силу «Пути», актов Грандмагистра «О власти», всё ещё контролирует большую часть жизни в стране, — стал пояснять Велисарий. — Армии, основы экономики, всё управление и социальное положение, вера и законы — несмотря на то, что он стал жутко слаб, это всё ещё в его ведении.

— Леора, скажите, сколькими людьми вы командовали перед войной с Неримом? — уточнил аристократ, поглаживая эфес рапиры.

— Первый полк «Защитники Лесов» в тысячу воинов, второй полк «Сердце Эндерала» — две тысячи, третий полк «Крыло Мирада» в тысячу, четвёртый полк «Слава юга» в три тысячи, пятый полк «Гвардия Арка» в три тысячи, — она горестно вздохнула, осмотрев всех взглядом всех присутствующих столь тяжёлым, что в груди возникло неприятное ощущение. — А вместе с этим флот «Око» в двадцать кораблей.

— А сколько осталось? — спросил Велисарий, уперев руки в бока.

— Только два.

— Что стряслось? — прорычал Конан, став наглаживать бороду.

— Не получив подкреплений, «Слава юга» был разбит стремительным наступлением неримлян на порт, практически без потерь для вторых... там же погиб и наш флот. «Крыло Мирада» был разбит по подразделениям, кроме частей у Речного и Арка, — я почувствовал, что с каждым названным полком её голос становился всё бедственнее. — «Сердце Эндерала» погиб от засады в Сердцеземье. В относительной боеспособности лишь два полка.

— Больше десяти тысяч из которых выжило лишь около четырёх только выжило? — подсчитал аристократ и язвительно отметил. — Хороший же из Арантеаля — командир. Ладно. И что же вы хотите от нас?

— Делайте, что хотите, только спасите Эндерал от врага. Что... угодно...

Её слова отлично говорят о намерениях, о том, что она готова оставить самого Арантеаля, покинуть Святой орден, не встать на его защите перед рубящим клинком порядка. Все предали Арантеаля, но можно ли назвать предательством то, что люди сами взяли в руки дело своего спасения, когда Великий магистр отрёкся от страны ради эфемерного избавления мира от «высших»? Сначала Тручесса неумелым управлением вогнала пол страны в гроб, а потом и он своим безвниманием обрёк родину на медленную гибель, предпочтя ей и столам своих же граждан кусок металлолома. Но собрались люди, которым это не безразлично, которые вырвали континент из когтей вражеской армии, и чтобы завершить дело им... нам придётся встретиться с волей самого магистра? И в таком случае, где предательство интересов? Кажется, что это нас изначально предали, кинув бороться за родную землю, а самим уйдя в созерцание грёз. По крайней мере, такой мыслью я успокаиваю свою совесть.

— Хорошо, Эрен, Совет услышал тебя, — Велисарий швырнул монету на стол, и та со звоном плюхнулась о его крышку. — Мы примем все необходимые решения.

— Скажи, Велисарий, как ты нанесёшь контрудар из города с горсткой защитников? Или ты сможешь на малом пяточке разместить целое войско? — скептически спрашивает

Борек.

— Во время одного из обследований верхних ярусов города мы наткнулись на крайне причудливое открытие, — мой командир приложил ладонь к подбородку, став закручивать бородку. — В доме Йеро, когда мы его взломали, оказалось стратегическое сокровище. Огромная, незнамо кем вычищенная, пещера, где можно размещать солдат и оборудование.

— Только не скажите, что сейчас именно там воины?

— Да, в тайне от Святого ордена и всех остальных, я разместил там две тысячи из Единой Эндеральской Армии. Плюс к этому арсенал.

— Как? — едва не подавился от удивления аристократ. — Как можно две тысячи незаметно провести у Храма солнца? Неужто «око» Ордена совсем ослепло?

— Почти... я всех их протащил с согласованием с Арантеалем, который с радостью согласился усилить Храм солнца ещё двумя тысячами бойцами. Теперь, настало время для их применения.

— Ладно, вопрос с этим решён, но чем мы будем прикрывать город с севера? — узрел недочёт с хитрой улыбкой аристократ. — Ты же понимаешь, что две тысячи не чета двадцати при Коареке?

— Да. И на этот случай у меня есть план.

— А что если взять помощи из Дюнного? — спросил ралаим.

— Нельзя, — покачал головой Велисарий. — Если нам не удастся удержать Арк, то Дюнное с его внутрискальным поселением и удобным географическим расположением может стать новым пунктом обороны, — сложив руки на груди, ответил мой командир. — Я даже стражу там не трогаю, просто поговорил с ними об обороне и всё. Там всё останется на месте в случае нашего фиаско здесь.

— Какова наша роль в этом, мужик? — спросил Конан. — Или предлагаешь отсиживаться с трясущимися гузками?

— Нет. Когда враг плотно войдёт в город и займёт все кварталы в чём я не сомневаюсь, мы начнём наше наступление, — ладонь Велисария снова пронеслась по карте. — Пушки откроют огонь по скоплениям врага, арбалетчики и лучники их поддержат. А вы..., — Велисарий оглядел представителей с востока, — кочевники с луками и лёгкой пехотой, да дюннийцами, поддержат город с севера.

— Одной пехоты мало будет, — сказал ралаим.

— Да... поэтому Конан вместе с отрядом кавалерии прорвётся к нам с запада и начнёт с зачистки берега. Вместе с группировкой «Запад».

— Что? — возмутился варвар. — Группировка «Запад» не успеет добраться по сигналу. И с севера недопрыгают вовремя. Слишком далеко бежать.

— Тогда предлагаю скрытно переместиться и разместиться в лесных лагерях, — сказал Велисарий.

— А каково наше предназначение? — спросил ралаим.

— Вы будете держать Подгород и не пускать туда врагов, — Велисарий разогнулся и сложил руки на груди. — А когда придёт момент, вы и ополчение Подгорода объединитесь с силами Конана и освободите южный квартал, — Велисарий оглядел бывшего бандита и представителя кочевников. — Конан, возглавивший войска Речников, Солнечного берега и полк, с Аль-Хаббадом, который поведёт в бой дюннийцев и кочевников, должны будут начать наступление по сигналу — алый «цветок» в небе. Только будьте на достаточном расстоянии, чтобы вражеская разведка не просекла, что мы возьмём вражескую армию в

клещи.

— Чудно. Вы хотите большую часть неримцев перестрелять как уток в городе, а потом мы перерешим остальных, — с мрачным хладнокровием подвёл итог представитель Ралаты. — Но когда нам начинать?

— Я дам сигнал. Как я говорил, пусть ваши разведчики следят за красным фейерверком, который ударит из Храма солнца. До этого, мы их продолжим терзать, как это делали раньше. Пусть они вступят в бой ослабленными.

— А почему у нас тут сходка, как у крыс подковёрных? — возмутился Конан. — Почему мы не могли обсудить всё открыто у тебя ставке?

— На то есть причина, — сказал Велисарий и словно реагируя на его слова из рыночной тени вышло ещё пара человек, которые заняли место у стола. Я не могу их различить, но мне всё равно, кто они, но магистр храмовников пояснил, кто они:

— Я вам хочу представить тех, кто пришёл сюда от имени поддерживающих нас деньгами и наёмниками. Они здесь для того, чтобы быть свидетелями нашей сделке по..., — я заметил, что Велисарию трудно говорить, но всё же он собрался и выдал задуманное. — Мы собираемся создать нечто новое. Что бы сменило Святой орден, ибо он...

— Бунт! — радостно воскликнул Конан, дельно потирая руки, так и не дав договорить моему командиру. — А ты, Велисарий, не хуже нас оказался. Когда жареным запахло и появилась возможность, сразу решил сбросить крышу и урвать свой кусок. Да в тебе течёт наша кровь, мужик.

— Ты прав, — легко отвечает Велисарий, повернувшись к хранителям. — Расскажите нам, что осталось от бывшего могущества Святого ордена, братья его.

В ответ воин в плаще через которые проглядывает анатомический доспех, только кивнул и стал отвечать гласом, в котором переплетался подавленный гнев и жгучая скорбь:

— На моём языке горечь, когда я об этом говорю. Святой орден больше не контролирует Эндерал и его существование... эпоха подошла к концу. И ради стабильности, ради нового мира мы готовы распрощаться с мертвыми привилегиями и потерянной властью, — сокрушается мужчина. — На севере всем давно заправляют Дикие маги, Солнечный берег до недавнего времени был под контролем бандитов, Пороховая пустыня забита мародёрами и монстрами, а Сердцеземье, Златолесье и всё до мрачной долины забито нежитью. Дюнное давно установило свои законы, наши посты и башни недостаточны для контроля, в Арке всем заправляет кучка аристократов и только Храм солнца мог бы похвастаться полнотой власти Святого ордена, — хранитель повременил, прежде чем раздался страшный вердикт. — Для власти Ордена — это финал. Его, в том виде в каком он существовал раньше, больше нет.

Мы внимательно слушали рассказ хранителя и самое страшное — никто не проявил и толики сожаления из-за того, что Святой орден готов быть низвергнутым. Неужто он стал настолько ржавым и ненужным механизмом, что все с радостью готовы его выбросить на помойку истории? Это как же можно довести самое могущественное воинство до такого состояния, что по его уходу никто рыдать не будет, что всем плевать на его полумертвое состояние и его свержения уже никто не боится. Я вспоминаю, что даже наш маленький бунт — это откол от Святого ордена и борьба наша не за него, но во имя Эндерала и его народа.

— А как же Арантеаль? Как же Эндерал, — спрашиваю я, даже не смутившись — мне всё равно, что станет с Арантеалем, чувствуя, что по важности судьба Святого ордена

уступает в важности перед людьми сего континента и жизни подруги. — Он не даст вам исполнить задуманное.

— Когда придёт момент, — голос моего магистра задрожал. — Я смежу Арантеаля Теалора с поста, командующего Орденом.

— Хм, смелое решение, — заявил ралаим и как я понял Конану и представителю пустынного мира и богатеям — всем уже плевать на Орден, все готовы его предать ради лучшего, нового мира, где страна занята заботой о народе, а не допускает полного опустошения дома.

— Вы делаете это ради своего интереса? — спросил ралаим.

— Нет, это делается во благо нового не рождённого государства и его людей и аэтерна, которые живут здесь и сейчас. Когда у Святого ордена не хватит сил, когда враг подойдёт к воротам Храма солнца у хранителей, магов и послушников будет только один выход — последовать за мной в последний бой, — голос Велисария становился всё более напористым. — В ином случае они попадут в бесславный плен.

— Мы полностью поддерживаем курс мысли Велисария, — напомнили о себе только что пришедшие люди в лице высокого крупного мужчины с русым волосом. — Как представители Банка и Золотого серпа, а также уполномоченные представлять ещё несколько фермерских и торговых предприятий, мы заявляем, что все купленные на Киле и Эндерале наёмники будут переданы под командование Велисария в ближайшее время. Три роты тяжёлых доспешных воинов, четыре роты обычных воинов, рота легковооружённых разведчиков, рота копейщиков и рота тяжёлой кавалерии. В обмен мы просим только право голоса в новых органах власти и торговые привилегии.

— Это хорошо, — Велисарий показал на карту. — Золотой серп и банк заявили о своей поддержке. Как только наёмники присоединятся к нам, мы сможем дать достойный отпор Нериму. Наши войска сокрушат врага в последнем штурме, и противник согласится на любые наши требования, — палец моего командира указал в сторону Речного. — Конан, ты возьмёшь тяжёлых воинов и встанешь здесь. Рота копейщиков и две роты средних воинов останутся охранять Речное, — ладонь Велисария скользнула вправо. — Остальными укрепим Фермерский берег. Пока оставим всё так, этого должно хватить, чтобы защитить важные объекты и не дать неримлянам просачиваться в наши земли... точнее их попытки.

— Это конечно хорошо, — послышался тихий голос ралаима. — Но о каком будущем государственном образовании идёт речь? Просветите нас, достопочтенный мессир Велисарий и о нашем месте в нём.

— Хорошо, — Велисарий втянулся во весь рост, возвысившись надо всеми, его голос от командирского перешёл к вдохновляющему и где-то немного проповедническому. — Вот и наступает новая эпоха в истории нашей родины. Везде и всюду живут люди, которые устали от гнёта правил Святого ордена, в которых больше нет смысла. Все мы знаем, что Рождённые светом почили, а значит и порядок, установленными ими требуется в изменении. Я говорю об Эндерале, как о едином собрании свободных земель, где каждый удел правит так, как сочтёт нужным. И они, вместе направляют Эндерал к процветанию и грядущей славе. Все земли да назначат тех, кто встанет над ними и во имя общего блага и гармонии направит континент к новым горизонтам.

«Как завернул», — подумал я. — «Видимо умных книг перечитал в Златоброеде. Что ж, моему командиру это только на пользу. Хорошо будет, если он выиграет войну и мир установит в придачу, чтобы на осколках Святого ордена не наступила грызня».

— Я говорю о единой стране... крепком союзе территорий, если будет угодно. Тут услышат голос каждого, можете не сомневаться, — его речь смолкла, а сам он повернулся ко мне. — Фриджидиэн, помнишь ты писал по моему поручению новые акты, уложения и так далее?

— Да, господин.

— Подготовь их, доведи до ума. Скоро они нам понадобятся.

— Да, — ответил я, чувствуя, что у меня есть отличный шанс отвлечься от всего этого, хоть немного занявшись делом. — Я продолжу работу и напишу то, что задумывалось вами. И хорошо, мой меч с вами, — я готов согласиться на всякое, что мне предложит Велисарий; лишь бы он отстал от меня.

— Тогда, господа, — аристократ достал из сумки бутылку. — Нам стоит выпить за создание... за создание Эндеральского Союза и начало разработки Генерального Уложения его!

Глава 18. По решению трибунала

Глава 18. По решению трибунала

«- *“Я видел расцвет и падение империй... рождение и вымирание целых видов... В течение бесчисленных тысяч лет глупость смертных была единственной преобладающей константой во Вселенной”*. — Хранитель судьбы Асатрон, Король Этерны».

— Из книги «Первая война за Создателя и судьбу».

Спустя день. Арк. Храм солнца.

Светлое небо, если в него взглядеться, то всем своим великолепием может разогнать любые мысли о том, что сейчас кипит война на континенте. Чистое, без облачка на небе, только отравленное чёрными клубами едкого дыма, что поднимается с полей сражения. Я, идя через весь двор Храма солнца, без эмоций взираю на тёмные столбы от пожарищ — следствие работы ралаимов и наёмников, выжигающих позиции врага, не давая ему закрепиться.

Но все мысли стоит направить на другое. Сегодня посреди дня, пока я отдыхал, ко мне в комнату вломилась стража и потребовала пройти с ней, чему немедленно и подчинился. Тревога заставляет меня содрогаться, ведь не знаю, что мне инкриминируют и вынужден идти под конвоем, в лёгкой алой рубахе, штанах тёмного цвета и сапогах. Не понимаю, куда меня ведут, не осознаю, что происходит, но знаю одно — всё это неспроста и в моей голове витают только догадки. Трое воинов в красно-белых табардах окружают меня, и ведут непонятно куда, отчего я ощущаю себя каким-то преступником, вором или крамольником. На себе ловлю взгляды послушников и хранителей... осуждающие, смущённые или озлобленные — никто не остаётся равнодушен к тому, что меня тащат невесть куда. А хотя я уже догадался, что мой путь предлежит недалеко.

— Эй, что происходит!?! — кричит возмущённо кто-то из Святого ордена.

— Не важно! — фыркнул стражник. — Это государственное дело, не вмешиваться!

Мы со стражниками приблизились к Обители, возле которой выставлено усиленное охранение в виде отделения хранителей. Я призраком прошёл мимо них и вот мы внутри богато, но сдержанно обставленного помещения в котором бывал десятки раз, но сейчас оно мне кажется особенно холодным.

— Поднимайся, — указал стражник на лестницу и взобрался по ступеням, выйдя в знакомое помещение, где раньше Арантеаль проводил собрания. Только не ради этого я был вызван.

У стола я насчитал тринадцать человек и все как один в лощёных роскошных одеждах, выказывающих их аристократический статус, а кольца на пальцах — золотые и серебряные, украшенные драгоценными камнями только подтвердили мой вывод о них.

«Хах! Кто-то решил собрать трибунал», — догадался я, вспоминая то, что этот орган власти, собирается из представителей разных слоёв общества Эндерала, но зачастую туда пробиваются богатей и аристократы, дабы «праведно и безукоризненно вершить справедливость на континенте и блистать светом чистоты судебной власти». Но зачастую они мелкое ворьё и жульё вешают, вместе с изменниками государству и вере, а вот те, кто имеют солидный денежный вес в обществе оказываются практически всегда чисты в глазах этого, конечно же без всяких «шутков», «справедливого» судилища.

— Господа трибуны, — начал доклад стражник, — по вашему прошению был доставлен

Фриджиэн из Арка.

— Могу знать, чего ради меня вытащили? — недовольно спрашиваю я. — А то без официальных обвинений, без бумаг. Так быстро и чётко.

— Стража, обеспечьте безопасность заседания, — отдал приказ один из трибунов, тут же повернувшись ко мне и став что-то монотонно тараторить. — Эндеральским Трибуналом от сего дня этого месяца и года рассматривается дело о превышении полномочий, государственной измене, попытке свержения законной власти Святого ордена.

— Что!? — от прозвучавшего обвинения у меня едва не подкосились колени, но трибун продолжает бесстрастно зачитывать текст.

— Вы приведены в качестве соучастника по данному делу. Для начала писец по делу должен зафиксировать кое-что. Вы же Фриджиэн из Арка? Когда и где вы родились?

— Да, — выдавил я из себя, до конца не осознав происходящее, находясь в полупрострации. — На свет появился тридцать одну зиму назад двадцать шестого числа четвёртой луны.

— Скажите, вы знакомы с кем-либо из трибунала или писцом, имеете с ними близкородственные, коммерческие, трудовые или иного рода отношения, близость предполагающие?

— Нет, — мотаю я головой и до меня только сейчас доходит, что в условиях войны, что с учётом положения, а может и нажима с чьей-то стороны трибунал всё хочет сделать быстро и эффективно.

— Хорошо. Тогда стоит перейти к рассмотрению дела по существу, — трибун показал вправо, где на отдельном стуле восседал седой мужчина, облачённый в свой привычный доспех. — Вашим обвинителем выступает Арантеаль Теалор. Он созвал трибунал для вынесения решения по сложившейся проблеме. Обвинение, начинайте.

— Да, — с хрипом приподнялся великий магистр. — День назад один из моих агентов, который несёт службу в Подгороде, заявил в рапорте о разговоре между двумя ралаимами, — Арантеаль протянул два листа, и стражник передал их трибуну. — В рапорте говорится, как два представителя Ралаты обсуждали то, что Велисарий собирается сменить Святой орден во власти и построить новую страну. После того, как я ознакомился с рапортом, то ходатайствовал о вашем собрании, многоуважаемый трибунал. Поскольку Велисария нет в городе, то начать дело я потребовал с Фриджиэна, как пособника ему.

— Как значит дело касается Лишари, так никаких агентов, а как твоего зада в кресле магистра и цикла, так ты готов за слухи тянуть, — с презрением я обратился к Арантеалю, от гнева у меня сдавило грудь и тяжело дышится.

— Подозреваемый, не выступайте супротив порядка! — осадил меня трибун.

— Как глава Святого ордена я прошу разобраться в этом трибунал. Если они чисты, то так и быть, а если нет, то их ждёт эшафот. И заявляю, что для получения сведений нам необходимо применить пытки.

«Ах ты гнида!» — ругаюсь я на Арантеаля. — «Зачем тебе на нас нападать? Власть потерять боишься? Или думаешь, что не закончишь свой светоч?».

— Заявляю об отклонении, — поднялся один из трибунов. — Как сказано в уложении правил о трибунале — «Никто не должен подвергаться допросу под пытками, доколе не будут получены улики и не будет доказано то преступление, допрос о котором желают произвести. Если бы даже из-за мучений преступление было признано, сему не должно придавать веры или осуждать кого-либо на этом основании. Если же где-либо иные власти

или судьи нарушат сие, то они должны и повинны будут учинить надлежащее возмещение за бесчестье, страдания, судебные издержки тому, кто вопреки праву, без предъявления доказательств, был подвергнут пытке». Так что неможно пытки к Фриджиэну.

— Хорошо, — главный трибун поднимается с места. — Фриджиэн из Арка, перед началом допроса мы предупреждаем вас о том, что за дачу заведомо лукавых свидетельств к вам может употреблена карающая мера в виде добавочного заточения, штрафа или пыток. Вы разумеете это?

— Да.

— Хорошо. Скажите, Фриджиэн из Арка, вы пребываете в каких-либо заговорщицких организациях, которые имеют в целях учинить крамолу супротив ордена святого?

— Нет, — отмахиваюсь я, с удерживаемой дрожью в голосе.

— Вы знаете тех, кто мог бы пребывать в таких организациях? И как к ним относится ваш глава Велисарий?

— Нет, — более твёрдо говорю я. — А сам Велисарий к этому негативно относится.

— Хорошо, — трибун неспешно повертел головой. — Мессеры, у вас будут ещё вопросы к подозреваемому? — после небольшой паузы, престарелый трибун продолжил. — Теперь мы переходим к рассмотрению доказательств. Мессир Арантеаль?

— Да. В качестве доказательств, я, как обвинитель представляю вам рапорт, отчёты разведчиков о сотрудничестве Велисария с мародёрами и бандитами. Всё у вас есть в деле, — великий магистр перешёл в «наступление». — Я ходатайствую о признании этих доказательств достоверными, на основании которых к подозреваемому можно применить пытки, — эти слова великого магистра, сказанные сухо, вызвали у меня бурю ненависти и дикое желание швырнуть в него что-то тяжёлое.

— Трибунал переходит к изучению материалов дела, — трибун стал неспешно листать пергамент, что-то вычитывая и делая выписки, и уже через полминуты спрашивает меня. — Скажите подозреваемый, а какова цель того, что вы стали брататься с мародёрами да бандитами, как утверждают отчёты? Да ещё и Ралату привлекли? Вы им пообещали что-то?

— Во-первых, мы убедили их в том, что стоит объединиться с нами ради победы над Неримом и процветания Эндерала. А во-вторых, сам Арантеаль Теалор дал Велисариию эти полномочия, — мои губы тронула улыбка от того, что я вспомнил важный момент. — Да, копия постановления Великого магистра о наделении рядом полномочий Велисария хранится у архивариуса. Там точно обозначено, что он может привлекать на службу всех, кого сможет.

— Стража. Доставьте нам из Архива это постановление, — потребовал трибун, повернувшись к Арантеалю. — Мессир Теалор, на основании ваших бумаг мы не имеем силы ничего пока вынести. Как обозначено, они сомнительны и как вы растолкуете то, что дали сами полномочия Велисариию?

— Да. Я ему говорил о том, что он может использовать часть наших ресурсов и полномочий, но бандиты и мародёры — это уже слишком. Это против законов Святого ордена, — тихо говорит Арантеаль. — Да и та беседа ралаимов была явно неспроста.

— Фриджиэн из Арка. Как вы могли бы объяснить этот разговор ралаимов? — спросил один из трибунов. — О чём они могли говорить таким образом?

— Да знай их. А хотя, — зацепился я за мысль. — Велисарий часто говорил, что только совместными усилиями можно сделать Эндерал могущественнее и выиграть войну с Неримом. Он говорил, что после этого противостояния с прихвостнями Коарека мы выйдем

сильнее, что это будет новая страна. Да, именно так, — радостно я говорю, найдя чем можно объяснить болтовню опрометчивых ралаимов.

— И всё же, Арантеаль, — встал на мою сторону трибун, — как говорят процессуальные нормы — «если заметят, что подозреваемый держится потаенно, необычным и опасным образом около тех лиц, в измене коим он подозревается, и если он ведет себя так, будто им не верен, и является при этом человеком, от которого можно ожидать подобных поступков, то сие является доказательством, достаточным для применения допроса под пыткой». А Фриджиэн так себя не ведёт, держится открыто.

— Он уже предавал Святой орден, — давит великий магистр, что меня выбивает из колеи.

— Я хочу напомнить, что их подозрения, из-за которых они покинули Святой орден, подтвердились, Арантеаль. Если бы не они, то Эндерал вряд ли бы выстоял.

— Хорошо, — скрипя, соглашается Теалор, как тут в залу прошёл стражник с кипой пергаментов, громогласно объявляя:

— Постановление доставлено.

— Давайте, — взял трибун и стал копаться в нём, тут же недовольно заявляя. — Поправки к проставлению, приписки. Действительно, вы им дали широкие полномочия, и разрешили, как я цитирую «использовать любые людские ресурсы бедноты, а также, при деятельном покаянии и сбившихся с Пути», — черноволосый трибун взглянул на Арантеаля. — Тут написано ясно.

— Усвоение доказательств можем мыслить завершённым, мессире? — спросил старый трибун. — Ещё будет, что приложить к делу?

В ответ только тишина.

— Хорошо. Трибуналу теперь следует перейти к расспросу разного народа. И трибунал по своему усмотрению выбрал допросить Джеспара Даль'Варека, а по ходатайству Арантеаля агента из Подгорода. Начнём с агента. Пригласите его.

В зал прошёл высокого роста парень, на котором вьются тёмные одежды, а на лицо ниспускается капюшон.

— В целях сохранения анонимности, — заговорил темноволосый трибун, — мы начнём без предварительного опроса о личности. Предоставьте документ о личности, — как только всё было выполнено, трибун перешёл к допросу. — Вы предупреждаетесь о том, что за заведомо ложные показания вы можете быть подвергнуты наказанию Вам это понятно?

— Да, — сухо ответил агент.

— Скажите, вам знаком подозреваемый?

— Нет.

— Что вы можете пояснить по делу?

— Пару дней назад я вёл осмотр Подгорода, как услышал, что два ралаима обсуждают то, что скоро будет новая страна, что скоро Святой орден будет «пододвинут» Велисарием.

— Это всё? Ралаимы называли ещё имена? Говорили напрямую об измене или перевороте?

— Нет, мессир. Только о том, что Велисарий может «пододвинуть» Святой орден.

— Хм. А они раскрывали значение слова «пододвинуть»? Они конкретно ничего не говорили о том, что Велисарий собирается устроить мятеж?

— Нет, мессире. Ничего такого.

— Мессире, — обратился темноволосый трибун. — Определённой чёткости в его

словах нет. К тому же, агент, как вы пояснили, что, — мужчина подтянул к себе лист пергамента, — согласно протоколу тайной выемки в вашей комнате был обнаружен чёрный флакон объёмом в сотую литра, в котором содержалась травянистая масса в перемешку с частицами блестящей пыли? Как подтвердила экспертиза, это курительный сбор светопыли и сон-травы.

— Что!?! — опешил агент. — Я не мог! Мне подкинули!

— Да, Арантеаль, — повернулся к великому магистру трибун. — Когда ты объявился у нас на пороге, мы провели своё расследование в отношении агента и установили, что он по крайней мере имеет наркотические вещества у себя.

— Почему мне не сообщили? — возмутился магистр, а от этой ситуации у меня на губах появилась улыбка.

— Держите, — трибун протянул пергамент. — Это протокол тайной выемки, составленный Аксандером Далль'Кином.

— У трибунала есть вопросы к агенту? — спросил старый трибун и когда молчание обозначило их отсутствие, сказал. — Можете быть свободны. А теперь я прошу пригласить Джеспара Даль'Варека.

В зале объявился седовласый наёмник, в синей куртке, утянутой кожаным панцирем. Пройдя мимо меня, он встал возле большого стола и заслушал привычные вопросы о годах, месте рождения и ответственности. Когда все формальности были уложены, прозвучали главные вопросы. Его появление у меня вызвало смешанные чувства страха и радости.

— Джеспар, два дня назад трибунал вас привлёк, чтобы вы нашли доказательства, которые можно возложить в обвинение в государственной измене Велисария и его приближённых, или не обнаружили таковых? — спросил старый трибун.

Наёмник молчит, что меня и напрягает. Он слегка повернул головой в мою сторону, и края его губ дёрнулись в слабой улыбке, после чего раздался ответ:

— Нет, достопочтенные мессеры, ничего подобного я не нашёл среди них. Всё это вы можете прочесть в моих записках по этому поводу. Единственное преступление, в котором их можно обвинить, так это то, что в подвалах замка Златобород они хранят отличные вина и не дают их никому.

— Может быть, — вмешался темноволосый трибун, — храмовники или новые жители Солнечного берега говорили о новой власти? О новом государстве или чём-то в этом роде?

— Нет. Все разговоры, которые я слышал, это приказы, обсуждения женщин, или предвкушения боя с неримлянами.

— Хорошо. Мессеры, у вас будут вопросы к Джеспару? — обратился старый трибун.

— Нет, — ответили заседатели трибунала и с ними согласился Арантеаль, который немного опешил после случаем с агентом.

— Джеспар, вы можете быть свободны, — секунду помедлив, старый мужчина объявил о переходе к следующей стадии разбирательства. — Теперь нам стоит говорить с обвинителем и подозреваемым, да приговор огласить.

— Арантеаль Теалор, — устремил реплику черноволосый трибун, — скажите, а какие цели вы преследуете вашим обращением? Что бы вы делали со всем войском и планами, если бы в отношении Велисария вынесен был бы обвинительный приговор?

— Моя цель — защитить Эндерал от всевозможных угроз. Если вдруг их измена — это правда, то вся моя работа со светочем окажется напрасной...

«Как же я не заметил этого лёгкого ветерка безумия, который веет от великого

магистра», — подумав, цокнул я. Только сейчас до меня дошло, что как только при нём прозвучали слова о том, что возможна смена власти, он сложил всю картину и завершил её ужасным для себя образом — тем как мы разбираем светоч и лишаем его лавров спасителя мира. Но и честности ради стоит сказать, что он, взорвавшись паранойей и желанием во что бы то ни было сберечь главное дело рук своих, угадал с нашим замыслом. Но только это не следствие продуманной деятельности и агентуры, а игра воображения, которая попала в «цель». И он, помешавшись на светоче, сделал ошибку, присущую фанатично настроенным людям — стал действовать сгоряча.

Однако, мне стало не по себе от того, что Арантеаль, великий магистр Святого ордена, совершил такой глупый и наивный шаг. Неужто теперь вся его жизнь крутится вокруг светоча, и идея цикла стала для него смыслом жизни и самоцелью? Как такой человек, заражённый идеей из-за которой меркнет весь остальной мир, может стоять у власти и командовать? Даже сегодняшний трибунал — это следствие его неправильного действия и образа мыслей.

— Я возьму над ними командование, — продолжает объясняться Арантеаль, — а также задействую в починке светоча. С такими войсками мне ничего не стоит и выбить неримлян.

— Ладно, что может сказать подозреваемый?

— Ничего, — ответил я. — Мне, нечего сказать.

Старый трибун поднялся с места, поправ роскошный черниц плащ, вышитый из атласа и громко огласил, что мы на самом финале:

— Теперь, руководясь процессуальными нормами, стоит перейти к голосованию. Кто за то, чтобы на основании данных доказательств, признать Фриджиэна из Арка виновным в крамольном деянии? — на вопрос председателя не встал ни один из трибунов, все молча смотрят на него. — А кто за то, чтобы снять с него все обвинения? — в этот раз весь трибунал поднялся в мою защиту, а главный трибун продолжил. — На основании общего голосования трибунала, его суверенным решением, Фриджиэн из Арка признается невиновным в выдвинутых ему обвинениях и может быть освобождён из-под стражи. Дело закрыто, достопочтенные мессеры.

Я с великим облегчением выдохнул. Всё закончилось и люди стали расходиться, а старый трибун заполняет бланк решения, чтобы потом дать его писцу для создания копий.

— Прости меня, — напротив меня встал Арантеаль. — Я должен был ходатайствовать об этом процессе. И я рад, что всё получилось именно так.

— Понимаю, — сдавленно выдавил я, унимая гнев от того, что подозрения Арантеаля всё же обоснованы.

Попрощавшись с ним, мной было решено отправиться и надёжнее спрятать бумаги, где я писал о новом Союзе и пару дней может повертеться рядом со светочем, чтобы Арантеаль подумал, будто мы испытываем к нему интерес. Но меня пихнул тот самый молодой трибун в тёмной одежде с чёрным волосом, кивнув в сторону угла. Мы встали поодаль от входа, чтобы нас не было слышно.

— Мессир Фриджиэн, господа из Золотого серпа, банка и ферм шлют вам своё расположение, — сдержанно и вполголоса начал парень. — Трибунал благоволит вам в вашем деле спасения Эндерала и готов... закрыть глаза на крайне неубедительные доводы определённых лиц.

— А что с агентом? Он реально на светопыли сидит?

— Прекрасное стечение обстоятельств, не правда ли? — усмехнулся парень. — Знаете,

это не самое страшное, за что его можно было поддеть. Он брал взятки от Ралаты, которые тратил в борделе, да и промышлял контрабандой. Так что ему ещё повезло, что у него, так кстати, обнаружилась светопыль.

— Спасибо.

— Помните, что Трибунал приглядывает за вами... в благодарность за грядущие блага от тех, кто примкнул к вам.

Трибун поклонился и отправился прочь. Я же был несколько удивлён тому, что Золотой серп, банк и другие делатели монеты и товара настолько сильно держатся за будущие изменения, что крепко взялись за трибунал и по сути, сформировали его решение.

Ладно, мне всё нужно обдумать и отдохнуть, немного успокоиться и уведомить Велисария о том, что Арантеаль собирался устроить надо мной быстрое судилище. Предо мной пронёсся наёмник.

— Джеспар, благодарю тебя, — говорю я, тоже устремляясь к выходу. — Может, пропустим по кружке?

— Сейчас не до этого. Нас ждёт родина одного звёздника, — отмахнулся Джеспар, — может быть позже. Ты только представь себе — летающий корабль и город в небесах.

— Даже не могу подумать, — усмехнулся я. — Арантеаль готов бросить вас хоть на край мира, только бы достроить светоч.

Глава 19. Цена предательства

Глава 19. Цена предательства

«Предательства совершаются чаще всего не по обдуманному намерению, а по слабости характера».

— Оккул Дисперса — Эндеральский философ.

Спустя три дня. Храм солнца. Ночь.

Вот уже как несколько часов наступили сумерки, а я до сих пор сижу в тёплых личных комнатах и продолжаю писать. Под моей рукой пергамент, где вырисовываются аккуратные буквы, переходящие в предложения, а те в свою очередь в статьи нового документа, который скрыт под общим художественным смыслом. Вот уже два дня я безвылазно выполняю задуманное Велисарием — создаю проект Генерального уложения, которое вплетено в книгу, чтобы в случае очередной облавы со стороны Арантеаля не дать повода для себя отправиться на эшафот. Велисарий, услышавший о заседании трибунала, только ухмыльнулся и решил, что будет вести дела более тихо, а мне сказал, чтобы я так же был осторожен.

Для меня это хороший способ отвлечься от всего происходящего, да и поближе быть к Лишари, которая так и не пришла в себя до сих пор. О'Брайенн всё ещё занят приготовлением лекарства, а это чудо из ордена, которое сильно общается с Калией и Джеспаром, всё ещё носится как оголтелые, желая предотвратить то самое «очищение». Говорили, что они даже на воздушном корабле звёздника летали в небесный город этой расы, но ничего там не нашли. А ведь им нужен некий «нуминос», вещь, которая запустит светоч и очистит мир от угрозы очищения, что бы это ни было.

Черкнув ещё пару раз на пергаменте я завершил статью, одну из финальных, вплетённую в последнюю главу повести. Прочитав, узрел, что она посвящена праву каждого из членов Союза или Альянса иметь собственную валюту. Хм, интересно, что задумал мой командир и магистр, дороги с которым у нас практически разошлись?

Я не знаю, что замыслил Велисарий, не понимаю его идеи насчёт Союза Эндеральского. Он только и делал всё это время, что занимался обсуждением планов нападения и обороны, а потом выясняется, что он запланировал смену формы государства и возведение к власти тех, кто раньше от неё был отстранён. Что ж, в условиях, когда неримцы грабят территории родины, когда Святой орден практически полностью потерял контроль над страной... если это необходимо для Эндерала, как и союз с дикими магами, как и объединение с разбойниками и беззаконниками, то я согласен.

Но сейчас больше всего Велисарий занят обороной Арка. Он приказал своим пушкарям беречь боеприпасы, и отвёл их в квартал знати и у Храма солнца, сформировав два огневых рубежа. В старой башне, которая раньше принадлежала магистру Йеро, он обустроил огневую точку... а когда там нашли ещё и пещеры подземные, то сотни человек своей Единой армии смог там разместить, оставив стражу Арка в одиночестве блюсти порядок в городе. Конечно, он предлагал стражникам через командуемую Эрен последовать его идеям и начать отводить людей из Арка в сторону Речного, но мало кто его послушал. Кто-то ушёл, а кто-то остался, часть стражников стала чаще проситься в патрули у Храма.

В это же время Велисарий подготовил смешанные отряды из ралаимов и бедноты, которые с помощью свитков телепортации раскидал по всему южному Сердцеземью и

Западным горам, и устроил ночной террор в лагерях неримцев. Этих сводные команды в сумраке нападали на патрули, колонные и ночные стоянки, вырезая всех с кровавой жестокостью и так же неожиданно скрываясь. Во славу своего «Отца» и во получения будущих благ эти люди были готовы пойти на всё, даже если им придётся воевать с несметными полчищами еретиков и фанатиков. Что касается ещё ралаимов, я часто вспоминаю, что Велисарий как смог подготовил пять сотен пикенеров, чьи острые пики станут непреодолимой стеной в узких проходах, и сотню лучников из бедноты Подгорода вместе с двумя сотнями ралаимов, оставив их там для охранения этого места и ожидания сигнала.

Удивительно, но мы сидим и... ждём пока Нерим не войдёт в город, чтобы его схватить в клещи. В самом Арке остался только Велисарий со своим личным отрядом храмовников в полсотни душ, натренированным и набранным из лучших воинов, которых он смог найти среди бандитов и кочевников. Со стороны запада в тайных укрытиях своего часа ждут пять тысяч солдат Солнечного берега, Речного и полка, вместе с батареей пушек и тремя кавалерийскими отрядами по полсотни человек в каждом, сообща с наёмниками. На севере своего часа ожидают орды кочевников-мародёров из пустынь, а также всадников Дюнного из саванн востоке, в числе четырёх тысяч, вооружённые луками и мечами, копьями и ударными пиками.

Я, пересчитав всю мощь орды Коарека, задумался, а хватит ли нам всей нашей армии, чтобы уничтожить армию Нерима или хотя бы отогнать её? Нас двенадцать тысяч, а противника чуть больше двадцати, к тому же все разбитые части прошлого корпуса осели у него, но у нас пушки и часть солдат вооружена ручницами, однако мы воюем против профессиональной, фанатично настроенной армии, сколоченной из бывших солдат и крестьянских мужиков, вперемешку с профессионалами. Я уповаю только на милость Богию в грядущей схватке... эх, как бы снова хотелось увидеть в живых после этого боя всех своих друзей, Исаила, Гаспара, и особенно Лишари. Меня иногда посещают воспоминания о том вопросе, что задал мне психопат... почему меня это так тревожит? В голову лезут грёзы, а воображение рисует удивительные картины прекрасного будущего, где у меня есть всё, чего так хотелось бы, но в Святом ордене это невозможно было получить — свой дом, семья, мирная тихая работа.

Мои размышления прерываются — дверь со скрипом резко распахнулась и ко мне влетел послушник, как ошпаренный он оказался возле меня и запыхавшись закричал:

— Тручесса! Она собрала несколько хранителей, захватила сигил и направилась к воротам!

— Что!?! — крикнул я, мне показалось, что я сошёл с ума, что мой мозг решил сыграть шутку и выдать галлюцинацию, но человек передо мной совсем не морок и его голос разносится по моей комнате:

— Тручесса, говорю! — продолжает вопить послушник. — Она взяла сигил, собрала тридцать хранителей и пошла вниз!

Меня... я словно пьяный — в голове разлилась тяжесть, все мысли спутались, мир стал острее — яркость красок усилилась. Моя говорильня словно распухла — я попытался сказать, хоть что-то, но слова не шли, язык вяз. Собрав все силы, вобрав всё сосредоточение, я всё же произношу вопрос:

— Когда это было?

— Часа два назад! — вопит послушник, едва ли не топая ногами.

— Значит они уже почти у ворот, — мою голову объяло такое головокружение, что я вцепился в стол, скребя его ногтями. — Свиток телепортации есть?

— Да! Не уж то вы хотите...

— Да, — я встаю как пьяный, мои ватные ноги еле как меня держат; по столу пронеслась моя рука, снеся всё подряд; я водил по гладкой крышке, пока, не зацепляя за стекляшку и опустошил её содержимое.

Силы снова стали наполнять меня, чёткость звуков и напряжение тела вернулись. Зелье О'Брайенна отлично снимало не только боль, но и волнение, тревогу и шок. Я нашёл в кармане один свиток и обхватил его взмокшей ладонью.

— Мы пойдём одни? — испугался послушник.

— Да, у нас нет времени собирать народ, — я направил тело вперёд, автоматически хватаясь за клинок... спата осталась в стороне, вместо него полуторный меч, с древней надписью. — Пошли!

Мы вылетели из здания и не обращая никакого внимания на хранителей, что-то нервно обсуждавших. Предавшись на волю Единого, я вверил себя в руки магических потоков и перенёсся сквозь пространство. Картинка внутреннего двора Храма растворилась, а перед ней южный квартал, с его скромными зданиями, узкими улицами и понурыми дворами. Мы очутились практически у ворот и тут же со всех ног ринулись туда. В ночной тьме не видно стражи на крепостных башнях и стенах, и она не видит нас... также как видимо не узрела и Натару.

Мы миновали массивные ворота и вбежали в крепостной мешок — часть южного квартала, представленная обнесёнными массивными стенами конюшнями, парой кузен и сторожек, где ворота за град. В тени огромных стен мы неслись по брусчатке подобно ветру. Я не жалел ног, в них же уже вспыхнула боль и усталость, хотелось кашлять и просто упасть на холодную брусчатку. Но я нёс себя, изо всех сил превозмогал боль, лишь бы спасти мир от глупости Натары и её наивности. Как бы сильно я не любил эту женщину, должен признать, что сейчас она пошла на этот поступок по любви к людям Арка, желая их спасти от осады, гнева Коарека и возможного голода.

Мы практически добежали до поворота, как перед нами возникла стена тёмных фигур в плащах и капюшонах с луками наперевес. Я не стал вынимать клинка, ибо подозреваю, кто это может быть.

— Командор! — приглушённо кричит вперёд вышедший парень.

— Здравствуй, следопыт, — отвечаю я ему.

— Натара Даль'Верам. Она и ещё сорок хранителей ведут переговоры у ворот с Коареком. Городская стража не смеет влезать.

— Ах, уже сорок! — рассерчал я и стал показывать на зубчатые укрепления подле нас. — Следопыт, бери своих и рассей их на стенах. Пусть по команде или опасности обстреляют неримлян.

— Есть.

Следопыты севера, призванные Велисарием не так давно, станут отличным подспорьем в этой войне. Оторвавшиеся от мирной жизни северяне поняли, что Коарек несёт лишь гибель и встали под знамёна Совета, составив особый контингент лучников.

Мы пробежали по длинной дороге, стесняемой массивной стеной с одной стороны и грядой строений с другой, за поворотом, где нас при движении налево ждал выход к воротам и картина немого предательства:

Хранители, чьи доспехи тускло сияли в огне, образовали тонюсенькую стену у врат, не достававшую от одного края превратной башни до другой. Держа факелы и мечи на изготовке, они ждали исхода переговоров, которыми должна завершиться война. Там, за зелёной полупрозрачной пеленой магической печати, скрепившей решётку врат, виднеется знакомая фигура. Всё так же являвший образец гордой стати, в прекрасной шёлковой накидке поверх латного доспеха и с красивым лицом, отточенными чертами вольности.

Тут же как назло стал капать мелкий дождичек и подул лёгкий холодный ветерок. Я посмотрел на стены и подметил, что следопыты уже на местах, и положили стрелы на тетиву, в ожидании приказа. Мы, скрытые тьмой и дождём подобралась ещё ближе, и никем не замеченные, прильнув к кучам дров, стали внимать ходу переговоров:

— Ты не тронешь город, не единого его жителя, леорана, кошку или собаку, я ясно выразилась! — грозно заявила Натара и это выглядит смешно — у неё за спиной сорок хранителей, против тысяч солдат за Коарекком.

— Само собой разумеется! — Коарек ударил себя в бока. — За кого ты меня принимаешь? За варвара? Я — цивилизованный человек и несу свет науки и просвещения от мракобесия! Как только мы займём город и разрушим светоч, нашим мечом станет проповедь, а щитом та правда, что мы несём.

— Пойми Коарек, — уже более сокрушённо заговорила Натара. — Здесь живут добрые люди, у которых есть семьи, дети... есть кого любить и во имя чего жить. Они ничем не хуже вас. Если хочешь победить, то побеждай словом!

— Конечно, Натара! — хлопнул в ладоши Коарек. — Я тебе больше скажу, каждый Аркчанин и эндералец получит от меня компенсацию в два золотых. Один за то, что я посетил с огнём вашу страну, а другой за то, что они натерпелись от Арантеаля и его безумства! — Натара ничего не отвечает, только смотрит на Коарека, её душу прогрызли сомнения, она чувствует сладкий яд в его словах, но даже мне понятно, что всем сердцем и душой желая прекратить эту бессмысленную войну, она хочет дать пройти Коареку победным маршем по городу, дать скинуть светоч с «ока богов» и надсмеяться над Арантеалем; а Таранор, учуяв колебания в её душе, стал убеждать. — Если ты мне не веришь, то вот моё слово. Слово Протектора Вольного народа! Разве может ничего не стоить правителя Нерима!?

— Хорошо, — едва ли не прошептала Натара. — Только прошу тебя, не лей крови.

— Да будет так.

Натара повернула голову сначала вправо, а затем влево и получив одобрение взаимными краткими кивками, Тручесса отдала приказ:

— Снимите печати, откройте ворота! — и на эти слова откликнулся чародей среди хранителей, облачённый в алые мантии.

Она сейчас откроет ворота и впустит сюда не менее десяти тысяч солдат, готовых во имя их «пророка» не только идти до края мира, но и творить такие зверства, которым бы позавидовал сам маршалл Ханферек. Чародей уже начинает ткать заклинание из тонких нитей инопространственной энергии, как у меня стораёт терпение и возникает острая необходимость действовать:

— Нет! — не выдержав кричу я, чем привлекаю всеобщее внимание. — Натара не думай этого делать! Он дурит тебя!

Меня вынесло бегом практически к линии хранителей и моё появление возымело эффект — маг отвлёкся от своих заклятий. Все обратили внимание на меня. Я же увидел

лицо Натары — оно, покрытое парой морщин, всё ещё сохраняет красоту и являет черты заточенности и подтянутости. Её волос — длинный и пышный убран в шишку на затылке, с заколкой в виде клинка. Небесно-голубые лазурные очи взглянули на меня оценивающе поглядывая.

— Фриджиэн, — узнаёт она меня, но голос её больше не пестрит обвинениями или злобой, он мирен и спокоен, поучителен, подобно тому, как старшая сестра учит младшего брата. — Зачем ты пришёл? Это не твоя война теперь. Иди лучше к Лишари и позаботься о ней. Иди к Велисарю и убеди его в том, что бессмысленная война окончена.

— Нет, постой, Натара! — я изо всех пытаюсь подобрать слово, способное её остановить. — Коарек не будет держать обещание. Он уже приказал распять и убить многих эндеральцев, так почему же ему стоит изменять своим принципам? Если хочешь спасти Эндерал от кровопролития, то послушала бы Велисария.

— Ты и твой командир много сделали для страны. Я не спорю — вы возродили множество селений, смогли привести к миру тех, кто ещё вчера готов был убить друг друга. Но война... её нужно закончить сейчас, — настаивает она на своём, но и не приказывает распечатать врата.

— Ещё вчера ты говорила о нас, как о предателях... что изменилось? — мне стало интересно, почему вдруг она переменяла своё мнение, да и это ещё немного потянет время.

— Да, я считала вас предателями, думала, что для вас главное это либо личная нажива и слава, либо служба Коареку, — в голосе Натары пробежали нотки вины. — Но вы доказали обратное. Прости меня, что так считала вас такими. И прости меня за то, что я сделаю, ибо иного выхода нет.

— Не ты ли говорила раньше, что сотрудничество с Коарекком это предательство? Я рад, что ты подумала о нас иначе, но...

— Так и ты подумай обо мне иначе, — просит она, едва ли не протягивая руки, перебивая. — Я хочу, чтобы все мы жили теперь мирно. Чтобы жёны и мужья воспитывали детей, а не видели их предсмертные агонии, чтобы не лилась кровь по улицам Арка.

— Если ты так хочешь помочь стране, то почему не сделала это раньше? — мой вопрос звучит уже не с прошлым обвинением её правления, а скорее из интереса. — Ты могла это сделать, когда не было Арантеаля.

— Я и сейчас пытаюсь помочь Эндералу! — оправдательно крикнула женщина. — Представь себе — Великий магистр, безраздельно правивший страной, внезапно пропадает и всё бремя власти, всей массой, ложится на тебя. Да я до этого занималась лишь войной и обучением, и знала о делах государства только на бумагах. Я просто не знала, как править страной, набитой теми, кто готов её разорвать! Не знала иных методов, — такое ощущение, что раскаивается в своём правлении и её ошибками, но вот вопрос — что её так изменило? — Знаешь, мне порой кажется, что Арантеаль умер там, в Нериме, а оттуда вернулась его не самая лучшая копия.

— Я тебя понимаю, — тихо говорю Натаре и замечаю, что все смотрят на нас и следят за диалогом. — Ты говоришь, что желаешь мира для народа, но правильно оценит ли он твой порыв? Не предаст ли он слово? К тому же одобрил ли Мальфас такой поступок?

— И сказано в вашем Предании — «прежде ищи мира, посоветуйся перед войной», — неожиданно выпалила цитату Натара. — Я его и ищу, ибо

— Ты читала его?

— Да.

— Ты тогда должна помнить и иное — «устаи своими притворяется враг, а в сердце своём замышляет коварство», — я продолжаю убеждать... если она читала Предание и слова его легли ей на сердце, она должна им внять. — И сказано ещё — «Вот шесть, что ненавидит Создатель, даже семь, что мерзость душе Его: глаза гордые, язык лживый и руки, проливающие кровь невинную, сердце, кующее злые замыслы, ноги, быстро бегущие к злодейству, лжесвидетель, наговаривающий ложь и сеющий раздор между братьями».

— Фриджиэн, я больше не могу говорить с тобой. Чем дольше мы с тобой общаемся, тем дольше всё это продолжается. Арантеаль всё это начал, так позволь же мне закончить.

— Натара...

— Чародей! — кричит она, отвернувшись от меня.

Я бы хотел дать команду — следопыты на стенах могут положить всех одним залпом — и чародея, и хранителей, и Натару, но что-то сковало меня. Один вид столь причудливого поступка, той, кто была вернее сильнее всего Святому ордену и его идеалам, открывает врата его губителям. В разгорячённом духе рождается крик души, но тело как будто кем-то сжато и стянуто хваткой безволия и немоты. Я только и могу смотреть за тем, как маг заклятье за заклятьем рушит барьеры, наложенные Юсланом.

Спустя пару секунд, магические печати развеялись со звуком метели и зелень, окутывавшая воротную решётку растворилась подобно утреннему туману. Теперь за ней отлично проглядывается неримский строй.

— Поднимай! — кричит Натара и не сразу, стража тоже потонула в сомнениях, решётка поднялась; спустя только минуту раздался пронзительный скрип и врата «распахнулись» перед армией врага.

Вот так вот... две операции, широкий театр боевых действий, реки крови и мобилизованные ранее неведомые, поистине колоссальные для Эндерала ресурсы. И всё ради того, чтобы это пустить по ветру и так просто впустить вражескую армию. Неримляне двинулись вперёд, так легко и вольно, словно не было «Фермерского берега», бойни на «Золотом берегу», окружения и уничтожения их группировок на севере и у Дюнного. Они заходят как те, кто одержал верх в этой войне... и меня это коробит, от чего даже щёки обьял огонь.

Армия Нерима вошла в город, словно как на победный парад. Впереди шагают тридцать арбалетчиков, обвешанных полным латным доспехом, а впереди них сам Таранор, со свитой в виде двух лучников. Только вот в него руках вместо цветов перемирия — бритвенноострый клинок. А за ним протянутые в глубину отряды мечников и копейщиков, составляющих костяк неримской армии.

Тручесса взяла мешок от одной из хранильниц и широким движением швырнула его Коареку, а тот ловко поймал.

— Держи! — крикнула Натара. — Сигил!

Коарек опустил руку в мешок и зацепился за что-то... а потом вынул светящийся внутренним светом тёмно-фиолетовый шар. Отблеск магического артефакта отразился огоньками безумия... которым он впринципе и заражён.

— Вот незадача, — Коарек взглянул на Тручессу, его рука ослабла и с ладони слетел хрусталь... прямо на брусчатку. Стекольный звон разнёсся шоковой волной среди хранителей. Теперь город беззащитен перед Красным безумием.

Таранор вышел вперёд и вздел длань и сию секунду арбалеты были подняты, а пехота стала рассеивается у ворот, занимая позиции перед боем.

— Молодец, девочка, — с демоническим блеском в очах, произнёс Коарек. — Ты всё сделала правильно. А теперь, я вынужден избавить город от бремени религии. Ты понимаешь... все люди здесь заражены религиозным типом мышления и всем им нужно... очищение через сталь и огонь.

— Ты обещал..., - опешила Натара, в её руках засиял меч, а сама она отмашкой дала команду готовиться к бою... сорока хранителям против десятков тысяч.

— Я верен «высшим». И они призывают к этому.

— Ты — мерзкий выблядок! — выругалась Натара, что вызвало лишь хищный оскал у Коарека; протектор Вольного народа рассмеялся, показывая, что ему плевать и на данное слово и на горожан вообще.

— Я знаю. А теперь, отправляйся к своим ложным богам в небытие.

— Не-е-ет! — кричу я, понимая всё своё бессилие, всю свою обреченность и безысходность.

Коарек даёт отмашку, и арбалеты дрогнули. Тридцать болтов в одну секунду устремились в одно место, в сердце той женщины, которая подумала, будто сможет спасти город и его жителей, передав его в руки зверю. В последние часы своей жизни она подумала о людях Арка, о его благополучии и, сжалившись над тысячами жизней, решила пойти на столь опрометчивый ход.

Тручесса выставляет перед собой магический щит чистой ментальной энергии. Я же... страх и ужас накрыли меня при одной мысли использовать магию, но всё-таки я поднимаю руку. Меня едва не вывернула, брюхо скрутило, как тряпку на выжимке, но я тоже создаю барьер и тридцать болтов в ослепительной вспышке выбитых искр, разлетаются.

— А-а-а-а! — с диким воплем от боли я упал на колени, став лёгкой мишенью для лучников, которые не замедлили напасть на беспомощного человека... то есть меня.

Конец близок. Две стелы отправились в полёт и с хищным свистом сейчас вопьются в горло. Что ж, такова смерть — пал жертвой за Арк.

— Фриджиэн! — крикнула Тручесса и выдавила остаток магических сил.

— Уходи! — отмахнулся я, когда в сантиметре стрелы превратились в пыль... и сам не верю этому — я спасён Натарой.

— Всё приходится делать самому!

В руки всё взял сам Таранор. Выдернув заряженный арбалет, он сорвал с пояса особый болт и возложил его на ложе... засветившееся мерзко-зелёной дымкой. Резким движением, подняв оружие, он точно прицелился и выпустил смертоносный заряд.

Натара взмахнула руками, но больше ментальных сил колдовать не было и вместо щита перед ней только пустота. Болт ударил в броню, взвился истошный скрип и звон, смешанный с её пронзительным криком. Если бы это был обычный снаряд — панцирь удержал, но вот зачарованный... сталь пробил доспех и пробралась под одеяния, впиваясь в плоть. Она покачнулась, жизнь вмиг стала покидать её тело, рука с клинком опустилась, пальцы разжались, и оружие с трезвоном упало на брусчатку.

Я не успел... подбежав к ней мне только и осталось, что выставить руки и подхватить падающую Тручессу. По моим ладоням скользнуло её мокрое от дождя и крови тело, но я зацепил его и подтащил к груди. Хранительница в предсмертной агонии схватила меня, но тут же разжала цепкие пальцы, понимая всю тщетность своего положения. На её губах сверкнула кровь, струйкой побежавшая изо рта по горлу, смертные сипения зазвучали вместо слов, в её живых лазурных глазах я узрел истинную печаль и сожаление, и увидел, как

горячие слёзы расчертили щёки.

— Фрид-дж-диэн, — прохрипела она, прижав свою ладонь к моей груди и проводя по ней, оставляя багровый след. — Ты, кхам... ты пр-прости мен-я-я-я-я, — её грудь стала высоко вздыматься, она стала жадно поглощать воздух. — Я-я-я х-о-тела как л-лучше.

— Не говори ничего! — я пытаюсь её исцелить и хоть на немного отодвинуть смертный час, вода правой осветлённой лечащим заклятьем рукой у багряного пятна на груди, но рана... она не затягивается и, посмотрев на трещины в наконечнике болта из которого сочится зеленый свет, понял, что он заражен заклинаниями энтропии.

— Т-ты н-настоящий з-з-защитник Э-э-эндерала, — выдавила она и натужно улыбнулась, показав тёмные от крови зубы. — Я... я подвела всех.

— Ты тоже хотела его спасти.

— Я — дура. П-прости меня, — она дотянулась пальцами до щеки... и провела по ней, я ощутил тёплую кровь и её нежное прикосновение, и как жизнь покинула её взгляд, оставив остекленевшие глаза.

Тручесса... её мертвое тело легло у моих ног, кровь брызнула на сапоги. Я... я опешил от этой картины. Натара Даль'Верам, женщина, сгубившая страну, убившая надежду многих... сейчас её бездыханное тело лежит у моих ног. Но в последний миг своей жизни она подумала об осаждённом городе, однако наивность стоила ей жизни.

Я склонил голову над ней. Проведя ладонью по слегка шершавому лицу, закрыл ей глаза. Чуть приподнявшись, я потянул за руку её тело и смог поставить его на ноги, а затем подвёл ладонь под колени и взял её на руки. Неримляне, словно чувствуя важность момента, лишь смотрели за этим, оставаясь безучастными. Я стал отходить от ворот, приближаясь к линии своих, как услышал голос, отразившийся в душе гроздьями гнева:

— О! — вперёд сделал шаг Коарек. — Какая милая сцена. Я не посмел её прервать. А теперь, позволь, я захвачу город и положу конец существованию религии! Ведь мне выпала эта тяжёлая роль спасти мир от его мракобесия.

Я не обратил внимания на него. Этот ублюдок может скулить, что вздумает, мнить, кем хочет, но он не более чем разбойник, с такой же лёгкостью отнимающий жизни и с такими чёрными мыслями. И печальней всего, что на его рассказы о благородстве повелись хранители — те, кто должен был распознать яд в его речах, узнать ложь, слетающую с его раздвоенного языка.

Натара, сейчас отягощает мои напряжённые руки, согревая их остаточным теплом. Плачь с небес смысл с неё кровь, очистив лунно-белый лик. Пронеся её метров десять, я встал у строя солдат, готовых к битве.

— Отнесите её к Арантеалу, — передаю я тело крупному воину. — Скажите, что в последний миг своей жизни она не хотела зла.

— Есть, — кивнул он и взял мертвую девушку.

— Я спасу этот город от его невежества! — визжит Таранор и его противный голос, переполненный надменностью, вызывает у меня приступ злобы и крика:

— Ты — обычный террорист, а никакой не спаситель! — ладонь обхватила рукоять оружия, и с лязгом оно вышло из ножен, надпись на клинке — «Мой меч разрежет тьму, мой свет развеет мрак» засияла светом солнца. — И ты сейчас умрёшь!

— Ты не убьёшь меня! — напыщенно кричит Коарек, поднимая меч и сверкая кольцом — золотое украшение заключает основу его пальца, усиленное печатью с волчьей головой. — Меня защищает сила моего рода и Высшие!

— Я вижу, что ты нацепил на себя древнюю кабаэтскую реликвию, — замечаю я кольцо королей севера Нерима. — Сегодня оно тебя не спасёт.

Выпрыгнув вперёд, мой клинок вырисовывает сверкающую дугу, и высекает ослепительный сноп искр, встретив палаш Таранора. Тот контратакует, но моя злоба сильнее — я пинаю его в живот и отталкиваю и в ниспускающем ударе пытаюсь его достать. Лезвие моего меча рассекло бы его шею, но он отбивает удар резким блоком и подсекает под меня рукоять неожиданным ударом в живот. Брюхо объяла боль, я скрючился и Коарек уже занёс меч для пронзительного удара. Я же, вспоминая всё подлость его и обращая память в огонь ярости резко выкручиваюсь и секущим движением бью в запястье. Наруч врага резко скрежетнул, а затем Таранору пришлось отпрыгнуть назад, и он неудачно приземляется. Его пятка припала на камень, который прокрутился и выбил землю из-под ног. Коарек шлёпнулся на брусчатке, и я кинулся к нему, выставив перед собой клинок. Остриё уже неслось к шее, хищно сияя и вот-вот я вонжу его в шею, пробью её и напою клинок его кровью.

Коарек стал кататься как червь, мараясь в грязи и впитывая все лужи своим табардом и даже куча конского навоза его не остановила. Он обмазался в дерьме, лишь бы не быть заколотым, а затем резко поднимает себя и пнув по кучке зловонного, скрывается за солдатами, вставшими между мной и им подобно щиту.

— Трус! — расвирепел я от невозможности прибить засранца.

— В атаку! — ответил он мне своим гневом, и его солдаты пошли в бой... последний бой этой войны. — Никого не щадить!

В бессильной злобе, в порыве гнева и отчаяния я бросаюсь во вражеский строй, но сзади меня хватают за шиворот и оттягивают. Это оказался крупный хранитель, лица которого я не видел, но вот глубокий резкий голос запомню навсегда:

— Не нужно! Тебя просто убьют!

Неримляне волной хлынули вперёд, но встретились с ожесточённым сопротивлением, по ним ударили мечи и топоры хранителей, не желавших просто так умирать!

— Отдадим свои жизни подороже! — крикнул кто-то, врубаясь в неримский ряд и просекая его кровавыми брызгами — каждый взмах его фламберга отнимал по жизни.

Завязалось сражение у ворот. Вторая битва за Арк началась и в ней сошлось несколько тысяч неримлян с горсткой храбрецов из Святого ордена. Следопыты поддержали хранителей залповым огнём — дождь острозаточенных стрел обрушился на неримлян, а через пару секунд ещё один. Непревзойдённые мастера лука обдали чудовищным ливнем смерти людей запада, осыпая их сталью и вскоре весь их фронт оказался истыкан стрелами.

Я тоже принял участие в битве, невзирая на отсутствие доспеха. Мечом я отсек удар и пронзил грудь у сердца неримлянина и опустил рукоять, заставив его сползти с оружия. Вторым ударом я сумел достать шлем норманна и оглушить его, развернувшись чуть в сторону своим лезвием распарываю табард на алеманнине и погружаю быстрым швейным ударом клинок в его брюхо. Тот взвизгнул и осел, держась за кровоточащий живот... через секунду раздавленный своими же соратниками.

— За Святой орденом! — кричат хранители. — Солнце вас сожжёт!

— За Высших! — вопят неримляне, стягивающие ряды под неудержимым напором лучников и хранителей. — За новый мир без религии!

Хранители воевали с таким неистовством, с каким только можно — их могучие мечи и секиры повергали неримлян, те же отвечали напором и опрокидывали на землю

святоорденцев, разили их. Десяток норманн и алеманн погибло в стремлении убить хоть одного хранителя и через минуты десять кровопролитной битвы под моими ногами накопилось столько мёртвой солдатни, что стало трудно даже их перешагивать.

— Уходи! — отшвырнул меня один из хранителей. — Подними оборону!

И я побежал, зазывая со стен следопытов и стражников. Над головой пронеслись объятые огнём шары и булыжники, озарившие улицы и рассеивая тьму. Они приземлились среди домов, на крыши и площади, с резким взрывом обозначив печальную новость — вторжение в город началось.

Южные ворота захлебнулись в крови и волне неримцев, которые потекли в город бурным потоком. Геральдический орёл вскоре взвился на надвратном помещении, сигнализируя о первом успехе наступления. А затем ещё одна волна камня, объятая огнём, призванная подавить сопротивление в глубинах града.

Величественная столица, обнимающая гору и возносящаяся по ней к небесам, медленно начинает гореть, алое зарево пожарищ вспыхнуло тут и там. Дым и багровые пламени стали подобием сигнальных огней для смерти. Несколько тысяч лет росла она и развивалась — из маленькой деревни до колоссального мегаполиса и теперь она в когтях неримского орла. Если план Велисария сегодня не сработает, то эндеральский лев будет истерзан и сожжён, а его град столичный сравнён с землёй.

Я вбегаю за ворота и за мной опускается решётка, с грохотом впившаяся в брусчатку. На стенах и башнях рассредоточились аркские стрелки, приготовившиеся дать последний бой на улицах в эту ночь. Я приготовился бежать дальше, чтобы глубже в городе сформировать оборонительный рубеж, но меня остановил высокий мужчина, на котором как символ власти красно-белый плащ, на плечах золотые символы короны, а через грудь проходит серебряный аксельбант. Его окружает свита из двадцати воинов, отличных от обычных стражников ламеллярным доспехами.

— Рапри Даль'Гераль, — представился он. — Полковник Стражи и командир территориального аркского гарнизона. Я пришёл на звуки битвы.

— Командор ордена Храмовников и Центрос Единой Эндеральской армии, — в ответ представляюсь я. — Что у вас с армией? Кто может дать отпор?

— Всё очень печально, — он посмотрел влево, словно сквозь стены и дома увидев то, чего не могу я и тут же изрёк это. — Как сообщают, на левом побережье начинают строиться не менее десяти тысяч. Они обойдут вас и ворвутся с западных ворот... заодно отрезая Арк от подкреплений из Речного. Ваши планы не сработали.

— Полковник, что с армией? Сколько в Арке!?

— Вы покинули нас... Велисарий покинул нас, — продолжает осуждать нас полковник. — Нерим займёт Арк, и всех перебьёт.

— Полковник!?

— Под моим началом не больше трёх тысяч душ, — всё же говорит он. — Две тысячи из городского полка, а вместе с ними пять сотен наёмников-арбалетчиков и пять сотен солдат ополчения.

— Что мы можем сделать?

— Броситься на мечи. Это будет красиво и эффективно.

— Полковник! — в очередном приступе злости я хватаю его за аксельбант, что заставляет его воинов уставить вужи мне в сердце. — Нам нужна помощь! Организуйте выход всех оставшихся жителей, закрепитесь!

— Ладно, — Рапри аккуратно взял мою руку за запястье и отодвинул её. — Удерживай неримлян столько, сколько можно.

— Хорошо, — киваю я приступаю к исполнению плана.

Следопыты заняли позиции на стенах, отрезающим северные просторы южного квартала от его дальнего отростка. Под тканными навесами, защищающими от холода и дождя, они выставили пол сотни луков и стянули тетиву, уставив стрелы в сердца противников. Я тоже встал рядом с ними. Клинок упокоился в ножнах до поры до времени и его место занял лук. Колчан я повесил на бедро и вытащив оттуда стрелу возложил её на дерево и с треском натянул его.

— Стреляй! — отдал команду главный следопыт и на врага обрушилось сто пятьдесят стрел — вместе с нами и солдаты Арка ведут обстрел.

Враг, двигаясь густой толпой по дороге прикрыл себя щитами и большинство стрел увязло в дереве и железе, но малая часть из них сразила наступающие орды. Я снова кладу перистую деревяшку... но делаю это настолько медленно для союзников, что они не ждут не меня, ни аркчан и уже снова стреляют. Я присоединяюсь к ним позже. Чувствуя усталость и боль в руках, я целюсь и нахожу траекторию стрелы. С облегчением спускаю тетиву и выпускаю снаряд в свистящий полёт — с заворожением я гляжу как за миг она падает в строй неримлян и находит щёлочку между щитами и заставляет упасть какого-то норманна. Следопыты с из ряда вон выходящей ловкостью опять кладут стрелы и синхронно засыпают ими врагов, столпившихся у решётки, но эффекта мало — враг создал плотную стену щитов.

— Чтоб тебя! — раздался крик одного из стражников, отправивший в полёт две стрелы, всё равно попавшие в щит какого-то солдата.

— И зачем им подбираться так близко... они всё равно не протащат таран.

Теперь я вижу, зачем им это нужно было и что стена щитов стала главным прикрытием не для них. Среди строя внезапно появились боевые чародеи, выныривая из моря эгид, выставляя руки и облили стены и башни магией. Струи ментального огня и холода захлестнули помещения башни справа, постепенно умножая всё живое на нуль. Оттуда вылетели крики боли и агонии, а затем снеся дверь вынеслись люди — кто-то в объятиях огня, подобно факелу, а кто-то выполз с огромными наростами льда. Они далеко не ушли — бедолаги упали на пороге, умерев от болевого шока.

Направив злобу в оружие, я стягиваю лук до треска, лихорадочно водя им и ища цель и как только я нахожу мага, разжимаю два пальца. Стрела отправляется в путь и через секунду уже хищно впивается в плечо мага.

— Если меч — это продолжение руки, то стрела — это продолжение души! — кричит командир лучников и сам стреляет — спустя миг наконечник высовывается уже из горла чародея.

Ещё один групповой залп выкосил часть наступающих, оставив их лежать у врат. Но и враг находит что сделать — обступив щитами ещё одного колдуна, они закрыли его от дождя стали. Я пытался попасть в него, целясь в щёлки, но всё тщетно — стрела за стрелой отскакивали от «укрытий».

Щиты распахнулись, и он смог выпустить заклятье. Огненный болид с рёвом пронёсся до решётки и коснувшись её, высвободил всю заложенную энергию. Металл воротины не выдержал такого напора и прогнулся, осыпав раскалённо-алым. Затем три мага ударили по нему шарами, оставлявшими шлейф морозного дыма, которые прикоснулись до железа с гулом, вбивающим головную боль. Взрыв заставил клеть скрипнуть, а затем треснуть и

обрушиться.

Неримляне хлынули в разбитую решётку с криками и торжественными воплями. Лучники всё ещё засыпают их ливнем стрел, и я вторую им и натягивая тетиву, отпускаю её, загоняя стал под лопатку врага.

И всё-таки мы проиграли этот бой. Сколько бы стрел не было выпущено, но враг потерял не более сотни, а Нерим прорвался на север. Он пройдёт огнём и мечом по южному кварталу, ничего от него не оставляя.

— Нужно отступать, — дёрнул меня командир следопытов и скользнув дланью, схватился за лук и выдернул его, пихнув в грудь свиток.

— Отходим на третий рубеж обороны! — приказываю я.

— Уходи, — рука мужчины ладонью прижалась к груди и ощутил, как меня отталкивают с такой силой, что я едва не слетел со стены. — Мы же задержим их до поры до времени!

— Хорошо, — киваю я и отступаю.

Следопыты и стража Арка возможно ещё час продержаться и как бы сильно я хотел вместе с ними стоять здесь, но это чистое самоубийство. Но у Велисария иные планы и мне ещё нужно воевать, пока не будет сражён Коарек. Мы ещё отобьём город и поквитаемся с врагом.

Взмахнув руками, и растворив бумагу в выпростанной магии, я открываю магический портал, который меня и захватывает. И нет передо мной образов южного квартала, знаменитого своими широкими дорогами и просторными кварталами. Вместо этого рыночные дали — невообразимая площадь, возле которой всё сжимают двухэтажные дома, и палатки. Десятки разноцветных навесов с прилавками, у которых некогда кипела жизнь. Тут же у крытого колодца, я вижу полковника, активно раздающего приказы и направляющего подразделения солдат.

— Мессир Рапри! — кричу я. — Враг прорвался. Скоро он будет здесь.

— Что ж... цена предательства оказалась слишком высока, — бесстрастно отметил командир гарнизона. — За свою выходку Натара расплатилась целой столицей. Как же всё это иронично — та, кто должна быть вернее всех, предала всё, во что верила и что защищала.

— Потом поговорим о мотивах подобных поступков, уважаемый мессир. Сейчас же... что у нас с войсками.

— Четвёртый полк «Гвардия Арка» занял положение в центре, ополченская баталия защищает нас с севера. Арбалетчики встали в Квартале знати и прикроют нас.

— Что с гражданскими?

— Да, мы переправили всех, кого удалось найти в Подгород. Теперь в городе только военные ... я надеюсь.

Что ж, это уже хоть что-то. Три тысячи уже можно противопоставить врагу, который идёт по городским кварталам, уничтожая всё живое, что попадётся ему на пути. Натара... её поступок привёл к падению столицы, к тому, что Коарек как никогда раньше близок к победе. Велисарий этого не планировал, это не в его распорядке, он думал, что такой исход будет позже, но теперь ему придётся подстроиться под ситуацию, которая с каждым часом становится всё катастрофичнее. Цена поступка Натара... она слишком высока — на кон поставлен весь континент, если не весь мир. Что будет если Коарек победит? Что ждёт мир, когда предпоследний оплот старого порядка падёт, а затем в огне сгорит и Кира? Мир в когтях безумца, который служит силам, желающим смерти всему живому... и всё из-за

одного поступка, который подобно мелкому камешку, потянувшему за собой целый камнепад.

— Натара, что же ты сделала..., - горестно шепчу я. — Не могла потерпеть пару дней? Всего какие-то два-три дня.

— Приготовиться! — командно кричит Рапри. — Строимся по подразделениям! прикажите ополчению прижаться к нам!

Командиры стали передавать приказы и вскоре весь рынок до верха наполнился криками команд. Мы растянулись от края до края, оставив север ополченцам, а юг как зону обстрела арбалетчиков. Я не знаю, сколько мы продержим врага и сколько будут идти доности до Храма солнца о том, что враг в городе. И катапульты смолкли.

— Коня, — нисколько предложил, сколько приказал Рапри. — Вы войдёте в конный отряд.

Только спустя через полчаса часа моих размышлений неримляне показались на поле боя. Всё такие же — чёрно-жёлтые, знаменосцы тащат массивные стяги с орлами и полковыми штандартами, а впереди идут команды прорыва — рыцари народного гнева. Он расплываются медленно, проступая из всех улиц и стекаясь на краю рынка, где собираются в единые линии. Второй этап битвы вот-вот начнётся — Нерим уже получил в лапы южный квартал и часть рынка, а также всё, что лежит на восточном побережье.

К Рапри прильнул воин, отдавший скоротечный доклад:

— Как передаёт разведка, они подвели двадцать катапульт к стенам.

— Полк! — кивнув, приказал командир гарнизона. — К бою!

Отряды стали немного перестраиваться — вперёд вышли наиболее экипированные солдаты, способные хоть на немного задержать рыцарей народного гнева. Но и неримляне, желая, как можно скорее выиграть эту битву, выставляют вперёд чародеев. Не менее полусотни магов встали вперёд, перед подразделениями, принимая командование группами. На эту выходку нам нечего противопоставить — чародеи впереди это слишком мощное усиление, которое итак делает без того катастрофическое положение ещё хуже.

Нет никаких переговоров. Полковник махнул мечом, затрубил рог и пять сотен арбалетчиков спустили с лож лавину болтов, покосив фланг неримского строя. Неримляне же не стали отсиживаться, и лучники среди них обрушили на нас град стрел. С их стороны прозвучали боевые трубы, и воины двинулись вперёд. В эту же секунду заработала и артиллерия — огненные глыбы показали устрашительным заревом за стенами, а потом осветили город и свалились на наши головы. В рядах вспыхнули взрывы, завывали люди, и строй расселся.

Чародеи и рыцари гнева направили удары в прорези наших войск, которые отчаянно пытаются сомкнуться. Арбалетки, недостижимые для лучников, стали бить по ним. Болты завизжали у домов, у улиц, втыкались в стены и углы домов, но находили цели. Один за другим отряды стрелков оказывались под перекрёстным дождём стали, изматывая их, и заставляя искать укрытия, не давая поддерживать наступление.

Я вижу, как маги стали поливать эндеральцев огнём, молнией, морозом и энтропийными сгустками энергии, озаряя рынок цветами багровыми, насыщенно-фиолетовыми, синими и противно-зелёными. Свет заплясал всюду — на брусчатке, палатках и домах, суля смерть. Первые солдаты и сержанты были буквально сметены приливом чар, превращаясь в вихри пыли, куски жаренной плоти или замороженное мясо.

Маги и рыцари гнева врубались в эндеральский полк, подобно тому, как это делает

зверь, настигающий жертву. Их широкие двуручные мечи быстро пустили кровь бронированным сержантам впереди строя. Те же безуспешно кололи копьями и лязгали мечами о латы, полагаюсь на свои кольчужные доспехи, но те плохо помогали. Массивные клинки разбивали щиты, разметая щепки, чары выплёскивались в реальность жуткими заклятьями, окружая магов аурой гибели. И вновь швырнули массивные камни катапульты, превращая красивые здания в руины, только пара глыб упали на головы неримлян, прямо в гущу строя, сметая народ. Рыцари усилили давление и прорвали центр нашего полка — они идут и косят людей направо и лево, разрывая кольчуги, словно это ткань и орудуя столь массивными мечами, что кажется, будто это ангелы войны.

— Нас скоро опрокинут! — я схватил Рапри за запястье. — Нужно что-то сделать!

— Я вижу, — всё также безэмоционально говорит полковник, только на этот раз поднимая длинный меч, с широкой гардой. — Кавалерия, в атаку!

Пятьдесят всадников, с копьями и мечами наперевес отправились в атаку, прямо в центр. Я рядом с полковником на коне, поднимаю меч для хлесткого удара, который вскоре наношу — лезвие оставило глубокую рану, оголяя кость в разрезе. Маг зацепился за плечо и ключицу, его рука засияла заклятьем исцеления, но ему не суждено было залатать себя. Копьё, что длиннее его самого пробило его будто мясо для шампура и тот успел только крикнуть и оставить свой отряд.

Наёмные «арбалеты» переместили прицел ближе к нам и закидали гущу врагов метательными снарядами, остановив продвижение. В это время мне и всадникам удалось не только закрыть прорыв, но и удачно контратаковать. Копья всадников умело вбивали в шеи, глазницы, локти и прочие слабые места латного доспеха, опрокидывая рыцарей народного гнева. Обычные солдаты попятнулись, но их сержанты потянули в бой под угрозой смерти, удерживая бойцов. Мы схлестнулись в жестокой рукопашной, где тяжёлому оружию врага мы поставили нашу ярость и напор.

Я уколол с коня мечника и молниеносно пронзил спину копейщика, так опрометчиво повернувшегося. Проведя коня вперёд, я хлестал мечом направо и влево, рассекая море врагов. Всадники из личного окружения полковника рядом окружили себя ореолом кровавой дымки, их копья и топоры ввергли в ужас солдат Нерима, особенно когда с жадностью впивались в тела или пронзали их.

Чародеи потянули свои отряды к нам, в отчаянной попытке нас остановить. Я даю себе один лишь миг, чтобы взглянуть на положение и рыдаю от того, что полка практически нет. Он пропал в чёрно-жёлтых ордах, которые рассекли его в десятках мест, окружают и топят в крови. Неримляне всюду — их армия разлилась по всему рынку, тесня нас, и обхватывая фронт, заходя за фланги. На брусчатке мерцает алое, всё устлал покров тел, прикрытых красно-белой тканью. Это поражение.

Завидев рыцаря, я решаюсь его прикончить и направляю лошадь прямо на него, но тот резко нагибается и мясницким ударом рубит по ногам коню. Ухо резануло жалобное ржание, меня выкинуло вперёд, и я бы сломал себе шею, если бы приземлился в кучу изрубленных тел эндеральцев.

Рыцарь народа, с пляшущим гребнем, побежал ко мне и вознёс двуручник для нисходящего удара. И вновь я на грани смерти и снова случай спасает меня. Всадник направился к нему и вогнал широкий меч в шею, искупав его в крови больше чем наполовину. Латник плюхнулся на камень, а конник широким взмахом отсёк другому воину кисть, третьему на груди высек глубокий порез. В нём я узнаю полковника, который

подъезжает ко мне, в его руках сверкнула бумага, которая через бросок оказывается возле меня.

— Отходи к Храму! — полковник с лихого удара опрокидывает наземь ещё одного рыцаря. — Сообщи, что город — пал!

Я поднимаю свиток и прежде чем ускользнуть с поля боя взираю на истинность слов полковника — вся площадь торговая залита кровью... эндеральцев, которых практически не осталось. Немногие способные бегут выше, в Квартал знати, а остальные зажаты на позициях и ждут скорой смерти. Поднимаясь, я открываю портал, чтобы в Храме солнца сказать — наступило время хода Велисария.

Глава 20. В погоне за надеждой: Наперекор апокалипсису

Глава 20. В погоне за надеждой: Наперекор апокалипсису

«Подумайте о жертвах! Невинные души, которые уже пали жертвой твоей слепой резни. Подумайте о том огне, который вы вырвали из ада, чтобы пожирать невинных существ своими фальшивыми убеждениями»

— Из книги «Книга стихов».

Придя в Храм я приготовился к грядущему бою и надел кожаную броню, зацепив на пояс спату, положив три «громыхателя», беру только осколок сцилла и выхожу на улицу. Тут же меня обдул холодный северный ветер, и по коже стала течь холодная влага. Небеса рыдают в преддверии страшного часа. Я посмотрел направо и увидел монструозное и громадное очертание того самого светоча, который и должен нас спасти, но при виде его мне становится страшно. До моих ушей доносятся звуки битвы — крики и перезвон мечей, тянущийся с нижних районов.

— Брат, — ко мне подошёл мужчина в красной рясе, потянувшийся в объятия.

— Исаил, — обнял брата по оружию. — Что происходит?

— Враг смог прорваться через ворота, — спокойно говорит Исаил. — Но не бойся, Творец не оставит нас сегодня.

— Я это знаю. Где Гаспар?

— Он успел отойти в Речное по милости Господа. Его назначил туда Велисарий, чтобы он продолжал вести богоугодную работу по производству оружия... даже если сегодня по воле Творца мы потерпим поражение.

— А это что там? — спрашиваю я, показывая на столпотворение, которое собралось у фонтана.

— Пойдём, посмотрим, — предложил Исаил, и мы двинулись.

В Храме солнца полный переполох — всюду ходят переполошенные хранители и стражники, чародеи и послушники. В их глазах я зрю смятение, страх и панику, отчего мне самому становится нехорошо. На толстых стенах расположилось отделение стрелков, а у фонтана, целое собрание, где лицезрю Арантеалья, темноволосую командующую Леору, магистра Мерраджиля — высокого аэтерна с седым убраным назад волосом и сером костюме. И смуглого Юслана. У самого подножья лежит хранительница, её доспех изрезан во многих местах, заляпан кровью, а сама она на последнем издыхании... одна из хранительниц, что была с Натарой у ворот. Тут же я взираю на «чудо из чудес», приплывшее с Нерима.

— Вот... она выжила, — сказала Эрен и гневно приказала. — Открой глаза... предательница.

— Что? — растерялась раненная хранительница. — Я... великий магистр. Вы... я... мне жаль. Этого не должно было случиться, мы... ох, о Мальфас, что я наделала?

— Расскажи, что произошло, — тихо потребовал Арантеаль.

— Конечно, великий магистр, я расскажу. Тручесса, она... она связалась с Коарекком и попросила...

Кровь хлынула горлом у предательницы, и она не смогла даже ничего сказать. Её язык еле шевелится и только помощь подошедшего мне не знакомого аптекаря помогла ей продолжить речь.

— Продолжай, — потребовал Арантеаль, чьё лицо в свете факелов обурено подавляемым беспокойством. — Тручесса устроила встречу с Коарекком — что ей нужно было от него?

— Перемирие, она... она предложила ему город в обмен на обещание, что никто не пострадает. У неё был этот... этот камень, знаете? Сигильский камень, который защищает нас, хранителей, от Высших... Коарек... он согласился. Но как только ворота открылись, он...

— ...всех убил, — завершил ответ спутник «чуда».

— Да, — прохрипела предательница. — Тручесса, он просто... даже несмотря на то, что она выполнила свою часть уговора. Потом они хлынули в город и... ох, о Мальфас, мне жаль... мне так жаль. Мне так жаль.

— Отнесите её в лазарет..., - приказал Арантеаль.

— Да, разумеется, великий магистр, — сказал аптекарь.

— Подождите... вы должны простить меня. То есть я... мы сначала хотели, как лучше, поверьте. Пожалуйста, не дайте мне умереть беспутной, я... пожалуйста...

— Я прощаю тебя. Теперь идите.

— Да... да, разумеется, великий магистр, — успокоилась раненная хранительница, запрокинув голову; на её окровавленном лице я увидел спокойствие от «дара» Арантеаля.

После того, как аптекарии забрали девушку и вместо неё у фонтана осталась только лужа крови, прозвучали слова:

— Каковы будут ваши приказы, великий магистр? — встревоженно спросила командующая, поглаживая рукоять меча. — Нас немного, но если будем достаточно хитры, у нас может получиться выгнать их из...

— Мы не станем, — поникше сказал Арантеаль. — Нас здесь не более пяти дюжин и ещё столько же храмовников Велисария, который даже не вышел к нам, а неримцев тысячи. К тому же порох и кипящее масло остались в бараках.

— Тогда всё кончено. Мы проиграли, — отчаялся Мерраджиль.

— Что? Нет, ничего не кончено! — обозлилась Леора. — Вряд ли они продвинулись далеко вглубь города. Нам нужно только выгнать их за ворота и тогда...

— И как именно ты собираешься это делать? — усмехнулся Юслан, сложив руки на груди. — Зарядить пушки мятным сахаром и стрелять в неримцев ядрами из трав? Это прекрасная идея, в самом деле.

— Ты, чертов..., - с лязгом обнажаемого клинка выругалась командующая.

— Тишина! — крикнул Арантеаль. — Мерраджиль и Ша'Рим правы, командующий... Арк не вернуть. Но наша война с Высшими ещё не проиграна. Светоч ещё держится и выстоит, если мы удержим Храм. Мы проиграли сражение, да, но не войну... нам нужен лишь нуминос, и светоч будет зажжён.

— И что тогда? Не думаю, что Коарек отступит, как только мы развеем его мечту о «вознесении», — смутилась Леора, голос которой начал срываться.

— Верно. Не отступит. — великий магистр немного времени с ответом. — И именно поэтому мы сдадимся.

— Что? — опешила Леора, да и ответ великого магистра меня смутил.

— Это единственный способ. Как я ранее сказал, Тручессе, в этой войне на кону не только наши жизни. Если мы решим сдаться сейчас или предпочтём сражаться и умереть, в обоих случаях Коарек уничтожит светоч и очищение произойдёт... мы должны предотвратить его любой ценой. Поэтому мы найдём нуминос, зажжём светоч, а затем сдадимся, — Арантеаль посмотрел в мою сторону и с его уст слетело подобие усмешки. — И даже «великие» планы Велисария нас не спасли.

Я услышал, как спутник «чуда» высказывается о сомнении в милосердии.

— Я не надеюсь на милосердие. Мы умрём, но у нас нет выбора. Коареку не хватит мужества лично принять участие в бою, так что даже если бы мы решили пойти на прорыв и сражаться, мы бы убили только его одержимых солдат. А их гибель была бы такой же бессмысленной, как вся эта война... как только Высшие будут побеждены, наш долг будет исполнен. Вот и всё.

— Но... нет! — беспомощно пытается протестовать Леора. — Мы воины, а настоящие воины сражаются, вы говорили, что...

— Настоящие воины задают вопросы, — продолжает давить Арантеаль. — Например, в какой момент битва за идеалы превратилась в битву ради чьего-то тщеславия? Эти «солдаты» внизу, командующий, это всего лишь мясники, но мы, мы нечто гораздо большее. Но я не стану тебя удерживать. Как только светоч будет запущен, ты вольна бежать. Но сейчас ты будешь удерживать это место любой ценой, пока мы ищем нуминос. Верховный магистр — у вас есть ещё «слово мертвеца»?

— Да, есть. Но как вы собираетесь попасть в Подгород отсюда? Весь город кишит солдатами Коарека? — разразился вопросами Мерраджиль.

— Предоставь это мне, — сказал Арантеаль. — Командующая Эрен, соберите остальных хранителей и чародеев. Я хочу обратиться к ним с речью.

Мне стало не по себе от речи Арантеаля. Он готов сдаться лишь бы его светоч был восстановлен, готов бросить город на поругание этим неримским псам, только бы его идея сбылась. Я склонил голову смотря на то, где лежала хранительница. Меня посетила интересная мысль — Арантеаль чем-то похож на Коарека — оба фанатики собственных идей, оба желают «высшего» блага, наплевав на обычных людей. Только если первый видит это в остановке «очищения», то второй нашёл в нём избавление от всех бед человечества. Оба одурманены идеей чего-то высшего и складывается впечатление, что они какие-то пешки в чьей-то игре. Арантеаль занял место на золотистой решётке под которой бежит небольшой сток, зажатый между двумя грядами ступеней, а фоном его стала крылатая статуя фонтана. Его взгляд сконцентрирован, уста распахнулись и все мы услышали его речь, сказанную твёрдо и уверенно:

— Всем вам известно, что произошло. Нас предали наши собственные братья и сестры. В то время, как я говорю, люди гибнут от рук неримцев, которые считают, что мы их враг. И мы не в силах их остановить, чтобы мы не делали. Вы чувствуете злость, злость на тех из нас, кто это с нами сделал. Но вы не правы. Несмотря на их поступок, они хотели защитить нас, исполнить свой священный долг. И то же относится и к Коареку и его солдатам. Да, они заблуждаются, да, они совершили неискупимые злодеяния, но и они делали лишь то, что считали верным. Если кого и следует винить за всё, то только Высших и никого иного. Они, братья и сестры, они в ответе за всё. У них нет ни разума, ни сострадания, ни души, и единственный смысл их существования — разрушение. Они — трусы, которые действуют из тени, и играют нами друг против друга, как куклами на верёвочках. И сейчас они думают,

что выиграли. Они думают, что могут победить нас. Но они потерпят неудачу... потому что мы всё ещё здесь. У нас есть светоч, единственное, что способно остановить это безумие, а именно это мы и собираемся сделать. После этого вы свободны. Бегите, сражайтесь, делайте то, что сочтёте нужным. Лично я сдамся... потому что каждая капля крови, после того, как мы исполним свой долг и уничтожим Высших, бессмысленна. И даже если неримцы убьют меня, моя смерть станет символом... символом, который люди, подобные Коареку, никогда не поймут. Ненависть порождает ненависть. Вот чему история учила нас, и что даёт силу Высшим. Встаньте рядом со мной, когда придёт время или уйдете, но до тех пор — бейтесь!

Все ликующе и ободрённо встретили речь великого магистра, который тут же стал удаляться прочь вместе с Ша'Римом «чудом» и его спутником. Я понимаю, что очищение — это полное уничтожение всего живого и Арантеаль призывает держаться нас до конца, но такой ли ценой? Он наплевал на всех тех, кто внизу и заперся тут только для того, чтобы... остановить апокалипсис, но всё же меня продолжают терзать смутные сомнения. Я непонимающе озираюсь на стоящих тут людей, которые медленно начинают образовывать боевой порядок. Арантеаль дал им мотивацию сражаться, дал им в руки идею, ради которой они будут стоять. Что ж, с печалью я понимаю, что возможно сегодня мой последний день.

И когда отчаяние и непонимание всего происходящего было готово накрыть меня, на поле будущего сражения появляется Велисарий в полном боевом облачении вместе с полусотней храмовников, составляющих его лучших воинов. Воин в блистающих доспехах, в окружении таких же солдат, смахивает на серафима, «рыцарей» уничтоженной гвардии Рождённых светом. При каждом шагу их гребни трясутся, на ветру развиваются лёгкие короткие плащи, а руки отягощены овальными ростовыми щитами на которых звезда с шестнадцатью лучами. Эта картина... вдохновляет и отгоняет грусть и отчаяние.

Они медленно рассредоточились, встав в четыре шеренги перед воинами и магами Святого ордена. Теперь долг храмовников и долг хранителей един — остановить продвижение Нерима здесь.

— Командующая Леора, — обратился Велисарий, который ждал, когда Арантеаль покинет это место, чтобы не стать предметом его язв. — Мы готовы сражаться. Сегодня, вместе мы остановим врага, будь это Высшие или Нерим.

— Разве вы не слышали речь Арантеаля? — «потухше» спросил Мерраджиль. — Всё кончено. Враг победил. Единственное, что мы можем, так это остановить цикл.

— Да, слышал. И очень хорошо, — Велисарий обнажил клинок и тот излил свет, заложенный в нём верой и чарами. — И я с ним не согласен. Он говорит, что во всём виноваты Высшие, но скажите, не за нами ли выбор? Не мы ли выбираем, как и чему подчиниться или не подчиняться? За нами последний и единственный выбор — быть безвольными марионетками, ослеплёнными собственной гордыней или смириться и увидеть сущность происходящего? Легче всего всё свалить на Высших, а своей вины в этом не увидеть. — Велисарий махнул рукой и пара храмовников вытащила какую-то металлическую трубу, направив её в воздух; всё больше людей стало прислушиваться к моему командиру. — Знаете, что отличает свободного человека от раба, командующая? То, что свободный человек способен отречься от идеи, если она ложна и не истинна, если за ней только зло и разрушение. Арантеаль говорит вам — оставить город, но я говорю вам, что сегодня мы его отобьём! — Велисарий махнул рукой и фитиль на трубе подожгли; мгновенно в плачущих небесах расцвёл алый «цветок», ставший сигналом для многих. — Сегодня мы пойдём вопреки истории, Леора!

— Неримцы! Они поднимаются! — раздались отчаянные крики лучников, которые открыли беспорядочный огонь.

— Люди Арка, хранители и послушники, магистры и чародеи! — воззвал Велисарий ко всем, вставая в первый ряд. — Настанет день, когда всё станет руинами и пеплом, когда наши тела станут прахом, но только не сегодня! Мы дадим Арантеалю столько времени, сколько нужно, а потом освободим Арк!

Речь Велисария вдохновила многих. Воины и маги воспаряли духом, подняли мечи, руки магов засветились от накапливаемой энергии, а храмовники медленно стиснули свои ряды, превратившись в стену щитов.

Ворота замка сначала что-то сильно сокрушило, и каменная кладка просыпалась пылью. Затем ещё один взрыв за стеной и ворота посыпались камнем, а на их поверхности появилась сеть трещин. Воины попятились назад.

— Стоять! — приказывает Велисарий. — Вы воины Святого ордена и гордость Рождённых светом. Кто бы сюда ни ворвался, вы останетесь на местах.

Я чувствую, как мной начинает овладевать тревога, как страх смерти шепчет на ухо. Но я воин, я прошёл это множество раз... если враг прорвётся, он убьёт всех, он и перережет тех, кто в лазарете. Эта мысль предаёт мне уверенности... я сжимаю свой меч и наконец-то без зелий смог крепко сомкнуть пальцы левой руки, перемотанной и больной, готовясь встретить врага.

Третий взрыв явился нам огнём и облаком пыли, куски ворот разлетелись в разные стороны — пороховые заряды выбили могучие ворота и враг — кричащий поток солдат Нерима хлынул через пролом. Сквозь дымку и огонь солдаты в чёрно-жёлтых табардах с воплями и боевыми кличами ринулись сюда.

— За Эндерал! — воззвал Велисарий. — За Арк!

Они столкнулись о наши ряды словно морская волна о скалу — храмовники высоко подняв щиты сдержали натиск и оттолкнув врага ударили клинками. Маги окатили толпу неримцев дыханием огня и мороза на пару с разрядами электричества, которые испепеляют доспехи, сжигают плоть и отмораживают конечности.

Я же означил своё вступление в бой выстрелом из «громыхателя» — его пуля пробила шею и горло второго неримца. Затем мечом я полоснул по лицу третьего и его кровь брызнула на меня.

Рядом со мной стоит Исаил — клирик в храме пирийцев, а потом практикуясь у чародеев Святого ордена набрал немалую силу. Его посох, увенчанный змеей, исторгает потоки жгучего огня, которые утопили первые ряды противников в нестерпимом пламени. Немногочисленная стража Арка и хранители держатся в стороне, изредка вступая в бой, когда неримляне выплеснутся за край стены щитов храмовников.

— Лестницы! — кричат лучники. — Противник тащит лестницы!

— Стража и хранители! — приказывает Леора. — Занимайте позиции на стенах! Сбросьте оттуда этих собак!

Звуки битвы смешались в унисон, преддверие храма стало мокрым от крови и дождевой воды, но враг не останавливается. Всё больше и больше неримцев прорываются через квартал знати сюда, к нам, чтобы встретить смерть.

Мой меч «выдохся». Его ледяное зачарование иссякло, когда я парализовал холодом кисть неримца и следующим ударом отсек её. Воины с одними мечами и дубинками стали мельчать, а вместо них появляются уже солдаты с щитами на которых красуется орёл.

Противник наступает с новой силой и на этот раз щит столкнулся о щит, и враг пытается выдавить нас с позиций.

Я отступил к фонтану, чтобы не быть раздавленным и принялся вести обстрел из «громыхателей», как в бой вступил страшный враг. Сначала посреди Храма солнца «зацвёл» снопом зелёных молний телепорт, а затем оттуда вышел чародей в капюшоне и облегающем костюме. Он тут же подхватил пару храмовников и движением пальцев превратил их в фонтан крови и плоти, забрызгавший окружающих. Я мгновенно направляю на него оружие и стреляю, но он за долю секунды успел телепортировать себя и переместиться в другую сторону Храма.

Охота началась. Ко мне присоединился Исаил, и мы побежали к ступеням, ведущим к светочу, куда держал путь маг-энтропист. Он попытался применить заклятье нас, но Исаил выставил ментальный барьер, и его магия замерцала ослепительными искрами о него. Исаил отправил в него разряд молний с кончиков пальцев, но тот только поставил руку перед собой, и они рассеялись.

Пробежав по траве я пытаюсь поразить его мечом, но он ловко отходит, и я попадаю только в пустоту. Маг приготовился меня превратить в суповой набор, я понял это, когда с паникой ощутил, что всё тело пронзили сотни игл, и оно поднялось над землёй. Посох Исаила высвободил огромное количество магии, которая стала пружинкой электричества, прорвавшими ментальный барьер энтрописта и обдавшем его энергией.

Враг пошатнулся, а я ощутил землю под ногами и боль по всему телу отступила. Поднявшись я вижу, как он, удар за ударом отправляет в моего брата зелёные заряды и Исаил вот-вот сдаст. Схватившись за ручку «громыхателя» я резко поднял оружие и прицелился. У меня на мушке показалась его спина, и я резко жму на крючок — оружие подняло вверх, и пуля прошла выше сердца, только ранив этого чародея. Он рухнул у самых ступеней и поднял руку, чтобы сотворить магию исцеления, но я, выбиваясь из сил подскочил к нему и погрузил лезвие меча в его кисть, отсекая её напрочь. Исаил завершил этот поединок, вогнав большой ледяной кол в грудь противника, который вышел окровавленным холодным острием из спины.

Я пытаюсь сделать шаг, но нога подкосилась, и я с болью и криком падаю на колени.

— Он тебя чуть не разорвал..., - Исаил протягивает ко мне свой посох и с его вершины в меня втекает свет, тёплый оживляющий поток энергии, который изгнал из тела останки энтропийной магии. — Милостью Творца, ты исцелён. Вставай на бой.

— Спасибо, — говорю я мы возвращаемся в бой, который стал ещё ожесточённее.

Враг напирает с новой силой — на стенах кипит бой, хранители и лучники топят в крови неримцев, которые забираются по лестницам, и белая поверхность укреплений стала багровая. Стражники Арка медленно, один за другим «засыпают» вечным сном под грады ударов неримцев. Магия чародеев иссякает и через гору обожжённых и обмороженных тел неримцев, который скопились на ступенях, прорывается всё больше воинов, но им всё равно приходится встретиться со смертью. У ворот «стена щитов» постепенно отходит назад, теряя пространство и людей, но заставляя заплатить за него врага кровью.

— Держаться! — кричит Велисарий, пронзая очередного неримца. — Стоять насме-е-ерть!

Перед воротами всё завалено мертвецами, а запах... вонь горелой плоти, железный смрад крови и «амбре» от распоротых тел — всё это тошнотворным ореолом повисло над полем боя, но сдержав себя и вспомнив о долге, я возвращаюсь в бой, встав с магами и

принявшись перезаряжать «громыхатели».

Велисарий отбил удар, после резким движением насадил неримца на меч и спустил его. Второй его жертвой стал воин с щитом, которого он отпихнул, затем ударил между ног и всадил меч в плечо. Рядом с ним храмовники, продолжая прятаться за щитами, то и дело отпихнут и уколуют, порежут молниеносными движениями, врагов, да снова спрячутся за «укрытие», продолжая воевать в строю.

Я выбираю себе цель и жму на крючок. Раздался оглушительный хлопок и два неримца упали на плитку, присоединившись к куче тел у ступеней. Рядом со мной Исаил сотворил одно длинное ледяное копьё и с ненавистью направил его в строй противников, пронзив одного и поранив второго. Их крики и рёвы не были слышны под общий звук стенаний, агонии и лязга стали.

— Похоже, — выдыхаясь, стал говорить Мерраджиль, готовясь отправить во врагов огненный шар. — Это наша последняя ночь.

— Тогда мы сделаем так, чтобы она вошла в легенды, — сказал рядом стоящий чародей.

— Если вы сконцентрируетесь на бое, — решил позанудничать я, выискивая новую цель. — То сами сможете их рассказывать.

Когда скопление врагов в Храме достигло предела и кажется, что они вот-вот прорвут оборону, разорвут стену щитов, Велисарий пошёл на хитрость, использовав оружие, о котором давно задумывался:

— Используйте масляные бомбы!

Часть храмовников отбежала назад и сорвав с пояса какие-то глиняные горшки, чиркнули их фитилями о зажигающую поверхность на поясе и швырнули в толпу неримцев. Там, где ворота стали грудями камня мгновенно вспыхнула стена огня. Масло, улучшенное алхимиками разлилось по доспехам врагов, растеклось по полу и одной искры хватило, чтобы толпа превратилась в пылающие факелы. До меня громозвучной волной дошли нестерпимые вопли, разрывающие сердце крики агонии — солдаты, «наряженные» в огонь стали бежать кто куда, в сторону своих и на храмовников, где встретились с непроходимой стеной щитов.

Вскоре, через минут пять, всё закончилось и мне только с ужасом и тошнотой остаётся смотреть за полем боя, которое завалено обугленными телами. Изуродованные и искалеченные неримцы завалили всё собой, и ступени, и место, где раньше были ворота и чуть дальше... раньше на них были табарды, а теперь только оплавленная кольчуга и куски ткани, поднимающиеся в небеса опалёнными лоскутами. Я не знаю сколько их погибло... сотня или больше... меня поражает та фанатичность с которой они напирали и количество смертей. Небольшая передышка, которую кто-то использовал для лечения ран, подготовки оружия, я потратил на разглядывание поля боя, и мысли — «почему неримцы так фанатично настроены? Что мог им пообещать Коарек, что они превратились из воинов в смертников?», когда меня не вырвал из раздумий крик:

— Неримцы снова наступают!

— Вперёд, за Эндерал! — воззвал Велисарий. — За нашу родину. Не поддаваться страху. Грядёт новый штурм! Всем держать посты!

— Эндерал! — ответили солдаты. — Свободный Эндерал!

Я с усталостью поднимаю свой меч и устремляю взгляд в сторону Обители, где расположен лазарет. Вдохнув поглубже смрадного воздуха, я внимаю словам Исаила:

— Крепитесь духом братья и сестры, ибо Господь смотрит на вас! — пламенно заявил

он. — Встаньте плечом к плечу, мои любимые. Господь силен в брани, Он поможет нам!

В проходе появились новые враги — это схваченные в стальные панцири воины, на их груди символ орла, а под бронёй чёрно-жёлтая юбка. В руках они тащат громоздкие прямоугольные щиты.

— Командующая вражескими силами — Альма! — закричал Велисарий, когда увидел, что их ведёт высокая девушка, чьё лицо не скрыто барбютом шлема. — В атаку! Все на неё.

Альма врезалась в ряды храмовников. Резким ударом она разрубила ключицу первого. Затем она тыльной стороной топора проломил лоб следующего воина и мгновенно вогнала лезвие в живот третьего.

Две линии наших встретились с офицерским составом вражеской армии, скрестив мечи и ударившись щитами. Я же, убрав заряженные «громыхатели», беру лежащий под ногами посох и решаюсь покончить с наступлением. Сжав как можно сильнее прохладное древко, пропитанное чарами, и меч я втиснулся в кучу своих воинов и прямо со второй линии пустил неримцам в лицо охлаждающую струю вымораживающего морозного ветра. Это вам не обычная вьюга, а концентрированный холод, доводящий до обморожения и частички льда, впивающиеся в кожу. Воины, получив порцию магического хлада в лицо завопили и попытались снять накалённые шлемы, тут же получив мечи и копья в горла.

Велисарий остался с Альмой один на один. В её руках большой покрытый позолотой изящный топор несётся к командиру, но он умело уходит от удара, а затем парирует её нисходящее движение.

— Остановись Альма! — кричит мой полководец. — Твои воины мертвы, не присоединяйся ты к их числу.

— Никогда! — ответила она серией ударов, которые все уткнулись в щит Велисария.

— За что ты бьёшься!?

— Коарек показал нам будущее! Прекрасное будущее без религии и веры!

Велисарий прекратил все разговоры, ибо это бесполезно и атаковал. Его меч незаметной линией вошёл в щит сбоку, а затем ударом ноги в живот командир выбил из неё воздух и тычковым выпадом щита склонил. Он попытался ей проколоть восходящим колющим движением горло, но она резко выпрямилась и едва не разрубила подбородок Велисария, но тот ловко ушёл, заставив её открыться.

Я же протянув древко магического посоха выпустил всю магическую энергию в неё — лютый холод объял её тело серебристо-белым облачком, броня и одежда морозом «укусили» кожные покровы и она, взвизгнув, едва не упала и попятилась назад. Раненная, но живая, Альма не стала испытывать судьбу и закрыв себя массивным щитом попятилась прочь, пока её воины отдают жизни под редкими выстрелами лучников.

Мы окончили этот бой и готовились к новому бою и тучи врагов не оскудевают, но тут произошло то, что мало кто ожидал — мельком пронеслась фигура высокого человека, в котором я признал великого магистра, который несётся со всех ног к светочу. Меня что-то или Кто-то заставил обратить внимание назад, словно внутреннее наитие. Я, отстранившись от боя, кинулся за ним, ибо не подмечаю в его руках того самого пресловутого нуминоса.

— Велисарий! — зову я командира и устремляю спату в сторону Арантеаля.

— Леора, — зовет мой господин. — Командуй.

Мой командир сделал шаг в сторону и побежал сквозь строй эндеральцев, углубляясь внутрь Храмаю За ним потянулся и я.

— Арантеаль! — кричит Велисарий, который так же покинул бой.

Я, несясь во весь опор и настолько хватало сил, смог обогнать его и встал на его пути по сенью каменной крыши Храма, держащейся на множествах колоннах. Арантеаль остановился и смог разглядеть — вся его броня исцарапана, его лицо запятнано грязью и кровью.

— Где остальные? — спросил Велисарий, вставая рядом со мной. — Почему ты пришёл один?

— Некогда объяснять! — крикнул Арантеаль. — Мы не смогли добыть нуминос. Я... я включу светоч и завершу всё это.

— Но это разрушит весь Эндерал! — возмутился Велисарий, а я сжал сильнее клинок, предчувствуя возможность боя. — Да, я тоже разговаривал с магами. Подожди... скоро...

Я... я растерялся от такого ответа Арантеаля. Мне не понятно, что с ним стало, в кого он превратился, пока ходил за нуминосом? Такое ощущение, что он теперь пародия на человека, на правителя, который в спеси безумной идеи готов... уничтожить целый континент?

— Не будьте эгоистами! — возмутился Арантеаль. — Если сейчас его не включить, Коарек победит и очищение произойдёт. Не одно подкрепление не поможет.

— Я не дам тебе этого сделать! — Велисарий встал в боевую стойку, как и я. — Одумайся, ты погубишь нас всех!

— Тогда, — Арантеаль схватил со спины большой двуручный меч. — Вы не оставляете мне выбора.

Я даже не заметил, как он, старый человек, обрушил на меня клинок и осознал это только когда увидел перед собой щит Велисария, который меня закрыл. С облегчением выдохнув, мы вступили в бой с тем, кто ещё недавно нас принял и кому мы готовы были подчиниться.

Арантеаль снова атаковал с сумасшедшей скоростью — его клинок несколько раз опустился на щит Велисария, обращая его в щепки. Я попытался уколоть его, но великий магистр отбил мой удар и кулаком сокрушил мою челюсть. Я с гулом в голове пошатнулся назад, но подавив боль возвращаюсь в бой.

Велисарий совершает выпад, но Арантеаль отпрыгнул назад, опуская меч — его оружие длиннее и моему командиру приходится тоже отступить, что его лицо не рассекло лезвие. Присоединяюсь к бою и градом ударов пытаюсь заставить отступить Арантеаля, но он отбил всяк мой замах, каждый выпад, после чего отпихнул меня ударом ноги.

— Будь ты проклят Арантеаль! Как ты мог сойти с ума!?! — рычит Велисарий, пытаюсь достать великого магистра, но тот сохраняет молчание и контратакует... молниеносно и смертоносно.

Последовал колющий удар, который я не смог парировать. Кончик его меча пробил мою броню и вошёл в плоть. Я отошёл назад и уступил место Велисария, который выудил момент и резким мясницким ударом обрушил свой меч на запястье Арантеаля, но великий магистр двинул конечность вперёд и клинок ударил по стальному наручу. Раздался хруст кости. Я поднял оружие, обхватив его двумя руками и со всей силы думаю его вогнать в спину Арантеаля, но он... будто предугадал атаку и развернулся. Боль... ужасная боль сковала мой правый бок, когда лезвие меча ударило в рёбра. Моё дыхание почти остановилось, это делать больно и трудно, и я ухожу назад, чтобы меня не пронзили.

— Арантеаль! — крикнул Велисарий, снова поднимая щит. — Ты хочешь погубить целый мир ради своих спесивых идей! Ты не лучше Коарка!

— Я его спасаю! — меч грандмастера описал сияющую дугу. — Пусть даже ценой вашей жизни. Вы разве не понимаете этого?

Я попытал удачу и двинулся на Верховного магистра градом ударов, мой клинок сверкнул в свете рядом горящих огней, пронёсся над головой Арантеяля и снова обрушился на него, но он снова и снова отбивал мои удары.

Теалор филигранно отойдя, пропустил мой выпад и резким взмахом направил острие в щиколотку. Клинок прошёл в сантиметрах от ноги, и я увёл её в последний момент, не давая подсечь, но тут же поднял меч над собой, чтобы заблокировать нисходящий удар. Клемор с оглушительно-звонким лязгом ударил по лезвию спаты, я встал на колени он невероятной силы удара, и Арантеаль стал давить — для его возраста у него неестественно много сил.

Велисарий впечатался щитом в Арантеаля и свершил выпад поразительной скорости и точности — его спата ударила в брюхо, но лишь шаркнула по доспеху. Арантель со скоростью ветра крутанулся, оставляя на его щите глубокий порез, а затем вновь обратил внимание на меня. Я только стал поднимать себя, как вновь мне приходится ставить меч и держать удар, затем ещё один, а потом и ещё. А затем... моя челюсть хрустнула, боль сцепила всё лицо, когда носок сапога Грандамстера впечатался в него и всем телом я ощутил холод мраморных плит храма.

— Сдавайтесь! — отступил на пару шагов Арантеаль. — Я даю вам шанс умереть как героям, как спасителям мира. Если вы будете мне противостоять, я собственноручно вас казню, как предателей!

— Здесь только один предатель, — марая пол кроваво-белой слюной, и сплёвывая выбитый зуб, поднимая себя, с рыком говорю, — это ты, Арантеаль. Ты наплевал на народ этой страны, — я поднялся на колени, — ты не внял воплям Эндерала, когда он истекал в крови. — Держа себя на ногах и потирая опухшее лицо, я продолжил обвинительную речь. — А теперь, ты хочешь сжечь целый континент только потому, что желаешь спасти мир. Ты хоть себя слышишь!?

— Именно так, — хмуро бросил Теалор, разглядывая нас глазами, полными безразличия и скорби, направив меч острием вниз. — И я спасу мир, ибо только я один веду вас к свету.

— В таком случае, — Велисарий поправил щит, — ты — безумец. Все вы сошли с ума.

Мой командир и я атаковали одновременно. Мой меч устремился к горлу Великого магистра, а Велисарий, прикрываясь щитом от клейморя Грандмастера устремил острие ему в грудь, где зияет дыра от иного оружия... но он снова. Мой меч достигает пустоты, а затем отбивается. Велисарий утыкается в пустоту, а затем вновь прикрывается щитом, чтобы не быть изрубленным в капусту. А затем мы оба уже отсекали с трезвоном его клинок, сверкающий и летающий подобно жалящей молнии.

Я неудачно поставил ногу, что и использовал Грандамстер. Дуговым ударом он постарался её рассечь над коленом, и я едва успел её убрать... но тут же по щеке и уху получил оплеуху, звоном отозвавшуюся в голове.

Велисарий вовремя заступился — его клинок прикрыл, когда Великий магистр уже собирался колющим ударом пронзить мне грудь.

— Если вас не достанет меч! — одну руку Арантеаля объял огонь, а вторая наполнилась зарядами электричества. — То я ниспровергну вас магией!

Арантеаль вытянул длани и направил два потока на меня и Велисария. Мой командир выставил щит и отразил пламя, я же делаю кувырок в сторону, ток следует по моим пятам. Ещё кувырок, и я прячусь за одной из множества колонн, держащих тяжеленую каменную

крышу.

— Что мне до вас! — крикнул Арантеаль, загнавший нас и выудивший момент, чтобы включить свою адскую машину.

Велисарий поднялся, чтобы атаковать, но Грандмастер мгновенно обернулся и уже два потока обратил против него. Краска на щите сначала почернела, запузырилась и слезла, исторгая зловоние. Сам же щит стал тлеть и рушиться, а броня Велисария покрываться копотью. Долго мой командир не продержится.

Я вынул небольшой тонкодеревянный шар с фитилём и воззав к остаткам магических сил, чиркнул пальцами. Шнур приятно зашипел, и я выпрыгнул из-за колонны. Что бы сил я швырнул его в Арантеаля — с глухим стуком он скакнул у его ног... а затем взорвался, окутав Грандмастера облаком светло-голубой пыли. Вынырнув из него, он поднял ладони и попытался обратить магию в огонь, но не смог.

— Ах... вы лишили меня магических сил, — Арантеаль поднял клеймор. — Тогда я свами расправлюсь более традиционными методами!

После этих слов вновь сверкнул меч Арантеаля, обрушившийся титаническими ударами на его практически уничтоженную защиту. Меч уподобился молоту, выбивал щепы из хлипкой конструкции и кажется, что он сейчас его разобьёт.

— Ты не видишь, за что сражаешься! — кричит Велисарий, закрываясь щитом, который стал рассыпаться в щепки.

— Я сражаюсь за будущее! — ответил Арантеаль, снова и снова наносит сокрушительные удары.

Велисарий атаковал. Его клинок превратился в размытую дугу, но великий магистр подставил бронированный наруч не поломанной руки, а затем отбросил меч и направил остатки психической энергии в пол. Нас раскинуло в стороны. Я приземлился недалеко от Велисария, которому пришлось хуже. Опираясь на меч, я преодолеваю боль, чувствуя, что кровь плещется под доспехом, я встаю и сквозь мутнеющий взгляд взираю на то, как Арантеаль, плетётся к светочу. Медленно, но верно. Я начинаю бежать за ним, мои ноги не слушаются, но я иду.

— Заверши! — мне крикнул Велисарий и швырнул изогнутый кинжал, который мой командир нашёл в пирийском храме и носил при себе; я ловлю его и продолжаю идти.

Сначала я швыряю свой меч, и он царапает колено великому магистру, который оказывается у последних ступеней, ведущих к светочу. От этой жуткой машины исходит странный гул, заглушивший всхлипывания Арантеаля. Я сокращаю расстояние с Арантеалем, который продолжает тащиться к светочу... раненный и с переломанной рукой, он не останавливается. Я стреляю из последнего «громыхателя», пробивая ему спину, но Арантеаль продолжает идти, как заклятый и вот он уже тянется окровавленной рукой к светочу, чтобы его включить.

«Неужто так всё закончится?» — спрашиваю я себя... закончится тем, что мы сгинем в огне? Станем жертвами чьего-то сумасшествия... он думает, что включив светоч он всех спасёт, уничтожив армию Нерима. Но он смертельно ошибается. Вспоминая, что его идиотизм убьёт всех тех, кто мне дорог, я собираю последние силы в себе и совершаю рывок. Пытаюсь бежать быстрее, я чувствую, как моё обескровленное тело пытается преодолеть метр, но изнеможённая плоть не может двигаться быстрее... и я прыгаю. Я настигаю Арантеаля практически у самого светоча. Падая, я погружаю острозаточенный кинжал в его плоть, кончик которого уткнулся в кость и распарываю ему ногу кинжалом, тёплая кровь

потоком хлынула на мои руки, но я достиг того, чего хотел. Он встал на колени у самого светоча, остановился...

Я заносу кинжал для последнего удара в шею, но он резко встаёт и перехватывает мою руку. Я... Я не верю тому, что вижу. Раненный и калеченный он всё ещё бьётся. Тут подлетает Велисарий и мощным ударом кулака, который в моём взгляде стал пятном, нокаутирует Арантеаля. Великий магистр дрогнул и рухнул в лужу крови, текущую из его ноги.

Велисарий только кивнул в мою сторону и отдышавшись сказал:

— Мы только что остановили этого безумца... и апокалипсис, — он склонился и магической силой исцелил ногу великого магистра, а затем кусками ткани от своего плаща перевязал руки и ноги его, чтобы тот не думал снова колдовать; после этого мы оттаскиваем его к воротам, приказывая аптекарием, чтобы несли его в лазарет и там держали в сонном состоянии.

Враг у ворот продолжает стараться пробиться к светочу, разбиваясь о нашу оборону. Два раза он пытался штурмовать Храм, но каждый раз его атака провалилась... но мы заплатили страшную цену. Среди множества и множества тел неримцев тут и там моему взору открывается вид лиловых плащей храмовников и красных одежд хранителей.

Велисарий видит, как его воины дрожат, видит, что они готовы пасть духом... их храмовников и защитников Святого ордена осталось половина, а остальные отправились в последний путь. Я же, поставленной на ноги магией Исаила бреду среди тел и готовлюсь встретить ещё одну волну противников... я слышал, что сам Коарек должен был вести одно из наступлений, но он струсил, когда первая атака провалилась. Среди мертвецов блистают слабые огоньки, рассеянные среди них, словно свечи, поставленные за упокой. Я устало запрокидываю голову, чтобы ощутить свежий воздух в последний раз. Ночь... дождь... всё это прекрасно, всё изумительно, но я отвлекаюсь от созерцания хмурого неба, когда опять я слышу звон доспехов за пределами Храма и вперёд выходит мой командир, обращающий к нам речь, повернувшись к воинам:

— Это всё что они послали? — Велисарий пытается поднять боевой дух. — Это убожество и отребье с улиц Кабаэта и неримских жалких городов? Мы стоим на страже славного Храма солнца, мы сражаемся за великое и светлое будущее мира. Правота наша бесспорна, братья и сестры и пусть души наши восплают праведным огнём ярости!

— Да, за Эндерал! — раздались немногочисленные крики.

— Братья и сестры... легионы еретиков и подонков ползут к нам по склону и занимают наши улицы. К нам скоро подойдут наши союзники из Речного и с севера! Арантеаль нас предал, поэтому теперь мы свободны от долга сохранять светоч! Вы — порвёте на куски врагов, когда я прикажу, вы заставите их пожалеть, что они сюда приплыли!

— Да!

— Я помню, что многие приводили моё имя, как имя предателя. Но когда, Джорек вас предал, когда Натара мертва, а Арантеаль сошёл у ума, я всё ещё стою здесь, вместе с вами! И вот, я спрашиваю вас — вы пойдёте со мной!? Пойдёте на смерть!?

— Да! — голосов становится среди сторонников Святого ордена всё больше.

— Вы пойдёте со мной на смерть!?

— Да! — ещё больше раздаётся поддержки.

— Мне, Велисарии, выпала честь повести вас в последнюю битву! Вы пойдёте в жаркий, самый важный бой в истории этого мира! Наша ярость войдёт в легенды, наш

подвиг сегодня запомнят на века! Так вы пойдёте со мной на смерть!?

— Да, Велисарий! — голосов становится всё больше, но недостаточно ещё, что провоцирует ещё одну реплику у Велисария:

— Мои братья и сёстры, верные дети Эндерала, Арк — это ваш дом и кровь ваша в нём это кровь мучеников! Заставьте врагов заплатить за неё дорогой ценой — рвите и мечите! Неримцы посмели ступить в наш великий город, они посмели осквернить его своим присутствием, так заставим пожалеть их! Сбросим их в море, утопим в крови этих подонков! Они умрут от наших мечей, магии и луков!

— На смерть! — на этот раз все оставшиеся бывшие сторонники Святого ордена ответили согласием.

В этот момент вне города раздалось что-то бодрящее и поднимающее дух. Сначала на всю округу зазвучал тяжёлый боевой рог с запада, а потом на севере прозвучал более тонкий зов, который наверняка оттянет от нас врагов и даст место для маневра. Это вселило новые силы, новую уверенность, которая захватила потрёпанные ряды усталых воинов.

Я вижу, что кто-то кинулся к краю Храма, чтобы приметить откуда источник звука, и они увидели... на западе показались отряды воинов, на севере наступают разрозненные ряды солдат. Их сопровождают светлые знамёна — лиловые стяги на которых развивается золотая звезда. Я посмотрел на небо... там, на востоке медленно начинает подниматься солнце, хмурые небеса становятся чуть светлее, словно благоволя нам в нашем деле.

Враги снова подходят к Храму солнца и их меньше не становится здесь. Там внизу ещё кипит бой — в отдельных местах стража Арка и жители пытаются удержать жалкие клочки территорий, но этого не хватает. Но теперь... когда наши братья и сестры, когда воины из Речного и кочевники пришли сюда вместе с наёмниками, когда дни подготовки оказались не зря, мы дадим Нериму последний и самый кровавый бой в их жизни. Из одного из зданий вышли двое — «чудо» из Нерима и его спутник, которые, как мне показалось, ошарашены и удивлены происходящим. Оба уставили взгляды на светоч, который так и остался не запущен. С севера ударили холодные порывы ветра, которые обдули нас ледяным порывом. Велисарий снял с пояса горн, в который протрубил и тем самым призвал Армию покинуть дом Йеро и присоединиться к нам в последней битве.

— Вперёд, братья и сестры! — Велисарий встал впереди всех, готовясь перейти у самоубийственную контратаку.

— На смерть! — все кричат, в том числе и я, подняв свой клинок усталой рукой.

— Мы — эндеральцы! Победа будет за нами. Это будет ваша победа, это будет ваш триумф!

— В последний бой! — поддержали его храмовники.

— Вот и наступил момент! — воззвал ко всем Велисарий и собрал остаток сил в единый кулак. — Вперёд! Победа или смерть!

Глава 21. Эндеральская война «Битва за Арк»

Глава 21. Эндеральская война «Битва за Арк»

«Вы сегодня вступаете в сражение с врагами вашими, да не ослабеет сердце ваше, не бойтесь, не смущайтесь и не ужасайтесь их, ибо Господь Бог ваш идет с вами, чтобы сразиться за вас с врагами вашими и спасти вас»

— Из книги «Предание».

Спустя час.

Я защитился большим щитом, прежде чем вражеский топор рассёк бы моё плечо, а затем произвёл колющий удар, который заставил мой меч закрасться под кольчугу врага и повалил его стенающего на землю. Но его место занимают ещё десятки ворогов — их лица искажены в гримасе ненависти, чёрно-жёлтые куски ткани стали грязными и красными, а до нас тянутся их мечи и топоры, булавы и секиры. Среди них иногда мелькают чародеи, которые отчаянно пытаются спасти положение, но стрелки с ручницами, и немногие маги из Святого ордена среди нас и призваны для того, чтобы находить их и быстро устранять залповым огнём. Выверенным строем — впереди воины, а позади маги и стрелки, мы выдавливаем неримлян с позиций.

Дождь всё так же продолжает хлестать, ветер обдувает нас холодными порывами, но мы продолжаем идти на встрече победе, которая украсится багровым рассветом.

Где-то наверху раздался рокот артиллерии, которая расставлена на возвышении по всему рубежу от дома Йеро и до Храма солнца, а это несколько десятков метров у склона ныне заполненных пушками. Целая батарея разместилась на удобном месте и изливает на головы неримцев дождь из снарядов — смертоносных бомб, которые при попадании разрываются шрапнелью и картечью, раздирая врага.

Опустив щит я вижу, как один из снарядов прилетел рядом с нами. Пять или десять противников за мновение ока превратились в непонятное сочетание кусков рваной одежды, покорёженных доспехов и разодранных тел, укутавшись в кровавой дымке. Удручённые увиденным неримцы опешили, чем пользуемся мы — с силой давим на них, образовав стену щитов, из-за которой колю и рублю. Спрятав меч за щитом, чтобы его недруг не видел и прислонившись к «укрытию» я резким движением обошёл оборону его и обагрил жёлтую ткань накидки.

Неримцы, которые огромными толпами прорвались в город и заполнили его до краёв, оказались в жутком положении — ежечасно на их позиции сыплются чугунные ядра, наполненные смертью. К сожалению, артиллерийский огонь перемещается всё дальше в город, а мы остаёмся без поддержки.

Ничего, и без этого можно воевать, что я и продолжаю. Велисарий подсел, давая топору увязнуть в щите, а потом резко встал и горло неримлянина пронзилось клинком. Я же, чтобы не нарушить строй, не шагаю назад, а также сажусь, принимая звонкий удар и тут же мгновенно поднимаюсь, лихо рассекая ногу и краями щита раздробляя челюсть противника.

Вражеский офицер — среднего роста мужчина в стальном панцире и барбютом с перьями наперевес с фламбергом вырвался вперёд, к нашим позициям и впечатался в строй. Боль овладела левым плечом, когда закрылся щитом не дав ему поразить бок. Позади охнули «ручницы» и не менее двух десятков тел неримцев плюнули кровью и пали ничком в тёмно-

красные лужи. Я решился слегка выйти из «стены» и наскоком сблизился с офицером, прильнув к нему, и быстротечными уколами изранил его ноги, поставив на колени, ибо нагрудник мне не пробить. Молнией вернувшись в строй, я поднимаю щит и его низом саданул по шлему. Офицер ахнул и грохнулся оглушённый в покров тел.

Неримляне только собирались отбить тело командира, как их позиции усеяли болты — острозаточенные снаряды пробивались под кольчуги, впиваясь в плоть. Раздались крики, враги стали падать один за другим. В поддержку нам там стоит полсотни арбалетчиков рядом с пушками, щедро посыпающих врага острыми болтами. Им нельзя отдохнуть — таков приказ, призывающий к полному и методичному уничтожению вражеских скоплений.

Весь Арк кипит, превратившись в одну жаркую арену кровавого боя. Где-то по местам ещё держит оборону стража, у которой появилась надежда. Я предполагаю, что в Подгороде всё пылает — ралаимы и Единая Армия пытаются выбить оттуда неримцев, которые уподобились заразе, прорвавшейся в открытую рану. Велисарий, взявший командование, отправил «чудо» из Нерима вместе со спутником туда, чтобы они объединились с силами Ралаты и нанесли ответный удар. А в это время силы со стороны Солнечного берега зачистят западный берег, кочевники и дюнницы поддержат нас с севера, вступив в бой за квартал барачков, откуда доносится самый отчаянный крик сопротивления стражи.

Я иду бок о бок с Велисарием. Наша задача — промять ряды неримцев, которые заняли квартал знати и захватить вторую батарею. Этот район разделён на восточный и западный, где в стороне последнего на высокой стене, подле которой стелется рынок и южный квартал стоит ещё одна гряда пушек, скрытая корзинами, ящиками и всяким хламом.

Мы прорвались к большим воротам, за которыми начинается квартал знати. Наши ноги вязнут в мягких телах врагов и скользят от крови и воды, но нас ничего не остановит. Храмовники в авангарде прорвались за эти врата и встретились с волной вопящего ужаса — ордами противников.

Я снова поднимаю щит. Недавно принятые зелья в моём теле укрепили плоть, и иду без страха, без усталости. Велисарий пробегает вперёд и врывается в ряд неримцев, тоже самое проделывают и храмовники, приковав себя битвой на узкой дорожке. Среди стана ворогов появляется чародей в светло-жёлтых одеждах, готовящийся сотворить заклятье, но его тело в один миг оказалось прошито тремя свинцовыми пулями и он, захлёбываясь, пал на тёплый от крови камень.

Солдаты Единой Армии, вооружёнными простыми широкими щитами подняли их, когда неримские лучники обдали нас ливнем стрел. Наши арбалетчики секундой позже обрушили на них дождь болтов, и половина из стрелков упала в канал, выкрасив его в алый.

Мне приходится часто пригибаться, чтобы не быть зарубленным массивными топорами, которыми до меня пытаются дотянуться неримляне, но тщетно. Мы, напором отбрасываем врага сначала с тропы, а потом с лестницы, пусть нам и приходится платить жизнями некоторых воинов. Пруд под нами завален телами и своих, и чужих, но это ли сейчас важно? Я ударив краем щита врага в голову со всех сил вгоняю ему в колено меч, а затем восходящим отправляю его в небытие через рану на шее.

Противники пытаются удержать позиции, им бы побольше солдат и тогда у нас не было бы шансов, но офицеры Нерима направили войска на запад и север, чтобы не оказаться взятыми в плотное кольцо и теперь в бараках и на западном побережье залива бушует битва.

— Наши! — кричу я, когда увидел, что какая-то стража всё ещё держит оборону, закрепившись в конце восточного края квартала в массивных банях.

Мы пробиваемся на улицы, где сопротивление становится всё более ожесточённым и вязким. Велисарий, так же испивший зелий, бодро врывается в строй неримцев, раз за разом опуская свой меч, словно это топор мясника... количество врагов — огромное — вся улица кишит ими, и их становится ещё больше — они текут через ворота на рынок, там внизу — единственный вход сюда.

— Разделяемся! — приказал мой командир. — Хранители и послушники, охраняйте тыл и по возможности — отбейте ворота!

— Есть! — ответила Леора. — Вы слышали Велисария, вперёд!

Ворота они не отобьют, но вот стоя в арьергарде задержат неримцев, что нам необходимо. Я стараюсь держаться вместе с Велисарием в строю храмовников, а нас поддерживают Исаил и маги.

Мой щит практически потускнел от крови и гари. Я резким движением поднимаю его и вражеский огненный шар опалил его, а затем два ледяных копья со звоном разбились о него. Резко опустив «укрытие», едва не схлопотал топором по лицу, но соседний храмовник в пах направил ногу, а затем обагрил свой клинок в его теле.

— За свободу человечества! — пытаются поднять себе боевой дух неримцы. — Смерть религии! Смерть тирании!

— Жги, бей паразитов! — парирует Велисарий, рассекая кольчугу неримца. — Покажем им, чего мы стоим!

Мой щит столкнулся о щит врага и достаточно поднажав, опрокинул его на землю и сапогом придавил брюхо, а затем резким ударом нижней части раздробил рёбра неримлянина. Он попытался закричать, но соседний храмовник быстро прекратил его мучения ударом длинного меча.

Пройдя дальше по улице, мы оказались у чреды двух-трёхэтажных зданий, которые раньше были магазинами и где враг выставил небольшие баррикады из ящиков, за которыми в нас стреляют лучники и атакуют маги. Мы снова поднимаем щиты и о них со звоном столкнулись стрелы и с хрустом разлетелись ледяные шипы, а арбалетчики наверху направили свой огонь на головы неримцев. Я слышу, как свистящие болты падают на головы противника, как доносятся крики поражённых. Через небольшой скот на своём «укрытии» вижу, как они пытаются защититься поднимая треугольные щиты, маги выставляют ментальные барьеры, давая нам возможность броситься на них.

С храмовниками мне пришлось преодолеть двадцать метров, превратившись в таран, который снёс ящики и ворвавшись в строй врагов, и познакомив их с клинками. Я, поднимая и опуская руку, заставляю каждый раз пожалеть неримлян, что они пришли сюда. Мой меч описывает смертоносную дугу, и утыкается в неримца, повреждая его кольчугу. Я узрел на его лице гримасу боли, но в бесстрастии откидываю его в сторону на растерзание храмовникам.

Клинки вгрызаются в чужую броню, всюду кровь, крики, разорванные доспехи и противоположные кличи. Перезвон мечей то и дело сменяется на всплески чьей-то агонии. Всё вокруг затопил бой, всеобъемлющее сражение. Тошнота подступила от одного вида того, как некогда чистый канал с хрустальной водой стал багрово-насыщенным и там плавают тела.

Я с храмовниками пробился дальше баррикад, практически до самого конца улицы, где у вожденной цели нас встретили штормом пламени — чародей спустил со своих рук такой фонтан пламени, что в мновении ока часть солдат стала прахом. Раскалённое пламя

пронеслось надо мной, и ощутил его жар головой и плечами. Поставленным движением и убрав меч, я молниеносно вынимаю «громыхатель» и отправляю мага в вечное забвение.

Из купален слева вырвались немногочисленные стражники, что оказалось неожиданностью для неримцев и в их сердцах посеялся страх, который вот-вот даст свои ростки. Велисарий вытянутой рукой указал на неримцев, которые оказались на восточном берегу, и противник понимает, что сейчас его размажут по плитам города... они оказались между молотом и наковальней.

— Мы сдаёмся! — кричат неримцы, чумазные и грязные, которых осталось не больше трёх десятков; они с ужасом видят, что весь их квартал теперь усеян телами их бывших сослуживцев, и чтобы вырвать ещё несколько лет жизни из холодных костлявых лап смерти, они сдаются.

— Пленить! — отдаёт приказ Велисарий, и воины Нерима под ноги себе бросают мечи и топоры.

— Господин, — к нам подступил один из стражей Арка в изорванной бело-красной броне — паренёк с простодушным лицом. — Я сержант Ксон.

— Рапорт, сержант! — потребовал Велисарий.

— Когда враг оказался в городе, когда пал полковник Рапри и началось беспорядочное бегство, я отдал приказ всех гражданских собрать в купальнях и закрепиться там. Мы были готовы держаться столько, на сколько бы хватило наших сил.

— Хорошо, сержант. Вы молодцы, — Велисарий показал мечом на одно из зданий. — Отправьте пленных в одно из этих строений и выставите охранение, а потом присоединяйтесь к Леоре в обороне ворот на рынок.

— Командующая!?! — удивился сержант. — Она всё ещё жива?

— Да и ведёт бой, а теперь идите, — командир обратился к нам. — Воины, — Велисарий показал на кучу ящиков и мусора, который собран от середины до конца западной стены. — Готовьте артиллерию!

Солдаты за полминуты раскидали всю маскировку и подогнали пушки к стене, выбив куски стен парой молотов, образовав бойницы. Раздались первые выстрелы, которые огненно-металлическим валом легли на солдат врага. Я взглянул на сию страшную картину — широкие улицы и узкие переулки обагрились красно-грязными всполохами, среди которых мерцает огонь, люди стали разлетаться, как тряпичные куклы, под канонаду залпов и вопли раненных. Армия Нерима, истерзанная ночными атаками ралаимов, без катапульта, которые были уничтожены артиллерийскими залпами, встретила с адским огнём и усталость, вместе с моральным истощением заставили дрогнуть многих. Фонтаны осколков бомб с всполохами огня «расцвели» смертоносными «цветами» среди толпы неримцев, чьи тела разметало в разные стороны. Я отворачиваюсь, чтобы не видеть этой жути... слишком страшное и кровавое зрелище. Вместо того, чтобы смаковать то, как пушки методично истребляют толпы врагов, подхожу к Велисарии, который только что заслушал несколько докладов, и говорю ему:

— Врагов... всё ещё много, — говорю своему командиру смотря на свою кожаную броню, на которой появилось множество порезов и ожогов. — За ними всё ещё рынок, порт и квартал чужеземцев.

Он пока медлит с ответом. Я поднял голову. Дождь сошёл на морось, чугунное небо стало каменно-серым, а с востока всё выше и выше поднимается солнце. Всё-таки, Велисарий ответил на мою тревогу:

— Знаю. Поэтому у меня есть план, — Велисарий вынул подзорную трубу и протянул её мне, приказав следить за западом.

И я посмотрел. Через оптику вижу, как на другом побережье у Арка возле лесов и на лугах, воины в чёрно-жёлтых накидках сражаются против бойцов в лиловой и красно-белой форме, на пару с которыми идут солдаты удачи, как кавалерия наскоком врзается во вражеские ряды и копьями раскидывает первые ряды вторженцев, как подали мелькают вспышки пушечного огня и на ветру трепещутся знамёна с белым львом на алом полотнище и золотые звёзды. Пришло понимание, что Нерим отчаянно пытается удержать линию дороги, вместе со сторожевой башней.

— Конану нужна помощь, — сказал Велисарий. — Я перед всей этой битвой отправил письмо Ковенам магов севера. Они должны были прийти.

— Вы хотите, чтобы я...

— Да. Они находятся в сокрытом лагере на севере и ждут сигнала, — Велисарий всучил мне два свитка. — Сначала ты предупредишь их, а потом возвращайся ко мне... и мы закончим всё это.

— Хорошо, — киваю я и применяю первый свиток.

Моё тело подняло в воздух, все образы квартала знати смешались в одно багрово-серое пятно и меня понесло через пространство. Даже не успев моргнуть глазом оказываюсь среди палаток и лежанок под сенью деревьев, где между ними ходят мужчины и женщины в чистых длинных одеждах. Позади же раздаются далёкие залпы артиллерийских орудий.

— Кто ты? — спрашивает один из магов.

— Я посланец Велисария, Корван, — отвечаю я, жадно поглощая свежий воздух, лишённый смрада битвы. — Он призывает вас на бой, — немного театральщины решил вложить и я. — Там город в огне, безбожники разоряют его. Так вперёд, сыны и дочери Эндерала, — призываю я. — Пришло время исполнить наш долг!

— Если Велисарий зовёт нас, — поднеся ладонь, с которой срываются струи хлада. — Мы явимся.

Маги быстро сорвались с места — не менее полусотни опасных чародеев, которые объявились на поле битвы, выйдя из замаскированного лагеря, скрытого магией у северо-западной скалы возле Арка и с помощью волшебства перенесли себя и меня ближе к месту действия. Я из леса Сердцеземья вывел сокрытый «кинжал» Велисария и приготовил его к бою. Тем временем я кидаю взгляд на Арк... город объят огнём, даже отсюда видно разрушения в нём, заметны столбы дыма, которые поднимаются из него. Сколько же добрых людей лежит мертвыми там, а сколько ещё будет убито, если мы отступим? Всё пахнет кровью, раскалённым железом и порохом. Этот запах доносится от далёких пожарищ Арка.

Я поворачиваюсь к магам, которые начинают строиться за мной неровными рядами, и вижу, как с их уст срываются облачка пара, которые они выдыхают. В их глазах мне открывается пламя надежды на новый мир. Они ждут того времени, когда бой пройдёт и их заслуги оценят по достоинству и когда Велисарий принесёт им медяки.

— Наша цель, — указываю на неширокий мост, который ведёт в Арк. — Мы должны пробиться до этого моста и захватить позиции возле него. После этого, объединяйтесь с Конаном и входите в город.

Маг, старший среди них всех, в знак согласия обнажил изогнутый клинок, и мы двинулись по зелёной траве. Неримские части, которые оказались вытеснены сюда, обратили на нас внимание, но было уже слишком поздно.

Мы наступаем по изумрудным лугам, ещё чистым не отравленным войной и враг разворачивает свои силы, готовясь встретить нас чёрно-жёлтой толпой, среди которой тут и там поднимаются стяги с изображением геральдического чёрного орла.

— За свободу человечества! — ветер доносит несуразный клич из стана неримцев.

Чародеи обнажили клинки и медленно подступают к вражеским рядам. В нас полетели стрелы, но они столкнулись о ментальные щиты. Мы же не остались в долгу, и маги отправили в еретиков Нерима колья льда и снопы молний, что пронзили и поразили этих псов.

— Принесите им смерть! — рычу я и мы срываемся на бег.

Полсотни магов выпускают во врагов бурю чародейского пламени и холода, электричества и энтропии, которая превращает первые шеренги неримцев в пыль и пепел. Их клинки сияют светом зачарования, а магическая сталь вскоре напьётся крови, выпуская стихии.

Я первый врываюсь в ряды противника, отталкивая немногих выживших от себя и предоставляя себе больше пространства для маневра. На меня выходят двое больших воина, несущих однолезвийные секиры. Отойдя назад я едва не падаю, зацепившись ногой и тело мертвеца, и закрываюсь щитом, который захрустел от соприкосновения с оружием врага, а по моей левой руке разлилось чувство болезненной слабости. Выпрямившись, мне приходится отходить, отбивая выпады мечей и вовремя уворачиваться от секир, которыми меня пытаются достать и подставляя их под шквальную магию диких чародеев, и вот уже два секироносца лежат на окровавленной траве... обмороженные и обугленные.

Внезапно мельком я замечаю, что среди толпы противников возвышается высокого роста человек, на нём блестит панцирь, его ноги покрывает тканевая жёлтая юбка, а голову его венчает шлем с плюмажем из жёлтых и чёрных перьев. Он стоит дальше всех, у самого начала моста, и мне туда не добраться.

— Офицер! — кричу я, указывая на новую цель, которая в недосягаемости для меня, но на помощь приходят наши.

Небольшой кавалерийский отряд на полном скаку врезался во вражеский строй с фланга — длинные пики снесли несколько первых рядов, втоптав и вмазав неримцев в землю под марево крови и вспоротых доспехов и отвлекая на себя большую часть войск.

Я побежал со всех ног к рослому командиру в окружении пятерых диких магов, которые снопами искр, выставляя ментальные щиты, и струями пламени отгоняют от нас неримцев.

Вражеский офицер поднимет тяжёлый двуручный меч и идёт ко мне... я удостоился его внимания, чему непременно рад. Нашим приветствием стал стук устрашающего клинка о мой громоздкий щит, а затем ответил ему резким уколом в грудь, но мой меч только скользнул по его панцирю, так и не поразив плоть. Он, издав звериный рык, лихорадочно бьёт, пытаясь меня задеть, но его клинок только перепахивает землю, иногда попадая и по телам союзников. Дикие маги в своё время расчистили нам поле для битвы, рассеяв вражескую пехоту ценой жизни своих братьев и сестёр.

Я пригибаюсь, готовясь к броску, и когда он подошёл ко мне совсем близко бросаюсь на него и бью со всей силы щитом в его грудь, заставляя покачнуться, а затем пытаюсь раздробить ему стопу краем щита, но его сапог из оказался стали, и я услышал только звон.

Он в долгу не остался и «наградил» меня пощёчиной... ладонь, закованная в латы сильно ушибла мою кожу, но я не оставляю сражения. Видя, что оборона магов ослабевает, решаюсь на последнее, что сейчас могу придумать. У меня остался последний

«громыхатель», который использую. Вонзив меч в землю я достаю оружие и жму на крючок. Раздался громкий залп, а затем звон, и я увидел, как на его груди родился фонтан искр. Офицер армии резко опустил свой меч, а затем упал на колени... и вскоре уже лежал лицом в мокрой земле.

Это настолько ошеломило неримлян, что по их рядам пробежала дрожь, паника стала медленно завладевать сердцами, но прежде чем они окончательно дрогнут, пройдёт много времени. Однако мы обезопасили северную часть фронта, и я вижу, как кавалерия уже заходит сюда, чтобы подойти к огромной сторожевой башне отсюда. Выдернув из земли меч я продвигаюсь дальше с остатками диких магов и ступаю на мост. Тут пытается выстроиться небольшой ряд неримлян, но чародеи сметают их заклятьями, и мы вышли на другой берег речушки под сень деревьев. Всадники пошли за нами и хлынули через мост потоком в сотню душ, набросившись на неримцев с фланга — ряд в сверкающей броне встретился с маранной чёрно-желтой рассеянной толпой и клинки заплясали у самой башне, а с запада воины из Речного усилили давление.

Я, чтобы получить сведения о положении здесь, я подбегаю к ближайшему воину из Солнечного берега, кинутого сюда для охвата неримской армии:

— Докладывай!

— Войска Конана столкнулись с десятью тысячами неримлян, и он вступил с ними в бой. Неожиданность и артиллерия обеспечили нам преимущество, мы тесним неримцев! Ещё немного, и мы выиграем битву.

— Хорошо.

Убедившись, что тут всё нормально и продвижение войск Конана усилилось, а пушки теперь бьют по южным воротам, запирая противника в городе, я достаю свиток и «упархиваю» с поля боя.

Снова оказавшись в Арке, в квартале знати я, чувствуя усталость и слабость в теле, смотрю на небо, которое становится всё светлее и светлее. Район полностью освобождён, пушки продолжают всё так же молотить врага, а у ворот на рынок кипит бой. Ко мне подбегает Велисарий, радостно сообщая:

— Молодец! Враги в городе теперь заперты, и мы перестреляем их как уток! — Велисарий показал на пушки, которые продолжают вести огонь, на арбалетчиков и лучников, которые находя цели меткими залпами делают армию Нерима слабее. — Протеже Арантеаля со своим спутником и ралаимами вычистили Подгород и теперь ведут бой за южный квартал. — Ты готов нанести последний удар? — спросил меня он, вытирая окровавленный меч. — Там на рынке их повелитель повёл против нас последний штурм.

— Сам Коарек? — с энтузиазмом спрашиваю я. — Но как мы туда прорвёмся? Врагов слишком много.

— Мы... телепортируемая на площадь. Это наш шанс взять его живым.

— Хорошо, — дрожа губами соглашаюсь, чтобы поквитаться с ним за Натару, и без секунды сомнения использую свиток, который меня и ещё два десятка храмовников переносит на площадь, окружённую полыхающими домами и перевёрнутыми догорающими прилавками; мы постепенно стали выходить из разрывов на теле реальности, и когда выпрыгнул последний, увидели, что вокруг нас ещё толпы врагов, но сердца наши не дрогнули, нет, только ещё сильнее наполнились решимостью.

Перед нами гордо стоит воин у разрушенного колодца, выпячивающий грудь. Вся площадь завалена телами в красных одеждах — практически весь полк Рапри здесь полёг. На

нём латная броня, блестящая от дождя, и только чёрная накидка с орлом на панцире оттеняет его образ. Чёрные волосы и аккуратная бородка украшают благородный лик с квадратными очертаниями. Он, с обнажённым клинком, стоит в окружении офицерского состава, который пытается исправить положение, отдавая беспорядочные приказы.

— Сдавайся Коарек! — кричит Велисарий в десяти метрах от него. — Всё кончено!

— Нет! — резко ответил ему глава Нерима. — Все эти люди, да и вы тоже — все заражены религиозностью, и вы нуждаетесь в очистительной смерти! — его ладонь легла на рукоять меча. — Вы не сможете помешать моему продуманному плану, по возвышению человечества!

— Очищения не будет, — я говорю сумасшедшему военачальнику.

— Ты не дашь родиться новому миру?! — закричал Коарек, готовясь к бою. — Хорошему миру?!

— Нет! — Велисарий поднял щит. — Мы сами станем лучшим миром!

— Ты убил Натару... вероломно, как подонок! — кричу я ему в гневе. — И за это ты поплатишься!

Приготовившись, я и двадцатка храмовников в прекрасной синхронности набросилась на офицеров Коарека и столкнулись два потока брони. На нас попытались броситься окружающие воины, но остатки стражи Арка и Единая Армия Велисария прорвались с стороны квартала знати, сковав их боем.

Я, удерживая какого-то офицера на расстоянии, наблюдаю за тем, как командующий армиями недруга схлестнулся с Велисарием. Коарек беспорядочно наносит ряд ударов, которые пытаются сокрушить щит командира, но у него ничего не получается. Мой господин широкой дугой касается панциря Коарека, распарывая накидку на нём, превратив в тряпку изумительной работы одежду. Я, отбившись от офицера, прорываюсь к своему командиру, чувствуя, как из моих лёгких болезненно вырывается воздух. Меня атаковал второй воин с мечами, окутанными молниями.

Велисарий отступил, давая раскрыть себя Коареку, который вогнав в его щит свой меч, накинута на него словно зверь. Я, отсека руку мечнику и отпихнув его, бросился к Велисарию через толпу неримцев, вложив все силы в таранящий рывок.

Коарек ещё раз шаркнул клинком о щит и второй рукой поднял валяющийся под ногой топор и занёс их над Велисарием, готовясь вконец разбить его щит. Но, прорвавшийся, оказываюсь рядом — мой меч вонзается в руку, в локоть, прорезаясь через латы.

— А-а-а! — прокричал Коарек и стал яростно бить по щиту Велисария, выбивая всё больше щепок.

Я бросился на командира неримских войск и попал под шквал беспорядочных ударов. Он сражается словно берсеркер, не давая к нему подойти. Мои братья храмовники пытаются удержать толпы отчаянных пехотинцев, что пытаются спасти своего хозяина и ложатся на клинки, лишь бы телами продавить хрупкую линию.

Велисарий поднял щит, защищаясь от потока сверхсильной энергии — чародей Коарека отхлестал его прутьями молний, разваливая «укрытие». Я сдёрнул щит со своей руки и двумя руками запустил его в мага. Раздался хруст костей, и колдун с переломанными рёбрами упал на тела, сплевывая с кашлем кровь.

Мы оба остались без щитов и опять сходимся с Коареком. Он заблокировал два наших удара, моментом ударив Велисария в корпус ногой и переведя лезвие топора мне в живот. Я вывернулся, но чуть не упал в землю, и мой господин отвлек на себя Коарека, но тот подсел

под лезвием меча.

— Сдавайтесь! — крикнул Коарек, а Велисарий поднял мой щит. — Вы проиграли, ваши братья умирают. Будьте благоразумны, — обведя мечом храмовников, сказал враг.

Велисарий только молчит, притянув к себе внимание, и я решил воспользоваться моментом. Из бурой липкой лужи вынул небольшой топорик и подняв себя на колени, занёс его и вложил все остатки сил в бросок. Коарек отреагировал поздно — он только успел рефлекторно выставить меч и оружие с звоном отлетело в сторону, но самое главное было упущено.

Мир превратился в замедленную сцену того, как Велисарий сначала рассекает плоть на ноге противника, потом, уходя от неумелого выпада, одним рубящим ударом с хрустом ломает кости на руке, а затем тычком ребра щита выбивает добрую часть зубов у Коарека, разворачивая его, чтобы потом схватить за спину. Это оказался конец.

— Ваш командир пленён! — закричал Велисарий, приставив меч к вражьей шее. — Прекратите бой, и он останется жив!

Битва ментально кончилась, став медленно смолкать по всему рынку. Люди смотрят на эту картину с осторожностью и опаской, и все на площади замерли в ожидании приказов от командиров, а Велисарий стал давить:

— Прекратите эту бойню, иначе мы перестреляем вас как бешенных собак. Вы проиграли.

И им есть над чем задуматься. Артеллерия громом и чугуном сметает неримских солдат, Конан остановил западную группировку войск и окружил её, а кавалерия дюннийцев и кочевников рассеяла сопротивление в Квартале бараков. Коарек пленён, от командирского состава врага практически ничего не осталось, пушки сверху показали весь ужас артиллерии, вымарав улицы в жуткие «краски» побоища, а десятки налётов в прежних днях сделали своё дело. С восхищением и облегчением я увидел, как первый вражеский боец, посмотрев на оружие и сжав губы, махнул и бросил меч себе под ноги и его, и его примеру последовали оставшиеся сотни. Перезвон и хлюпанье о лужи после дождя клинков — это наиболее радостный и долгожданный звук, самое приятное возвешение, который за сегодня я услышал.

— Мы даём вам возможность уйти на свои корабли! — мой командир ещё сильнее прижал меч к шее постанывающего Коарека, багровой от крови, стекающей от подбородка.

Что ж, ответ врага был очевиден. Спустя десять минут все бои в городе прекратились, а через час спал всякий лязг стали и залпы арбалетов, давая нам долгожданный отдых. Это была победа, но какой ценой?

Я остался немного побродить на рынке, чтобы отдохнуть после битвы и посмотреть на её последствия. Он завален мертвецами от края до края, и спрашиваю себя при виде этой картины — ради какого безумия они подставлялись под пушки? Но тут ещё и множество наших воинов нашли смерть. Я слышу жалобные завывания ветра, которые напевают мне угрюмые песни о смертоубийстве... всё это было не напрасно.

Подняв голову к небу, мне открывается его картина — плотные облака рассеиваются и солнце, прекрасное тёплое светило, одаривает нас лучами света и чудным великолепием. Я вспоминаю, что мы сражались ночью, рассвет и утро, у нас была цель, святой долг, — защита родины.

На мои губы лезет слабая усмешка. Ни Арантеаль, ни Коарек — никто не достиг своих целей. Первый сошёл с ума и решил нас всех убить в разрушительном взрыве, а второй в

желании как можно быстрее принести «очищение» повёл тысячи людей на верную смерть. Эта жестокая бойня не принесла никому — ничего. Коарек в тюрьме, его офицер-командующая Альма готовит план отступления, ибо гибель её армии была мучительной и жуткой.

Я кидаю взгляд на одно из знамён с орлом, которое стоит где-то в стороне — рваное, потрёпанное и ставшее символом страшного поражения. Теперь оно ещё будет олицетворением несбывшихся надежд, жестокости и тщетности безумных идей. Война точно оставит шрам на теле этого города. Даже во взгляде некоторых стражников, солдат Единой Армии и хранителей мне приходится смотреть на опустошённость, растерянность и уныние. Все они потеряли своих друзей, товарищей, а кто-то и любимых. И ныне нам пока остаётся внять ветру, который стал похоронным гимном и хвалой для погибших.

В моих ногах и руках всё захвачено усталостью... мышцы сводит судорога и зелий нет, чтобы всё это унять, но я рад этому. Конечно, лучше было бы, если мы ошиблись, если бы неримцы сидели у себя дома, но всё же... вся наша «паранойя» и подготовка — всё это не зря, и мы одержали победу... тяжёлую, но Эндерал до сих пор свободная страна, а это главное.

— Мне всего лишь нужно пару часов... отдохнуть, — говорю я себе и уплетаюсь с поля битвы, уже предчувствуя мягкость постели.

Глава 22. На закате дня

Глава 22. На закате дня

«Война. Жестокая война.

приносит несчастье, приносит смерть,

Разрывает семьи на части,

убивает жизнь, разрывает любовные узы.

И для любящего человека

не остается ни любви, ни хлеба.

Теперь только пепел и огонь,

и огонь, и мертвые»

— Из книги «Плач войны».

Ближе к вечеру. Обитель в Храме солнца.

Приятное чувство облегчения водворилось в мою плоть. Приняв несколько зелий и отдохнув, смог восстановиться и приготовиться к встрече, которую назначил Велисарий. На мне простая бордовая рубаха, штаны из шёлка и сапоги — вся эта одежда не защищает от холодного ветра, здесь на вершине, но я рад её лёгкости... это всё-таки не доспех. На моём поясе покоится один «громыхатель», как напоминание о тяжёлом дне.

Я поворачиваю голову в сторону ворот. Там теперь нет кучи тел, только куски опалённого камня и множество чёрно-багровых пятен. Вспоминая о том, что тут не так давно было, мне становится слегка противно, я отворачиваю голову. Небо, такой прекрасный небосвод я лицезрю и отсюда открывается изумительный вид на то, как облака «пылают» в закатном золоте, как ранее бирюзовое полотно становилось ярко-оранжевым, а тучи окрашиваются в нежно-розовый оттенок. Для меня эта картина — сущность умиротворения, так необходимого после всего военного безумия, которое сегодня пережил.

Но сейчас мало времени на то, чтобы всё разглядывать. Я прохожу через попалённую траву и отворяю дверь, быстро протискиваясь в щель. Взгляд налево и быстрым шагом, взлетаю на ступени закрученной лестницы, ведущей на второй ярус, где и раскинулся стол для собраний. На меня тут же уставилось несколько пар глаз в немом приветствии.

— О, вот и наш рубака, — сказал в мою сторону наёмник в синей куртке, с перебинтованными руками и ногами. — Никогда не думал, что скажу, но я рад тебя видеть.

— Джеспар, — с хрипотцой к нему обращаюсь. — Я тоже рад, что вы все пережили эту ночь. Мы ведь могли все... сгореть и не от рук неримцев, — после этих слов я прохожу дальше и занимаю один из стульев, положив ладони на холодный каменный стол.

— Я до сих пор не могу поверить, — раздался тихий поникший голос от израненной и покрытой бинтами смуглой девушки с коротким волосом в лёгкой одежде — штаны, кофта и ботинки. — Арантеаль, как он мог?

Тут вижу ещё нескольких человек — это «чудо» из Нерима, Велисарий и Аксандер... удивление прокралось в моё сердце и одновременно рад его видеть, я бы его спросил, как он пережил эту ночь.

— Он поступил по свой «чести», — сказал Джеспар, поглаживая светлую бородку.

— Так, — устало произнёс Велисарий, скрестив руки на груди, одетый в парчовый дублет, свободные брюки и туфли. — Я не хочу сейчас говорить об этом. После возвращения в Арк, Арантеаль нечасто со мной говорил, поэтому я мало что знаю. И спрашиваю у вас,

какого чёрного стража это было? Он зашёл с вами нормальный, а вышел уже безумцем, который хочет уничтожить мир.

— Да тут долгая история, — заговорил Джеспар. — Даже не знаю с чего начать.

— С самого начала, — потребовал Велисарий. — Желательно с подробностями.

И нам рассказали. Про то, как это «чудо» из Нерима бежало из своей родины и было практически убито, как потом его стали преследовать видения, как началось его восхождение в Святой орден. Мы слышали «захватывающую» историю о том, как Арантеаль решил избавить мир от очищения — своеобразного конца света, когда живые души возносятся в сущность иного мира — в Высшего, и бросил на это все ресурсы, отчаянно цепляясь за подсказки в пирийских руинах. Как пришелец из Нерима бежал за какими-то чёрными камнями, а потом они отправились в город звёздников на воздушном корабле, но там потерпели фиаско, да и один из друзей «чуда» получил серьёзные травмы. Но затем их привело в Город разливов — древнюю пирийскую столицу, где чтобы достать нуминос для светоча они проникли в разум высшего, но там их постигла неудача — вероломное предательство Юслана, который сознался в том, что он нанял наёмников, он попытался помешать исследованиям Лишари и устроил покушение на неё, он перебил разведчиков, которые должны были следить за гаванью. И всё это он свершил из-за мести Арантеалю, который в давность свою на Кире перебил население деревни, которое было оппозиционно настроено против Рождённых светом... и среди жертв той бойни была семья Юслана. Всей целью его жизни стало лишить Арантеаля всего, и жажда мести ослепила его. В конце концов, Арантеаль под нащёптыванием лжи Высших, решил, что он лучше погубит весь континент, нежели даст Коереку овладеть городом и продолжить свой поход против религии. А то «чудо» из Нерима пообщалось с самим «чёрным стражем», которое оказалось пленником собственной глупости — чтобы пережить «очищение» оно заперло себя в каком-то механизме и поведала ещё одну историю — только про то, что Высшие на самом деле слабые, но люди сами каждый раз, ослеплённые гордыней и эгоизмом убивают себя в кошмаре «очищения». И после того, как-то существо обрело вечный покой отправленные за нуминосом, вернулись на поверхность, но к своему удивлению встретили здесь не раскрытое небо и торжество тёмных сил, а жаркий бой, лютое побоище.

Мы внимательно слушали этот рассказ, от которого становилось не по себе. План тех «высших» мне показался полной сумбурностью, но вынужден признать — они хорошо сыграли на чувстве быть «спасителем» у Арантеаля и одурманили гордыней то «чудо» из Нерима. Всех вели на убой, ослеплённых и прельщённых, однако в том, что я слышал много неясностей.

— И тут на поле игр появляемся мы, — внимательно выслушав, сказал Велисарий, выдернув меня из размышлений. — Удивительно, но если бы не тот раскол и не помощь Джеспара, возможно... этого дня бы и не было.

— Это значит, что угроза «очищения» остановлена? — бережно спросила Калия.

— Я думаю нет, — посмотрев на неё, опечалил всех Велисарий. — Мне до сих пор многое непонятно, но если верить сказанному, то среди народов других островов могут появиться фигуры, которые могут завершить цикл, — командир задумался, почёсывая затылок. — К тому же, мы не знаем... есть ли ещё светочи в других краях.

— И что же нам делать? — спросил Джеспар. — Это что, теперь и бежать некуда от всего этого? Хоть в нецивилизованные земли уходи.

— Для начала нужно отправить послания всем тем, до кого мы дотянемся, —

Велисарий провёл пальцами по пергаменту бумаги. — Предупредим их о событиях, которые имели место между нами.

— Во всём этом паршиво, что после смерти нас ждёт полная жуть и Высшие, — огорчился Джеспар.

— Не думаю. Мы много раз сражались с духами, с неуспокоенными душами... если было «вознесение», то почему они восставали? — Велисарий продолжил развивать мысль, слегка усмехнувшись. — Коллективное подсознание? Что за несуразица... если оно есть, то как его не разорвали противоречивые мысли? Внутридушевные конфликты?

— Но ведь и «Высшие» из подсознания «вознесённых» людей, — напомнило о себе «чудо» из Нерима. — Неосознанные и движимые только злобой сущности.

— Высшие... хочешь услышать мою версию? — спросил Велисарий.

— Давай, Си'Ира, — ответила Калия.

— Скорее всего они, те, кого называют «Высшими», всегда существовали, но «вознесение» каждой цивилизации для них это своеобразное... эм, как бы выразиться... создание духовной «одежды», которая появляется из всех чёрного отпечатка на душах, который образуется от всех плохих действий и мыслей. А очищение — это финальный акт... сбор и формирование этой «плоти» для демона, чтобы он мог проявить себя потом в материальном мире по своему желанию. Их действия — осознанные и полные нашей... извращённой и чёрной логики.

— То есть ты хочешь сказать, что это «очищение» впитывание знаний? — тихо спросила Калия

— Да-а, — выдохнул Велисарий. — Может быть, этот «сбор» может быть даёт им образ наших мыслей, речевые способности, понимание нас со стороны зла. А души, вы думайте, как хотите, но они отправляются в другое место, будь до «вознесения» или после.

— Интересно, что бы на это сказала та пресловутая «женщина-под-вуалью»? — покачал головой Джеспар. — Всё это сложно... что б его.

— А она... — застучав пальцами о стол, задумался Велисарий. — Как мне рассказали — та «машина» говорила о том, что она неосознанная... но стоит ли верить существу, которое от столетий одиночества могло сойти с ума и столько нафантазировать на почве галлюцинаций? — посмотрев на всех, спросил Велисарий. — Вы думайте, как хотите, но скорее всего это может быть так. Сойдя с ума, «машина» мог много чего напридумывать. Та «женщина» может быть вестником высшей воли, которая запускает «цикл», как-то действовать на историю, либо... нести ложь с целью так же повлиять на ход истории.

— Но ведь «очищения», — пытается возразить Калия. — Они показывают правоту сказанного ей или «машиной».

— Не думаю, — потёр подбородок Велисарий. — Нам доподлинно известно только об одном «очищении», то которое случилось с пирийцами. Я бы хотел увидеть артефакты других цивилизаций, строения, но пока не находил, — командир посмотрел на пришельца из Нерима. — Сколько высших вам являлись?

— Не больше пяти-шести.

— Интересно... почему не больше? — усмехнулся Велисарий. — К тому же, те, «Высшие», они любят лгать и направлять на ложные пути. Так что верить им — себе дороже. Арантеаль вам в пример, — мой командир немного приумолк, снова сложив руки на груди. — Да и ту «одежду» для себя Высшие могли получать по-другому... накапливая опыт и наблюдая за ними или из одного «вознесения» могло появиться духовного материала сразу

для нескольких «Высших»... просто у меня на глазах один пример — пирийцы.

— Но ведь мы побывали в разуме одного «высшего», а не нескольких, — раздался голос пришельца.

На этот раз решил ответить я:

— Прошу ещё учитывать, что «Высшие» вели вас по намеченной дороге, — пытаюсь скомпоновать теорию Велисария, мне пришло в голову развивать его мысль. — Вас могли «радостно» принять в подготовленную душу. Да и «Слово мертвеца» возможно «определило» вас в разум «Высшего», который был ближе всего к вам и следил за всем.

— Интересная мысль Фриджидиэн, — покачав головой, произнёс Велисарий. — Ладно, давайте подумаем о теологических вопросах попозже. Сейчас нас ждут насущные проблемы. Что у нас городом?

— Это вас нужно спросить, Велисарий, — произнёс наёмник в синей куртке и светлым волосом. — Это вы же у нас теперь, чем-то тут руководите.

— Не совсем руковожу-у, — затянул мой командир. — Я не король, не великий магистр. Как воин, может и могу что-то.

— Какая разница? По вашей милости мы тут сидим, и все презируемые свободно расхаживают по Арку. Так и расскажите нам, почему по городу свободно гуляют ралаимы, и дикие маги? А то как-то тревожно.

— Вам ли не наплевать?

— Да мне всё равно, — усмехнулся Джеспар. — Я и так собирался отбыть куда-нибудь на Киле. Но вот кажется, что люди не одобряют ралаимов на улицах.

— Они помогли нам в войне, Джеспар. Без них Коарек сейчас бы разгуливал по Арку победным маршем, — сердито произнёс Велисарий. — Но если вы хотите знать, что с городом... нам повезло, что это была не вся армия Нерима, а только её штурмовой корпус. Без техники, без инженеров, без катапультной артиллерии... в общем, благодаря нашим новым друзьям из диких магов, бывших разбойников, кочевников и Ралаты, а также новым пушкам и снарядам мы одержали тяжёлую победу.

— Но не только это, мне кажется, — произнесла Калия.

— Да, фанатизм Коарека и его желание как можно быстрее уничтожить светоч сыграли с ним злую шутку. Если бы встретились в чистом поле, то шансов было бы меньше, в так в городе... он сам себя завёл в ловушку, — согласился Велисарий.

— Так что по итогам? — настаивает Джеспар.

— Ах да, — Велисарий подтянул к себе какую-то бумажку и стал с неё читать. — Из всего контингента стражи в живых осталось пятнадцать процентов, из контингента хранителей только двадцать процентов в живых, послушников и кандидатов не более тридцати процентов, а из магов около сорока процентов.

— Не весёлая статистика, — вымолвил Джеспар, опустив голову. — А что там по горожанам?

— Подсчёты ещё идут, — мрачно ответил Велисарий. — Это ещё хорошо, что мы переселили часть горожан в Речное.

— Что ж, судя по цифрам — это конец для Святого ордена, — мрачно отметил Джеспар. — Эх, старик Константин был бы рад его концу, но не жертвам.

Велисарий подтянул к себе вторую бумажку, с которой начал монотонно зачитывать текст:

— Рапорт капитана наёмников с Фермерского берега. Неримские патрули и отделения

пробуют занять стратегически важные постройки — фермы и амбары, но мы пресекаем эти попытки. Противник начал сжигать и отравлять поля, нападает на караваны с продовольствием. Потери на складах составляют двадцать пять процентов от всех продуктов, — Велисарий отбросил рапорт. — Теперь нам остаётся ждать только восхождения посевов на Солнечном берегу и Речном. Без этого, Арк и армию ждёт подорожание продуктов на сорок процентов. Я попробую уговорить магов и алхимиков, чтобы они сдобрили почву и урожай можно было бы собрать быстрее, только это может сказаться на почве. Не знаю, сработает ли.

— Это хорошо, — на худых губах Калии я заметил эфемерную улыбку. — Людям нужно что-то есть. А что по постройкам?

После вопроса Велисарий подтянул к себе вторую бумажку и раскрыл её, спокойно зачитывая содержимое:

— Вот. Совсем свежий. Отчёт комиссии каменщиков от компании Золотой серп — «Об оценке состояния городских построек». Данный отчёт, — Велисарий поморщился и протараторил, — так это нам не нужно — бюрократия. Ах, вот. Десять процентов городских домов не подлежат восстановлению, ещё тридцать процентов в критическом состоянии, сорок требуются в ремонте и двадцать в относительной норме.

— Варвары, — выругалась Калия и тут же напряглась. — Где нам брать столько стройматериалов? А если ударят холода? Народ быстро начнёт мёрзнуть, — волнения Калии мне понятны, и я разделяю их, надеясь услышать ответ от своего командира.

— Солнечный берег нам поможет. Древесина и камень, руды и песок — скоро можно будет начать поставки в Арк.

— Чудесно, — на этот раз я разглядел подобие улыбки у Джеспара. — Вы быстро со всем разбираетесь, Велисарий. Вы это всё заранее распланировали?

— Нет, — мой командир сложил руки на груди. — Это итог продуманной политики, мессир Джеспар. Вам не было до нас и нашей работы дела.

— Да мне и сейчас особо это не интересно. Я — наёмник. Мне платят, я делаю.

— Понимаю... но позвольте закончить. Я давно рассматривал Солнечный берег, как стратегически важный регион, — Велисарий положил руки на стол, исследуя карту. — Окружённый горами, лёгкий в обороне, плодородная почва, климат — всё это делает из него житницу, которая помогла нам натренировать солдат, дать ему броню и оружие, а теперь Солнечный берег поможет Арку восстановиться.

— Этому всему нужен правитель. Народ без власти вскоре оскотинится, и мы можем сожрать сами себя, — пустился в раздумья Джеспар. — Сейчас пока всё хорошо, но когда пойдут первые конфликты, что тогда?

— Джеспар прав, — поддержала наёмника Калия. — Нам нужно, что Святой орден снова встал у аппарата власти. Хоть мне это не нравится, хоть это глупо, но они — единственные, кто может сейчас поддерживать какое-то подобие порядка.

— Калия, от Святого ордена мало что осталось, — запротестовал Велисарий, его взгляд сделался едва гневным. — Да и он дискредитировал себя. Не ты ли Джеспар говорил, что ему конец?

— Да, ему конец. Но сейчас его жалкие остатки могут взять бразды правления на себя.

— Нет, — твёрдо ответил Велисарий. — Завтра соберётся заседание Первого совета всех участников компании против Нерима, и мы решим, как жить дальше.

— Что!?! — редко, когда я слышал, как Калия гневалась, но каждый раз мне становилось

не очень, в душе что-то сжималось, но благо её резкость моментально переходила в плавную речь. — Велисарий, ты же понимаешь, что твоё решение противозаконно?

— Я так не думаю, — командир достал пергамент. — Сегодня, после боя, когда трибунал увидел, что только сообща можно побороть Нерим, что Святой орден больше не контролирует ситуацию, он постановил о целесообразности и легитимности наших действий, — Велисарий развернул лист. — Это решение трибунала, вот его резолютивная часть — «За сим, мы, тринадцать мужей эндеральских, заседающих в трибунале, рассмотрев прошение Флава Велисария о судьбе Святого ордена в упрощённом быстром порядке, даём решение — трибунал не находит состава преступления в действиях Велисария и людей, с ним совещающихся на совет. Тут не находится измены, либо свержения власти, ибо больше нет того, кому клятву держать. Святой орден, в лице своих чиновников и глав, потерял всякую власть и как организация власть государственную образующая, больше не существует. Объективное положение таково, что действия Велисария имеют обоснование и несут только благо Эндералу. Трибунал, своим решением, постановляет то, что все действия Велисария и люда с ним на совет собирающихся, имеют силу права...»

Я заметил, что лицо Джеспара так же продолжает являть безучастие, а вот Калия немного смутилась:

— Хватит, я поняла, — кивнула Калия. — Меня конечно сейчас осудят, но считаю, что Арантеаль, под стражей и надзором, но должен вести некоторые дела. Он правитель и никто кроме него не знает, как управлять страной.

— Калия, — меня пробирает негодование от её идеи. — Ты же понимаешь, что за хорошие дела он сейчас в тюрьме в наручниках, которые блокируют магию.

— Что бы не вытворил Арантеаль, — заговорила Калия голосом мягким и сухим, как песок. — Он правитель, он лучше знает, что нужно стране.

— Калия он же нас чуть не угробил! — прикрикнул Джеспар. — Этот недоделанный спаситель, проклятая сволочь, едва не отправила на встречу с Высшими.

— Он, — вспылал я, поддерживая наёмника. — Государственный преступник! И его будут судить.

— Но он — Великий магистр, — продолжает Калия. — Да, он хотел включить светоч, но только потому, что думал, что таким образом спасёт мир. Он не знал, что это запустит то самое «очищение». Его просто обманули «высшие».

Калия Закареш — прекрасная девушка с улиц Подгорода, которую спас один из хранителей и привёл в Святой орден, где его политика приёма новичков в свои ряды стала намного мягче. Я помню её, как послушницу, которая постоянно уходила медитацию, сдержанную и мрачную, но в то же время добродушную и говорящую о справедливости. Она видит в Святом ордене — абсолют, который всегда держал страну в ежовых рукавицах, правил тысячелетия, а ныне наступает его закат и для неё он болезнен. Да и для многих людей — в Подгороде, в ледяных пустошах, в пустынях на востоке — он давно уже превратился в призрака, героя древних легенд и образца заветов Мальфаса. Но теперь наступает новый период истории, который пугает братьев и сестёр в Ордене... в том числе и мне волнительна неизвестность.

— Калия, — осторожно заговорил Велисарий. — Арантеаль... он не способен управлять государством, — командир поднял руку в движении указания подъёма. — Аксандер, расскажи им то, что поведал мне.

— Хорошо, — стражник провёл рукой по седой голове. — Работаем, — он подтянул к

себе несколько бумажек. — У меня здесь протоколы допроса нескольких людей, которые были в тот день, когда свершилось покушение на Лишари Пегаст. В них указывается, что два человека с тёмным оттенком цвета кожи на открытых участках поднялись на второй этаж. Потом, — Аксандер ткнул рукой в мою стороны. — Мы исследовали ящик и вещество, который ранее нашли благодаря Фриджидиэну. Да, там была светопыль идентичная найденной на месте преступления.

Мне немного приятно от того, что результаты моей работы вошли в протоколы Аксандера, но я спрашиваю себя — «А почему Юслан не был схвачен ранее?».

— Я, собрав все материалы отправился к Арантеалу и предоставил их ему. Я понимал, что этого мало, что Ша'Рим мог быть обычным наркоманом или сбывал её, что он не имеет отношения к покушению на Лишари, но всё-таки, чтобы продолжить расследование, нужно было допросить Юслана или устроить у него более тщательный обыск, провести иные процессуальные действия.

— И? — вопросив, замерла Калия.

— Он мне ответил, что всё ещё мало улик... понимаю, этого реально маловато для осуждения, но чтобы провести в отношении Юслана расследование достаточно. Как я был зол! — стукнул об стол ладонью Аксандер. — Простите. Да он сказал и то, что Юслан слишком ценная фигура, чтобы просто так, в условиях малого количества улик, его как-то задерживать.

— Ведь действительно, — говорит Калия. — Это слишком мало.

— Да, — развёл руками Велисарий, — но если бы в отношении него проводили отдельные процессуальные действия, то может нашли бы что-то, и он... не уничтожил бы ваш нуминос.

— Слишком много «бы», — отмахнулась Калия. — Во всяком случае Святому ордену сейчас нужен глава.

— Может, Калия, — мой командир повернул ладонь вверх в жесте предложения, — ты возглавишь Орден? Верховный магистр Мерраджиль сейчас слишком занят работой со светочем, чтобы руководить чем-то.

— Я... я не могу, — голос девушки задрожал. — Это... работа не для меня. Я... собираюсь покинуть Святой орден. Да и история в замке Даль'Галара, с той девочкой... слишком трудно, мне нужно отдохнуть.

— Кстати, а что было в Даль'Галар?

Велисарию поведали, о том, что произошло в отдалённой крепости и как чародей-алхимик с помощью проклятой магии пытался воскресить свою дочь, но что-то пошло не так. Не больше, не меньше.

— Девочка наверняка была в коме, — со скепсисом вымолвил Велисарий, как только голос «чуда» из Нерима умолк. — Какой бы не был бальзам, ни что не остановит тление тканей, не процессы первичного разложения. Организм без кислорода, без жизненной энергии... умирает. Тебя это шокирует, но магия и алхимические приёмы могли просто существенно замедлить в ней жизнедеятельность до такой степени, чтобы поддерживалась искра жизни.

— Есть иные проблемы, — осторожно отметила девушка; я в её интонации слышу неприятие к тому, что говорят, замечаю, что Калия желала бы сменить тему.

— А какого рода проблема? — поинтересовался Велисарий, откинувшись на спинку трона, где раньше сидел Арантеаль. — Подробнее, если можно.

— Скажем так, Си'Ира, — Калия глубоко вдохнула и тяжело выдохнула. — Иногда, в критические моменты меня захватывают приступы злобы. Да, назовём это так, — речь Калии стала легче. — Сильной злобы, во время которой я могу... забываться, будто бы вторая сущность вылезает. Возможно, это влияние магии. Я не знаю...

Мне кажется или Калия чего-то недоговаривает, в её словах я чувствую только часть правды. Но если ей так хочется, то пускай.

— Ты уверена, что магии? — Велисарий положил голову на ладонь. — Возможно, магия только гипертрофировала твою... злобу и ненависть, — мой командир наклонился и нашёл что-то на полу, в его руках оказалась книга в синей обложке. — Как-то добрался я до одной книги в здешней библиотеки. — «Душа — сознание и подсознание», — он кинул её в сторону Калии, и она цепкими пальцами схватила её. — Почитай. Там есть очень интересные моменты о том, что разрывает нашу душу и то, в подсознании есть «чёрный омут» — наша не самая хорошая сторона. При сильном стрессе тот самый «чёрный омут» может перехватывать управление телом.

— То есть, она это часть меня? Истинная — я? — испугалась девушка.

— Нет, эти две части обе ложны. Каждая из них рожденная из душевнотравматических выводов. И что бы исцелить это, можно поработать с душой.

— Не знаю. Твои слова, Велисарий, — я смотрю на усталое лицо Калии, слышу её упавший голос, — они полны неясности, кроме одной цели. Ты хочешь посадить меня на пост великого магистра. Но я не могу... нет такого решения, чтобы запереть во мне злобу.

— Есть решение этой проблемы! — все мы повернули голову и увидели, как со звонкими словами к нам в Обитель вошёл человек в жёлтой одежде и с широким капюшоном. — Господин Велисарий, мне сказали обратиться к вам.

— А ты кто ещё такой? — спросил Джеспар.

— Аптекарий О'Брайенн, — представился вошедший. — Мне сказали, что насчёт проблемы Красного безумия можно обратиться к вам.

— Хорошо-о, — я услышал в протяжном слове своего командира усталость; все мы после сегодняшнего дня сильно подустали и держимся только на зельях. — Говори, что принёс.

Он подошёл к Велисарию и положил рядом с ним кипу пергаментов, на которую тут же положила рука командира, и О'Брайенн продолжил речь.

— Это мой отчёт.

— Давай коротко, я хочу, как можно быстрее найти кровать. Сегодня выдался слишком тяжёлый день.

— Хорошо, — аптекарий посмотрел на меня. — Благодаря Фриджидиэну я получил нужные мне образцы для исследования. В них я обнаружил клетки магически изменённые... раньше казалось, что это может быть вирус или бактерия, но это только половина истины. Моя теория такова — болезнь имеет магическое происхождение и постигает людей со слабыми ментальными способностями, плюс к которым прибавляется группа сильных стрессов и потрясений на почве подавленного чувства вины или злобы, — О'Брайенн упёр руки в бока. — Магия или её носители попадая в организм, возбуждают подсознание, нивелируя сознание и человек подчиняется его требованиям разрушать и убивать.

— А как это связано со мной? — сердито поинтересовалась Калия. — Ты же не хочешь сказать, что у меня Красное безумие?

— Нет... решение для сдерживания может быть одного и того же. Не для лечения, а для

сдерживания.

— И что же это? — Велисарий отодвинул отчёт аптекаря, думается мне, что сегодня он его читать не станет.

— Я вывел антидот. Это концентрированный экстракт сон-травы, безопасная вытяжка успокоительного вещества из светопыли, эликсир мяты, валерианы, хмеля, а так же ещё нескольких веществ.

— Сон-травы? — переспросил Джеспар. — Её сколько людей употребляют и ничего. Да и ты решил всё население посадить на светопыль?

— Я говорю о концентрированном экстракте, — спокойно ответил аптекарь. — Ты не понимаешь, что это безопасная вытяжка, которая не вызывает зависимости.

— Как это поможет? — спросил Велисарий. — И зачем это Калии?

— Этот антидот снижает возбудимость психики в организме, он не даёт подсознанию овладеть телом, укрепляет сознание. Это поможет до тех пор, пока не будет найдено лекарство, — О'Брайенн повернулся к Калии. — Я слышал у вас есть вспышки гнева? Этот антидот успокаивает душу, в том числе избавляя и от гнева.

— И будешь ты как наркот под кайфом, — сыронизировал Джеспар.

— А что с лекарством? — поинтересовался Велисарий.

— У вас были какие-то кусочки некоего сигила, которые не позволяют болезни овладеть? Так? Хранители рассказывали. Я бы хотел изучить на предмет измельчения в порошкообразную массу и для применения вместе с раствором, чтобы выработать «магический иммунитет».

— Хорошо, ещё что-то? — с закрытыми глазами рухнул головой на ладонь Велисарий.

— Да, у меня готов раствор для Лишари Пегаст. Мы можем его применить, — уверенно произнёс О'Брайенн, ожидая ответа.

Меня проняла дрожь и одновременно радостное трепетное чувство, когда я услышал слова аптекаря. Мне отрадно от того, что она наконец-то встанет с койки, что сможет выйти из этого лазарета и прогуляться. Её грудь снова наполнит свежий воздух, она сможет воочию узреть, что её работа со светочем практически увенчалась успехом. Я же опять услышу её немножко низкий, но завораживающий голос, увижу околдовывающие глаза орехового цвета... странное чувство, но я понимаю, что мне будет хорошо только от одного знания, что с ней всё в порядке, что она здорова и не прикована к постели. Я бодро озираюсь на других собравшихся и мне кажется, что они тоже разделяют мой энтузиазм.

— Ну как? — снова спросил О'Брайенн. — У меня всё готово. Её тело в полном порядке, только осталось «включить» сознание. Мой препарат поможет ей с семидесятипроцентной вероятностью.

— А зачем ты меня спрашиваешь? — спросил Велисарий. — Я за неё не отвечаю, да и просто не компетентен в этом вопросе.

— Я думаю, что нужно её поднять, — с заботливостью мне на радость соглашается Калия.

— Вот у неё вопросов будет, — улыбнулся Джеспар. — Ладно, давайте попробуем. Она не заслужила того, чтобы валяться на кровати столь долгое время.

— Тогда, — О'Брайенн повернулся к выходу. — Я всё подготовлю. Приходите в лазарет, побыстрее это закончим.

Все поднялись и быстрым шагом направились к лазарету, чтобы воочию увидеть «возвращение» девушки из пограничного царства сумрака. Поднимаюсь и я, но как только

собираюсь поспешить за ковляющим Калией и Джеспаром, меня останавливает голос Велисария:

— Фриджиэн, — с обращением останавливаюсь я. — Хочу тебе сказать, друг. После того, как я узнал, к кому ты тогда полез за грибом, и как ты собирал образцы у заражённых, хочу тебе сказать — если ты у неё вызываешь хоть крупицу интереса, то не упusti момент.

— Откуда такая милость, мой господин?

— Друг, мы слишком долго были оторваны от обычной жизни, чтобы не упустить нечто важное. Не только одной войной мы живы. Орден, Эндерал — теперь ты можешь оставить это тем, кто живёт политикой. Да и мы выполнили свой долг.

— Я понимаю, — кивком соглашаюсь с командиром. — Спасибо.

— А теперь, — Велисарий показал на выход, — иди в лазарет и встреть её.

Спустя десять минут мы стоим в квадратном помещении, в котором изливается приятное тепло камина, есть несколько кроватей и на всех лежат раненные. Мы же собрались возле одной, где «спит» неримка в белой длинной рубаше, встав небольшим полукругом и уставив взгляды на неё.

— Как же она похудела, — тихо шепчет Калия.

— Это ещё ей повезло, — говорит Джеспар. — Без аптекариев бы долго не протянула.

Я, находясь в лазарете рядом с Лишари, почти не замечал её сброса веса, но внимательно всматриваясь меня тряхнуло от того, что её щёки впали, лицо стало более утончённое, сильнее выражаются костяшки на ладонях. Но всё же, даже эта вынужденная диета не отняла от её красоты — она всё так же прекрасна, как и ранее. Её голова покоится на подушке, на тёмном волосе. Взгляд моих глаз водит по её гладкой слегка смуглой кожи, до которой я хотел бы дотронуться. Одновременно я рад, что наконец-то она поднимется, а с другой стороны меня терзают сомнения и волнения от того, что может пойти что-то не так, что лекарство не подействует или ещё хуже — её здоровью будет нанесён вред. Эта мысль вызывает у меня противное ощущение сжатия в груди и горькой тошноты, но переборов себя, я не отрывая глаз наблюдаю за действием.

Аптекарий, держа шприц, прошёл между нами подобно тени и взял её за запястье, придавив вену своим пальцем.

— Пульс в норме для такого состояния... приступим.

Аптекарий оттянул немного часть рубашки оголяя верхнюю часть груди, нащупав место для удара в сердце и занёс шприц для укола. Быстрым движением он погрузил сталь в тело, отчего меня прошиб болезненный мондраж.

— Господи, — вслух от волнения взмолился я, трясущимися руками коснулся лба с которого стекает градом холодный пот, — помоги.

Процедура протекает очень быстро, я пытаюсь подавить слабость от вида того, как игла вошла в плоть и вещество попало в сердце, как оно стало «раскручивать мотор» организма. Всё продлилось недолго. Но у меня возникло ощущение, будто это меня пронзили и не шприцом, а мечом в грудь. Тут же аптекарий отскакивает назад в ожидании результата. Секунда, две пять — до сих пор нет результата. У меня с силой взрыва пороховой бочки рождается тоскливое унылое чувство, но оно сию секунду развивается другим ощущением — помесь радости и удивления.

— О-о-о-о-х! — раздаётся на всю комнату и девушка, что ранее неподвижно лежала, резко подняла спину, жадно хватая ртом и носом свежий воздух.

— Лишари! — кричу я и не сдерживаю себя, чтобы не сорваться к ней — мои ноги сами

меня понесли к ней, но я столкнулся о преграду.

— Стоять! — меня остановил О'Брайенн, ударив тыльной стороной кулака в грудь и сам бросился к ней, подлетев к глазам, но он не увидел в них безумного огненно-красного блеска. — Всё в порядке, — с этими словами он отходит в сторону.

Лишари, обескураженная и удивлённая смотрит на меня, человека, который прильнул к ней, приобнял слегка за плечи и спросил:

— Ты как? Я надеялся, что мы тебя не потеряли.

— Я... где я? Ох, — Лишари схватилась исхудавшими руками за голову, проведя по моим рукам. — «Кочевник»... Карим... проклятье! — стала беспорядочно она перебирать слова. — Светоч, очищение! Что произошло, ко всем..., - выругалась дама.

— О, да, Лишари, узнаю её, — сделал шаг вперёд Джеспар. — Это будет долгая история, но тебе пока нужно отдохнуть.

Я увидел её... ожившую, хоть немного бледноватую, но живую и это самое главное, и нет сегодня для меня более важного, чем её возвращение в мир живых. О, Единый, сколько же она пережила? С того, момента, когда её сразил меч в таверне Эндерал не просто поменялся, он изменился в своей сути, проделав путь от жалкой псевдотеократии, до мощного союза, который смог разбить лучшую в мире армию, выставив на поле боя горстку храбрецов. Во истину, думаю ей интересно будет послушать не про манёвры и тактику на поле боя, а то, как Велисарий шаг за шагом вёл страну к новому воплощению и форме. Но прочь сейчас эти разговоры, я хочу услышать, как она себя чувствует. И мне плевать, что здесь ещё Калия с Джеспаром и О'Брайенном стоят рядом и желающие задать ещё десяток вопросов.

— Лишари, — сажусь я рядом с ней и не могу себя удержать, чтобы не коснуться её ладони; заключив её пальцы в свои, моя плоть столкнулась с предмогильным холодом, который всё ещё гуляет в её теле. — Как ты себя чувствуешь?

— Как у чёрта со сковороды, — озлобленно выпалила дама, девушка другой рукой попыталась поправить чёрный волос, но мышцы настолько ещё слабы, что её длань падает на грудь; я же беру её руку и аккуратно кладу к бедру, а вторую разжимаю и сам закидываю солоноватый блестящий волос ей за ухо.

— Ох, Са'Ира, как же это мило, — вымолвила Калия.

— Спасибо, — прошептала Лишари, её голос дрожал, а в карих очах засияла слеза. — Как же я стала слаба и ничтожна, — её иссушенные губы слабо шевелятся, показывая, что даже говорить ей трудно. — Фриджи, вот зачем я такая вам? Ладно, — успокоившись, она глубоко втянула воздух и выдохнула, — проблема как проблема... разберёмся и с ней.

— Лишари, ты была отравлена сильнейшим ядом, — я погладил её по руке, желая успокоить и предать уверенности. — Тебе нужно восстановиться, так что не беспокойся об этом.

Я взял у аптекаря необходимое, мои руки смочила тряпка, пропитанного отваром целебных трав. Моя ладонь аккуратно касается её голенища, а затем я отираю его выше и чуть выше, где всё в синяках. Я перевёл руку и отёр оголённые плечи в гематомах.

— Что это?

— Отвар для восстановления сил и заживления ран, — хмуро ответил О'Брайенн.

— Спасибо, — опять шепчет она. — Фриджиэн... Фриджи, ты так... почему ты носишься со мной сейчас? Почему... никто не проявлял до тебя такого?

— Потому что ты больна, — с призрачной улыбкой я отвечаю. — Да и к тому же ты...

для меня один из самых дорогих сердцу людей. Как я могу тебе не помочь?

— Надеюсь, Фриджи, мы ещё сходим на тот пляж? — Лишари закрыла глаза, её уставшее изнеможённая улыбка просияла улыбкой. — Как же там было прекрасно.

— Но прекраснее всего было, когда ты мне подарила того кота. Лишари, — с придыханием я произнёс её имя, — ты не представляешь, как сильно твой подарок мне помог, — говорю я и продолжаю нежно водить тканью по её больному телу, на чуть смуглой коже тут и там скверными пятнами следы отравления и гнусного предательства.

— Ах! — неожиданно для всех, откинув слабость вскрикнула она. — Ты всё же получил его? Я и не думала, что этот святоша передаст его.

— Но он передал, а твой подарок согрел моё сердце. Поверь, — на миг я вспомнил весь тот ужас, который пережил от гор Фростклифф до кровавой бани в Арке, — если бы не он, то я сошёл бы с ума.

— Не преувеличивай.

— Нисколько, — улыбнулся, убрав тряпку и передав аптекарию. — Всё совершенно серьёзно.

У меня на лицо лезет улыбка от того, что она встала..., впрочем, её сбивает крик от одного из послушников, который ворвался сюда:

— Бунт! Народ восстал! Знать требует власти!

— Какой бунт!? Что вообще за фигня творится!? — крикнула Лишари. — Где долбаный Святой орден? Арантеаль?

— Это издержки деятельности Велисария, — тихо сказала Калия. — Народу не совсем понравилась видимо его политика о равенствах.

— Фриджи, куда ты? — потянулась Лишари, когда я встал.

— Ох, Лишари, — призрак улыбки появился на губах Джеспара. — Он теперь у нас герой войны. Успел почти быть осужденным и участвовал в сборе образцов заражённых. И теперь он просто обязан там быть.

— Джеспар прав, — тяжело я говорю, разворачиваясь. — Я скоро буду. Приглядите пока за ней, да накормите чем-нибудь. А я пойду посмотрю на это восстание.

Глава 23. Восстание Вольного народа Арка

Глава 23. Восстание Вольного народа Арка

«Человек вспыльчивый розни и распри учиняет против властей, но тихий и мирный утешает их. Не будем же мы как неблагоразумные вспыльчивые, и не станем поднимать восстаний, мятежей и учинять крамол, ибо это дела тьмы»

— Из книги «Предание»

Спустя час.

Вечер, смеркается. Это был бы прекрасный закат, на который можно было бы посмотреть с высоких башен в городе, но ныне он омрачён безумием народа, который решил пойти против остатков власти, ведомый мракобесием и предрассудками. Я удивлён — только что закончилась война, город лежит в руинах, а у этого неблагодарного сброда есть запал подниматься против свои освободителей?

Ох, как бы я хотел остаться с Лишари, как бы мне хотелось с ней поговорить, но долг зовёт и даже с ней обмолвиться словом не успел. Я нужен сейчас там, где это необходимее всего. Благо с ней остались те трое — «чудо» из Нерима, Джеспар и Калия, а нас же призывает труба.

Восстание... на мгновение я вспомнил, что уже в Эндерале восставал народ — в стародавние времена, практически тысячу лет тому назад, женщина из Подгорода, ремесленница Килана подняла тучу бедняков и нищих против Святого ордена и закрепила к северу от Сердцеземья и к югу от высоких снежных гор. Резня продолжалась несколько лет, прежде чем Орден, осадивший их базу обманом не вынудил её сдаться, а её последователей перебил, как бешенных собак. И ныне то место нарекается «Мрачной долиной», где до сих пор от края до края разбросаны кости, а восставших мертвецов там больше всего.

Взяв с собой меч, я и Велисарий несёмся по лестнице, а затем за ворота и выбегаем на рыночную площадь, где целое столпотворение — по краям площади толпу пытаются удержать немногочисленные солдаты — я вижу ряды солдат Единой Армии в лиловом, среди которых то и дело мелькают табарды красно-белой расцветки. А в самом центре самый смак — толпа народу, вооружённая простыми железными мечами, вилами, ножами, молотками и топорами.

— Долой «диких»! — раздаются безумные крики. — Свободу Вольному народу Арка!

Мы практически добежали до народа, как слышится грозное предостережение из рядов стражи:

— Если из вас недобитков подойдёт ещё на два метра, я лично пушу его потроха на корм собакам! — это была угроза от высокого воина, который уже приготовил секиру, и люди уstraшились, но долго ли в них ещё будет сохраняться страх?

Мы пробежали к самой страже, и я снова поражаюсь. В воздухе всё ещё стоит железный запах крови на пару с терпким ароматом гари, ещё не убраны тела убиенных, а народ с вилами на нас выходит. Стража и солдаты Единой армии создали подобие стены — окружили щитами несколько десятков разъярённых человек, выставив в их сторону острия мечей и наконечники копий... кажется, это единственное, что удерживает народ от погромов и открытых бунтов. Велисарий одёрнул одного из воинов за плечо, развернув к себе и требовательно сказал:

— Воин, докладывай!

— Да тут такое дело, — стражник повернулся к нам, — некий Брайвак подбил часть люда доброго на крамолу. Он молвил, что «дикие», ну маги, и эти, из Ралата, да и бедные, что сейчас вольно ходют по городу, нам не друзья. Это мол нарушение заветов Мальфаса, во, а значит, их надобно изгнать.

— Заветов, значит! — вспыхнул я. — Мальфаса им подавай!

— Дайте пройти, — спокойно потребовал мой командир и мы вместе с ним, с трепетом сердечным двинулись вперёд. Велисарий прошёл за ряды стражи вместе со мной... мы, без доспехов, считай с открытой грудью идём на вилы разъярённой толпы. Мне страшно от этого и я инстинктивно держусь за рукоять меча и ручку «громыхателя», чтобы защитить себя, но вот в глазах Велисария я лицезрю спокойствие.

Он встал прямо напротив толпы, где мы видим только блеск железа и сумасшедший глянец в глазах народа.

— Убирайтесь отседава! — кричит Конан. — Забирайтесь обратно в свои норы, иначе мы пережим вас как свиней!

— Вас всех не заткнуть! — ответом становится ему крик из толпы. — Вольный народ Арка требует, чтобы его послушали!

— И чего же хочет Вольный народ Арка? — спросил Велисарий, и чтобы ответить на его вопрос из толпы вышел лысый мужчина, в синем кафтане, сапогах и белой рубашке, и возрев на него мой командир требует. — Скажите же!

— Я, Брайвак из Арка, — разведя руками начал мужчина, — созвал всех неравнодушных, всех, кому есть дело до любимого города для создания движения Вольный народ Арка, чтобы наш голос, наше слово было услышано!

— Давай без этого пафоса, — приподняв руку, попросил мой командир.

— Скажи, полководец, почему по нашему городу шляются всякие отбросы вроде диких магов. Они — корень зла, они творят против нас злобу, они — еретики, отвернувшиеся от света Мальфаса! — закричал Брайвак и поднял руку с кулаком. — Жги ведьм!

— Идиот! — Велисарий обнажил клинок и на этот раз я не узнаю речей своего командира. — Они сражались за то, чтобы вы жили. Они проливали свою кровь, теряли братьев и сестёр за то, чтобы ты, дебил, сейчас не валялся в горе изуродованных тел!

— Но они идут против заветов наших богов! — не унимается этот лишенец и меня всё сильнее одолевает желание пальнуть в него. — Мальфас, Ирланды, Тир и другие.

— Ваши боги мертвы! — кричу я, не удержав в себе от злобы досадных слов. — Мальфас и другие умерли. Правы неримцы, это были ложные боги!

Народ опешил от таких слов — мгновенно все его требования развеялись будто морок. Мне они показались осиротевшими детьми. Все они от моих слов потеряли смысл бытия, лишились главного в жизни, чему естественно не верят:

— Ты лжёшь! — кричит Брайвак. — они боги и они не могут умереть! Рождённые светом всегда нас оберегали, и сейчас они живы и сам Мальфас взирает на нас! Да, ты — лжёшь!

— Тогда почему неримцы напали на нас! Из Нерима, страны, где близко жили Рождённые светом? Поймите, что если бы они были живы, то допустили бы разорение этого города? А Мальфас, защитник Эндерала, как он мог бы позволить Нериму на него напасть, если бы был жив!

Я, потирая руки с свободной улыбкой гляжу, как весь мятеж медленно превращается в

подобие похоронной процессии — пришедшие на восстание оказались в траурной процессии по своим надеждам, вере и божествам. По щекам женщин потекли горячие слёзы, мужики в опустили оружие, кто-то бросил его под ноги. Велисарий так же убрал свой меч.

— И... во что же нам верить?

— А верьте во что хотите! — кричу я. — Но поймите, что прошло время вражды между вами и «дикими», — я сам едва ли верю тому, что говорю; нет, я против глупой вражды, но «дикие» или «правильные» — это не просто названия, ибо за обычными буквами таится глубинный смысл — первые всегда изгоями, любящими свободу и независимость, плевавшие на заветы Святого ордена, и часто грабящие обычных граждан; а вторые свято чтит все уставы и правила Ордена, зачитывались книгой «Путь» и мнили себя праведниками.

— На сегодня достаточно крови! — кричит Велисарий. — Расходитесь по домам, хватит боёв.

— Мы... вера..., - опустил голову Брайвак и как заговорённый продолжил. — Вольный народ Арка требует... неужто мы настолько стали грешными, что боги покинули нас? Да, из-за наших грехов боги стали уязвимы. И мы очистим наши грехи в крови неверных! — Брайвак поднял оружие — шипованную булаву, я же уставил ему в лицо «громыхатель»; тревога пробежала по всему телу, нервы в натяжке и дрожащей рукой я удерживаю Брайвака от необдуманного действия; ох, как же не хочется снова лить кровь, от неё уже тошнит на сегодня, и я бы многое отдал, чтобы просто всё это закончилось.

— Не говори глупостей! — с этими словами к нам подошёл мужчина в красной рясе, его грудь укрыта панцирем, а на наплечникам болтаются веленевые бумажки, прикреплённые печатями; он встал рядом с нами и стал вдохновенно говорить, опираясь на золотистый посох. — Рождённые светом не были богами, но являлись посланниками истинного Бога, его пророками, которые возвестили вам о крупице истины. И мы ошибочно приняли их за богов.

— А ты кто ещё будешь? — спросил Брайвак, опуская булаву.

— Я — Исаил, изучивший Предание и возвещаю вам о том, чтобы вы не отчаивались, ибо есть Единый, который за вами надзирает, который любит вас. Он, через Рождённых светом научил вас порядку, научил борьбе со страстями дал вам понятие добра и зла, но предки ваши прельстились и приняли посланников за божества.

— А почему же Он не отвратил нам от этого ложного поклонения? — стал допытываться Брайвак.

— Он не вмешивается в нашу свободу, ибо установив законы мироздания и духовные, он ждёт — пойдём ли мы к Нему, а если нет, то исполняется предрешённая и наступает нас по закону духовному кара, — пламенно отвечает Исаил. — И выбрав поклонение Его посланникам, мы сами определили свой путь.

— А чему подобен твой Бог? — не унимается Брайвак, прицепивший булаву к поясу. — Где нам узреть его?

— И чему же вы, народ Арка, уподобите Господа? И какое подобие обнаружите Ему? Всякого истукана створяет художник, а потом его покрывают золотом, и приделывают цепочки блестящие. Кто-то же творит себе истуканов из древесины. А кто-то стремиться узреть божество в его живых творениях, как и предки наши ошиблись, смотря на Рождённых светом. Но это всё ложное! — грозно объявил Исаил, стукнув посохом о землю. — Разве вы не способны уразуметь, что Он выше всего этого! Он есть Тот, Который восседает над кругом земли, и живущие на ней — как саранча пред Ним; Он распростер небеса, как тонкую ткань, и раскинул их, как шатер для жилья.

— И как же нам пронять такого Бога!? — яростно спросила одно из женщин, находящихся в толпе.

— На то он и Бог, — строго заключает Исаил. — Разум его неисследими, — а далее Исаил перешёл на гневный укор. — Если захотите и послушаетесь, то будете вкушать блага земли; если же отречётесь и будете упорствовать, то меч пожрет вас, как, то случилась сегодня с вами: ибо уста Господни говорят.

Народ с заворожением и новой надеждой наставил глаза на Исаила, который стал для них предвозвестником новой истины. Часть людей, которые это не хотели слушать, потушили факелы и убрали вилы, отправившись домой, чувствуя, что мятеж превратился в место проповеди, но самые ревнительные остались, чтобы задавать вопросы и внимать слову. Я рад такому исходу событий... уж лучше религиозные споры и диалоги, чем кровавая резня.

Исаил — ревнитель веры, который после гибели Рождённых Светом быстро обрёл истину. Он редко, когда делился нам историями о своём прошлом, но я знаю, что он пошёл из рода аристократов, и предпочитал в детстве проводить время в Церкви Мальфаса. Он бы, наверное, стал священником там, если бы не внезапно проснувшиеся его магические способности, которые привели его в Святой орден, но он не оставил изысканий религии. И сейчас я могу видеть пламенность его веры, то, что все его знания не пропали зря, и он может применить их для усмирения народа.

— А что нас говорит Бог насчёт диких магов и прочего сброда!? — вот раздался насущный вопрос.

Исаил, сжав губы и простирая левую руку к народу в знак призыва и доверия, ответил:

— Будьте милостивы ко всем, ибо всяк народ любим им! Он посылает дождь и над дикими магами, и над вами тоже. Пришло время примирения, пришло время начать всё заново, — Исаил показал в сторону порта. — Неримцы, пришедшие сюда с огнём и мечом возвестили нам о начале нового периода в истории! — Исаил посмотрел в глаза народу. — Эпоха избранности, эпоха Рождённых светом прошла. Так отбросим же ненависть, и вместе будем восстанавливать родину, ибо нет разницы между народами в правоте, если все они ходят в единой истине любви и почитании Единого.

— И что же нам делать? — спросил народ.

— Так перекуйте же мечи свои на мотыги. Нас ждёт много трудов, братья и сестры. Город нес пал и только общими усилиями можно его возродить. Так не будем же держать рук своих без работы, а возьмёмся и возродим нашу родину, отчистим её от пепла усилиями совместными!

Мы с Велисарием пошли прочь отсюда — теперь это восстание ниспало, превратившись в общение Исаила с народом, чему я естественно рад. Мы, поднявшись по небольшой, уложенной плиткой, дороге подошли к воротам, ведущим в квартал знати, где мой командир неожиданно спросил:

— И как она? Пегаст?

— Она? А к чему вы спрашиваете? — поинтересовался я.

— Да просто так. Я удивляюсь тому, что ты смог как-то совмещать оборону города и спасение той девушки. Вот и интересуюсь, твои... потуги помогли, имели эффект? А то, как-то обидно было бы, если всё пошло под откос.

— Да, — выдохнул я. — Вроде всё хорошо.

— Если хочешь, завтра, после того, как закончим заседание Сената, я дам тебе вольную.

Поговоришь с ней, пообщаешься.

Я приятно удивлён командирской щедрости; не зная её источника и предполагая, что скорее всего он просто желает мира везде, где только можно, я с благодарностью произношу:

— Спасибо, господин Велисарий. Чем продиктована такая милость? То отпустить не хотели, а теперь рады, когда я уйду.

— Фриджидиэн, а зачем ты теперь? Эндерал спасён, Нерим побеждён, Коарек в темнице и то, за чем ты пошёл за мной, исполнено. Долга больше нет, мой друг. А если его нет, то зачем ты будешь крутиться возле нас?

— Премного благодарен.

— Ладно, теперь иди к Лишари, а мне нужно прилечь. Да, и скажи Калии, чтобы она завтра в десять часов прибыла в Речное. Я ей отослал свиток.

Я, отдав лёгкий поклон, направился в лазарет, где сейчас и продолжает лежать неримка. Начинает смеркаться — солнце практически зашло за горизонт, звёзды серебряной россыпью зацветают на небосводе, и луна — чудный крупный диск повис над нашими головами, отражая на нас холодный свет нашего солнца. Мне понадобилось несколько минут, чтобы преодолеть путь, на котором тут и там мне попадались пятна крови или последствия стихийной магии. Войдя в Храм, я увидел, как несколько хранителей, переживших эту бойню, поприветствовали меня приложив руку на доспех. Я сотворил в ответ такой же жест.

В лазарете немного прохладно, но как только я дошёл до комнаты, где лежит неримка, тепло камина обдало меня. Тут, помимо неё, я вижу Калию, которая сидит на подоконнике, Джеспара, подтянувшего стул, и пришельца из Нерима. Они посмотрели на меня, как только я вошёл и наёмник, с лёгкой усмешкой на губах вопрошает:

— Ну что, подавили восстание? Наверное, тяжело избивать обычных людей, а, Фриджидиэн?

— Тоже рад тебя видеть Джеспар, — ответил я. — Нет... мы поговорили с людьми, и они разошлись. Всё в порядке. Калия, — я поднял голову. — Завтра Велисарий тебя призывает в Речное, на заседание Сената.

— Что? Зачем?

— Он не сказал. Просто приходи... свиток должны выдать.

— С-сената? В Р-речном? — с дрожью на слабых губах спросила Лишари; я смотрю на неё, на тёмные живые глаза, и у меня на губы лезет слабая улыбка, а в груди поселяется приятное чувство.

— Об этом тебе расскажет Фриджидиэн, — произнёс Джеспар.

— Это полный..., - я услышал возмущения Лишари, которые пропустил мимо ушей, — я до сих пор не могу поверить, что эти ушлёпки, все они нас предали, — она всё ещё лежит на кровати в рубашке; ранение и яд взяли с неё слишком много сил. — Этот Джорек, Тручесса, а потом и Арантеаль... долбаные идиоты и маразматики.

— Хм, узнаю Лишари, — Джеспар встал со своего стула. — Жалко тебя не было в небесном городе звёздников.

— Действительно сожалению. Зараза... этот, — разразилась оскорблениями девушка, — Карим. Из-за него я оказалась здесь. Проклятье-проклятье-проклятье, как я могла так купиться?

— Ты оказалась тут благодаря Ша'Риму, который стал устранять свидетелей, — говорю

я. — И как ты вообще вышла на него?

— Долгая история, — отмахнулась Лишари, — но ведь этот утырок Карим отравил ту медовуху.

— Зачем ты вообще за ним пошла? — резко спрашиваю я. — Ты же вроде должна была ждать в «Кочевнике» то «чудо» из Нерима.

— Он сам меня нашёл, а потом... боль. Дикая боль по всему телу. Я помню только головокружение, а затем свет. Много света. Кто-то спас меня.

— Ты хоть помнишь, кто тебя спас? — спрашивает Джеспар.

— Не особо, — Лишари попыталась подтянуться, чтобы занять сидячее положение, и с гримасой боли, держась за живот она смогла это сделать, опёршись спиной о подушку и стену. — Да и... мне сейчас трудно вспоминать про то. Вы понимаете.

«Если трудно, тогда не стану говорить ей об этом», — подумал я, чуть приклонив голову, всматриваясь в плитку.

— Ладно, — Джеспар направился к выходу. — Пойдёмте, Лишари нужно отдыхать. Как насчёт пропустить пару кружек пива в «Псе»? Говорят, он ещё работает, и я намереваюсь это проверить. Фриджиэн, тебя тоже... будем рады видеть.

— Фриджиэн, останься, — протянула руку Лишари. — Расскажешь про войну с Неримом и эти восстания. Про то, как нас полудурки из Святого ордена чуть не погубили я послушала, теперь хочу узнать про Нерим и восстания.

— Как закончишь, — до меня донёсся низкий глас Калии. — Найдёшь нас в «Псе».

— Хорошо, — ответил я и присел на кровать рядом с Лишари, неотрывно уставив свои глаза на её исхудавшее лицо. — Да тут нечего рассказывать, Коарек попытался всем скопом взять город, но просчитался. Его сцапали в клещи, а людей... перебили. А восстание... скажем так, люди захотели вернуться к старым традициям, и сжечь тех, кто по их мнению не должен находиться в Арке. Но через новую веру мы сумели сгладить этот конфликт.

— Вы опять промываете людям сознание? — смутилась Лишари. — Эх, только от Рождённых светом избавились, теперь это.

— Лишари, ты понимаешь обстановку, — тихо говорю я. — Сейчас нужно обходиться без конфликтов. И мы же как-то условились — без разговоров о религии, — на моих губах показалась улыбка, которая тут же пропала. — Ты как? Что говорят аптекарии?

— Да всё полная..., - снова раздалось слова сквернословия от дамы, которая поправила тёмный волос. — Они прописали мне ещё неделю тут куковать. Люто.

— Как так Лишари? Ты нас всех, ты меня жутко напугала, — я резко сменил тему, сев к ней поближе. — Неужто тогда ты была ослеплена... прошлыми чувствами к Кариму?

— Нет! Не-е-ет... пойми, тогда, в таверне. Я была готова порвать этого предателя и изменщика. Он ведь мне клялся, что всё объяснит. Я подумала, что он ничего не замыслит, а эта скотина работала вместе с Юсланом! — закричала Лишари и тут же взялась за живот, в котором отдало лёгкой болью.

— Лишари, — я ринулся к ней.

— В порядке, — ответила девушка. — Просто... почему я? Клянусь задницей порицателя, но я не могу понять, почему так «повезло» мне. Вот в он мстил за дочь и жену, которые сгнули на Кире, так и прирезал бы его ночью, вывез бы в лес и заткнул бы его головой муравейник, причём тут я или люди? Из-за этого полудурка чуть не сгнуло всё человечество.

— Понимаю, — я аккуратно положил свою ладонь на её руку и рад тому, что её тело не

прохладное как ранее, а более живое. — Тебе сейчас нужно многое осмыслить. И... лечиться. Светоч уже никуда не денется.

— Ты прав, — Лишари запрокинула голову и будто бы взмолилась. — Эх и где сейчас можно было бы найти хорошего мужчину? А то вокруг почти одни идиоты, предатели, изменщики или фанатики.

— А как же я? — спросил я, ощутив как сердце в груди стало сильнее колотиться.

— Не знаю, — задумалась дама. — Ты — хороший друг. Но клянусь всем миром — хватит с меня этой аморной фигни.

— Понимаю, — смиренно вымолвил я, смотря ей глаза в глаза, почувствовав, что у меня в груди появилось какое-то тоскливое и странно-унылое чувство; меня охватила жажда какого-то реванша, я не знаю её слова — шутка, правда или она просто так это сказала, чтобы подколоть меня. — Хорошо, мне пора идти.

— Я была рада тебя видеть не покалеченным и не мертвым.

Быстрым шагом я направился прочь из лазарета, полностью направив мысли о завтрашнем заседании. Но сначала мне стоит посетить таверну, в которую меня звал Джеспар.

Глава 24. Душевные разговоры

Глава 24. Душевные разговоры

«Не следует нам, чтящим Творца и стремящимся к совершенству, упиваться вином, ибо от него происходит блуд, страсть и беда».

— Из книги *Предание*

Спустя час. Подгород. «Ложный пёс».

Обстановка здесь привычно угрюмая, местами мрачная в освещении и удручающая. Старые полуразвалившиеся столы, табуретки и стулья, ходящие ходуном от старости, пол на котором раскинуты доски, сквозь которые продавливается грязь и влажная земля.

Мы расселись за небольшим квадратным столиком, вдыхая смешанные ароматы сырости, вонь отходов, что тянется снаружи, прогорклого пива, кислого вина и сногшибательный запах креплённой настойки. Возле меня сидят двое — темноволосая девушка в лёгкой одежде и светловласый парень, в кожаной куртке с синими рукавами. Перед нами большая банка с тёмной жидкостью, три кружки, наполненные до краёв жидкостью, от которой в нос забивается «благоухание» солода, и две тарелки с грубо нарубленными кусками сыра.

— Что-то ты какой-то пришибленный, — стал говорить Джеспар, держась за кружку. — Сегодня день великой победы. Вы спасли мир от безумства Арантеаля и отбили Арк.

Мне же становится труднее с каждой секундой. Действие препаратов, которые мне давал аптекарий, медленно проходит и перед глазами встают картины бойни, перекошенные от боли лица, крики и вопли, перезвон клинков и разрывы артиллерии — звучат в ушах.

— Зелья... то, что мне давал О'Брайенн стало проходить. Улицы, вымазанные кровью, оружие и поля тел. Фух, — мотнув я головой тут же залил горло горьким тёмным пивом, — я такое никогда не видел. Эти бомбы... страшное зрелище. И столько огня, столько всего видно было.

— Ты слишком много придаёшь значения этому всему, — Джеспар приложился к кружке, — забудь. Главное, что ты выжил, что ты сейчас ешь и пьёшь и что в этой таверне кипит жизнь.

— Главное, что вы спасли людей, — на этот раз заговорила Калия, ещё не разу не прикоснувшись к горькой жидкости, — а это главное. Не думай о битве. Думай о том, сколько жизней вы спасли.

— Постараюсь, — я отпил ещё немного пива, и чувство теплоты разлилось у меня внутри, — в конце концов, они сами виноваты в том, что пошли на всё это.

— Вот и чудно, — Джеспар посмотрел в сторону, где за другим столом люди радостно отмечали победу. — Я всегда говорил, что таверна — это прекрасное место, где звучит чудесная музыка, раздают выпивку и весело, хоть вне её может твориться сущий ад.

— И то правда, — соглашаюсь я, допивая пиво, чтобы отогнать воспоминания о бое приятным охмелением.

— Это хорошо, — тихо твердит Калия. — Нам всем нужно отдохнуть после произошедшего и как-то уложить это. Высшие, Арантеаль, безумие и штурм. Я до сих пор не могу всё это осмыслить. Фриджиэн, может расскажешь нам о том, как вы подготовились к войне?

— Думаю, что наша история и дела не такие интересные, как ваши. Да и я слышал, что кто-то из вас двоих закрутил роман с «чудом» из Нерима. Честно, про это я не хочу сегодня знать, а вот про то ваши путешествия я бы послушал. Замок на севере, город звёздников, град тысячи заливов, исследование светоча, — я налил ещё пива. — Расскажите, что вы там видели?

— Замок на севере, — голос Калии стал более раздражённый, — тут рассказывать нечего. Был один учёный, который пытался воскресить свою... умершую в детстве дочь с помощью чёрного камня. Или не умершую, как говорил Велисарий. Там..., - речь девушки ещё сильнее задрожала, и мне понятно, что для девушки, которая горит всей душой за благо обычных людей, не поднимет меча зазря или ради корысти, такое отношение к тому, что она увидела в замке естественно; но мне кажется, что есть что-то ещё, что причина её боли по той девочки куда глубже, будто бы она её лично бы знала... — Он стаскивал трупы животных, варил какие-то мази, большинство помещений у него было завалено телами людей, производил эксперименты на живом и даже отравил звёздника, чтобы никто не проник в комнату с его дитя, — Калия приложила лицо к ладоням. — Простите, мне трудно всё это вспоминать, — её рука потянулась к кружке и резко приложила к губам; пиво смочило её горло и тут же раздался кашель. — Как вы можете пить эту гадость?

— К сожалению, «Кочевник» разрушен, а таверна в квартале знати теперь лазарет, — расстроено сказал Джеспар, встав с места и подойдя к держателю сего места; через пару секунд он вернулся, а на столе зазвенел бокал и тёмная бутылка. — Вот, для прекрасной дамы.

— Что это?

— Хорошее вино. Оно не часто здесь появляется, так что я отдал за него половину своих медяков.

— Калия, что с твоим детством? Ты же выросла в Подгороде? Где твои родители?

— Я не знаю, — дама наполнила бокал бардово-тёмной «водой» и немного отпила. — Помню, как очнулась посреди деревни, а она была разрушена. Выжжена, — Калия быстро оставила от вина в бокале только каплю на дне. — Простите, я не хочу об этом говорить.

— Ладно, оставим этот замок. Джеспар, я слышал, что тебя видели на востоке Эндерала. Говорят, у тебя там раньше дом был. Как же ты его потерял?

— Детство... — парень взглянул в кружку, где будто бы как в зеркале увидел прошлое. — Мой отец был идиотом. Он заседал в трибунале, был упёртым как баран и проклятым идеалистом. Трибунал вёл дело против парня, который убил двух шлюх. Его отец имел связи с Ралатой, но моему отцу всё равно. Двенадцать судей оправдали парня и только мой отец голосовал за обвинение.

— В официальных документах, — стал вспоминать я бумаги из архива, — говорится, что поместье Даль'Варека было уничтожено группой бандитов. Но как я понимаю...

— Да! — перебил Джеспар. — Бандиты не ходят с лучшими мечами, не способны перебить охрану поместья и сжечь его дотла. Отец... из-за его идеализма... Я с сестрой спасся потому что отправились в «экспедицию». Решили погулять вне дома и спаслись, вот ирония.

— Сестра?

— Это горькая история, — Джеспар опустошил кружку и поморщившись, продолжил говорить. — Адила, её звали Адила. После того, как поместье сожгли судьба нас разделила. Была она в аптекариях, а потом ушла.

— Почему?

Прежде чем Джеспар ответил бы, его рука обхватила банку и кружка опять наполнится пивом, которое тут же исчезло за губами парня.

— Недавно, совсем недавно наш «прорицатель» вышел на её след. Какой-то безумец убивал насильников, работоторговцев и прочую шваль. Кого-то в кислоте утопил, кого-то крысам скормил.

— Ты ведь не хочешь сказать...

— Да! — стукнул кулаком об стол парень, его чувства выдают, что за каменной стеной безразличия, которую всегда выстраивал Джеспар, кроется чувственность и травма, которую он пытается задавить, его голос стал ровнее, он успокоился с остатками бесстрастия продолжил. — Она... я с «прорицателем» вышел на её след, и в пещере. Она сильно изменилась, стала проклятой фанатичкой. Она убивала, и готова была продолжить. При ней был чёрный камень. Проклятая реликвия нашей семьи.

— Чёрный камень, — задумался я. — Нечистый артефакт, могущество тьмы. Что было дальше?

— Она умерла. Не от моей руки, — словно успокаивая себя сказал это парень. — Ладно, я предлагаю сменить тему. Как вам идея?

— Согласен, — с этими словами я снова отпиваю из своей кружки. — Джеспар, ты ведь раньше был на Киле и даже Кире?

— Да. Но там творилось такое дерьмо, что и говорить об этом не хотелось. На Киле мы попали жуткое месиво из восстаний, боёв и интриг. А Кира... ну её.

В таверне появилось ещё несколько человек, и они отлично одеты от большинства нищих. Их скрашивает доспех — кольчуга и поверх неё тёмно-лиловые тряпки, наспех отчищенные от грязи, крови и сажи. Один из них взглянул мне прямо в глаза, его сухие губы расплылись в улыбке, а горло выдало радостный возглас:

— Вот и наш молодец! — мужики подошли к нам, их повёл тот, кто узнал меня. — Вы бы ведали, как он дрался. Суший лев!

— Конан, — узнал я мужика, — хорошо вы там поработали.

— Да. Когда почил офицер этих тварей, мы ударили в северную часть фронта ихнего и надавали им по заднице. Как они драпали от нас!

— Фриджиэн, ты нам не рассказывал, как ты бился на улицах. Это так не по-дружески, — посмеялся Джеспар.

— Пива, милсдари! — крикнул Конан. — Дайте нам бочёнок. Сегодня я угощаю.

— Жалко с нами Лишари нет, — потянулась за сыром Калия.

— Конан, благодарю! — уже чувствуя, что меня начинает дурманить алкоголь, вольность в поведении просыпается и желание выветрить память о словах Лишари бросает меня. — Давай выпьем за победу, что б её, — Калия неодобрительно взглянула на меня.

— По-нашему!

Конан попросил у держателя таверны две кружки по пол-литра каждая и налил туда душистого светлого пива до краёв в большие кружки. Подтянув к себе массивную тару, отягощающую руку, мы столкнувшись кружками, я облегчил её. В горло «рекой» потекло горьковатое пиво, вылилось за края и хлынуло на одежду, а у Конана оно потекло по бороде. Мы осилили его одинаково и стукнули кружками о стол да так, что он бедный заскрипел.

— Хах-хах! — Конан ударил меня ладонью по плечу. — И даже не упал. А ты парень резкий.

Я посмотрел на Калию и Джеспара, пока принимал «удар в голову» от пива. Мы втроём, израненные и с больными душами, сидим тут и заливаем эмоции. Кто-то горе, кто-то ненависть и боль, а я призрак обиды и образы боя, которые практически покинули меня. Души, все наши души изранены. Как по мне, Джеспар впал в отстранение от эмоций только потому, что в его душе травма, или множество «повреждений», старое ранение и единственная возможность больше не ощущать боли — это уйти в безразличие. А Калия? Я даже не знаю, что с ней было, не могу представить страдания души, но видимо они сильны. По крайней мере, она выросла в Подгороде, на её глазах умирали бедные люди и часть её жизни — это ревность о них, насколько я помню. Но все мы здесь, рассказали истории, и понимаю, что передо мной не эгоистичный наёмник, а несчастный человек, что Калия — ревностная служительница Святого ордена, но её усердие — это также уход от внутренних проблем.

— Конан, — полупьяный я решил послушать историю старого бандита, а ныне целого короля. — Как ты дошёл до... преступности?

— Да что тут говорить. Был я с родителями на ферме, рос прытким мальчуганом, помогал им. Но в один долбаный вечер пришли святоши из ордена и обвинили их в ереси.

— А было основание?

— Отец не кланялся Мальфасу, не появлялся в местном храме на службах, вот на него и донесли, — Конан отпил из кружки, вновь наливая.

— И что дальше?

— Один из этих недолгоей хранителей нашёл у отца статуэтку из пирийского храма и принял решение — казнить, обвинив в отречении от Мальфаса.

— Это... не слишком хороший последователь Мальфаса, — заступилась за Святой орден Калия.

— Я остался один... их увезли в тюрьму, где должны и были провести суд и привести приговор. А у меня оставалась одна дорога — в бандиты, чтобы как-то себя прокормить. Так я попал в свою первую шайку.

— Интересно...

— Ладно, — Конан продолжил говорить, — завтра мы всё довершим парень. Благодаря твоему патрону мы всё завтра доведём до конца. Слышь парень, — Конан сунул мне стальной шар, — я знаю, что ты орудуешь огненными палками. Вот держи, этот шарик какой-то маг заколдовал. Пихнёшь его в палку.

— Пон-нимаю, с-с-спаибо, — захмелёно выговорил, смотря на то, как предо мной начинают «плясать» образы таверны.

— Что там у вас с Лишари? — спросила Калия. — Ты говорил с ней? Ради неё ты столько сделал.

— О, у тебя появилась девица? — Конан снова налил себе пива.

— Не совсем так, — чуть приподнял ладонь Джеспар. — Я тут поговорил с очевидцами, аптекарием, да и когда ты, Фридж, говорил с мятежниками, — парень посмотрел на меня и увидел, что мне трудно даже из банки вылить пиво. — Лучше за него я скажу, как скажешь?

— Да, всё пошло под гузно ватиру, — пьяно промолвил я. — Я для неё всего лишь друг.

— Понятно, — буркнул Конан. — Далее можно ничего не лепетать.

— Фриджидиэн, — обратился ко мне наёмник, — не зацкливайся на ней. Мало ли девиц на этом свете? Выпей, отвлекись.

— Согласен, — я допиваю ещё одну кружку пива, чувствуя, что мне уже хватит и вместо

этого тянусь к сыру и хлебу, поставленные Конаном.

— Ладно, Фриджиэн, — встала Калия, — ты всё-таки сам решай, что с этим всем делать. Скажу тебе одно — когда ты уходил к мятежникам, Лишари говорила, что её интересен был кто-то из «храмовников», а общалась она преимущественно с тобой, — девушка допила вино из бокала и устремилась к центру таверны.

— Подожди, мне тоже проветриться нужно, — качнувшись, поплёлся за Калией.

Мы подошли к центру таверны, полностью забитой танцующими людьми и посмотрев на Закареш, я интуитивно предположил, что она хочет присоединиться к толпе пляшущих.

— Ты умеешь? — спросила она.

— Только если импровизировать.

Калия начала, попыталась потанцевать, она выдвинула ногу вперёд, я же параллельно убрал стопу назад, но даже с импровизацией у меня плохо. Такое, непривычное, количество алкоголя ударило по моему сознанию, тело не устояло, и чтобы не повалиться в грязь лицом, рухнул на Калию. Уткнувшись лицом в её тёплое плечо и обхватив за талию, я всё ещё не упал.

— Ох, Си'Ира, как же ты напился.

— Кали-и-я, — язык заплетается, ноги как ватные в голове всё кругом, но я держу себя, — что ж-же с тобой? О кха-кой тьме в себе ты говорила?

— Неважно, — она стала медленно ритмично двигаться, и я за ней повторяю это, ощущая, что мы медленно отходим в сторону. — Это доставило мне множество трудностей, много... зла. Лучше скажи, что ты нашёл в Лишари?

— Трудно объяснить. Она весела, вольна в чём-то, красива. И с ней...

— Понимаю. Ладно, — Калия протянула мне серебряное кольцо, — я только сейчас вспомнила, что Лишари просила тебе его передать в подарок за пирийские побрякушки.

— Спасибо.

— А теперь пойдём. Тебе нужно протрезветь перед завтрашним днём, — сказав это, Калия потянула меня прочь из таверны, с чем я согласен. Пора отдохнуть перед важным событием.

Глава 25. Первый совет

Глава 25. Первый совет

«Все советники — мужи благородные, но вот сам Совет — злая бестия»

— Из книги «О власти».

Следующий день. Десять часов утра. Речное.

Утро, это был бы чудесный день, если бы не клубок мыслей, который меня не отпускает со вчерашнего дня и ничего не может от него отвлечь, вместе с лёгкой болью в голове. Ни изумительная погода — лазурный небосвод и ясное солнце, вкупе с приятным ветром, гуляющим по улочкам деревни; ни мягкая одежда — шёлковая рубашка цвета угля на которую ложится камзол, ноги укрыты сапогами под колено и штанами; ни даже немного принятого утром бренди, которое я вчера захватил из «Пса», чтобы малость забыться перед сном. Что-то, а таверны Подгорода будут работать несмотря ни на что. Да, мы вчера неплохо посидели, обсудив планы на будущее и поговорив о прошлом. Но ничего из этого не может вырвать у меня мысли о Лишари, которые засели в разуме подобно глубоко вогнанная заноза в плоть.

«Друг», — про себя горестно усмехаюсь я. — «Как пить мёд с подонком, который тебя отравит, так пожалуйста, а вот... ладно. Что есть, то есть. Ох, Лишари, как же меня занесло с тобой».

Снова попытавшись в неудачной попытке раздавить мысли о ней, я прохожу дальше. Речное — довольно чудное поселение к западу от Арка, раскинутое у быстротекущей речки, где в низовье разбиты поля с пшеницей, а на самом высоком ярусе часовня и дом мэра, ставший местом заседания для Сената. И теперь среди одноэтажных просторных деревянных приятных домиков бродят потоки новых стражников Речного, наёмников и обычных солдат, которые внимательно следят, чтобы порядок соблюдался, и никакая мышь не проскочила. Вообще Речное — довольно спокойное место, наименее пострадавшее от войны, поэтому его и выбрали для заседания.

Я оказываюсь на подобию рыночной площади — здесь несколько прилавков, позади меня большой дом и доска с объявлениями, а впереди часовня Мальфаса — серокаменное строение, уходящее в скалу. Вдохнув полной грудью ощутил, как тут витает аромат свежей выпечки.

— Фриджидиэн, — говорит мне сзади кто-то голосом низким, но женственным, и я увидел, как ко мне подошла девушка с коротким чёрным волосом, платком синего цвета на шее, лежащего на серые рукава и панцирь, а ноги защищены латами. — И ты здесь.

— Калия Закареш, — опознаю я девушку. — Ты всё-таки решила принять участие в нашем заседании?

— Нормально. Если Велисарий просит, то почему бы и нет? Только бы поскорее это закончилось, чтобы я могла вернуться к медитациям и покою. Как ты после вчерашнего?

— Хорошо... честно, я не знаю, что там у него за планы на тебя, — я показываю на двухэтажный коробчатый особняк мэра. — Пойдём.

— А что у вас там с Лишари? — спросила она.

— Что у нас может быть? Я вам вчера рассказывал, что мы просто друзья, — неприязненно ответил я, вспоминая, что её ответ для меня вчера оказался сильно досадным, такое ощущение, что у меня ёж поселился в груди. — Честно, я не понимаю, чего она хочет,

чего ждёт от мужчин.

— Ну она... сложная женщина, как я думаю. Джеспар рассказывал, что тот... Карим, он был патологический лжец, она желала его исправить. Возможно, её привлекает этот тип мужчин.

— То есть ты мне предлагаешь бухать, сношаться с девками, посещать бордели и постоянно лгать?

— Клянусь светочем и прорицателем, это тебе бы не пошло! — нас останавливает еле грубоватый женский голос и повернув голову я замечаю, как к нам подхрамывает высокого роста девушка; её тёмные длинные волосы подхватывает ветер, а глаза уставлены на нас.

— Лишари, — приятно удивлён я, с ёкнувшим сердцем, тут же переходя на упрёк. — Как ты... тебе нужно же лежать в лазарете. Ты как вчера вышла из комы.

— Это я её привёл, — к нам подошёл мужчина в чёрной тканевой длинной одежде. — На заседании Сената меня и её пригласили.

— О'Брайенн, — я сложил руки на груди. — Я не удивлён, но, впрочем, давайте поспешим.

— Фриджиэн, а что вы так обсуждали?

— Да, так — говорили о качествах парня. А ты как считаешь, что должно быть в мужчине... или что тебе нравится? — с чувством неприятной тревоги спрашиваю я.

— Хорошо, если бы он не был соплёй или нытиком. Вообще чудесно, если в парне есть какая-то острота.

— Как думаешь, во мне она есть?

— Есть..., - протянула девушка, — но немного не то.

«Хм, проклятье», — подумал я, попытался загнать как можно поглубже вспыхнувшие чувства — болезненную тоскливость, уныние и какую-то чёрную досаду. Чтобы сменить тему, я спрашиваю у аптекаря:

— Расскажи свою историю О'Брайенн.

— Я родился в семье аптекариев, и мой путь был предрешён. Я, рассказами матери и отца, был вдохновлён, думал, что работа аптекаря это лучшее, но мой романтизм разрушился, когда один странник мне приволок свою жену, которую пырнула в живот девочка, заражённая Красным безумием. Там-то началась реальная практика.

Мы подошли к дверям, где тут же нас остановило перекрестие алебард, опущенных воинами в краснею-белой форме.

— Я Фриджиэн Ксиро. Заведующий протоколом. Со мной Калия Закареш, Лишари Пегаст и О'Брайенн. Всех вызывали на заседание.

— О, точно! — стража убрала алебарды. — Залетайте.

Мы прошли внутрь и перед нами теперь большая просторная комната, занимающая весь первый этаж. У бревенчатых стен справа и слева от нас стоят ряды деревянных стульев, у самых окон через который проникают лучи света, а дальше в самом конце, где виднеется лестница возле каменной кладки стоят одиннадцать резных деревянных тронов, за которыми расположились представители всех сил, готовых начать переговоры. Посредине же, на свободном месте, где раньше стоял стол теперь громоздится трибуна. Большинство мест заняты людьми, в дорогих костюмах, о чём-то шепчущихся, и уставивших взгляды на нас.

— Смотри как недобро зыркают, — встревожено сказала Лишари.

Девушки и О'Брайенн заняли свободные места, я же подошёл к небольшому письменному столику в углу и взялся за перо, чтобы начать записывать ход действий и

движение заседания.

К трибуне выдвинулся чернявый немного смуглый мужчина среднего роста, который высоко подняв голову, звонким голосом заявил:

— Если все на месте и уже десять часов ровно, мы можем начинать заседание Первого совета?

— Да, — согласились люди, сидящие на тронах.

«Открытие заседания. Единогласно», — появляется у меня на бумаге.

— Хорошо, — продолжает парень у трибуны и вся зала моментально утихла, слушая его. — Тогда огласим список присутствующих заседателей, — мужчина стал вчитываться в какую-то бумажку. — Велисарий Флав, как Консул Оборонного Совета? Борек от Баронства Фермерского побережья? Югар Стенопёрый от Речного? Тициль «Брат-корысть» от Ралаты? Конан от Солнечного берега? Аль-Хаббад от Северной пустыни пороха? Корван «Теневой» от лиги ковенов диких магов? Самаэль от Банка Арка? Шамиль от Дюнного? Глорвер от Золотого Серпа? Ксенон от знати и народа Арка?

Все слегка поднимались, когда их называли, чтобы обозначить своё присутствие. Список представителей был составлен видимо на рассвете, чтобы все, кто хотел участвовать, заявили об этом. Неважно. «Явка сенаторов установлена. Явились все», появляется у меня на бумаге, и мужчина продолжает:

— Сегодня мы собрались, чтобы обсудить проект Велисария о создании союзного государства и перехода от Оборонного Совета к Эндеральскому Союзу. Но прежде чем мы начнём, я у делегатов спрашиваю — заявления, ходатайства имеются?

— Нет, — в один голос ответили люди на тронах.

— Тогда, переходим к рассмотрению основных документов, — ведущий подтянул к себе кипу бумаг; у меня же в протоколе появилась строчка «Заявок и ходатайств заявлено не было». — Флав Велисарий предлагает нам принять Генеральное Уложение Эндеральского Союза или Альянса Стран Эндеральских, в котором устанавливается первоначальный состав участников нового государства — Аристократическая республика Арк, Вольная территория Подгорода, Королевство Солнечного берега во главе с Конаном, со столицей в замке Златобород, Княжество Речное во главе с его бывшим мэром и новым князем, Лига Ковенов Магов со столицей в замке Даль'Галар, Баронство Фермерского Побережья, во главе с Бореком, в столицей в Дайри, Держава Дюнного во главе с Шанахншахом, Северный Каганат Пороховой Пустыни, во главе с Аль-Хаббадом со столицей в новом Аскамане. Так же, без территориальных образований, тут заседают и представители Банка и Золотого серпа, которые отстаивают свои интересы здесь.

— Дикие маги... ралаимы, — стал негодовать представитель аристократии, когда умолк ведущий. — С ними союз может оказаться слишком... сильно нарушающим наши устои. Я признаю их подвиг, но так ли они нужны?

— Они сражались вместе с нами! — стал давить Велисарий. — Их заслуга то, что вы тут сидите, а не кормите червей.

— У нас есть честь. Да, воевали, но якшаться? Это уже слишком.

— Так и знал, что опять нас начнут в дерьмо макать, — возмутился Корван. — Причём, наши же союзники!

— У диких магов и Ралаты хороший потенциал в привлечении капитала, — задумался Самаэль. — Артефакты, магия... скажите, Ксенон, вы будете поддерживать идеи своей чести, когда Банк сочтёт ваши операции... неблагонадёжными.

— Что за...

— А так же, что будет, если мы начнём разрывать договора? Скажите, это стоит вашей чести?

— Хорошо, мы согласны, — податливо соглашается представитель Арка. — В конце концов, мне трудно это признать, но немного мы... стали ближе во время этой войны.

— Мы переходим к зачитыванию основной части, — подтянув к себе другой лист, продолжил ведущий. — Основное положение в части первой — Эндеральский Союз — государство с особым территориальным устройством, органы власти которого формируются на основании принятых союзных законов. Главный законодательно-исполнительный и судебный орган власти — Высокий Сенат, состоящий из глав всех субъектов, которые в неё входят, а также из представителей Банка и Золотого серпа. Глава Союза — Консул, избираемый Высоким Сенатом на срок десять лет. Консул формирует Магистратум — исполнительный орган Союза, состоящий из советников по каждому направлению. Трибунал Союза — судебный орган власти, формируемый из одиннадцати членов, назначаемых Высоким Сенатом. Так же, возможно формирование иных органов власти. Положения о единой армии. Все согласны с основными положениями?

— Да.

«Делегаты соглашаются с территориальным составом и политическим устройством», — записываю я, продолжая слушать:

— Далее главной валютой признаётся серебряная эндеральская лира, состоящая из десяти эндеральских медяков. Так же допускается, чтобы каждый субъект имел свою валюту и финансовую систему.

Снова в ответ звучат согласия, и таким образом насчёт многого. Около получаса ведущий объявлял статьи Уложения, где говорилось о том, что каждый субъект сам формирует свою власть, о равных правах всего населения Союза, о принятии временного Уголовного Уложения, необходимого для поддержания порядка, о недискриминации, об обязанностях Союза и субъектов. Мне только остаётся записывать в протокол их постоянные согласия, которые явно были получены Велисарием ещё до заседания на неформальных встречах. Но когда речь зашла о Святом ордене, слово взял мой командир:

— Вот и пришло время поговорить о статусе Святого ордена, — поднялся Велисарий с места. — Он долгое время правил страной, был ведущей силой, но сейчас он слаб. Он немощен. Поэтому мы тут и собрались. Я расформировываю Орден храмовников — его братия вернётся в Святой орден, если захочет. Также я предлагаю Святой орден лишить возможности влиять на политику Союза и её субъектов и отдать ему территорию Храма солнца.

— Святой орден..., - с трясущимся голосом поднялась Калия, — он столько правил, тысячелетия его власти не могут пройти просто так. Он — культурная сущность нашего народа.

— Которая уже не играет роли, как и орден храмовников, — твёрдо заявляет Велисарий. — У Святого ордена больше нет ресурсов и сил, чтобы контролировать территорию Эндерала. И победу мы одержали силами не Святого ордена, а теми, которые удалось собрать. Люди юга, севера и востока пошли на битву не под знамёнами Святого ордена. Мессеры, — ко всем обратился Велисарий. — Вы же не будите против такого положения дел?

«Принято решение о переустройстве Святого ордена и отделении его от

государственного аппарата», — возникает у меня строчка в протоколе.

— Помимо этого, — всё продолжает Велисарий. — Мои братья по оружию из Ордена храмовников пусть возвращаются в Святой орден, я же туда не вернусь. А новым великим магистром предлагаю назначить Калию Закареш. Она лучше всего подходит на эту должность.

— Я... я, — замешкалась девушка, садясь на место. — Не могу.

— Я думаю этот вопрос мы решим на дополнительном заседании, — предложил Борек — худой седовласый с лысиной мужчина в синем пальто.

— Согласен, — Велисарий сел на место. — Я ещё хотел бы поговорить с вами об отмене «пути». Эта жизненная система, когда человек живёт профессией своих родителей, не даёт развиваться нашему обществу. Сковывание людей в одной социальной горизонтальной фармации лишает реализации возможностей молодого поколения.

— Но ведь она, система, столько времени с нами была и обеспечивала стабильность нашего общества! — вознегодовал представитель Арка. — Мы не можем просто так её выкинуть. Это получается, что каждый оборванец может стать нам ровней?

— Я предлагаю следующее, — слово взял Корван. — Каждая территория сама утверждает — следовать «пути» или нет. Это будет справедливо.

— Но как так!? — не унимается аристократ. — Теперь нам придётся общаться на равных с теми, кто ещё вчера служил нам, с теми, кто собирал последние медяки. Это возмутительно!

— Не все территории готовы следовать этому безумию под названием «Путь».

— Милостивые судари, это уже не Совет, а попрание наших ценностей! — аристократ гневно сплюнул на пол. — Ещё немного, и мы покинем это место!

— Договоры и деньги, — решил надавить представитель Банка. — Добрый мессир, только вы тут против нового порядка вещей.

— Банкир, — прорычал представитель аристократии. — Наша честь стоит дороже денег!

— Да, так будет лучше, — соглашается Велисарий, оборачиваясь к представителю знати. — Без вхождения в Союз, единственное на что может надеяться Арк, так это на свои стены, господин. Вы не сможете пережить ещё одного нападения армии Нерима, вас вроят в городские улицы, добрый господин.

— Ладно, — тяжело выдохнув, с грузом на сердце даёт согласие делегат от Арка. — Пусть будет так.

«Принято решение — система «путь» на усмотрение властей субъекта», — записываю я в протоколе с интересом продолжая наблюдать за продолжением заседания.

— Теперь, — продолжает Велисарий. — Я хочу, чтобы нам один из аптекариев сообщил о своих достижениях в области разработки лекарств.

— Да, — с места встал О'Брайенн. — Мне удалось вывести антидот, который может предотвращать распространение Красного безумия среди населения. К тому же, я веду разработку лекарства от него и помимо этого с помощью вытяжки из одного редкого гриба мне удалось создать... вещество сильно стимулирующую работу сердца и мозга, — аптекарий показал на Лишари. — Благодаря средству вот эту девушку удалось вывести из комы.

— Оу, — смутилась Лишари. — Это действительно так.

— И что же вы хотели об этом сказать, мессир Велисарий? — спрашивает Борек.

— Я бы хотел, чтобы при Сенате так же своё место в дальнейшем имела Лига Апотекариев, либо чтобы она получила особый статус, как и Святой орден. Без их наработок или спонсирования деятельности апотекариев, стране может прийти конец от чумы, а не от неримских клинков.

— Хорошо, — соглашаясь, голову склонил Борек. — Так же предлагаю решить этот вопрос на дополнительном заседании, которые мы посвятим Святому ордену и Лиге Апотекариев.

«Вопрос вынесен на дополнительное заседание, место и время которого будут решены позже», — записываю я.

— А теперь поговорим о неприятном, — грозно начал Велисарий. — Вчера вечером мне пришло известие, что после нашего перемирия с Неримом часть радикалов-неримцев откололась от основных войск и объединилась с пустынными повстанцами, которые решили держаться в стороне от всего.

— И что же? — спросил представитель аристократии.

— А то! — вспыхнул смуглый черноволосый Шамиль, на котором я заметил крепкий кожаный жилет поверх рубашки. — Они готовят нападение на Дюнное. Объединенные силы неримцев-фанатиков и пустынных крыс. Сегодня-завтра они уже будут у нашего порога.

— И что же ты хочешь? — надменно вопрошает аристократ.

— Я прошу, чтобы вы нам помогли, чтобы Арк отправил нам на помощь стражников. Я понимаю, сейчас у нас перемирие с Неримом, но это другое дело!

— Нет, это слишком много, — отмахнулся аристократ. — Битва с земляками неримцев может спровоцировать Нерим прийти им на помощь, а это новая война. Нельзя позволить дюнницам втянуть нас в войну. Если перемирие падёт это поставит под угрозу наши владения в Сердцеземье. Многие пострадают. Короче, если жители Дюнного желают, то пусть держат оборону самостоятельно.

— Вы хотите, чтобы через Дюнное Нерим начал свой новый поход? — с огорчением спросил Шамиль. — Хотите, чтобы весь восток, а потом и Эндерал застонал под пятой Нерима, как больной покорный раб? О, Единый, мы столько времени проливали кровь в Дюнном, чтобы удержать его штурмовые группы и теперь нам нужна помощь. Если мы победим в Дюнном, то это ещё сильнее охладит пыл Нерима к войне.

— И всё же. Над этим нужно подумать, — аристократ пошёл на попятную, что позволило Шамилю продолжить давление.

— Мессир, вы же понимаете, что сейчас это важное сражение? Внимание Эндерала будет туда направлено, и что вы хотите, чтобы народ увидел? Возможно, это сражение — второе после битвы за Арк. И когда вы разобьёте врага под Дюнным, это заставит Нерим понять — что они не равны вам. Вы уже показали своё мастерство под Арком. Придите нам на помощь, прошу вас.

— Давайте не будем спешить, — упирается аристократ. — А то уподобимся Арантеалю, который пытался включить светоч — не будем ведать, что творим.

— И всё же, — вновь в диалог вступил Велисарий. — Если мы не поможем, то враг может захватить Дюнное, а это даст ему преимущество и предлог к продолжению войны, — мой командир повернулся к Шамилю. — Мессир, я соберу кого можно и отправлюсь к вам с утра. Если закончим это как можно быстрее, то будет вообще отлично.

— На заседании Первого совета, — заговорил ведущий, — были рассмотрены все выдвинутые вопросы. Теперь переходим к судебному процессу над Теалором Арантеалем и

Таранором Коарекком.

«Заседание первого совета по поводу создания Союза окончено. Результат — стороны приняли Генеральное Уложение Эндеральского Союза с небольшими поправками, о чём позже будет подписано дополнительно соглашение».

Открывается судебное заседание, при коллегии судей из состава Первого совета. Одиннадцать часов сорок минут», — записываю я, понимая, что этот суд будет быстрым, ибо достопочтенные люди желают, как можно быстрее закончить всё это разойтись по своим делам. Об этом также говорит то, что для них не предоставили никакого защитника.

— Прежде чем начнётся заседание, предлагается утвердить его регламент, разработанные Велисарием. Сначала предлагается допросить подсудимых, потом заслушать свидетелей и рассмотреть доказательства, дать им последнее слово и вынести приговор. Ведущим рассмотрителем назначается Велисарий Флав.

— Да, — отвечают в один голос делегаты.

«Ратифицирован регламент судебного заседания первого совета. Велисарий Флав утверждён на должности ведущего рассматривателя», — записываю я.

Со второго этажа вывели двух человек — оба они в домотканой одежде — грубая рубаша и штаны, а на ногах тяжёлые массивные ботинки, только их лица разные — первый уже седой, с бородой и коротким волосом, а второй с чёрной шевелюрой, имеет аккуратную бородку и безумный блеск в глазах.

— Заседание первого совета по судебному делу Арантеалья Теалора и Коарека Таранора объявляется открытым, — начал Велисарий. — Арантеаль Теалор и Коарек Таранор, вы подтверждаете, что это вы?

— Разве ты видишь, кто тут перед тобой стоит? — вскипел Коарек. — Освободитель мира от религиозного мракобесия!

— Подсудимый, отвечайте на вопрос строго по существу.

— Это я, — спокойно говорит Арантеаль и ему вторит Коарек.

«Явка подсудимых установлена», — появляется у меня запись в протоколе.

— Хорошо, — продолжает Велисарий. — Вы обвиняетесь в преступлениях против Эндерала. Вы преследовали преступные цели — уничтожение народонаселения города Арк. Какие у вас были мотивы?

— Светоч, — словно вышедший из сна, заговорил Арантеаль. — Я... я не знал, что если его запустить... будет торжество Высших.

— И тем не менее. Вы хотели уничтожить город Арк с его населением и имуществом. Назовите ваши мотивы.

— Остановить Коарека, и его армию, — пришибленно даёт ответ Арантеаль, опустив голову. — Я думал. Что если уничтожу Арк, вместе с армией Коарека, то у других народов этого мира появится шанс остановить очищение.

— Вы признаёте свою вину? — строго спрашивает у Арантеалья Велисарий, смотря ему прямо в очи.

— Да.

— Мессире, — обратился к делегатам Велисарий. — Я думаю в отношении Арантеалья можно прекратить дальнейшее разбирательство. Если обвиняемый признаёт свою вину, то к чему нам показания свидетелей?

— И всё же, Велисарий, мы бы хотели послушать свидетелей и рассмотреть улики, — протестует аристократ.

— Хорошо, — Велисарий посмотрел на залу. — В качестве улики у нас есть протоколы допроса, составленные после боя Аксандером Далль'Кином, Арантеалем Теалора и одного пришельца из Нерима, который был с Арантеалем в тот момент, когда подсудимый объявил о своём преступном замысле, — Велисарий достал из небольшого сундучка под своими ногами пергаменты, с которых стал читать. — Страница третья протокола допроса Арантеала Теалора, строчка шесть — «Я признаю, что хотел запустить светоч, для того, чтобы истребить армию Коарека и понимал, осознавал, что подобные действия точно уничтожат город Арк вместе с его населением», — Велисарий взял в руки другие пергаменты, так же пустившись в поиски нужных строчек. — Ах вот. Вычитка из страницы два протокола допроса спутника Арантеала Теалора, которому было сообщено о преступном умысле — «После того, как мы оказались вне Вышнего, Арантеаль Теалор сообщил, после общения с воплощением Вышнего в духе Юслана Ша'Рима, что собирается включить светоч, заведомо зная, что без нуминоса он уничтожит город Арк».

В зале повисла тишина. Люди, приглашённые сюда впились взглядами в старого человека. Кто-то взирает с сочувствием, кто-то с осуждением, но до сих пор с трудом верится, что великий магистр пошёл на такое.

— Мессирь, ещё раз вас прошу прекратить в отношении Арантеала Теалора судебное разбирательство и перейти к вынесению приговора, — потребовал Велисарий.

«Первый совет единогласно переходит к вынесению приговора», — пишу я, уже зная, что сулит Арантеалу и то, что подтвердилось почти мгновенно, когда делегаты, поднимаясь с тронов, один за другим осуждали Арантеала.

— Суд единогласно постановляет, — голосом крепким, стал твердить Велисарий, — приговорить Арантеала Теалора к смертной казни через повешение. Данный приговор обжалованию не подлежит, только способ наказания может быть изменён на основании ходатайства подсудимого и решения Высокого Сената. Уведите под стражу осуждённого — Теалора Арантеала.

— Вот видишь, Арантеаль! — завопил Коарек. — Если бы ты тогда сдал мне город, то всего этого бы не случилось!

— Теперь переходим к рассмотрению дела касавшего Коарека Таранора.

— Да что тут рассматривать, — раздаётся вопль из зала. — На виселицу его! Эта скотина столько народу доброго перебила!

— Прошу соблюдать порядок в зале заседания, — устало требует Велисарий. — Какие у вас были мотивы?

— Освободить этот мир от религиозной грязи! — напыщенно заявил Коарек. — Люди, мыслящие религиозно не могут быть объективны!

— Вы, как сообщают свидетели, — Велисарий вынул ещё кипу пергаментов. — Отдавали приказы о казни мирных жителей, пытках и грабежах. Это так?

— Да, да и ещё раз да! — кричит Коарек. — И я бы снова отдал эти приказы, только бы...

— Заткнись, — не выдержал ралаим. — Может перейдём...

— Да. Подсудимый, вы признаёте свою вину?

— В том, что казнил — да, но это...

— Мессирь, — перебил Коарека Велисарий. — Перейдём к стадии вынесения приговора?

— Мы бы хотели послушать свидетелей по этому делу, если есть, — попросил Борек.

— Да, — Велисарий махнул в сторону зала. — Суд вызывает Хадринга из Арка.

Из толпы сидящих поднялся среднего роста светловолосый парень в тёмной мешковатой одежде, быстрым шагом проследовав к трибуне.

— Назовите себя и место рождения и сколько вам лет.

— Я Хадринг. Уродился в Арке тридцать семь зим назад, — ответил мужчина.

— Вы вызваны для дачи свидетельских показаний по делу об уничтожении народонаселения. Я предостерегаю вас, что за дачу заведомо ложных показаний предусмотрена уголовная ответственность. Скажите, вы знаете подсудимого, состоите с ним в каких-либо личных или имущественных отношениях?

— Неа. Только в бою разок встречал.

— Хорошо, что вы можете рассказать суду про уничтожение мирных жителей Эндерала во время военных действий против Нерима.

— Да. Вот как щас помню — неримцы распинали и побивали люду мерно. Всех тех, кого нашли они в порту взяли и приковали к дереву, токма потому, что они во чёто-то верят. А так же, помнится, что у ворот, когда наложили на них чары, вот он, — воин указал на Таранора, — молвил с великим магистром и именно он отдал указание на то, чтобы побивать народ мирный.

— Хорошо, ещё что-то можете нам рассказать?

— Ихний главарь, то есть неримцев, отдавал указы жечь фермы и бить торговцев, да и крестьян. Это нам пояснил один из пленных.

— Спасибо. У суда есть вопросы? И подсудимого? Нет? Хадринг, можете быть свободны, — как только стражник удалился, Велисарий обратился ко всем. — Господа?

«Суд единогласно переходит к вынесению приговора», — чиркнул я протоколе.

— Если его казнить, то неримцы сделают из него мученика, — сказал Корван. — Поднимут его портреты на свои знамёна.

И тут вся коллегия задумалась вместе с присутствующими в зале. Я понимаю всю тяжесть положения. С одной стороны, нельзя просто так отпустить Коарека под залог о мире — народ не поймёт, начнутся бунты и мятежи, но с другой, его можно использовать, как залог для мира с Неримом, и если его казнить, то неримляне могут воспринять это как мученичество Коарека за правильные идеи и начать тотальную войну против Эндерала. Ни того ни другого сейчас Эндералу не нужно.

— Мессеры, как насчёт пожизненного заключения? — спросил Велисарий. — Либо по нему можем решить потом? — спросил у всех мой командир и решение я занёс на бумагу:

«Решение о наказании Коарека перенесено на отдельное судебное заседание Высокого Сената».

Конец судебного разбирательства и заседания Первого совета», — отметил я в протоколе и откинулся на спинку стула, смотря за тем, как люди стали расходиться. Только засобиравшись расслабиться, как слышу:

— Фриджиэн, — махнул мне бегущий к выходу Велисарий, — пойдём поговорим кое с кем.

Поднявшись с места, и побежав за командиром, я только краем уха урвал строчки диалога, который раздался возле меня:

— Лишари Пегест, — посмотрев в сторону дамы сказал О'Брайенн, — даже не понимаю, чего Фриджиэн нашёл в вас?

— Что? — стусевалась девушка. — О чём ты говоришь?

— Вы разве не знаете? Именно он вас спас в Танцующем Кочевнике, при этом сам чуть не погибнув... я думал его левую руку придётся ампутировать. Потом он пошёл против воли Велисария, собирал образцы, да и нашёл тот гриб. Мне кажется, если бы для вас нужно было найти Чёрного стража, он бы сделал бы и это.

— Он, — замешкалась девушка, кажется, что в её мыслях что-то переменялось, но мне услышать её ответа и слов, так как сорвавшись с места поспеваю за Велисарием. — Я не знала. Фриджидиэн...

Мы вышли из здания и направились к двум клеткам, стоящим возле фонтана на рыночной площади, где содержатся главные «виновники» того, что стало с Эндералом, и стражники здесь нужны для того, чтобы их не забросали камнями.

— Стража, передохните пару минут, — попросил Велисарий и они, кивнув, ушли отсюда, оставив нас нападению с тем, кто сейчас нужен Эндералу.

— Арантеаль, я могу повлиять на способ казни, — говорит ему тихо Велисарий. — Ты ещё можешь быть полезным Эндералу.

— Ирланда, — словно не слыша, отстранённо твердит Арантеаль. — Как я мог так с ней поступить... как... ох, Наратзул.

— Рождённая светом? — замешкался я. — Не совсем понимаю о чём речь. Арантеаль, ты в порядке?

— Ирланда, ох, Ирланда. Как мог обменять ребёнка на должность, если бы не мой грех, всего этого бы не было. Я был ослеплён жадой должности серафима, — приложив ладони к лицу, срываясь говорит мужчина.

— Арантеаль, — вдумчиво обратился Велисарий. — Даже если бы ты и взял тогда ребёнка, воспитал бы его, и он не стал бы главой мятежа, то нашёлся кто-то другой, кто бы возглавил восстание.

— Так-так, у тебя был ребёнок от... Рождённой Светом? — полньюсь я удивления. — Как ты мог его оставить? Это же... это...

— Фриджидиэн, — оборвал меня Велисарий. — Арантеаль, мне нужны бойцы в сражении при Дюнном. Там будет жарко, и умелые воины мне необходимы, как вода. Вряд ли ты выживешь, но верю, что после смерти есть ещё что-то... и там ты сможешь встретить... свою Ирланду.

— Господин, Велисарий. Я тоже хочу принять участие в операции.

— И что же тебя гонит на смерть, Фриджидиэн? — удивился Велисарий.

— Я кажется знаю, — ответил Арантеаль вместо меня.

Глава 26. Сражение при Дюнном

Глава 26. Сражение при Дюнном

«Взявшие меч в руки свои для насилия, ненависти и беззакония от меча и найдут гибель свою»

— Из книги «Предание».

Утро следующих суток. У Дюнного.

Не думал я, что буду сражаться и умирать рядом с государственным преступником, с фанатиком, стоя плечом к плечу. В свете зари мы вдвоём стоим на укреплениях — за деревянной стеной до груди. Наглотавшись зелий от О'Брайенна я снова чувствую себя полуживым, меня не волнует груз доспехов — золотистого шлема и кольчуги, и латных перчаток, и поножей, ни приятное тёплое действие серебряного кольца на безымянном правом пальце, и единственный весомый груз — мой долг, который отдам.

У Дюнного, за выходом из котлована в котором расположилась его площадь, пустыня испещрена рвами и баррикадами, от скалы к холму, от возвышенностей до низин — всё стало местом для размещения волчьих ям, заградительных укреплений, стены кольев и валы, за которыми прячутся наши лучники. Я стою и смотрю на восток, откуда свой путь начинает солнце, но облаками и золотисто-песчаными ветрами оно скрыто, отчего на поле боя слишком плохой обзор. Но это не волнует меня. Мою руку снова оттягивает щит поменьше чем раньше, на поясе три «громыхателя» в правой руке меч, пышущий холодом зачарования, которое восстановил Исаил в память о том, что сделала Лишари.

По правую руку от меня стоит Арантеаль. Велисарий смог уговорить Высокий Сенат, чтобы его отпустили вместе с нами на сражение... последнее военное дело, ибо мы поставлены туда, где удар вражеского молота придётся сильнее всего — на главную дорогу у Дюнного. Сам полководец собрался с остатками кавалерии кочевников и бывших бандитов на западе, скрыв её магией невидимости, восседая на белом жеребце и ожидая времени. Рано утром, части из Арка, Речного, Солнечного берега с помощью магии телепортации переместились сюда и заняли позиции у линии обороны, раннее подготовленной солдатами Дюнного. И теперь, стоя возле неё мы ждём, когда ворог к нам нагрянет. Тучу врагов — неримцев-радикалов, которые не согласились с перемирием, повстанцев и прочий сброд ведёт капитан Фариоз — бывший офицер армии Нерима. Он, с отрядом, который откололся у Арка, прошёл в пустыню, скапливая по пути весь лихой народ, подобно тому как тряпка собирает пыль. И мы готовы их встретить — без пушек, без ручниц — всё это осталось на обороне Арка.

Перед нами пока только пустыня — поля песка, среди которого громоздятся серые скалы и подобно столбам стоят сухие деревья. Я, чтобы хоть немного отвлечься от этого пейзажа, вспоминаю о том, как с утра с рыночной площади Арка мы уходили в бой. Пели менестрели, на ветру трепетали флаги и боевые знамёна, женщины клали цветы на под ноги, Исаил громогласно молился. Я видел печальные лица народа, который взирал на нас, видел слёзы на глазах девушек, чувствовал душистый аромат белых лилий.

— Фриджидиэн, твоё решение безумно, — сказал мне тогда Велисарий. — Тут одни сорвиголовы. Ты же ещё много можешь сделать. Не спеши понапрасну губить свою жизнь. Если ты сейчас уйдёшь, я пойму тебя.

— Где как не здесь отдать её? — спрашиваю я у Велисария. — Это моя родина, я с радостью отдам жизнь за то, чтобы сохранить её великолепие.

— Я понимаю, почему ты туда спешишь, но стоит ли оно этого?

— Фриджиэн, — на этот я услышал слабый голос из толпы, возвещающий мне о душевной скорби и краем глаза увидел черноволосую девушку в зелёной одежде. — Зачем?

— Не это ли наш долг? — спрашиваю я у Лишари, смотря на неё будто бы безучастным взглядом, продолжая идти в строю. — Отдать жизнь за родину, когда от нас этого требует ситуация?

— Нет...

Она что-то сказала тогда, но это не услышал... мне кажется, что это нечто важное, нечто ценное, но свет телепортации затопил мои глаза, а гул магии не дал её словам достигнуть, не дал мне её услышать. А потом я увидел Дюнное и мы пошли готовиться.

Печальная судьба нас всех ждёт. Над нашими головами развеваются грозные знамёна — двуглавый орёл, отлитый золотом, на груди которого шестнадцатистрельная золотая звезда, вселяющая в сердце теплоту и уверенность. Лучники и баллистарии с арбалетами позади нас готовы обрушить на врага рой стрел и болтов.

Я, замерев в своём бдении уставил глаза на пустыню, думая — когда же придут. Враги, скоро, совсем скоро явятся к нам — они не смогут долго жить в пустыне.

— Фриджиэн, — заговор рядом стоящий бывший великий магистр; на нём цельнометаллический доспех, его руки сжимают крупный двуручный меч, а лицо скрыто за шлемом, который имеет чудесный красный гребень. — Удивительно, что ты стоишь тут рядом со мной.

— Арантеаль, ничего удивительного, — спокойно отвечаю я. — Просто хочу немного послужить своей родине.

— Родине ли? Или ты бежишь от...

— Арантеаль, а что же ты тут делаешь?

— Мне, мертвецу, уже нечего терять, — скорбно заявил Арантеаль. — Для меня — призрака за ширмой брони, плоти и костей, уже всё предрешиено. Быть может, это утро станет для меня последним, на что я и надеюсь.

— Надеешься, что там, за гробом встретишься с Ирландой и Наратзулом? — я попытался выдавить из своей речи какую-либо эмоцию, но зелья сделали из меня камень.

— Надеюсь, — ответил Арантеаль. — Искренне. Понимаешь, тогда я был глуп — я гнался за должностью... думал, что она — самое важное для меня. Я думал, что Ирландия не понимает меня, что она забыла, что такое чего-то добиваться... как же я ошибся. Она ведь просто хотела, чтобы у ребёнка был отец... его родной отец, и Высшие об этом говорили.

— Конфликт карьеры и семьи, отцов и детей, — печально констатирую я. — Что ж, история стара как мир. Но ведь ребёнок от Рождённой светом... это же такие возможности? — докапываюсь я. — Она могла тебе потом обеспечить любое место. А Наратзул, — мне кажется это всё большой иронией, — вы бы потом вдвоём остановили бы возможно... восстание против Рождённых светом.

— Ты думаешь, меня эта мысль не терзала? — резко произнёс Арантеаль. — Я это понял... слишком поздно. И спасибо, что тогда вы меня... остановили.

— Ладно, надеюсь, ты ещё встретишь их, — я смотрю на пустыню и поправляю наруч, в который забился песок. — За порогом смерти, они будут ждать тебя. Я надеюсь на то, что это так.

— Ладно, Фриджиан, что ты тут делаешь?

— Я, — на моих губах отягощённая улыбка. — Я хочу забыть. Забыть про то, что было со времён моего пришествия, хочу забыться в битве, переключиться.

— Или ты хочешь, чтобы это была твоя последняя битва, последний день?

— Умереть из-за... ощущений, чувств? Постараться... забыть всё то что с ней связано — да, но вот смерть...

Сзади мы слышали пение, которое отвлекло нас и вселило в сердца уверенности, праведной твёрдости. Это Исаил обратился с воззванием к войскам:

— Господь — свет мой и спасение мое: кого мне бояться? Господь крепость жизни моей: кого мне страшиться? Если будут наступать на меня злодеи, противники и враги мои, чтобы пожрать плоть мою, то они сами преткнутся и падут, — он на пару секунд умолк и продолжил с новой силой. — Если ополчится против меня полк, не убоится сердце мое; если восстанет на меня война, и тогда буду надеяться.

Битва началась, успел только Исаил закончить речь и над полем битвы пронеслось пение боевых труб. Мы, стоящие в отряде первой роты, готовы открыть сражение. Я вижу, как из пелены песчаной бури на нас вышли первые ряды солдат — это смешанная толпа, среди которой можно разглядеть табарды Нерима на пару с рваными одеждами бандитов, не примкнувшись к Велисарю, или их ржавой бронёй. Они движутся на нас неровными рядами, наступая с возвышенности.

— Поднять щиты! — слышится приказ нашего офицера, и мы вздели «укрытия» о которые тут же раздался лязг и биение — вражеские стрелы ударились о сталь и древо; я увидел, как Арантеаль спрятался на коротенькой стенкой.

В ответ наши лучники открыли огонь по готовности и в небо взвевались тучи стрел, осыпавшиеся на голову противника, и кто-то из недругов даже осел на песок. Враг ускорился — теперь орды перешли на бег, и что-то в моей душе неприятно колыхнулось, когда понял, что так они совсем скоро налетят на волчьи ямы. Прошла минута и шеренги вражеских солдат, под небом, закрытым стрелами, нарвались на первые ловушки — воины по одному или два стали проваливаться в небольшие ямы, где их ждут наточенные колья.

Я приготовился, подняв щит и вовремя — противник подошёл к нашим позициям, но прежде он должен преодолеть стену у которой его ждёт ещё один неприятный сюрприз. Ров с кольями предстал пред ним, и воины столкнулись о тяжёлую преграду. Я хватаюсь за метательный дротик и запускаю его в противника. Это же движение выполнили, и воины, стоявшие рядом со мной.

Пронзённые острыми концами снарядов стали падать один за другим в ров, но они не отступали. Снова я слышу крики и вопли раненных, снова по полю боя разносится ода войне — лязг металла и агония. Выдёргивая и ломая колья, по телам, они преодолели ров и бросились на нас неплотными ручейками от которых легко можно отбиться. И всё было бы легко, но для нас тоже подготовили досадный «сюрприз».

К стене полетели мешочки от которых исходили горящие фитили. Я только успел опомниться и выставил перед собой щит, как раздалась громозвучные взрывы и куски дерева поднялись в воздух вместе с тучами песка. Видимо неримцы находили бочки с порохом и поняли, как их применить.

Я резко встал, чтобы встретить врага, который не заставил себя ждать. Через прорывы хлынули толпы орущих противников — по всей линии фронта враг впился в нашу оборону. Мой щит принял удар мечом, потом я оттолкнул врага и «поцеловал» его концом

охлаждающего меча.

Арантеаль обрушил град ударов, которые рассекают вражеские доспехи и обрызгивают песок алым. Его меч, окутанный всполохами жара, окружает хозяина плащом огня — быстрые движения клинка оставляют дорожку пламени.

Враг выпустил боевых магов — на нас упали молнии с неба и огненные шары слетали с их рук. Я закрылся щитом, и три ледяных копья разбилось, так и не коснувшись моего лица. Я раскрылся и сильным поперечным ударом сломал ребро бандиту, а потом отступил, дав Арантеалю прибить его.

Исаил в ответ с посоха отправил в скопище противников поток жаркого испепеляющего огня, которое залило всё inferнальным морем, от которого нет спасения. Враг взвыл, когда утонул в магической ярости, а до нас донёсся смрад горелой плоти и шкур, но нужно продолжать бой, несмотря на тошноту.

Враг продавил нас — вся его огромная масса толпы продвинулась вперёд, по рву, заполнив волчьи ямы, они оказались между далёким соломенно-деревянным валом и нами — половина всей армии оказалась... в нужном месте.

— Нужно. Сейчас! — кричит один из офицеров сзади.

— Лучники! — отдаёт приказ позади нас кто-то. — Поджигай стрелы. В далёкий огненный вал!

Над головами нашими просвистели стрелы, закрыв небо огненной стеной и упали они прямо в тот самый вал, который вспыхнул жарким ярким столбом, разрезав вражеские войска на две части.

Мы с Арантеалем усилили давление. Он поднял противника на меч и скинул его, я отбив выпад краем щита разбил челюсть неримцу и пронзил его ногу. Вблизи стоящие воины быстро его прикончили выпадами копий.

Солдаты Велисария попятились, но не отступили, мы всё ещё стоим на местах. Я закрыв Арантеалю спину щитом защитил его от выпада разбойника, прыгнувшего сзади и откинул его. Затем клинком пробил ему плечо, а холод сковал грудь и заставил его лежать на земле.

Новая волна противников хлестанула из прорыва, когда их спины «подогрел» огонь, а лучники стали бить по ним как по уткам, и нас откинули на пару метров назад мощным ударом; щитами мы прикрылись, в ушах раздаётся звон металла, крики и ор. Враг с новым натиском кидается на нас, бросается на стену щитов, получая в лица выпадами копий и мечей.

— За свободу человечества! — вопят неримцы. — Смерть религии! Слава Нериму! Слава Коареку! Слава освобождению!

— Свободный Эндерал! — ответом стал клич наших воинов. — Смерть подонкам!

Я заблокировал удар топора, который вошёл в щит, затем подтянул врага к себе и парализовал его ногу порезом, сковав её льдом меча. Арантеаль получил по голове скользящей булавой и покачнулся, мне пришлось закрыть его, только от острия алебарды, которая вошла в мой щит. Он, покачнув головой, с новым рвением вернулся в бой, его двуручный широкий меч впился в ряды противников, расписав их кровью.

— Ох, они нас задавят своим неримским мясом! — возмущается рядом со мной стоящий боец.

— Держаться! — кричит командир, который отличается красным гребнем. — Они не должны прорваться!

Отбив пару атак, я делаю пару шагов назад, чтобы мой шлем не пробил алебардист.

Выбравшись из-под щита вижу, что масса нападающих превратилась в одну большую толпу, из которой торчат копыя, драные знамёна и алебарды. Их маги и чародеи оказались зажаты в толпе, всё пытаются сгенерировать ментальные барьеры, чтобы стрелы не сильно досаждали неримцам. Исаил подняв руки в сторону врагов направил огромные массы психической энергии для того, чтобы огонь с его рук упал на первые ряды наступающих. Пожар загорелся за щитом, моё лицо обдуло горячим тошнотворным ветром, в лёгкие проник раскалённый воздух, от которого разболелась грудь.

Опустив щит увидел только кучу обгоревших тел и ужас, дикий страх в глазах, выживших. Приступ тошноты и отвращения настиг меня, когда я увидел, что воинство стало жаренным полем. Я, Арантеаль и ещё десяток воинов решили отбить позиции, с которых нас откинули.

Лучники облили врага стальным дождём, и под свист стрел мы бросились вперёд. Арантеаль снёс первых троих силовым импульсом, а затем его широкое лезвие нисходящим ударом опрокинуло неримца на землю. Его попытались достать алебардой, но я поднял ввысь щит и древко оружия отскочило от верхнего края. Я, соскочив с места, подобно тарану ударился во вражеский строй, оттолкнув нескольких противников и достал мечом по лицу владельца алебарды.

Арантеаль широкими махами отгоняет неримлян и разбойников от себя, уподобив их кровавым мазкам на полотне войны. Его меч крушит щиты, рвёт кожу и разрывает кольчугу — бывший великий магистр окропил местность вокруг себя кровью.

— Прорыв на востоке! — раздались крики, возвещающие, что на востоке оборона треснула. — Правый фланг пошатнулся!

Эта новость ошеломила нас, но не сломала. Линия лучников и баллистариев позади нас стала бить всё ближе к нам, засыпая недруга и первые ряды наступающих рухнули на землю, упав на тела своих бывших «сослуживцев».

— Выпускайте резерв! — приказывает сзади командир. — Переходите в наступление! Сокрушите врага!

Наша линия сильно истончала — мои братья по оружию один за другим падают на землю — единицы, но и этого достаточно. Я смотрю как копьё вбивается в кольчугу солдата, как тяжёлый топор в кровавом вихре дробит кости страже Арка, как алебарда разбивает голову ополченца Солнечного берега словно арбуз. Рассвирепев, направляю хлёсткий замах, попадаю врагу в щит с орлом, потом пинаю его и снова удар, но он закрывается щитом. Мне приходится ложным выпадом отвлечь его, а затем резко сметить траекторию удара и проколоть колено, после чего полосонул его по груди, рассекая одежду и кольчугу. Он, раненный и стонающий попал под меч Арантеаля.

Воины пустыни — смуглые солдаты в твёрдых кожаных жилетах с двумя клинками присоединились к нам, и битва заиграла новыми красками. Они ловкими и выверенными движениями исполосовали наступающих острозаточенными клинками. Став медленно продвигаться вперёд, я поднимаю и опускаю руку в тяжёлых жутких ударах, слыша треск костей, всхлипы и хлопья крови под одеждой.

— Велисарий! Велисарий контратакует! — радостное известие донеслось до наших ушей. — Мы тесним противника!

Даже отсюда я вижу, как воины на конях, с левого фланга взяли превосходящие силы противника в клещи. Ударная кавалерия смяла весь левый бок наступления, размазала его по песку пиками и мечами. Копья вспарывают доспехи, мечи оставляю страшные раны, и враг

не способен устоять перед кавалерийским натиском, окутавшим себя кроваво-пыльной взвесью.

— Вперёд! — заывает Арантеаль, занося меч для сокрушительного удара и разбивая им хрупкий щит бандита, и выпадом пронзая его.

— К победе! — ответили воины и мы пошли.

Воины Эндерала перешли из обороны в наступление — истончённая прогнувшаяся линия стала выгибаться обратно, оцетинившись копьями, мечами и щитами. Я встав рядом с Арантеалем бросился вместе с ним на противника, снова укрывшись за щитом и вздымая песок. Меч опускается и поднимается, кромсая и рассекая доспехи, клинки сталкиваются о моё оружие, но парируя, сам наношу жуткие раны.

Знаменосец появился среди нас — воин в сияющих доспехах со знаменем и длинным клинком на перевес. В душе что-то колыхнулось, воспаряло и осветилось. Доспехи и щит кажется потеряли вес, а меч стал весом с пёрышко, который я направляю в противника, обхожу его защиту и подсечным движением роняю его.

— За Эндерал! — раздаётся клич идущих за знаменем. — Свободная страна!

Арантеаль широким горизонтальным движением меча отогнал пятерых неримлян, и воины бросились на них. Толпа вражеского строя дрогнула — мы клинками и копьями прорезаем себе путь, кавалерия опрокинула фланг. Кажется, что победа близка.

Но на поле боя появляется новый воин, который ведёт атаку по центру — он должен стать тем, кто прорвёт нашу оборону. Это вояка ростом в два метра, вооружённый массивным боевым молотом, за спиной колышется двуручный меч. Его тело блестит от количества брони, которую он на себя нацепил, нагрудник украшен гравировкой в виде одноглавого орла, а на шлеме трепещут перья чёрного цвета.

Один из наших кидается на него, однако боевой молот ломая рёбра отправляет того в песок, а затем могучий враг вторым ударом пробил щит второго и тычковым ударом выбил дух из третьего. Это остановило наше продвижение и два ряда воинов встали друг на против друга в напряжённом ожидании развязки.

Я делаю выстрел из «громыхателя», но тщетно — пуля просто оставила вмятину и выбила сноп искр, но воин продолжает идти.

— Вперёд воины Нерима! Мы несём безверье! — зарычал воитель. — Окутаем из тьмой!

— Не отступать! — призывает Арантеаль. — Будем стоять насмерть!

Вокруг меня снова загорелась битва, и Исаил попытался прибавить к жару — огонь с его посоха шипящей змеей ударяет в броню великана, но он, невидимый продолжает двигаться и только орёл зацвёл красным на его латах, говоря нам о том, что его броня защищена зачарованием. Враг даже не сбивается с шага.

Арантеаль набросился на него и стал его рубить, но доспех только пополняется царапинами. Его воины, окружавшие «великана» — с панцирями вместо кольчуг кинулись на нас, и мы встретились мечом к мечу, щит к щиту.

Откинув мощным ударом ладони наотмашь Арантеаля, это существо продолжает идти к нам спускаясь по склону. Молотом он дробит кости и мнёт броню, оставляя смертельные раны. Вопль и агония, кровь и пыталки окутали его ореолом ужаса.

Я, подобравшись к колоссальному врагу, хватаюсь за второй «громыхатель» и стреляю. Пуля должна была попасть ему в голову, но поднятое древко молота изменило траекторию. Молот превратился в булаву, которую воин швырнул со страшной силой и угодил в голову

нашему воину.

— Да что же ты! — кричу я выходя на одну линию с воином, который сорвал со спины двуручный широкий клинок и встал в боевую стойку.

Я пытаюсь его снести с ног впечатавшись щитом в корпус, но он стоит на месте, только хватает моё «укрытие» и срывает. Вынужденный с ним расстаться, чтобы мне не выдернуло руку, отхожу назад и готовлюсь принять удар. Арантеаль вовремя подскочил ко мне и одаривает противника выпадами, но его клинок скользит по доспеху, не причиняя вреда. Мой меч лишь царапает нагрудник, и я пытаюсь добраться до сочленений, но латник резким разворотом отгоняет нас.

Его рука, закованная в сталь, кулаком ударяет под дых с глухим звоном и боль разлилась по груди, но я стою, качаясь и пытаюсь не упасть. Арантеаль удар за ударом ковыряет латы «великана», пытается преодолеть его защиту, острое проходит под наплечник, и враг обхватывает рукой лезвие Арантеаля, сгибая его недюжинной силой.

Подбежав, начинаю рубить по наручам и перчаткам латника, магия передаётся на доспех раскаливая его. Вражеский воин взревел и оплеухой отправил меня на землю, звон овладел ушами и головой.

Покачнувшись, снова пытаюсь атаковать, вбить меч в глазной разъем его шлема, но оказываюсь недостаточно бдителен. Арантеаль был откинут и клинок, который почти ростом в меня пронзает моё тело. Печаль вместе с холодом стали почувствовались внутри, я ощутил, как сталь скользит через доспех и кровь хлещет под пробитым доспехом. Тут же воин снял меня с него, и пошатнулся назад. Слабость, невероятная хандра стала вторгаться в руки и ноги, в голове стало мутно и на краях обзора появилась пульсирующая тьма.

— Фриджиэн! — закричал Исаил и направил в воина массивную волну электрической энергии, откинувшей великана прочь, и от соприкосновения о магию доспеха чар клирика выбило засыпавший нас ливень искр.

Исаил попытался подбежать ко мне, на его руках уже сияет тепло целительной магии, но ему приходится уйти в защиту. Вражеский колдун атаковал его разрядами молний, и клирику приходится с ним вступить в дуэль.

— Уходи дурак! — кричит мне Арантеаль, схватив за плечо, но его слова превратились в нечто второстепенное.

— Нет, — держась за него и марая его наплечник кровавыми мазками, — я не отступлюсь.

— Ради чего, Фриджиэн? — спросил Арантеаль, поднимая меч и устремляя его в сторону врага.

— За Эндерал, — вязнувшим холодеющим языком твёрдо я говорю. — В последний раз.

— В последний раз, — хлопнул меня по плечу Арантеаль. — Вместе.

Мы опять атакуем, но массивный ратник плечом опрокидывает Арантеаля и пытается его зарезать, но я колющим ударом вгоняю меч в пояс врага и кажется, что он прошёл за доспех. Серебряное кольцо — возможно его магия только и держит меня на ногах и исцеляет рану, но и оно не способно полностью избавить меня от смертоносного ранения. Мои удары стали слабее, перемещения медленнее.

Клинок лязгает о доспехи, пытаюсь залезть в глазной проём, но враг отмахивается от меча, как от мошки. Я даже не могу разрезать его латную броню на руках. Помедлив, тут же получаю кулаком в челюсть и не устояв, падаю на песок, с трезвонящей главой. По моему лицу стекают ручейки тёплой крови, царапается песок, боль уступает холоду.

Я переворачиваюсь и ощущаю, как правую руку придавил тяжёлый металлический сапог. В пальцах раздаётся хруст и в мутнеющем взгляде замечаю, как клинок заносится для последнего удара... не могу пошевелить ею. Я... я подвёл Велисария.

Мертвые — они повсюду и кажется, что скоро стану один из них... битва, она скоро закончится, но я не увижу её конца. Чёрная волна ненависти захлестывают мою душу вместе с холодом смерти, и ничего не могу сделать. Этот враг... он перебьёт ещё множество наших, меня покидают последние силы.

Но! Это не может всё кончиться просто так, я не могу это просто так оставить. Направив вспышку гнева в левую руку поднимаю и срываю с пояса последний «громыхатель», заряженный пулей Конана. Меч уже начинает движение ко мне и резким движением поднимаю дрожащую слабую руку и давлю на крючок. Мы пропали в облачке пороха и когда его унесло ветром, узрел, что меч врага опущен, горло пробито — кровь стекает по груди ратника, его руки опущены он, в последних конвульсивных движениях пытается поднять оружие, но не может. Арантеаль набрасывается на него, но не убивает, и тот могучий воин продолжает сражение.

Я, сквозь мутнеющий взгляд с восхищением наблюдаю за битвой двух мастеров меча. Арантеаль пытается поразить его в раненный подбородок, но массивный латник устало отбивает его выпады, контратакуя и пытаюсь поразить бывшего магистра в лицо. Парировав атаку, Арантеаль ударом в грудь заставил покачнуться противника, но тот поднял и опустил свой смертоносный клинок, вспахав им песок при ударе, попав в то место, где раньше стоял Арантеаль. Бывшему магистру надоело это, и он бросился вперёд. Мощный нисходящий удар пришёлся на наруч и раздался смачный звук треска кости, а правой рукой Арантеаль направил острие меча в отверстие от пули и прорезав сталь пробил доспех и вогнал клинок в щель. Выдернув меч, Арантеаль отошёл назад, дав могучему воину упасть на песок, обволочься в него. Армия врагов, увидев, что их могучий воин пал, дрогнула сердцами, впала в замешательство, и воины Эндерала перешли в контрнаступление по всем фронтам, но я уже не увижу победы нашей.

С радостью от того, что мы выиграла, я перевернул себя в сторону Арантеаля, которого вижу через угасающее зрение в виде размытого пятна. Он подбегает ко мне и что-то говорит, я же пока слышу его слова пока не потерял сознание:

— Ты совсем плох. Тебе нужно в лазарет.

Внезапно все мои сознательные чувства обострились, и увидел, как возле бывшего верховного магистра собирается облачко чего-то красного и эфемерного. Остальные воины этого не могут углядеть, но то, что моя душа медленно отходит от тела, которого я всё больше не ощущаю, даёт мне отчасти зримость духовного мира.

— Арантеаль, — мысленно обратилось существо, которое почему-то я хочу назвать «высшим». — И здесь ты проиграл. Ты не спас этого паренька. Так же, как и не смог уберечь свою плоть и кровь от ошибок, — существо прокрутило перед душой Арантеаля старые картины прошлого — как он отказывается от ребёнка перед высокой светлолицой и темноволосой женщиной, затем идёт бой, и он сражается с кем-то, кто немного на него похож; я увидел все те картины боли и стыда, которыми Арантеаля стегают и понял, что тварь помыкает им через чувство вины. — Ты даже не смог добыть «нуминос». Ты везде проиграл.

— И что же мне делать?

— Возьми меч и сам покончи со всем этим, — стало убеждать существо. — Оставь этот

мир, ибо его ты уже не изменишь. Ты проиграл везде и всюду, так умри же.

— Но ведь есть ещё светоч.

— Светоч-чь, — прошипело существо. — Ты уже ничего не сделаешь.

— Да, — воин поднялся на одно колено. — Есть ещё шанс вас остановить.

— Ар-Ара-ант-еаль, — собрав все силы в кулак, стал хрипеть я. — Теб-бя дурят. Вс-всё у-уже сд-сделано.

Я увидел, что мои слова будто прошибли его, и он понял, что большую часть жизни сражался не за мир и Рождённых светом, а против чувства вины, которое пожирало его душу. Защита «богов» стала для него способом показать, что он хороший воин, но когда они пали, поиски искупления привели его в войне с «Высшими», где он продолжал силиться доказать, что в самый последний момент может что-то изменить, покрыть все ошибки и тем самым сказать — «я этой победой искупил всю свою вину». Но это был обман, что Арантеаль и понял.

Но существо не отступило, став ещё сильнее давить на бывшего магистра. Так могло бы продолжаться вечно, если бы не второе создание духа... это яркий ослепительный концентрированный свет, утешающий и возвещающий о Ком-то великом. Он своим присутствием изгнал эту тварь и отстранённо слышу, как возле меня раздаётся глубокий выдох облегчения и звучат слова:

— Я сдамся, — повержено ответил Арантеаль, отбросив меч; до бывшего магистра в пылу победного наступления особо никому и дела не было. — Пора смириться со всем. Если меня казнят, то пускай.

Кажется, я больше ничего не увижу и не услышу. Мне же тяжело... я чувствую во рту горечь и вкус железа, багровая влага заиграла на моих губах. Досада обвивает сердце — я ведь больше не посмотрю в прекрасные глаза Лишари, не поговорю с друзьями. Ранение..., наверное, это смерть... я слышу уже пение, приятное сладкое пение литаний... я вижу свет, ослепительный яркий свет, от которого исходит тепло. Я не испытываю боли. Я чувствую яркий рассвет и переживаю лёгкость. Кажется... это завершение моей жизни.

Глава 27. Finem Fabula

Глава 27. Finem Fabula

«Час свершения войн пришёл. Так прошу же Тебя, позволь народу сильному, греться под светом солнца Твоего, ибо они показали себя верными, сильными и благородными. Ты, Творец, — свидетель мой. Это конец»

— Из книги «Предание».

Спустя два дня. Храм солнца.

Мне кажется, что прошло несколько мгновений, пара мигнов в которых видел всю свою жизнь, зрел свет, приятное тёплое синие, прежде чем очнулся. Сначала пришла боль — в груди, в руках и ногах, а затем вдохнул настолько глубоко насколько можно было. Действие отдало болью в голове, и я попытался открыть глаза, но перед очами вместо света всё заполнила темнота, которая медленно стала рассеиваться.

— Про-проклятье! — прохрипел я, пытаюсь понять где, что произошло и что со мной... чувствую боль, ощущаю ломоту в костях и у меня кружится голова — значит я всё ещё не умер.

Я пытаюсь поднять торс, но не могу — слабость в теле не даёт мне это сделать, а затем мне на грудь ложится жилистая рука и спиной я опять чувствую мягкую постель и подушку.

— Лежи смирно, — звучит предостережение.

— О'Б-Брай-йенн, — хриплю я, по голосу узнавая парня.

— Да. Скажи спасибо санитарам в походном вашем лагере. Если бы тебя туда не оттащили и не оказали первую помощь, мы бы с тобой снова не говорили, — дальше звучит фраза, исполненная упрёком на пару с удивлением. — Два раза ты тут и эти разы ты едва не погиб. То ли ты очень глупый, то ли очень смелый.

— Бит-тва... Велисарий... Дюн-ное, — простонал я, надеюсь узнать что-то о них.

— Давай всё позже, — О'Брайенн протянул ко мне руку, и я ощутил на затылке его ладонь, он мне помог приподняться, а к губам поднёс бутылёк с зельем; раствор влился мне в горло пылающей горькой волной, в тоже время дарующей покой и быстрое освобождение от садни в теле. — Тебе нужен отдых, я думал, что мне не удастся тебя вытащить.

— С-спасибо, — тяжело выговорил я, и расслабился на постели.

— Да и, та девушка, которую ты спас. Она очень сильно о тебе беспокоилась. Я даже думал, дать ей двойную порцию концентрированного экстракта сон-травы.

— Ты... не-не м-может эт-этого быть, — не верю я.

— Это так. Я не знаю, что там между вами случилось. Для меня это либо холодный расчёт... вдруг ты ей денег должен, либо химия, но признаю, что есть нечто большее, чем игра веществ в организме. Ладно, набирайся сил.

Наверное, минут пять пролежал в тиши и покое, пока в лазарет кто-то не прошёл. По комнате разлетелось лёгкое шуршание обуви. Моя голова повернулась в сторону входа, болезненные чувства почти отступили, и увидел, кто осторожно подходит ко мне — это девушка в зелёной кожаной одежде — облегающая штопанная на животе куртка, тёмно-оливковые штаны и сапоги до колен. В моих глазах ещё сохраняется полутьма и зрю только длинный тёмный волос, обрамляющий прекрасное лицо и глаза карего оттенка. Она, мягкой осторожной походкой подступает ко мне, а с её губ слетает вопрос:

— Ты как, родной? — в её фразе, мне показалось, есть теплота, непривычная мягкость,

а затем я узнаю Лишари. — Что б, тебя, зачем ты туда поперся? Ты же мог сгинуть, как те «божественные» засранцы.

— Я... я..., - замешательство сковало мой язык. — Разве для тебя это важно? Разве играет роль?

— Идиот, ой идиот... важно же, — Лишари подошла к подоконнику и ловким движением распахнула окно, через которые дунули массивы свежего воздуха. — Ты... спас меня тогда, ты не презирал меня за то, что я «дикая».

— Да и сейчас мало кто будет, — вспомнил о недавнем «заседании». — Только пройдёт пару-тройку лет и люди смиряться с этим.

— Сейчас не об этом, Фриджи, — дама обратила своё лицо к окну, откуда ударил лёгкий ветер, растрепавший её волос, а каждая буква в её речи пронзилась натужностью и сокрытой болью. — Ты мне... важен. Прости... после Карима... после того что случилось, мне трудно об этом говорить.

— Может тогда...

— Подожди. Я понимаю, что ты чувствуешь ко мне... знаю. Только человек с треклятым холодным расчётом либо с дурманом из чувств мог сделать для меня то, что сделал ты. Скажи, что ты ко мне чувствуешь? Фриджи, да и твои те вопросы... о качествах.

— Да, Лишари, — наконец-то выпалил я, уже не сдерживая то, что чувствовал к ней — и мысли, сердечные веяния, стали словом, которое я, преодолевая далёкую боль в груди, передаю девушке. — Ты мне нравишься.

— «Нравишься» — как-то слабовато для того, кто ради меня, нашёл пакостно-редкий гриб. Что б продлить существование, пошёл на нарушение приказа своего командира. Это нифига не про «нравится».

— Понимаю, к чему ты клонишь, — я попытался приподняться немного, но слабость всё ещё отягощает моё тело, но на выручку пришла Лишари — взявшись за её руку, подтянулся и смог опереться спиной о стену. — А ты сама? Кто я для тебя? Просто друг, которому можно зачаровать меч? Или некто больше?

— Я... мне трудно после того, что произошло. Это предательство... с Каримом, будь он проклят... но да, больше, чем просто друг.

Радость и воздушность души от её ответа поселились во мне, возвышенное чувство, когда ты готов горы преодолеть.

— Ладно, расскажи, что сейчас творится в мире? — спросил я, решив сменить тему, понимая, что от этой Лишари не совсем приятно. — Что там с Исаилом, Гаспаром и Велисарием?

— Теперь твой друг Исаил — глава новой церкви Всевышнего, а затворник Гаспар стал главным техником Союза. Он сейчас где-то в Дюнном руководит постройкой чего-то вроде оборонного предприятия. А Мерраджилль продолжает работу над светочем. Говорит, что скоро мы его можем включить и изгнать нафиг этих высших.

— Ох, высоко забрались. А Велисарий? Что с ним?

— После его решительной победы в побоище у Дюнного, Высокий Сенат избрал его Консулом. Он вот-вот должен начать читать речь на рыночной площади перед людьми.

Мои губы расписала улыбка, хоть она и отдаётся болью в шее. Я рад, чудесно рад тому, что всё так разрешилось с Лишари, что мы победили и что всё так заканчивается.

— Ох, как бы я хотел её услышать, — тихо говорю я.

— Не бойся, — Лишари вытащила из небольшой сумки серебряную тарелку, которая

закована в сверкающую рамку, с тремя волнообразными лучами в сторону и положила предо мной. — Я знала, что тебе может быть интересна его болтовня, поэтому у трибуны на рыночной площади кинула серебряное блюдо. Да и Велисарий был не против, чтобы ты мог услышать его речь.

Я вспомнил об этих штуках и восхитился её продуманности — блюда использовали, чтобы подслушивать чужие разговоры или для связи на дальних расстояниях. Она положила устройство рядом со мной и от прохладной начищенной поверхности послышался звук, это слова, которые доносились к нам с небольшой прерывистостью:

— Наилучшего предводителя в данной обстановке нельзя и представить, — кто-то обратился к Велисарию. — Выдернуть Эндерал из рук нежити, разбойников и неримских отступников, и преподнести его Высокому Сенату на блюдечке, создав единый Эндеральский Союз. Узнав о планах Высокого сената насчёт тебя я не удивился. Ты ведь герой битвы за Арк, не говоря о твоих успехах в битве при Дюнном. О том, как ты усмирил то восстание «Вольного народа Арка» даже и не стоит говорить. Велисарий, ты, наверное, сейчас единственный полководец, который способен повести его народ к победе. Но ты помни, что в руинах Эндерала может таиться любая дикость и может произойти всё, что угодно. Но ты помни, что Высокий Сенат и народ верит в тебя. Удачи, Велисарий.

После этого никто не говорил, только был слышен шум толпы далеко на фоне и шаги. По голосу я слышал, что его нахваливать может кто-то из знати.

— Хах, — усмехнулась девушка. — Видимо он ещё не говорит к народу.

Спустя минуту приготовлений, мы наконец-то услышали его пламенное воззвание к народу, который по-видимому заполнил всю рыночную площадь:

— Мои друзья, братья и сёстры, не так давно смотря на Эндерал, где жил мой отец, взирая на свою любимую родину, я видел страну на грани уничтожения. Мы не атаковали, а только стояли в обороне и медленно погибали. Мы не жили, а вели жалкое существование, отдав наш дом псам. Мы позволили нашей родине гореть! Но всё ещё не потеряно, мои братья и сестры. Но не всё потеряно до конца! Наше объединение, наша цель возродить древнюю мощь, зажигает надежду на прекрасный мир. Объединив все силы и земли под единым знаменем и с помощью Золотого серпа и банка, мы создадим новую силу, мы сотворим новых воинов для новых сражений! Мы выкуем для них новую броню, дадим в их руки совершенное оружие. Наша новая страна, новая армия превзойдёт всё что было раньше. Не ополчение, не жалкие горстки воинов, но целые полки встанут на защиту нашей родины. Мы — наследники великого прошлого, наследники мёртвых божественных пророков — и мы не отступим. Воинам, которые всё ещё сражаются, мы пришлём нашу помощь, дабы сокрушить врага. Нашу страну ждёт великое возрождение! Всем врагам, губителям моей родины, мы несём гибель! Нежить, разбойники, мятежники и повстанцы — все они узнают гнев наших армий. Эндерал готов к возрождению!

— Мощную речь задвинул, — с иронией сказала Лишари. — Ничего не скажешь. Теперь он будет заправлять в стране... какой быстрый скачок от мятежника до правителя.

— А что со Святым орденом? Арантеаль? Коарек? Апотекарии?

— Тише-тише, а то так можно подавиться, — девушка отошла от окна и присела рядом со мной. — Да что будет. Собрались вчера «высокие» мужи, да решили, что теперь место его в этом Храме, будет он охранять нас от зла. Да, теперь он вместе с Лигой Апотекариев имеет своего представителя в вашем Высоком Сенате. Ах да и подружку «пророка» вроде выбрали в магистры.

— Чудесно, — я слегка поморщился от боли в руке. — А что с Арантеалем?

— После того побоища, Высокий Сенат снова засядет на суд Арантеаля. Будут решать, как казнить или казнить вообще, ведь это он поднял солдат по центру. Говорят, он хотел всех нас загнать в могилу и спасения ему не избежать, но кто знает? Может снова дёру даст из тюрьмы, как было в Нериме.

— А Коарек?

— Его было решено отправить на север. Теперь его тюрьма — тот пирийский храм, где вы морозились. Велисарий заключил перемирие с Неримом взамен на то, что Коарек останется жив и через год или два его выпустят, — внезапно голос девушки стал гневнее. — Вот проклятые политиканы, этот уродец разрушил пол страны, перебил кучу народа, а его на год.

— Не бойся, — я устало улыбнулся. — Велисарий всё продумал. Там на морозе... он больше полугода не протянет.

— Я надеюсь, но эта слабость духа. Она просто выводит, — Лишари на пару секунд примолкла. — Убила бы этого уroda.

— Лишари, — бережно называю её имя. — Ты не хочешь пройтись до таверны, когда я поправлюсь?

Я увидел, как на её губы еле заметно дрогнули, она положила свою тёплую ладонь мне на руку, только собравшись говорить:

— Я... - слышались шаги со стороны лестницы, и она отняла ладонь от моей руки.

В лазарет прошёл ещё один человек. На нём я вижу синюю куртку, кинжалы на поясе, его светлый волос немного оттенён, а также он немного прихрамывает. Войдя, он подошёл к стулу и уселся на него, став говорить:

— О, Лишари, так и знал, что ты будешь здесь. Не удивительно.

— Дже-ес-спар, — помедлил я. — Пройдоха, что ты тут делаешь?

— Магистр Мерраджиль вызывает Лишари к себе. Он сказал, что у него есть новые сведения по работе над светочем.

— Понятно, — сказала девушка. — Я скоро подойду.

— Джеспар, — я протянул наёмнику руку. — Помоги мне подняться.

Наёмник встал со стула и подковылял ко мне. Взявшись за его ладонь, я потянулся вперёд, тупая боль напомнила о себе, но я смог подняться. Мне предстала картина моего израненного тела — весь торс перебинтован, под ним тёмно-багровые примочки. Тут же я разворачиваюсь и свешиваю ноги, легко почувствовавши холод плитки под стопами. Резким движением я хотел подняться, но наёмник мне положил руку на плечо.

— Я бы этого не делал, — предупредил Джеспар. — О'Брайенн говорил, чтобы ты лежал. Я с ним согласен... тебя еле вытащили с того света, Лишари нас едва не сгрызла. Так что просто посиди, а потом не вставай с кровати, если не хочешь, чтобы тебя потом опять шпопали.

— Что ж, — испытыв усиливающуюся боль, я согласился с ним, — ты прав.

Джеспар подобрел к распахнутому окну и взгляделся в него, став рассуждать:

— Вот сейчас прекрасно на Киле. Фриджидиэн, вот чтобы было, если бы вы с Велисарием остались на острове? — Я содрогаюсь от одной мысли, что со всеми нами могло бы произойти... «очищение», бр-р-р. Мы бы все сторели в нём и Высшие снова одержали бы победу... как и было раньше в истории. Нас же вели по намеченным тропам.

— Мы, — хрипя я стал говорить. — Сами определяем свою судьбу, — чтобы отвечать

дальше, я собрал в мысль всё что помнил о событиях, которые прошли между нами. — Высшие, или как их там, они хотели... они поселили гордость в том «чуде» из Нерима и Арантеале, полностью приковали их внимание к себе и желанию остановить разом, избавиться как можно быстрее, и они поймали их.

— А я то думал, что скоро мои мучения с этим всем закончатся.

— От таких существ так просто не избавиться. Хотя, сделай Арантеаль шаг вправо или влево от намеченных планов, то всё — плану Высших настал бы конец. Один шаг в сторону... и всё. Но это как в истории с ослом — вперёд морковку, и он идёт за ней по пути, который вы для него определите.

— Интересно, почему эти Высшие на вас никак не отреагировали? — спросил Джеспар. — Как так?

— Не знаю... тут я не понимаю, — снова откинулся на кровать, так как сидеть мне становилось больно. — Лишари, я понимаю, ты ненавидишь религию, но может быть Тот Бог, к Которому мы обратились, действительно нас защищает от них?

— Не знаю, — выдохнула девушка. — Может эти Высшие просто не взяли вас в расчёт? Может они не видели в вас угрозы, пока вы не оглушили Арантеаля?

— Что-что, а дел у нас сейчас по горло, — Джеспару наскучило смотреть в окно, и он его закрыл, снова сев на стул. — Понятно, что мы сами определяем судьбу. Но я всё думаю, что было бы если бы Рождённые Светом остались живы? А ещё раньше — Арантеаль не бросил бы своего ребёнка? Может и не случилось всего этого паскудства?

— Была бы тирания и террор, — сказала дама.

— Согласен. Ладно, я вас оставляю двоих, меня ждёт работа. Лишари, не задерживайся.

— Хорошо.

Джеспар встал со стула и направился к выходу, напоследок бросив на нас вдумчивый взгляд.

— Лишари, так как насчёт сходить в таверну? — я улыбаюсь. — Заплачу за бренди или вино. Знаешь, у меня друг теперь Консул Союза, и думаю, он подкинет пару монет за работу. А потом можем... осмотреть какие-нибудь пирийские руины.

— Заманчивое предложение, но ты не знаешь, на кого ты работаешь. Ведь твой Орден храмовников расформировали. Теперь ты... считай безработный.

— Ничего, думаю, Велисарий поможет мне с трудоустройстве, или я помогу тебе в работе над светочем. Неримлян остановили, теперь пора заняться врагом посерьёзнее.

— Да-а, — задумалась Лишари. — Кольцо... Фриджи, помимо того, что ты носился ради меня по пещерам, О'Брайенн рассказал мне, что это был там, в «Кочевнике», что ты меня спас ценой своей левой и то, что кольцо, которое ты мне подарил предрешило... я не умерла тогда благодаря тебе. Я безмерно тебе благодарна, — Лишари ладонь руку мне на руку. — Я прошу тебя, скажи, а что ты тогда делал в «Кочевнике»?

— Смешно, не правда ли? — я запрокинул голову. — Я, я, когда узнал, что ты встречаешься с протее Арантеаля... я просто хотел убедиться, что между вами ничего нет. И всё.

— Приревновал?

— Да, честно отвечаю я. — Я только хотел убедиться, что между вами ничего нет и всё... и всё.

— И благодаря этому, я осталась жива.

Я глубоко задумался о том, что произошло, вспоминая самого себя несколько дней тому

назад. Грезящий только о благе родины, недолюбливающий «диких» магов, разбойников и глядящийся на Лишари как на заносчивую девушку человек сильно изменился и что же, какие чары меня так изменили? Теперь идея о благе для родной земли уступила место иному чувству. Теперь моя душа не беспокоится по тому, что на службе у Союза бывшие кочевники и разбойники, только бы они соблюдали законы. А Лишари... для меня теперь она человек, с которым охота проводить время, общаться и даже больше, намного больше.

«Что было бы с этим миром, если бы мы тогда остались в Святом ордене и не шевелились?». Ответ очевиден — мир сгорел бы в огне очищения, и всё. Значит ли это то, что только расколу мы обязаны? А если бы Святой орден смог защититься от очищения и изгнать тех, высших, то всё равно — Эндерал был бы в руках Нерима и его ждала бы участь хуже очищения — террор и насилие. Не раскол, но возмущение бездействием, смирение, отвращение от цели «остановить апокалипсис» и обращение к более приземлённой миссии спасения родины, жертвенность и готовность сражаться до конца — вот что повлияло на ход истории. Я рад тому, что всё так закончилось — Эндерал в относительной безопасности, а рядом со мной сидит Лишари в тёмных глазах которой теряюсь, нахожу в них для себя утешение, и избавление от всех тревог. Смотря на неё, меня пронизывает удивительное ощущение покоя, и внутридушевного тепла.

— Что ты такой весёлый?

— Знаешь, я попросил у Бога воды, он дал мне море, я попросил у Бога травы, он дал мне поле, я попросил у Бога Ангела, он дал мне тебя.

— Религ... а ладно! — ответ Лишари слал для меня радостью. — Как только выздоровеешь, я готова с тобой пройтись, хоть в таверну, хоть на чёрного стража. Только поднимайся на ноги скорее.

Я стал спать. Отдых... по всему телу разливается приятное чувство освобождения и расслабления, а в душе расцветает благоухающий цветок покоя — умиротворение наполняет каждую клетку моего тела, подобно тому, как запах розы наливается в комнаты. Охолодевший долгими боями, зрелищами кровавых боёв и политикой, меня ранение увело на покой, который честно заслужил... и который мне жизненно необходим.

Да, есть ещё и Тёмная долина, и Золотой лес, Западные горы, Шепчущий лес и Тальгаард, которые так и ждут восстановления порядка, но кто это сделает? Кто сможет восстановить порядок в этих регионах? Пока, мне до этого нет дела, но я чувствую, что скоро найдётся тот, кто сделает.

Больше книг на сайте - Knigoed.net